

С.И. Антонова

Воспоминания советского человека

ВСЬ
МИР

*80-летию создания
исторического
факультета МГУ
посвящается*

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ
Лаборатория истории культуры
Комната боевой и трудовой славы

С.И. Антонова

*Воспоминания
советского
человека*

Издательство «ВЕСЬ МИР»
Москва
2014

УДК (470)“19/...”

ББК 63.3(2)6

А 72

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ТРУДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА

65

СЕРИЯ I. ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

6

Редакционный совет:

д.и.н., проф. С.П. Карнов (председатель)
д.и.н., проф. Л.С. Белоусов, д.и.н., проф. Н.С. Борисов,
д.и.н., проф. Л.И. Бородкин, д.и.н., проф. А.Г. Голиков,
д.и.н., проф. Ю.С. Кукушкин, д.и.н., проф. Л.С. Леонова,
к.ф.н., доц. Л.П. Лобанова, д.и.н., проф. Г.Ф. Матвеев,
А.Н. Матвеева, д.и.н., проф. С.В. Мироненко,
д.и.н., проф. Е.И. Пивовар, д.и.н., проф. А.В. Подосинов,
д.и.н., проф. С.Ю. Сапрыкин, д.и.н., проф. В.В. Симонов,
к.и.н. Г.М. Степаненко, д.иск., проф. В.С. Турчин,
д.иск., проф. И.И. Тучков, д.и.н., проф. Д.А. Функ,
д.и.н., проф. В.Л.Янин

Печатается по решению Ученого совета исторического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова от 18 декабря 2013 г. (Протокол № 6)

Работа осуществлена в рамках гранта РГНФ, № 07-01-00223а.
Издание осуществлено при поддержке Фонда «Наш Исторический»

Составление и научная подготовка издания:
В.П. Богданов, Н.А. Высоцкий, А.А. Крутолапов,
Ю.А. Мошков, Е.О. Ягодкина, А.Е. Яковлева

Рецензенты:

О.И. Величко — д.и.н., ведущий научный сотрудник Института социологии РАН
В.П. Пушков — к.и.н., старший научный сотрудник
исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Ответственные редакторы:
В.П. Богданов, Е.О. Ягодкина

Серафима Ивановна Антонова и ее воспоминания

Имя и труды Серафимы Ивановны Антоновой (11.8.1909 — 29.1.2007) — историка русского пролетариата, источниковеда — хорошо известны специалистам. Сфера ее научных интересов охватывала историю России конца XIX — начала XX века, проблемы рабочего движения, различные аспекты источниковедческого изучения периодической печати и статистических источников этого периода. Но была и другая тема, которая ее волновала и занимала на протяжении всей жизни — Великая Отечественная война. Да и могло ли быть иначе, если Антонова, как и многие молодые люди ее поколения, студенты, ушла на фронт добровольцем, а демобилизована была лишь после тяжелой контузии. Война наложила глубокий отпечаток на всю ее жизнь. Не случайно именно Антонова стала инициатором создания Комнаты боевой и трудовой славы исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Серафима Ивановна прожила долгую жизнь — почти столетие! И этот личный век вместил в себя не только две мировые войны и войну гражданскую, не только революции, но и всю свершившуюся историю Советского Союза — государства, коммунистическим идеалам которого она оставалась верна до конца жизни. Впрочем, судьба Антоновой похожа на жизни миллионов советских граждан. В повседневной жизни многодетной крестьянской семьи, в которой она родилась, мало что располагало к будущей научной деятельности. Но благодаря своему рвению и природным способностям, она смогла окончить главный вуз страны — Московский университет — и в течение более 60 лет работать в его стенах. Все это отражено в ее мемуарах.

Примечательно: С.И. Антонова, будучи источниковедом еще «доконьяченковской» школы (она демонстративно подчеркивала, что не разбирается в технике и в современных методах), оставила после себя источник самого современного типа — устные воспоминания. В ее домашнем архиве оказалось 35 полуторачасовых кассет, частично или полностью записанных¹. Записи были сделаны студенткой отделения искусствоведения 1998 года поступления Александрой Яковлевой. Вот как рассказывает сама Александра о своем знакомстве с Антоновой, ее идее создания устных воспоминаний и процессе записи:

«С Серафимой Ивановной я впервые встретилась в 1999 году у экспозиции, посвященной фронтовикам — студентам истфака. Я читала один из самодельных плакатов, которые регулярно изготавливались в КБС, когда она ко мне подошла. Мы разговорились. Она рассказала о девушке, которой был посвящен плакат — ее близкой подруге, Лизе Шамшиковой, героически погибшей на войне. Вместе с ней я зашла в КБС, мы выпили чаю, поговорили. Я спросила, записаны ли ее воспоминания — они мне понравились, живые и яркие. Серафима Ивановна сказала, что попытка была, но реализовать запись не удалось. Я предложила возобновить запись, она сказала, что подумает об этом. Спустя некоторое время мне удалось добыть диктофон, о чем я сообщила Серафиме Ивановне. Она была рада, мы встретились в КБС и сделали первую запись, посвященную ее работе в Китае. Затем записи велись регулярно, в зависимости от самочувствия Серафимы Ивановны. Записи в общей сложности мы вели три года.

Часть записей была сделана в КБС — первые две-три, остальные писались у Серафимы Ивановны дома, куда я приезжала в библиотечный день или в выходные. Серафиме Ивановне случалось болеть, поэтому были перерывы. Обычно я приезжала к обеду — я помогала накрыть на стол, мы кушали, пили чай, потом шли в комнату, где садились за круглый стол напротив друг друга, я заправляла кассету и свежие батарейки, какое-то время мы записывали — иногда одну сторону, иногда обе. Кассеты я оставляла у Серафимы Ивановны. После записи, если Серафима Ивановна хорошо себя чувствовала, я читала ей газету — сначала заглавия статей, она выбирала из них интересные, которые я читала затем вслух целиком. Мы обсуждали статью, какие-то последние события. Затем Серафима Ивановна давала мне деньги на батарейки для диктофона и новую кассету — а спустя года полтора после начала наших встреч регулярно небольшую, но значимую для меня сумму “в помощь за работу”.

¹ Теперь они хранятся в архиве Комнаты боевой и трудовой славы (далее для краткости КБС) исторического ф-та МГУ. См.: Архив КБС. Ф. «Антонова». Кассеты.

Кассеты я подписывала сразу — в начале беседы. Серафима Ивановна всегда тщательно готовилась к записи, поэтому объявляла мне тему, я записывала название на кассету, вставляла кассету в диктофон — начинала запись. Иногда Серафима Ивановна просила остановить запись, давала какие-то личные комментарии, мы беседовали какое-то время, потом запись возобновлялась. Отношения с Серафимой Ивановной у нас были очень личные. Если можно говорить о дружбе людей с такой разницей в возрасте, мы дружили.

Одними из последних были записаны воспоминания о личной жизни Серафимы Ивановны — в тот раз я приехала к ней в подмосковный санаторий, где на прогулке в лесу она предупредила меня, что воспоминания предназначены исключительно для меня и ее семьи.

Все кассеты были пронумерованы, более того, я лично напечатала и передала Серафиме Ивановне каталог записей (лист А4, пару копий), составленный в том порядке, в котором она их надиктовывала.

Насколько мне известно, Серафима Ивановна была не против публикации, но только после тщательной редактуры (на чем она настаивала). Я надеюсь, что вам удастся издать ее воспоминания в достойной форме».

Осенью 2005 года Антонова показала ящик с кассетами Е.О. Ягодкиной — попросила их перевезти в КБС, расшифровать и подумать об издании воспоминаний. Тогда работа казалась неподъемной. Однако она была включена в заявку на грант, который был получен только в следующем 2007 году¹. В 2007–2008 годах уже после смерти Серафимы Ивановны (она умерла в самом начале 2007 года, не успев узнать новость о поддержке нашего проекта грантом) и без участия А.Е. Яковлевой (которая к тому времени переехала в другой город) студентами, аспирантами и выпускниками исторического факультета² была проведена полная расшифровка пленок. После этого и возник вопрос о публикации.

К сожалению, записи делались непрофессионально. Так, кассеты не содержат указаний на время, когда они были сделаны, а в архиве Серафимы Ивановны не нашлось и каталога записей, составленного А.Е. Яковлевой. В конце этого введения приводится перечень кассет с указанием названий, данных при записи, подготовленный уже со-

¹ РГНФ, конкурс 2007–2009 гг., № 07-01-00223а: «Изменения в повседневной жизни студенчества Московского университета им. М.В. Ломоносова в 1930–1960-х гг.», руководитель Е.О. Ягодкина.

² Над этим работали: К.В. Берегела, М.Р. Буйнова, А.А. Ждановская, А.А. Лиманов, Е.В. Меньшикова, Ю.В. Попова, С.А. Рябова, П.П. Тимофеев, Е.Н. Хрулева.

ставителями в соответствии с хронологией жизни, а не порядка рассказа Серафимы Ивановны.

Как показало изучение записей, подписи на кассетах не всегда совпадают с реальным содержанием записей. Последнее обстоятельство говорит о том, что Серафима Ивановна не всегда строго придерживалась запланированной темы рассказа. Темы, затронутые на одной стороне кассеты, вовсе не обязательно продолжают на другой. Очень часто одна тема отражена на разных кассетах, записи нередко представлены без начала и без конца. Кроме того, судя по отсылкам Антоновой к предыдущим подробным рассказам, несколько надиктованных кассет оказались утеряны (в частности, в имеющихся аудиозаписях ничего не говорится о ее учениках, среди которых доктора наук О.И. Величко, Н.Г. Георгиева, кандидат наук М.С. Симонова). Все это значительно осложнило подготовку данных материалов к печати.

Поскольку сама Антонова нередко высказывала сомнения, нужно ли вообще рассказывать о том или ином эпизоде, и самой ее к началу работы над публикацией мемуаров уже не было в живых, то составителям самим пришлось решать, что именно из ее воспоминаний готовить к изданию. Опираясь на собственные убеждения и учитывая настоятельную рекомендацию А.Е. Яковлевой, было решено не публиковать воспоминания, связанные с личной жизнью. Кроме того, составители посчитали некорректным полностью публиковать те эпизоды, о которых Серафима Ивановна знала понаслышке и в отношении которых сведения ее нарратива недостоверны (о чем будет сказано ниже).

Публикация устных воспоминаний в полной расшифровке кассет иногда затрудняет читателю понимание смысла текста, поэтому мы подвергли его значительному редактированию.

Во-первых, было принято решение публиковать воспоминания в виде монолога. Это связано с тем, что Серафима Ивановна сама выбирала тему рассказа, и вопросы чаще всего носили уточняющий и справочный характер и отвлекали от сюжета. Однако, читая воспоминания, необходимо помнить, что это рассказ человека в возрасте 92–95 лет, обращенный к студентке, интересующейся жизнью мемуаристки.

Во-вторых, составители пошли по пути объединения рассказов по вехам ее жизни. Это связано с несколькими причинами.

Одна из них заключалась в ее уникальной манере говорить. Все обычные рассказы Антоновой были очень продуманы, взвешены и имели большое количество тем, в которые рассказчица могла углубляться в ходе своего повествования. В конечном счете, все эти дополнительные темы вливались в ту магистральную линию повествования, которую и хотела довести Антонова. Однако при переводе аудиозапи-

сей рассказов в письменную форму эта магистральная линия нередко уходит на второй план и вовсе теряется. То, что в обычной речи выделяется с помощью определенных акцентов, жестов и т.д., в расшифровке пропадает.

Другая причина связана с тем, что мы не можем точно восстановить порядок, в каком были надиктованы кассеты. Видимо, изначально у Антоновой был план хронологического изложения своей жизни. Однако она надиктовывала свои воспоминания в течение долгого времени и очень часто на конкретное воспоминание ее наталкивало то или иное событие, произошедшее недавно: разговор с кем-либо, передача по телевизору, статья в газете и т.д. Это «разбрасывало» информацию об одном сюжете по разным кассетам или один и тот же сюжет начинал возникать при разных обстоятельствах (хотя содержательно сама рассказчица практически никогда не повторялась), но при этом Серафима Ивановна по-новому расставляла акценты. Например, в записях имеются три варианта рассказа о партийном разбирательстве М.И. Стишова и дела Кара-Мурзы — Найденова. При отборе материала в случае дублирования информации выбиралась более полная версия или все версии объединялись в одну.

Третий этап редактирования — перевод устной речи в письменную. Как известно, устная речь очень сильно отличается от письменной. Очень мало людей, которые видели расшифровку своей речи, остаются ею удовлетворены. Не была исключением и Антонова. Когда ей распечатали ее автобиографию (публикуется в этой же книге), которую она предварительно надиктовала, она практически не оставила ни одной строчки в прежнем виде. Прежде, чем устный рассказ мог быть предоставлен для печати, она очень тщательно «отшлифовала» текст, он был испещрен ее исправлениями и пометами¹. Поэтому публиковать устную речь в непереработанном виде было бы неправильно, прежде всего с этической точки зрения. Кроме того, на каких-то кассетах ее речь была более складной, на каких-то менее, это зависело от ее самочувствия, настроения и т.д. Некоторые сюжеты, хорошо и много продуманные, Антонова выдавала легко и ее устная речь очень приближалась к литературной. Но некоторые темы явно шли тяжело. Сравнение пленок иногда создает ощущение, что их наговаривали разные люди. Но это был один человек, чья речь очень зависела от субъективных причин.

¹ Автобиография легла в основу следующей публикации: К 95-летию Серафимы Ивановны Антоновой // Традиции русской исторической мысли. Материалы научного семинара. М., 2005. С. 202–217.

Расшифровки обрабатывались по разделам:

1. О семье и детстве, годах учебы и начале работы (В.П. Богданов).
2. О студенческих годах (на рабфаке и на историческом факультете Московского университета) (В.П. Богданов, Н.А. Высоцкий).
3. О войне (Е.О. Ягодкина, Н.А. Высоцкий).
4. Об окончании истфака, аспирантуре и начале работы (В.П. Богданов).
5. О поездке в Китай (Н.А. Высоцкий, К.Р. Буйнова, Е.О. Ягодкина).
6. О возвращении на факультет и о работе Комнаты боевой и трудовой славы (В.П. Богданов, Е.О. Ягодкина).

При обработке расшифровок нами ликвидировались повторы, оговорки, придавался более стройный порядок слов. Это можно увидеть на следующем примере:

Устный рассказ

А.С.И.: Вот такая обстановка была, она очень, конечно, способствовала формированию моего политического и общественно-политического сознания и, вообще, общему развитию. Преподавание было поставлено хорошо, хотя это были первые годы становления массовой средней школы, поиск большой еще шел, какие программы должны быть... Я чувствовала отношение преподавателей. И в то е время у нас была и самодеятельность, проводились вечера интересные, под музыку танцы устраивали какие-то коллективные, с какими-то кольцами что-то изображали и балетные фигуры... А потом и трудовые навыки: например, праздник 1 Мая тогда праздновался как праздник труда. Мы половину дня должны были где-то работать.

Инг.: Субботник?

А.С.И.: Субботники, да. Мы это делали с удовольствием, я помню, а потом передевались, и на газоне — был большой сквер, газон вокруг здания школы — устраивались игры интересные...

Версия для печати

Вот такая была у нас в школе обстановка. Она, конечно, способствовала формированию моего политического и общественно-политического сознания и моему развитию в целом. Преподавание было хорошим, хотя шли первые годы становления массовой средней школы, велся поиск наиболее удачных программ. Важно, что все мы чувствовали отношение преподавателей, их влияние на нас.

Была серьезная учеба, но в то же время была и самодеятельность: проводились интересные вечера, устраивали коллективные танцы. Кроме того, мы получали и трудовые навыки: например, праздник Первомая отмечался, как праздник труда. Половину дня мы должны были работать на субботнике и занимались этим с удовольствием. Потом шли передеваться и устраивали разные интересные игры на газоне вокруг школы. В актовом зале пытались изобразить какие-то отдельные сюжеты из балета. Представляли нечто, отдаленно напоминающее «Лебединое озеро».

Инг.: Танцы?

А.С.И.: Танцы нет, игры. Танцы пытались изобразить не на сцене, а в зале, для зрителей, какие-то отдельные сюжеты из балета. Представляли что-то очень отдаленно напоминающее «Лебединое озеро».

Ну вот. Так что от этой школы у меня осталось очень хорошее впечатление. Но, к сожалению, на следующий год сняли вот этот самый возрастной порог.

Инг.: Это какой год?

А.С.И.: Следующий учебный год был 1923/24 год. И Дуся, она была на класс старше меня, уехала в Раменское в среднюю школу, заниматься там.

Значительная подготовительная редакторская работа над текстом перед сдачей книги в издательство была проделана мужем внучатой племянницы С.И. Антоновой Алексеем Крутолаповым. Завершающий этап литературного редактирования с большим тактом по отношению к рукописи и в точном соответствии с жанром устных воспоминаний был выполнен в издательстве «Весь Мир» Анной Корепановой.

* * *

Активная комсомольская юность и деятельное участие в общественных делах помогли формированию убежденной сторонницы советской политики. С полным правом можно заявить, что в воспоминаниях Антоновой отразились взгляды и судьбы целого поколения советских людей, которые формировались вместе со становлением советского строя, со всеми его надеждами, крупными свершениями и глубокими противоречиями.

В этой связи воспоминания Антоновой — интереснейший источник по истории России XX—XXI веков в целом. Они построены по хронологическому принципу. В самом начале Серафима Ивановна говорит о детстве, о жизни российской деревни, сильно изменившейся за годы столыпинской аграрной реформы. Сама рассказчица очень гордилась тем, что может судить об этом периоде не только как профессиональный ученый (а влияние столыпинской реформы на формирование пролетариата было одной из тем ее исследовательской работы), но и как современник. После описаний семьи, где даны очень четкие портреты трех поколений семьи Антоновых-Кузнецовых, идет повествование

о начале ее учебы, школьных годах, затем — о начале работы в комсомоле и т.д.

Центральное место занимают рассказы Антоновой о Московском университете, где она училась с 1937 по 1941 год, а затем работала долгие годы. В этой части приводятся интересные сведения о преподавателях, студентах истфака МГУ. Надо сказать, что рассказы о друзьях-сокурсниках, в частности о погибших на войне, в основном были построены на исследовательской работе, которую вела Серафима Ивановна, руководя КБС. Они оказали большую помощь при работе над книгой «Мы шли навстречу ветру и судьбе...»¹, изданную также в рамках проекта РГНФ 2007–2009 годов, № 07-01-00223а «Изменения в повседневной жизни студенчества Московского университета имени М.В. Ломоносова в 1930–1960-х гг.».

Особый интерес представляют рассказы Антоновой о войне. Дело в том, что до сих пор в отечественной литературе нет подробного изложения боевого пути 49-й зенитной артиллерийской дивизии резерва Главного Командования, где она воевала. Далее на фоне фактов своей личной жизни Антонова описывает послевоенное восстановление страны, начало большой работы по мирному строительству. Очень подробно мемуарист говорит о ситуации, сложившейся на факультете в первые послевоенные годы.

Подробно Антонова осветила свою работу в Китае. Надо сказать, что связи с китайскими коллегами и учениками она поддерживала постоянно до последнего года жизни. Практически все китайские историки, специализирующиеся по изучению России, считали своим долгом посетить или хотя бы позвонить во время своих приездов Серафиме Ивановне. Ненадолго эта связь прервалась после переезда Антоновой на другую квартиру. Наконец один из ее учеников в 2000 году пришел в Комнату боевой и трудовой славы (в это время там находился В.П. Богданов) и попросил ее новый телефон. Он сразу же позвонил и после долгого разговора сказал: «Вы мне вернули мою русскую маму».

Далее идет краткий рассказ о работе на кафедре источниковедения истории СССР, о трудностях, связанных со становлением этого подразделения, и более подробный рассказ — о функционировании Комнаты боевой и трудовой славы исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Кроме автобиографического повествования в рассказах Серафимы Ивановны можно выделить второй большой комплекс воспомина-

¹ «Мы шли навстречу ветру и судьбе...»: воспоминания, стихи и письма историков МГУ — участников Великой Отечественной войны. М.: Весть Мир, 2009.

ний — о людях, которые ее окружали. Говоря о старшем брате, она дала ему характеристику, которой в полной мере соответствует сама: «Вспоминая Василия, я пришла к выводу, вспомнила, еще одну очень любопытную и интересную черту характера — он очень увлекался людьми. Сам очень скромный, а вот отдельными людьми, с кем он познакомился, с кем ему пришлось встречаться — он увлекался очень, мог о них рассказывать...». При первом упоминании человека Серафима Ивановна пыталась дать достаточно подробную его характеристику, рассказать о его жизни — как общественной, так и личной. При этом для нее очень важны обе стороны, и она старается про каждого человека, который для нее важен и интересен, рассказать и то, и другое. Поэтому многие видные историки, администраторы, с которыми сводила судьба С.И. Антонову и которые сейчас кажутся легендарными фигурами, предстают в ее воспоминаниях очень живо и рельефно. Про свою личную жизнь она рассказала, но по описанным выше причинам мы не публикуем этот рассказ. Детей у нее не было, и всю свою любовь к детям она перенесла на племянников.

В то же время обращает на себя внимание отсутствие в воспоминаниях С.И. Антоновой описания некоторых важных событий как собственной биографии, так и жизни факультета. Так, рассказчица нигде не говорит о каких-либо трудностях для ее работы и карьеры, связанных с арестом матери. Однако вряд ли этот факт биографии Серафимы Ивановны не сказался на ее жизни в 1930–1940-е годы.

Кроме того, С.И. Антонова сводит тревожную обстановку на факультете (да и в университете в целом), сложившуюся в 1949 году, к делу Кара-Мурзы–Найденова¹, хотя ситуация была намного сложнее. Партийные собрания на факультете в 1949 году, на которых совершались нападки на А.Л. Сидорова и других членов организации, происходили в тревожные времена борьбы с «безродными космополитами». По непонятным причинам Серафима Ивановна об этом даже не упоминает и общих выводов и оценок этой бессмысленной и ушербной для факультета кампании не делает. Ю.А. Мошкову, одному из составителей книги,

¹ В воспоминаниях С.И. Антоновой А.С. Кара-Мурза (в отличие от брата, профессора С.Г. Кара-Мурзы) предстает в не очень выгодном свете. Совсем иная характеристика ему дается в письмах и воспоминаниях других истфаковцев: *Тартаковский Б.Г.* Все это было: воспоминания об исчезающем поколении / Б.Г. Тартаковский. М.: АИРО-XX, 2005; *Тартаковский Б.Г.* Из дневников военных лет. М.: АИРО-XX, 2005; *Дажина И.М.* Далекое близкое: по страницам дневников и писем сороковых годов XX в. М.: Новый хронограф, 2013. Что касается М.Е. Найденова, то к нему С.И. Антонова всегда относилась с большим уважением как к личности, несмотря на то что их взгляды могли значительно расходиться.

тогда студенту 2-го курса, воспитанному в армейских правилах, угнетающе тяжело было слышать, как на собраниях обвиняли в отходе от марксизма и других грехах авторитетных преподавателей (Н.Л. Рубинштейна, Е.Н. Городецкого, И.И. Минца, И.М. Разгона и др.), как упрекали в антипартийном поведении других уважаемых коммунистов — например, секретаря партбюро факультета М.Т. Белявского, который был аспирантом Н.Л. Рубинштейна. Особую активность в этих событиях проявлял доцент М.И. Стишов. По воспоминаниям очевидцев, создавалось впечатление, что он пытался исправить пострадавшую в годы войны репутацию и поднять собственный оспариваемый авторитет путем охаивания коллег. Об этих трагических для факультета и исторической науки в целом событиях красноречиво свидетельствуют дневники С.С. Дмитриева¹.

Наконец, описывая несправедливую критику академика А.М. Панкратовой на историческом факультете в 1956–1957 годах, С.И. Антонова не упоминает о том, что это был эпизод широкой кампании травли главного редактора и всего коллектива журнала «Вопросы истории», защищавшего решения XX съезда КПСС о борьбе с культом личности. Травля эта, закончившаяся для А.М. Панкратовой трагично, велась со стороны влиятельной консервативной части партийного аппарата и некоторых мэтров историко-партийной школы. На факультете в этой дискуссии задавали тон откровенные консерваторы зав. кафедрой истории КПСС Н.В. Савинченко и сотрудник ИМЭЛ М.Д. Стучебникова при поддержке декана И.А. Федосова. Позиция самой С.И. Антоновой по отношению к решениям XX съезда, расколовшим научную общественность, четко не определена и прослеживается, скорее, в личном отношении к главному редактору журнала «Вопросы истории» А.М. Панкратовой. Приходится сожалеть, что о решениях XX съезда партии из уст Антоновой мы услышать не можем, так как было бы небезынтересно понять переживания и восприятие этих бурных процессов, важных для историка и убежденного партийца (пусть и находившегося в то время в географическом отдалении от эпицентра событий). Кстати, Н.В. Савинченко и М.Д. Стучебникова вскоре получили партийные выговоры за невыполнение постановления о культе личности (через некоторое время эти выговоры были сняты)².

¹ Дмитриев С.С. Из дневников (публикация) // Отечественная история. 1999. № 3–6; 2000. № 1–3; 2001. № 1.

² Подробнее о данной дискуссии см.: Власть и художественная интеллигенция. Т. 2. М., 1999. С. 14; Советские историки: о чем они говорили между собой. СПб., 2004. С. 163–165 и сл.

Безусловно, слабое отражение этой дискуссии в воспоминаниях Антоновой связано с ее работой за рубежом. Но тут следует отметить, что, вернувшись на факультет в разгар хрущевской «оттепели» после длительной командировки в Китай, Серафима Ивановна испытала известное разочарование и растерянность. Огромный авторитет всего советского в послереволюционном Китае превращал работу любого советского специалиста в этой стране в почти государственную миссию. Китайские студенты и преподаватели переносили на Антонову как представителя великого Советского Союза, помогавшего их стране освободиться от японской оккупации и совершить народную революцию, свои симпатии и выказывали традиционную китайскую почтительность и уважение. Серафима Ивановна навсегда сохранила к этим людям признательность и даже нежность. Но на историческом факультете МГУ происходили перемены, возникли новые кафедры, уходили прежние авторитеты, формировалось новое поколение преподавателей. Для Антоновой было привычным находиться в гуще событий общественной жизни, быть деятельным членом коллектива истфака, а теперь она оказалась как бы в стороне, перейдя на только набиравшую в то время силу кафедру источниковедения. Это состояние получило отражение в воспоминаниях.

* * *

Исходя из всего этого, при подготовке публикации составители столкнулись с рядом сложностей этического характера. Сама Антонова была человеком очень прямолинейным, категоричным и нередко субъективным. В этой связи характеристики многих лиц, упомянутых в книге, описания тех или иных событий поданы достаточно предвзято. Особенно это относится к коллегам по факультету, что больше всего бросается в глаза, так как выход книги приурочен к 80-летию истфака МГУ.

В то же время субъективные моменты представляют некую систему и являются частью портрета самой Серафимы Ивановны. Подвергать соответствующие фрагменты воспоминаний цензуре (изменять их или исключать из текста) значило бы исказить образ самого мемуариста и портрет той среды, представителем которой была Антонова. В связи с этим составители сохранили «острые моменты», если они непосредственно связаны с самой Серафимой Ивановной. Если мемуарист говорит негативно о тех вещах, которыми она свидетелем не была, а ее информация идет вразрез с другими источниками, эти моменты опускались. Например: Антонова дает негативную оценку секретарю парт-

бюро факультета довоенного периода И.И. Окуневой. Однако в имеющихся у составителей книги материалах (выше уже говорилось, что не все кассеты оказались в архиве КБС, да и сама Серафима Ивановна в силу тех или иных причин могла пропустить какие-то факты) причины их конфликта не объясняются. То есть негатив носит случайный характер (хотя есть упоминания о его давности), о деятельности И.И. Окуневой в годы войны Антонова судит только понаслышке, а та огромная организационная работа, которую вела И.И. Окунева в эвакуации и вовсе была Серафиме Ивановне неизвестна. В этой связи негатив в отношении И.И. Окуневой был исключен как недостоверный и оскорбляющий память незаурядного человека.

Другое дело конфликт с деканом исторического факультета 1957–1971 годов И.А. Федосовым (а через него и с П.А. Зайончковским, и Н.С. Киняпиной). Он описан достаточно подробно и чувствуется, что обида, нанесенная Серафиме Ивановне в 1957 году, была жива и в начале 2000-х годов. При этом через описание И.А. Федосова (составители не берутся судить, насколько нижеперечисленное относится к самому Ивану Антоновичу) Антонова дает портрет определенной категории советских номенклатурных работников второй половины XX века. Благодаря своему участию в Великой Отечественной войне (иногда тяжелым ранениям) они получали ответственные должности в партийном аппарате (председателя, секретаря партийного бюро и т.д.) организаций, в которых они работали. Последнее обстоятельство нередко сулило и определенные материальные блага (например, получение квартиры). Затем эти же люди переходили на руководящие управленческие должности и часто занимали их не один десяток лет. Это, по мнению Антоновой, противоречило самой сути партийной демократии и коммунистического строительства. В конце 1980-х — начале 1990-х годов, по мнению Серафимы Ивановны, само время показало справедливость ее позиции. Многие из этих деятелей в период перестройки и падения СССР ничего не сделали для защиты авторитета коммунистической партии, а нередко и вовсе пытались забыть свое партийное прошлое. В 1940–1960-е годы точка зрения Серафимы Ивановны шла вразрез с устоявшейся управленческой практикой, что приводило к конфликтам. По ее мнению, никаких «авансов» (будь то прием в аспирантуру или выдвижение на ответственную работу) быть не должно. Прежде всего, по мнению Антоновой, человек должен был зарекомендовать себя. При этом она допускала плюрализм мнений и считала, что любая точка зрения, даже идущая вразрез с позицией начальства или мнением большинства, должна быть высказана и по возможности учтена. Многие же коллеги воспри-

нимали такую позицию Серафимы Ивановны как личные нападки, однако, судя по ее воспоминаниям, такова была ее четкая жизненная позиция.

В этой связи рассказы о конфликте с М.В. Нечкиной (по поводу рекомендации в аспирантуру ее ученика¹), с И.А. Федосовым (по поводу избрания Антоновой на должность по конкурсу, который она не прошла²) составители сочли необходимым оставить. Тем более что ни в каких случаях Антонова не ставит под сомнение научный авторитет своих оппонентов или степень их участия в Великой Отечественной войне, а со многими участниками (М.В. Нечкиной, Н.С. Киняпиной) этих конфликтов Антонова затем примирилась³. Кроме того, «острые моменты» воспоминаний объясняют многие факты ее личной биографии (например, ее переход с кафедры истории СССР на кафедру источниковедения) или истории факультета (например, уход М.Н. Тихомирова из университета).

Истинным и весьма плодотворным делом, начатым по собственному почину, сделалось подлинное увлечение судьбами своих коллег и друзей, и всего военного поколения студентов и преподавателей факультета. Антонова, будучи активным инициатором этого дела, энергично на протяжении многих лет проводила анкетирование, организовала сбор воспоминаний и других материалов о войне, устраивала многочисленные встречи и собеседования бывших истфаковцев, участников Великой Отечественной войны, с нынешними студентами, целые конференции. Все это сделало Комнату боевой и трудовой славы центром, в котором сохранялась живая память о героическом и трагическом времени. Издание такой сложной книги, как воспоминания самой С.И. Антоновой, продолжает по мере сил эту традицию.

* * *

¹ Убежденность С.И. Антоновой, что заслуженный фронтовик должен иметь преимущество при поступлении в аспирантуру даже перед перспективным выпускником, в данном случае была опровергнута дальнейшей судьбой этого человека, ставшего профессором истфака, заведующим кафедрой и автором крупных трудов, создателем школы. Но этот факт надолго определил недоверчивое отношение С.И. к признанному ученому.

² Кстати, И.А. Федосов нашел выход из сложной ситуации, в которой оказалась С.И. Антонова в 1957 г. и организовал ее перевод на кафедру источниковедения.

³ Материалы А.С. Кара-Мурзы, с которым их пути разошлись в 1949 г., она активно использовала в исследовательской работе в 1990-е гг. при восстановлении судеб истфаковцев 1930-х гг.

Таким образом, перед читателем предстает образ честного труженика и настоящего патриота. Как и многие люди этого поколения, Серафима Ивановна Антонова до конца своих дней сохранила верность коммунистическим идеалам молодости. Она с готовностью откликнулась на задания партии и правительства, будь то организация ликбеза в Бронницкой волости в конце 1920-х годов, или уборка лугов летом 1941 года, или работа в Китае 1955–1957 годах. Впрочем, в самих воспоминаниях показано, что ее идеалы нередко сталкивались с суровой действительностью советской эпохи. Она, последовательная сторонница партийной демократии, открытого озвучивания тех или иных наболевших проблем, не могла смириться с какими-то закулисными играми. В то же время в отличие от многих партийцев позднесоветского времени она очень скромно и требовательно относилась к себе. Партийная работа не принесла ей громких чинов и званий. Это и делает ее воспоминания мемуарами простого советского человека (со всеми противоречиями, достоинствами и недостатками), прожившего длинную жизнь. Этим и ценны публикуемые здесь материалы.

Богданов В.П., Мошков Ю.А., Ягодкина Е.О.

Перечень кассет с указанием названий, данных при записи

1. А: Родная деревня, родня отца (начало). В: Родня отца (продолжение).
2. А: Родня отца (продолжение). В: Родня отца (окончание) — Родня мамы.
3. А, В: Мама.
4. А, В: Мелочи жизни, брат Вася.
5. А, В: Школьные годы.
6. А, В: Школьные годы (конец) и комсомол.
7. А, В: Комсомольская работа — партия.
8. А: Школа и партийная работа В: Работа в области «ликбеза».
9. А, В: Дело польского отдела (Рабфак).
10. А: Вилли Майер. В: Парторганизация факультета — курс.
11. А, В: Однокурсники — группы «по интересам».
12. А: Начало — преподаватели. В: Продолжение — Бахрушин.
13. А: Нечкина, Сказкин и Смирин. В: Рейснер и дело Кара-Мурзы—Найденова.
14. А: Начало войны. В: Начало войны. Культура...

15. А, В: Москва в октябре 1941 года — секретная работа.
16. А: Секретная работа (конец). В: Об обороне Москвы.
17. А: Начало фронтового пути (политотдел). В: Политотдел — люди, действия.
18. А, В: Год в дивизии.
19. А: Люди дивизии — под Витебском. В: «Начало» операции «Багратион».
20. А, В: Конец пребывания на фронте — госпиталь.
21. А: Нонна Пивовар / конец госпиталя. В: Конец госпиталя — возвращение на факультет.
22. А: Поездка к морю / экзамены. В: 1945—1949 годы.
23. А: Сдача кандидатского минимума. В: Завершение экзаменов — работа.
24. А: Начало педагогической работы. В: Внутрипартийная обстановка 1949—1950 годов (история с Кара-Мурзой).
25. А, В: Китай — путешествие.
26. А, В: Китай — продолжение.
27. А: По приезде из Китая — Панкратова. В: Неприятности на кафедре — Федосов.
28. А: Федосов — посл. — Личная жизнь. В: Личная жизнь — окончание
29. А: Личная жизнь — окончание. Фотография. В: Фотография — продолжение.
30. А: Фотография — окончание.
31. А: Федосов — партийная работа. В: Зак. Федосов — иностранцы.
32. А: Работа над восстановлением списков ополченцев. В: Ополчение и первые месяцы войны.
33. А: Организация сбора материалов. В: Материал для КБС — первые недели фронта.
34. А: Год 2002-й — зима-лето. В: Год 2002-й — окончание.
35. А, В: Мнение о статье Попова (МК).

При составлении научно-справочного аппарата составители использовали данные следующих источников:

— Энциклопедический словарь Московского университета. Исторический факультет / Под общей ред. чл.-корр. РАН С.П. Карпова. — М.: Изд-во МГУ; Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004.

— «Мы шли навстречу ветру и судьбе...»: воспоминания, стихи и письма историков МГУ -участников великой отечественной войны /

Сост. С.И. Антонова и др.; предисл. В.П. Богданова. Отв. ред. В.П. Богданов. — М.: Весь Мир, 2009.

— Летописи войны: Воспоминания, дневники и письма историков МГУ — участников Великой Отечественной войны / Отв. ред. В.П. Богданов, Е.О. Ягодкина. - М.: Издательство Московского университета, 2012.

— Архив МГУ ф. 1 «Материалы ректората и ученого совета», оп. 10 «Материалы учебной и научной части».

Кроме того, авторы обращались к материалам научной периодики и Интернета.

К читателю

Последние дни я много думала над тем, что такое мои воспоминания; для чего они нужны, кому они нужны.

Сначала я не собиралась записывать свои воспоминания и даже саму эту мысль отвергала. Мне, скорее, было ближе нечто наподобие дневниковых записей, но они не состоялись по ряду причин. Остались только отдельные заметки, связанные с прочитанными книгами (особенно с теми, что взволновали меня), и какими-то отдельными событиями, которые тоже вызвали какие-то сильные эмоции. Мысли о собственных воспоминаниях возникли тогда, когда появилось много записей и устных рассказов о прошлом людей из так называемых господствовавших классов. Как правило, в этих мемуарах народ трудовой не присутствует совершенно или присутствует в качестве быдла, черни и тому подобного. Вот тогда у меня и возникла потребность показать самого обычного рядового человека, вышедшего из рабочей семьи и всю жизнь трудившегося.

Вначале эта задача показалась мне не очень трудной, хотя сама я писать уже не могла. Мне казалось, что все возможно и не слишком сложно, особенно если я буду говорить, а меня станет записывать специальный аппарат. Однако по прошествии некоторого времени я обнаружила, что задача эта очень и очень трудная, а главное — ответственная. Трудная потому, что приходится переживать и плохое, и хорошее, переживать не эпизодически, а пытаясь все упорядочить. А с другой стороны, чувствуешь большую ответственность перед своим поколением, поколением, которое прожило славную, но трудную жизнь.

Впрочем, любое поколение, с моей точки зрения, переживает трудности, но, несмотря на них, делает свой вклад в историю человечества. Естественно, что, создавая воспоминания, ты чувствуешь ответствен-

ность перед последующими поколениями, которые учтут наш опыт, извлекут из него уроки для строительства новой лучшей жизни.

Несколько лет тому назад я услышала по радио передачу, в которой принимал участие некий журналист. Он говорил о необходимости переименования улиц (естественно, в первую очередь связанных с именем В.И. Ленина, с событиями революции и т.д.) и сказал, что, мол, все, кто хочет жить в этой стране, пусть перестраиваются. Меня это особенно разозлило. Кому надо перестраиваться? Мне, родившейся в 60 километрах от Москвы? Село, в котором я родилась, насчитывает несколько веков, а в этом селе фамилию Антоновы носит чуть ли не половина, причем и в соседнем селе Ульянино тоже Антоновы есть. То есть фамилия очень старая. Я не хочу перестраиваться.

Происхождение

Я родилась в 1909 году 11 августа по новому стилю, 29 июля по старому, в селе Давыдово Ульянинской волости Бронницкого уезда Московской губернии. Село Давыдово — старинное, большое село.

В Курганной писцовой книге Коломенского уезда 1577 года записано, что село Давыдово, Баламутово тож, числилось вместе с селом Ульяниным старой вотчиной Алексея Григорьевича Давыдова. После его смерти село перешло к его сыну, Василию Алексеевичу Давыдову. В 20-х годах XVII века Василий отдал деревню в качестве приданого дочери Анне, вышедшей замуж за Федора Федоровича Пушкина, который владел деревней весь XVII век. С 1760 года Давыдово значилось за Петром Григорьевичем, племянником Давыдова. В XIX веке Давыдово иногда называлось Знаменское, по названию церкви Знамения святой Богородицы, построенной в 1831 году генерал-поручиком графом Орловым Владимиром Григорьевичем (это младший брат Григория Орлова, фаворита Екатерины). В 1899 году здесь был 81 двор, где жили 285 мужчин и 181 женщина. В 1912 году было 88 дворов, в 1925 году — 105 дворов и 630 жителей.

В этом селе родился мой дед, который был по своему происхождению крепостным крестьянином графов Орловых-Давыдовых. В юношеские годы дедушка — а звали его Алексей Никифорович Антонов — бурлачил, водил баржи по Москве-реке, Оке, они даже на Волгу ходили (вспоминается в связи с этим знаменитая картина Репина «Бурлаки на Волге»). От тяжелой работы руки деда стали тяжелыми, большими, с мозолистыми пальцами; а сам он был невысокого, среднего роста, коренастый, с развитой мускулатурой — таким я его запомнила с детства. Седые, полуседые волосы, стриженные «в кружок», как тогда называлось, окладистая борода. Внешне он был очень спокойный, уравновешенный человек. Никогда при нас, при детях, не повышал голоса, хотя

я слышала однажды его очень резкий разговор с одним из сыновей. То есть он мог повыситься голос, но при детях никогда этого не делал. Он был для нас всех очень авторитетным человеком.

Со слов мамы я знаю, что, поскольку он бурчал, ему по дешевке отпустили старую баржу на слом, и он сделал из нее небольшую пристройку к дому: сени, горницу (переднюю комнату), а внизу маленькую лавочку. Получился целый второй дом, с большим двором, который он также из этих досок сделал. В лавке дед торговал мукой, крупой. Но в 1914 году, когда все сыновья оказались в армии, лавочку пришлось закрыть. Ведь на всю большую семью из мужчин остался один дедушка. К тому же, одну лошадь (у нас их было две) реквизируют на фронт (вроде бы дело было в 1916 году). Кроме того, для торговли нужно было ездить в Бронницы, за товарами, а ездить стало некому — все сыновья на войне.

Бабушка была из соседней деревни, расположенной в пяти километрах от нашего села. Деревня называлась Абакшино, со старообрядческой церковью. Вероятно, бабушка была из старообрядческой семьи. Вообще, это странно, такой небольшой уголок в нашей волости, но были раскольники, старообрядцы. Сам дед, человек тоже религиозный, был старостой церкви, когда мы были маленькие. По праздникам он обязательно ходил в церковь, соблюдал посты, перед сном всегда молился. И бабушка была православной и человеком религиозным.

Бабушка Авдотья. Отчества я не помню, знаю только ее девичью фамилию — Горелова. Я даже точно не могу сказать, когда бабушка умерла — я ее помню до 1920 или 1921 года. В 1919–1920-х годах была сильная эпидемия тифа, и она заболела. Лежала в передней комнате, а моя мама ухаживала за ней. Потом она умерла. Больше всего у меня осталось воспоминаний о том, как бабушка готовит: завтраки, обеды, ужины. Она вспоминается мне на кухне, около русской печи, управляющаяся с огромными чугунами — наша семья была очень большой, приходилось много готовить.

Вот и все, что я могу сказать о бабушке и дедушке.

Фамилия Антоновы в нашей местности распространена, именно поэтому я думаю, что она старинная.

У деда были два или три брата. Я не могу вспомнить всех, но я очень хорошо запомнила Сергея Никифоровича. Они жили на той же самой улице, где и мы, недалеко от нас, большой семьей. Потом, уже в советское время, семья разделилась: они разъехались на два дома на одной усадьбе (тогда каждому дому, каждому хозяйству полагалась усадьба), во втором доме обосновались наши троюродные братья и сестры.

Знаю, что еще дальше, если идти вдоль села, тоже были Антоновы, какие-то наши родственники. Недалеко от нас жили Саликовы. Жена главы их семейства была из Антоновых. Недалеко от церкви тоже были Антоновы, какие-то наши дальние родственники, двоюродные или троюродные сестры и братья. Вдоль села, если идти прямо параллельно реке, было небольшое имение Антонова Василия Леонтьевича. Это какой-то дальний родственник деда. Я не могу сейчас сказать, какое родство там было, помню только неприязненное отношение моего деда к этому Василию Леонтьевичу. Хотя сам Василий Леонтьевич довольно лояльно относился к нашему семейству.

Я говорю «имение» потому, что по отношению ко всем другим домам, строениям деревенским, его дом был, конечно, выдающимся. Двухэтажное здание, первый этаж — кирпичный. Там находилась кухня и две или три небольшие комнаты. Второй этаж — деревянный. Там было три или четыре комнаты и большие сени. Нам тогда казалось, что это огромное здание. На самом деле оно, конечно, было не таким уж и большим.

Василий Леонтьевич — выходец из мужиков, но после реформы 1861 года он начал заниматься промыслом и устроил красильную мастерскую. Дело в том, что наше село вдоль пересекала речушка, называлась Отра. Она впадала в Москву-реку. Где-то в конце села устраивали запруду, и в летнее время, когда вода поднималась, запруда становилась довольно широкой, и можно было купаться. Как раз там, где делали запруду (а делал ее Василий Леонтьевич), был построен сарай, называлось это «красильная мастерская». Там был какой-то ручной механизм, он управлялся водой, и еще некий аппарат, которым он крутил материю, чтобы она прокрасилась. Базой этой красильной мастерской было ручное ткачество: полотна, суровье, вытканное местными крестьянами на ручных станках. У нас это было очень распространено. Были скупщики, которые возили это полотно на фабрику. в конце XIX века, в частности на Раменскую или на какую-нибудь другую мануфактуру, там их довольно много расплодилось. Да и в XVIII веке, во второй половине, были такие мануфактуры. А вот в нашем селе полотна сдавали Василию Леонтьевичу и здесь же красили. Распространены были кубовые краски, темно-синие, как наиболее дешевые. Сам крашенный материал предназначался для крестьянского потребления, слишком уж суровое получалось полотно.

У Василия Леонтьевича были, об этом я тоже должна сказать, две сестры. Сестер этих выдали замуж куда-то в Подмоскovie, видимо, их мужья были чиновниками. Мужья то ли умерли во время революции, то ли пропали во время войны. Где они воевали, на какой сторо-

не — не знаю. Знаю только, что все это произошло после революции...

Василий Леонтьевич и его жена (они были бездетными), умерли от тифа в 1916 или 1917 году. В 1918-м в доме Василия Леонтьевича Антонова была устроена школа. В первом классе я еще ходила в земскую школу села Ульянино, а во второй класс пошла уже в своем селе. Там было два или три класса устроено. Наша школа располагалась на втором этаже, а внизу как раз поселились сестры Василия Леонтьевича: Марья Леонтьевна и Анна Леонтьевна. Одна из них была бездетной, а у другой были два сына: Алексей и Александр. Почему я о них говорю? Потому что они очень быстро сдружились с деревенскими парнями, хотя приехали откуда-то из-под Москвы. Один из них был призван в армию и, отучившись в школе кремлевских курсантов, воевал во время Отечественной войны, командовал полком. А другой, старший, Лешка Полянин (фамилия их была Полянины), долгое время жил в нашем селе. И, прирожденный артист-комик, был у нас режиссером, организовывал драматический кружок. Мы под его руководством спектакли ставили. Причем он себе выбирал только трагические роли, но получались они все равно комическими.

Семья деда Алексея Никифоровича Антонова была большой: две дочери и четыре сына — их я знала. Старший — дядя Вася, Василий Алексеевич, второй — дядя Паша, третий, мой отец, Иван Алексеевич, и четвертый — Александр Алексеевич, мой крестный, младший сын.

Был еще один дядя, где-то по счету второй или третий, сейчас не вспомню. Звали его Гаврила, Гаврюша, но он очень рано умер, еще в молодом возрасте, до моего рождения. Знаю, что работал он в Москве, был грамотный, очень много читал. Умер из-за какой-то инфекционной болезни вроде тифа или испанки.

Пожалуй, самой старшей из дедовых дочерей была тетя Душа, Евдокия. Она вышла замуж за крестьянина из деревни Марьинка, расположенной от нашего села на расстоянии пяти или семи километров, недалеко от Воскресенска (теперь города, а тогда железнодорожной станции на полпути от Москвы в Коломну), Якова Матвеевича Фомина. Яков Матвеевич, как и многие другие молодые люди из нашей местности, уходил на заработки в Москву.

На заработки уходили, поскольку земли в нашем Бронницком уезде у крестьян было очень мало, а рабочих рук, напротив, было очень много. Поэтому «лишние» люди уходили в поисках работы на фабрики, на заводы, в торговлю, в разные ремесла.

Фомин каким-то образом сумел приобрести в Москве в Жуковом проезде (есть такой рядом с Зацепом, Зацепской площадью) полуподвал

в двухэтажном доме. На втором этаже жил сам хозяин дома, а каменные полуподвальные помещения сдавал Якову Матвеевичу. Там он устроил небольшую скобяную лавочку. Тетя Душа переехала вместе с ним в Москву, и было у них там большое семейство. Шесть человек детей — мои двоюродные братья и сестры, и все они жили в этом полуподвале. Семья была интересная, своеобразная. О ней можно много рассказывать, но скажу лишь, что было особенно выдающегося.

Сам этот Яков Матвеевич мне особо не запомнился. Деловой человек, очень молчаливый. Тетя Душа — высокая, стройная женщина. И дети у них были: Маня, Мария Яковлевна, я ее запомнила как мою крестную, очень красивая барышня, искусная портниха. Она потом вышла замуж за какого-то служащего, и ее дальнейшую судьбу я уже не знаю. Саня — Александр Яковлевич — был симпатичный, начитанный молодой человек, но не очень удачливый в отношении карьеры. Затем, была еще Клавдия Яковлевна — такая искусница, прекрасно вышивала, сама составляла рисунки; можно сказать, художницей была. Делала из шелка искусственные цветы и выставляла в Мосторг.

А вот следующий сын, Семен Яковлевич Фомин, личность, можно сказать, выдающаяся. Я его помню еще мальчишкой, родился он в 1904 году (т.е., когда мне было лет пять, он был подростком, а мой старший брат, Василий, родился в 1905 году и был его младше всего на год). Когда Фомины к нам приезжали, они (Василий и Семен) ходили вместе, компания у них была мальчишеская, шептунья. Семен — всегда заводила: бегал с нами змея пускать, в леса водил, доходили мы и до этой Марьинки, откуда его отец, бывали у дяди Васи на хуторе и т.д. Я его помню молодым человеком, тогда он приезжал вместе с младшей сестрой, Зиночкой, к нам летом на велосипеде; потом я помню, что он был студентом Московского механико-машиностроительного института, где блестяще учился. Он был в комсомоле, потом вступил в партию. Еще когда он учился, у него были какие-то неприятности в связи с отцом, Яковым Матвеевичем, якобы бывшим торговцем (в советское время тот служил в каком-то учреждении), но, кажется, это ему не помешало и аспирантуру закончить — я точно не знаю, но хорошо помню, что он был министром строительного и дорожного машиностроения.

В начале 1958 года, уже после моего возвращения из Китая, я услышала по радио, что старший советник в КНР — Семен Яковлевич Фомин. На этом посту он сменил Ивана Васильевича Архипова, который при мне был еще и генеральным советником по экономическим вопросам Политического совета Китая (хороший человек, большой хозяйственник, толковый; я его слушала не единожды, он делал у нас

доклады). Затем Семен Фомин вернулся из Китая, какое-то время еще работал, после ушел на пенсию и умер в 1982 году. Мне тогда позвонила моя двоюродная сестра (по другой линии) и сказала: «Симочка, вот сейчас по радио передавали, что Сема наш умер, заслуженный ветеран труда и заслуженный человек». Мы узнали номер телефона, позвонили, нам ответила его младшая сестра Зиночка, моя сверстница, в детстве мы с ней дружили, она была всего на год моложе меня. Мы с ней договорились встретиться. Она рассказала о Семене, о том, как он работал в Китае и что его высоко ценили: он там закончил работу с большими почестями.

У Семена была младшая сестра — Любочка, тоже замечательная, но в другом плане: уж очень красивой она была. Я ее часто вспоминаю. Красавица из тех, что обычно описывают в романах: белокурые вьющиеся локоны, изумительно чистая кожа лица (прямо молочной белизны и такой нежный румянец), красивые голубые глаза, обрамленные черными ресницами, черные брови, и сама она такая изящная, стройная! Я ее запомнила совсем молодой, ей было тогда лет 18.

Когда я у них была в гостях там, в Жуковом проезде (Любочка уже начала где-то служить), она была одета так: стального цвета крепдешиновое платье, прямое совсем, чуть-чуть закрывающее колени, без рукавов, такого же цвета чулки, лакированные туфельки, стального цвета шляпка с маленькими полями и черная сумочка. Она так и на работу ходила. Зиночка, та, что была помладше ее, с завистью говорила: «Ой, Любка, как она одета, мне бы такое платье сшить. Вот в проезде все говорят: эта Фомина — самая красивая и хорошо одетая по всему Жукову проезду». А Жуков проезд был совсем небольшой и коротенький. Вскоре Люба вышла замуж за одного дипломата, работавшего в Турции. Уехала с ним туда, у них родилось двое детей. Муж рано умер от туберкулеза, она осталась одна со своими ребятами, жила недалеко от Бутырской тюрьмы. Потом мы с ней увиделись уже в 1943 году, потому что я временно поселилась в их доме. Любочка была больна (наследственная болезнь почек; от нее умерла тетя Душа). И, конечно, от ее красоты почти ничего не осталось (Люба уже не вставала с постели), а ребята-подростки были сами себе предоставлены: ездили куда хотели, ходили куда хотели.

Вторая дочь моего деда была выдана замуж в близлежащую деревню. Деревня эта называлась Майково и входила в наш церковный приход, т.е. относилась к нашему селу. Там у нее (сама она умерла очень рано) остался один сын, Сережа, который часто приходил к нам, в наш дом, мы с ним дружили и были как одна семья. Потом наши судьбы разошлись. Хотя он поселился в Раменском и поддержи-

вал связь с моей старшей сестрой, которая там, в молодые годы, жила и работала.

Теперь я расскажу о старшем сыне моего дедушки (старшем брате моего отца), дяде Васе, Василии Алексеевиче Антонове. Это была интересная по-своему личность. Дело в том, что он, женившись на местной женщине (мы ее знали как тетю Сашу), работал в Москве, на так называемом промысле. Каким именно промыслом он там занимался — я сейчас не вспомню. Знаю только, что он именно в Москве познакомился с тетей Сашей, которая тоже ходила туда на промысел. В Москве она выучилась на белошвейку у какой-то хозяйки и стала портнихой, причем портнихой неплохой. Но затем они решили из Москвы уехать обратно и в начале века поселились в деревне, выдлившись из нашей семьи и нашего дома. Так как наш дом был многосемейным, нам принадлежали две усадьбы, на одной усадьбе построили домик для дяди Васи, где он жил со своей женой.

Когда началась столыпинская аграрная реформа, дядя Вася решил выделиться из крестьянской общины на хутор. 9 ноября 1906 года был издан царский указ о праве крестьян укреплять землю в личную собственность (до тех пор земля была общинной собственностью, она не покупалась и не продавалась, ее можно было только сдать в аренду, причем исключительно внутри общины). Теперь же крестьяне получили право укреплять землю в личную собственность, а укрепленную землю выделять на отруб или хутора. Дядя Вася был начитанный мужик (я, когда у него бывала, видела горы разных сельскохозяйственных журналов), и он решил, что для него будет лучше выйти на хутор.

Однако крестьянам, вообще крестьянской общине было невыгодно это укрепление личной собственности. Они держались за общину потому, что территории было мало. Кроме того, говорили, что нас, крестьян, хотят заставить делить ту собственность, которой у нас на самом деле нет, а мы хотим всей земли и всей воли (так высказывались крестьянские представители в Думе). Так же поступали крестьяне и нашей давыдовской общины. Они не хотели укреплять землю в личную собственность и тем более не хотели выделять кого-то на хутора — это значило, что нужно отрезать кусок земли, которой и так было мало, под хутор. Поэтому у дяди Васи с крестьянской общиной были не только проблемы, но и скандалы. Шла борьба, которая усугублялась тем, что дед, т.е. его отец, тоже был против выделения земли в личную собственность и против выделения на хутор.

Однако закончилось все тем, что дядя Вася таки настоял на своем — он был мужик грамотный и очень упорный — его выделили на хутор, за семь километров от нас. Там находился небольшой лесок, вот в этом

леске ему выделили землю. Чтобы отвоевать у леса какую-то площадь под посевы и для огорода, нужно было корчевать мелкий кустарник и пни.

Поселился там дядя Вася, наверное, в 1910 или 1911 году. Когда мне было 6 или 7 лет, я жила у них. Своих детей у дяди Васи и тети Саши не было, и они просили мою маму, чтобы она разрешила им меня удочерить. Мама, конечно, не захотела отдавать меня на удочерение, но пожить там разрешила. И вот что я помню: маленький дом в два окна, но очень аккуратный, покрашенный темно-бордовой краской; крыша зеленая, железная; наличники выкрашены белой краской. Домик было видно издали в просветах между деревьями. Двор довольно большой. Коров у них не было, но коза и лошадь, конечно, стояли. Там же, во дворе, были телега, плуг, крестьянский инвентарь. Хорошее хозяйство. Но насколько богат был хуторянин, можно судить по тому — есть у него корова или нет. Они же корову содержать не имели возможности. Все время приучали меня к козьему молоку, которое я поначалу никак пить не могла. Потом, конечно, привыкла. Была еще старая лошадь (ее для дяди Васи выделил дед), на ней мы иногда ездили к нам в село, а иногда отправлялись с тетей Сашей в церковь. Работать приходилось, конечно, очень много.

Закончу о дяде Васе: в начале 20-х годов он участвовал в уездных сельскохозяйственных выставках, где демонстрировал какую-то огромную тыкву. У него был очень хороший, пусть и небольшой, садик: прекрасная малина, яблони. Позже, когда началась коллективизация, дядю Васю пригласили полеводом в колхоз. Но в наше село, свое родное, он не захотел: не мог простить скандала со столыпинщиной. Поэтому пошел в колхоз в село Абакшино, откуда была родом его мать. Туда же они перевезли свой дом. Мне случалось у них бывать после переезда: когда я стала студенткой Московского университета, возвращаясь из своего села (мне нужно было идти на станцию), я останавливалась и ночевала в их доме.

Можно сказать, что там, на этом хуторе, была драма. Какой-нибудь хороший писатель мог бы сочинить рассказ или повесть «Драма на хуторе Василия Алексеевича Антонова». Дело было вот в чем. Детей у них не было, это я уже сказала. Удочерить меня мама не разрешила, да я и сама хотела вернуться в дом, в свое село, учиться. Конечно, дядя Вася обещал возить меня в школу, в соседнее с хутором село, но я хотела учиться обязательно со своими сверстниками, у себя. Вообще-то мне у них нравилось жить: домик маленький, очень чистенький, занавесочки на окнах вышиты руками тети Саши, всегда белоснежные. Мне это очень нравилось — было тихо и уютно... Но в то же время очень скучно.

И вот когда я оттуда уехала, то через год или два они взяли себе девочку чуть постарше меня из нашего села, от какой-то дальней родственницы. Взяли к себе на воспитание, чтобы она там с ними жила и помогала. Девочка росла, и когда ей исполнилось 17 или 18 лет, а дяде Васе было уже за 50, у них завязался роман. Какое-то время, конечно, никто ничего не знал и даже не догадывался. Дело было на хуторе — далеко, жили они довольно изолированно. Узнали только тогда, когда тетя Саша, которую все мы очень любили, заболела. Она была хорошим человеком, к тому же красавица, хотя лицо было немножко тронуто оспой. Мягкие белокурые волосы, коса вокруг головы, и сама она вся такая представительная. Так вот, пошел слух, что тетя Саша застала дядю Васю с этой Лизаветой, выскочила на улицу зимой в одной ночной рубашке, бежала, простудилась, у нее началась горячка, она в больницу легла...

После этого у нас в доме взрослые начали что-то такое про себя говорить. Мы еще подростки были, но понимали, что что-то не так. Потом в конце концов нам все рассказали. Тетя Саша умерла в больнице от белой горячки. А на хуторе уже ребенок зародился, и дядю Васю стало нужно женить, чтобы позор прикрыть свадьбой. И вот моя мать и жена моего дяди (мы вместе жили) начали хлопотать, чтобы эту свадьбу устроить. Свадьба проходила в какой-то другой церкви, ближайшей к хутору. Потом там родились дети. Наши двоюродные братья и сестры, которых я уже не знаю. Всего один раз заезжала, когда мы уже в колхозе были. Видела я этих детей, здоровые такие, на воздухе все время. Лизавета, жена дяди Васи, — молодая, тоже здоровая женщина, кровь с молоком, очень уважительно к нам относилась.

Так что родились там здоровые люди, но я не знакома с ними была, знала только одну, старшую, Татьяну, она потом где-то работала, чуть ли не на радио. Дядя Вася не прижился и в Абакшине, лет пять или шесть он там был полеводом в колхозе, а потом уехал, уж больно неуживчивый характер у него был. Ушел он оттуда в какое-то цветоческое хозяйство у управления Московской Казанской дороги в Кратове. Сделался там управляющим. Мы к нему ездили за великолепными розами. Я его встретила как-то в Москве в студенческие годы, в трамвае. Он был с каким-то мешком, вез удобрения для своих роз. Я его тогда спросила:

— Дядя Вася, а что же колхоз?

— Ты знаешь, наверное, мой характер, не могу я...¹

¹ Запись прерывается.

Таким уж он был человеком. Зато дома у него все оставалось по-прежнему, по-старому. Все те же журналы, которые я у него еще в детстве видела. Помню, был там журнал «Нива» — старинный журнал с картинками о пожаре в Москве. «Гудит пожар московский, дым растилался по реке» — я запомнила и картину, и стихотворение. Лизавета, когда увидела меня с журналом, сказала: «Я ведь все стараюсь, Симочка, чтобы было так, как хочет Саша. Все — дом, я все стараюсь содержать так же, как и Саша». К первой жене своего мужа она относилась с большим почтением и уважением.

Следует добавить, что одной из объективных причин этой драмы было то, что у дяди Васи с тетей Сашей не было детей. А дядя Вася, как все Антоновы, детей очень любил. Причина, конечно, не оправдывающая его поведение с точки зрения окружающих людей, но тем не менее состоялась новая семья, и она продолжает существовать в лице потомков дяди Васи. Сколько их — я не знаю, общения с ними не имею.

Следует еще добавить некоторые общие пояснения к отселению дяди Васи на хутор. Как я говорила, хозяйство в результате получилось небогатое, можно сказать, бедное. Но почему же тогда дядя Вася так хотел уйти из деревни и поселиться на хуторе, хотя это хуторское хозяйство ему и тете Саше стоило очень многого и пришлось им очень тяжело? Я до сих пор вспоминаю, что, когда тетя Саша приезжала к нам на какой-либо праздник, она всегда была в одном и том же платье. У нее был единственный выходной костюм, в котором она (я потом узнала) и в Москву ездила, и к своим родственникам в деревню Бисерово (откуда она была взята замуж), и к нам приезжала... Это была темно-коричневая юбка, внизу отделанная какими-то лентами, длинная, конечно; так называемый казакин — длинная кофта в талии, тоже коричневая, рукава этого казакина уже начали вытираться. Все остальное было рабочей одеждой. Рабочей и ношеной-переношеной. Конечно, всегда постиранной, всегда чистой, починенной, но не новой. Так почему все-таки дядя Вася хотел уехать? Потому, что в деревне на маленьком участке земли много не вырастишь, а земледелие в Московской губернии, и в частности в Бронницком уезде, было ужасающе бедное. Крестьяне дрались за общину еще и потому, что земля могла быть удобрена только коллективно. Община устраивала через какое-то количество лет переделы — это, конечно, в тех условиях было наиболее выгодно.

Вообще-то исторический фон, на котором разворачивалась крестьянская борьба за землю в конце XIX — начале XX века, был ярким, выпуклым. Его изменения внимательно проследили аграрники нашей

страны. Но особенно я выделяю статью В.И. Ленина, посвященную научному анализу одной интереснейшей публикации, осуществленной самим правительством, т.е. Центральным статистическим комитетом МВД. Эта статья Ленина опубликована в 15-м томе собрания его сочинений по 4-му изданию и называется «Аграрный вопрос в России к концу XIX века». Ленин подверг анализу изданную в 1907 году статистическую публикацию правительственную под названием «Статистика землевладения и населенных мест». Статистика была осуществлена в 1905 году. А в 1908 году Ленин подверг ее научному анализу. Я не говорю о том, что эта статья — образец научного объективного исследования, но скажу, что она проливает свет на тот исторический фон, на котором развертывалась крестьянская борьба за землю. Исторический фон был таким: 75 млн десятин земли было в распоряжении 10,5 млн крестьянских хозяйств, а 30 тысяч, как Ленин выразился, «благородных и чумазых лендлордов», т.е. помещиков-дворян и помещиков-недворян, из купцов, имели почти столько же десятин земли, как и 10,5 млн крестьянских хозяйств. На каждого этого лорда приходилось по две с лишним тысячи десятин земли, а на каждый крестьянский двор с учетом всех особенностей губерний Европейской России (это по Европейской России исследование было) было 8 десятин¹. Такая разница. Поэтому крестьяне в штыки встретили столыпинскую аграрную реформу, и поэтому она не могла быть осуществлена в условиях, когда большая часть земли, причем самой плодородной, самой лучшей земли, находилась в руках помещиков, а у крестьян земли было гораздо меньше, и она была менее плодородной, менее ухоженной.

По-моему, дядя был идеалистом. В это время очень активно работала правительственная пропаганда, использовались и правоэсеровские организации (после революции 1905 года правые эсеры стали занимать в аграрном вопросе проправительственную политику). Шла усиленная обработка крестьян: им внушалась мысль, что можно без революции, без ликвидации помещичьего хозяйства передать большую часть земель крестьянам (большевики-то настаивали на национализации всей земли, меньшевики — на муниципализации). В общем, крестьянам внушалось, что можно без насильственной экспроприации помещичьих земель улучшить крестьянское хозяйство путем введения агрономических приемов обработки земли.

Дядя Вася, видимо, надеялся на то, что, если он уйдет от мужиков, которые не хотят применять агрономические приемы ведения хозяйства (а

¹ Эти данные приведены в другой работе В.И. Ленина — «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905–1907 годов».

им просто негде было их применять), то сам сумеет это сделать. И они с тетей Сашей надрывались, работали день и ночь, но тем не менее хозяйство было бедное, даже коровы, как я говорила, не было. А удалось ему уйти из общины (хотя остальные крестьяне были против этого) потому, что особенностью аграрной правительственной политики, столыпинской политики, было насильственное проведение реформы. То есть насильственное укрепление крестьянских земель. Если вся община отказывалась укреплять землю в личную собственность, а один или два хозяина заявляли о желании укрепить землю и выйти на отруб или на хутор, то приезжала землеустроительная комиссия, иногда с отрядом жандармерии, и заставляла крестьян отпустить этих желающих. То же было и в деревне Давыдово: волостное правление, комиссия эта землеустроительная, заставили выделить дяде Васе землю, хотя и очень неудобную, где нужно было корчевать подлесок. Дело развернулось так, что конфликт с селом сохранился до самого конца.

Следует добавить, что, вообще, столыпинская аграрная реформа, особенно в Московской губернии, отчетливо показала, что крестьянская борьба в революции 1905 года и накануне 1917 года шла «за всю землю и за всю волю». Примером того, что сама столыпинская аграрная реформа потерпела крах, служит то, что по Московской губернии из крестьянской общины вышло всего 25%, и из этих 25% укрепивших землю в личную собственность лишь процентов 5–6 вышли на отруба и на хутора, причем состав отрубников и хуторян оказался резко дифференцирован: были и бедняцкие, и зажиточные хозяйства. Что касается остальных укрепивших землю и не вышедших на хутора или отруба, то эта категория крестьян, по Московской губернии особенно, характеризуется отходом из деревни в город. Вообще, многие крестьяне воспользовались правом укрепить землю в личную собственность для того, чтобы ее немедленно продать и таким образом порвать связь с общиной. Для этого периода — 1911–1913 годов — характерно резкое падение цен за землю в Московской губернии, причем именно на бывшие надельные земли.

Папа

Теперь о втором сыне дедушки — о моем отце, Иване Алексеевиче Антонове. Я не могу точно назвать год его рождения, знаю только, что женился он в конце 1903 — начале 1904 года. Мама моя, его будущая жена, была взята замуж в двадцатитрехлетнем возрасте из села Никитское. В начале 1905 года родился мой старший брат Василий.

Отец, как это было принято в нашей местности, еще подростком был отдан в Москву, в булочную Филиппова. Там он был «мальчиком», а потом рабочим. Даже после женитьбы он все равно уезжал в Москву на заработки. Там у него была каморка или комната на паях с кем-то, я точно не знаю. Во всяком случае, на неделе он с нами не жил. Возвращался домой на субботу и воскресенье, как и все уходившие на отхожие промыслы. Обычно они ехали поездом от Москвы до станции Фаустово, что недалеко от Бронниц, а оттуда 12 верст шли пешком до дома, и это считалось нормальным.

Мама рассказывала, что в сентябре 1905 года отец принимал участие в знаменитой стачке булочников. Тогда булочники вышли на улицу, и, когда хозяин лавки, Филиппов, вызвал конную полицию, их стали избивать нагайками, а они в ответ разбирали булыжную мостовую (Тверская тогда была булыжная) и бросали в полицейских. Это было началом восстания 1905 года (так расценил Ленин стачку железнодорожников в сентябре 1905 года, стачку булочников и некоторые другие стачки). Фактически восстание уже началось.

После поражения революции 1905 года отец попал в черные списки. Были такие списки, согласно которым безработный участник революционного движения не принимался на работу ни на одно предприятие. Общества фабрикантов, работников заключили между собой договор, по которому все попавшие в эти «черные списки» не принимались на работу. Отец был безработным, наверное, с 1906 по 1910 или 1911 год, мама не уточняла этого. Восстановлен он был на работе после того, как с 1910 года начался промышленный подъем, особенно проявившийся в 1912 и 1913 годах. С одной стороны, его могли восстановить потому, что спрос на рабочие руки действительно возрос, а с другой стороны, мама объясняла это тем, что ее отец, Петр Филиппович, тоже работал у Филиппова и даже дослужился до приказчика, и вроде бы он в течение нескольких лет упрашивал Филиппова вернуть на работу зятя. И папу восстановили. Но в 1914 году, когда царское правительство начало войну с Германией, отец попал под первую мобилизацию, как и многие его сверстники односельчане.

Об отце у меня осталось два ярких воспоминания. Первое — еще до войны. Отец приехал из Москвы на праздник. Так все обычно приезжали на лето: хозяева отпускали работников на месяц или что-то около месяца на сельскохозяйственные работы (например, на покосы). Отец, видимо, был отпущен на несколько дней, на праздник в селе Никитском, откуда была родом моя мама. На Успенев день, престольный праздник, там устраивался базар, карусель; сбегались туда со всей округи. Я помню: запрягают в тарантас лошадь, отец выводит или вы-

носит нас, а к этому времени мы уже (старший брат и три сестры) были такими детьми, которых можно было водить на праздники. Мне было года три или четыре, Вере побольше — она с 1906 года, Полина с 1907-го. Так вот, отец нас выносит и сажает на тарантас. А я почему-то запомнила темно-бордовые пальтишки (на всех одинаковые) со связанными маминой (теперь я уже знаю) рукой белыми кружевными воротниками.

Отец старался: всегда приносил что-нибудь из города, все, что получше, отдавалось детям. Говорят, что все Антоновы любили детей, но наш отец — особенно. Он любил детей и хотел, чтобы их было как можно больше, поэтому дети рождались почти каждый год. Мама была большая любительница рукоделия, умела она и ткать, но главным образом мама очень хорошо вышивала, вязала, шила (она сама нас всех обшивала, всю семью). Такие у меня остались впечатления от нашего детства.

Второй эпизод, по которому я очень хорошо помню отца, был в 1914 году. Мы знали, что его призвали на военную службу и что он, как говорили взрослые, где-то проходит «допризыв». И вот отец приехал после окончания призывной подготовки с тем, чтобы уже через день-два маршировать на фронт. Это был, наверное, конец августа или начало сентября 1914 года, я помню, что было еще довольно тепло на улице. У нас в большой комнате, которую все называли «зала», был собран стол, сидели родственники: человек восемь—десять или чуть больше, а по свободной части комнаты ходил отец и показывал нам, как их учили маршировать и управляться не с винтовкой, потому что винтовок на всех не хватало, а с палками. Он демонстрировал нам все упражнения с палкой, на которую наворачивают клеенку. Потом он взял на руки самого младшего сына Иосифа (он родился за три-четыре месяца до этого, нас уже было шестеро) и демонстрировал его всем с огромным удовольствием. Мне почему-то кажется, что Иосиф был в темно-синенькой сатиновой рубашечке, косоворотке, хоть он и был тогда совсем маленький. Потом я помню, как бабушка плакала, а мама держалась. Ее слез я как будто бы не видела. Слезы пришли потом, когда стало ясно, что отец погиб. Вот мои воспоминания об отце. Был он, говорят, веселый красивый человек, круглолицый, как большинство Антоновых.

Дед мой не курил и не пил, только позволял себе выпить маленькую стопочку в престольный праздник, Николин день, на Рождество и на Пасху. Также и отец, как мне кажется, не позволял себе никогда лишнего. О гибели отца мы узнали уже после революции, когда вернулись с Гражданской войны односельчане, которые уходили вместе

с ним на империалистическую войну (тогда формировались части, полки по месту жительства, и односельчане попадали в один полк). И один односельчанин рассказал, что сам лично видел, как Иван Алексеич (отца на селе звали по имени-отчеству; правда, было еще прозвище «Гуськов», как и всех Антоновых — почему именно такое прозвище, и откуда оно привязалось, неизвестно, но вспоминали о нем редко), когда начался бой и была команда «ложись», сначала хотел нагнуться, а потом выпрямился и сказал: «Чтобы я перед какой-то немчурой буду клонить голову! Нет, я пойду, буду колоть!» Ну и был сражен первым в первом же бою: весь залитый кровью упал... Когда через какое-то время начали публиковаться списки убитых, отец в них не значился. Мама ходила в волостное правление, носила, я помню, писарю в платочек завязанные какие-то медные деньги, чтобы тот повнимательнее посмотрел. Все говорили: пропал без вести. Но вот закончилась Гражданская война, и когда стали уточняться все данные, отцу присвоили статус погибшего. Погиб отец, как мне почему-то кажется, в районе Мазурских болот, где были окружения.

В пятом классе я стала учиться не в своем селе, а в другом месте: там было общежитие (потому что эта школа стояла в 12 верстах от нашего села). В интернате учили детдомовских ребят и нас, детей погибших в империалистическую и Гражданскую войну. Всех брали «на казенный паек». Советская власть, вот это я подчеркиваю еще раз, советская власть брала на свое обеспечение, не полностью, так хотя бы частично, детей и тех граждан, что погибли еще в империалистическую войну.

Третий сын дедушки дядя Паша, Павел Алексеевич Антонов, был моложе отца, наверное, на год или два, и внешне немножко отличался. Отец был блондин или светлый шатен, а дядя Паша, скорее, темный шатен. У него были немного вьющиеся волосы. У отца были серые глаза, а у дяди Паши черные или темно-карие. Запомнился мне он своей строгостью (хотя это могло быть обманчивым детским впечатлением).

Я его помню с тех пор, как он вернулся с Гражданской войны (он тоже ушел на империалистическую войну, но не в 1914 году, а чуть позже, и вернулся в 1919 году, когда еще шла Гражданская война). Значит, он отслужил империалистическую войну, потом часть Гражданской войны и от сидения в окопах заболел туберкулезом. Дядя Паша пришел в деревню какой-то очень свободный, сразу объявил, что он коммунист, и что раз он уж не может больше воевать, то в нашей деревне в том месте, где ставилась плотина для красивой мастерской Василия Леонтьевича Антонова, он построит электростанцию. В общем, будет

преобразовывать деревню на социалистический уклад. Вот что он всем объявил. Мы его немножко побаивались.

Где-то в 1915 году я разбила его граненый стакан — его личный, из него пил только он и никто другой. Я так боялась! Я его избегала везде, не хотела с ним встречаться, боялась, что мне достанется. Нас ведь почти не били, никогда не наказывали, а он, кажется, пригрозил, что если кто-нибудь его стакан возьмет и разобьет, то он порку задаст. Поэтому я, наверное, так боялась. И помню хорошо тот момент, когда он все-таки меня увидел, поймал и сказал:

— Ты что, меня так боишься?

— Да, я боюсь. Я стакан разбила.

— Ну, что ты, неужели из-за стакана я буду тебя наказывать. Не буду наказывать.

Но почему-то впечатление о том, что он очень строгий человек, у меня все-таки осталось. Оно, наверное, усилилось еще и тем, что, когда он вернулся с фронта и начал везде выражать свои задумки (типа электростанции), у него сразу началось противостояние с дедушкой. Дедушка был человеком старой веры, даже не в религиозном смысле, а в смысле старых устоев, обычаев. А дядя Паша — коммунист, безбожник. Тогда уже все знали, что коммунисты — безбожники. К тому же у дедушки в свое время была маленькая лавочка. То есть и в классовом плане они с дедом оказались неблизкими людьми.

Дядя Паша был женат, были дети: Витя и Толя. Причем Толя родился уже после его смерти (Павел по возвращении прожил только год). Причем говорили, что вот, мол, коммунист, коммунист, а хоронили его по церковному обряду. Впрочем, я не знаю, имел он партийный билет или нет. Во всяком случае, о себе он заявлял, как о коммунисте.

Я что-то начала с конца его биографии, а если пойти с начала, то можно вспомнить, что он тоже уходил из деревни в город. В Москве работал в какой-то мастерской, занимался резьбой по дереву, был столяром и краснодеревщиком. У нас были очень красивые вещи, сделанные им сами: шкаф для посуды в столовой (с выжиганием), какие-то маленькие шкатулки...

Женился дядя Паша, когда ему уже было больше 20 лет. Женился на Анне («тетя Аня» ее звали), как ее по отчеству, не помню. Была она из села за 7 километров от нас, из деревни Семеновская, из семьи Романовых. Фамилия Романовы (прямо как царская) тоже распространена в нашей местности. Это была крестьянская, но довольно небедная семья. Тетя Аня, вероятно, была весьма интересная женщина. Я ее хорошо себе представляю. Правда, помню я ее уже тогда, когда

у нее было пять человек детей: старшая Зина родилась в 1910 году (моя двоюродная сестра), а дальше идут Геннадий, Раиса, Виктор, Анатолий. Толя рано умер, он пожил всего пять или шесть месяцев. Я очень хорошо помню, как он еще до раздела лежал у нас в большой комнате в переднем доме, и я всю ночь провела с ним, читая Псалтырь (я умела читать по-церковнославянски). Мне тогда было то ли десять, то ли одиннадцать лет. Вот так.

После того, как Толя и дядя Паша умерли, передний дом разделили на две части, а все имущество на три части — одна часть нам (т.е. семье моего отца и мамы), вторая часть семье дяди Паши, а третья часть — дедушке, бабушке и младшему брату отца дяде Саше, Александру Алексеевичу Антонову.

Мы очень дружны были с тетей Анютой. И мама моя с ней дружила, я не помню, чтобы между ними были какие-то ссоры, противоречия, несмотря на то, что дядя Паша всегда скандалил с дедушкой. С тетей Анютой мы дружили даже на общественной арене, если можно так выразиться. Когда я стала работать в комсомоле, тетя Анюта пыталась тоже заниматься общественными делами. Тогда существовал потребительский кооператив, и он был очень авторитетен в деревне. Так мы с ней вместе ходили в Бронницы на курсы кооперативных работников! Она высокая стройная женщина уже, такая взрослая, и я — тонконогенькая семнадцатилетняя девчонка. Жили там же, слушали лекции. Где-то у меня осталась фотография — там вся группа курсантов.

Дядя Саша тоже работал в Москве, в ювелирной мастерской («золотых дел мастер», как тогда говорили). Очень начитанный, как о нем отзывались. Женат не был. Хотя после Гражданской войны, когда он вернулся домой (ему уже было лет 30), были девушки, которые очень хотели выйти за него замуж. Но он все как-то не собирался жениться. Какие здесь причины были, я не знаю, но, во всяком случае, одной из причин была его болезнь. Дело в том, что он вернулся, кажется в 1921 году после Гражданской войны с туберкулезом, и к тому же у него была горловая чахотка. Какое-то время он держался бодро, ходил на гулянья, куда его звали парни помоложе. Но ходил неохотно, все больше читал. И, по-моему, он был равнодушен к моей маме. Мама-то была вдовой, она уже выплакала все слезы по отцу к тому времени, когда стало официально известно, что он погиб. Сразу после того, как он пропал, мы часто видели такую картину: мама стоит в передней комнате около комода, перед ней фотография, где она с отцом (это был первый год, как они поженились). Так вот, она стоит перед этой фотографией и плачет, но как только почувствует, что кто-то из нас зашел, сразу вытирает слезы — она никогда не показывала нам своего

горя. А было-то ей, когда отец-то умер, всего 32 года. И была она очень красивая. Во всяком случае, симпатичная женщина, разумная. А дядя Саша, как я уже говорила, кажется, был к ней равнодушен, во всяком случае, я как-то слышала их разговор. Мама его уговаривала:

— Тебе нужно обязательно жениться, тебе будет легче жить, нужно жениться!

А он в ответ:

— Нет, не буду я жениться, — и называет, на ком. — Вот на тебе я женюсь. Мы будем вместе.

— Ну куда я с шестью детьми?

— Мы будем вместе их воспитывать. Я люблю твоих детей. А Симочка (я его крестница была), а Симочку нужно учить обязательно. У нее в школе дела идут хорошо, ее нужно обязательно учить.

Вот такой разговор я запомнила (слышала сквозь сон). Мне кажется, что это было ночью, а может быть, ранним вечером: в детстве как было — набегаешься и спать хочется уже в девять-десять часов.

Вот таким был дядя Саша. Он умер, наверное, в 1922 году, еще молодым. Я помню, как его хоронили. Я уже могла понимать что-то.

О дяде Саше я помню еще кое-что. Шел, наверное, второй год, как он вернулся с фронта. Был Пасхальный Сочельник, суббота перед Пасхой, когда христианам положено говеть до звезды, и, так как я тогда была очень религиозна (или мне так казалось), я говела. Я влезла на полати над печкой и, чтобы не было соблазна (еды), почти весь день там провела. А на печке жарко и душно — перед праздником печь всегда топили, ведь надо было все приготовить. И вот, я слышу, как дядя Саша маме говорит:

— Аксюша, позови ты ее, ну что она там сидит, еще заболит, ну пусть поест, ну что это за предрассудок такой говеть, зачем это нужно? Не нужно.

Он уже тогда был не такой уж верующий, а может быть, даже совсем неверующий. А потом мне мама говорит, что уже взошла звезда-то, взошла, сходи, слезай. Я стала слезать с печи и упала, у меня голова закружилась. Конечно, все подбежали ко мне. Кажется, дядя Саша меня взял, понес в комнату, поесть мне дали. Мне было очень стыдно, что я упала, что я не выдержала, казалось, что все пропало.

После этого, на первый или второй день Пасхи, мы чуть ли не всей семьей поехали в Никитское к маминной родне в гости. Там был еще один интересный момент. Все собрались в столовой. В крашенное деревянное кресло усадили дядю Саню, как гостя, а рядом с ним молодые люди: мамин младший брат и самая младшая мамина сестра, тетя Кланы. И все они разговаривают между собой. Дядя Саня им расска-

зывает про меня — шутя, полугромко, но я все услышала и очень обиделась. Он рассказывал им, какой казус со мной произошел. А мне в это время очень хотелось посмотреть на их компанию, главным образом из-за тети Клани. Потому что тетя Кланя (как я сейчас себе представляю) очень живописно выглядела рядом с ними: двое молодых мужчин и она — Кланя. Девушка очень симпатичная, ей тогда, наверное, 18 было, а может, даже меньше. Волосы белокурые, две косы локонами спускаются. Меня особенно поразило, как она была одета! Черная шерстяная юбка почти по щиколотку, с разрезом, разрез от колена, красная шелковая косоворотка, рукава и ворот вышитые, пластинка тоже вышитая, обшлага расшиты цветными нитками и кушак с кистями. На ногах какие-то черные туфельки, черные чулки. Это тогда был крик моды, революционный (до революции красная рубашка считалась чем-то вызывающим). И вот она сидит вполоборота на ручке кресла, немножко облокотившись на спинку, и курит папироску. И явно видно, что дядя Саня ей любит, хотя он старше ее был лет на восемь или на десять, и ее брат дядя Сережа тоже любит. Картинка. К тому же у нее еще был очень приятный голос, дикция хорошая и какая-то особенная всю жизнь была.

Дедушка был очень строгий в соблюдении правил семейного общежития, но в то же время очень добрый человек. Видимо, он очень любил дядю Сашу, своего младшего сына, и очень любил нас, своих детей и внуков. И у меня осталось такое впечатление, что он очень любил меня. Бабушка ко мне тоже хорошо относилась, об этом можно судить по тому, что именно меня она в 1916 году взяла в Москву к своей старшей дочери, к Фоминым. Там-то я и приобщилась к московской жизни.

Уезжали мы на целую неделю. Путь наш был таков: дедушка довез до станции Бронницы, потом мы ехали поездом в общем вагоне (скорее всего третьего класса). Приехали, наверное, часов в одиннадцать-двенадцать. Поезд останавливался на всех остановках. У меня, кажется, не было билета, билет был только у бабушки. Бабушка ехала в шубе (это была овчинная шкура, сделанная таким образом: гладкий облегающий верх и с отворотами низ, свободный), и у нее был большой бидон с молоком для дочери, так вот, как только слышали, что идет контроль, соседи сказали: «Прячь ее». Бабушка посадила меня на этот бидон, прикрыла шубой, и я проехала так какое-то время, потом меня снова выпустили на волю. Еще я помню, что когда объявили станцию Перово, в поезд вошла какая-то дама в шляпе с пером, и у меня возникла ассоциация — Перово и женщина с пером. Вышли мы на Сортировочной, потому что от Сортировочной шел трамвай «Ан-

нушка», который нас довез до Зацепной. От Зацепа мы дошли до Жукова проезда, где был дом моей тети, старшей дочери бабушки, и там мы прожили неделю.

Я оказалась на попечении двух дочерей тети, Любочки и Зиночки. Они меня одели в свою одежду, потому что им не понравилась моя шуба — она была сшита так же, как и все крестьянские шубы, но изначально делалась для старшего брата, для Василия (отец даже заказывал эту шубу какому-то портному). Она была крыта темно-синим сукном, отделана серым барашком и была, на мой взгляд, очень нарядная. Но все равно этим московским девочкам она не понравилась. Поэтому они меня одели в какие-то свои московские одежды и шапку (у меня была шапка с ушами, такие мы носили в детстве). Кто-то из девочек отдал мне свою шляпу, и я ходила с ними в этой одежде.

Дни рождения мы не отмечали, но были семейные торжества. Встречали христианские праздники, особенно Рождество, Пасху и престольные. Престольные праздники нашего села — это Николин день зимний и Николин день весенний. Зимний в декабре месяце, где-то в начале, а весенний в середине мая. В Никитском, откуда родом мама, был престольный праздник Успенъев день, в августе. На него мы всегда ездили. Потом еще праздники родственников.

Ко мне хорошо относились, но в семье всегда считалось, что любимица бабушки моя старшая сестра Вера. Наверное, потому, что Вера невысокого роста, как бабушка. Бабушка была невысокая, даже маленькая. Такая очень дельная, деловая, работающая, все успевала сделать, всех обслужить — такую огромную семью. А Вера чем-то походила на нее. Я же всегда считалась любимой внучкой дедушки. А когда к нам летом приезжали москвичи, нас собиралась целая детская колония: шесть человек нас, пять человек у тети Анюты и из Москвы приезжали шесть человек. Двое, правда, были взрослые, они с нами особо не общались (тетя Маня и Саша Фомины), а остальные ребята и Семка (будущий министр), Любочка и Зиночка — все мы были одной компанией. 19 человек нас собиралось, и бабушка всех обслуживала.

Никитское и семья матери

Никитское — большое старое село с весьма интересной историей. Там была очень сильная земская школа, где были прекрасные, квалифицированные, образованные учителя. Кроме того, в Никитском была и своя земская поликлиника, при которой даже был больничный покой, небольшой, но койки там были. Например, когда у моей второй

сестры, Полины, был брюшной тиф, она лежала там. И был в этой больнице замечательный земский врач — Николай Николаевич Африканов. Его знали во всей округе. Говорят, что когда его хоронили в середине 30-х годов (меня в то время там уже не было), за гробом шла целая процессия, 200—300 человек — со всех деревень, со всей округи пришли его провожать.

Семья Африкановых достойна того, чтобы о них знали. Это была образованная, демократическая, очень интеллигентная семья. Брат нашего врача Африканова (не помню, как его звали) был старшим врачом в Бронницах. Там тоже была довольно большая больница и своя поликлиника. И тот Африканов, как и наш, был личностью заслуженной, известной и уважаемой в тех местах. Не помню, были ли дети у Николая Николаевича, но у его брата точно были две дочери, с которыми я лично знакома.

Старшая — Наташа Африканова, красавица удивительная, блондинка с пушистыми русыми косами. Лицо очень изящное, русское такое, глаза голубые. С Наташей я познакомилась еще девчонкой, когда мне было 17 лет. Я тогда попала на губернский съезд (т.е. вначале на уездный съезд комсомола от своей волости), а она была делегатом комсомола от раменской фабричной организации (она была ее секретарем). Наташа работала где-то на фабрике, но, по-моему, не ткачихой, а в конторе. У нее уже было среднее образование, а может быть, даже и высшее начала получать. После она вышла замуж за Лешу Яркова. Тот был сыном знаменитого хормейстера Яркова (он создал свой хор, который в 20-х — начале 30-х годов очень славился в Подмоскowie). Леша был комсомольским работником, нашим агитпропом губкома комсомола, затем работал агитпропом в Виноградовском райкоме партии. А потом Ярков уехал учиться в Военно-политическую академию. Стал генералом. Я уже после войны встретила его в генеральском чине недалеко от того дома, где я жила на Арбате. А он у Никитских ворот жил вместе с Наташей. И дети у них уже были. Мы на пленумах вместе встречались, но близко знакомы не были, а познакомились мы еще до войны, когда я училась на рабфаке. Со мной вместе в одной группе училась Наташина младшая сестра Лена Африканова. И вот Наташа как-то пришла на рабфак, узнала меня, и, конечно, мы с ней долго разговаривали. Это было в 1934—1937 годах.

При этой Никитской земской больнице кроме приемного покоя был еще родильный покой. При нем были фельдшер (Колбин его фамилия, он жил там со своей семьей), великолепная акушерка и ее помощница. Все люди интеллигентные, а с акушеркой мы к тому же водили дружбу,

поскольку мама ездила туда рожать. Мы и с учителями местной школы дружили. Так что было общение с интеллигенцией. А кроме того, для всех детей моей бабушки, маминых сестер, очень важную роль сыграло то, что они все пели в церковном хоре. У всех были хорошие голоса. Пока все не вышли замуж, они там подвизались и были запевалами. Фамилия их Кузнецовы. Вот в такой среде воспитывалась мама.

Все они готовили себя, все они работали в сельском хозяйстве. И косить умели, и жать умели, и молотили. Все это были летние занятия, а зимой рукодельничали: ткали полотно, отбеливали его ранней весной на снегу или после снега на солнце. А иногда дедушка привозил из Москвы самое тонкое полотно для того, чтобы они вышивали. Сестры готовили себе приданое. До сих пор в родительском сундуке хранятся полотняная простыня и покрывало — вначале выстилали одеяло, потом уже это покрывало с кружевом (кружево сами вязали), а сверху еще, как оно называлось, каньеовое одеяло, и вышитые подушки были (обязательно вышитые). Вышивали главным образом на пяльцах.

У Кузнецовых сначала был старый маленький дом, но потом дедушка (он, видимо, достаточно зарабатывал) построил новый дом. Старый остался во дворе. В большом доме была передняя, теплая изба и летняя комната. Были надворные постройки, и, главное, был очень большой сад. Он занимал всю усадьбу площадью в гектар. Там было около 80 плодовых деревьев и масса кустарника: крыжовник, смородина и прочие. И когда был урожай яблок, то их дома было некуда девать. Однако так как село Никитское стояло на шоссе, соединявшей Москву с Коломной, Рязанью и другими городами (Коломенское шоссе), то это было наполовину торговое село. Сюда приезжали специальные повозки, на которые сваливали эти яблоки и их куда-то увозили. Когда я была подростком, я ходила туда. У нас тоже был сад, небольшой, но все-таки по одному дереву каждого одного сорта в нем было: антоновка, грушовка, белый налив и потом пресные какие-то яблоки. А у Кузнецовых было много-много всяких сортов. И когда хотелось поесть каких-нибудь яблочек получше, мама в порядке поощрения (а с другой стороны, она, наверное, про себя-то думала, что нужно дать девочке отдохнуть), посылала меня к крестной на ночь, якобы за вкусными яблоками, но на самом деле, конечно же, я туда больше для отдыха ходила. Заходила в усадьбу со стороны (не с переднего хода, а с заднего хода), шла в сарай, садилась и ела эти яблоки — там они были прямо в кучу свалены. А потом уже шла к крестной — к тете Маше, и она начинала угощать меня разными вкусными кушаньями.

Справа — сестра матери, Елизавета Петровна; слева — ее муж и их приемный сын Борис, погибший в годы Великой Отечественной войны (снимок 1939–1941 гг.)

Петра Филиппыча Кузнецова, отца мамы, я ни разу не видела. Он работал (тоже с мальчиков начинал) в филипповской булочной в Москве. Потом он дослужился, как я говорила, до приказчика и был на очень хорошем счету. Дома он бывал довольно редко. Мамина мать, тетя Дарья, вот она все время дома была и вела хозяйство фактически одна. Она все умела делать. Помню, она приезжала к нам на лошади, которую сама лично запрягала. И все сельскохозяйственные работы знала очень хорошо. Детей у них было много.

Старший сын, Иван Петрович, который тоже был где-то в Москве, служил с детских лет у какой-то купчихи и также дослужился до приказчика. А потом и женился на ней, когда эта купчиха овдовела (история в духе Куприна или Горького). Сама эта купчиха была старше Ивана Петровича. Его я знаю только по фотографиям. Красивый такой мужчина. Но какая-то такая немножко картинная внешность у него была: с усиками, галстук-бабочка. В семье не особо жаловали его жену, потому что она была старше. А старинные семейные традиции не одобряли

того, что жена старше мужа. Хотя я знаю, что в середине 20-х годов мама ездила к этой женщине (дядя умер довольно рано), и сама она как-то к нам приезжала. В общем-то она была типичной московской купчихой, достаточно симпатичной. Немного полноватая, держалась с достоинством. Помню ее в кружевной косыночке, шелковом платье, довольно богато. Детей у нее не было.

Особо интересны в этой семье мамыны сестры. Их было семеро.

Старшая сестра — тетя Маша, Марья Петровна. Очень интересная личность. Она умерла в середине 60-х годов, когда ей было около 80 лет. Умерла она девицей. Мама рассказывала мне ее историю. Тетя Маша полюбила какого-то молодого парня в селе. То ли этот парень был из очень бедной семьи, то ли просто не понравился ее отцу... Мать была на стороне тети Маши, а отец остался непреклонным, сказал: за него замуж ты не пойдешь! Говорят, тетя Маша была очень хороша собой. Хотя в старости я в ней ничего особенного не замечала, только то, что она оставалась очень стройной, худощавой до самой смерти. У нее была прямая походка и всегда независимый вид. Тем не менее этот юноша, который был влюблен в нее и который ей нравился, очень настаивал на том, чтобы они поженились, но свадьба так и не состоялась. Тетя Маша заболела, у нее начался ревматизм, и очень болели ноги. Она совершила паломничество из Никитского в Сергиевскую лавру. Это примерно 100 с лишним километров. Прошла этот путь пешком, и ноги болеть перестали. После этого она дала клятву, что никогда ни за кого замуж не выйдет. Это был своего рода ответ отцу: мол, если не хочешь, чтобы я выходила замуж за этого юношу, я вообще ни за кого замуж не выйду.

Поскольку замуж она не пошла, то обрекла себя помогать матери, ухаживать за многодетной семьей, за теми детьми, что пошли за тетей Машей. Так она и ухаживала за всеми и для всех своих братьев и сестер осталась крестной, так ее называли и племянники, и мы — все звали крестной. Она вела все огромное хозяйство, весь сад. Прекрасная женщина. Бабушка умерла довольно рано от рака желудка. И за всем хозяйством, за всей семьей присматривала тетя Маша.

Семья была большая, но уже в середине 20-х годов все разошлись кто куда, и крестная часто оставалась одна. И делала картошку в сметане. У нас не было возможности такое делать, а она делала.

Про тетю Машу можно добавить, что у нее был какой-то даже не просто хозяйственный, а государственный ум. Я ясно помню, что когда тетя Маша переехала жить к своей младшей сестре в Кратово под Москву, недалеко от станции был дом, принадлежавший районному почтовому отделению. А муж младшей сестры, Белоцветов Игорь

Алексеевич, был заведующим этим почтовым отделением, и они там жили. Так вот, когда я приехала к ней уже в хрущевские времена, у меня был разговор с тетей Машей. У нее был приемник (Игорь Алексеевич как-то привез ей приемник, тетя Маша всегда слушала радио с большим интересом). И мы с ней обменивались мыслями по поводу политики, и она мне говорит:

— Ты вот мне скажи, это что, по-государственному разве поступает Никита Сергеич Хрущев?

Я говорю:

— А что такое?

— Да вот я слушала по радио, что он поехал в Египет с огромной свитой, а ведь это наши народные денежки туда идут. Это что же получается, у него свита-то даже больше, чем царская была? Это царь ездил со свитой. Ну тогда они все жили на народные деньги. А здесь-то ведь он сам из народа, что же он так ведет себя сейчас, разве это справедливо, разве это правильно?

Второй эпизод, который мне запомнился, был через несколько месяцев после завершения строительства университета на Ленинских горах. Я тогда жила на Арбате, и ко мне приехали мама с тетей Машей посмотреть, как я там живу. Я сразу решила порадовать их тем, что построен новый университет. Хотела показать, что после разрушительной, разорительной войны советская власть смогла воздвигнуть такой необыкновенный дворец для молодежи. Я созвонилась с комендантом этого здания и заказала машину. Повезла их на Ленинские горы. Когда мы туда приехали (а мне хотелось им актовЫй зал показать, он тогда блеснул весь, чудесный, прямо как в сказке, лучше, чем в царском дворце, как мне казалось), я попросила, чтобы нам открыли. Мы втроем вошли туда. Сели где-то в партере и начали разговаривать. Мама в подобные моменты очень восторженна была:

— Маша! Да ты посмотри, какая благодать, как красиво-то! — и руками вокруг водит. — Как же все красиво! Да ты посмотри, Маш! Да посмотри, ведь как здесь, да как здесь красиво!

Тетя Маша сидит, поджав губы, молчит, а потом говорит:

— Да подожди ты, ну, красиво, конечно, красиво. Все хорошо. Но вот ты мне скажи, Сима, сможете ли вы воспитать молодежь так, чтобы они сохранили всю эту красоту? Ведь сколько сюда пошло народных денежек опять? Сколько же народных денег сюда пошло? И если вы допустите, чтобы молодежь ломала, писала, то есть это, пачкала все, грош цена вам как педагогам, как воспитателям.

Вот такое она тогда нам выдала. Это ли не государственный подход? Потом как-то было у нас партийное собрание (лет, наверное,

20–30 спустя после нашего разговора), я выступала и привела этот пример. Сказала: вот тетя Маша так рассуждала, а мы не смеем сделать замечание, поговорить со студентами, чтобы они не писали на стенках, чтобы они не ломали стулья, на что же мы тогда годимся?! И мне хлопали, мне аплодировали. Грамотная она, конечно, женщина была.

Другой сестрой была тетя Анюта, Анна Петровна. Она вышла замуж за односельчанина, затем они уехали в Шилово (это по Оке, железнодорожная станция по направлению к Рязани) и жили там вплоть до революции. У них тоже была большая семья, мои двоюродные сестры и братья — довольно интересные люди. Александра, Шура, их дочь, начинала учиться в Шилове в какой-то балетной школе. Как будто бы там при земстве какая-то балетная группа была устроена. У нас почему-то сложилось такое впечатление, что она все больше строит из себя балерину. Девушка была с претензиями. Замуж она так и не вышла: была влюблена в одного мужчину, но замуж за него почему-то не выходила или он не женился на ней. Потом сватались другие молодые люди, но она им отказывала. Долгие годы жила в Москве, стала очень хорошей портнихой (самоучкой, но художественной портнихой). Могла изобрести какой-нибудь фасон. И часто, когда я приезжала к ней, она говорила, что вот у нее сейчас настроение, и она мне, если я захочу, сошьет платье. Только нужно купить материал. И добавляла:

— Только ты мне, пожалуйста, не диктуй — как я решу, так я сама и сделаю то, что тебе пойдет.

А когда я ее просила сшить что-нибудь, она говорила:

— Нет, сейчас у меня настроения нет, я тебе платье делать не буду. Иди в мастерскую и там делай себе платье.

Иван, мой двоюродный брат, был служащим. С ранних лет в Москве служил, потом работал в министерстве высшего образования, хотя сам он профессором не был и даже высшее образование, по-моему, у него было не окончено. Умер он тоже рано, так же, как и Саша.

Володя, следующий брат их, примерно моего возраста, погиб на фронте. Хороший был молодой человек, комсомолец, говорят, очень активный (у себя, в Никитском). Пошел добровольно на фронт. После него осталась семья, двое или трое детей.

Затем Костя. Он моложе меня, тоже на фронте был все время, провоевал. Он уже умер.

Клавдия — очень симпатичная женщина, милая. Уехала работать по комсомольской путевке в Новомосковск (это угольный бассейн Москвы), там она вышла замуж за журналиста. Он был репрессирован потом, и она с двумя сыновьями осталась в Москве. А после, когда он

вернулся, оказалось, что он уже снова женат, и она не захотела строить с ним жизнь. Ее уже тоже нет в живых. Лева, ее младший сын, давно умер, а старший был очень способным к математике и стал инженером.

И последняя дочь Анны — Любочка. Умерла очень рано, наверное, лет 30 ей было. Несчастный случай: в глаз попало стекло, и не смогли прооперировать вовремя. Оно затронуло какой-то жизненно важный нерв, и, вероятно, случился инсульт. Так она умерла. Красивая девушка была, хорошо пела (не профессионально, так, для себя), училась и работала.

Мама

Вот я сегодня искала всякие фотографии и подумала: у меня ведь осталось очень мало писем, хотя переписка была обширная. Многие письма потерялись при переездах. Некоторые я порвала (что-то оставила), но многое уничтожила. Напрасно, совершенно напрасно, неправильно я тогда поступила. Письма нужно было оставлять целиком, ведь среди них были очень интересные. Еще я, наверное, зря уничтожила свой дневник (правда, давно дело было, еще в молодости). Я его долго вела, но однажды в ту комнату, где я жила с одной моей знакомой, залез парень... Молодой человек, ухажер мой. Он очень хотел, чтоб я вышла за него замуж, а я его терпеть не могла! Так вот, он пробрался в комнату, хозяйка его пустила, и там в стопке книг нашел мой дневник, прочитал и подчеркнул красным карандашом многие вещи. После этого я уничтожила свой дневник.

Тоже интересно: жили всегда трудно, но и мамин папа (наш дед) из Москвы привозил ей платья, и отец — он ведь очень любил маму и хотел, чтоб она была хорошо одета. У нее было три или четыре хороших выходных платья, все они долго хранились. Потом мы их переделали, сшили платья себе. От тех, старинных платьев, уже ничего нет. Напрасно, наверное, надо было хоть что-то оставить... Да, напрасно. Но кто же тогда над этим задумывался?! Много не сохранилось...

Но вот передо мной лежат фотографии. Вот мама с папой. Вероятно, это конец 1904 — начало 1905 года. Мама беременна (первым сыном, Василием). Родители еще совсем молодые. Мама в подвенечном платье, отец, скорее всего, тоже в том костюме, в котором венчался.

Кроме этой у меня еще есть много фотографий, в том числе и групповых, но они более позднего периода. Есть фото, сделанное в лесу на станции Мичуринец, что по Киевской дороге. Мы туда часто ездили

гулять, пока я жила на Арбате. Вместе с нашей компанией ездила и моя мама. Она всегда стремилась в лес, ей нравилось ходить по грибы, она любила природу и бывать с молодежью тоже очень любила!

Еще одна фотография относится, наверное, к 1958—1959 годам. Она была сделана уже после того, как я вернулась из Китая. Фотографировала нас (это также была любительская фотография) Анна Федоровна Чмыга¹. Вот такая была компания.

Затем, есть еще такое фото... Это неполная фотография нашей семьи. Снимок был сделан в Раменском. К нам в гости приехала одна китайская девушка, она училась здесь, в Москве, — сестра помощника декана истфака Пекинского университета. Дело было также в 1958 или 1959 году. Так вот, она училась здесь, в Москве, в каком-то институте (я уже не помню, в каком), мы с ней приехали в Раменское и там на память сделали фотографию всех тех, кто был там в это время. Здесь есть и мама, она в платочке. Занимает среди нас почетное место.

Теперь, еще здесь мама сфотографирована. Она была очень веселой. Любила разговаривать с племянниками, причем у нее всегда были какие-то свои, особенные разговоры: поучительные, но в то же время занимательные для самих племянников. На этом снимке моя мама и ее младший племянник, Валентин, Валечка, сын моей старшей сестры. Они в Раменском, сидят за чаем, и видно, что она о чем-то интересном с ним разговаривает. Фотография получилась живая, в ней передается сама суть беседы — оба улыбаются, смеются.

Здесь мама снова сфотографирована с младшим племянником, снова в Раменском, но это они уже позируют. А на этом фото они сняты за живой беседой — мама такая непосредственная. А этот снимок уже от начала 1960 года, вот как.

Я хотела показать еще одну фотографию — здесь мама со своими тремя младшими сестрами, видимо, это тоже начало 60-х годов. На фото мама, тетя Саня, тетя Лиза и тетя Кланя (она уже умерла — последняя мамина сестра). А рядом сын тети Клани — Витя, его жена, и, как бы вам объяснить... этот юноша не был приемным ребенком, но жил

¹ Чмыга (Шарапова) Анна Федоровна (24.6.1914—2000). Член ВКП(б) с 1938 года. В 1939 году поступила на заочное отделение МГУ. В войну была заместителем начальника по политчасти Военно-санитарной летучки на Северо-Западном, 1-м Прибалтийском, 3-м Белорусском, Забайкальском фронтах. Принимала участие в боях под Москвой, Ригой, Вильнюсом, Кенигсбергом, окончила войну в звании капитана. Награждена орденами Отечественной войны II степени, Красной Звезды, двумя медалями «За боевые заслуги», медалями «За оборону Москвы», «За победу над Германией», «За победу над Японией». Окончила кафедру истории СССР. Преподаватель, профессор кафедры истории СССР периода социализма (истории России XX века).

с ними, как сын, — был он другом родного сына тети Лизы. История случилась такая: ее сын, Борис, погиб на фронте еще мальчишкой, а он служил вместе с этим парнем, и, кажется, они были очень дружны. После смерти Бориса он часто приезжал к тете Лизе и жил у нее, как бы заместо сына. Вот такая была дружба.

Мама. Мама закончила женскую школу в Никитском...

О маме можно сказать кратко, а можно говорить долго. Наша семья всем обязана именно ей. Отец все-таки очень рано умер. И с нами, всю жизнь, была мама. Когда отец погиб, ей было всего 32 года, у нее на руках осталось шестеро детей. Дядя Саня, который был в нее серьезно влюблен и который любил нас (возможно, потому, что чувствовал — семья у него уже не будет, из-за болезни). Так вот, после войны, когда я приехала в село и встретила там председателя колхоза, он мне сказал:

— Мама-то ваша была героическая женщина. Я ведь за вашей мамой ухаживал, думал, что она за меня замуж выйдет. Надеялся на это, а она не пошла за меня. Вышла за вашего отца. Позже, когда ваш отец погиб, и вас было уже шесть человек, я опять ее звал замуж, а она снова отказалась, снова не пошла. Сказала: «Буду воспитывать детей, ни за кого замуж не пойду»... Я ей говорю, за кого же ты, мол, тогда хочешь, если я тебе верный друг, а ты за меня не идешь?! Так за кого? А она говорит: «Ни за кого не пойду! Я дала обет, что я ни за кого замуж не выйду, буду воспитывать детей одна... что же это будет за семья, если у моих детей будет не родной отец, а отчим? Не хочу. Пусть и хороший человек, но отчима для своих детей не хочу!»

Чем чаще я думаю о маме, вспоминаю ее, тем больше мне хочется сказать, что мама действительно оказалась героической женщиной и прожила героическую жизнь. Я уже говорила о том, что, когда в 1914 году отец погиб на фронте, мама осталась вдовой, — а нас было шесть детей. Причем старший сын родился только в 1905 году — представляете, сколько ему было лет (всего лишь девять)! А остальные шли друг за другом, большой интервал был только между моим рождением и рождением Евгения — я родилась в 1909 году, а Евгений — в 1912-м. Затем шел Иосиф, самый младший сын, он появился за 3–4 месяца до того, как отец ушел на фронт.

Конечно, еще был жив дедушка, отец моего отца, и бабушки были живы. Да и жили мы большой дружной семьей... но, все равно, было очень трудно: мужчины во время войны были на фронте, а потом умерли один за другим (об этом я уже рассказывала). Дедушки и бабушки становились старенькими, приходилось «крестьянствовать», на заработки ходить стало некому; а вести крестьянское хозяйство пока могла только мама, хотя и мы, дети, очень рано начали работать.

Верхний ряд: старшая сестра Вера, средний брат Иосиф, сестра Полина; нижний ряд: младший брат Евгений, мать Ксения Петровна, старший брат Василий (снимок 1935–1937 гг.)

Мой старший брат Василий уже в 11–12 лет был вынужден пахать землю, а ведь это трудная работа. Я помню, как он надрывался, и что мама больше всего заботилась о нем потому, что Вася стал главным работником в нашей семье. Мы же должны были с пяти-шестилетнего возраста работать в огороде, носить воду с реки для полива, полоть... потом приучились жать рожь, косить и убирать. К подростковому возрасту я уже косила и умела жать. А полоть и молотить я, естественно, могла с детства. Жизнь была трудная, очень тяжелая, но тем не менее все это стало для нас большой жизненной закалкой. Такими уж были условия, при которых мама нас растила.

Конечно, ей помогали. Я не случайно рассказывала об ее сестрах. В нашей семье женщины — разумные, деловитые, сочувствующие друг другу... все время нам помогали. Я сейчас воскрешаю в памяти какие-то детали, которые в ту пору казались мелкими и незаметными: например, маме делались существенные подарки, специально для нас, скажем, отрез на пальто. В общем, то, что мама сама не могла приобрести, покупали сестры. Конечно, мы тоже откликались: ходили молотить рожь старшей сестре, еще чем-нибудь помогали по хозяйству. Но это были

пустяки по сравнению с тем, какую поддержку оказывали нам. И, как мама сама говорила, — если бы не советская власть, она не смогла бы нас вывести в люди. А ведь все мы начали учиться, нашли работу. Одним словом, в нищих не превратились. Какое-то время, пока хозяйство было бедняцкое, нашу семью освобождали от сельхозналога. Но потом все более-менее наладилось, мы всегда были одеты-обуты, и все стараниями мамы, которая умела держать хозяйство и работала очень, очень много. Как сейчас помню: когда мы ложились спать, она стонала оттого, что у нее болели руки. Завидев кого-то из нас, она это пре-кращала, но боли мучили ее постоянно: ей ведь приходилось и печь топить, и чугуны ворочать, для семьи и для скотины готовить еду.

В то же время, она всегда живо интересовалась общественной жизнью. Помню, что уже при советской власти она два или три года была делегаткой. Тогда ведь как: женщины должны были приобщаться к общественной жизни — начал действовать ленинский лозунг (который сейчас извратили так называемые демократы) «каждая кухарка должна научиться управлять государством». Вот женщин и начали приобщать к общественной жизни, они сами к этому стремились. От деревни избирались «делегатки». Они надевали красные платочки, ходили на собрания, на волостные съезды. Потом мама отошла от всего этого, но общественной жизнью интересовалась по-прежнему.

Мама была глубоко религиозна, и все родственники, все сестры — тоже были религиозны. Действительно ли они были верующими, не знаю. Во многих случаях их вера в Бога казалась мне весьма сомнительной, но обычаи в нашей семье соблюдались неукоснительно. Тот, кто их нарушал, на какое-то время становился изгоем. А дело было в середине 20-х годов.

В 1927–1928 годах я ее как-то застала за чтением брошюр. После я их просмотрела и только тогда узнала о существовании толстовских богословских сочинений, которые мама где-то достала и внимательно изучала, — искала правду о том, есть Бог или нет Бога, и что значат обряды церковные. Вот такой была моя мама.

В 1926 или начале 1927 года мой старший брат Василий ушел в армию на допризывную подготовку. Он этому был очень рад, поскольку сам хотел в армию. Вообще, тогда Красная армия была очень популярна, молодые люди шли служить с большой охотой. И мой брат, который в это время как раз начал приобщаться к технике, с удовольствием пошел в армию. Тем более что его брали в артиллерию, и он надеялся получить там какую-нибудь специальность. Мама уронила несколько слезинок, но в целом положительно отнеслась к тому, что он ушел в армию.

Середина 20-х — начало 30-х годов. Старшая сестра учится в девятилетке, я работаю в комсомоле, другая сестра тоже работает — она занималась школой кройки и шитья, которую мы организовали, Евгений учится в сельскохозяйственном техникуме, чему мама очень рада, а Иосиф ходит в начальную школу.

Впервые у мамы появилось свободное время (правда, уже сильно пошатнулось здоровье). Ее стали активно привлекать к работе в церковном совете. Она считалась самой грамотной среди женщин ее возраста, мама много читала — читала и светские книги, и романы (я почему-то «Князя Серебряного» запомнила), и Библию, конечно, и Евангелие. Знала литургию: умела петь. К тому же у нее была такая книжечка, которую ей подарил монах из Сергиевой лавры. Он однажды приезжал к нам. Я его помню: богато одетый, не какой-то маленький деревенский попик, а весьма образованный церковный чин. Он приходился маме дальним родственником, двоюродным или троюродным дядей. Мне он уже был никакой не родственник. И вот он подарил ей книжечку по литургии (в хорошем красивом окладе), я ее читала и знала почти наизусть, и мама тоже наизусть ее знала.

Когда мама приходила в церковь, она, естественно, понимала, как именно должна идти церковная служба. Другие женщины были неграмотными — стоят, смотрят: поп что-то бормочет.. А он бормочет, потому что нетрезвый, но женщины этого не понимали, смотрели на маму — когда она крестится, тогда и они. Мужики уже практически не ходили в церковь, только на Пасху или Рождество. А вот пожилые женщины ходили, и мама была для них своего рода руководителем, потому как знала службу, знала, когда нужно поклониться, и все остальное знала. В то же время она часто неодобрительно качала головой, если попик что-то путал или произносил непонятно и так далее.

И вот — 1937 год. Я уже училась в университете, старшая сестра работала в Раменском (там же и младший брат, Иосиф, работал), старший брат после армии получил специальность комбайнера и был отправлен в Казахстан на поднятие первой целины, Полина, средняя сестра, вышла замуж и уехала, Евгений окончил техникум и был призван в армию. Мама осталась совсем одна. И вдруг произошло такое событие: перед выборами в Верховный Совет приехала «тройка», арестовала маму и еще одну женщину. Ее звали Анюта, она жила в церковной сторожке, было ей сорок лет, и была она совершенно безграмотна, но, как говорится, верой и правдой служила церкви. Ухаживала, мыла, чистила все, попа приводила в церковь, когда он пьяный был... Маму и Анюту увезли в Бронницы. Когда нам об этом сообщили, туда поехала сестра, и ей сказали так: «Ваша мама знает, за что». Мы, конечно,

были против. А маму тем временем выслали на Дальний Восток. Я обращалась с письмом в ЦК партии, обращалась в органы, но говорили, что это дело троек.

Однажды я случайно встретила в Москве, в райкоме по персональному делу, своего знакомого А.С. Бакакина. Когда, еще до университета, я работала в Виноградовском районе, он был там председателем райисполкома. Мы вместе работали три или четыре года, затем он был отправлен на учебу в Институт красной профессуры, где окончил юридическое отделение. К моменту нашей встречи он стал начальником отдела судебно-прокурорских кадров Управления кадров ЦК ВКП(б). Я ему рассказала свою историю. Он посочувствовал, сказал, что это, безусловно, ошибка:

— Какую ваша мама могла вести антисоветскую агитацию?! Должно быть, это ошибка. Пиши заявление.

И я снова написала заявление в ЦК, потом в органы — каждый раз мне отвечали, что дело пересмотру не подлежит. Тогда я опять пришла к нему в кабинет, рассказала все как есть, он потребовал, чтобы я написала еще одно заявление. И так, раз за разом.

В 1941 году началась война и стало не до этого. Весной 1944 года у меня была командировка с фронта в Москву, причем я должна была обратиться в наш Краснопресненский райком за литературой и всякими агитационно-пропагандистскими материалами. Начальником политотдела был старый, хороший коммунист, который тоже закончил в свое время Институт красной профессуры и был еще до войны награжден орденом Ленина за партийную работу в Сибири. Я и ему рассказала эту историю. Отправляя меня в командировку, он заметил:

— Обязательно, Серафима Ивановна, вы должны пойти в ЦК по поводу своей мамы. Это безобразие, — он даже поругал меня, — что вы до сих пор не добились того, чтобы ее освободили, ясно ведь, что это ошибка!

По приезду в Москву я снова обратилась к Бакакину. Он мне обрадовался, пригласил к себе в ЦК и при мне же созвонился с Прокурором СССР — никак не могу вспомнить, кто тогда занимал эту должность!¹ Разговорился с ним, рассказал мою историю. Тот в ответ: «Пусть она приходит ко мне». И вот я пошла к нему, он меня встретил, принял, начал разговор. И, выслушав меня, произнес такие слова (я их потом многим пересказывала):

¹ Речь идет о Константине Петровиче Горшенине, Прокуроре (Генеральном прокуроре) СССР с 1943 по 1948 год.

— Ах, эти тройки, они столько дров наломали, столько горя принесли семьям эти тройки! Беда наша в том, что они документов после себя не оставили.

И добавил:

— Я, конечно, сделаю запрос еще раз, но очень сомневаюсь, что мы найдем какие-нибудь документы. Вас я могу успокоить тем, что решение будет принято в ближайшее время, и такие лица, как ваша мама и даже те, кто действительно оказывал существенное противодействие (я отрицала всякую возможность, что мама могла сделать что-то антисоветское), — все будут освобождены.

И действительно, через месяц-два после того, как я снова ушла на фронт, сестра написала мне письмо, что мама вернулась.

А еще, до того как она была освобождена, на адрес старшей сестры нам писал начальник лагеря, в котором находилась мама (была она под Хабаровском). Это был молодой человек, как только увидел маму (он сам так писал) и поговорил с ней, понял, что произошла страшная ошибка, что мама ни в чем не виновата и ее ссылка результат сведения личных счетов. Он часто писал нам, чтобы мы похлопотали. Этот начальник лагеря взял маму к себе, так как он был еще не женат, а его мама жила где-то в центре Союза и приехать к нему не могла, поэтому он взял к себе нашу маму. Она ему готовила, они вместе коротали время — она была для него, как мать.

Потом, в разгар войны, где-то недалеко был устроен госпиталь; туда, в глубокий тыл, везли раненых на Западном фронте. А мама всегда была сердобольной и любила ухаживать за больными. Поэтому она ходила в госпиталь, ухаживала за ранеными, писала нам, что занята делом нужным для страны, для Родины. Она уже знала, что Василий, старший ее сын, пропал без вести (на самом деле погиб под Смоленском).

Мама не предупредила о своем возвращении. Сестра ее увидела, когда та шла со станции. Она говорила, что мама выглядела очень хорошо. Как будто эти шесть лет на нее не повлияли.

Мама потом рассказывала, что на допросах отвечала примерно так: «Я никак не могла вести никакой антисоветской пропаганды хотя бы потому, что все мои дети — советские люди, все работают для Советской страны, участвуют в ее строительстве, так что я никак не могла. Нелогично, что вы меня обвиняете в антисоветской агитации».

А что же было на самом деле? Об этом я узнала потом из рассказа моего двоюродного брата, Геннадия (сына дяди Паши), который в те годы жил в деревне, в нашем селе Давыдово, в том же самом доме (правда, в той части дома, которая отделилась в 1919 году). Он был весьма интересным человеком. Хотя немножко артистом, комиком:

когда он говорил о серьезных вещах, он их подавал так, что люди невольно начинали смеяться. Так вот, спустя несколько лет после того, как мама вернулась, когда я была у сестры в Раменском, этот самый Гена к нам заехал. Приехал и говорит:

— Хотите, я расскажу вам эту историю целиком?

И рассказал...

В Николин день 15–20 человек (женщин, потому как мужиков, естественно, в то время не было), собрались в церкви на праздничном обеде. А попа нет. Послали за ним Ньюшу, сторожиху: его дом стоял недалеко от церкви. Она пошла, потом приходит и говорит, что не может батюшка прийти: пьяный лежит. Женщины возмутились и послали ее еще раз:

— Ты пойди и растолкай его, разбуди! Потом, там же есть его старшая сестра, Мария Алексеевна, вот пусть она разбудит. Приведи его!

Пошла. Вернулась, сказала, что поп скоро придет. Ждут, ждут, а его все нет. Еще раз посылают Ньюшу:

— Приведи его, если он сам не идет, приведи.

И вот пришла Ньюша с попом, ведет его под руки. Она прошла вместе с ним в алтарную часть (куда женщинам по правилам православной церкви ходить не полагается). Но мужчин все равно не было, поэтому Ньюша его сама облачила. Наконец, поп начал что-то тихонько бормотать. Бормочет, бормочет — ничего не понятно. А наша мама, по словам Геннадия (ему эту историю все село рассказывало), стоит, сжав губы, и очень неодобрительно качает головой. Женщины-то не понимают, что он там бормочет, но смотрят на маму и видят: что-то ей не нравится, что-то не то. А он все больше и больше заплетается языком. Мама не выдержала, подошла и говорит:

— Ну вот что, — не называя его батюшкой, — ну вот что, Василий Алексеевич, хватит с нас. Поиздевались вы над нами. Раз вы так себя ведете ради светлого праздника, так и кончайте на этом. Мы уж как-нибудь сами отпразднуем, а вы идите проспите.

С попа сразу вся его пьяная одурь слетела, он побледнел:

— Ну, Ксения Петровна, вы мне за это заплатите!

То было на вешнего Николу. А страшные для нашей семьи события произошли осенью того же года (в 1937). Сначала, когда эта тройка только приехала, они взяли самого попа. А он перевел стрелки! Через день его выпустили — он вернулся домой, а тройка приехала за мамой. Взяли и ее, и Ньюшу. По селу поползли слухи, мол, поп во всем виноват, он оклеветал.

История продолжала раскручиваться. Все считали, что нашу маму оклеветал поп, его везде перестали принимать. Он оправдывался, ходил по домам, напивался, старался всех убедить, что не виноват, что это кто-то

другой оклеветал. А ему никто не верил. И в дом больше никто не пускал. И вот зимой 1938-го спяну он уснул у кого-то на крыльце и умер. Жители потом говорили: «Собаке собачья смерть». Никто по нему не горевал.

Я тоже думаю, что это, конечно, Василий Алексеевич отомстил маме. Мстил он не только ей, но и мне, а в моем лице — всем комсомольцам, которые когда-то его осмеяли. Пригвоздили, можно сказать, к позорному столбу за пьянство.

Кажется, это было в 1927 году, когда я работала секретарем волостного комитета комсомола. Молодые парни шли из соседней деревни в наше село (на гулянья к девушкам) и увидели пьяного попа, валяющегося в луже. А он шел отбывать какую-то службу — то ли крещение, то ли поминки, и мужики его подпоили (они часто сначала спаивали попа, а потом смеялись над ним). Поначалу парни пытались его разбудить, но у них не получилось, это было невозможно. Тогда ребята сняли с него крест и на другой день передали в волостной исполком. И одновременно написали про попа в стенгазете (она висела у нас в избе-читальне) и там же нарисовали карикатуры. Тем же летом Василий Алексеевич пришел ко мне домой. Я была одна, мама куда-то ушла. Он:

— Я к Ксении Петровне.

Я говорю:

— Мамы нет, а что вы хотели, Василий Алексеевич?

— Вот у вас книжки есть, я знаю, хотел какие-нибудь книги взять почитать.

Я говорю:

— Ну, книг у нас мало. От отца, от дяди осталось только несколько книг.

Я знала: старый батюшка, отец этого Василия Алексеевича, был большой грамотей, причем довольно демократически настроенный. Говорят, был достойный человек, во всяком случае, его уважали. И спрашиваю:

— У вас же такая библиотека, зачем вам?!

Он помолчал и добавляет потом:

— Я и с вами хотел бы тоже говорить.

— А что такое?

— Ну, вот, комсомольцы меня высмеяли, неуважительно относятся ко мне. Я по возрасту заслуживаю большего уважения...

— А зачем вы так себя ведете, Василий Алексеевич? — я тогда такая была, молодая совсем — 17 лет, я ему прямо сказала: — Василий Алексеевич, а зачем вы так себя ведете? Вы же призваны быть по своему чину примером, пастырем! Вот мама всегда говорит, что священник должен быть духовным пастырем. А вы так себя ведете... Вот вы и не вызываете у молодежи уважения!

Дальше больше, разговор пошел серьезный — коснулся религии, я стала ему выговаривать:

— Как вам не стыдно, вы ведь человек образованный, закончили духовную семинарию! По сравнению с этими неграмотными и полуграмотными деревенскими женщинами, которые ходят в церковь, вы же очень образованный человек, и вы им внушаете какие-то религиозные догматы! Я же уверена, что вы сами не верите в Бога, вы же их обманываете!

— Ну, допустим...

— Скажите по совести, верите в Бога?

— Ну, допустим, не верю. Но главное ведь не в этом, главное — в том, что женщины верят и они хотят, чтоб у них был пастырь!

— Ну, они верят, потому что они полуграмотные, но вы-то роль пастыря как можете выполнять?!

Вот такой непростой разговор у нас получился. И я теперь думаю, что в этой истории с мамой отношение ко мне, как к представителю комсомола, сыграло свою роль.

Вот еще небольшое дополнение к этой истории. Один мой однокурсник ушел с третьего или четвертого курса работать в органы госбезопасности¹. Уже после войны там же стал работать приемный сын профессора исторического факультета МГУ С.Д. Сказкина² — Коля, Николай Николаевич Овчинников³. Кто-то из них посоветовал мне пойти в отдел НКВД и поговорить относительно того, как все-таки случилась эта история и почему мама оказалась в числе арестованных.

¹ Возможно, что это Константин Александрович Федосеев. По рассказам сокурсника С.И. Антоновой, А.Т. Кинкулькина, К.А. Федосеев был малообщительным, а в начале войны «вдруг появился в форме органов госбезопасности».

² **Сказкин Сергей Данилович** (19.10.1890, г. Новочеркасск — 14.4.1973, г. Москва) — признанный глава советской медиевистики в 1950–1970-х годах, доктор исторических наук, профессор, академик АН СССР, Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии СССР. После окончания историко-филологического факультета Московского университета в 1915 работал на факультете общественных наук, этнологическом; с 1935 — профессор исторического факультета МГУ. Во время Великой Отечественной войны С.Д. Сказкин был деканом (1940–1943); с 1949 и до конца жизни возглавлял кафедру истории средних веков. Также в 1920-е гг. работал в Институте истории РАНИОН, с 1937 — в Институте Истории АН СССР, где с 1961 зав. сектором истории средних веков, возглавлял отдел истории докапиталистических обществ, секцию Научного совета «Генезис капитализма». С 1958 г. — действительный член АН СССР; награжден двумя орденами Ленина, орденом Трудового Красного Знамени, медалями, ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда (1970), Лауреата Государственной премии СССР (1942).

³ **Овчинников Николай Николаевич** (1919, г. Казань — ?). В 1937 г. поступил по конкурсу на исторический факультет МГУ. В студенческие годы — член ВЛКСМ. Во время войны после ранения окончил школу МГБ. Работал в органах госбезопасности.

Я попала к одному чину (такому расплывшемуся мужчине, хотя он выглядел довольно молодо, по-видимому, ему было не больше 40—45 лет, не из старых чекистов), у него еще была какая-то нерусская фамилия. Я с ним разговариваю, а он рассердился на мои вопросы, приподнялся, начал повышать голос. Я встаю и говорю:

— А почему вы так со мной разговариваете? Какое вы имеете право повышать на меня голос?

Он сразу осел, начал что-то бормотать, вроде, раз там тройка решила...

Я говорю:

— Как тройка решила? Тройка решила неправильно, мы не согласны с решением тройки.

Он совсем сник и говорит:

— Ну, если вы не согласны, тогда другое дело...

Были ведь и такие работники: кто-то что-то решил, а другой — обычный чиновник — выполняет, не задумываясь.

Хочу сказать еще несколько слов по поводу этих троек. Конечно, это сложный вопрос. Его нельзя решить однозначно. Наше отношение понятно — у нас в семье произошла такая трагедия с мамой, однако из моего рассказа ясно, что мнение об ошибочности работы троек разделяли и на достаточно высоком уровне.

Мы взвешивали то, что узнали; взвешивали всякие другие разговоры, разговоры с нашими односельчанами (мы потом туда ездили с сестрой, и все в один голос утверждали, что этот поп наговорил разное, а его послушали какие-то желающие выслужиться).

Канун войны. Международная обстановка была острая. Все мы уже жили тем, что война неизбежна, что фашизм действует. Мы помнили испанскую войну: наши люди были там, видели бомбежки. К нам эмигрировали испанские дети, мы с ними встречались и понимали, что это такое. У нас, внутри страны, выступали и действовали вражеские силы. В общем, была вполне созревшая почва для того, чтобы усилить борьбу с контрреволюцией, с «пятой колонной». Но, как это всегда бывает, некоторые кадры для того, чтобы выслужиться, были готовы перегнуть палку... А личные мотивы, личная месть могут сыграть в жизни человека очень большую роль — не только в криминальных, но и во всех прочих делах. Ведь были стукачи, есть они и сейчас. Кто эти люди? Я думаю, что прежде всего это неудачники.

Мама возвратилась в 1944 году, к тому времени я уже вернулась из армии, и она приходила ко мне в госпиталь. Помню, я очень удивилась, когда первый раз ее увидела: мама стала какая-то маленькая, худая... Она часто бывала у меня на Арбате, хотя жила у сестры в Рамен-

ском. Мне кажется, мы к ней внимательно относились. Я помогла сестре построить кирпичный дом в Раменском для того, чтобы у мамы была своя отдельная комната. Когда она жила у меня, то очень быстро знакомилась с моими приятельницами, легко всех очаровывала.

После войны были особенно памятливы следующие встречи.

Были интересные встречи, когда сюда приезжали китайцы. Декан исторического факультета Пекинского университета, Цзянь Бо-цзань¹, много слышал о моей маме и очень хотел с ней познакомиться. Мы устроили званый обед, на котором он сидел рядом с мамой. Она очень оживленно через переводчика разговаривала с ним (конечно, вначале для нее такой тип общения казался немного странным, но мама быстро освоилась). После она часто встречала китайцев — аспирантов и студентов, которые учились у нас и часто бывали в моем доме.

Приходили ко мне и вьетнамцы, которые у нас работали, с ними она тоже часто встречалась и всегда вступала в оживленные беседы. Однажды я пришла на обед домой и вижу, что мама сидит на диванчике рядом с Эсфирью Борисовной Генкиной². Это известный профессор нашего факультета, очень серьезный ученый и, как мне кажется, хороший человек. Эсфирь Борисовна хотела, чтобы я поподробнее рассказала о Китае. Мы договорились, что она придет; я немного опоздала, а она тем временем пришла и разговорилась с мамой. И у них вышел такой оживленный диалог! После того как мама ушла на кухню (там была коммунальная квартира — очень длинный коридор), Эсфирь Борисовна мне говорит:

— Серафима Ивановна, какая же у вас чудесная мама, как интересно с ней разговаривать!

Она умела разговаривать: и с учеными, и с простыми людьми. Каждого человека могла разговорить.

¹ **Цзянь Бо-цзань** (1898, провинция Хунань — 1968) — китайский историк. В 1955 г. был избран членом АН Китая. Автор многочисленных работ по археологии, древней и средневековой истории Китая. В 1946 г. выпустил «Очерки истории Китая» (т. 1–2), охватывающие период от палеолита до III в. н. э. В 1959–1962 гг. выступил с серией методологических статей, отстаивавших принцип историзма и критиковавших упрощенчество, догматизм и схематизм при изучении отечественной истории. Подвергся резкой критике в китайской печати во 2-й половине 60-х годов в период «культурной революции».

² **Генкина Эсфирь Борисовна** (16.2.1901, г. Екатеринослав — 18.9.1978, г. Москва), специалист в области отечественной истории XX в., лауреат Государственной премии СССР. Окончила Коммунистический университет им. Я.М. Свердлова, а затем историческое отделение ИКП. Будучи слушательницей ИКП, была привлечена М.Н. Покровским к разработке ключевых проблем истории Октябрьской революции. Работала в университете им. Я.М. Свердлова, в Международной ленинской школе, в ИКП, в совпартшколах, на рабфаках и в вузах Горького, Иванова, Сталинграда, Саратова. В 1943–1958 гг. — профессор МИФЛИ, исторического факультета МГУ.

Мама и в театр со мной ходила, два-три раза. Помню, однажды мы ездили с ней в Парк культуры и отдыха на какой-то большой вечерний концерт в Зеленом театре. Еще мы как-то ходили в театр Маяковского. Потом в какой-то концертный зал на ансамбль народной песни — очень хороший ансамбль. Тогда были мама и Анна Федоровна Чмыга.

Мама любила ездить в лес: это была ее страсть еще с деревни. Помню, когда я девочкой была, она меня поднимала рано утром, потому что я тоже очень любила ходить по грибы. И мы с ней уходили в лес, если случалось свободное время. По лесу идем, а она мне рассказывает: о своем детстве, о бабушке, о дедушке — крепостных еще крестьянах. В общем, мама любила природу и даже из города ездила в лес. К тому же она все-таки в Раменском жила — там был свой небольшой сад, да и дом стоял около леса.

Кроме того, мама любила слушать радио, особенно ей нравилось пение Надежды Обуховой. Эта Обухова бывала в нашей квартире. У нас в одной комнате жила Серафима, моя тетка, очень хорошая портниха, она обслуживала артистов Большого театра, и в том числе Обухову. Обухова ее даже в Крым с собой возила и сама часто к ней приходила. Но мама тогда не знала, что это певица, и мне говорила: какой же у нее хороший, правильный русский голос. Потом мама узнала, что это та самая Обухова, но знакома с ней, конечно, не была. Та раскланивалась со мной, потому что видела, что я здесь живу, и к тому же Серафима Георгиевна ей что-то обо мне говорила; но такого, чтоб мы с ней общались — не припомню.

Как я уже говорила, мама много читала. Я как-то купила большую книгу воспоминаний Неру, которая вышла уже после его смерти. Принесла. Мама увидела и говорит:

— Ты читаешь?

Я говорю:

— Да нет, я вот все собираюсь, посмотрела, но все некогда, текущие дела мешают.

И она тогда сама стала читать. Я ее один раз застаю — она читает, другой раз...

— Мам, — говорю, — ну как?

— Подожди. Вот когда прочту, скажу.

Я ждала. И вот однажды я прихожу, а у мамы какой-то немножко таинственный вид, и она мне говорит:

— Вот ты все меня спрашивала, какое мое впечатление от этой книги и от этого человека. Я отвечаю на твой вопрос так: справедливый был человек.

И все. Емко, ясно и четко. Вот такую характеристику она дала Неру. Эта женщина, простая русская женщина из крестьянской среды.

Мне кажется, это и все, что стоило сказать. Можно, конечно, вспомнить еще много всяких подробностей, много хорошего. Когда я думаю о ней сейчас, понимаю — как же ей трудно было жить. Но она не теряла оптимистического настроения. Она улыбалась и говорила: «Ну что ж, Иисус Христос терпел и нам велел» — вот так отговаривалась.

Конечно, ее мысли о жизни в целом были значительно глубже: о том, что жизнь нельзя прожить просто, беззаботно, порхая, как бабочка по воздуху. О том, что у каждого человека в жизни есть какие-то свои, личные, его биографии принадлежащие и хорошие, и плохие моменты — иначе говоря, свой крест. Этот крест, конечно, сама жизнь.

И я тоже думаю, иногда так трудно бывает: с болезнями своими, к примеру... Иногда, ночью до такой степени одолеет зуб, что думаешь: как я поеду в поликлинику? Ведь мне так трудно туда доехать... Но без поликлиники я не обойдусь: у меня в понедельник назначена встреча на факультете, и я не могу отменить эту встречу, да и передать свои дела, которые я уже затеяла, тоже нельзя — без меня их никто не сделает. Да хоть бы все это оборвалось! — бывает, что все нечаянно обрывается. Всякое бывает. Но в то же время я понимаю, что должна сделать, что решила, довести до конца. Вот и у мамы так же было.

В ее жизни было много радости, но было много и горя: погибли два сына (самый старший и самый младший), неудачно жизнь сложилась у моей средней сестры, Полины — однако она пережила это стойко.

Так или иначе, независимо от того, как сложились наши судьбы, и я, и все мы бесконечно благодарны маме за то, что она нас воспитывала, не навязывая своего мнения и своих идей, не проявляя менторства, но воспитала в труде. Все мы трудолюбивые, все умеем постоять за правду, за справедливость, умеем держать слово и быть преданным слову, если оно дано правильно.

Семья

Как я говорила, после гибели отца в 1914 году мама осталась 32-летней вдовой с шестью детьми: три сына и три дочки. Старшего, Васю, она любила больше всего. Какой он был? Родился Вася в 1905 году, и, конечно, я его запомнила уже в полуподростковом возрасте. Он был застенчивый мальчик, учился, по-моему, из-за застенчивости, довольно посредственно и, как мне кажется, ничем особенным не отличался. Единственный предмет, который выделял его из других — рисование.

Он любил рисовать, и это нас к нему привлекало. Почему-то он всегда рисовал коней, и рисовал их очень хорошо (мы постоянно просили его нарисовать лошадку). Когда он закончил сельскую школу, ему пришлось пойти в хлебопашцы. К тому времени уже умерли дядя Паша и дядя Саша, произошел раздел имущества, да и бабушка уже был старым, так что в 11–12 лет Васе пришлось пахать — сеял еще бабушка, потом, когда он уже не мог, — мама, а Вася пахал... Конечно, ему было трудно — еще и лошадь прибавляла хлопот. Ее звали Загадкой — а почему? Она могла идти, тянуть плуг или везти телегу, но вдруг останавливалась, и ничто не могло ее сдвинуть с места — ни уговоры, ни кнут. Стоит и ждет... вокруг нее ходят, уговаривают, понукают, а она ни с места. Потом вдруг трогается и идет — загадка! Васю это, конечно, раздражало, он нервничал, переживал из-за нее. Тем не менее он был воспитан тружеником — это так важно!

Мне интересно, почему сейчас практически перестали говорить о хлебопашцах, да и, вообще, о людях физического, особенно крестьянского, труда? Я мало читаю, потому что плохо вижу, но я слушаю радио, смотрю телевизор — там о них ничего нет, хлебопашцы сошли со сцены. Часто говорят о ветеранах — но настолько назойливо (все эти послания от мэра, от президента!), что лично я расцениваю это как заискивание, желание, чтобы мы забыли, что мы вышли из Октябрьской революции. А если и говорят о крестьянском труде, то говорят о фермерах. Вообще, фермерство для нашей страны — искусственная форма ведения хозяйства. Как ни крути, российскому крестьянину больше свойственен общинный характер ведения сельского хозяйства, и, несмотря на многие ошибки в колхозном строительстве, колхозы до сих пор живы и работают и могли бы иметь еще больше успеха. Однако правительство не хочет их поддерживать. То, что делается по отношению к сельскому хозяйству — самое гнусное преступление. Страна не может (народ не может!) жить без своего первоначала, понимания, откуда он взялся, откуда начинается жизнь человеческая. Сейчас, конечно, другие условия, и стало, безусловно, легче работать. Но нужно помнить, что эти лучшие условия были созданы именно в советское время. Сейчас, конечно, в этом отношении лучше: у фермеров есть трактора, фермеры не имеют дела с плугом или сохой. Но если у них не будет техники, они не смогут выжить — разорятся и забросят свое хозяйство! Этот момент прекрасно показал Евгений Матвеев в своем фильме «Любить по-русски» — наивном, но жизненном. Это художественное произведение, безусловно, что-то там преувеличено, какие-то чувства, какие-то переживания даны в утрированном виде, но в целом в нем отражена острая борьба, которая происходит в деревне за землю, за формы хозяйствования на этой земле.

Я так много говорю об этой странице из жизни моего старшего брата потому, что имею в виду всех тружеников на земле. Это отнюдь не означает того, что я не уважаю, не ценю другой труд: труд интеллигенции, профессора, писателя, артиста или еще кого-то. Но мне все-таки кажется, что труд землепашца, земледельца — важен, особенно потому, что хлебопашец сейчас находится в забвении. Именно поэтому нужно о нем говорить.

Вернусь к Васе. Как я уже говорила, его призвали в Красную армию, по-моему, в 1927 году, и я помню, с какой радостью он шел туда. Мама немножечко поплакала, но он ее успокоил, сказал, что приобретет там какую-нибудь полезную специальность, познакомится с хорошей техникой.

Сейчас я думаю, что он, пожалуй, больше и глубже всех нас любил маму. Это внешне никак не выразалось, но у них было больше взаимопонимания.

Мне вспоминается такая картина: по утрам мама вставала первой и ставила для Васи маленький самовар (у нас их было два: один большой, на семью, а второй — маленький, на одного-двух человек). Затем вставал Вася, а потом уже мы. И мама всегда старалась накормить его более калорийно.

Помню еще момент. Когда мама была в ссылке, мы привезли ее вещи, оставшиеся в селе, и разбирали их. Василий увидел занавески из сурового полотна, вышитые мамой, и долго их рассматривал, а потом сказал сестре: «Вера, это нужно отдельно положить, сохранить это надо. Это вышивала сама мамаша. Это нужно особо сохранить». Он словно предчувствовал, что маму больше не увидит.

Вася попал в артиллерию, отслужил там два года. После окончил курсы трактористов и был послан в Казахстан на строительство большого зернового колхоза «Гигант», а когда появились комбайны, получил специальность комбайнера. Работал очень добросовестно. Как-то раз осенью они запоздали с уборкой, Вася простудился и попал в больницу, где пролежал шесть месяцев — так сильно у него болели суставы. Потом вернулся к нам, стал работать комбайнером в Малаховке.

У Васи была еще одна интересная черта, — несмотря на свою застенчивость, он очень увлекался людьми. Помню, что, еще будучи подростком, он так восторгался своим другом, соседским парнем Ваней: «Ой! Какой же у него голос!»... А когда Вася вернулся и начал искать работу, он познакомился с изобретателем машины по производству древесно-стружечных брикетов, и с таким удовольствием нам о нем рассказывал! Оказывается, изобретатель довольно давно придумал свою машину и даже встречался с Лениным, чтобы способствовать

Серафима Ивановна с братом
Евгением и матерью Ксенией
Петровной

ее внедрению, и вот наконец-то этому энтузиасту дали возможность построить нечто вроде заводика. Вася был так за него рад.

Сам же Вася был очень скромен. Помню, мама как-то перешла ему по размеру рубаху из отцовской полотняной, красиво расшитой по вороту и по подолу. Он надел ее только один раз, и шел домой не улицей, а задом, чтобы его никто не увидел в этой чересчур нарядной рубахе.

Даже когда ему уже было 30 лет, он все равно предпочитал носить серые рубашки (не помню, как назывался материал). Эти рубашки были одно время очень модными, и их носили как с галстуком, так и без. Вася галстук никогда не носил, а рубашки эти надевал даже после того, как они вышли из моды.

Однажды его пригласили в гости, но он идти туда не хотел — там какие-то доброжелательницы устраивали смотрины. Однако мы с сестрой Верой его все же уговорили, и даже упростили надеть галстук, мол, так лучше. Вася вышел из дома и галстук сразу снял — вот такой он был человек.

Когда я училась в университете, он проявлял такую трогательную заботу... Однажды Вася увидел мои поношенные туфли и сказал: «Знаешь, Сима, я недавно познакомился с одним сапожником. Он, оказывается, умеет шить красивые женские туфли, так вот, я с ним договорился, — Василий говорил это так доверительно, как мог только он. — Давай, мы с тобой к нему пойдем, пусть он сошьет тебе новые туфли. Ну что? Ты же в университете учишься, так пусть он тебе модные туфли сошьет!» — так по его настоянию мне сшили красивые туфли. Когда я в них первый раз пришла на факультет (а некоторые ребята у нас были такие дотошные!), меня спросили: «Эй, Сима, на какие деньги ты купила себе такие туфли?»

Такая же история была и с моим пальто. Вася сказал Вере: «Хватит Симе ходить в старом пальто. Ей давно нужно сделать нормальное зимнее пальто». Вера пришла ко мне: «Вася сказал, чтоб мы сделали».

Причем он был настолько скромнен, что никогда не заявлял о своем старшинстве — даже несмотря на то, что он фактически был хозяином в доме, пока мы жили в деревне. Вася был на полтора года старше Веры, но признал ее главенство в нашей семье, отдавал ей все деньги, себе оставлял минимум — Вера вела все хозяйство. Был Вася очень немногословен, мало у кого получалось его разговорить, разве что технику он мог обсуждать с любимым человеком.

У меня была в университете подруга, Бронислава Левина, мы с ней как-то вместе приехали в Раменское. Веры не было, был только Василий — и они разговорились. Прошел час, другой, я уже сходила в магазин, что-то приготовила на обед, а они все говорят и говорят. Я потом спрашиваю Броню:

— Бронь, тебе интересно с ним разговаривать? О чем вы говорили, о технике? Мы же историки!

Она отвечает:

— Знаешь, вашего Васю так интересно слушать! Он с таким увлечением рассказывает о технике, что даже я заслушалась!

Василий был очень скромный, но по-своему замечательный человек: большой труженик, солдат, воин. Верный сын, любящий свою мать, и очень хороший семьянин, хотя жениться ему не довелось. По рассказам нашего двоюродного брата Геннадия Антонова, когда Вася работал на комбайне в Казахстане, у него была невеста, и они

должны были расписаться. Но когда Вася заболел, она вышла за другого. Он не смог смириться с этой неверностью и сказал, что жениться никогда не будет, — все наши попытки его оженить так и не увенчались успехом. Семейей для него были и оставались все мы, братья, сестры и мама. Когда у Веры после десятилетнего замужества родился сын Женя, Вася специально завел сберегательную книжку и делал для него вклады. Он очень заботился о воспитании племянника, и когда уходил на фронт, завещал, чтобы и мы продолжали о нем заботиться.

Василий воевал с первых дней войны. Из-под Смоленска он написал Вере два-три хороших, бодрых письма, они у меня сохранились. Последнее присланное Василием письмо датировалось, кажется, 10 октября, а потом письма прекратились. Вскоре мы получили извещение о том, что он пропал без вести. В книге памяти Раменского он записан, как погибший в начале 1942 года. Позднее я пыталась выяснить его точную судьбу, писала в архив Министерства обороны, откуда пришел ответ, что Василий Иванович Антонов пропал без вести. Я лично ездила в Подольск, где получила тот же ответ.

В конце 70-х годов я была в Смоленске, работала в тамошнем архиве по своей теме. При этом архиве был военный отдел, и мне удалось пообщаться с его заведующим, который и сам активно интересовался сбором материалов о погибших. К тому времени они уже проделали большую работу по выяснению судеб пропавших без вести и опознанию неизвестных солдат. В архиве было много альбомов со сведениями, на основании которых были поставлены памятники и восстановлены могилы. Но получить сведения о Василии я там, конечно, не смогла. Заведующий военным отделом, близко принимавший чужие беды к сердцу и работавший не за страх, а за совесть, говорил мне, что то, что они сделали — это только одна тысячная часть того, что нужно еще сделать: ведь столько осталось невосстановленных имен погибших!

Начало пути

Прежде чем говорить об учебе, следует коротко обрисовать нашу жизнь в 1920-е годы. Самое начало 20-х годов оказалось для нас очень сложным. В то время было трудно что-то купить, к тому же все было дорого. Многие мы тогда делали сами — например, много шили (вплоть до туфель и ботинок). Вспоминая 1920—1922 годы, могу сказать, что наше хозяйство было натуральное. Мы даже лен сеяли, хотя у нас совсем не льняное направление хозяйства: слишком мало земли — лен обычно сеяли севернее (в Тверской области, например).

Обувь было трудно купить, поэтому часто приходилось ее делать самостоятельно. Помню, как мы вырезали заготовки из какого-нибудь старого сукна (например, чье-то пальто уже совсем износилось, и мы выбирали из него хорошую часть), пробивали петельки, вставляли шнурки, подшивали подметки (делали их из невыделанной грубой кожи, например, шкуры, оставшейся после зарезанной коровы), покупали колодки и все это на них натягивали. Мы даже научились делать маленькие гвоздики для башмаков.

Вот с середины 20-х, в период нэпа, можно было многое купить. Но нужно понимать, что денежное хозяйство было еще развито слабо. Я помню, как в один год у нас хорошо уродилась капуста, и мы с мамой повезли в Бронницы на рынок целый воз этой самой капусты. Продавала ее мама, уж не знаю, за сколько, но какие-то деньги мы все-таки выручили, и она купила нам добротные темно-желтые сандалии, крепкие чулки в резиночку и еще какие-то вещи. В общем, мы хорошо оделись. К этим сандалиям я сама себе сшила летний коричневый костюм. А другой год был урожайный на рожь. Помню, как рожь полегла (в августе шли дожди), и мы ее убрали. Мы, три девчонки, жали эту рожь — было тяжело. Но потом ее как-то очень удачно продали (продавали

мама и старший брат Василий). После этого нам тоже купили какую-то одежду.

В то время была сильно развита потребительская кооперация, она очень помогала всем крестьянам, в том числе и нам. Для членов потребительской кооперации промтовары привозили по сравнительно низким ценам. И совсем дешево (за половину цены) отдавали так называемую «воску» — остатки от каких-либо больших кусков (их могли получить только члены кооперации). Я помню, как мама там что-то покупала. Однажды она принесла отрез прекрасной чистой шерсти, я из нее сшила для себя модную темно-синюю юбку, внутри складка и еще такие симпатичные пуговички, а потом еще сшила кофту — тоже темно-синюю, в мелкую, еле заметную глазу белую полосочку. Ее я шила из какого-то хорошего полотна, которое не линяло, не выгорало и практически не мялось. Потом, когда я начала работать, стала покупать великолепный шелковый сатин либерти (это уже было после войны). Он был от известной ивановской мануфактуры. Опять же, после того как устроилась на работу, я смогла покупать себе невысокие кожаные башмачки на шнурках. Вообще, я любила красиво выглядеть.

Помню, я однажды танцевала (а танцевать мне всегда нравилось) на какой-то вечеринке в клубе. И мне потом говорили: ой, как ты хорошо одета! А одета я была хорошо потому, что мы все сами делали.

Можно сказать, что в годы нэпа все стало сравнительно дешево. Я помню, как однажды моя старшая сестра Вера (она в это время уже работала в Раменском — сперва в комиссии по ликвидации неграмотности, а потом дошкольным работником) приехала домой очень нарядная. На ней было манто, перешитое из отцовской праздничной шубы (это был холеный мех хоря), «мехом наверх», фетровая шляпка, фетровые боты на высоком каблуке (она была маленького роста) — в общем, вполне элегантная девушка. Так что одевались мы неплохо. Я тоже смогла хорошо одеваться, когда начала работать вне дома (с 1927—1928). Мы любили хорошо выглядеть и следили за собой, но такого, чтобы «хорошо одеться» встало в нашей жизни на первый план — нет, такого не было. Правда, когда я начала учиться на рабфаке, у меня уже был некоторый запас нужных вещей, но не могу сказать, что я специально ставила перед собой цель — сделать этот запас. Этого не хотелось.

Школьные годы и комсомол

Я начала учебу в 1916 году. В первом классе я ходила в земскую школу, расположенную совсем рядом, в соседнем селе Ульянино. Моей первой учительницей стала дочь помещицы — Софья Николаевна, очень высокомерная женщина. Про нее я помню только то, что она за любую малейшую провинность (например, за разговор с соседом) била линейкой по руке. Часто доставалось моему соседу по парте, ее племяннику Мите.

Еще была учительница Полина Алексеевна. Она вела сразу два класса, у нее учились Василий и Вера. Помню, как она собирала во время перемены всех учеников и на лужайке перед школой устраивала игры. Она нам тогда казалась олицетворением доброты и внимания, в отличие от Софьи Николаевны, которую никто не любил.

Остались в памяти уроки закона Божьего, которые шли в первом полугодии (во втором полугодии их уже не было, поскольку случилась Февральская революция, и закон Божий изъяли из программы). Этот предмет преподавал местный священник, поп ульянинской церкви (там была своя церковь). Я в то время была девочкой религиозной, но его преподавание казалось совершенно непонятным: он бормотал себе что-то под нос, и мы не понимали ни слова. Ребята вели себя шумно, он все время стучал по столу кулаком, призывая нас к порядку. В общем, неприятное осталось впечатление.

Следующий учебный год... Произошла Февральская революция, в школе многое изменилось: сняли закон Божий, затем мы узнали, что Софья Николаевна больше не имеет права бить никого линейкой, даже своего племянника. Когда она однажды это снова сделала, весь класс ахнул, возмутился. Хотя, конечно, это было довольно тихое возмущение: что для того времени вполне понятно.

В этом году мы уже учились в нашем селе. Мне нужно было только пройти из одного конца села в другой, где располагалась школа. Школа эта была в доме Василия Леонтьевича Антонова, о котором я рассказывала. Сами они — Василий Леонтьевич и его жена — поселились в боковой комнате, а второй этаж, где было три комнаты, они отдали под школу. Вскоре Василий Леонтьевич заболел тифом, и они уехали. А в школе поселились новые люди: учитель — Усов (Федор Гаврилович его, кажется, звали), молодой человек — жил в нашем классе; и потом еще одна учительница, я не помню ее имя-отчество, но знаю, что она с семьей заняла ту комнату, в которой раньше жил Василий Леонтьевич. У нее были две взрослые дочери, они ей очень помогали.

А вскоре началась Гражданская война. Все думали только об этом, жили этим.

Было много новшеств: в частности, стали уделять внимание художественному воспитанию. Хотя, возможно, это была заслуга нашей новой учительницы. Она и ее дочери многое сделали в этой области. Она нашла оставшуюся после отъезда Василия Леонтьевича фисгармонию — такой инструмент типа фортепиано, только меньшего размера и с ограниченным количеством звуков. Однако под аккомпанемент этого инструмента мы смогли разучивать разные песни, преимущественно детские. Потом пришло время революционных песен.

Ярким впечатлением школьных лет стала пьеса, подготовленная под руководством этой учительницы и ее дочерей (им в то время было 17–18 лет). Мы впервые занимались таким делом. Пьеса называлась «Свадьба Солнца и Весны», ее автором была Поликсена Соловьева. Получилось запоминающееся, красочное представление. Дело было на Новый год: наряженная елка, причем довольно большая, стояла в углу просторной комнаты. Игрушки мы делали сами из цветной бумаги — там были разные картиночки и еще много чего. Но самое главное, когда я сейчас понимаю, было то, что она, эта учительница и ее дочери, — старались приобщить к творчеству, заинтересовать нас. Показывали на своем примере, что приятнее не купленные где-то по случаю гостинцы, а сделанные своими руками. Опять же, мы потом и костюмы готовили сами (а для этого спектакля требовалось много нарядов). Мы делали одежду из цветной бумаги под руководством взрослых: ту часть, которую мы могли сделать сами. Забавно, что действующие лица подбирались по принципу имеющейся одежды: есть у этой ученицы или ученика соответствующее платье или костюм — значит роль его.

Так, например, Солнце играла девочка, которая была назначена на эту роль потому, что у нее было красное шерстяное платье. Оставалось только приделать к нему украшения из желтой блестящей бумаги: корона с лучами, воротник (тоже с лучами), юбочка — и все, костюм готов! А моя средняя сестренка, Полина, играла Весну потому, что у нее было зеленое шерстяное платьице. На это зеленое платьице мы пришили букетики бумажных цветов разных расцветок и сортов, сделали венок, конечно, тоже из бумаги — дело-то зимой происходило... Я играла роль голубого подснежника, потому что у меня было какое-то голубенькое платье, к нему мы сделали воротник из голубой бумаги и гофрированную юбочку — ну, чтоб больше походить на цветок. Были там и белые подснежники, по такому же принципу наряженные; снежинки (шесть девочек), у них белые украшения из бумаги и из ваты.

Были Дождь и Ветер. Ветром, кажется, стал тот мальчик, у отца которого был серый плащ. Вот такая получилась самодеятельность.

Взрослые пришли на спектакль, смотрели с большим интересом и удовольствием. Вообще, постановка вызвала хорошие отзывы. А у детей возник огромный интерес к самодеятельности: мы стали читать стихи, ставить спектакли — однажды, разыгрывали какую-то пьесу, уже не помню какую именно, она была по поводу весны-лета на стихи Льва Модзалевского:

Слети к нам, тихий вечер,
На мирные поля!
Тебе поем мы песню,
Вечерняя заря.

Вот это стихотворение мы разыгрывали. Действие там тоже было.

Потом мы, в частности я и моя сестра Саша, устраивали такого рода спектакли для семьи. У нас была книга «Устная речь», изданная уже в советское время. В сборнике главным образом были стихотворения, больше всего было Некрасова. Вот по стихам Некрасова мы и разыгрывали свои детские спектакли.

Вот что я помню о втором классе.

В третьем классе тоже было довольно интересно. Наши учителя уже куда-то уехали, и в школе поселилась Прасковья Николаевна, забыла ее фамилию. Она была не то чтобы очень грамотным педагогом — то ли у нее были какие-то пробелы в образовании, то ли просто такое воспитание было. Одним словом, она отличалась некоторой грубостью по сравнению с предыдущими учителями, о которых я рассказывала. Тем не менее она тоже пыталась вести с нами работу по художественному воспитанию. Мы читали много стихов. Еще она организовала хор, причем хор неплохой: мы выступали на самодельной сцене, которую устроила наша сельская молодежь, пели в церкви — она руководила церковным хором. Видимо, какие-то навыки у нее были, потому что она общалась с регентом. Вообще, у нас при церкви в свое время был очень хороший хор и регент, весьма одаренный в музыкальном плане мужчина. Вот с ним она общалась. А мы выступали в церкви. Слух у меня был плохой, зато я была на первом месте по декламации стихотворений — мне нравилось это делать. Так прошли третий и четвертый класс. А затем встал вопрос, как быть дальше.

Я уже говорила, что мой крестный, дядя Саня, всегда говорил маме, что нужно учить детей. Особенно часто он говорил про меня, так

как мне учеба давалась хорошо. В нашем селе средней школы, конечно, не было. Вообще, на весь Бронницкий уезд было два или три средних учебных заведения — сначала гимназии, потом девятилетки. Поэтому меня отдали учиться в пятый класс в Никитское, откуда была взята замуж моя мама. Там были пятый и шестой классы (седьмого, по-моему, не было). Школа располагалась в бывшем барском доме. Она была довольно плохо организована, и мы там не столько учились, сколько занимались самодеятельностью. Вряд ли стоит об этом подробно рассказывать, потому что воспитательной работы практически не было. Хотя директор этой школы, Леонид Леонидович Муравьев (его фамилию, имя, отчество я хорошо запомнила), был человеком умным и образованным. После закрытия этой школы его перевели в Раменское, где он стал директором фабрично-заводской школы.

В Никитском школа помещалась в большом, каменном здании, которое не отапливалось — была всего одна печка. Поэтому ученики, девочки с мальчиками, без конца скандалили по поводу того, кто первый будет готовить себе обед. У всех были свои котелки или какая-нибудь другая подходящая посуда. Жили в общежитии там же, при школе. Наконец, эту школу сочли — и правильно сделали — необходимым закрыть, поскольку она не была подготовлена к ведению нормального учебного процесса. Нас перевели в другую волость — в Ашитковскую. Это за 20 километров от нашего села, рядом с селом Ашитково (потом Виноградовский район). Туда перешли не все, человек 10 — не больше. Поскольку определенной программы обучения у нас в Никитском не было, в Ашиткове пришлось учиться в пятом классе еще год.

В Ашиткове девятилетняя школа помещалась в бывшем имении графа Ламсдорфа. Можно сказать, это первое нормальное учебное заведение, причем с очень интересным народом (как преподавателями, так и учениками), в котором я стала получать среднее образование.

Граф Ламсдорф был начальником Дворцового управления в Москве, а в 1881 году уехал в свое ашитковское имение, построенное по немецкому образцу. В 1902 году он умер, и с тех пор там, как рассказывали, жила умалишенная сестра графа. Имение было довольно изолировано от населения, хотя и располагалось недалеко от села. Это было довольно большое фабричное село. Крестьяне там имели свои наделы и работали на местной фабрике Павловых. А с другой стороны находилось большое село Губино. Оно распростерлось километра на два. Тоже наполовину крестьянское: там занимались и естественным хозяйством, и ткацким промыслом — у них были небольшие фабрики.

А кругом этого имения разросся сосновый парк, очень красивый. Этот парк сливался с лесом. Этим лесом имение было окружено с трех

сторон. Села, о которых я говорила, были за лесом и за парком. Только одна сторона имени выходила на поле, но и здесь тоже был высажен кустарник, какие-то культурные растения. Парк был достаточно ухожен и очень хорош. И само имение было довольно интересным.

Я это место запомнила хорошо еще и потому, что несколько лет спустя (я проучилась там всего один год) я снова там побывала. Школа уже была не девятилетней, а семилеткой (девятилетку перевели в Раменское), и я преподавала в этой семилетке, а какое-то время даже была директором школы.

Какой жизненный опыт я вынесла из пребывания в этой школе? Во-первых, там были очень интересные преподаватели. Большая их часть относилась к преподавателям старой школы — одна учительница была классной дамой в какой-то привилегированной гимназии старого времени. Но были и молодые педагоги нового поколения и с новым подходом к образованию.

Например, Ованес Степанович. Армянин, вступивший в партию еще до революции. Он преподавал у нас обществоведение и геометрию. Его преподавание сыграло большую роль и в моей личной жизни, и в моем отношении к большевизму. Там же преподавал какой-то дальний потомок Салтыковых (известной Салтычихи, если вспомнить екатерининские времена). Это был Василий Алексеевич Салтыков, из уже обнищавших дворян. Вместе с ним я еще успела поработать. Нам было известно, что в конце XIX — начале XX века он стремился попасть в Большой театр, хотел петь. У него был хороший, приятный голос. Но туда он не прошел и потом, видимо, стеснялся выступать где-то еще. Только иногда выбирался в большой зал (там стоял рояль), играл на этом рояле и пел. Мы ходили его слушать. А вообще, он преподавал физику и какое-то время обществоведение — такой у Василия Алексеевича был набор дисциплин. Я же говорю, интересный у нас там был народ, непростой.

Но самое главное — это учащиеся старшего звена, восьмой-девятый класс. Несколько человек из девятого класса я запомнила очень хорошо и, как мне кажется, должна о них рассказать. Некоторые потом стали крупными советскими деятелями. Например, Николай Афонин. У нас было два Афониных — старший Николай (он учился в девятом классе) и его младший брат, имени я не помню, учился с нами.

По окончании школы этот Николай Афонин учился где-то еще и уже перед войной работал в каких-то верхах. После войны одно время был председателем Центрального союза потребительских обществ. Участвовал в международных съездах потребительской кооперации и, вообще, был человеком известным, потому как в те годы потребительская

кооперация была широко распространена и пользовалась большим авторитетом среди населения.

Был еще Николай Елисеев. Очень интересный, способный человек. Он потом служил на партийной работе. Я с ним снова встрети-лась уже будучи совсем взрослой, произошло это, если мне не изменяет память, на фабрике «Красный Октябрь». Он был там секретарем парткома, а потом еще в партийных органах работал. К сожалению, он очень рано умер, не дожив до 50 лет. Был еще один очень интересный молодой человек — Коля (имени точно не помню; кажется, что у него еще брат был). Он относился к организаторам комсомольской ячейки. Все они были комсомольцами, активистами, очень заботились о нас, младших школьников, и вели просветительскую работу в окрестных селах: собрания проводили, беседы, спектакли ставили.

Кроме перечисленных мной ребят мне запомнилась Сеничкина, а точнее — Анна Даниловна Клюева. Но тогда для нас она была Сеничкиной. Интересная, русская девушка, активная комсомолка. Еще я помню ее густые светло-каштановые волосы. Позже я с ней встрети-лась, когда она уже работала в ЦК. Вообще, она окончила ИФЛИ и по образованию была историк. Поэтому после работы в ЦК она еще 15 лет работала в нашем университете на межфакультетской кафедре истории партии. Мы с ней часто встречались. Анна была замужем за Владимиром Клюевым, тоже видным работником. У этого Клюева было два брата. Старший, с ним я не была знакома лично, происходил из Ашитковской волости, работал в Москве и активно проявлял себя в Доме культуры где-то в Сокольниках.

Сам Владимир Владимирович окончил, по-моему, текстильный ин-ститут и работал в министерстве текстильной промышленности. У них, у Анны и Володи Клюевых, с которыми я хорошо знакома, было два сына. Один — талантливый математик, работал в каком-то исследова-тельском институте, но потом его уговорили незадолго до прихода Гор-бачева взять на себя руководство Фрунзенским райкомом партии. Внешне красивый человек и к тому же большая умница. Помню, когда я одно время вела семинар пропагандистов в том районе и пришла на какое-то совещание, мне сказали о сыне Клюевых: «Вот пришел по-настоящему умный человек, коммунист!» — так о нем отзывались. Это, конечно, его так ныне покойная Анна воспитала.

Вот такие там были люди.

Но вернемся к школьным годам. Жили мы все в общежитии. В глав-ном кирпичном здании были только классы. Из преподавателей в глав-ном здании жили только Салтыков Василий Алексеевич и на втором этаже, в комнатке, жила преподавательница биологии — аспирантка

биологического факультета Московского университета (ее я очень хорошо запомнила). Во всех остальных комнатах были классы. Общежитие учащихся помещалось в большом деревянном флигеле, где у графини Ламздорф раньше жила прислуга. Мы, девочки из младших классов, жили в большой общей комнате, через которую можно было пройти во вторую, там жили девочки постарше нас: шестой, седьмой класс. А в последней комнате — самые старшие девочки, девятиклассницы. К ним через наши комнаты ходили ребята и всегда останавливались у нас, разговаривали с малышами, вели воспитательную работу.

Я была религиозная, моя подружка из нашего же села — Дуся Никонова — тоже относилась к религиозной семье. Ее отец, также как и мой, погиб в Первую мировую войну. И мы с ней были в школе на привилегированном положении — на казенном пайке. Советская власть такую льготу предоставляла детям, отцы которых погибли в империалистическую войну. Паек очень скудный — шли 20-е годы, причем самое их начало (кажется, это был 1922–1923 учебный год). Но тем не менее даже он был для нас большой помощью.

И, конечно, мы хотели проявить свое «я». В нашей комнате в переднем углу стояла кровать Дуси Никоновой, а рядом — моя: у Дуси висели иконы на стене, и я тоже привезла с собой иконку: мама дала мне Николу Чудотворца. Эти иконки мы повесили. Ребята, которые к нам заходили, сначала просто косились, а потом начали воспитательную работу. А мы в ответ: мы в Бога верим, поэтому иконки снимать не станем. Они уж и так, и так разговор начинали, а мы — докажите, что Бога нет, тогда и иконки уберем, и кресты снимем. Наконец, они решили повлиять на нас административно. Сказали: уберите, так как церковь отделена от государства, а поскольку школа — государственное учреждение, то уберите. А мы сделали так: Дуся убрала свои иконы, и большие (две или три), и маленькие (когда мы учились в Никитском, у нас действительно висел полный иконостас). А у меня была деревянная кровать, сделанная когда-то дядей Пашей (я ее с собой привезла). И там было деревянное изголовье, я на ленточке повесила икону так, чтобы подушка ее закрывала. Но, конечно, все равно было немного видно. В скором времени ребята ее заметили...

Другие девочки из деревень, что были расположены недалеко от этой школы, как-то равнодушно относились к религии: в церковь ходили, только если заставляли родители или сами того хотели, а когда не хотели — не ходили. Икон у них, конечно, не было. Такое уж у нас полусельское-полуфабричное население.

Что же сделали наши товарищи? Они прислали Ованеса Степановича, нашего преподавателя. И он стал к нам приходить. Вначале сказал,

что будет проводить беседу со всеми. Девочки его послушали-послушали, но потом всем стало скучно, они начали засыпать: приходил он к нам вечером, после уроков, была то ли осень, то ли зима (в общем, рано темнело), электричества не было, зажигали какие-то маленькие лампочки — вот девочки и засыпали. Оставались только мы с Дусей. Фактически он с нами беседовал. Разговаривали о происхождении Вселенной, человека, в общем, на темы материалистического характера. В конце концов, мы пристали к нему с вопросом: «Ладно, мы готовы убрать иконы, снять кресты, но докажите, расскажите нам так, чтобы было понятно, откуда же все взялось? Где начало? Откуда все появилось?»

Я ему очень благодарна. Когда я стала взрослой и снова встретила его, то сказала ему лично о том, как я бесконечно благодарна. У него получилось понять наше детское сознание, любопытство, любознательность — все, вместе взятое. Получилось понять и то, что я пыталась объяснить для себя окружающий мир, хотела разобраться во всем с помощью Священного Писания, Псалтыри, Евангелия, кроме того, я уже начала читать Библию, поскольку она была у нас дома. Он сумел это все понять и как-то ясно и доходчиво доказать нам то, что материя бесконечна, а также другие основы материалистической теории. И все. Мы осознали, что теперь нам все ясно. Хотя к этому еще нужно было привыкнуть: к пониманию бесконечности, вечности. И мы сняли кресты.

У меня была корзинка с крышкой (вместо чемоданов были корзинки), и я положила крест вниз, потому что явиться домой без креста не могла: дедушка бы не очень возмутился, но мама... Дедушка уже тогда был совсем старенький, и к тому же он меня очень любил и простил бы. Слух об этом разнесся быстро.

В классе рядом со мной сидела Нюра Белова, дочка местного губинского купца, у которого была какая-то маленькая фабричка, конечно, с наемной рабочей силой. Нюра всегда изображала неприступность. Но мы с ней сидели за одной партой и были довольно дружны. Так вот, когда я пришла в первый раз в класс без креста и села на свое место, она вдруг от меня отвернулась и тихо сказала:

- Уходи, не хочу с тобой сидеть.
- Почему?
- Ты крест сняла.
- Ну и что, какое тебе дело?! Хочешь с крестом ходить — пожалуйста, ходи, а я сняла, — ответила я.

Тут она меня толкнула, и я чуть не упала, но кто-то поддержал меня с другой стороны.

Нужно сказать, что в нашем классе половина ребят и девочек была из детдома. После Гражданской войны многие остались без родителей. К ним у нас было особое, бережное отношение. Детдомовские, как правило, были самой активной частью учащихся. В частности, в одном классе со мной был Гога Пальцев¹, очень интересный парень. Вот они, эти активисты, и шикнули на мою соседку — дело-то было во время урока. А после, на перемене, два или три человека к ней подошли и сказали: «Ты это оставь, мы ее в обиду не дадим». Вот такая случилась история, своего рода драма среди детей.

Вот о Гоге я сейчас вспомнила. Звали его Георгий Пальцев. Тогда ему было 14—15 лет, и был он какой-то удивительно самостоятельный, такой важный, очень высокий и голос густой.

Однажды Ованес Степанович на уроке геометрии написал что-то такое на доске, а потом обратился к нам с вопросом. Вызвал кого-то из мальчиков. Этот мальчик вышел к доске и никак не мог ответить то, что нужно. А Гога сидел у нас за последней партой. Вот он поднял два пальца, порывался ответить. Ованес Степанович ему: «Ты подожди пока», — и продолжает допрашивать другого мальчика, того, что к доске вызвал. Тот молчит, ничего не может ответить. Тогда Гога снова поднимает два пальца... И я запомнила, что Ованес Степанович по этому поводу рассказал нам такой анекдот. Говорит: «Муж с женой поссорились относительно того, нужно стричь собаку или не нужно. Жена настаивает на том, что стричь нужно, а муж говорит, что незачем. Спорили-спорили, муж рассердился, взял и бросил жену в канаву с водой. А она ему оттуда снова два пальца показывает, как стричь нужно!» Вот так и наш Пальцев, все никак не мог успокоиться.

После, когда я была секретарем областного комитета комсомола, Гога Пальцев работал в обкоме комсомола, приезжал ко мне в волость, и мы разговаривали об одной девочке, она училась с нами, но классом старше. Лиза Балашова, красавица, дочка известного фабриканта из Ашиткова. Он, комсомолец, был в нее безумно, безнадежно влюблен. А она вышла замуж за директора какого-то большого завода. Гога

¹ Пальцев Георгий Николаевич (23.4(6.5).1906 — 6.11.1964) — советский партийный и хозяйственный деятель. В 1924—1928 гг. — секретарь ячейки, волостного комитета РКСМ—ВЛКСМ, заведующий Агитационно-пропагандистским отделом Бронницкого уездного комитета ВЛКСМ Московской губернии. В 1929—1932 — заведующий Агитационным отделом Исполнительного комитета Бронницкого уездного Совета (Московская губерния). В 1940—1944 — 1-й секретарь Ивановского областного комитета ВКП(б). В 1944—1947 (после создания Владимирской области) — 1-й секретарь Владимирского областного комитета ВКП(б) (фактический хозяин области при номинальном председателе исполкома облсовета). Был снят в ходе послевоенных чисток и отправлен на хозяйственную работу.

долго страдал, а потом женился на какой-то учительнице в Раменском. Затем стал председателем Мособлисполкома и первым секретарем Ивановского и Владимирского обкомов — большой партийный работник был.

Вот такая была у нас в школе обстановка. Она, конечно, способствовала формированию моего политического и общественно-политического сознания и моему развитию в целом. Преподавание было хорошим, хотя шли первые годы становления массовой средней школы, велся поиск наиболее удачных программ. Важно, что все мы чувствовали отношение преподавателей, их влияние на нас.

Была серьезная учеба, но в то же время была и самодеятельность: проводились интересные вечера, устраивали коллективные танцы. Кроме того, мы получали и трудовые навыки: например, праздник Первомая отмечался как праздник труда. Половину дня мы должны были работать на субботнике и занимались этим с удовольствием. Потом шли переодеваться и устраивали разные интересные игры на газоне вокруг школы. В актовом зале пытались изобразить какие-то отдельные сюжеты из балета. Представляли нечто, отдаленно напоминающее «Лебединое озеро».

Ну вот. Так что от этой школы у меня остались приятные воспоминания. Но, к сожалению, в 1923/24 учебном году сняли возрастной порог. И Дуся, которая была на класс старше меня, уехала заниматься в среднюю школу в Раменском.

Я тоже провела этот год в другом учебном заведении, поскольку мама стала хлопотать о моем переводе в такую школу, где было бы казенное питание. Старшая сестра в это время училась сначала в Бронницкой гимназии, потом в Коломне. Там она заканчивала последний девятый класс. Так что нужно было содержать ее. А меня взяли в школу, находившуюся в имении Спасском графа Орлова-Давыдова.

Место, безусловно, тоже очень любопытное. Оно находилось в 10–12 километрах от нас, на берегу Москвы-реки, ближе к Коломне. Имение знаменательно тем, что там раньше собиралась весьма просвещенная публика. Позже я узнала, что в середине XVIII века туда ездили многие наши большие писатели.

В то время, когда я начала учиться, там находился сельскохозяйственный техникум, животноводческий. Организован этот техникум был на базе оставшегося после владельца большого скотного двора. На нем содержался молочный скот. Там же происходила и обработка молока — была своя маслобойня. Учащиеся должны были работать на этом скотном дворе и учиться. Какое-то время мы учились, а потом обслуживали хозяйство. Питание, конечно, было по меркам того

времени очень хорошее: свое молоко, свежее сливочное масло. Жили там же. Приходящих не было. Мы образовали коммуну, т.е. у нас получился сельскохозяйственный техникум-коммуна. За исключением меня, все были комсомольцы. Я тогда еще не достигла комсомольского возраста. Мы все учились и работали.

Основных классов было два или три, точно не помню. И еще были два подготовительных класса, где учились в основном ребята, но было и несколько девочек, все в возрасте 16—18 лет. А с 18 начинались основные классы.

Мне не было даже 16, я не состояла в комсомоле и была самой младшей. Ходила там в «малышках», может быть, поэтому ко мне было такое особое, заботливое отношение. А так как я страдала малокровием (семья была большая, еды не всегда хватало), у меня часто случались головокружения, и старшие ребята и девочки обо мне заботились: «Что-то ты, Симочка, опять побледнела, иди-ка к врачу!»

В главном здании две комнаты были отведены «больничке»: в первой комнате сидели врач и сестра, а во второй стояли четыре койки. Туда отправляли на поправку: то девочек, то мальчиков — попеременно. Периодически и меня посылали к врачу, я шла, а там уже была договоренность, что меня надо в эту больничку положить. В больничке было усиленное питание. Сейчас я сливочное масло ем редко, но всегда вспоминаю то масло: только-только из маслобойни, свежайшее, тепленькое, душистое... и эти сливки — тоже свежие, душистые, еще теплые... Вот там меня заставляли все это есть — откармливали, а ела я с трудом: у меня всегда был плохой аппетит. Но приятнее всего то, что можно было много читать (за что мне потом врач сделал выговор). Читала я весь день, пока не стемнеет. Но даже темнота не могла меня остановить, когда наступала ночь, я читала украдкой, с «моргасиком» — это такая лампа-коптилка. Читала я очень много: сначала совершенно бессистемно, потом стала выбирать, появилась некая система. Произошло это так.

Здание усадьбы состояло из двух этажей с мезонином. Девочки жили на втором этаже и в мезонине, который состоял из большой бильярдной комнаты. Из мезонина вела лестница на крышу, а на крыше была расположена смотровая площадка, оттуда можно было любоваться просторами. Особенно во время разлива Москвы-реки (она разливалась на семь километров), и мы с площадки наблюдали этот разлив — великолепно. Так вот, я жила как раз в этой бильярдной комнате, нас там было, наверное, человек 12.

На первом этаже — большой зал, где мы устраивали балы; на втором этаже — классы, несколько комнат. На первом этаже, кажется,

находилась библиотека — такое большое помещение с огромным аквариумом посреди зала. Рядом стояли столики для читателей. Из этого зала можно было попасть в хранилище библиотеки: красивые шкафы от пола до потолка (а потолки там очень высокие) были заполнены литературой русских классиков и переведенной на русский язык иностранной литературой. Эта библиотека отличалась от той, что находилась в ашитковской школе: в ней тоже было много книг, свой читальный зал, все стены уставлены шкафами, но вся литература на иностранных языках, главным образом на немецком и на французском. Так что нам от нее было мало проку. Здесь же я приходила, брала книги — одну, другую, третью — и читала. Однажды библиотекарь мне сказала:

— Девочка, ты читаешь очень много книг, но как-то бессистемно. То ты берешь «Красных дьяволят», то читаешь Тургенева, то еще что-нибудь такое!

Я действительно увлекалась разной литературой, в том числе и о Гражданской войне. Но к реплике библиотекарьши я отнеслась серьезно и заинтересовалась:

— А как нужно?

— Нужно соблюдать систему. Вот возьми любого писателя, прочитай, если сможешь, все его произведения или хотя бы часть — тогда у тебя сложится впечатление об авторе. А то, что ты можешь сказать о каком-нибудь конкретном авторе, если так бессистемно читаешь? То одного, то другого, у тебя же все путается...

Мне это понравилось, и я спросила:

— Очень хорошо, но с кого мне тогда начать?

— Ну, иди сюда, — она пригласила меня в хранилище. — Вот, смотри, выбирай.

Я хорошо помню, что, когда я вошла, с правой стороны был огромный длинный высокий шкаф, заполненный книгами Шпильгагена — это немецкий писатель середины XIX века. Я потом о нем узнала несколько, когда писала работу о периодической печати XIX века, о крупных журналах, в частности, о «Современнике», вот в этом самом в «Современнике» были отзывы о Шпильгагене. Так вот, я тогда сказала: это буду читать. И начала читать его романы, где объявляются кузены кузенов, роман начинается в каких-то замках... Одним словом, романтизм. И я всем этим увлекалась.

Врач мне однажды сказал:

— Не буду я вас слушать! Ты сюда больше не попадешь — ты здесь только чтением занимаешься. А это для тебя вредно. У нас есть лыжи (там был хороший спортивный уголок), бери и поезжай. Ходи на лы-

жах! Тебе нужно чаще бывать на воздухе, тогда ты станешь больше есть.

В общем, заставили меня ходить на лыжах, и я ходила. На самом деле, это очень интересно. Наше здание стояло на крутом берегу Москвы-реки, и из большого танцевального зала вел каменный парадный выход: вниз, прямо к реке, спускалась широкая каменная лестница с красивыми перилами. А дальше, с одной стороны, если направо спускаться, шли какие-то хозяйственные постройки, а налево — аллея вдоль Москвы-реки и полуразрушенный грот. Рядом был живописный овраг и двухэтажное деревянное здание — псарня. Там держали породистых собак для охоты. Был еще другой выход — к нему подъезжали кареты, а там огромный газон, он когда-то зарастал цветами, кустарниками. За газоном шел парк. И у этого газона был огромный грот с какими-то украшениями, тоже полуразрушенный. Кажется, так и было задумано. Все это я обходила на лыжах.

Училась я здесь мало. В Ашиткове была дисциплина, и я там училась. Здесь тоже была дисциплина: ребята учились и работали, но они уже были взрослые. Я же была на положении маленькой, и многое из того, что нам объясняли, я не понимала. Наверное, из-за того, что перескочила через класс. Разве что я хорошо помню, что мне нравились уроки истории и литературы. Преподавала эти два предмета одна и та же учительница. Еще у меня неплохо шла зоология. А вот с математикой дела не ладилась, перескочив через класс, я практически ничего не понимала, да с меня никто особо и не спрашивал.

По литературе я запомнила один эпизод. Учительница задала нам написать сочинение. На разные темы, по выбору. Одна тема называлась «Комсомол в деревне», и я выбрала ее. Не о каком-нибудь писателе или еще что-нибудь такое, а именно эту тему, и написала сочинение. Потом, когда она принесла уже проверенные сочинения, мое сочинение она отложила в сторону и говорила другим, кто как написал. В классе было больше мальчишек, девочек было то ли две, то ли три. Наконец, она взяла мою работу и сказала: «Вот это сочинение я хочу прочитать вам. Оно отличное по содержанию, но плохое по грамматике». И вот она всем прочитала мое сочинение. Оно понравилось и ей, и ребятам — «Комсомол в деревне». Меня что пленило в этой теме: я многое знала о практической работе комсомольской организации, об их коммуне. Ведь в окрестных деревнях была проделана большая работа (а меня они всегда возили с собой). Они ставили спектакли, проводили беседы, занимались ликвидацией неграмотности. Меня это так увлекало, и я так завидовала им, тому, что они уже комсомольцы, а я еще маленькая, и я очень хотела дорасти до этого. Об этом я

и написала в сочинении и, видимо, настолько увлеклась, что его слушали с большим вниманием, а потом ребята говорили мне: «Как хорошо! Ты молодец, что написала». Но в то же время говорили, что учиться-то все-таки нужно. Однако не настойчиво — снисходительно, потому что относились ко мне, как к маленькой. Вот что мне запомнилось.

Еще запомнилось мне общение с комсомольской организацией. У нас часто проводили комсомольские собрания. А это значило, что собирались учащиеся со всех классов, что-то около сотни человек. В большом зале, где была столовая, соорудили сцену, на которую поставили стол. Основные массы комсомольцев сидели в зале, президиум за столом, а я, спустив ноги вниз, сидела на самой сцене, лицом ко всей аудитории. Они рассуждали, спорили, обсуждали чье-то поведение, причем горячо, живо — все были равнодушны к каждому обсуждаемому вопросу. Я сидела, слушала, смотрела, потом, когда заканчивалось собрание, я подходила к президиуму и говорила:

— Ну когда же вы меня примете в комсомол?

Махнув рукой, секретарь отвечал:

— Ты еще маленькая, подожди.

— А что мне делать? — говорила я и уже начинала кокетничать. — Организуйте тогда из меня пионерскую организацию.

Они смеются:

— Придет твое время. Пока у нас больше нет никого подходящего возраста. Скоро ты в комсомол вступишь, а пока мы тебя не бросим. Ты сидишь, слушаешь, учишься. Вот и ходи, и слушай — наши собрания мы от тебя не закрываем.

В общем, на таком положении я там была.

В чем я была активна, так это в балах. Танцевали мы много. Когда я еще была подростком (до комсомола), то ходила на деревенские танцы (мы их устраивали летними вечерами). Была кадрили. Но меня сразу тянуло к балету (я увидела его где-то в кино или когда в Москву ездила в детстве, а может, когда к нам привозили «передвижки»). И я загорелась желанием стать балериной. Понятно, что я никому об этом желании не говорила, но старалась делать какие-то движения умирающего лебедя, станцевать что-то в этом роде... поэтому меня кадрили как-то не захватила.

Когда я была в старшем классе, я была знакома с двумя взрослыми студентами: одному 26 лет, другому 28, не помню, на каком они были курсе (втором или третьем). Один, его я очень хорошо запомнила, Сидельников, офицер царской армии, но служил и в красных войсках (командиром был), человек с музыкальным образованием, был влюб-

лен в мою соседку по общежитию Ольгу Разумовскую. Ей было тогда то ли 16, то ли 17 лет. Интересная очень девушка, с не очень сильным, но красивым, бархатистым голосом. Потом мне говорили, что ее встречали в Ленинградской оперетте, вроде бы она там пела. А тогда в нее был влюблен офицер Сидельников, и он работал над ее музыкальным образованием. Все к этому относились очень бережно, не мешали, когда они занимались. Второй, Гинзбург, я не знаю, кто он по национальности: еврей или, может быть, немец, тоже служил офицером в Красной армии. Он очень хорошо, легко танцевал. А я страстно любила танцевать, особенно вальс, и все мечтала о том, что пойду в балет. Гинзбург организовывал балы, и перед тем как начинать вальс, он подлетал ко мне:

— Симочка, мы с тобой открываем бал.

Я принимала это как должное, и мы с ним проделаем два или три круга вальса, а потом уже начинали танцевать остальные; и он меня буквально носил.

Платье у меня было обычное, школьное, какие тогда могли быть бальные платья?! Я помню себя танцующей с этим Гинзбургом, он в темно-синей полувоенной форме, невысокого роста, чуть-чуть повыше меня, а я в платье, которое мне мама перешила из своей нижней юбки. В те времена, когда ей готовили приданое, была мода на широкие длинные юбки, почти до земли, и под юбку надевали нижнюю юбку. Эти нижние юбки были или из белой ткани с кружевами, или из байки. Вот мама и сшила мне платьишко, очень теплое, и девочки завидовали:

— Какое у тебя красивое платье! Какое хорошее платье!

Помнится, в Ашиткове одна девочка, постарше меня, очень стройная, всегда просила, когда были танцевальные вечера, дать ей надеть это платье. Мы были дружны и всегда делились всем, чем можно. Я помню, что однажды сама танцевала в этом платье. Кроме того, мама сшила мне еще одно платье, тоже из тонкой байки, какими-то серенькими волнами, напоминало мрамор. А еще были какие-то тапочки или сапоги, в общем, в них было легко танцевать. Играла музыка (Сидельников был за роялем, а кто-то играл на гармошке).

Народ собирался интересный, но я их знала только со стороны танцев, а не как учащихся или комсомольцев. Помню только, что однажды на комсомольском собрании обсуждался вопрос о поведении какой-то девицы (довольно красивой, уже совсем взрослой, несколько пышной для своего возраста), дочери какого-то большого священника. Там же был сын другого священника, из села Никитское (где мама родилась), Иванов Володя. Потом я с ним встречалась не один

раз: он работал вместе с Надеждой Константиновной Крупской в ее отделе по библиотечному делу (она очень много делала для открытия библиотек, и он в этом отделе работал). Был, как говорят, ее правой рукой. А тогда был студентом, учился на первом или втором курсе. Вообще, семья этих Ивановых была интересна. Священник в первый же год после революции отказался служить церкви, а его дети, Володя и две дочери (их я узнала позже), работали по библиотечному делу.

Еще там был Валентин Озеров (впоследствии я часто вспоминала его в связи с Николаем Озеровым, спортивным комментатором. Они были похожи: может быть, он родственник Валентина Озерова? Не знаю...). Тогда ему было 18 лет. Он был одним из комсомольских вожаков: то ли секретарем, то ли членом бюро. Я его запомнила потому, что он вдруг вздумал за мной ухаживать, за девочкой, — ухаживал, я плакала от его ухаживаний. Он большое внимание мне уделял, слишком большое, чрезмерно заботился о моем здоровье. Там также учился сын дьякона, Коля, не помню его фамилию, и они дружили, когда учились в техникуме. И этот Николай, уже после того, как я закончила там учиться, мне говорил: «Валя-то Озеров, что за тобой ухаживал, прислал тут письмо, просит тебе передать привет». Мне было 15 лет.

Однако запомнила и помню до сих пор я его потому, что он был одним из курьеров, которые ездили в Москву за информацией о состоянии здоровья Владимира Ильича Ленина. Были тревожные дни, по-настоящему тревожные. Всякие балы были прекращены. Последние дни перед его смертью. От комсомольской организации посылали каждый день кого-то за информацией о состоянии здоровья, и все ждали приезда этих курьеров. Тогда радио не было, телефонов тоже не было. И достоверные сведения добывали только через курьеров. Я помню, мы тогда особенно волновались, собрались все в зале, ждали приезда Озерова с его спутниками, кажется, их было двое. И вот я помню то, как он вошел в зал... На нем была меховая шапка (там почти у всех была казенная форма: меховые куртки и меховые шапки). Он снял шапку, и мы сразу по его выражению лица поняли: Владимира Ильича уже нет.

Мы выслушали это сообщение в гробовом молчании. Потом я побежала в свою комнату. Рядом с моей кроватью стояла кровать Лены Колесниковой — круглолицей, румяной девочки, с типичным славянским лицом, довольно симпатичная, русые волосы заплетены в две тонкие косички. И я помню, как эта Лена лежит ничком в подушку и вся заходится в рыданиях, плачет, плачет... А, между прочим, Лена Колесникова, пришедшая из села, расположенного в 4–5 километрах

от школы, на берегу Москвы-реки, была дочерью местного то ли купца, то ли мельника, то ли торговца — в общем, какого-то местного буржуя. Но плакала, рыдала. Я уже не говорю о других девочках. Плакала Настя Глухова. Детдомовка. Хотя мы тогда как-то не очень различали, кто откуда: раз учится с нами, раз член коммуны, комсомолка — значит, наша и все...

Этот эпизод из нашей школьной жизни остался в моей памяти на долгие-долгие годы, я рассказывала об этом, вспоминала сама. В ленинские дни, в день смерти Ленина, я всегда помнила о том, как все было, как мы плакали.

Что еще можно сказать о той поре?.. Потом правительство решило объединить разрозненные животноводческие техникумы. В результате наш техникум объединили с техникумом, который был под Подольском. Мы объединились в Подольский университет. А в нашем здании теперь большой детский дом. Весной мы устраивали прощальный бал, очень большой, были гости, родственники.

В связи с этим балом я почему-то вспоминаю своего троюродного брата. Звали его Голованов Митя. Он был значительно старше, учился в нашем техникуме. В паре с ним я всегда вспоминаю Нюру Маркарченко, из Никитского, красивую девицу, тоже уже взрослую, она училась там же. Вспомнила Бородиных: старшую сестру Тосю, и младшую — Дусю. Дуся училась вместе с нами, она перешла к нам, а Тосю я уже потом узнала. Вспоминаю сестер-учительниц из моей второй школы, видится мне Екатерина Николаевна Бородина, преподававшая географию, жена Муравьева, школьного директора... Вылезают откуда-то из памяти разные сведения. Все вспоминаются именно в связи с этим вечером. Может, потому, что он был прощальным, многолюдным... Было очень много танцующих, было много смеха и слез.

А на другой день мы все разъезжались. Все — это я, моя соседка Лена Колесникова и еще один наш учащийся, старше и меня, и Лены — Лурье (он был, кажется, из прибалтийских народов, то ли латыш, то ли литовец). Ему было 17–18 лет, он жил недалеко от школы, километров за пять, в каком-то небольшом селении, там еще была мельница (скорее, даже не мельница, а крупорушка). Хозяином этой крупорушки был его отец. Но он тоже был в комсомоле, этот Лурье, тоже учился вместе со всеми в этом техникуме. Был май месяц, разлив Москвы-реки. А я уже говорила, что Москва-река разливалась здесь на 7 километров. То место, где он жил, эта самая крупорушка находилась на какой-то возвышенности, на островке. У Лурье была лодка, и он предложил: «Давайте, девочки, я вас на лодке повезу». И он нас повез по этому водному

раздолью. Сначала посадил Лену, поскольку ее селение ближе, потом меня. Меня, конечно, довез не до самого селения, потому что туда вода не доходила, но постарался посадить как можно ближе, и я пошла домой. Вот так закончился для меня этот учебный год.

Я добавлю еще несколько комментариев к моим воспоминаниям о школьных годах. Можно сказать, что в общей сложности я получила семилетнее образование. В какой-то степени бессистемное. Особенно последний год, когда я училась в подготовительном классе техникума. Там у меня не очень хорошо ладилось с математикой и физикой, поскольку начальные знания у меня были плохо усвоены и к тому же я много пропустила. Вышло так, что больше всего я получила гуманитарных знаний, поскольку эти науки у нас преподавала учительница старой школы, однако литературу и историю она излагала вполне современному. Еще я очень любила географию: в начальной школе и в пятом-шестом классе особенно. Затем, я сама очень много читала в эти годы. Можно сказать, это было моим самообразованием.

В целом многое зависело от того, какой учитель преподавал предмет: были учителя, которые не смогли заинтересовать не только меня, но и других учеников; были, напротив, очень сильные, интересные педагоги, которые рассказывали так, что дух захватывало. Напоминаю, что средние школы всеобщего образования тогда только начинали развиваться, и для своего времени я получила достойное образование, основательное. Можно сказать, закончила хорошую гуманитарную школу.

А еще нужно прибавить к этому комсомольское окружение, общественную школу, общественное воспитание... Конечно, тогда я мало что могла сделать и фактически была созерцателем, наблюдателем, но это все нашло потом свое выражение в последующий период в моей общественной деятельности и работе.

Последующий период моей учебы ознаменовался тем, что, как выяснилось, продолжать обучение в техникуме где-то в Подольске или в каком-нибудь другом месте, куда поехали учащиеся из нашего техникума, я не могла — так как старшая сестра заканчивала девятилетку и должна была отправляться в Коломну. Это значило, что нужно снимать там квартиру, что нужны продукты. К тому же подрастали братья. Поэтому материальное положение нашей семьи стало очень тяжелым. Следовательно, мне было нужно оставаться дома. Вопрос стоял в том, как дальше жить. Учиться я должна была сама, во всяком случае, еще год. Так мы договорились с мамой. Начался следующий период моей жизни, я стала взрослее. Это был конец 1924 — начало 1925 года. Все мы, вся семья, по-прежнему участвовали в сельскохозяйственных работах: молотили и косили, делали все, что могли.

Когда сельскохозяйственные работы закончились и начались короткие дни и длинные ночи, то я оговорила себе такое право (мама разрешила), что днем я буду вышивать, вязать кружево, главным образом, для родственников (но только для таких родственников, которые могут заплатить за это) — в общем, заниматься тем, что как-то поможет нашей семье.

Чаще всего, родственники заказывали специально, для того, чтобы оказать нам материальную помощь. Зарабатывала я в основном именно таким образом. Я и раньше знала, как вышивать и вязать кружево, но за этот год я научилась составлять разнообразные рисунки, и даже составила альбом рисунков для вязания кружев.

Это днем. А вечером я могла бежать в библиотеку, она находилась в соседнем селе. Там была небольшая библиотека (потом она увеличилась). Я брала книги, много читала: частично там (хотя в библиотеке было неудобно читать — все время приходили какие-то люди и отвлекали), а иногда брала книги домой и читала вечером или ночью.

Керосина было очень мало, поэтому мне разрешалось зажигать свет только с помощью металлической баночки с фитильком (не помню, как называли это приспособление), туда наливалось масло (оно еще называлось «деревянное масло», его использовали для лампад), фитилек зажигался небольшой, но читать было можно. Мама, конечно, страшно ворчала, переживала, что я глаза испорчу, поэтому я старалась читать украдкой. В общем, каким-то образом мне удалось за этот год прочитать очень много.

Тогда же в селе прошел слух, что у нас будет создаваться комсомольская ячейка. В библиотеке стали встречаться молодые люди моего возраста, подростки, 15–16-летние ребята и девочки. Как-то раз мы договорились, что у нас будет собрание. На него мы пригласили секретаря партийной волостной ячейки Павла Петровича Тюленькова. Этот человек заслуживает всяческого уважения, я и сейчас с почтением вспоминаю его. Он принял участие в Октябрьской революции, будучи совсем молодым человеком; потом стал секретарем партийной организации. А коммунистическая волостная ячейка тогда была небольшая, — человек 8–10, и это на всю волость! Конечно, им была нужна помощь. Этими помощниками могли стать мы, комсомольцы.

Ячейка организовывалась как волостная, хотя первое организационное собрание проходило в нашем селе. Но тогда почти все села сливались. До этого в волости была только одна комсомольская ячейка, возникшая немногим раньше нас, может, на полгода раньше, в одной деревне, она была ближе к железнодорожной станции, хотя от нее до станции было еще километров семь. Так вот, на первом собрании

комсомольской ячейки оказалось, что ее основные кадры — это мальчишки, ребята 17—18 лет, и только три девушки: я, моя подружка Куликова Настя и Настя Тюленькова, сестра секретаря Павла Петровича. Хотя была в ячейке еще одна девушка, которую почему-то прозвали «шефка». Она носила кожаную куртку. Вообще, тогда было принято носить зимние шапки — кубанки. Они внутри меховые, а сверху кожаные. Обычные ушанки — просто с ушами, а у этих отворачивался меховой козырек. Вот и у нее была такая. Может быть, поэтому ее прозвали «шефка». Интересно и то, что раньше комсомольских собраний не было — молодежь была очень неорганизована, а тут вдруг появилась какая-то организация.

Конечно, когда в этот список записывали меня и мою подружку, Настю Куликову, то мы оговорили с ней, что наши родители не должны пока ничего знать об этом потому, что в то время было сильное предубеждение относительно комсомольцев вообще, и девушек-комсомолок в частности. А так как у нас была большая родня, и мама, хотела она этого или нет, тем не менее находилась в окружении этой родни, а на них большое влияние оказывали всякого рода предрассудки, то мы, конечно, скрывали наше участие в работе комсомола.

Вначале мы собирались главным образом в библиотеке, а потом в помещении волисполкома — там был зал, где раньше собирался народный суд. Вот в этом помещении народного суда мы и устраивали комсомольские собрания. Ходили якобы в библиотеку, такой у нас был предлог.

Конечно, потом, уже зимой, наверное, в январе-феврале, мама обо всем узнала, и Настины родители узнали тоже. Отец Насти стукнул ее плоской по голове, а она закричала: «Не трогать меня!» Был скандал. Моя мама тоже рассердилась, но бить меня не собиралась, в нашей семье такое обращение не было принято. Один только раз она замахнулась на меня, но это было немного позже. А так — нет, не было такого. Она почти не ругалась, но плакала, говорила: «Ты меня осрамила перед всеми моими родственниками. Как же я буду в глаза им смотреть? Ведь комсомолка — это бесстыжая девка! Все так говорят». Я, как могла, ее разубеждала. Дед все это слушал и в данном случае во всем поддерживал маму. Я бросать комсомол не собиралась, и они начали прятать от меня сапоги, чтобы я не уходила. Но я все равно как-то приспособилась и бегала на собрания.

В начале 80-х я рассказывала мою историю на факультете, и ребята захотели как-нибудь отобразить это в нашей стенгазете. Они нарисовали снег и следы на снегу — так они хотели показать, как я брала небольшие резиновые галоши, надевала несколько чулок, носки и та-

ким образом бежала по морозу на собрание. Конечно, я простудила ноги. Делать было нечего, маме пришлось достать из сундука мои сапоги, чтоб я ходила в них. Вот как было. Так встречали мое участие в комсомоле.

А уже через год мама, я сама слышала, моей средней сестре, которая работала дома (она тоже начинала учиться в семилетке, но из-за материального положения была вынуждена прекратить занятия, сидела дома, шила, вязала, вышивала), говорила так: «Полина, ну что ты все время дома сидишь, иди в комсомол. Сима делом занимается, и ты иди в комсомол».

Когда я работала волостным секретарем комсомола (это уже был год 1927 — начало 1928), Павел Петрович часто приходил ко мне домой. И он очень любил с мамой беседовать: я часто уходила, приходила, и все время заставляла их за беседой. Беседы были на разные темы, но главным образом о религии. И я очень хорошо помню, как она допрашивала его:

— Ну, хорошо, обряды — это плохо, с этим можно покончить, тем более что за церковные обряды часто выдают обряды языческие. А вот скажите, откуда же все взялось, если Бога нет?

Вот как изменилось отношение. Что же они такое о нас узнали? Чем все-таки занималась наша волостная комсомольская ячейка?

Дело в том, что к середине 20-х годов в селе, несмотря на то, что оно было расположено недалеко от Москвы и многие были связаны с городом промысловой работой, еще были живы некоторые традиции, которые стоило не возрождать, а изживать всеми силами. Организация комсомола в деревне, массовая работа с населением — это был прорыв в новую, более культурную жизнь. Здесь нельзя недооценивать просветительскую роль комсомола.

Вначале мы просто собирались, проводили беседы. Говорили о задачах комсомола, о текущей политике в стране, современном положении, о международных отношениях в общих чертах. Потом стали заниматься конкретными делами. Какие конкретные дела мы могли решить самостоятельно? Вот, например, весной было нужно построить мост через какую-то маленькую речушку. И мы строили мост. Комсомольцы шли на стройку, чтоб дать возможность людям проехать к пашне напрямик, срезать путь. Затем я затеяла в нашем селе школу вышивания.

Одна женщина предоставила нам свой дом и сказала: «Мне никакой платы не нужно за то, что вы собираетесь, пусть только волисполком будет давать мне небольшое количество керосина, чтобы вечером жечь большую лампу». Эта школа преследовала две цели. Во-первых,

чтобы занять девушек чем-то, чтобы они не на сиделках с парнями ютились, а чтобы все было организовано, культурно. Чтобы организовать девушек, нужно было дать им какие-то навыки вышивания. Многие знали, что мы хорошие рукодельницы (меня мама учила), и охотно посылали своих дочерей. Это первая задача. Вторая задача заключалась в том, что во время такого собрания, пока девушки сидели и вязали, можно было читать разную литературу, громко и внятно, поскольку многие были малограмотные, закончили один-два класса и все. И я устраивала эту читку. Иногда я сама читала, а иногда читала эта Клавдия, хозяйка дома (она была грамотная женщина). Вот такие мы ставили перед собой цели. Для ребят мы также собирали чтения, устраивали их в библиотеке.

Потом ставили спектакли. Поколение, которое занималось этим до нас (в 1918–1920), поколение молодых людей — 18–19-летних, уже ушло из села. На фабриках и заводах, прекративших работу во время Гражданской войны, проходило интенсивное восстановление. Многие нашли там свое место.

Сначала мы ставили спектакли в помещении бывшей земской школы (еще я в ней училась). Здание было не слишком приспособлено для такого рода деятельности. В бывшей школе помещалась контора, и даже работали промкооперации (портные были объединены в это время в промысловые кооперации, это один из видов кооперации, о необходимости которых говорил Ленин). Это в середине 20-х годов, 1924–1925. А вечером мы там устраивали спектакли, но работать было неудобно. А тяга населения к посещению этих спектаклей была велика. Поэтому с помощью волисполкома, советской власти на местах, мы оборудовали Дом культуры. Нам выделили одно отремонтированное дворянское здание, а уже мы там все оборудовали, вымыли все, соорудили зрительный зал, сцену, комнаты для кружковых занятий, большую комнату для библиотеки (а то она ютилась в волисполкоме), устроили читальный зал. И вот в этот самый волостной Дом культуры на спектакли приходило гораздо больше народу, было много взрослых людей, не только молодежь интересовалась театром.

Я упомянула о промысловой кооперации, это тоже был важный момент в работе комсомола. Мы добивались того, чтобы молодые люди, занимавшиеся в зимнее время портняжным делом, были также объединены в кооперации и чтобы им предоставили соответствующие условия для работы, потому что это все-таки была работа по найму. Какой-то центральный промсоюз организовывал профсоюзную работу. А на местах эту работу мы проводили.

Следует еще отметить такой момент. Комсомолом был объявлен День леса — всесоюзное мероприятие. В определенный день, подходящий для посадки леса, комсомольцы сажали лесные участки. Наша волостная ячейка посадила большую полосу сосен, которые потом выросли и украшали лес. Большинство деревьев в нашем лесу были лиственными, а теперь есть и хвойные.

Много внимания уделялось помощи трудящимся на земле: работе сельскохозяйственных кредитных коопераций, а потом созданию товариществ по совместной обработке земли для наиболее выгодного и удобного использования сельскохозяйственных машин. Их было очень мало, но сеялки, молотилки — уже появлялись. Это тоже было объединение. Членам кооперации давалось преимущество, в первую очередь в молотье. Иногда на все село приходилась только одна молотилка. Большую роль в продвижении этой кооперации опять же играли комсомольцы. Комсомол воспитывал молодежь своим примером, демонстрировал трудолюбие в сельском хозяйстве, объяснял важность труда на земле в масштабах всей страны. Проводились специальные беседы среди молодежи, прежде всего с комсомольцами, о том, как лучше ухаживать за скотом, как обрабатывать землю на огороде. И такую работу проводил комсомол.

Конечно, самой большой работой стала ликвидация неграмотности и малограмотности, но о ней я скажу несколько позже.

Что еще привлекало население на нашу сторону, на сторону комсомола и изменяло отношение его к комсомольцам — это борьба с пьянством. Я уже упоминала о том, что эта работа велась давно, буквально с первых дней советской власти, однако именно в эти годы наша работа особенно развернулась. Нужно сказать, что пьянство в деревне в эти годы было не так развито, как сейчас не только в деревне, но и в городе. Никакого сравнения здесь даже быть не может. Но по праздникам пили и довольно много. Самых важных праздников было мало, два-три в год. Однако некоторые напивались и в рядовые праздники. Вот против них и велась борьба. Для примера того, как действовал комсомол в этом отношении, я могу привести один факт.

Дело было, кажется, в 1926 году: один комсомолец, буквально несколько месяцев назад вступивший в наши ряды, был найден пьяным. Волостная комсомольская ячейка насчитывала тогда около 50 человек. Было проведено собрание, очень бурное, активное, по результатам которого его единогласно исключили из комсомола. Он очень просил, даже плакал, чтобы его не исключали, чтобы дали ему испытательный срок. Мы дали ему 6 месяцев испытательного срока.

И через 6 месяцев приняли обратно, потому что он строго выполнил свое обещание не пьянствовать. О таких действиях люди узнавали сразу, и это, конечно, привлекало население на нашу сторону.

Об этом я, кажется, тоже говорила, но следует немного расширить тему: понятно, что мы много бесед проводили на политические темы. Это было начиная с конца 1925 года, когда мы сами уже подросли политически, подготовились. Так вот, беседы на разные темы. Ну, скажем, о сельскохозяйственном налоге на текущий год. О постановлении партии и правительства по какому-то вопросу, беседы о международном положении. Мы ходили по деревням и проводили такие беседы, конечно, только после того, как сами изучили материал. Готовились к таким разговорам мы на комсомольских собраниях. Зимой мы сходились раз в две недели (иногда чаще), сами делали и слушали доклады. Я очень хорошо помню, как в 1925 году (мы создали ячейку в декабре 1924 года), в январе или феврале уездный комитет комсомола утвердил нас как волостную ячейку. И уже через два-три месяца после того, как нас утвердили, бюро комсомола поручило мне и моей подруге, Насте Куликовой, сделать доклад: «Ленин о кооперации».

— Как же мы будем делать доклад? — спросили мы.

— А вот вам книжка, по ней и расскажете о том, что Ленин пишет о кооперации.

— А как же мы будем вдвоем? — практика парных докладов нам пока была неизвестна.

Нам предложили простое, но дельное решение:

— Разделите пополам. Пусть одна из вас первую половину книжки рассказывает, а другая — вторую.

Так и решили. Настя взяла себе первую половину, я — вторую. У Насти не было никакого опыта докладов, а у меня был небольшой опыт, приобретенный в школе, в семилетке, когда я писала сочинения, о чем-то рассказывала и писала рефераты. Мой опыт подсказывал, что нужно немножечко обобщить и не просто пересказать, а рассказать по-своему. Настя пошла другим путем, она прямо-таки зазубрила отрывки из текста: «У нас, действительно, раз государственная власть в руках рабочего класса, раз этой государственной власти принадлежат все средства производства, у нас, действительно, задачей осталось только кооперирование населения». Это из работы Ленина «О кооперации».

Это было очень важным для нас тогда. В частности, для меня. Я потом возвращалась к этой работе не один раз, но уже тогда, готовясь к своему первому докладу в волостной коммунистической ячей-

ке, я усвоила главное из того, что говорил Ленин, из того, к какому выводу он пришел в этой работе — главным было то, что мелким единоличным хозяйством в современных ему условиях экономического состояния России из нужды не выйти. Этот вывод мне был понятен, и это очень импонировало мне.

Этот доклад мы сделали. Причем на собрании присутствовали ребята из другой ячейки, и их мы боялись особенно. Они раньше нас были утверждены укомом, и нам казалось, что они как-то особенно образованы политически. Потом, много лет спустя, мы поняли, что они не очень далеко от нас ушли. Потому что одним из вопросов, заданным Насте Куликовой членом михеевской группы, был: «Скажите, пожалуйста, товарищ Куликова, что такое нэп?» В общем, мы были где-то на одном уровне.

Мы сделали свои доклады, а потом, когда доклады закончились, сели на ближайший диван, а в середину попросили сесть Лешу Жданова, нашего секретаря. Он был старше нас, тоже комсомолец, в нашей компании считался самым образованным — у него было среднее образование, он закончил то ли гимназию, то ли какое-то среднее училище. И вот мы его посадили посередине, говорим: «Будут задавать вопросы, ты нам подсказывай». А он нам: «Девчонки, не трусьте, я вам подскажу». И когда Насте задали вопрос, она сразу к нему: «Леш, подскажи, что такое нэп, что мне сказать на этот вопрос?» А он ей отвечает: «Говори так: нэп — это новая экономическая политика». Настя встает, отвечает. И вроде бы, все поняли — дополнительных вопросов не последовало. Я это к тому, что уровень михеевских ребят действительно был не далек от нашего. У меня от такого ответа осталось какое-то смутное неудовлетворение, он был слишком формальный, официальный, ничего толком не объяснял. Но я тоже не могла ничего об этом сказать — так как все, о чем я говорила во второй части (там речь шла о разных типах кооперации, о переходе от низшей формы кооперации к высшей), все это было так разбросано, не систематизировано, не собрано воедино, что я не могла на основе такого анализа сделать обобщение и ответить кратко. Скорее всего, я тоже была очень слабо подготовлена, потому что мне нужно было еще и прочитать, и продумать, разложить все в своей голове. Но как будто бы все были удовлетворены моим докладом. И самым важным стало, конечно, то, что я познакомилась с работой Ленина и познакомилась с ней других. Какие-то новые вопросы встали перед каждым из нас, заставили над чем-то задуматься, все это было полезно, несмотря на то, я повторю, что уровень понимания у нас был очень низкий.

Затем через некоторое время, месяц или два, уже весной 1925 года меня опять пригласили в бюро комсомольской ячейки и говорят:

— Ты должна сделать летом (то ли на июнь, то ли на июль было назначено собрание) доклад о международном положении.

Я говорю:

— Я не буду делать доклад! Почему именно я?!

— Ты. У тебя тогда получилось лучше всех, поэтому доклад делаешь ты!

Вы представляете себе мое положение? Мне было и боязно выступить с докладом о международном положении, а с другой стороны, была какая-то смелость, и как-то интересно было. А чего, думаю, выступлю! Буду готовиться! Набрала газет в библиотеке, стала читать о событиях, которые происходили где-то там, за рубежом. Узнала о революционном движении по странам: узнала о деле Сакко и Ванцетти в Америке, о революционных выступлениях в Китае, о других странах. Стала все это собирать. Но сначала как-то разбросанно написала себе в тетрадке, сделала выписки. И вот, однажды, я шла в ячейку, проходила мимо дома Павла Петровича, секретаря партийной организации, и встретила с ним. Он мне говорит:

— Подожди. Я слышал, что ты готовишь доклад о международном положении.

Я говорю:

— Да. Трудно. Я сделала много выписок из газет, но их нужно как-то все собрать, материал пока разобщенный.

Я понимала, что у меня нет какой-то главной основы, вокруг которой я могла бы весь этот материал объединить, а без этого хороший доклад у меня не выйдет. Он говорит:

— Я тебе помогу.

Разговор состоялся напротив его дома, он сходил к себе и принес мне газету «Правда». На первой странице был доклад Николая Ивановича Рыкова¹ на президиуме или на сессии ЦИК СССР о международном положении.

— Прочитай, тебе это поможет.

Кроме того, что эта беседа была очень важна для меня, она была важна и для всего нашего собрания — он к нам претензии предъявил:

— Что же вы там все время одни что-то делаете, а ведь существует партийная ячейка. С нами вы почему не связываетесь?

— Да я не знаю, — говорю. — Наверное, нужно.

¹ Так в записи.

Мы всегда были совершенно самостоятельны и как-то привыкли к этому. Он говорит:

— Давайте для начала так. Прикрепите из своей ячейки двух человек к нашей, пусть приходят к нам на собрания.

— А кого же?

— Ну вот, хотя бы ты приходи и твоя подружка, Куликова, тоже пусть приходит.

Позже прикрепляли из партии к комсомольским организациям, а тогда, наоборот, комсомольцев прикрепляли к партийной организации. Мы приходили с Настей на партийные собрания и сидели там, слушали. Коммунистов было немного, около 10 человек, но у них получались интересные собрания: шли дискуссии, споры, принимались важные для нас решения. Потом мы рассказывали все, что понимали, в нашей комсомольской ячейке. Такая получалась у нас система. Но вернемся к моему докладу о международном положении. Павел Петрович говорит:

— Вот Новоселов (это народный волостной судья), человек подготовленный, он тоже может помочь тебе подготовиться к докладу.

Я говорю:

— Не нужно, я сама как-нибудь. Я иначе запутаюсь. Я сама должна понять.

— Ну, он придет.

— Пусть не приходит. Если придет, я смущаться буду.

Но когда я делала доклад, в самый его разгар (я уже разошлась и ничего не боялась), заметила, что кто-то стоит в темном коридоре и периодически оттуда выглядывает — то был тот самый Новоселов. У меня дрогнуло немножечко где-то в груди, но потом я все-таки собралась. А он быстренько спрятался обратно. Мне потом Павел Петрович сказал:

— Ну что, удачный доклад был.

Я говорю:

— Вы же не были, вы не знаете.

Хотя ему могла, конечно, сестра все рассказать. А он смеется и отвечает:

— Новоселов таки подслушал твой доклад и сказал: «Ну куда мы, старики, вон молодежь какая подрастает!» Значит, хороший доклад был.

Вот я все рассказываю об этих докладах. Но однажды мы попросили партийную организацию пригласить к нам из уезда хорошо подготовленного пропагандиста, чтобы он еженедельно проводил с нами занятия. И вот к нам приехал один, присланный укомом. Сам он, кажется, был из Москвы, вроде бы учился в Институте красной профессуры или в Коммунистическом университете. В общем, разбирающийся

был товарищ. И он с нами вел беседы по разным вопросам, по истории коммунистического движения и по коммунистической теории. Мы тогда спорили, прямо-таки с ожесточением. Если он нам говорил что-то, чего мы не понимали, то мы его допрашивали (очень дотошными были): «А почему? А как? А зачем?» Или, если не согласны были, тоже спорили ожесточенно. То есть не могу сказать, что мы все принимали на веру. Вот такая работа проводилась у нас в комсомоле. Так мы готовились к большой работе с населением.

Теперь к тому, как менялось отношение окружающих к нам, нужно прибавить еще один факт. В 1927 году я уже работала секретарем волостного комитета комсомола. Прихожу я как-то вечером домой и вижу: мама какая-то слишком серьезная. Спрашиваю:

— В чем причина такой озабоченности?

— Ну как же мне не быть озабоченной. Было собрание кооператива.

— Ну и что?

— Выбирали правление (объединенной кооперации нашего села и волостного села). Выбрали тебя.

Я говорю:

— Как меня?

— Выбрали тебя в правление.

— Ну и что? Кто-нибудь возражал? Как выборы проходили?

— Рекомендовали тебя. Кто-то из мужиков сказал: «Не рано ли? Молодая еще». А другой, рассудительный такой мужик говорит: «Ничего не рано. Серафима Ивановна — дельный человек, ей можно доверить».

Этот момент показывает, как сильно изменилось отношение к нам и нашей деятельности.

Теперь о комсомольских собраниях. Они проходили организованно, всегда начинались в определенное время. Первым делом все вставали и пели комсомольский гимн: «Мы молодая гвардия рабочих и крестьян». Заканчивали собрание так же, пением нашего гимна. Это поднимало настроение, создавало боевой дух, мы чувствовали себя единой семьей. Это очень нам помогало.

Теперь кратко о моей комсомольской работе. Первым секретарем волостной комсомольской ячейки был единогласно избран Леша Можаяев, из села Ульянино, он был, может, на год или два постарше меня. Леша происходил из очень трудолюбивой семьи: и отец, и все его дяди — крестьяне. Еще у него было два брата, оба авторитетные в деревне молодые люди, помогали в хозяйстве своему отцу. Кроме сельского хозяйства отец занимался портняжным делом. Это я подчеркиваю потому, что были у нас и другие комсомольцы.

Например, Саша Белов и его младший брат — Леша Белов. Леша был мой одноклассник, мы вместе учились, а Саша был старше, 1906 года рождения. Красавец по всем статьям, может быть, потому был так красив, что и родители его тоже были очень красивые, хоть и разные. Мать Саши яркая брюнетка, деревенская красавица. Отец — блондин, отличался такой скромной, тихой, неброской красотой. Не эксплуататорская, не кулацкая семья. Была у них еще старшая сестра, которая к тому времени уже окончила гимназию и вышла замуж. Саша же гимназию не окончил. Дома его баловали, видимо, как редкого красавца — особенно мама. Он мало трудился, мало помогал, очень уж любил покрасоваться. У него всегда были нарядные, модные рубашки. Он стал первым в нашей округе, у кого появился велосипед, вот он и катался по шоссе на дороге, пока другие работали: шили или на поле пахали. Все говорили, что он баловень. То есть человек, конечно, очень красивый, но мужчины, который должен обзавестись семьей и стать хозяином в этой семье, быть самым старшим, показывать пример остальным, из него не получится. Он состоял в комсомоле, и мы всегда критиковали его за поведение.

Этот пример я привела, чтобы показать, какое было отношение в деревне к молодым людям. Комсомол стал примером воспитания трудолюбия. Этому Сашу критиковали за то, что он мало помогает своим родителям. Он это признавал, но исправить его было уже трудно. Потом, года через два его все-таки послали учиться в Коломну, надеялись, что это поможет его перевоспитать. Однако он там долго не выдержал — через год его отчислили. Он вернулся, признавал с поникшей головой, что отчислили его за дело, потому что он ленится. Вскоре после этого был очередной призыв в армию, и двоих из нашего села, его и Сашу Полянина призвали учиться в школу кремлевских курсантов. Это было задолго до Отечественной войны. Оба были довольны таким поворотом судьбы.

Я знаю, что потом Саша Полянин стал большим военным. Белов тоже стал кадровым военным и во время войны командовал полком, имел полковничий чин. Я помню, через месяц, когда я уже работала в другом районе, я приехала (то ли в декабре, то ли в январе) в свое село, пришла в Дом культуры, и мне ребята говорят: «Ты знаешь, Саша Белов приехал в отпуск. Ему так идет военная форма, он еще красивей стал, мы сейчас за ним ходим». Саша пришел и отчитывается передо мной: «Ты знаешь, я другим человеком стал. Оказывается, мне было нужно именно это, армия мне была нужна, дисциплина. Я обязательно стану дельным человеком». После этого мы с ним поладили, а то раньше я его больше всех критиковала. Его брат, Леша (тоже краса-

вещ, весь в отца), был очень уравновешенным, спокойным, скромным молодым человеком; тоже был в комсомоле, хорошо вел себя. У нас к нему претензий не было.

Так вот, до меня секретарем комсомольской организации был Леша Можаяев, потом, примерно через полгода или немножко больше, его отозвали в уездный комитет комсомола, потом в Московский комитет, там он проработал несколько лет. Леша очень рано умер, кажется, от туберкулеза. После Леша Можаяева меня избрали секретарем комсомольской организации. Я стала секретарем волостной ячейки и проработала там около года.

Затем в нашей волости была создана еще одна ячейка, в другом селе. Значит, у нас уже стало три ячейки на волость. И уездный комитет комсомола решил создать общий волостной комитет, объединить три ячейки. И секретарем этого волостного комитета комсомола избрали меня. Одновременно, через месяц или два, проводилась уездная конференция комсомола, на которую меня избрали делегатом, а потом членом уездного комитета комсомола. Конечно, это стало большим прорывом в комсомольской сельской организации. Дело в том, что в нашем Бронницком уезде (центр уже был в Раменском, но уезд, по привычке, называли Бронницким) было 20 волостей, и только в двух комитеты возглавляли девушки, во всех остальных секретарями были молодые люди.

Там же, на уездной конференции комсомола, были избраны делегаты на 14-ю губернскую конференцию комсомола или на 1-й губернский съезд.

В конце 1926 — начале 1927 года, зимой, я поехала на конференцию в Москву. Эта конференция продолжалась целую неделю. Я хорошо помню открытие конференции, оно проходило в Колонном зале Дома союзов, в торжественной атмосфере. Каждая комсомольская организация вносила свой вклад в общий настрой — собрался полный зал молодежи: бушующей, поющей, представители разных делегаций знакомились друг с другом — все шумело.

Нашу делегацию возглавлял секретарь уездного комитета комсомола, хороший человек, старше нас (ему было лет 25–26), очень умный мужчина и прекрасный работник, Сережа Филатов. После войны его перевели на партийную работу — он был секретарем парткома завода «Серп и молот». Его помощником стал заведующий отделом по агитации и пропаганде Леша Ярков (про которого я рассказывала выше). Еще там был управляющий отделом по экономработе. Задача таких отделов состояла в том, чтобы обеспечивать бронь комсомола на различных предприятиях (безработица еще не была окончательно

ликвидирована). Эта бронь существовала для того, чтобы комсомол заполнял какой-то процент из безработных, чтобы на предприятия принимали в первую очередь комсомольцев, а потом остальных. Такой отдел по экономработе был и у нас, в уездном комитете комсомола. Им заведовал очень веселый человек, не могу вспомнить фамилию, помню, что он тоже был старше нас, лет 25 ему было. И помню, что он прекрасно играл на гармошке, замечательно плясал, какие-то шутки, прибаутки говорил всегда, и этим нас объединял. Он и на этой конференции начал играть на гармошке, а мы подхватили песню. А там, с другого конца зала, запела другая группа, как бы с нами соревнуясь. Одним словом, прекрасная была атмосфера, дружеская.

Первый день конференции проходил в Колонном зале Дома союзов, затем мы перешли в большой зал Дома Красной армии. Все последующие заседания проходили в этом зале, целую неделю. А жили мы в каком-то Доме советов, там было что-то вроде большого общежития.

Конференция проходила бурно. Шла острая дискуссия. На ней даже выступал секретарь ЦК комсомола. Также был главный редактор «Комсомольской правды», эта газета была очень популярна в те годы, и редактор газеты был соответственно тоже очень важный, авторитетный человек и большой оратор. Еще запомнился другой известный оратор, о нем говорили так: в партии — Бухарин, в комсомоле — он (фамилию не помню, он был заведующим ЦК комсомола). Очень яркий человек. Дискуссия шла по вопросам, связанным с появлением платформы правой оппозиции.

На губернском комсомольском съезде выступил секретарь Московского комитета партии, и в связи с его выступлением развернулись острые прения. Я не все тогда могла хорошо понять в этой борьбе (мы, конечно, уже стали лучше прорабатывать и во всем разбираться), но все-таки это была очень серьезная, острая политическая борьба — мне многое было не ясно. Активно выступали не только работники ЦК, но и комсомольцы.

На конференции я сидела вместе с фабричными девчонками, и, конечно, к концу слушаний мы все уже немного устали. И когда мы ходили от общежития до зала заседаний, то увидели расклеенные на заборах афиши Малого театра, они представляли постановку «Любовь Яровая». Так вот к концу конференции мы сговорились и стали посыпать записку за запиской в президиум, мол, мы, делегаты из деревни, знаем, что такое озимая пшеница, а вот что такое яровая любовь — не знаем. Зато в Малом театре как раз про нее спектакль показывают, так нельзя ли нам устроить туда поход?! В президиуме посмотрели, посме-

ялись, а на другой день объявляют нам, что конференция будет только до обеда, а после обеда все должны подготовиться к посещению Малого театра. В общем, для нас, участников конференции, на этот день арендовали Малый театр. Тогда мы и увидели этот великолепный спектакль. Любовь Яровую играла Пашенная, а других актеров я не помню. Была премьера. Таким образом мы познакомились с классической труппой Малого театра. Вот что у меня осталось в памяти от нашей конференции.

Потом, уже весной (в марте 1927 года), состоялась 5-я всесоюзная конференция комсомола. От нашего уезда туда был, конечно, избран Сережа Филатов, и еще несколько человек. В то время я уже работала секретарем волостного комитета комсомола, и однажды мне позвонили из уезда в волисполком (там помещался наш партком и комитет комсомола, у нас была небольшая комнатуха), звонят, спрашивают меня и говорят: «Есть гостевой билет на всесоюзную конференцию комсомола. Но нужно срочно». Я немножечко заколебалась, у меня были какие-то свои срочные дела, поэтому мне казалось, что я не смогу поехать. Но мне очень хотелось съездить, поэтому окончательный ответ я не дала. Тогда меня стали уговаривать, объясняли, что нужно поехать, сказали: «Возможно, будет Сталин».

Сталин уже тогда был в нашей стране очень известным человеком и для комсомола, безусловно, большим авторитетом. Конечно, послушать легендарного секретаря партии мне было бы очень интересно. Поэтому я все-таки поехала и попала на эту всесоюзную конференцию. Она проводилась в зале какого-то театра, не помню, какого именно. Зал был полон: сидели на галерке, на балконах. Слушали, уходили, приходили опять... Я обратила на это внимание, потому что меня такие приходы и уходы немного раздражали — мешали слушать. Но вдруг смотрю, народ стал собираться — все места заполнились, и стояла тишина. Потом раздался приглушенный шепоток: «Сталин, Сталин». И появился Сталин. Все, конечно, начали аплодировать, встали — это был совершенно стихийный порыв. Это был первый раз, когда я увидела его и услышала его речь. Когда он говорил, было слышно, как муха летит, — абсолютное внимание. Эта речь потом вошла в его собрание сочинений, она была посвящена двум проблемам: первая — задачи комсомола в индустриализации страны, вторая — китайская революция, восстание в Шанхае.

Это я запомнила очень хорошо. Ну а после того, как закончились все речи и закончилось само заседание, нам был показан спектакль. Сережа Филатов, он сидел где-то неподалеку, подошел ко мне (у него был большой номер в гостинице, и мы договорились, что я буду долж-

на к нему туда подойти) и говорит: «Я не могу тебя ждать. Я очень устал, и работа еще есть. Сумеешь сама найти?» Я тогда была молоденькая еще девушка. Я ему отвечаю: «Я найду. Я хочу посмотреть спектакль». Я любила спектакли. А потом добиралась по пустынной улице. Гостиница была недалеко, но я помню, что когда я спросила у милиционера, правильно ли я иду к гостинице, он немножко меня проводил и сказал:

— Что же ты одна?

— А что такого?

Пустынная улица, никого нет, что может случиться? Тогда еще можно было так ходить. Вот таким запомнился этот год для меня (1927). Я была на двух больших комсомольских мероприятиях. И это было очень важно.

Моя работа в комсомоле (отрезок времени приблизительно в два года, будем считать 1925–1927) — это сверхважный этап в моей жизни и в целом в жизни всей нашей молодежи. В моей — потому, что я здесь получила много знаний: и политических, и навыков организационной работы, и как-то закалилась, мужественной стала, наверное. И еще приобрела вкус к преподавательской, что ли, работе. Именно в это время был у нас кружок, который вел один товарищ из Москвы. Да и мне самой приходилось вести беседы с какой-то частью молодых людей, преподавать в кружках, читать, вести какие-то разъяснения. Вот я и вошла во вкус. Наверное, мои слова прозвучат немножко шаблонно, но это тоже стало моим университетом или школой. Я приобрела вкус к самостоятельной деятельности. Вот такая у нас была партийная организация, которая нам ничего не навязывала, только советовала, и которой нужны были мы, потому что стали верными помощниками для этой организации.

Моя самостоятельность была связана вот с чем. Например, у нас в комсомоле случались дискуссии относительно Есенина. Это было с начала 20-х годов вплоть, пожалуй, до 1925 года. «Есенинщина» — было такое нарицательное понятие. Есенин тогда не нравился какой-то части молодежи, потому как знали о нем в глубинке в основном то, что он пьяница, развратник, гуляка и прочее в том же духе. Понятно, что он многим из нас не угодил таким поведением. Его осуждали. И против этого восстал комсомол. Была у нас крайне левая часть, которая рьяно взялась за Есенина. Но вот что я думаю: было можно и нужно восставать против пьянства. Но нельзя было идти против Есенина. Я как раз в те годы очень полюбила его стихотворения. Есенинские стихи сами врезались в память, и я любила их вопреки всему. Вопреки этой самой дискуссии. Сказала: читала и буду читать! У нас

бывали такие вечера, на которых устраивали самодеятельные концерты: кто-то читал Есенина, кто-то читал Пушкина, кто-то — Демьяна Бедного.

Теперь о танцах. В те времена мы танцевали тустеп, падеспань, хвят (это, кажется, венгерский танец; я один раз, спустя много лет после войны, видела в Сочи, как его танцуют морские офицеры), польку-бабочку, еще какую-то польку (их много разных было). Танцевали венгерский танец. И у меня очень хорошо получалось, хотя сейчас я уже не могу вспомнить все наши танцы. В них были разные фигуры — получался настоящий спектакль, который исполняла пара людей, каждый по-своему. Иногда танцевали полонез (например, в техникуме). А уже с начала 30-х годов научились танцевать танго. Многие его танцевали уже с 20-х, но мы, комсомольцы, как-то от него сторонились. А потом начали танцевать фокстрот, который я очень любила.

Танцевали еще всякие танцы, я уже не помню какие именно, но, сравнивая их с современной «толкучкой», думаю: «Боже мой! Насколько же обеднела молодежь». Ведь тогда все было так интересно! Были, например, групповые игры: все ходили по кругу (это уже из сельского быта): «бояре, а мы к вам пришли, молодые, а мы к вам пришли» — как-то так было.

Танцевали еще, конечно, краковяк. Его танцевали долго. В 1955 году, когда отмечалось 200-летие университета, эта дата торжественно праздновалась в нашем старом здании, на углу Герцена и Моховой, где театр был (теперь там опять почему-то устроили церковь): на втором этаже, где красивый зал с колоннами. Там был и духовой оркестр, и танцы были — на которых декан исторического факультета Иван Дмитриевич Удальцов¹ танцевал краковяк.

Удальцовы — династия историков-экономистов. Иван Дмитриевич Удальцов до войны читал нам политэкономии, а потом, когда восстановили экономический факультет, он стал его деканом. А еще до войны он в 1928–1930 годах возглавлял университет, был два года деканом исторического факультета (потому что кафедра политэкономии была общеуниверситетская и входила в состав нашего факультета). Иван Дмитриевич — старый большевик, из дворян, человек хоро-

¹ **Удальцов Иван Дмитриевич** (7.3.1885, г. Москва — 30.1.1958, г. Москва) — юрист, экономист, ректор Московского государственного университета (1928–1930). Зав. кафедрой политической экономии (с 1934 г.), истории народного хозяйства и экономических учений (1947–1955). Был деканом исторического факультета. Стал основателем и бессменным деканом экономического факультета МГУ (1941–1955). После преобразования факультета международных отношений в Институт международных отношений (1944) стал его первым директором.

шо образованный и очень воспитанный. Манеры у него были светские, он прекрасно танцевал и, главное, любил танцевать. С ним мы были довольно хорошо знакомы еще со студенческих лет. Он был очень демократичным человеком. А в 1955 году, когда я уже работала на историческом факультете, мы с ним отплясывали краковяк. Его брат Александр Удальцов — был профессором истории Средних веков на кафедре Средних веков. Сын Ивана Дмитриевича, Иван Иванович Удальцов, до войны был студентом нашего факультета, зачислен в 1935 году. Потом он воевал, после войны работал в Институте славяноведения, в аппарате ЦК, а после был направлен на дипломатическую работу и в итоге стал нашим послом в Греции. Его сын, Александр Иванович Удальцов, стал послом в Латвии и Словакии. А дочь Ивана Ивановича Удальцова вышла замуж за Станислава Тютюкина, главного редактора журнала «Отечественная история».

Когда я рассказывала о школьных годах, говорила о бальных танцах. Кроме них нам были известны и наши, и некоторые западные танцы: полька, венгерка. Но фокстрот и танго пока не проникли в нашу среду. Точнее, вначале было танго, а потом фокстрот. Танго считалось ресторанным танцем. А комсомольцы, выступавшие за трудовое воспитание, были против ресторана, против разгульной, роскошной жизни. Потому что это — буржуазное. Потом появился фокстрот. И в связи с этим «леваки» стали выступать против танцев вообще. Я помню, что когда была уездная конференция, а она проходила в Раменском, в фабричной школе — там был большой зал (у меня потом племянник учился в этой школе, и я бывала там не один раз), мы устраивали по вечерам всякие развлечения. Не танцы, а фигурные марши под музыку. Ходили рядами и маршировали, делали разные фигуры. А вот в своей волости мы танцевали. Правда, танго мы не умели, не слышали еще про него, но знали многие другие танцы: и вальсы, и испанские танцы, и венгерские, в общем, разные. Конечно, вечера танцев были не такие, как сейчас. Но, по-моему, тогда все было интереснее и лучше, гораздо скромнее и красивее.

Был у нас как-то такой случай. Я приехала в уездный комитет комсомола. Наверное, на пленум. Пленум должен был состояться в каком-то зале, а я зашла в помещения уездного комитета (небольшие такие комнаты, очень скромные). Прохожу мимо кабинета, где сидел Сережа Филатов. Он меня увидел:

— Антоныч, — он меня Антонычем называл, — зайди ко мне.

Я захожу.

— На тебя жалоба.

Я говорю:

— А я знаю, кто.

— И кто?

— Гребцов, Гриша Гребцов, — отвечаю я.

Это был мой сосед по комсомольской работе. Между моей волостью, где находился наш комитет комсомола, и его комитетом комсомола было пять километров. Он мне однажды звонит:

— Товарищ Антонова, Сима, я протестую.

Я спрашиваю:

— Против чего?

— Ты танцуешь. Твои комсомольцы танцуют. Вы показываете нашим комсомольцам нехороший пример. Они меня атакуют. Говорят, почему у Антоновой танцуют, а ты не разрешаешь?

— Танцевала, танцую и буду танцевать! — ответила я.

— Я на тебя в уком пожалуюсь.

— Пожалуйста, жалуйся.

И вот в укоме мне Сережа Филатов с улыбкой говорит:

— Жалуетесь на тебя Гребцов. Что же ты там так?

А я говорю:

— Сережа, а что плохого в том, что мы танцуем? Разве хорошо, если ребята будут где-то там по закоулкам, в темноте? Или начнут танцевать секретно, закрыто? А мы устраиваем открытые вечера танцев. И я буду настаивать на этом. Буду танцевать. Можете мне вынести выговор.

А он смеется, говорит:

— Ничего. Скоро все будут танцевать. Как раз сейчас об этом идет разговор, дискуссия уже заканчивается. В ЦК комсомола будет принято постановление, разрешающее все это.

Раньше в комсомоле были дискуссии только по формам и содержанию комсомольской работы. А потом уже были и такие споры — по разным вопросам — на которых я выступала с каким-то самостоятельным мнением (сложившимся, конечно, в результате общего подъема сознательности народа). Это период моей жизни с 1925 по 1927 год.

И напоследок вот еще пример одной ранней дискуссии. Дело было в конце 1919 — начале 1920 года, еще до X съезда партии. В комсомоле велась большая дискуссия, была оппозиция украинских комсомольцев. Один из организаторов этой оппозиции (я с ним потом довольно близко познакомилась, он стал зятем моей хорошей подружки, Брониславы) был Владимир Дунаевский. Он работал в комсомоле на Украине и был в оппозиции. Они решили послать делегацию к Ленину. Несмотря на то, что положение в стране было очень тяжелое (шла Гражданская война), Ленин принял эту делегацию и разговаривал с ними. Не знаю

уж, сколько часов шла беседа, но, во всяком случае, он уделил им большое внимание. Гораздо позже Владимир сказал мне: «Ленин нас так убеждал, так с нами разговаривал, что мы поехали на Украину окрыленные и там рассказали всем комсомольцам о том, что узнали». Скоро оппозиция перестала существовать.

Завершить этот этап можно тем, что, когда я приехала с губернской конференции в волость, секретарь нашей партийной организации, я сейчас не вспомню его фамилию, пригласил меня к себе, я тогда уже была секретарем волостного комитета комсомола, и сказал:

— Ты большую работу ведешь. Ваш комсомол нам очень помогает. Но нужно, чтобы в комсомоле были коммунисты. Тогда связь с партийной организацией будет сильнее и крепче. Мы будем вместе работать.

Говорю ему:

— Правильно, конечно, — я никак не думала, что это лично меня касается.

— Так вот, — говорит. — Что ты думаешь насчет вступления в партию?

— Я? — я очень растерялась. — Но я же еще молодая! Я не подготовлена!

— Вполне подготовлена.

Вот тогда я написала заявление о приеме меня в партию. Это был март 1927 года. Я была принята кандидатом в члены партии как крестьянка с одногодичным стажем. Уездный комитет утвердил меня, и я получила кандидатскую карточку. А еще через год, в марте же, я была принята в члены партии. Годы комсомольской работы на родине много дали мне относительно политического воспитания. Собрания, доклады, которые я делала, беседы, которые мы проводили — ко всему нужно было готовиться. В это время, кроме занятий нашего партийного кружка с лектором из Москвы, были еще комсомольские курсы, их проводили два или три раза, то в уездном центре, то в Москве. Я была на этих курсах, они многое дали нам. Это были те годы, когда все впитывалось очень быстро.

Ликбез

Большое значение для моей дальнейшей работы в комсомоле и партии имела учеба на курсах, которые организовал Московский ЦК комсомола¹ для актива Центрального промышленного района. Эти курсы ставили своей задачей подготовить организаторов по ликвида-

¹ Так в записи.

ции неграмотности и малограмотности. На курсах мы должны были получить фундаментальную подготовку. Занимались три летних месяца. Работа была насыщенная, дисциплина — великолепная. На этих комсомольских курсах было около 100 человек. Курсы проводились в особняке, очень удобном и для занятий, и проживания — там же были комнаты для общежития. Здание было расположено в конце Хлебного переулка, на Арбате.

У нас там сложился крепкий комсомольский коллектив, жили одной семьей. Сначала ходили обедать в «Прагу» — там были недорогие обеды, заказанные специально для нас, а потом всех пристроили в какую-то столовую. А в этой «Праге», даже после войны (когда я жила в Москве), были дешевые обеды. Всегда можно было сходить на обед в кафе — там была диетическая столовая, и я туда ходила. Помню, что со мной в одной комнате жили разные девушки. Была Варя. Очень активная, смелая, веселая дивчина, ткачиха с фабрики. Была девушка из Тулы, я забыла ее имя и фамилию, хотя мы с ней были очень дружны. Была девушка из Костромы — из интеллигентной учительской семьи. Рядом со мной стояла кровать Лиды Лебедевой, сестры одной из учительниц нашего уезда, с которой мы потом встречались по работе...

Из ребят (а там были очень хорошие ребята, настоящие комсомольцы) я особенно запомнила Диму Лихачева. Запомнила его потому, что он был, наверное, на год постарше меня и очень хорошо подготовлен к нашей работе, поэтому, когда у нас были политзанятия, мы с ним немного соревновались. Я его даже иногда обгоняла, ну или он старался мне уступить. Еще я запомнила его, наверное, потому, что позже, когда услышала фамилию историка Лихачева Дмитрия Сергеевича, я почему-то подумала, что это он, наш Димка Лихачев. Но потом выяснила, что он к тому Лихачеву не имеет никакого отношения. Шло лето 1928 года, мне было 19 лет. Остальным примерно столько же. Я была старше только в партийном отношении — чуть ли не единственный член партии в нашем коллективе (были еще двое ребят из партии). Все остальные — комсомольцы.

Еще можно рассказать о лекциях по марксистско-ленинской теории. Основными лекциями по профилю нашей подготовки стали методика организации и проведения занятий. Это были и лекции, и семинарские занятия, и практика, т.е. занятие посвящалось тому, как нужно проводить занятия. Мы тренировались друг с другом. Это было важно и очень интересно. По окончании курсов мы устроили выпускной вечер. В нашем распоряжении был довольно большой зал, приготовили самодеятельность, и мне запомнился вот такой интересный для своего времени и достаточно веселый эпизод. Связан он был с наркомом здра-

воохранения Семашко. Мы пригласили его на этот вечер, потому что знали — он любит молодежь, к тому же он человек общительный и, вообще, он был популярен как нарком и как старый большевик, известный коммунист.

Уже позже, когда я занималась научной работой, узнала о том, что Семашко был врачом в Самарской губернии, куда был выслан за политическую деятельность. Там он выполнял работы по заказу статистического отдела земской управы по исследованиям сельского населения.

Так вот, все мы ждали его, уже были готовы начать вечер, но Семашко нет и нет. В ожидании мы спели множество комсомольских песен, шутили, смеялись. Он опоздал минут на 15–20. Потом вдруг кричат: «Семашко приехал!» Толпа расступается, и мы видим человека невысокого роста (можно даже сказать, маленького), полного — он к нам катился, как шарик, спешил с такой улыбкой и жестом, будто хочет поделиться с нами какой-то любопытной новостью. Ребята подняли его на стол, и он начал говорить:

— Я хочу извиниться за то, что опоздал, и еще больше хочу рассказать вам причину своего опоздания. Мне сказали, что вечер будет в Хлебном переулке, но номер дома — не сказали. Я подумал: ладно, найду! Так вот, я шел по этому кривому Хлебному переулку и все прислушивался, думал, раз комсомолия, значит, я должен обязательно вас услышать и найти нужный дом. И действительно, подхожу к этому дому, слышу комсомольские песни, думаю, значит, здесь собрались!

Потом он говорил что-то еще, не помню содержания, но помню, что нам было с ним очень просто и весело.

Закончили курсы мы с разными оценками, кого-то выпустили руководителем школы малограмотных, кого-то отправили в школы для неграмотных. Я получила аттестат, который немногим выдавали, он назывался: «Организатор по ликвидации неграмотности и малограмотности в волости», т.е. не просто какой-то группы, а волостной — я стала «Руководителем базовой школы малограмотных». Это означало, что я буду должна, работая с неграмотными, ставить опыты, основной целью которых будет поиск наилучшей системы преподавания для других работников по ликвидации неграмотных и малограмотных.

Я направлялась в распоряжение Бронницкого уездного отдела народного образования. Когда я туда приехала, меня отправили организатором по ликвидации неграмотности и малограмотности в Усерскую волость. Ее центром было село Барановское, находившееся в 25–30 километрах от моего родного села. При селе работала небольшая текстильная фабрика, принадлежавшая бывшему купцу. На ней трудилось примерно 500–600 человек. Вот на этой фабрике я и должна была

создать базовую школу малограмотных, одновременно с этим нужно было организовать в деревнях группы неграмотных и малограмотных людей, которых могли бы обучать местные учителя. В этом состояла моя задача. Учителя охотно брались за работу. Некоторые группы насчитывали 5–6 человек, в других могло быть по 15–20 человек — все зависело от размеров деревни и от степени грамотности населения.

Лида Лебедева работала в крупном селе и вела довольно большую школу неграмотных и малограмотных. А моя школа малограмотных была при фабрике. Я очень хорошо помню некоторых моих слушателей, учеников, в основном все уже взрослые люди (подростки там тоже были, человека четыре), но главным образом учились молодые люди лет 20–25, и одной женщине, работнице с фабрики, было около 30 лет. Она была не малограмотная, а совсем безграмотная, и запомнилась мне тем, что была особенно трудолюбива в этой школе, более других дисциплинирована и как-то всем своим существом тянулась к знаниям, очень хотела обучаться. Она была ткачихой, уставала, конечно, после смены, но всегда приходила в школу, прижимая к груди тетрадь. Я вела эту школу в течение года.

Когда закончили программу, мы устроили в клубе выпускной вечер, пригласили рабочих — было много народа. Всех окончивших нашу школу малограмотных посадили на сцене. Профком, а может быть, завком фабрики приготовил подарки каждому из них: книги, отрез на платье, какое-то материальное поощрение. После вручения подарков местная фабричная группа самодеятельности представила художественный час.

Тогда были популярны так называемые «синеблузники». Девушки, одетые в черные юбки и синие блузки, а парни — в черных брюках и синих рубашках. Это была такая форма. Они вставали в ряды, маршировали и одновременно пели песни на какие-то злободневные темы, вроде частушек, в которых подчас очень резко звучала критика в адрес администрации или каких-то порядков на фабрике. В общем, теперь такая самодеятельность называется монтажом (она составлена из отдельных частей: песен, частушек, танцев и плясок). Вот так все примерно и прошло.

Я должна сказать, что тогда активно проводились отчетные собрания рабочих фабрики. Дирекция фабрики ежегодно отчитывалась для того, чтобы выслушать критику рабочих и заключить договор между управлением фабрики. В договоре была прописана норма выработки, оплата, премии, было указано, какой брак допустим (сверх него уже устанавливался штраф — размер штрафа указывался в этом же договоре). Малоизвестный факт. Позже о нем даже историки, занимавшие-

ся работой фабрик и заводов, забыли. В 70–80-х годах Анастасия Михайловна Панфилова, преподаватель нашего факультета с кафедры советского общества (она занималась историей советского рабочего класса, историей фабрик и заводов, и у нее есть очень интересные работы в этой области), спрашивала меня: «Серафима Ивановна, что вы можете об этом сказать?» Оказалось, что она в архиве нашла эти самые договоры между управлением фабрики и рабочими. Тогда я ей рассказала, что такое действительно было, проводились подобные кампании, была довольно резкая критика.

Хорошо помню такой момент. Когда я уже работала на другой фабрике имени Цюрупы, там была такая работница Васена. Ее все знали, говорили: «Васена скажет обо всех наших требованиях». Она спрашивала: почему мастера плохо работают? почему подмастерья, которые должны налаживать станки, плохо их налаживают? почему привозят уток или основы для ткачества плохие? А потому, что дирекция, администрация не выполняет своего договора! В общем, она здорово умела говорить и критиковать. Вот такие собрания проходили.

По поводу этих собраний: я говорила о «синеглазниках». Так вот, они тоже пели, и помню, была одна песенка, в которой шли такие слова: «Колокол, колокол, договор, договор, договор, колокол», т.е. коллективный договор.

Потом, после этого вечера, меня пригласили на заседание бюро фабричной партийной организации. Секретарем в это время был Николай, фамилию точно не вспомню, он очень тепло отзывался о моей работе, когда говорила об ошибках в своей школе.

Я работала в этой волости в конце 1928 — начале 1929 года. Ближе к концу лета 1929 года произошло районирование, создались новые административные единицы. Усмерская волость как административная единица была ликвидирована и вошла в Виноградовский район. Центр теперь располагался в селе Виноградово, рядом с железнодорожной станцией Виноградово, это недалеко от Усмерской волости. Это был полукрестьянский, полупромышленный район — несколько фабрик и, естественно, сельское хозяйство. На этих текстильных фабриках главным образом работали местные крестьяне, которые издавна имели в домах станки, умели ткать (а основу привозили сами), и потом, когда сделали крупное предприятие, стали работать на фабрике. Такая работа была для них привычной. Самой крупной фабрикой в этом районе была та самая фабрика имени Цюрупы.

Некоторое время спустя я писала о ней в своей работе, в диссертации, которую защищала в 1949 году. Диссертация называлась «Влияние столыпинской аграрной реформы на изменения в составе рабо-

чего класса». Меня в этой теме интересовала связь процесса формирования рабочего класса с отходом крестьянства на фабрики и заводы в Центральном промышленном районе, в частности в Московской губернии. Эту фабрику я тоже упоминала. Она вместе с другими фабричными предприятиями Виноградовского района послужила хорошей иллюстрацией к известному высказыванию В.И. Ленина в работе «Развитие капитализма в России», где он говорит так: «Мужика не пускают на фабрику, — фабрика идет к мужику» (после реформы 1861 года земля отдавалась в собственность общине, она не продавалась и не покупалась, крестьянин за эту общинную землю должен был платить выкуп). В конце 80–90-х годов XIX века и, конечно, в начале XX века был промышленный подъем, и иногда капиталист проникал в такие глубины крестьянских сел, что, кажется, экономически это было ему совершенно невыгодно.

Фабрика имени Цюрупы (такое название она получила уже после революции в честь известного наркома продовольствия) располагалась в 10 километрах от станции Виноградово. Фабрику со станцией соединяла только одна узкая дорога, вымощенная булыжником, эта дорога была построена еще самим предпринимателем. Бардыгин Никифор Михайлович — купец. У него уже была фабрика в Егорьевске. Фабрика Цюрупы была построена им в 1910 году¹, тогда на ней там работало около 10 000 рабочих, преимущественно местные крестьяне. Я еще застала деревянные и двухэтажные постройки, главным образом для квалифицированных рабочих и технического персонала. Остальные, крестьяне, были приходящие. Были и другие такие фабрики, наподобие фабрики Цюрупы, но это была наиболее крупная. Еще была фабрика и в селении, где я училась; недалеко от него стояла фабрика Павловых... Вот такой полупромышленный-полукрестьянский район. И в этом районе я оказалась.

Меня из волостного села перевели в Виноградовский райисполком, где я должна была выполнять при РОНО (районный отдел народного образования) роль районного инспектора по ликвидации неграмотности и малограмотности. Я проработала здесь совсем немного времени. Районный комитет партии послал меня в центр организовать Дом культуры в центре. Тем более что там был двухэтажный дом бывшего фабриканта. Вот в этом доме и нужно было организовать Дом культуры, что я и сделала. Провела эту работу, но мне снова не довелось там долго поработать, потому что в той самой школе, в которой когда-то я училась в пятом классе, прошла реорганизация.

¹ Фабрика была построена в 1900 г. А.Г. Гусевым.

Вместо девятилетки стала семилетка (последние классы нужно было проходить в другой школе). Нас не удовлетворял состав преподавателей (я уже рассказывала): наиболее демократическая часть ушла из школы, остались довольно старые люди, в том числе та учительница, бывшая классная дама какой-то гимназии, которая даже допускала рукоприкладство. Не было там ни комсомольской, ни пионерской организаций. Раньше были, а теперь не стало. Это стало одной из причин, которая вызвала необходимость реорганизации в школе. Меня направили туда. Другой причиной, по которой туда послали именно меня, стало то, что в трех километрах от районного центра, в близлежащих селах (Ашитково и особенно Губино), требовалось укрепление партийных организаций, так как свои были малочисленные и слабые. Я должна была играть там роль пропагандиста. К тому времени я уже имела навык пропагандистской работы и в комсомоле, и в партии, могла вести комсомольские и партийные кружки. Поэтому Леша Ярков вызвал меня в райком партии и сообщил:

— В школу пойдешь, преподавать обществоведение.

Уж я и руками, и ногами махала, мол, ни в коем случае, никуда я не пойду! Поминала учителей, что там были. Говорила: не пойду, у меня даже среднее образование незаконченное, как я могу преподавать?! А обществоведение — это ведь важный предмет: нужно объяснить основы марксизма-ленинизма, часть истории, в общем, много чего. Опять же мы еще точно ничего не знали — искали программы, сами их прорабатывали.

— У тебя есть опыт пропагандистской работы, — сказал Леша. — Нужно преподавать обществоведение. Если надо, я буду к тебе приезжать и помогать готовиться.

Ну уж нет! Если я возьмусь, так сама, никаких помощников мне не нужно, хочу работать самостоятельно. Так началось мое преподавание. Я вынуждена была пойти в школу и учить детей обществоведению. В порядке партийной дисциплины.

До меня обществоведение преподавал Балашов (я забыла, как его имя-отчество), из семьи известных местных фабрикантов, — человек опытный, но уже пожилой. Конечно, он по-старому преподавал историю, рассказывал что-то из учебников. Он пришел на мой первый урок, я сама просила его об этом. Слушал, одобрительно высказался, но я тогда страшно волновалась.

И я стала преподавать обществоведение и одновременно была прикреплена к большой партийной организации: 20 членов партии на село — сравнительно большая организация для того времени. По-

мимо преподавания в школе, я вела в этой партийной организации кружок по истории партии и группу бедноты. В то время бедствующие крестьяне объединялись в такие группы, позже именно они составили ядро колхозов. Я занималась с ними политической работой. Туда приходили главным образом мужчины (и три-четыре женщины), все они занимались с большой охотой и хотели как можно больше знать.

А вот коллектив преподавателей встретил меня очень настороженно. Наиболее подозрительно ко мне отнеслась Елизавета Михайловна Арнольд (из обрусевших немцев), она преподавала немецкий язык. Я не знаю, какое у нее было образование, но уж, во всяком случае, гимназию-то она точно окончила и, кажется, что-то еще. И тут я, девчонка, которая даже среднюю школу не окончила, иду преподавать! Я как-то слышала разговор обо мне на эту тему. Когда я приходила в учительскую, а учительская была в библиотеке (я о ней рассказывала — очень была красивая комната), со мной раскланивались только два преподавателя. Я всем говорила «здравствуйте», а поклоном мне отвечали Василий Алексеевич Салтыков и Алексей Николаевич. Это преподаватель математики, он был из преподавательской семьи (но не коммунистической, а какой-то неопределенной), и старался угодить новому человеку, посланному райкомом преподавать. Я это все понимала, конечно. Я старалась не обращать на это внимания, потому как уже понимала, что такое классовая, идеологическая вражда. Примерно через два месяца после того, как я начала там работать, меня остановила Елизавета Михайловна. У нас был с ней разговор один на один:

— Серафима Ивановна, откройте секрет.

Я говорю:

— Какой секрет, у меня нет никаких секретов?

— Я прохожу в свободное время по школе: в одной аудитории шум, в другой аудитории шум, прохожу мимо вашей — слышен только ваш голос.

Ученики часто не слушали, баловались, плохо себя вели, особенно на уроке русского языка и литературы, которые вела эта самая бывшая классная дама. Ребята ее не принимали, относились к ней враждебно. И ее к ним отношение было такое же. Она считала их быдлом — крестьянские дети, сапожники, что они могут понимать в изысканной литературе?! А ведь некоторые ребята пытались писать стихи. Одного мальчика она буквально смешала с грязью, когда он ей принес свои стихи. Сказала: «Мужик — мужицкие стихи! Не суйся ты, пожалуйста, в поэзию». Оскорбление было ужасное. Этот маль-

чишка довольно взрослый парень (ему тогда было 15 лет), уже был влюблен в двух девочек, в двух сестер, и писал стихи, которые посвящал им. Писал и на другие темы. Но дело кончилось тем, что где-то через год мне удалось устроить его через Академию коммунистического воспитания в военное училище. Потом, уже в Москве, ко мне в трамвае подошел красивый высокий парень в военной форме, положил руку на плечо:

— Серафима Ивановна, здравствуйте.

А у него было очень приятное лицо, сам он был румяный, статный, в общем, красивый. Смотрю, что-то знакомое.

— Вы меня не узнаете, а я ведь у вас учился, — и назвал свое имя.

Я, конечно, порадовалась за него.

— Стихи еще пишешь?

— Пишу.

Сейчас я уже забыла и его фамилию, и его имя, но зрительно очень хорошо его представляю.

Это я к тому, что учитель такого рода мог вызвать у ребят только негативную реакцию. Я занималась с пятым, шестым и седьмым классами. В седьмом классе были довольно взрослые мальчики, одному даже уже исполнилось 17 лет, Ваня. Помню, что Леониду Чуманкову было 16 лет. Они были очень рады, что в школу пришла коммунист, и сразу же обратились ко мне с просьбой помочь организовать им комсомольскую ячейку. И мы ее организовали, а уже комсомольская ячейка собрала пионерский отряд. Он был формально организован, но работал по типу западных скаутов: помощь бедноте, практическая и политическая работа, воспитание, слеты, собрания. И эти ребята начали у меня заниматься. Они, конечно, старались во всем быть образцом. Я им прямо говорила: «Вы моя опора. Вы должны мне помогать». Я их была старше всего на два-три года, тем не менее они меня внимательно слушали. Хотя однажды я заметила, что Ваня все время смотрит куда-то под парту. А один раз из-под парты, надеясь, что я не увижу, достал зеркальце. Ребята его, конечно, потом за это высмеяли. И я сделала какое-то замечание, не очень обидное, уже во время перемены. А ребята потом подошли и говорят: «Он прихорашивается. Он у нас жених». В общем, мне было приятно с ними работать.

На следующий год моей работы ушла директор школы, она была приезжая. Встал вопрос о том, кто станет директором школы. При школе был совет, куда входили представители от учителей и родителей. Особенно активен был один родитель, Егор Сергеевич Хохлов. Он происходил из очень интересной большой губинской семьи. Одним из старших

сыновей в этой семье был Иван Сергеевич Хохлов¹. Я его прекрасно знала. Он мне давал рекомендацию в партию, да и потом не один раз помогал. Это тот самый Хохлов, который значительно позже стал председателем бюджетной комиссии Совета Национальностей Верховного Совета первого созыва. Затем во время Отечественной войны он получил звание генерала, потому что был членом Военного совета фронта. В общем, это была очень известная семья. И очень большая: их родилось 16 или 18 человек, а выжило 12. Так вот, я хорошо знала этого Егора. Он работал на местной фабрике и, конечно, занимался сельским хозяйством. Егор был моложе Ивана Хохлова и входил в состав школьного совета, потому что две его младшие сестры учились в шестом и седьмом классах.

Также в состав этого совета входили родители некоторых школьников. И вот совет высказался за то, чтобы меня избрали новым директором школы. РОНО поддержал эту инициативу, и заведующий РОНО настойчиво требовал того, чтобы я стала директором. Вот так меня и утвердили на эту должность. Однако через какое-то время в РОНО пришло анонимное письмо. Потом оказалось, что автором этого письма была Елизавета Михайловна Арнольд, она написала протест (очень большое письмо), в котором говорила, что никак нельзя допустить, чтобы такая полуграмотная, молодая девушка была директором. Есть же люди более грамотные и более опытные! Всем было понятно, что она имела в виду себя. Тогда устроили заседание педагогического совета с участием заведующего РОНО и там обсуждали этот вопрос. Я сидела, слушала. И кто же, как вы думаете, выступил в мою защиту?! Салтыков Василий Алексеевич — этот импозантный, взрослый мужчина, ему тогда было лет 50 или 60 (т.е. для нас он казался уже очень взрослым человеком). Он говорил мало, но сказал, как отрезал. Передаю его речь практически дословно:

— А я за Серафиму Ивановну. Я знал ее вот такой еще девочкой, она училась в этой школе, в пятом классе, у меня занималась, и сейчас в течение года я наблюдал за ее работой, и я считаю, что она хорошо справится. Я за нее.

За ним подал свой голос математик, еще кто-то. Была преподавательница биологии из университета, она тоже высказалась за меня. И Елизавета Михайловна вынуждена была сказать: «Да я, собственно,

¹ Хохлов Иван Сергеевич (1895 — 11.02.1973, г. Москва) — советский государственный и партийный деятель, депутат Верховного Совета СССР. Генерал-лейтенант интендантской службы.

не против...» На этом заведующий РОНО поставил точку. Вопрос был решен.

Я стала директором школы. Конечно, это не отменяло мою преподавательскую деятельность, однако я старалась сделать что-нибудь новое. В частности, я хотела провести электрификацию школы (тогда же электричество было не везде, только на крупных фабриках). Для этого было нужно поставить столбы и провести провода от фабрики, которая находилась примерно за два-три километра от нас. Вот я стала по этому поводу хлопотать, многое закупила, сама ездила в Москву, привезла оттуда какие-то ролики, еще что-то для всего этого. Однако за то время, что я была директором, мы так и не успели провести провода — начались всякие сложности, это ведь не так просто было, к сожалению. После меня провели. Но вспоминали меня потом, говорили, что эти ролики, провода — все пригодилось.

Вот такая была хозяйственная деятельность. Тем более мне пришлось заниматься хозяйственной деятельностью в том году практически одной, потому что Иван Степанович, который одновременно со мной был послан в эту школу в качестве заведующего хозяйством, был вынужден уйти, так как он заболел туберкулезом. А на месте, в школе, был свой завхоз, гораздо менее рачительный и хозяйственный, так что мне самой приходилось всем этим заниматься.

Теперь что касается учебного процесса. Здесь, пожалуй, следует специально остановиться на шефстве (над нашей школой) кафедры сельскохозяйственных наук Академии коммунистического воспитания на Пироговке, где сейчас находится то ли медицинский институт, то ли пединститут имени Ленина (какая-то часть этого института) — я точно не помню. Особняк был хороший, старинный и довольно интересный. В 1923 году в нем была организована Академия коммунистического воспитания. Коммунисты, имеющие среднее или даже высшее образование, специализировались в этой академии на методике и методологии преподавания коммунистического воспитания. Я уже говорила о том, что в эти годы шел поиск новых методов преподавания в школах и в вузах, особенно интересовала начальная школа. Это проходило настолько активно, что при кафедре сельскохозяйственных наук (кафедра была создана, потому как начиналась коллективизация, были нужны организаторы, требовалось воспитать людей) возникла группа специалистов по педологии.

Я уже тогда от некоторых слышала, что это реакционная наука. Однако наши советские педологи в начальный период развития советских школ, в середине 20-х — начале 30-х годов, искали в этой науке что-то рациональное, то, что можно использовать в советской

школе; и они в этом отношении были правы. Во всяком случае, стоило проверить эту науку, ее теорию.

Позже, когда я уже преподавала в этом университете и, в частности, когда писала свое пособие по периодической печати как источнику, я перерыла массу всяких периодических изданий. К моему периоду относилась вторая половина XIX века и начало XX века, года до 1917-го. Там я ознакомилась с толстыми журналами, с теми правительственными изданиями, которые выходили с 30-х годов XIX века и позже, вплоть до революции.

В частности, меня заинтересовал «Журнал Министерства просвещения». И в нем были разные любопытные статьи: в номере за 1910 год я натолкнулась на статьи, посвященные дискуссии по педологии. Эта дискуссия длилась с конца XIX века, но меня, особо заинтересовал этот блок за 1910 год. В нем речь шла о том, что в средней школе, в гимназии или в реальных училищах, после пятого класса должно быть совместное обучение. Женские гимназии были уже давно, а в высших учебных заведениях женщины могли быть лишь на правах вольных слушателей. И вот решался вопрос: должно ли быть раздельное начальное образование или совместное? Это во-первых. Теперь — программы. Они должны быть одинаковые или нет? Педологи, реакционеры, настаивали на том, что мужчины и женщины должны учиться в разных школах и по разным программам: для женщин — преимущественно домоводство, для мужчин — все остальное. Вот так — очень кратко и очень грубо. Педологи изучали физическое строение и здоровье учеников, их психику. Изучали методики, которые рекомендованы министерством просвещения. Считалось, что развивать самостоятельное мышление учащихся — это реакционно. Вот с чем я встретила в журнале за 1910 год. В то время демократия выступила против реакционной сути этой теории. Хотя педагоги из демократической среды не все отвергали, видели нечто-то рациональное в этих методиках.

И вот наши советские педологи взяли шефство над нашей школой. В частности, заведующая группой педологии при Академии педагогических наук — Кубарева, которая какое-то время до Академии коммунистического воспитания работала в уездном комитете народного образования. Она сама приезжала в нашу школу, привозила своих людей (им было около 25–30 лет). Они проводили беседы с моими учащимися, делали какие-то обмеры, многое записывали, составляли журналы. И я к ним не один раз ездила. Как раз именно Кубарева помогла мне устроить того мальчика, о котором я рассказывала, в военное училище. Мы работали, исходя из наклонностей. Ведь нужно не насиловать ученика, важно было найти то, что ему покажется интересным. С этим

мальчиком она сама долго беседовала, спрашивала, где он хочет заниматься, хочет ли он быть военным... Он согласился, и она его туда устроила. Он отправился в военную школу с большой охотой и был очень доволен.

Этот пример дал мне очень много, я поняла тогда, что здесь, в методике преподавания, нельзя следовать какой-то букве закона, нужно искать какой-то подход. Меня это увлекло, и я с удовольствием стала заниматься разработкой методик. Потом она научила меня планировать. Планировать следовало соответственно потребностям времени и условиям: все-таки наша школа была расположена не в городе, а в селе (там были фабрики, были и рабочие, но все-таки местность оставалась сельской). Следовательно, стоило учитывать все своеобразие нашей местности, где, с одной стороны, много крестьян, а с другой — есть рабочие и довольно много интеллигенции. Вот тогда я и училась составлять планы уроков и занятий, а потом на учительском совете в школе обучала этому весь коллектив. Все это и сейчас есть, я видела разные подходы: и творческие, и заформализованные. Тогда мы старались составить подробный план, где раскрывали и тему, и содержание, указывали, какие вопросы нужно поставить, какие ответы хотелось бы получить, и как подвести учащегося к такому ответу. А ведь нужно было еще дать связь с современностью! Тем более, что речь шла об истории. Потом, когда я начала работать штатным пропагандистом, все эти наработки очень мне пригодились. Да и позже, когда стала преподавателем, в какой-то степени это все мне пригодилось. Вот такой эпизод из жизни школы, в которой я работала.

Вернемся ненадолго к семье Хохловых. Две младшие сестры Ивана Хохлова, которые учились у меня, закончили среднюю школу, а потом, я от кого-то услышала, и в вузе занимались. А те две сестры, что постарше (мои сверстницы), были мне близки — обе мои подруги и в комсомоле, и в жизни. Хоть мы и жили в разных местах, но время от времени встречались на курсах. Одна, Дуся Хохлова, какое-то время работала в райкоме партии техническим секретарем, потом училась в Москве и стала интересным, серьезным работником. Другая сестра окончила текстильный институт тоже где-то в Москве и, по-моему, уехала работать в Ленинград инженером. Еще две сестры работали там же, в деревне, одна в сельском хозяйстве, другая на фабрике. А еще одна сестра работала уборщицей в школе. Один из младших братьев Ивана, Поликарп (когда я была директором школы, он был еще совсем мальчишкой) закончил то ли факультет журналистики, то ли институт журналистики, работал корреспондентом где-то в Африке и там погиб. Это

была очень большая семья, и у всех ее членов была своя история и свое место в жизни. Каждый занимался каким-то своим делом.

Внешне они тоже были очень интересные, почти все красивые. Только вот две младшие сестры, Люба и Катя, были не слишком хороши собой. А остальные вообще-то вполне красивые. Причем одна часть семьи была сплошь блондины. Например, старший брат, Иван — блондин, красавец мужчина, у него у самого потом была куча детей, 5 или 6. А другая часть — смуглые, чернявые. Егор был черный, брюнет, да и кожа у него смуглая была. И Поликарп тоже смуглый. Дуся — красивая девушка, немного похожая на цыганку. А Мария, моя сверстница, которая стала инженером — блондинка. Люба — тоже блондинка. А Катя вообще рыжая. Вот такая там смесь была!

Когда уже значительно позже, в начале 70-х годов, я ездила по тем местам, заехала и в свою школу, посмотреть. Но там уже был дом отдыха, что-то строили... Тогда я заехала в то село, где Хохловы жили, увидела их большой деревенский дом, и на первой же двери от пола до потолка портрет Ивана Хохлова во весь рост. Встретила одну из его младших сестер, с ее внуками. Вот она мне и рассказала, кто где находится — разбросало семью по всей стране.

Долго проработать в школе мне не дали. Все-таки сочли необходимым послать туда другого человека. Прислали откуда-то из Москвы семейного человека преподавать обществоведение и заведовать школой, а меня взяли в район для того, чтобы я организовала партийный кабинет, его нужно было радиофицировать. С этой задачей я справилась в течение 3—4 месяцев, потом эта деятельность мне показалась слишком спокойной, скучной, и я стала просить, чтобы меня направили работать пропагандистом на фабрику имени Цюрупы. Секретарь парткома Тимофеев, очень хороший талантливый человек — прекрасно выступал, такие доклады делал, что казалось, будто за его спиной не одно высшее образование, а несколько — на самом же деле даже среднее было не закончено, такой вот самородок. И вот он меня вызвал:

— Ты что, действительно хочешь на фабрику поехать?

Я говорю:

— Да, очень хочу на это производство.

— Хорошо, отправляйся к рабочему классу.

Вообще-то больше всего я хотела учиться, но он мне говорил: «Пождем». Было тогда такое постановление Московского комитета партии — не отпускать с мест партийные кадры на учебу, чтобы не оголять районные организации. Поэтому он мне говорил:

— Во-первых, вот есть постановление. Но потом я тебе обещаю: тебя и Ивана Ивановича (был там еще один человек, который тоже

хотел поехать учиться) отпущу, когда только сам отсюда уходить буду, постараюсь во что бы то ни стало отправить вас на учебу. Нужно, конечно, учиться. Но что поделаешь?!

Прежде чем я перейду к другому периоду моей работы все в том же Виноградовском районе, мне бы хотелось еще раз вернуться к работе в школе. Там мне запомнилось два очень важных момента, которые стоило бы осветить.

Сначала о моей общественной работе в школе. Когда я там работала, у меня было партийное поручение от райкома партии (я уже говорила, что была прикреплена к губинской партийной организации). Село Губино — большое село и своя партийная организация там была, но им требовалась помощь. Там был свой секретарь партийной организации, и я должна была стать членом партийного бюро и вести работу в группе бедноты — об этом я уже тоже говорила. Я проводила беседы. В это время как раз начала разворачиваться коллективизация. Поэтому я знаю, как проходил начальный этап коллективизации в этой местности.

Я уже сказала похвальное слово о секретаре районного комитета партии Тимофееве, человеке очень рассудительном, умном, хорошо понимающим и чувствующим нужды местного населения (он сам был рабочим Коломенского завода, что недалеко от Виноградовского района, примерно 40 или 50 километров). А происходил он из крестьянской семьи. То есть, хоть он и был потомственный рабочий (его отец работал на том же заводе), нужды крестьянства он все же хорошо представлял. Поэтому его отношение к коллективизации, а главным образом к ее темпам, было очень разумное. То есть он понимал необходимость коллективизации и в то же время учитывал, что важен добровольный характер вступления крестьян в колхозы, что их нужно подвести к этому — объяснить пользу такого нововведения, что нельзя спешить, нельзя устраивать гонку — в каком районе коллективизация охватит больше крестьян, в каком меньше. К сожалению, такие соревнования имели место, что приводило к перегибам, довольно серьезным, а он был против этого.

Я об этом сужу потому, что у него было определенное отношение к решениям Московского областного комитета партии, который в то время возглавлял Каганович. И как рассказывал Тимофеев, еще там была одна из местных жителей, Александра Васильевна Павлова, член партии. Так вот, Каганович загорелся идеей перещегоолять другие губернии по коллективизации. Мол, в такой-то губернии такой процент, а мы еще больше сделаем! Я хорошо помню, что когда Тимофеев однажды приехал с пленума Московского комитета, он собрал нас, небольшую группу партийного районного актива, рассказал нам

об этом пленуме, о том, как Каганович размахивал руками и говорил: «А мы, а мы сделаем так-то!» И добавил:

— А вот мы спешить не будем, не допустим перегибов. Нужно все делать осмотрительно.

«Поспешай медленно» — стало нашим девизом. Не упускать из виду необходимость коллективизации, но проводить ее, не торопясь, подходить к этому обдуманно и, главное, понимать важность настроения крестьянства, проводить с ними большую воспитательную работу.

Необходимость такой беседы с нами, безусловно, была. Потому что однажды (я в это время уезжала на курсы и отсутствовала несколько дней) в Губино прошли собрания, посвященные обсуждению вопроса о коллективизации.

Один раз они собрались еще до моего возвращения. Говорят, собрание проводилось в огромном помещении, все село обсуждало вопрос весь день, вечер и часть ночи — говорили медленно, степенно, спокойно. Некоторые сомневались. Против — почти никто не высказывался, но сомнений было много. Кто-то категорично выступал за коллективизацию. Собрание продолжалось уже день или два, когда из района приехал заведующий земельным отделом райисполкома по фамилии Рожков. Деревенский такой мужичок, коммунист, довольно начитанный, но недостаточно хорошо понявший ленинское учение о кооперации, прямо скажем, вообще не понявший его. По его словам, он приехал, чтобы навести порядок: «Ах, вы не хотите?! Что это вы развели разговоры?! А вот это там кто? Наверное, подкулачники есть!» Народ, конечно, взбунтовался, все, особенно женщины, закричали, направились к нему и скорее всего избивали бы его, но он удрал. Секретарь партийной организации шепнула ему: «Уходи, иначе тебя побьют».

Естественно, когда я вернулась, я пришла на такое собрание. Мне тоже пришлось выступать и объяснять, что ленинская политика коллективизации проводится так-то, что нельзя перескакивать через ступени коллективизации, нельзя сразу прийти к высшей коммуне, нельзя обобществлять на нашем уровне коллективизации мелкий скот (Рожков как раз сразу требовал создать коммуну). Я помню, что мы сидели, наверное, целую неделю, обсуждали, обсуждали, много и интересно говорили, а потом создали колхоз.

Нужно сказать, что он сразу получился довольно устойчивый. Дело в том, что после появления работы Сталина «Головокружение от успехов» (1930) многие вышли из колхозов. В нашем же селе тех, кто вышел из колхоза после появления этой работы, оказалось очень мало, это во-первых; ну а во-вторых, все они потом вернулись обратно. В школе, когда я преподавала обществоведение, темы коллективизации мы тоже

затрагивали. И я хорошо запомнила один эпизод. У меня был урок, посвященный (в то время обществоведение — это политика марксизма-ленинизма и история: и наша, и мировая, главным образом, западная; в частности, массовые революционные движения) Парижской коммуны. Помнится, я говорила о деятелях этой коммуны, и вдруг (урок уже приближался к концу) я услышала в аудитории какой-то шумок. Обычно, я уже говорила, все внимательно слушали и никакого шума не было у меня на уроках, поэтому я спрашиваю:

— В чем дело?

А там были ребята из близлежащих деревень. И они говорят:

— А можно задать вопрос?

— Пожалуйста.

— А почему обобществляют кур? Вот говорят, что нужно кур обобществить.

Кто-то другой начал еще что-то говорить. А я в ответ:

— Давайте мы об этом особо поговорим. Я сейчас закончу тему, и мы продолжим этот разговор.

Когда прозвенел звонок, я сказала:

— Следующий урок, он будет завтра или послезавтра, я посвящу теме коллективизации и тому, как нужно подходить к этому вопросу.

На мое счастье, как раз в этот день я получила известие о том, что вышла газета «Правда» со статьей Сталина «Головокружение от успехов». Я сразу же пошла в районный центр, он был за три километра от нас, взяла эту газету и на следующий день на уроке мы занялись тем, что читали и анализировали эту статью. Нам удалось во всем разобраться, поэтому массового выхода из колхоза не последовало. Это то, что связано с коллективизацией.

Потом где-то через два года я на короткое время вернулась в эту местность, в район Губино. Помню, что было это в том году, когда создали машинно-тракторные станции. Вот райком и прикрепил меня к политотделу в качестве представителя райкома, а потом еще одного товарища из известных коммунистов. Я ходила на собрания вместе с работниками политотдела. Политотдел был расположен в селе Ашитково, рядом со школой, где я до этого работала.

Годы учебы

Рабфак

Прежде чем рассказывать о моей учебе на историческом факультете — о следующем периоде в моей жизни, стоит вернуться на несколько лет назад, к тому времени, когда я училась на рабфаке имени В.И. Ленина, это было с 1934 по 1937 год. На рабфак люди приходили с комсомольской и партийной работы. У нас подобрался активный и, главное, желающий учиться коллектив.

Преподаватели

Учеба у меня сразу пошла довольно хорошо. Лучше всего я разбиралась в обществоведении и истории. Наша преподаватель по обществоведению, Фишер, часто болела и не приходила на занятия. В таких случаях их мог вести директор или я. Обычно группа выбирала меня — ребятам нравилось, когда я вела занятия; вероятно, им было приятно, что я сама учу и сама учусь.

Историю у нас вел Соцков, очень остроумный человек. Он часто опаздывал на занятия, и когда приходил — запыхавшийся, с пухлым портфелем, — еще от двери начинал рассказывать какой-нибудь анекдот — оправдание, почему он опоздал. Например, что в трамвае было много народу, люди не могли выйти, и один интеллигентный мужчина поспорил с одной интеллигентной женщиной: он ей сказал, что она очень неловкая, а она ему сказала, что он виртуоз, на что он ей ответил, что она увертюра. Во время занятий он нам также рассказывал всякие интересные истории, байки — с ним было интересно заниматься.

Легко мне давалась и география, особенно экономическая. Я любила этот предмет, и у меня всегда были отличные отметки. По литературе

и русскому языку у нас тоже был очень хороший преподаватель, Воскресенский. С грамматикой я разбиралась не слишком хорошо, но и по этому предмету у меня стояли хорошие оценки — преподаватель не раз зачитывал мои сочинения. В программе большое внимание уделяли черчению, и этот предмет мне также всегда хорошо давался.

А вот с математикой у меня были нелады. В первый же раз, на первой же письменной работе — двойка. Как так, почему двойка?! Оказывается, я один уровень не поставила, где-то ноль пропустила. Трудный предмет — сложение, вычитание... Занятия у нас вел Василий Алексеевич Ефремов, он говаривал: «В математике ноль очень много значит». Василий Алексеевич был педант, и казался нам таким сухарем! Поначалу он был ко мне очень придиричив.

Дело в том, что я не сразу получила место в общежитии и ездила из Раменского, где жила моя старшая сестра. Электричек тогда не было, ходили паровые поезда. Ходили редко и постоянно опаздывали. Конечно, я бежала на уроки, но все равно часто задерживалась на пять минут. Василий Алексеевич сделал замечание один раз, потом второй раз. После третьего опоздания начал звать «Серафима Иванна», хотя ко всем остальным обращался по фамилии. Было ужасно неприятно, что меня как-то выделяют. Я чувствовала иронический подтекст. Однажды он мне сказал:

— Вы районный работник, как вы можете в районе кого-то контролировать, а сама при этом опаздывать?

Когда после занятия я объяснила, что мне приходится ездить из другого города, он посоветовал продолжать добиваться общежития. Вскоре после этого разговора нам дали место на Второй Извозной¹. Там был студгородок нефтяного института, но жили студенты и некоторых других вузов. Мне стало гораздо легче добираться — трамвай привозил нас на Зубовскую площадь, к самому рабфаку.

С математикой все постепенно наладилось. Как-то раз Василий Алексеевич попросил меня решить у доски длинный замысловатый пример, думая, что я обязательно споткнусь на каком-нибудь сложном месте, все пытался подловить меня — задавал разные вопросы, но я на все ответила. После занятия он меня оставил, сказал, что не знает, как меня теперь называть, предложил — «товарищ Антонова», и похвалил. Потом добавил, что я, оказывается, могу заниматься. Я возразила, что у меня все равно никогда не будет хорошей отметки по математике, но он ответил, что у меня может быть «хорошо» и даже «отлично», если я буду стараться.

¹ Ныне — Студенческая улица.

В нашей группе было больше 20 человек, однако «отлично» получали только Аркаша Иселевский и Саша Богачев — оба были очень способны к математике. Еще был Лева Шайман, но он очень быстро сошел на «посредственно», потому что просто пользовался старым запасом знаний и ничего не учил. И вот однажды Василий Алексеевич пришел с нашими письменными работами и назвал на этот раз три «отлично»!.. Было, конечно, по-разному: были и хорошие отметки, было и «посредственно», но, во всяком случае, двоек я больше не получала. Особенно хорошо шли занятия по геометрии, мне нравились доказательства теорем. Василию Алексеевичу очень нравилось, когда я доказывала самостоятельно, а не по учебнику, показывала свое собственное мышление. Если никто не мог доказать, он вызывал меня: «Вот, может, Серафима Иванна нам докажет?» Я выхожу (настроение сразу хорошее) и говорю: «Здесь вот так, а здесь, думаю, можно так!»

Василий Алексеевич преподавал у нас все три года моей учебы на рабфаке. Скоро я стала относиться к нему с большим уважением, мне нравилась его метода. В его книжечке тонким карандашиком всегда было аккуратно выписано, что он кому должен, кому какой вопрос нужно задать. Где-то поставлена точка, где-то черточка... Как мне нравилось такое проведение урока! Я была очень внимательна, хотя позже, на втором, на третьем курсах я немножко манкировала. В это время я увлеклась французской литературой, и иногда, когда кто-то что-то доказывал у доски, я читала, держа книжку на коленях. Василий Алексеевич краем глаза это заметил и во время перемены мне говорит:

— Покажите вашу книжку!

Я говорю:

— Василий Алексеевич, ну не могу я терпеть, некогда ведь читать!

— А что читаете? А, Эжен Сю, «Вечный Жид»? Да, это нужно прочитать!

Оказывается, он сам любил французскую литературу, и после окончания рабфака мы ему сделали подарок — избранные сочинения Стендаля, он был очень доволен. Вообще этот преподаватель остался для нас на всю жизнь примером, образцом Учителя с большой буквы.

Физику у нас вел Крауклис, латыш по национальности. Он много преподавал в школах и, говорят, был хорошим преподавателем, прекрасным физиком. Но у меня отсутствовал вкус к его предмету. Может быть, потому, что в отличие от Василия Алексеевича Ефремова, такого строгого, такого дотошного, но все же искренне заинтересованного в том, чтобы подопечный ему студент понял суть в решении задачи,

Крауклис был очень формальным, как будто ему было все равно: знаем мы его предмет или нет. Он ставил какие-то отметки, иногда хорошие, чаще посредственные. Если ставил хорошие, я удивлялась: «За что? Как?»

Деятельность на рабфаке

В конце первого курса мне предложили работу, там же, на рабфаке. Стипендию мы все получали регулярно — на питание ее хватало, но ведь нужно было еще одеваться, обуваться, самостоятельно жить. А с прежней зарплатой (кстати, довольно приличной) было покончено. Мне ощутимо не хватало денег, и директор предложил работать лаборантом чертежного кабинета на вечернем отделении.

Здесь я встречалась с Василием Алексеевичем практически каждый день: он преподавал и на дневном, и на вечернем отделениях. Василий Алексеевич регулярно заходил в чертежный кабинет за учебными пособиями, фигурами, пирамидами. Во время перерывов мы долго беседовали по поводу моего будущего образования.

Стоит сказать, что интересы мои в то время менялись очень быстро. Стала актуальна проблема железнодорожного транспорта — и я захотела в железнодорожный институт. Потом, в связи с высшей математикой, которую мы в тот момент изучали, у меня возник интерес к астрономии, и я решила пойти на математический факультет (там было астрономическое отделение), но Василий Алексеевич на это сказал, что придется больше заниматься.

А времени не хватало: помимо работы, в конце первого учебного года меня избрали председателем профкома. Я хорошо помню собрание рабфака на фабрике «Красная Роза», что в переулке на Пироговке. Большой зал, много студентов, и вдруг мою фамилию выкрикнули на должность председателя профкома рабфака. Секретарь активно поддержал мою кандидатуру, и меня избрали единогласно. Эту должность я занимала еще два года. Работы было много, условия — тяжелые. Зато к профсоюзу электриков, который, кстати, был весьма богатый, был приписан только наш рабфак, поэтому нам отпускали много денег, кроме того, предоставляли путевки в санатории и дома отдыха. Все это нужно было распределить по справедливости... Работа легла на мои плечи и на моего заместителя Мишу Белопельского, студента нашей группы. Были там и другие члены профкома, но с ним мы работали особенно слаженно.

Мой рабочий день распределялся так: я вставала в семь часов, к девяти приезжала на учебу, до трех — занятия, с трех до шести, а иногда

и до семи часов, я в профкоме, после семи я иду на вечернее отделение, до одиннадцати работаю в чертежном кабинете: выдаю пособия и одновременно готовлю занятия. Работа в чертежном кабинете была хорошим подспорьем, платили много, примерно две трети стипендии. Однако и работать приходилось немало.

Я все уши прожужжала Василию Алексеевичу о том, что пойду на астрономическое отделение, а на экзамене по математике получила «посредственно». Ответила я хорошо, и по математике, и главным образом по геометрии, но Крауклис (он принимал экзамен вместе с Василием Алексеевичем) задал мне неожиданный дополнительный вопрос на соображение. Я растерялась и замедлила с ответом. А у них с Василием Алексеевичем было такое правило — кто идет в технический вуз, тому особенно строго отметки ставить...

Поэтому, когда кончились занятия, я пошла не на математический факультет, а на исторический. Я внезапно поняла, что именно это было моим призванием, а все остальное — иллюзия. Самое главное, то, к чему я стремилась с юношеских лет, это история, точнее, преподавание истории.

Это был период больших свершений внутри нашей страны, вдохновлявший весь советский народ: досрочное выполнение пятилетнего плана, начало и завершение ряда великих социалистических строек, челюскинская эпопея, папанинская, освоение Северного морского пути, перелет Чкалова через Северный полюс, освоение воздушного океана и другие победы героев на мирном поприще.

Особенно мне бы хотелось выделить челюскинскую эпопею, потому что в спасении челюскинцев принял участие Каманин, брат моей однокурсницы на рабфаке. Его младшая сестра жила в одной комнате вместе с нами, поэтому все происходящее принималось близко к сердцу. Каманин служил на Дальнем Востоке и присылал сестре посылки; один раз эта была копченая кета, которую я очень любила, — мы ее тогда вместе и съели.

Следует также отметить обострение международной обстановки в этот период в связи с успехами нашей страны на экономическом фронте: приход к власти фашистов в Германии, обострение классовый борьбы, а позже общенациональной в Испании, где, как известно, был создан Народный фронт, и с 1936 по 1939 год шла борьба с фашизмом. Мы, конечно, знали и об успехах коммунистической партии во главе с Долорес Ибаррури, и об отправке добровольцев-коммунистов на войну, когда я училась уже на истфаке, мы даже слышали, что уехал кто-то из наших студентов. Хотя все это не афишировалось — партия не хотела дальнейшего обострения международной обстановки в условиях

нарастающей борьбы империализма против Советского Союза. В связи с этим активную борьбу вела непартийная, но массовая организация — МОПР (Международная организация помощи борцам революции). Все мы там состояли и платили членские взносы — хотели как можно больше помочь народному революционному движению. Таков был общеисторический фон.

Обо всем этом известно, но некоторые обстоятельства следует подчеркнуть, потому что они определяли жизнь нашего, пусть и небольшого, студенческого коллектива. На рабфаке существовали свой партком, комитет комсомола и профком, которым я руководила в течение двух лет. Кроме того, у преподавателей тоже была своя профессиональная организация, которая, в свою очередь, вела работу со студенческими организациями. Возглавлял ее приятный и активный человек, Дмитрий Сергеевич Загудаев, преподаватель химии. Мы были с ним дружны, организовывали различные культурно-массовые мероприятия. Так, например, за время моего пребывания на рабфаке нами были организованы три выпуска; на наш, когда уже я закончила рабфак, мы поехали в Измайлово. Там был праздник, выдача дипломов и награждение студентов-отличников.

В это время среди нас было широко развито социалистическое соревнование, охватывавшее большую часть студентов и преподавателей. В вестибюле на рабфаке была почетная доска с фотографиями победителей. Это также являлось важной частью нашей работы. Кроме того, мы отвечали за участие рабфака в общенародных событиях, например, праздновании Первого мая. Мы ходили на массовые демонстрации с огромным удовольствием, было весело. Это действительно были многотысячные демонстрации — участвовали не несколько сотен тысяч людей, а миллион. Мы начинали шествие от Кропоткинской, затем шли по Гоголевскому бульвару до Никитских ворот, потом поворачивали на улицу Герцена¹, доходили до Манежной площади и шли на Красную. На этом пути, кажется, не очень длинном, мы несколько раз останавливались, потому как демонстрация двигалась медленно. И мы всегда были рады этим остановкам — устраивались игры, гармошка, пляски, танцы.

Еще мы принимали участие в больших всенародных праздниках. В 1937 году отмечалось столетие со дня смерти Александра Сергеевича Пушкина. Мы тогда рано стали готовиться к юбилею, может быть, потому, что заместитель директора нашего рабфака, заведующий учебной частью был из артистической семьи, некоторое время играл

¹ Ныне — Большая Никитская.

в театре, и даже фамилия его была артистической: Шекин-Кротов. Мы готовили большую программу художественной самодеятельности — чтение стихов Пушкина. При проведении этого торжественного собрания, посвященного Александру Сергеевичу, были задействованы многие студенты и преподаватели. В то время над нами шефствовал Художественный театр, и они устроили для нас в Колонном зале большое собрание всего нашего рабфака, пригласили и дневное и вечернее отделения. Выступали артисты художественных театров. Особенно я запомнила Василия Ивановича Качалова. В конце он обратился к нам, пригласил группу студентов и где-то за сценой, за кулисами, в одном из залов мы вместе с ним сфотографировались. Это был великий артист, мы все были в восторге от его голоса, знали все спектакли, в которых он участвовал. Больше всего мне нравилось «На дне» по Горькому. У Василия Ивановича было какое-то очень естественное, демократическое, я бы даже сказала, отцовское отношение к молодежи. Я это тогда очень хорошо запомнила.

У нас на факультете был театральный кружок, им на добровольных началах руководил режиссер Завадский. Одним из активных участников этого кружка был мой однокурсник Саша Фомин. После окончания факультета он учился в театральной школе и, уже много лет спустя, после Отечественной войны, работал в Центральном детском театре¹, что находится на Театральной площади. Я туда ходила, и мы встречались с ним и с его женой, также участницей нашего театрального кружка. Один раз я сводила на спектакль, где Саша Фомин исполнял роль Волка, моего внучатого племянника Гошу, ему было лет пять-шесть. Был детский утренник, шла какая-то сказка. Гоша все время прижимался ко мне. Говорит: «Боюсь его!», а я говорю: «Что ты боишься! Это Фомин Саша, после спектакля мы пойдем туда, к нему, за кулисы, и я тебя с ним познакомлю». Когда эта встреча состоялась, Саша ему рассказал, что он не только волков играет, но и в других спектаклях тоже принимает участие.

На этом можно закончить рассказ о рабфаке. После Отечественной войны мы иногда устраивали встречи с однокурсниками и преподавателями. В этих встречах принимал участие и Дмитрий Сергеевич Загудаев, и мы с ним вспоминали, как вместе работали над организацией социалистического соревнования.

¹ Ныне — Российский Академический молодежный театр.

Дело польского отделения

С рабфаком была связана одна тяжелая для меня история, хотя разворачивалась она уже после того, как я поступила на исторический факультет. Речь идет о судьбе польского отделения, которое было у нас на рабфаке, и о том, как меня и еще некоторых активистов привлекли к ответственности по поводу дела секретаря парткома Рохмана.

Когда я пришла на рабфак в 1934 году, он уже был секретарем партийного комитета. Я не знаю, когда он был избран, видимо, в самом начале 1934 года — я тогда не сразу встала на партийный учет (поскольку у меня еще не было общежития, я была вынуждена ездить из Раменского — у меня не хватало времени). Когда я встала на учет, и особенно после того, как меня избрали председателем профкома, я ближе познакомилась с этим человеком. Он был польский еврей, эмигрировавший от преследований властей в Советский Союз в начале 30-х годов. Мы все были воспитаны интернационалистами, к политическим эмигрантам, т.е. участникам революционного движения за рубежом, у нас было отношение не просто благоприятное, а даже восторженное — они сразу становились для нас интересными людьми, прошедшими определенную школу революционного движения. Поэтому первое отношение к Рохману у меня было, как и у всех других, уважительное. Когда я стала работать председателем профкома, мы с ним очень быстро сошлись во взглядах и тесно сотрудничали. Он был секретарь парткома, я — председатель профкома большого коллектива, он меня очень поддерживал. Рохман учился на курс старше меня (я на первом, он на втором курсе), и сразу же прослыл очень способным студентом в области математики. Так как у меня поначалу с математикой не ладилось, он предложил мне заниматься вместе с ним по воскресеньям. В выходной день многие студенты приходили на рабфак и занимались, поэтому двери были открыты в любой день. Я приходила, мы садились в парткоме, он делал свои работы, я делала свои, и то, что я не понимала, он мне объяснял.

Затем, в 1937 году, через месяц или через два после того, как я ушла на исторический факультет, меня вызвали на рабфак. Там уже был другой секретарь парткома, не из нашего рабфака, а из рабфака имени Покровского. А Рохман оказался арестован как польский шпион. Было заседание парткома, меня на него пригласили. Новый секретарь парткома был архиортодоксален. Он выступал с архилевых позиций. Мне было предъявлено обвинение в том, что я близко знала Рохмана

и сотрудничала с ним, а значит, я знала о его неблагонадежности и не сообщила куда следует.

В свое оправдание я говорила о том, что я действительно хорошо знала Рохмана, что сотрудничала с ним, поскольку была председателем профкома и меня приглашали на заседание парткома, хотя я членом парткома не была. Более того, несколько раз мы устраивали встречи в домашних условиях — Рохман был женат на русской женщине, у них сравнительно недавно родился ребенок. Помню, Рохман был тогда страшно рад, чуть ли не прыгал от счастья и пригласил нас, весь рабфакковский актив, к себе, отпраздновать месяц или два месяца со дня рождения сына. Была небольшая вечеринка, какое-то угощение. Присутствовала я, секретарь комитета комсомола, члены комитета комсомола, мой заместитель Миша Лапинский¹ и еще человека два или три. Потом собирались еще раз на какой-то праздник, может, на Первое мая, вечером. На это нам деньги сам директор рабфака отпустил, чтобы мы отдохнули, так как много работали. Все это почему-то именно мне вменяли в вину, как будто я была самым активным организатором. Я сказала, что я была не одна, никакой особой связи с Рохманом у меня не было, что были и другие товарищи. Но член парткома Лебедев, заместитель секретаря парткома, делал упор на мое исключительное участие и грозился поступить со мной особенно строго, требовал чуть ли не исключения меня из партии. Я, отвечая на эти обвинения, говорила о том, что даже не была членом парткома, в то время как он был заместителем Рохмана и участвовал в наших вечеринках. Кроме того, я заявила, что к Рохману всегда относилась хорошо, у меня нет оснований подозревать его в антисоветской деятельности, и я надеюсь, что с этим делом разберутся и в отношении Рохмана будет найдено правильное решение.

Что касается Лебедева, мне кажется, проблема была в личной неприязни. Этот Лебедев, когда я только пришла на рабфак, уже второй год учился на первом курсе, а когда я заканчивала учебу, он был еще только на третьем. Рохман его оправдывал, говорил, что тот болен. Может, так и было, он был какой-то очень рыхлый, полный. И он попытался за мной ухаживать, а я по молодости его не просто отвергла, а даже с какой-то издевкой. Потом, когда я училась на втором курсе, мы распределяли путевки в дома отдыха, санатории. Путевок было немало, и мы почти всех удовлетворяли либо путевками, либо просто давали деньги на покупку курсовок. Но так как Лебедев до этого каждый год получал путевку в санаторий, ребята восстали против этого, сказали: неправильно, что один и тот же человек все время получает путевки!

¹ Ранее автор называет своим заместителем Мишу Белопельского (с. 128).

После этого мы отказали ему в путевке. В тот же день меня нашел Рохман и, ужасно взволнованный, убеждал дать Лебедеву путевку, говорил, что это «страшный человек». Но путевку мы ему дать не смогли — все уже распределили, поэтому дали денежную ссуду. Лебедев обещал мне это припомнить. Поэтому он мстил, в том числе, и мне.

Позже он старался использовать против меня историю с мамой, начал наговаривать на меня, убеждал всех, что я связана с антисоветскими элементами. Как вы думаете, где он начал работать, когда он ушел с рабфака?! Он каким-то образом пролез в Московский комитет партии! И там мы снова встретились.

Что интересно — я и после войны с ним столкнулась! Он, конечно, не воевал. Тыловая крыса. Я пришла после госпиталя стриженная, с палочкой, хромая, а он... Конечно, таких — единицы, их было немного. Но все же встречались те, что сначала строили из себя архиреволюционных, архиправильных, а как только началась война — сразу попрятались.

Потом дело Рохмана дошло до райкома партии, заседание вела второй секретарь Ленинского райкома, я ее после встречала у нас на отделении истории стран Востока. Я сказала, что признаю свои ошибки только в отношении мамы (в это время мама как раз была отправлена в ссылку). В отношении Рохмана я никаких ошибок за собой не признала, потому что никаких близких отношений у меня с ним не было, только деловые, товарищеские. Знакомство с Рохманом не давало мне оснований что-либо заподозрить, я ничего никогда не замечала и считала его лояльным к советской власти, относилась к нему как к коммунисту и политическому эмигранту. После этого я стала говорить о своей маме, но она, секретарь райкома, меня оборвала и сказала, что никакой моей вины нет. Фактически решение рабфаковской организации райком отменил, и мне просто вынесли выговор. Я думала много лет, что выговор был занесен в личное дело, но потом оказалось, что и в личном деле его нет.

Что касается Рохмана, то потом мне сказали, что его через пару месяцев выпустили, а арестован был уже тот самый новый секретарь, что его сменил. Все это прошло в условиях обострения классово-борьбы. Позже Рохман снова привлекался, был репрессирован, потом его снова выпустили.

Что касается, собственно, самого польского отделения, я не могу сказать, когда оно было создано. По-видимому, оно возникло во второй половине 1935 года. Заведовала им некая Комаровская¹. Нам она

¹ Комаровская Янина Ивановна (1882, д. Камень Овружского у. Волынского кр. — 22.12.1937, г. Москва). Член ВКП(б), заведующая учебной частью рабфака имени Ленина. Расстреляна.

была представлена как польская коммунистка, тоже политэмигрантка. Эта Комаровская вызывала к себе несерьезное отношение: много болтала, много рассказывала о себе, о том, что она когда-то в детстве была знакома с Пилсудским, главой буржуазного правительства Польши. Вспоминала, что, когда была маленькая, сидела у него на коленях и что он с ней играл. В общем, она часто афишировала свою близость к Пилсудскому, а во время обострения международно-классовой борьбы это звучало как-то нехорошо.

Студентов польского отделения было то ли 50, то ли 60. Многих из них я знала. Наша общественная работа шла через их руководителей землячества, с которым я была хорошо знакома. Уже довольно взрослый человек, ему было около 30, по фамилии Калиновский¹, я его почему-то звала Кастусь Калиновский, в честь предводителя крестьянской национально-освободительной войны в Польше. Мне нравилось, а он, когда я в шутку так его называла, очень приятно улыбался. Приятный был парень, серьезный, хорошо работал со своими земляками. Однажды мы встречали новый год в общезитии, которое находилось во Всехсвятском. Произносили какие-то тосты, а когда настал новый год, Калиновский прозвонил в колокол. Он всегда приходил к нам на профком, так что я его знала довольно хорошо. Из остальных я помню только одну фамилию — Скиба².

Где-то в конце 1937 года, уже после того, как я ушла на исторический факультет, я встретила Калиновского на Моховой, около университета. Он был очень удручен. Мы с ним поговорили минуты три или четыре, после чего он сказал мне: «Плохо у нас все очень!» А что плохо, так и не объяснил.

Через несколько лет, уже после войны, я встретила в Кисловском переулке Михайлова, директора рабфака. Он очень постарел. Я спешила то ли на лекции, то ли на семинары, но мы с ним немного поговорили, и он поинтересовался, слышала ли я историю с польским отделением. Оказалось, там всех репрессировали, и Михайлову досталось. По его словам, все произошло из-за Комаровской: «Эта баба очень много болтала, и про себя, и вообще про поляков. И я уверен, что в этих условиях она что-то не то сказала».

Я вспомнила об этой истории потому, что в прошлом году один преподаватель кафедры новой истории пришел в Комнату боевой сла-

¹ **Калиновский Иосиф Антонович** (1909, с. Мархлевка Городокского р-на Винницкой обл. — 26.5.1938, г. Москва) — беспартийный, после рабфака пошел в Медицинский институт. Расстрелян.

² **Скиба Марьян Валерианович** (1911, с. Бронница Киевской обл. — 26.5.1938, г. Москва) — беспартийный, после рабфака пошел во 2-й медицинский институт. Расстрелян.

вы и сказал, что его прислала Зоя Владимировна Гришина из музея университета. У него была газета «Московский комсомолец», в ней были опубликованы имена студентов рабфака Ленина, репрессированных и расстрелянных в 1937–1938 годах. Я знала многих из них, в этом списке были и Калиновский, и Скиба. Фамилии Рохмана там не было, возможно, потому что он был еврей. Этому преподавателю я тогда рассказала все, что знала.

Московский университет

Хотя это дело было связано с моим пребыванием на рабфаке, все происходило уже «на пороге» университета. Хочется подчеркнуть, что, когда я пришла на исторический факультет, я сразу же нашла подруг, которые поддержали меня в этих непростых жизненных обстоятельствах, приняли к сердцу то, что со мной происходило. Я встретила много понимания и большую дружбу, с которой было намного легче переносить личные события в связи с арестом мамы, с делом Рохмана, которое ставилось мне в вину; легче было переключиться на учебу в университете, в частности готовиться к зимней сессии.

С этого времени, с 1937 года, началась моя жизнь в университете, которая продолжается до сегодняшнего дня.

Перед тем как рассказывать автобиографию, я долго думала, с чего начать мою жизнь в университете, и решила, что начну с характеристики того, что у меня отложилось в памяти: студенческая среда и в первую очередь партийная организация. Я с этого начинаю, потому что вся моя жизнь прошла рядом с молодежью, с университетским населением, и прежде всего с партийной организацией. Я не сразу встала на партийный учет из-за тех событий, связанных с историей Рохмана, но в ноябре 1937 года я все же встала на учет. Партийная организация встретила меня доброжелательно, с пониманием, и я им за это бесконечно признательна. Я помню, как сильно они мне помогли. И сейчас с благодарностью вспоминаю этих людей, коммунистов того времени.

Первым секретарем партийной организации факультета, с которым я встретилась, когда вставала на партийный учет и пришла знакомиться (в то же время я должна была познакомиться с собой), был Сергеев¹. Я не знаю, куда он был направлен потом, при мне Сергеев

¹ Сергеев Дмитрий Дмитриевич (1900 — после 1970-х гг.). Студент исторического факультета МГУ 1934 года поступления. По окончании истфака работал на партийных и хозяйственных должностях.

работал недолго, буквально несколько месяцев, потом его взяли на другую работу. Меня он встретил доброжелательно, сказал хорошее напутствие к учебе на факультете. Я это подчеркиваю потому, что позже некоторые товарищи со старших курсов выражали недовольство по отношению к Сергееву.

Факультетская организация была огромной. Я вспоминаю, что когда начиналось общефакультетское партийное собрание, то в актовом зале, куда вмещалось до 100 человек, было человек 60–80. Я не помню, сколько присутствовало кандидатов, а сколько членов партии, но актовый зал был полон. Иногда приходилось проводить партийные собрания в Коммунистической аудитории, это очень большая аудитория, и даже она была значительно заполнена кандидатами и членами партии.

Курс

[Начало отсутствует. Серафима Ивановна рассказывает о партийной организации курса. Речь идет о послевоенной судьбе Ивана Степановича Шарикова¹, который выступил против огульного осуждения Сталина после XX съезда.]

Участники задавали провокационные вопросы — старались добавить что-нибудь новое против Ивана к тому, что уже открыто высказали на собрании. В итоге его арестовали, и он просидел, как он сам рассказывал, шесть месяцев в одиночке. Потом его выслали. Он протестовал против такого отношения, вплоть до того, что писал в ЦК, а потом выступил (письменно, конечно) с угрозой, что он покончит жизнь самоубийством, если его дело не будет рассмотрено положительно и если ему не будет предоставлена работа. Его перевели в Москву и сказали, что о жене не нужно беспокоиться, — она как жила, так и будет жить, и что за ней даже назначен уход (она была в положении лежачего больного). Что касается его самого, то ему была предоставлена работа. Хоть и не в Академии общественных наук. Тем не менее его освободили и дали возможность трудиться. Так он и работал до последних дней своей

¹ Шариков Иван Степанович (1908, Котово Западной обл. — 1989). В 1937 г. поступил на исторический факультет МГУ по конкурсу. С третьего курса был отчислен, но в тот же год восстановлен. Между 1937 г. и 1940 г. вступил в ВКП(б). В первые дни войны добровольцем ушел в народное ополчение. Был политруком роты. Тяжело ранен в сражениях под Москвой, потерял руку. В 50-х годах работал на кафедре диалектического и исторического материализма АОН при ЦК КПСС (был заместителем заведующего). В 1956 г. после XX съезда выступил против лицемерия отдельных партийных деятелей, выступавших с резким развенчанием культа личности. За это был снят с занимаемой должности и переведен доцентом кафедры философии МОПИ. В 1958 г. арестован и приговорен к двум годам ссылки. Затем — доцент кафедры философии МАИ.

жизни, читал философию, был профессором Военно-воздушной академии, МАИ.

Через некоторое время он поставил вопрос о том, чтобы его вернули в партию и восстановили его прежний партийный стаж. А в партии он был, наверное, с начала 30-х годов, когда его послали в Комсомольск-на-Амуре. Он был и комсомольским работником, и членом партии. Вначале ему отказали в восстановлении стажа, но позже восстановили. Вот такое дело было у Ивана Шарикова.

О чем еще нужно еще сказать? О том, что в партии в то время шла напряженная борьба. Многие люди были не согласны с критикой культа личности, хотя абсолютное большинство коммунистов (в том числе и я) приняли постановление XX съезда как правильное — культ личности несовместим с коммунистической идеологией. Я считала, что не только члены Политбюро и ЦК, но и мы все в какой-то мере были виноваты и должны были взять на себя ответственность. Некоторые возражали против моей позиции, но это их дело: у каждого свое мнение.

После этого мы с Иваном Степановичем много раз сталкивались на встречах однокурсников. И они его всегда хорошо принимали. Он был веселым, интересным человеком, наши встречи получались очень сердечные, душевные, и у нас о нем сохранились хорошие воспоминания.

Что касается его жены Веры, она умерла, так и не встав на ноги. Он рассказал мне, что в течение 20 лет он ухаживал за ней и был, как его называли, «святым мужчиной»: он никого не знал, никакой другой женщины у него не было, хотя Вера находилась в тяжелом состоянии. Вот таким он был цельным, хорошим человеком. После ее смерти он женился на сравнительно молодой девушке, Анне Алексеевне. Она была откуда-то из Молдавии, ее пригласили родственники Ивана Степановича для ухода за первой женой. Она была красивой девушкой, однако у нее тоже были больные ноги (после какого-то детского заболевания). Свое новое супружество Иван объяснил тем, что она ухаживала за Верой и хорошо относилась к нему, а раз он калека (у него не было правой руки), то никто другой за него замуж не пойдет. У них родились два сына. Когда Ваня умер, то Анна Алексеевна позвонила мне, сообщила: «Серафима Ивановна, я знаю, что вы были с Иваном Степановичем хорошими друзьями...» Я ездила на похороны и там познакомилась с его уже взрослыми сыновьями, готовившимися к поступлению в институт.

Когда я сейчас вспоминаю Ивана Степановича, то восхищаюсь тем, что в нем не осталось никакой озлобленности. Конечно, какая-то обида присутствовала, но он был настолько уверен в своей правоте, что, пройдя через такое серьезное, трагическое испытание, остался

жизнерадостным, остроумным, веселым человеком. Таким его запомнили все мои однокурсники, когда мы собирались вместе.

Следующий человек из нашей партийной организации, очень близкий мне — это Бронислава Исаевна Левина-Коган¹. С ней мы познакомились практически в первые же дни моего пребывания на факультете. Дело в том, что на курсе, состоящем из 125 человек, было два потока. В первом потоке старостой была назначена Бронислава Левина, а старостой второго — я. Возможно, мы с ней так быстро познакомились еще и потому, что были одного возраста: я 1909 года, а Броня — 1910, на год моложе меня. Особенно я ей была благодарна за то, что она очень близко к сердцу приняла мои личные проблемы, которые возникли после окончания рабфака. Она очень сочувствовала, интересовалась тем, как что идет, и переживала вместе со мной. Мы с ней дружили, нас принимали на курсе, да и на факультете вообще, как неразлучных подруг: Сима и Броня. Дружили настолько, что она часто бывала у моих родственников, познакомилась, буквально с первого курса, с моей старшей сестрой, которая жила в Раменском. Позже, после войны, она познакомилась и даже подружилась с моей мамой. В общем, была для нашей семьи почти что родственницей, часто ездила к нам. Когда мама умерла, Броня была на похоронах, помогала. У меня также были хорошие отношения и с ней лично, и с ее семьей. Замуж она не вышла и всю свою жизнь посвятила партийной работе и семьям своих сестер. Я была знакома с ее сестрами, с некоторыми из них дружила особенно близко, уже после войны.

Вообще это очень интересная семья. Были они из Витебска (черта оседлости при царизме), типичная еврейская местечковая многодетная семья. Отец у них был, кажется, какой-то мелкий ремесленник; мать себя посвятила семье, детям, их было очень много: два брата и семь сестер. Один брат погиб в Гражданскую войну, другой тоже умер довольно рано. Самая старшая сестра — Соня — была участницей Гражданской войны. У нее был сын Володя. Я неплохо ее знала.

Другой сестрой была Римма, участница X съезда партии, старая коммунистка, по специальности она была инженером (работала в легкой промышленности). В конце войны, когда началось восстановление народного хозяйства, в частности на Украине, она была назначена директором Дарницкого шелкового комбината. Римма участвовала в его строительстве и восстановлении. Это была очень умная женщина,

¹ Левина-Коган Бронислава Исаевна (1910, г. Витебск — ?). В 1936 г. поступила на исторический факультет по конкурсу, но была оставлена повторно на первом курсе. Член ВКП(б).

умевшая проникновенно посмотреть на человека, подумать о нем и выдать ясную, четкую характеристику. Вспоминается мне, как мы с Броней однажды зашли к Римме (ее квартира тогда была на Знаменке в доме, где жили профессора и преподаватели Военно-политической академии; ее муж, Владимир Дунаевский, преподавал там политэкономии). Мы зашли туда после экзамена по историографии. Это было уже после войны, когда мы досдавали разницу в программах. А к тому времени вышла книга по историографии Николая Леонидовича Рубинштейна¹. Мы с трудом одолели эту книжку (она написана чрезвычайно трудным языком, и нужно было иметь действительно адское терпение и настойчивость, чтобы ее одолеть). Экзамен был сложный, потому что у профессора был какой-то дефект речи и слушать его было очень трудно. Бронислава говорила: у него будто ком каши во рту, а он ее пережевывает. Так вот, мы зашли к Римме попить чаю после экзамена и попутно рассказывали об этом. Римма слушала нас молча, а потом вдруг обращается ко мне и говорит:

— Сима, а почему вы и ваша партийная организация приняли в партию Николая Леонидовича Рубинштейна? Вы что, не знаете, из какой среды он вышел?

Я говорю:

— Ну я, во-первых, действительно не знаю, а во-вторых, это было без меня, когда его принимали. Я была на фронте, не была в парторганизации факультета. А в чем дело?

— Семья Николая Леонидовича — махровые сионисты. Как вы могли принять в коммунистическую партию не просто националиста, а именно того, кто принадлежит к этой международной еврейской организации?

Этот момент мне запомнился. Я до сих пор вспоминаю его, когда всплывает так называемый еврейский вопрос. Я всегда говорю — есть евреи и есть евреи. Вообще, я всегда восхищалась тем, как Маркс, будучи евреем, так ясно и четко разделял их (на обычных и сионистов) и рассказал всем о сионизме, о его корнях и происхождении.

После Риммы шла сестра Лиза, которая была врачом-педиатром, заведовала то ли отделом педиатрии, то ли детской клиникой, которая тогда была на Солянке (там лечили главным образом легочные заболевания. Женю, нашего племянника, там буквально спасли от смерти, когда он в годовалом возрасте лежал с воспалением легких).

¹ Рубинштейн Николай Леонидович (11(23).12.1897 — 26.1.1963) — один из видных историков советской школы, преподаватель исторического факультета МГУ. Монография «Русская историография» была издана в 1942 г.

Третья сестра Брони — Берта Исаевна, с которой у нас, возможно, было даже больше общего потому, что мы были чуть ли не одногодки с ней (она немного, на год или на два, была постарше меня). Мы с ней были очень близкими людьми. Жизнь ее, как и у Вани Шарикова, была не слишком радостная. Ее муж, русский парень, когда они поженились в начале 20-х годов, был довольно крупным партийным работником. И ЦК отправил его на партийную работу куда-то на Дальний Восток, в район Хабаровска. Там была «разоблачена» коммунистическая организация, и, по рассказам Берты, ее мужа несправедливо обвинили. Она поехала к нему, и ее «за компанию» арестовали. Несколько недель она провела в заключении, потом написала письмо в ЦК, ее освободили. Но муж Берты умер в тюрьме. Берта Исаевна была мужественным человеком: она перенесла такую большую потерю, но не потеряла веру в партию, в коммунистическую идею, все время оставалась на партийной пропагандистской работе.

Потом и Римма, и Берта к старости, в середине или конце 80-х годов переехали жить в Переделкино, и там одна за другой умерли, а Броня за ними ухаживала.

Четвертая сестра — Дора. Она была в браке, жила со своим мужем в Смоленске. По-моему, работала в библиотеке. Во всяком случае, у нее была какая-то просветительская работа. Дору в свое время я тоже неплохо знала.

Кого-то я забыла, но в целом это была очень хорошая, по-настоящему коммунистическая семья. Я не раз ездила в Переделкино, в тот пансионат, знала настроения и Риммы, и Берты, знала их отношение к пресловутой перестройке: правильное и созвучное моим настроениям, моему отношению.

Единственный, наверное, недостаток ее сестер я видела в том, что в какой-то степени именно они были повинны, что Броня, младшая сестра, всю свою жизнь отдала семье. Ей не удалось участвовать в войне так, как она хотела: мы собирались идти вместе, пошли на курсы медсестер. Мы с ней всегда были вместе! Вместе были командированы парткомом университета на луга: я была назначена руководителем, организатором поездки на трудовой фронт, а Броня была официально назначена моим помощником и главным бригадиром группы студентов-историков третьего и четвертого курсов на лугах в одном совхозе.

Мы и на фронт хотели идти вместе. Но, когда после первой бомбежки началась эвакуация из Москвы, сестры упростили ее поехать вместе с матерью, очень больной старенькой женщиной, в эвакуацию. Там в одном из сибирских районов Броня была избрана членом райкома партии. Как член райкома она работала в отделе пропаганды,

разъезжала по району. После войны, когда мы сдали госэкзамены, ей опять пришлось ухаживать за мамой, она уже года полтора или два была парализована, и Броня за ней ходила. Она сдала экзамены в аспирантуру, уже была обговорена тема диссертации с руководителем, но работать над диссертацией она не могла, опять же из-за больной матери. Конечно, она очень переживала из-за этого. Потом мне и Берта, и Лиза говорили, что очень виноваты в том, что Броню так нагрузили уходом за больной мамой и она вынуждена была отказаться от диссертации. Но это уже ничего не меняло. Долгое время она работала в техникуме в городе Рославль Смоленской области. Потом, когда ей исполнилось 55 лет, она по просьбе сестер ушла на пенсию, переехала в Москву и ухаживала за Бертой и Лизой. За то, что она ухаживала за старшими сестрами и помогла им перенести тяжелые болезни, администрация оставила ее в Переделкине.

Вот таким человеком была моя подруга Бронислава. Я ей обязана очень многим — бескорыстной постоянной дружбой, и тем, что благодаря этой дружбе вошла в семью ее сестер, познакомилась с интересными людьми, подлинными коммунистами, интернационалистами, очень многое от них взяла для себя, многое поняла в сложных вопросах партийной и человеческой жизни в целом.

Из партийной организации моего курса следует выделить еще одного хорошего товарища — Андрея Яковлевича Гусева¹. С ним мы познакомились не сразу, не в первые месяцы моего пребывания на факультете, а со второго курса. Он был старше наших однокурсников, почему-то я его запомнила в полудетной форме. Хотя летчиком он стал только во время войны. Этот красивый молодой человек приехал на исторический факультет, кажется, из Воронежской области. У него часто возникали противоречия с группой наших сокурсников, которые сами себя именовали «панками» — в общем-то, хорошие ребята, но строили из себя снобов, аристократов, что-то в этом роде. Андрей Гусев всегда был хорошо одет — на нем всегда была белоснежная сорочка с галстуком и чистый, поглаженный костюм. Позже-то он мне рассказал, что никакой сорочки на самом деле не было — была манишка, а под манишкой — старенькая-старенькая маечка. Ребята, видимо, об этом догадывались. Я-то, конечно, ничего не знала и не подозревала. А они постоянно приставали к нему, чтобы он показал рубашку, доказал, что

¹ Гусев Андрей Яковлевич (1912, с. Кечено Рязанской губ. — ?). В 1937 г. поступил на исторический факультет МГУ по конкурсу. Член ВКП(б). В действующей армии с октября 1941 г., участвовал в боях на Курской дуге, за Орел, Белоруссию, Прибалтику, Будапешт, Прагу. Служил в авиации. Закончил войну в звании подполковника.

она, действительно такая белоснежная. Возможно, эти трения возникали еще и потому, что жил он не в общежитии, как многие ребята, а снимал где-то квартиру, а может быть, комнату или койку, но в любом случае жил не в общежитии, а в другом месте.

Близко мы начали дружить тогда, когда встретились спустя 20 лет после войны. На наших встречах Андрей был прекрасным тамадой, всех веселил шутками. На одной из этих встреч я познакомилась с его милой женой, Сонечкой, директором одной из школ в Перовском районе, где они жили. Он воевал в авиации, был воздушным стрелком. После войны он несколько лет оставался в авиации и вел там политработу с курсантами. Позже работал в Перовском райкоме партии, создал там парткабинет и в последние годы сосредоточил свое внимание на паровозостроительных мастерских знаменитого Перовского завода, где начались субботники. Там он организовал музей, написал историю мастерских. В прошлом году он мне говорил, что к Первомайским праздникам завершил серьезный труд — организовал выставку о погибших работниках этих мастерских. К сожалению, в прошлом году умерла его жена, Сонечка. Мы были очень дружны последние годы: они ко мне приезжали, я у них бывала. Милые, хорошие люди. К сожалению, судьба их семьи была довольно тяжелой в последние годы: два сына один за другим умерли от туберкулеза, уже будучи взрослыми мужчинами. Умерла жена. У него осталась одна внучка. В последнее время он стал подниматься, немного пришел в себя, ходит обедать в какую-то столовую для инвалидов и ветеранов, в общем, доживает дни, как все мы, старики, ветераны войны, со своими бедами, радостями и горестями.

Что касается курса в целом. Можно сказать, что курс у нас подобрался очень хороший. Когда мы собирались, — а у нас было много встреч, — то говорили об отдельных лицах, вспоминали погибших, обязательно шли к Вечному огню на Ленинских горах. Там устраивали переключку всех: живых и мертвых... Вспоминали. Проводились хорошие встречи.

Особенно мне запомнилась одна, на которой речь по поводу нашего курса произнес Вилли Майер¹. Когда мы учились, Вилли еще не

¹ **Майер Вильгельм Евгеньевич** (6.12.1918, с. Высокополье Херсонской губ. — 10.2.1985, г. Ижевск) — историк-медиевист, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Удмуртии, уроженец Украины. В 1937 г. поступил на исторический факультет МГУ как отличник. В студенческие годы — член ВЛКСМ. Участник Великой Отечественной войны. В 1945—1985 гг. научно-педагогическая деятельность связана с Удмуртским государственным университетом: от ассистента кафедры всеобщей истории — до заведующего этой кафедрой, проректора вуза по научной работе. Специалист в области средневековой Германии. Создатель школы германистики в Удмуртии. Автор более

был членом партии, он вступил позже, поэтому первые два курса я его мало знала, но хорошо познакомилась с ним уже после войны.. Темой его речи был интернационализм. Действительно, у нас на курсе были представители разных национальностей: в первую очередь народов, входящих в состав нашей страны. Несмотря на это, все мы были дружны, национальных различий никто не чувствовал. Кроме русских, которые, вероятно, составляли большинство, была довольно большая группа евреев, были представители народов Кавказа: 5–6 армян, их я знаю (Севьян¹, Харамандарян² и еще несколько человек), грузины (об одном из них, Арчиле Джапаридзе³, я еще расскажу), азербайджанцы, также у нас было несколько человек немцев и татар.

Одного татарина родом из Казани я очень хорошо знала, мы его звали Миша Булатов, хотя настоящее его имя — Махмуд Рахимович Булатов⁴, мой хороший товарищ. После войны мы как-то сравнялись, я не чувствовала разницу между нами. У меня на первом стенде в музее, где представлено начало войны и строительство оборонительных рубежей, он показан на листочке — пригласительном билете на празднование его 60-летия. Миша стал не историком, а философом, преподавал в сельскохозяйственном институте в Казани. Во время учебы он отличился тем, что имел какую-то военную специальность, был спортивным и хорошо показал себя на строительстве оборонительных

100 научных публикаций по истории крестьянства Германии XIV–XVI вв., религии и атеизма, международной жизни, западноевропейской культуры. См. о нем: Профессор Майер Василий (Вильгельм) Евгеньевич. К 85-летию со дня рождения. Биобиблиографический указатель. Ижевск: НБ УГУ, 2003.

¹ **Севьян Дмитрий Александрович** (1916, г. Баку — ?). В 1937 г. поступил на исторический факультет МГУ по конкурсу. В студенческие годы — член ВЛКСМ. Участник Великой Отечественной войны.

² **Харамандарян Сегвард Вагаршахович** (р. 3.9.1919). В 1937 г. поступил на исторический факультет МГУ как отличник. В студенческие годы — член ВЛКСМ. Ушел на фронт добровольцем. Участвовал в освобождении Венгрии и Югославии. Награжден орденом Красной Звезды. После войны защитил докторскую диссертацию (доктор исторических наук). Работал в ИИ АН СССР — ИРИ РАН. Член Югославской группы Международной секции Российского комитета ветеранов войны.

³ **Джапаридзе Арчил Дмитриевич** (1918, г. Тифлис — ?). В 1937 г. поступил на исторический факультет МГУ как отличник. В студенческие годы — член ВЛКСМ. Организовал популярный на истфаке «Джаз Джапаридзе». В сентябре 1941 г. вступил в ряды московского ополчения. Окончил войну в офицерском звании. После войны преподаватель истории в вузах.

⁴ **Булатов Михаил Рахимович** (1919, д. Русаково Казанской губ. — ?). В 1937 г. поступил на исторический факультет МГУ по конкурсу. В студенческие годы — член ВЛКСМ. В 1941 г. вступил в ряды московского ополчения. После войны — доктор исторических наук, профессор.

рубежей летом 1941 года. Студенты прозвали его «Первой лопатой», такое почетное звание ему дали потому, что он выполнял две с половиной нормы, положенной при сооружении противотанковых окопов. Воевал он всю войну, был тяжело ранен, контужен. На фронте вступил в партию. Первое время после войны плохо видел, у него был какой-то небольшой процент зрения. Потом контузия отошла, зрение восстановилось. После войны он все время работал в Казани. Мы с ним встречались, когда я ездила туда в командировку. И потом, когда я ездила на пароходе по Волге, я обязательно останавливалась в Казани и была у него в гостях. Кроме того, он и сам приезжал в Москву, часто бывал на наших встречах. В общем, был очень хорошим товарищем — наш Миша Булатов.

Именно имея в виду наш многонациональный состав и большую дружбу на курсе, Вилли Майер и дал такую высокую оценку.

Конечно, это не значит, что на курсе не было каких-то отдельных групп. Они возникали, распадались, некоторые существовали более устойчиво. Однако складывались они не по национальному признаку, а по интересам или в связи с бытовыми условиями (например, проживание в одной комнате в общежитии). В нашем музее есть интересные фотографии отдельных групп, например, фотография, на которой заснята группа 330-й комнаты в общежитии на Стромынке. В центре этой фотографии — Иван Шариков, а вокруг него товарищи, с которыми он вместе жил и дружил. Они к нему прекрасно относились, хотя он был старше их. Это Джапаридзе, Степа Одуев¹ (теперь Степан Федорович, а тогда еще молоденький студент, совсем мальчик).

Или, скажем, группа, с которой я тогда была меньше знакома, она как-то особенно себя ничем не проявляла, но фотография тоже осталась в нашем архиве: на скамейке сидят несколько человек, студентов

¹ **Одуев Степан Федорович** (р. 28.9.1918, с. Починок Нижегородской губ.). Родился в крестьянской семье. В 1937 г. поступил на исторический факультет МГУ как отличник. Специализировался по кафедре истории южных и западных славян. В студенческие годы — член ВЛКСМ. В июле-октябре 1941 г. работал на строительстве оборонительных рубежей. Около года проработал директором школы в Горьковской области. С ноября 1942 г. находился в действующей армии, служил в артиллерии. Участвовал в Сталинградской и Курской битвах (в боях за ст. Поньры награжден медалью «За отвагу»), освобождении северной Украины и Белоруссии (в составе Западного, затем 1-го Белорусского фронтов). Демобилизован в октябре 1945 г., к тому времени находился на должности парторга дивизиона. До 1964 г. — на партийной и педагогической работе. В 1964—1974 гг. — зам. директора Института философии АН СССР. В 1974 г. перешел в Академию общественных наук ЦК КПСС на должность профессора кафедры марксистско-ленинской философии.

моего курса. Они то ли в одном семинаре занимались, то ли в общежитии жили вместе. В центре — Ваня Комлев¹, он обнимает своих молодых товарищей. В частности, там Бауэр², он тоже жил в общежитии.

О Ване Комлеве скажу особо. Очень скромный человек, хорошо учился, участвовал в общественной работе, но особо не выделялся... Война стала проверкой для нас всех: кто что значит, кто является подлинным патриотом и настоящим советским человеком. Война расставила все на свои места, показала, кто есть кто. Ваня Комлев (об этом я узнала совершенно случайно, много лет спустя после войны) погиб. В музее НКВД в одну из юбилейных дат Великой Отечественной войны была сделана витрина, на которой были помещены фотографии погибших советских людей, посланных во время войны за кордон. На этой витрине был и Ваня Комлев. Как мне сообщил Евгений Морозов³, бывший студент мехмата, знавший Ваню Комлева по пулеметной школе довоенного времени, он был посмертно награжден каким-то орденом. Позже я пыталась разыскать более подробную информацию об этой истории и просила того самого Евгения Морозова, который после войны и окончания мехмата защитил там кандидатскую, докторскую и преподавал долгое время. Он по моей просьбе обратился в музей НКВД. Но оказалось, что фотографии не сохранились, куда-то пропали. Сам Морозов рассказал о Комлеве следующее.

В 1942 году, летом, недалеко от аудиторного корпуса университета на Моховой он встретился с Комлевым, который был «сдержанно возбужден». Когда Евгений Морозов спросил его, куда он направляется, он ответил, что очень спешит. Морозов спросил: «На фронт?» Он говорит: «За кордон». То есть он был послан в тыл врага и там погиб. От того же Евгения Морозова я узнала, что Ваня Комлев был активным участником университетской пулеметной школы. Кроме того, мне как старосте, а затем как парторгу, было хорошо известно, что он всегда был на счету как хороший студент.

¹ **Комлев Иван Иванович** (1912, г. Москва — ?). Из рабочих. В 1937 г. поступил на исторический факультет МГУ «по переводу». В студенческие годы — член ВЛКСМ. Воевал в тылу врага.

² **Бауэр Георгий Эммануилович** (1915, г. Ростов-на-Дону — 1941). В 1935 г. поступил на исторический факультет МГУ по конкурсу, на военный поток. Специализировался по кафедре археологии. Сталинский стипендиат. В студенческие годы — член ВЛКСМ. Добровольцем ушел в армию 30–31 июня, был в десантных частях. Последнее письмо — из Киева в июле 1941 г.

³ **Морозов Евгений Власович** — до войны студент, после — многолетний сотрудник механико-математического факультета МГУ. Составил справку о работе пулеметной школы. См. *Морозов Е.В.* Пулеметная школа // Мы шли навстречу ветру и судьбе... С. 89–103.

Можно еще вспомнить группу парней, в которой были Слава Лавров¹, Юра Каминский², Иван Чесноков³. Группа имела аристократический налет. В частности, это именно они приставали к Андрею Гусеву, допытывались, какая у него сорочка под пиджаком. Обычно они сидели в самом конце аудитории, наверное, слушали не все лекции, что-то сочиняли между собой. Разговоры у них были сугубо личные. Ребята не то чтобы были шалопаями, нет, но каким-то снобизмом их поведение определенно отдавало. Правда, иногда проскальзывало что-то остроумное, но чаще просто озоровали. Однако в конце концов ребята проявили себя во время войны (повторюсь: война расставила все на свои места).

Юра Каминский и Ваня Чесноков погибли в ополчении. Слава Лавров всю войну провел на фронте, был награжден многими медалями, после войны долгое время работал в институте марксизма-ленинизма. Умер в 1989 году. Ваня Чесноков женился, кажется, за год, или даже меньше, до войны на нашей однокурснице, Татьяне Ивановой⁴. К Юре Каминскому мы относились, несмотря на то, что он совершал иногда исподтишка озорные выходки, хорошо. Он был племянником нашего любимого профессора политэкономии Александра Феликсовича Кона⁵.

¹ **Лавров Ростислав Александрович** (26.7.1920, г. Устюг Вологодской обл. — 26.6.1989, г. Москва). Родился в семье учителей. В 1937 г. поступил на исторический факультет МГУ по конкурсу. В студенческие годы — член ВЛКСМ. Летом 1941 г. работал на строительстве оборонительных рубежей в районе Брянска. Учился в Львовском пехотном училище, с 1943 — в действующей армии. Был командиром пулеметного взвода, с 1944 — помощником начальника штаба стрелковой дивизии. Награжден орденами Красной звезды и Отечественной войны 2-й степени. Войну закончил в звании подполковника. После войны — зам. руководителя Центрального партийного архива ИМЭЛ, затем работал в ЦК КПСС.

² **Каминский Юрий Ильич** (1918, г. Харьков — 15.8.1942 г., д. Хопилово, похоронен в д. Бурково, Темкинского р-на Смоленской обл., братская могила № 8). В 1937 г. поступил на исторический факультет МГУ по конкурсу. В студенческие годы — член ВЛКСМ, кандидат в члены ВКП(б). Ушел добровольцем на фронт. В апреле 1942 г. был замполитрука в артиллерийской батарее 222-й стрелковой дивизии Калининского фронта и членом полкового бюро комсомола. Муж студентки этого же курса Т. Полонской.

³ **Чесноков Иван Федорович** (1918, с. Пылково Саратовской губ. — пропал без вести в декабре 1941 г.). В 1937 г. поступил на исторический факультет МГУ по конкурсу. В студенческие годы — член ВЛКСМ. В начале войны вступил в ряды народного ополчения. Погиб в звании рядового.

⁴ **Иванова Татьяна Всеволодовна** (1919, г. Москва — ?). В 1937 г. поступила на исторический факультет МГУ по конкурсу. Между 1937 и 1940 г. вступила в ВЛКСМ. Падчерица классика русской советской литературы Вс. Вяч. Иванова, старшая сестра академика РАН Вячеслава Всеволодовича Иванова. Переводчица английской, французской, испанской, латиноамериканской литературы.

⁵ **Кон Александр Феликсович** (1897–1941) — сын известного коммуниста, доктор экономических наук, профессор кафедры политэкономии. С началом войны — инструктор политотдела 8-й Краснопресненской стрелковой дивизии народного ополчения.

А.Ф. Кон, сын известного большевика Феликса Яновича Кона, блестяще читал политэкономиию капитализма. Юра Каминский был в ополчении послан на разведку и погиб, выполняя задание командования. Позже его мама, Лидия Феликсовна Кон, приходила к нам, мы ей составили справку о том, что ее сын у нас на доске погибших. О Каминском я бы хотела добавить еще то, что в архиве нашего музея имеются его письма, переписанные нашей однокурсницей Тамарой Владимировной Равдиной¹. Оригиналы остались у близкого друга Юры — Георгия Левинсона². Я очень просила его дать нам оригиналы, но он отказался, а вскоре умер. Обращались с просьбой к вдове, чтобы она отдала нам оригиналы писем, но она тоже категорически отказалась. Это, должно быть, очень интересная переписка, но она носила интимный характер, и Левинсон не захотел, чтобы письма были обнародованы. В тех письмах, которые переписала Тамара, тоже было много интересного — Юра, оказывается, был поэтом, писал для себя и своих близких. Сохранились его рассказы и стихотворения, присланные Левинсону из ополчения об их быте летом 1941 года.

Теперь я хотела бы рассказать о Сергее Ивановиче Прасолове³. Он тоже был с этой группой, вместе со Славой Лавровым, Каминским,

¹ **Равдина Тамара Владимировна** (1919, г. Двинск (Даугавпилс) в Латвии — 1991, г. Москва). В 1937 г. поступил на исторический факультет МГУ как отличник. В студенческие годы — член ВЛКСМ. Во время войны была медсестрой в госпитале, в маневренной хирургической группе Ладужской военной флотилии, затем — на Балтийском флоте. Войну окончила в звании старшины 1-й статьи. МГУ окончила в 1946 г. С 1949 г. работала в Институте археологии РАН.

² **Левинсон Георгий Ильич** (1918, г. Москва — 1988, г. Москва). Родился в семье известного адвоката. В 1937 г. поступил на исторический факультет МГУ как отличник. В студенческие годы — член ВЛКСМ. Повторно был оставлен на 4-м курсе. В 1941–1946 зав. Дальневост. отд. ВОКС. После войны — доктор исторических наук, востоковед. С 1950 г. работал в Институте востоковедения АН СССР (с 1957 ст.н.с.). Автор свыше 220 научных работ по новейшей истории, междунар. отношениям, соц.-экон. проблемам стран Юго-Вост. Азии.

³ **Прасолов Сергей Иванович** (1918, г. Краснодар — 20.11.1984, г. Москва) — специалист по новейшей истории Чехословакии, кандидат исторических наук. В 1937 г. поступил на исторический факультет МГУ по конкурсу. В студенческие годы — член ВЛКСМ. Специализировался по кафедре южных и западных славян. Был членом бюро ВЛКСМ. Вступил в народное ополчение, но вскоре был отозван по мобилизации ЦК ВЛКСМ, был направлен на курсы подготовки заместителей комиссаров (позже начальников политотделов). Участвовал в десанте на Малой земле, был помощником начальника политотдела. Войну окончил в звании старшего лейтенанта. Был ранен. Инвалид Великой Отечественной войны. Награды: два ордена Красной Звезды и др. Окончил исторический факультет в 1946 г. В 1950–1966 гг. и в 1979–1984 гг. — сотрудник Института славяноведения АН СССР (с перерывом в 1966–1974 гг. на дипломатическую работу). (ННИ. 1985. № 2. С. 221.)

Ваней Чесноковым и другими. В студенческие годы Сережа был активным комсомольским работником на факультете и в университете. В начале 1941 года был избран секретарем комитета комсомола нашего факультета и рьяно взялся за работу, был для комсомольцев авторитетом, весьма уважаемым человеком. Когда началась война, он добровольцем ушел на фронт, был в каком-то специальном отряде, прошел всю войну, был ранен. Муж Араксы Захарьян¹, они поженились в 1945 году, когда он был в госпитале. Я сейчас точно не помню, но дружба у них и, видимо, любовь зародились еще раньше. Хотя Сережа моложе Араксы на 5 лет, но у них такая нежная любовь была, что поженились сразу, как только закончилась война. Затем Сергей был принят в Академию наук, начинал референтом при президенте Академии Несмеянове (Несмеянов до Академии наук был ректором Московского университета), и мы часто встречались по работе. Прасолов постоянно выступал у нас на собраниях, и, насколько я помню, делал очень интересные доклады о лауреатах Ленинских премий, об открытиях, изобретениях, которые сделаны учеными, представленными к званию лауреата (Несмеянов возглавлял Комитет по Ленинским премиям в области науки и техники). Потом Сергей стал крупным ученым, специалистом по Чехословакии, несколько лет проработал там в посольстве, заведовал отделом культуры, а когда вернулся, устроился в институте славяноведения.

Стоит сказать еще об одной группе друзей. В нее входили: Владимир Зевин², Веня Спивак³ и Виктор Хайцман⁴. Это была очень стран-

¹ **Захарьян Аракса Бегларовна** (1913–2003) — в 1941 г. — секретарь комитета ВЛКСМ МГУ им. М.В. Ломоносова. Была секретарем вузкома МГУ, членом РК ВЛКСМ. Жена студента исторического факультета МГУ 1937 г. поступления С.И. Прасолова. После войны — доцент кафедры истории СССР советского периода исторического факультета МГУ.

² **Зевин Владимир Яковлевич** (1918, г. Баку — 1976, г. Москва, похоронен на Новодевичьем кладбище) — историк, партийный деятель. В 1937 г. поступил на исторический факультет МГУ по конкурсу. В студенческие годы — член ВЛКСМ.

³ **Спивак Вениамин Михайлович** (1917, с. М. Каховка — 1996, г. Калуга). В 1937 г. поступил на исторический факультет МГУ по конкурсу. Между 1937 и 1940 гг. вступил в ВЛКСМ. В 1941 г. вступил в ряды народного ополчения. Войну окончил в звании старшего лейтенанта. Награды: орден Красной Звезды. После войны — декан исторического факультета КГПУ им. К.Э. Циолковского, лектор-международник, член общества «Знание».

⁴ **Хайцман Виктор Моисеевич** (1919, г. Днепропетровск — после 1989). В 1937 г. поступил на исторический факультет МГУ по конкурсу. В студенческие годы — член ВЛКСМ. С началом войны — участник строительства оборонительных рубежей. После войны — доктор исторических наук, работал в Институте мирового хозяйства и мировой политики, затем в Институте международного рабочего движения, Институте истории (затем Институт российской истории) АН СССР–РАН.

ная группа. У них была тесная личная дружба, все они были очень близки, но проверка войной показала, что все они очень разные люди. В частности, Веня Спивак прошел всю войну, был награжден. Хайцман по состоянию здоровья на фронт не попал — у него было очень плохое зрение. А с Владимиром Зевиным произошла очень неприглядная история, и я должна отдельно о ней рассказать.

Отцом Володи Зевина был один из двадцати шести бакинских комиссаров¹; его мать во время революции вступила в Коммунистическую партию и имела большой партийный стаж. Сам Володя Зевин был очень способным молодым человеком, хорошо учился, был активен, особенно в комсомольской организации. Я думаю, все мы (особенно его сверстники, он был лет на 8—9 моложе меня) с уважением относились к нему потому, что знали его биографию, его происхождение. На втором или третьем курсе Володю Зевина избрали секретарем комитета комсомола факультета. Потом что-то произошло с его братом, кажется, он покончил жизнь самоубийством, застрелился. Я не помню точно, что было с самим Володей (он в это время уже был принят кандидатом в члены партии), но вроде бы он не сообщил об этом в партийную организацию, а сообщить об этом было нужно, тем более что его брат был на какой-то ответственной работе. Когда с Володей стали говорить об этом в партийной организации факультета, он очень резко отказался отвечать на вопросы, и его отстранили от работы секретаря комсомольской организации не столько из-за самоубийства брата и того, что он не сообщил об этом, а из-за того, что на данном конкретном заседании он вел себя не очень достойно. Потом, накануне войны, его все-таки приняли в члены партии.

¹ Зевин Яков Давидович (9(21).6.1888, д. Краснополье Могилевской губ. — 20.9.1918, г. Красноводск) — русский революционер. С 1904 г. член РСДРП. Вел подпольную революционную работу в Екатеринославе, Баку и других городах. Неоднократно подвергался арестам, ссылкам (в Вологодскую, Архангельскую губернию и в Восточную Сибирь). В 1911 г. учился в партийной школе Лонжюмо, организованной В.И. Лениным под Парижем. Был делегатом 6-й (Пражской) конференции РСДРП (1912), представлял группу меньшевиков-партийцев. После конференции целиком стал на большевистские позиции. В 1915 г. — член Бакинского комитета большевиков. После Февральской революции 1917 г. работал в Московском совете рабочих депутатов, выполнял поручения Московского окружного комитета РСДРП (б). С августа 1917 г. в Баку, в Союзе нефтепромышленных рабочих. Один из руководителей борьбы за установление советской власти в Азербайджане. В Бакинском СНК (с апреля 1918 г.) — комиссар труда; проводил в жизнь важнейшие мероприятия советской власти в социальной сфере. После временного падения советской власти в Баку (31 июля 1918) был арестован и казнен 20 сентября 1918 г. в числе 26 бакинских комиссаров.

А дальше началась некрасивая история, уже связанная лично с ним. В первые же дни войны был сформирован отряд комсомольцев-добровольцев университета на строительство оборонительных рубежей на дальних подступах к Москве. У нас в музее есть официальная справка из архива о том, что студенты МГУ в количестве 450 человек приняли участие в работе по строительству оборонительных рубежей. Организатором этой работы был Михаил Гефтер¹. Он был тогда членом вузовского комитета комсомола, и ему была поручена организация этого отряда. наших ребят-истфаковцев там было довольно много. В частности, мой курс, курс на год старше и на год моложе нашего, все, кто не был сразу же призван в армию, были отправлены на строительство оборонительных рубежей. Как рассказывают участвовавшие, 30 июня они были погружены в поезд и направлены на линию Рославля и ниже по Десне, где строили оборонительные рубежи.

Володя Зевин был направлен парторганизацией факультета на эту работу как парторг группы историков. В конце августа или в начале сентября, вскоре после моего возвращения с работы в лугах с нашими девушками, я пришла на факультет и встретила там группу однокурсников, которые разыскивали меня как бывшего парторга курса для того, чтобы со мной посоветоваться. Как они сказали, они написали заявление в партбюро факультета, но предварительно хотели узнать мое мнение, следует ли его подавать.

Речь шла о Владимире Зевине. Его проступки, может быть, не заслужили бы особого внимания, если бы не шла война, если бы враг не приближался к Москве. Ребята уже побывали на строительстве оборонительных рубежей, попали под обстрелы авиации, они уже понюхали порох войны. Поэтому, принимая во внимание военную обстановку, они сочли своим комсомольским долгом заявить о поведении

¹ **Гефтер Михаил Яковлевич** (1918, г. Симферополь — 1995, г. Москва) — видный ученый и философ. В 1936 г. поступил на исторический факультет МГУ как отличник. В студенческие годы — член ВЛКСМ (член ВКП(б) с 1943). В 1940 — комсорг истфака. Специализировался по кафедре истории СССР. 26 июня 1941 г. на заседании комитета комсомола был назначен комсоргом сводного батальона студентов исторического и механико-математического факультетов, направленного на строительство противотанковых рубежей на дальних подступах к Москве. С октября 1941 г. — доброволец, воевал в составе Отдельного истребительного батальона Красной Пресни, затем — в 8-м полку московских рабочих. Был ранен. В 1945 г. — консультант отдела агитации и пропаганды ЦК ВЛКСМ, с 1946 г. — зав. отделом журнала «Молодой большевик». В 1950—1976 гг. — научный сотрудник Института истории АН СССР. В 1967—1970 гг. — создатель и зав. сектором методологии истории. В 1977—1981 гг. — один из основателей и авторов диссидентского журнала «Поиск». С 1992 — президент научно-просветительского центра «Холокост». М.Я. Гефтеру посвящен сайт «Гефтер.ру».

Зевина в партийную организацию. Не с тем, чтобы его исключили из партии, а просто чтобы его вызвали и с ним поговорили, объяснили, что нельзя себя так вести, это не по-коммунистически. Я прочитала их заявление. Там было написано, что они сами его сняли, освободили от работы парторга, потому что он не только не выполнял роль вожака, но, более того, плелся в хвосте всей группы ребят — строителей оборонительных рубежей. Некоторые выполняли две, три нормы, большинство обязательно выполняли хотя бы одну норму, а Володя и полноры не выработывал. Кроме этого, ему инкриминировали ряд мелких проступков.

Так, например, он не курил, а махорку выдавали всем ребятам, не разбираясь, кто курящий, а кто нет. И вот, как мне рассказали, во время обстрела с воздуха все сидели в окопах, хотелось курить, но табака не хватало. Тогда они сказали Володе: «Ты же не куришь, так передай товарищам свою часть табака», а он отвечал на это такими словами: «Я не виноват, что вы курите, это вредно для здоровья. Я свой табак меняю в деревне на молоко, это полезно для моего здоровья».

Следующий факт, который они приводили в этом заявлении, касался обуви. Некоторые ребята, особенно те, кто перевыполнял норму, износили обувь; например, у Миши Булатова отваливались подметки, и он их подвязывал какими-то веревочками. У Володи в чемодане лежали свои личные новые ботинки, да и казенные были почти не ношены, потому что он даже норму не выполнял. Ему сказали: у тебя же две пары ботинок, отдай одну какому-нибудь товарищу! Сейчас осень, слякоть, дожди (в том году был холодный сентябрь). На это он тоже ответил отрицательно: «А я не виноват, я не собираюсь копать в своих ботинках»...

Казалось бы, мелкие факты. Тем не менее они характеризуют некоммунистическое, нетоварищеское отношение Зевина к своим курсникам. А ведь парторг должен быть примером для остальных. Эти доводы показались мне в тех условиях, безусловно, достаточными. В условиях войны дух товарищества нельзя было нарушать, а он — член партии, парторг, должен заботиться о младших товарищах-комсомольцах, он же, напротив, от них отгородился, противопоставил себя всем, как бы встал в стороне и свысока смотрел на ребят, которые старались выполнять свою работу.

Я говорю:

— Что же, передайте заявление, поскольку оно от имени всей группы идет, передайте. Кто у вас парторгом?

— А мы, — говорят они, — нарушили правила. Поскольку коммунистов не было, мы, комсомольцы, избрали Вовчика.

Андрей Вовчик¹ — мой однокурсник. Работал потом долгое время в Киеве, во Львове, заведовал кафедрой истории партии, доктор наук. У него есть интересные работы по истории пролетариата. Ребята его избрали партгоргом. Жизнь показала, что они правильно сделали. Ребята отдали заявление. А меня потом пригласили в партбюро, сказали:

— Твои однокурсники написали вот такое заявление.

Говорю:

— Я знаю. Они спрашивали моего совета, и я с ними согласна. Зевина нужно вызвать и поговорить с ним. Нужно внушить ему, что время сложное, что в наше время нельзя себя так вести, нельзя противопоставлять себя товарищам.

Я не была на партбюро, и все подробности мне стали известны от секретаря партийного бюро Эстер Герштейн². Дело было так, Зевина вызывали на партбюро факультета, а он не пришел. Его вызвали второй раз — он опять не пришел. Уже был конец сентября — начало октября, уже были слышны разрывы снарядов. Партийные собрания проводились быстро, за полчаса, самое большее на час, зато очень часто. Университет готовился к эвакуации, обсуждали разные дела, и каждый раз, докладывая о решениях партийного бюро, Герштейн объявляла, что персональное дело Зевина все еще рассматривается, но он пока не явился. На третий или на четвертый раз кто-то из коммунистов, уже взрослых людей (кажется, это был аспирант с кафедры истории политэкономии или философии), встал и возмутился, что партбюро не может заставить одного коммуниста прийти отвечать по вызову. Герштейн объяснила, в чем состоит дело, сказала, что его товарищи подали письмо с просьбой поговорить с Зевиным и внушить ему, что коммунисту нельзя так себя вести, особенно в такое сложное время. Герштейн добавила, что, хотя на заседание Зевин так и не пришел, он тем не менее зашел к секретарю для того, чтобы объяснить, почему он не является на партбюро. Он тогда сказал: «Я не могу прийти. Я не хочу идти на собрание, мне стыдно, что будут меня обсуждать». Тогда тот

¹ **Вовчик Андрей Пантелеймонович (Филимонович)** (1918, с. Трухово (г. Сталиногорск) Киевской обл. — ?). В 1937 г. поступил на исторический факультет МГУ по конкурсу. В студенческие годы — член ВЛКСМ. В начале войны работал в школе, затем служил в действующей армии. После войны — доктор исторических наук, профессор Львовского университета.

² **Герштейн Эстер Эммануиловна** (1905 — ?). Из служащих. Поступила на исторический факультет в 1934 г., была членом ВКП(б). В 1941 г. — аспирантка, зам., потом секретарь партийного бюро факультета. Эвакуировалась в Ашхабад, в 1942—1943 г. находилась на политической работе в госпиталях. После войны — доцент Саратовского государственного университета.

товарищ внес предложение — исключить. Все были наэлектризованы той обстановкой, которая сложилась в стране, и единогласно решили исключить Зевина из партии. Не за то, как он вел себя на строительстве, а за то, что он не хочет отвечать за свои поступки.

Позже я узнала, что в октябре Зевин эвакуировался вместе со своей матушкой. Его друг Хайцман объяснял это тем, что, мол, мать настояла, но я ему не верю. Воевать он и не собирался, эвакуировался куда-то на восток и там, не сказав, что на него было персональное дело, рекомендовался как член партии, бывший комсомольский работник. И где-то там, далеко в тылу, во время войны, когда лучшие люди были на фронте, его избрали секретарем какого-то провинциального райкома комсомола. Потом, когда наши войска ушли далеко на запад, его мама добилась, чтобы их вернули из эвакуации. Факультет он закончил еще в 1941 году — сразу же после строительства оборонительных рубежей сдал госэкзамены и получил аттестат. Его научным руководителем была академик Нечкина, а она всегда была очень настойчивой, когда дело касалось ее учеников. По возвращении она взяла его к себе в аспирантуру, потом он устроился в Высшую партийную школу.

В начале 50-х годов ко мне пришел Иван Шариков, который как раз перед арестом начал работать в партбюро Академии общественных наук. Иван рассказал, что Зевин готовится защищать у них докторскую диссертацию, и спросил, что у нас за дело было с Зевиным? Я ему рассказала, как было дело, и то, что мы Зевина исключили из партии по общему решению собрания. Как там было дальше (на более высоком уровне), прошло ли это дело через партком университета и какова была дальнейшая партийная судьба Зевина, я не знаю. Иван сказал, что в Академии общественных наук Зевин числится как член партии, и никто не знает, что на него было какое-то дело, и уж тем более о его исключении из партии. В итоге в Академии общественных наук был поставлен вопрос, его вызвали на заседание, но он пустил слезу, стал просить прощения, говорить, что на партком его никто не вызывал. Ему сказали, что он все равно должен был сообщить, что было такое дело, что низовая партийная организация его исключала, но в итоге все ограничилось тем, что ему поставили на вид.

Его мама во всем ему покровительствовала, везде его пробиwała, пользовалась тем, что она старый коммунист. Зевин после окончания Академии общественных наук при ЦК работал в ИМЭЛ, заведовал сектором Ленина, под его редакцией издавалось пятое издание собрания сочинений Ленина — очень почетное дело. Его даже как-то пригласили в Баку, там он был одним из секретарей бакинской партийной организации.

Могу добавить, что, когда он еще был секретарем комитета комсомола на факультете, к нему комсомольцы относились хорошо, но позже отношение к нему стало уже другое. Поэтому он избегал встреч со своими однокурсниками. Помню, мы устраивали встречу перед 20-й годовщиной Победы, собрались у меня, говорили, восстанавливали в памяти фамилии однокурсников, и в частности обсуждали, как быть с Зевиным. Решили его простить, все-таки столько лет прошло, написали ему приглашение, а он все равно не пришел на нашу встречу. Ему стыдно было. Те, кто с ним был в хороших отношениях до войны, все от него отвернулись, даже близкий друг Веня Спивак его осуждал за нетоварищеское отношение к однокурсникам и за то, что он не воевал, фактически дезертировал. Он не записался в ополчение. Говорил, что у него зрение плохое. Но ведь было плохое зрение и у того же Игоря Савкова¹, но он пошел в ополчение и погиб в Ржеве. И еще я могу назвать несколько фамилий студентов и преподавателей, которые, несмотря на какие-то болезни, явные или неявные, шли на фронт. Это сейчас можно рассуждать о правильности некоторых поступков, но тогда люди скрывали свои болезни и шли воевать за Родину.

Что касается зрения, такого рода пороки были у многих, и все равно ведь воевали. Толя Мамонтов² носил очки, был сильно близоруким человеком, но всю войну прошел, погиб в Вене накануне Победы. Такая была обстановка, такое было положение — люди рвались воевать, защищать Отечество. Меня тоже не сразу на фронт пустили, сначала я выполняла одно партийное задание, но потом все равно ушла на фронт, хотя могла остаться. Так что война расставила все на свои места и показала, кто есть кто: кто действительно коммунист, настоящий коммунист, а кто вступил в партию только для того, чтобы иметь

¹ **Савков Игорь Владимирович** (1919, г. Москва — февраль 1942, г. Ржев). В 1936 г. поступил на исторический факультет МГУ по конкурсу. Специализировался по кафедре истории СССР, ученик С.В. Бахрушина, сталинский стипендиат. В студенческие годы — член ВЛКСМ. Участник советско-финляндской войны. С начала июля 1941 г. — красноармеец 975-го артиллерийского полка 8-й Краснопресненской стрелковой дивизии народного ополчения (КнП, т. 11). При выходе из окружения попал в плен. Расстрелян в Ржеве за связь с местным подпольем.

² **Мамонтов Анатолий Владимирович** (1918, г. Абдулино Самарской губ. — 2.5.1945, г. Вена) — сын железнодорожника. В университете — сталинский стипендиат. По воспоминаниям однокурсников, был очень одаренным и необыкновенно способным к языкам. Строгий преподаватель латыни Н.И. Скаткин ставил его в пример другим его сокурсникам. Специализировался по истории Средних веков. По свидетельству сокурсника Н.М. Маркова, с начала войны был в истребительном батальоне. Затем окончил курсы переводчиков, служил по специальности. К концу войны был лейтенантом. Награжден двумя орденами Красной Звезды.

партийный билет. Может быть, Зевин и хотел быть членом партии, но коммунистом не был никогда, потому что ставил себя выше других товарищей, противопоставлял себя организации. А ведь я тоже к нему сначала хорошо относилась.

Мне очень хорошо запомнилась моя первая послевоенная встреча с Юрой Клокманом¹. Он был образцовым студентом, особенно по латыни. После войны я с ним встретила в нашей горьковской библиотеке. Я была поражена его видом — у Юры было сильно изуродовано лицо. Его жена Люба Фадеева² рассказывала, что он активно участвовал в овладении военными специальностями, был «ворошиловским стрелком», пулеметчиком, закончил аэроклуб. В университет поступил прямо из школы. У него всегда было очень милое молодое лицо. Но однажды на передовой он столкнулся в окопе лицом к лицу с немцем, началась рукопашная, и тот немец проткнул своим штыком его нос. Он не ослеп, но все лицо было изуродовано. Юра рассказал об этом ранении, а потом мы заговорили о Зевине, и он мне так сказал:

— Я, конечно, при встрече с ним удержусь от того, чтобы плюнуть ему в лицо, но руки ему не подам.

Юра Клокман окончил факультет и защитил диссертацию под руководством Георгия Андреевича Новицкого³. Тема его диссертации — полководец Румянцев. Он какое-то время работал в одном из издательств института истории и опубликовал там одну мою статью. После войны он прожил совсем недолго — 10 или 15 лет, оставил после себя вдову Любу Фадееву и двух детей — сына и дочь.

Мне бы хотелось рассказать обо всех однокурсниках, сказать о каждом, потому что все они были мне очень близки, я к ним относилась, как к младшим братьям. Потом, уже после войны, они окрестили меня мамой, за что я им, конечно, бесконечно признательна. Теперь все те, кто остался в живых, говорят, что они берут с меня пример: понимают, что не нужно хныкать, нужно жить, трудиться, работать насколько

¹ Клокман Юрий Робертович (1919, г. Одесса — 1960-е гг., г. Москва). В 1937 г. поступил на исторический факультет МГУ как отличник. В студенческие годы — член ВЛКСМ. Во время учебы получил 16 военспецальностей. Участвовал в боях на Юго-Западном фронте. Инвалид войны. После войны работал в Институте истории АН СССР.

² Фадеева Любовь Андреевна (1919, г. Москва — ?). В 1937 г. поступила на исторический факультет МГУ по конкурсу. В студенческие годы — член ВЛКСМ.

³ Новицкий Георгий Андреевич (6.8.1896, с. Михайловское Тульской губ. — 15.7.1981, г. Москва) — кандидат исторических наук, профессор, исследователь истории России XVI—XVIII вв. В 1939—1955 гг. — зав. кафедрой музееведения и краеведения, в 1947—1950 гг. — декан исторического факультета МГУ. В 1951—1958 гг. был директором НИИ музееведения Министерства культуры РСФСР.

хватает сил. К сожалению, обо всех, о каждом из них, я не могу сказать отдельно — это заняло бы слишком много места. Да и потом, я не всех хорошо помню и не о всех знаю. Недавно я получила письмо из далекой Сибири от Левы Шапиро¹. Он пишет, что ему прислали письмо Тамара Смирнова² и Кинкулькин³, предлагают всем оставшимся в живых организовать эпистолярное братство. Он послал несколько писем, но ответа так и не получил. Решил написать мне, поскольку мой адрес Тамара Смирнова ему прислала. Он мне написал, а я его с трудом вспомнила. Это был невысокого роста, немножко курчавый мальчик. Конечно, я его знала, он был у меня на учете как студент курса. Но ничего больше я о нем не смогла вспомнить. Некоторых я, напротив, хорошо знаю по студенческим годам, но не представляю себе их послевоенную судьбу.

Я обещала рассказать про Арчила Джапаридзе. Он однажды совершил очень нехороший политический проступок. Накануне войны в коридоре обсуждались очередные события, ход боевых действий в Западной Европе. После этой беседы, когда мы уже пошли в аудиторию, он вдруг поднял руку и крикнул: «Хайль Гитлер!» Сами же комсомольцы его осудили, исключили из комсомола, и только мы, партийная организация курса, настояли на том, чтобы его не исключали с факультета. У меня даже были неприятности в связи с этим: меня вызвали в партбюро факультета и спросили, почему я так действую, почему я, как коммунист, занимаю такую позицию. Я объяснила, сказав, что этот человек политически благонадежен, просто немножко безалаберный, что это нужно учесть, и достаточно того, что его исключили из комсомола. Говорила, что его не стоит исклю-

¹ Шапиро Лев Григорьевич (1918, г. Саратов — ?). В 1937 г. поступил на исторический факультет МГУ по конкурсу. В студенческие годы — член ВЛКСМ.

² Смирнова Тамара Михайловна (1918, с. Топовка — 2003, г. Москва). В 1937 г. поступила на исторический факультет МГУ по конкурсу. В студенческие годы — член ВЛКСМ. После войны — многолетний сотрудник института археологии АН СССР—РАН. Активно поддерживала связь с сокурсниками и помогала С.И. Антоновой в сборе материалов КБС.

³ Кинкулькин Альберт Тимофеевич (28.7.1917, г. Москва — 30.10.2009, г. Москва). В 1937 г. поступил на исторический факультет МГУ по конкурсу. В студенческие годы — член ВЛКСМ. В июле-августе 1941 г. — рядовой отдельного 76 арт. дивизиона, с августа по сентябрь — 975 а.п. 8-й Краснопресненской с.д. НО. 30.9.1941 был уволен по болезни. С конца 1941 г. — нач. штаба МПВО МГУ, комиссар студенческого батальона Красной Пресни. В 1942 г. — комиссар Трудового батальона (на лесозаготовках). С 1943 г. — преподаватель истории в МГУ и зам. главного редактора газеты «Московский университет». С 1950 г. — в АПН, кандидат исторических наук, член-корр. РАО. См. о нем: *Богданов В.П.* А.Т. Кинкулькин — выпускник исторического факультета МГУ // Преподавание истории и обществознания в школе. 2010. № 3. С. 3–9.

чать с факультета, он исправится, тем более что он глубоко раскаивается.

Когда в августе 1941 года я вернулась с лугов и зашла на факультет, мне сказали, что меня как бывшего парторга нашего курса разыскивает Арчил Джапаридзе. Арчил очень обрадовался тому, что я пришла, и стал меня просить, чтобы я за него поручилась. Но прежде он мне задал вопрос:

— Ты мне веришь, доверяешь?

— Конечно, верю, Арчил! — сказала я.

Правда, с легкой улыбкой. А он обиделся:

— Нет, серьезно. Это вопрос моей жизни и смерти, не улыбайся, пожалуйста, ты мне веришь?

— В чем дело?

Тогда он мне рассказал, что все ребята, товарищи записались кто куда, кто в ополчение, кто уехал на строительство оборонительных рубежей, а его, «здорового мужика», не берут, потому что он совершил тот проступок. И он себе никогда в жизни не простит, что он здесь, а товарищи там воюют... Все это он говорил в глубоком волнении со слезами на глазах, и я тогда ему сказала:

— Конечно, я доверяю, пойдем в партбюро, к Эстер Герштейн.

Она тогда была секретарем партбюро факультета. Мы пришли к ней, и она говорит:

— Очень хорошо, что ты пришла, я уже приготовила дополнительный список, — а основной был уже послан еще раньше в райком, — и я его включила уже, но хорошо, что ты пришла, у меня теперь есть полные основания включить его в список, раз уж ты поручаешься за него.

Так Арчил был включен в список ополченцев. Той осенью я о нем больше ничего не слышала. Только после войны я узнала из писем Николая Майорова¹, моего однокурсника, нашего поэта, что тогда же, в начале сентября, они вместе с Арчилом шли в те места, где сражалось наше ополчение (дорогу я сейчас точно не вспомню). Вскоре после войны, по-моему, в 1946 году, он демобилизовался. Я тогда жила на Арбате — звонок в дверь, я открываю и вижу — Арчил в военной форме, вся грудь в орденах и медалях. Я что-то хотела сказать, а он:

— Нет, подожди! Я вначале отрапортую!

¹ **Майоров Николай Петрович** (1919, с. Тхучи Симбирской губ. — 8.2.1942, похоронен в д. Баранцево Смоленской обл.). Знаменитый поэт. В 1937 г. поступил на исторический факультет МГУ по конкурсу. В студенческие годы — член ВЛКСМ. Красноармеец 1106-го с.п. 331-й с.д. (ЦАМО. Ф. 58. Оп. 818883. Д. № 483). См. также: *Майоров Н.П.* Письма к Ирине Пташниковой // Мы шли навстречу ветру и судьбе... С. 205–210.

Прямо в прихожей встал по стойке «смирно», приложил руку к головному убору и отрапортовал мне, на каких фронтах он бывал и какие заслужил награды.

О ком еще надо сказать, так это о наших отличниках. Они всегда были на виду у всего курса. Так, Витя Стрельников¹ получал повышенную стипендию, был первым с нашего курса сталинским стипендиатом. Очень способный студент и очень милый товарищ. Все на курсе относились к нему доброжелательно, старались на него равняться. Он не воевал — у него было очень плохое зрение и еще какое-то заболевание, поэтому он был полностью комиссован. Умер он в начале 80-х годов. У меня он остался в памяти, как хороший товарищ и примерный учитель. Сразу после окончания факультета Витя пошел преподавать историю, потом длительное время был директором школы, получил несколько разных званий, министерство просвещения посылало его за рубеж, в Болгарию. Там он тоже проработал довольно долго, ставил методическую работу в средней школе. После его пригласили работать в министерство просвещения. Там он был в комиссии по составлению учебника для средней школы и вел организацию методической работы с преподавателями и учителями. Когда я бывала у него в гостях, он рассказывал о своем критическом, резком отношении к учебникам под редакцией И.А. Федосова. Женился Витя на нашей истфаковке, моложе нас на два курса, Ане Гофман².

Из отличников наших надо, конечно, сказать еще о Германе Баумане³. Очень хороший студент, всегда отлично занимался. Покорял

¹ **Стрельников Виталий Михайлович** (1919, г. Кизель — 1980-е гг.). В 1937 г. поступил на исторический факультет МГУ как отличник. В студенческие годы — член ВЛКСМ. Был командиром 4-го взвода на строительстве оборонительных рубежей. В сентябре 1941 г. вступил в ряды народного ополчения. Однако вскоре вернулся и на фронте не был.

² **Гофман Анна** — студентка исторического факультета 1940 г. поступления.

³ **Бауман Герман Германович** (1920, г. Воронеж — 2001). В 1937 г. поступил на исторический факультет МГУ как отличник. В студенческие годы — член ВЛКСМ. С июля 1941 г. воевал в рядах 8-й Краснопресненской стрелковой дивизии народного ополчения (командир радиоотделения отдельного артиллерийского дивизиона). В начале октября 1941 г. участвовал в боях севернее реки Угра, был ранен. Машина, на которой эвакуировали Г.Г. Баумана, была обстреляна немцами и захвачена. В плену находился под вымышленным именем. Был в лагерях в Вязьме (откуда бежал, но был пойман), затем Барановичах, Молодечно, и около г. Бремена (Нидерланды), откуда бежал уже вторично. В 1944–1945 гг. в Нидерландах принимал участие в движении Сопротивления. После войны работал в советских органах репатриации в Голландии (г. Веймар). С 1947 г. на педагогической работе в различных школах. С 1966 г. работал в вузах. Доктор исторических наук, профессор педагогического института в Ростове-на-Дону, специалист по новой истории, переводчик. Автор двух книг воспоминаний: «Памятные годы» и «О чем не говорилось в сводках» (М., 1962).

ребят и девушек тем, что очень мало времени отвлекался на развлечения, всегда сидел в читальном зале, серьезно работал, при этом не был каким-то зубрилкой.

Преподаватели университета

Теперь я хочу рассказать о преподавателях исторического факультета, с которыми я познакомилась за годы учебы в университете.

На первом курсе лекции по истории первобытного общества у нас читал опытный педагог — Владимир Капитонович Никольский¹. Читал довольно интересно, однако сам был немного неуклюжий, неловкий человек. Всегда был чрезвычайно занят и ходил очень быстро. Видимо, эта быстрая ходьба и производила впечатление занятости. Кроме того, у него всегда было распахнуто пальто, а под мышкой — перегруженный разными бумагами портфель, который не запирался. Как всегда бывает в таких случаях, студенты охотно подшучивали по поводу его внешности. Но читал он увлеченно и, кажется, очень любил свой предмет. Дисциплина на его лекциях всегда была хорошая, тогда считалось неприличным разговаривать на занятиях. Бывало, что в большой аудитории (особенно в такой, как Коммунистическая или Ленинская, находившиеся в аудиторном корпусе) где-то на последних рядах собирались компании из тех, кому было неинтересно слушать, и обсуждали какие-то свои проблемы, но разговаривали, нагнувшись под стол, и даже такие «переговоры» случались не часто. Все же в основном лекции Никольского все слушали, хоть иногда и подшучивали над ним. Мне его лекции оказали большую помощь как введение в изучение истории, исторического процесса. Он обязательно требовал чтения и работ Энгельса, и работ Маркса, и другой литературы; знакомил с историей предмета, и это было полезно для нас.

Тогда же, на первом курсе, мы начали слушать курс политэкономии. Многие лекции читали по потокам — у нас курс делился на два потока,

¹ **Никольский Владимир Капитонович** (1894, г. Ярославль — 17.10.1953, г. Москва), ученый-этнограф, специалист в области изучения первобытного общества, доктор исторических наук, профессор. В 1912 г. поступил на историко-филологический факультет Московского университета. В 1918 г. был рекомендован М.Н. Покровским на должность преподавателя. Преподавал на факультете общественных наук, этнологическом факультете МГУ, после его реорганизации продолжил свою педагогическую деятельность в МИФЛИ, МГИАИ и некоторых других вузах. В 1934 г. возглавил Комиссию по истории доклассового общества в составе кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ. В 1943–1953 гг. — руководитель кафедры Древней истории МОПИ. В последние годы был одним из руководящих деятелей Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний.

я была во втором, но по политэкономии общие лекции были для всего курса. Первым преподавателем, читавшим лекции для всего курса, был довольно молодой человек — Нейман (имя-отчество не помню). Кажется, он читал введение в политэкономии. Но, по-моему, не очень удачно: не слишком уверенно, и у него явно не было четкого плана. Так что по содержанию этого курса осталось мало впечатлений.

Вскоре Неймана сменил Иван Дмитриевич Удальцов. Иван Дмитриевич читал (и весьма неплохо) специальный раздел политэкономии — «Капитал» Маркса и введение в него. Было интересно, тем более, что потом у нас был семинар по политэкономии, и на нем мы детально разбирали это произведение Маркса, это помогало хорошо усвоить курс.

Студенты к Ивану Дмитриевичу относились хорошо, хоть иногда и подшучивали по поводу его либерализма. Иван Дмитриевич не только читал нам лекции, но и был деканом нашего факультета (с конца осени или начала зимы 1937 года). Он был деканом и на первом, и на втором, и на третьем курсах моей учебы. Это был очень симпатичный лично для меня человек. В начале войны, когда он был членом партийного комитета университета, я с ним познакомилась более близко, и позже, после войны, когда он стал деканом экономического факультета в университете (во время войны у нас был создан экономический факультет), мы продолжали общаться.

Конечно, особенное, неизгладимое впечатление оставили лекции и семинарские занятия основной нашей профессуры — профессоров-историков.

Прежде всего следует рассказать подробно о моем впечатлении от лекций Владимира Сергеевича Сергеева¹ — он рассказывал об истории Греции и Рима. Читал он очень интересно. Владимир Сергеевич обладал особым даром лектора-импровизатора. Он так рассказывал нам историю Греции и особенно историю Рима, так говорил о царствовании отдельных императоров, что невольно в сознании рисовались какие-то картины: зал заседаний, Калигула вводит своего любимого коня в сенат... и многие другие. Пунические войны, слоны Ганнибала — все это захватило наше внимание.

¹ **Сергеев Владимир Сергеевич** (16(28).6.1883 — 8.1.1941, г. Москва) — советский историк Античности, профессор, зав. кафедрой древней истории МГУ и МИФЛИ в 1934–1941 гг. В 1936–1941 гг. работал также в институте истории АН СССР. Автор первых советских учебников по истории Древней Греции и Рима для университетов и педагогических институтов («Очерки по истории Древнего Рима», ч. 1–2, 1938; «История Древней Греции», 1939). Изучая крито-микенское общество, показал его раннерабовладельческий характер. Много внимания уделял изучению истории Римской империи. Государственная премия СССР (1942).

Я не владею даром речи так, чтобы передать красочное впечатление от этих лекций. Но, возможно, мне в этом поспособствует рассказ вот о таком эпизоде. В начале курса по истории Древней Греции и Рима мы знали, что учебника — нашего, советского — еще нет, но он пишется, и пишется самим Владимиром Сергеевичем. Однако в летнюю сессию нам предстояло сдавать экзамен по Древней Греции и Риму, и ребята, мои однокурсники, ну и, конечно, я сама, были озабочены — появится ли учебник до экзаменов? А так как заверениям, что учебник обязательно будет, мы не особо верили, ребята старались записывать все лекции. Я была старостой, и со мной постоянно делились опасениями, что учебника нет, а записывать за В.С. Сергеевым очень трудно, потому что он дает яркую картину, но не дает систематического изложения событий. В отличие, кстати, от Владимира Ивановича Лебедева¹ (о нем скажу ниже), лектора по истории СССР периода феодализма, рассказывавшего все в хронологическом порядке; главная цель В.И. Лебедева состояла в том, чтобы мы запомнили ход исторических событий и хорошо знали хронологию. Сергеев же на это упор не делал, он совершенно по-иному освещал историю. Так вот, ко мне приходили ребята, жаловались-жаловались, и я подумала как-то, что надо все-таки записывать — мало ли что, а лично у меня записывать лекции Сергеева не получалось.

Один раз я твердо решила, что пойду на лекцию и буду записывать все с первых же слов. Пришли в Коммунистическую аудиторию, где эти лекции читались, там горкой скамьи и столики, где записывать. Я выложила тетрадь, карандаш и приготовилась. Написала два-три предложения, а потом положила все на место, уже не трогала, потому что боялась пропустить хоть одну фразу (потому что, когда записываешь, все-таки отвлекаешься). Я боялась потерять впечатление от его образного изложения истории. И сказала себе: «Нет, не буду записывать». Мне хотелось сосредоточить все внимание на том, что я слышу, а также на том, что я вижу — даже его фигура на трибуне была живописна и интересна... Но я решила поговорить с Владимиром Сергее-

¹ **Лебедев Владимир Иванович** (24.10.1894 — 3.4.1966, г. Москва) — исследователь истории России с древнейших времен до XIX в. В 1918 г. начал преподавать историю в школах и на рабфаках. В 1934 г. стал одним из первых преподавателей исторического факультета МГУ. В 1938–1941 гг. зав. кафедрой истории СССР; в 1941–1953 гг. возглавлял на той же кафедре секцию истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в. В 1955 г. перешел на постоянную работу в МГИМО, оставаясь в течение многих лет председателем государственной экзаменационной комиссии исторического факультета МГУ. Был советником МИД СССР, будучи членом экспертной комиссии ВАК, членом правления Всесоюзного общества «Знание» и руководителем Секции отечественной истории этого общества, членом правления общества «СССР–Швеция».

вичем. Сама. Пользуясь тем, что я была старостой курса, что я старше своих однокурсников и когда-то работала в школе (все-таки имела какое-то отношение к преподаванию), во время одной из перемен я подошла к Владимиру Сергеевичу. Если вы видели Коммунистическую аудиторию, то вы знаете: когда поднимаешься по мраморной лестнице, справа и слева будет галерея с колоннами. Когда объявлялся перерыв, студенты не смели сразу подниматься со своих мест: они ждали, когда профессор выйдет (а выходил он как раз на левую галерею). Я вышла вслед за ним и обратилась:

— Владимир Сергеевич, вы меня извините, я к вам обращаюсь с таким разговором как староста курса; меня интересует ваш метод чтения лекций, может быть, потому, что я и сама успела когда-то приобщиться к преподавательской деятельности. Но ребята очень озабочены тем, будет ли учебник к сессии. И второй вопрос: как вам удается читать лекции так, что я не могу записывать, и мне не хочется их записывать, потому что вы так красочно рассказываете, что не хочется отвлекаться?

И он мне ответил на это так:

— Очень хорошо, что вы подошли, мне эти вопросы задали, я очень рад. На первый я вам отвечу так: успокойте ребят, учебник будет обязательно, сейчас уже сигнальный экземпляр вышел, и минимум за месяц-полтора до экзамена учебник обязательно будет. А что касается самих лекций, я считаю, что, во-первых, лектором не каждый может быть. Для того чтобы быть лектором — в студенческой аудитории, на публичной лекции, для какого-то доклада — нужно быть хоть немножечко, хоть капельку артистом. Видимо, только так. А что касается моих лекций, то я не ставлю перед собой задачи дать вам хронологию событий и их содержания — это будет в учебнике. Вообще, как мне кажется, это дело учебника, а не лектора. Моя задача — дать вам почувствовать аромат эпохи, — это выражение я хорошо запомнила. — Ввести вас в древнюю историю так, чтобы она не казалась вам чем-то затхлым, запыленным.

Я после этого, конечно, успокоилась и перестала пытаться записывать его лекции.

Экзамен я ему сдавала в кабинете древней истории, который был расположен на втором этаже (там у нас был и актовый зал, и кабинеты истории СССР, и древней истории). Я там много занималась. Там была великолепная заведующая кабинетом, Тамара Михайловна Шепунова, образованнейший человек. Была подобрана великолепная библиотека: я хорошо помню, что там были переводы и Аристотеля, и Платона, и Софокла, и многих других греческих авторов, были и подлинники,

но их читали, конечно, не мы. Со мной вместе часто занимался мой однокурсник Саша Немировский¹ — теперь это большой ученый, поэт и писатель. Несколько лет тому назад он по моей просьбе написал статью «Воспоминания об учителе». Его научным руководителем был Владимир Сергеевич Сергеев, и он написал статью для сборника о профессорах Московского университета. Он сделал это, конечно, с удовольствием. Я ему рассказала об этом эпизоде разговора с Владимиром Сергеевичем, и он включил в свою статью наш разговор.

Как я сказала, экзамен мы сдавали в кабинете истории древнего мира. Мне досталось два вопроса — Пунические войны и век Перикла. Учебник уже был, я с большим интересом готовилась к экзамену и как раз очень увлеклась почему-то именно Пуническими войнами. И, помню, что на экзамене я очень много рассказывала о Пунических войнах, а он слушал-слушал, потом улыбнулся и говорит:

— Ну, хватит! Что же вы мне все о войнах? Расскажите о веке Перикла.

Но и по этому вопросу не дал много отвечать, похвалил и отпустил. Так закончилось мое с ним личное общение. Он был очень ярким профессором нашего факультета. Может быть, в лекциях он привлекал еще и тем, что включал в них свои личные впечатления. Он много путешествовал, был, видимо, человеком достаточно обеспеченным. Считали, и, кажется, так оно и было, что он побочный сын Станиславского. Я не знаю, не пыталась вникать в его семейные отношения, обстановку. Но меня интересовали рассказы о его путешествиях, о том, как он бродил по Ватикану, изучал древности Рима, Греции. Он нам рассказал (и не только нам, на предыдущих курсах тоже об этом знали), что с одним своим товарищем он однажды решил поехать в Иерусалим, причем въехать в сам город они решили обязательно на белых ослах и с пальмовыми ветками. Якобы на последние деньги они купили себе белых ослов и торжественно въехали в Иерусалим, а потом им пришлось давать телеграмму в Москву, чтобы им прислали деньги на обратную дорогу. Вот такие вещи он включал в свои рассказы, и это очень оживляло их и сближало его со студентами, при

¹ **Немировский Александр (Самуил) Иосифович** (8.11.1919, г. Тирасполь — 8.2.2007, г. Москва). Из служащих, доктор исторических наук, профессор, специалист по истории древнего мира, автор многих научных и научно-популярных работ, а также нескольких поэтических сборников. В 1937 г. поступил на исторический факультет по конкурсу. В студенческие годы — член ВЛКСМ. Участник строительства оборонительных рубежей. Во время войны был тяжело ранен. С 1957 г. работал в Воронежском государственном университете, с 1965 г. — зав. кафедрой древнего мира и Средних веков, с 1968 г. — кафедрой истории древнего мира.

всем том, что студенты и так были восхищены его знаниями, его осведомленностью.

Тогда же по истории древнего мира читал лекции и Константин Константинович Зельин¹. Вначале К.К. Зельин нам показался полной противоположностью Сергеева — очень сухим человеком. Высокий, прямой — вся его фигура выражала строгость, исключительную собранность. Мы боялись его экзамена. В том числе потому, что учебника по его предмету тоже не было, а были стенографированные и отпечатанные на машинке лекции. Они хранились в кабинете в небольшом количестве экземпляров, и по этим лекциям помимо собственных записей мы должны были готовиться к экзамену. А еще мы боялись экзамена потому, что в лекциях давались царствования египетских фараонов, а годы их правления было страшно трудно запомнить. Я, конечно, старалась не поддаваться общему настроению, внешне храбрилась, но на самом деле, когда пошла на экзамен, просто тряслась от страха. Он мне задавал какие-то вопросы, я ему отвечала, что-то говорила, а про себя думала: «Боже мой, хоть бы он отпустил меня поскорее». Потом он меня остановил и спокойно говорит:

— Ну что ж, знаете, очень жаль, что сейчас у нас нет отметки «хорошо» (тогда были только «удовлетворительно» и «отлично»), правда, готовится какое-то новое правило. «Отлично» я вам поставить не могу, сами понимаете. Поэтому я поставлю удовлетворительную оценку. Может быть, вы потом когда-нибудь пересдадите.

Я ему, по-моему, даже сказала, что рада. Такая оценка была у меня единственной. Позже Константин Константинович не один раз говорил мне, чтобы я пересдала ему экзамен, но мне было не до возвращения к египетским древностям, предстояли другие экзамены и курсовые работы; больше всего он настаивал, когда я училась на следующем курсе в его семинаре. Семинар (а на эти семинары можно было записываться добровольно) он объявил по древней истории вообще. Меня привлекла в этом семинаре одна тема — «Положение рабов в Древней Греции по комедии Аристофана “Облака”». Когда на пер-

¹ **Зельин Константин Константинович** (25.3.1892 — 30.3.1983, г. Москва) — специалист в области истории древнего мира. После окончания в 1916 г. историко-филологического факультета Московского университета был оставлен при факультете для «подготовки к профессорскому званию». В 1918–1921 гг. преподавал в школе, затем (1921–1925) на рабфаке им. Артема, в 1926–1929 гг. — аспирант РАНИОН. По окончании аспирантуры — преподаватель ИКП. В 1934–1955 гг. — доцент (затем профессор) исторического факультета МГУ. Параллельно работал в ГПИ им. К. Либкнехта (1935–1938), в МГПИ (1944–1946) и в ИИ АН СССР. В 1952 г. перешел на постоянную работу в Институт истории (с 1968 г. — Институт всеобщей истории) АН СССР.

вом занятии он стал раскрывать характеристику тем, мы увидели другого человека, не такого, как на лекциях! Он раскрылся; рассказывал очень интересно о содержании тем докладов, которые могли быть переработаны в курсовое сочинение. В семинаре было человек 10–12, и шесть человек захотели эту тему! Он улыбнулся, когда все подняли руки. Говорит:

— Что же я буду делать, не положено так!

А мы в один голос стали его упрашивать и давать обещания, что мы будем каждый самостоятельно писать, не будем даже советоваться. И писали — каждый самостоятельно: кто-то выбрал философский аспект, кто-то экономический, кто-то художественно-литературный, все написали довольно интересные работы. Я избрала философско-экономический аспект, я тогда впервые в жизни читала Платона и Аристотеля и, конечно, Аристофана (его комедии). Получилось очень интересно. Некоторые доклады он заставлял нас читать, некоторые отметил. Отметил, в частности, и мой доклад как очень интересный и хороший. А после какого-то занятия он оставил меня и сказал шепотом:

— Пересдайте мне общий курс.

Позже, когда я вернулась из госпиталя во время войны, в январе 1945 года, мне нужно было восстановить зачетную книжку. Дело в том, что когда в 1941 году, в октябре, я уходила на секретную работу, связанную с обороной Москвы, нам было предложено уничтожить все документы, за исключением партийного билета и паспорта, которые мы сдавали в определенное учреждение. Позже их нам возвратили. А зачетную книжку я уничтожила. Было очень тревожное положение, казалось, что обязательно нужно выполнить это требование. И мне пришлось восстанавливать зачетную книжку.

Сделали мы так. Надежда Матвеевна Мымрикова¹ была инспектором учебной части и единственным организатором всего учебного процесса; образованная женщина, энергичная, строгая, за что некоторые ребята прозвали ее «мымрой». Она по памяти написала мне лист с теми отметками, которые у меня были, мы потом обсуждали этот список и установили, что действительно все было так. Мне нужно было подойти к каждому из преподавателей, кому я сдавала экзамены и зачеты, чтобы проставить подписи. Когда я подошла к Зельину и сказала ему об этом, он улыбнулся:

— Видите, я раньше говорил, что надо пересдать, и сейчас повторяю! Я не буду ставить подписи здесь.

¹ Мымрикова Надежда Матвеевна — в предвоенные и послевоенные годы инспектор учебного отдела.

Я говорю:

— Ради бога, дайте свою подпись под той отметкой, которая тогда была поставлена! Я не могу сейчас пересдавать.

Он, конечно, поставил мне подпись, а позже, перед началом моей работы на факультете, я отправилась в небольшое путешествие по Волге, и на пароходе встретилась с Константином Константиновичем. Он путешествовал на пароходе со своей женой. И опять он говорит:

— Ну что же вы, так и не пересдали...

— Константин Константинович, ну нельзя же, чтобы я сейчас пересдавала!

В общем, так мы и шутили на этот счет.

Лекции по истории СССР феодального периода, как я уже сказала, читал Владимир Иванович Лебедев. Он в это время заведовал кафедрой истории СССР — тогда была единая кафедра. Время было очень интересное. В курсе историографии ученые большое внимание уделяли этому периоду, шла дискуссия. Острая, оживленная, проходившая на кафедре в горячих, но дружественных спорах. Дискуссия касалась периодизации исторического процесса. В дореволюционном университете история делилась «по царям». В середине 30-х годов обсуждался вопрос о научной периодизации. Говорилось, что в основе исторического процесса лежит экономический фактор, история должна стать историей производителей экономических благ. Было принято следующее деление: история феодального общества, капиталистического общества и советского общества. Проблема рабства, как самостоятельного этапа, отпадала; а вот происхождение, генезис феодального общества — эта проблема тогда очень оживленно обсуждалась особенно в связи с работами Б.Д. Грекова¹ и С.В. Юшкова. Мы с этими дискуссиями были знакомы. Я ходила иногда на заседания кафедры, где шли эти споры. Помню выступления Грекова — он первое время, кажется, заведовал нашей кафедрой. Вообще первым заведующим кафедрой отечественной истории в 1934 году приказом ректора была назначена

¹ **Греков Борис Дмитриевич** (9.4.1882, г. Миргород Полтавской губ. — 9.9.1953, г. Москва) — крупнейший исследователь социально-экономической истории древней и средневековой Руси, один из создателей марксистской концепции русского феодализма, действительный член АН СССР, трижды лауреат Государственной премии СССР. С 1939 г. начал преподавать в МГУ, сохранив за собой руководство кафедрой в Ленинградском университете. В 1946 г. был избран академиком-секретарем Отделения истории и философии; в 1944–1946 гг. — директор Института истории материальной культуры, в 1947–1951 гг. — директор Института славяноведения АН СССР. Был депутатом советов разных уровней, в том числе Верховного Совета 2-го и 3-го созывов.

Анна Михайловна Панкратова¹. Потом в 1937 году она была сослана в Саратовский университет якобы за связь с тогдашним деканом Фридляндом². Она преподавала в Саратове до 1939 года, после была возвращена в Москву и была избрана членкором Академии наук. Когда я училась, заведующим кафедрой уже был Лебедев.

Все вопросы, связанные с программой преподавания истории, нас, конечно, интересовали. Мы хотели, чтобы программа была изложена более досконально, а Владимиру Ивановичу Лебедеву это, как мне кажется, не очень удавалось. Для него, возможно, это было довольно ново. Он формировался как ученый, как лектор. Еще не было новой периодизации истории и обоснования этой периодизации. Он часто сбивался на хронологическое изложение истории по эпохам князей. Хотя без этого, конечно, все равно нельзя было обойтись. Однако в основе все-таки должна была лежать периодизация в марксистском плане.

Владимир Иванович был человеком добрым, это чувствовалось в его отношении к студентам. Я бы даже сказала, что он на них смотрел ласковыми глазами; ездил к ним в общежитие на Стромьнку, когда его приглашали. Экзамен я ему сдала довольно легко, позже я с ним была в хороших отношениях. В середине сентября 1941 года мои однокурсники вернулись со строительства оборонительных рубежей на подступах к Москве. Я в это время часто встречалась с Владимиром Ивановичем, который с летней сессии был председателем экзаменационной комиссии. Некоторые ребята, вернувшись после строительства и до того, как ушли в армию, сдали госэкзамены. Им было предоставлено право сдать госэкзамены без защиты дипломных работ и возможность получить диплом. Владимир Иванович при встрече пригласил и меня сдавать. Я отказалась. Позже, когда я стала работать на факультете, мы с В.И. Лебедевым читали лекции по истории СССР в Высшей комсомольской школе. Ездили мы так: рано утром за мной на Арбатскую площадь заезжала машина, мы ехали на Кутузовский проспект, там иногда приходилось долго ждать, пока выйдет Влади-

¹ **Панкратова Анна Михайловна** (9.2.1897, г. Одесса — 25.5.1957, г. Москва) — один из крупнейших советских исследователей истории России XIX—XX вв. и проблем рабочего движения, организатор науки, академик АН СССР. В 1934—1937 гг. — зав. кафедрой истории СССР исторического факультета МГУ. В 1937—1940 гг. — профессор Саратовского гос. университета, зав. кафедрой истории СССР. Одновременно работала в МГУ и др. научных учреждениях Москвы. С 1940 г. — зам. директора (в 1942 г. — и.о. директора) Института истории АН СССР.

² **Фридлянд Григорий (Цви) Самойлович** (27.9.1897, г. Минск — 8.3.1937, г. Москва, похоронен на Донском кладбище) — советский историк, первый декан исторического факультета МГУ (1934—1936), отец писателя Феликса Светова.

мир Иванович, и мы ехали в Вешняки. Как лектор он не оставил о себе ярких воспоминаний, но о нем у меня сложилось впечатление как о хорошем человеке. Кафедрой он руководил, кажется, неплохо. Хорошо было то, что на кафедре разрешались дискуссии, споры. Это, вероятно, зависело от заведующего, а может быть, и от атмосферы, которая сложилась при декане — И.Д. Удальцове. Всегда была свободная дискуссия. Почему я это подчеркиваю? Потому что сейчас так называемые демократы от историков навязывают молодежи такое представление о советском периоде: все душилось, не разрешалась никакая свобода мысли — неправда. Я на этом примере дискуссии о генезисе феодализма говорю: была свободная, широкая дискуссия.

Яркие, хорошие воспоминания остались у меня от семинара по истории СССР, который вел в моей группе Сергей Владимирович Бахрушин¹. Мы знали, что Бахрушин — из известной семьи купцов. Бахрушинский театральный музей основан его дядей. Сам Сергей Владимирович в 1915 году был избран в городскую думу от купечества и тогда же был избран приват-доцентом Московского университета. Что меня в нем подкупало, почему он мне сразу стал приятен и интересен? Его искренняя любовь к истории. Казалось, что для него не существует ничего, кроме истории, исследования исторического процесса. Интересна была даже сама внешность Сергея Владимировича: высокий мужчина, в возрасте — ему тогда было под 60 лет; я хорошо помню, что с первых дней я увидела в нем очень приятного, симпатичного человека — круглое русское лицо; темные волосы с проседью, стоящие бобриком; густые, черные и тоже немного с проседью брови; глубоко сидящие, но довольно крупные темно-синие глаза, по-детски добрые. Когда он смотрел, разговаривал с тобой, то было видно, что он очень увлеченный наукой ребенок.

Он вел у нас семинар по периоду феодализма. Было много докладов. В частности, мы много говорили о крещении Руси (мы знали, что у него на эту тему недавно вышла статья). Я всегда была склонна к тому, чтобы заниматься социально-экономической историей, потому взяла тему «Социально-экономическое положение Киевской Руси» по «Русской Правде». О смердах, холопах и прочее, прочее. Для меня «Русская Правда» стала первым источником, с которым я познакомилась и который изучала, и меня это заинтересовало. Один раз, обра-

¹ **Бахрушин Сергей Владимирович** (26.9(8.10).1882, г. Москва — 8.3.1950, г. Москва) — русский советский историк, член-корр. АН СССР (1939), действительный член АПН РСФСР (1945). Представитель знаменитой московской предпринимательской династии. Крупный общественный деятель, возглавлял Союз русских городов в годы Первой мировой войны.

тившись к Сергею Владимировичу с вопросом, как понимать какое-то определение, я увидела, что он рад со мной разговаривать. Его интересовали такие отношения со студентами, когда студент приходит, спрашивает. Он был готов рассказывать и рассказывать. Потом я часто к нему обращалась с разными вопросами, и получилось, что у нас с ним были своего рода консультации по моему докладу. Когда я написала доклад и показала черновик, он сказал:

— Можете переписывать и, пожалуйста, принесите мне.

Дал свой адрес — он жил на Старом Арбате, и я ему понесла этот доклад. Он мне открыл дверь, одетый в черный сатиновый халат, на голове — узбекская тюбетейка. Провел через узкий коридорчик в большую комнату, заставленную стеллажами с книгами, как в большом книгохранилище. Потом он отдал доклад и хорошо отозвался о нем.

Семинар проходил очень интересно. Сергей Владимирович любил, когда кто-то высказывался, задавал вопросы, и всегда с большим увлечением на них отвечал, обсуждал доклады. Были, конечно, и некоторые моменты, которые вызывали смешки: Сергей Владимирович очень любил обращаться к студентам в споре, используя слово «голубчик». Со мной рядом сидел Андрей Гусев, а с Гусевым — Голубчик¹ (фамилия у него была такая). Гусев — довольно плотный молодой человек, а Голубчик — шупленький. Так вот, он всегда вскакивал, когда Сергей Владимирович говорил, обращаясь к кому-то «Голубчик, да вы...». Голубчик каждый раз подскакивал, и все, конечно, смеялись.

Позже Сергей Владимирович объявил спецкурс по истории России XVI–XVII веков, я на него записалась и прослушала курс великолепных лекций. Он в то время активно интересовался историей культуры, но, пожалуй, главным его интересом в то время и после войны был XVI век, в частности, реформы Ивана Грозного. Я помню, уже после войны на каком-то ученом совете в актовом зале на Герцена я слушала его доклад как раз о реформах Ивана Грозного. Докладу было предпослано небольшое вступление. Он сказал:

— Я еще не марксист, должен прямо сказать. Но я стараюсь овладеть марксизмом. Я вижу в марксизме-ленинизме положительные стороны методологии изучения истории, поэтому в моем докладе можете заметить, когда я стараюсь применить этот метод к анализу эпохи Ивана Грозного, в частности, реформам.

¹ Голубчик Мотель (Дмитрий) Фраимович (Федорович) (1918, Кародич Киевской обл.). Из служащих. В 1937 г. поступил на исторический факультет по конкурсу. В студенческие годы — член ВЛКСМ. За несколько дней до начала войны досрочно сдал экзамены и уехал в родной г. Коростень. Больше сведений о нем нет.

Говорят, что 22 июня 1941 года в актовом зале, где я была сразу же после известия о войне, стихийно возник митинг. И на этом митинге выступал с речью Бахрушин. Я с ним встретила в сентябре, когда приходила на факультет. В это время я училась на вечерних курсах медсестер, а работала заместителем директора одной профессиональной технической школы на Красной Пресне. Там я преподавала историю. После занятий я обычно приезжала на факультет. Встретила один, второй раз с Сергеем Владимировичем и, по-моему, на третий раз он со мной стал настойчиво разговаривать по поводу госэкзамена: «Ну почему вы не хотите сдавать госэкзамен?» Я ему опять ответила: «Кому это нужно сейчас?!» Он мне говорил, что мало ли что может быть, вдруг нужен будет диплом. Я сказала, что получать диплом — мое личное дело. Сейчас, когда развернулась война, не до личных дел. Меня беспокоит и волнует судьба страны, я готовлюсь идти на фронт. Видимо, на самом деле он и хотел получить от меня ответ вроде этого. С полминуты он помедлил, его красивые голубые глаза налились слезой, а потом он сказал:

— Вы знаете, я вас очень хорошо понимаю и очень сочувствую. Можете поверить, если бы я был моложе, я бы тоже пошел в ополчение.

Это я запомнила на всю жизнь.

Потом мы вместе работали на одной кафедре. Он был очень дружен с К.В. Базилевичем¹, который читал общий курс истории СССР периода феодального общества на первом потоке. Я помню, когда в 1950 году Базилевич внезапно умер, Сергей Владимирович плакал. А через пять дней сам умер так же внезапно. К сожалению, на панихиду мне не удалось приехать, но мне рассказывала Н.М. Мыркова, что когда о смерти Бахрушина узнала Анна Михайловна Панкратова, то кричала и плакала навзрыд, как это обычно бывает в деревнях. Они очень сдружились во время эвакуации. Анне Михайловне тогда было поручено написать учебник по истории СССР, и она писала его в соавторстве с Базилевичем и Бахрушиным. Я знала, что они оба были очень благодарны ей за то, что вместе работали.

¹ **Базилевич Константин Васильевич** (24.5.1892, г. Киев — 3.3.1950, г. Москва) — исследователь русской истории XIV–XVII вв., лауреат Ломоносовской премии. Из семьи военного педагога. Учился на историческом отделении ФОНа МГУ (окончил в 1922). В 1922–1929 гг. — н.с. ГИМа, в 1929–1935 гг. — НИИ связи и Инженерно-технической академии связи. В эти же годы принимал участие в работе ИИ РАНИОН. В 1936–1950 гг. — ст.н.с. сектора истории СССР до XIX в. и военно-исторического сектора ИИ АН СССР. С 1935 г. до конца жизни — профессор кафедры истории СССР исторического факультета МГУ. В 1939–1950 гг. постоянно читал лекции по отечественной истории в ВПШ при ЦК КПСС.

Чтобы рассказать все, что у меня осталось из воспоминаний о Бахрушине, нужно перешагнуть через период войны. Когда я вернулась из госпиталя, я встретила с Сергеем Владимировичем, во-первых, для того, чтобы сдать ему экзамен по истории культуры, который у меня не было времени сдавать в начале войны, и потом у меня был к нему важный разговор об одном студенте. В январе 1945 года на улице Грановского я повстречала выпускника курсом старше меня, Ольшанского¹. Я знала о том, что он ушел в ополчение, и на этой почве мы с ним вели беседу. Конечно, я его расспрашивала о том, что с другими нашими однокурсниками, и он сообщил мне новость, что якобы в полевом фашистском лагере услышал голос своего сокурсника, Игоря Савкова (тот тоже ушел в ополчение), передававший на русском языке приказ немецкого лагерного начальства. Продвинувшись сквозь толпу вперед, он увидел, что вещает действительно Игорь. Я сразу сказала, что не могу в это поверить. Он начал мне рассказывать в подробностях, что он с кем-то из других заключенных протиснулся к Савкову и стал с ним разговаривать: они хорошо знали друг друга, Ольшанский был старше Савкова. Он якобы ответил так: «Положение было безвыходное, я вынужден был согласиться на роль переводчика». На предложение вместе бежать из лагеря Савков сказал: «Я не могу, но вам окажу содействие в этом». Много лет спустя этот разговор вновь возник, когда мы создавали доску погибших, и там должна была быть фамилия Игоря Савкова. Его однокурсники тоже знали этот слух, и я с ними разговаривала о том, как быть. Мы вместе решили, что, поскольку жене Игоря было прислано извещение о том, что он пропал без вести (у нас таких было очень много; и было общепризнано, что большинство из них погибли), мы оставим Игоря на доске. Когда я их вновь спрашивала про мнение Ольшанского, они сказали, что он отказался от всего, что стгоряча наговорил. Мне он произнес такую фразу: «За что купил, за то и продаю».

Почему я связываю это с Бахрушиным? Когда я шла на встречу, то хотела с ним поговорить и по этому поводу. Игорь Савков был любимым учеником Бахрушина, все мы об этом знали. Они дружили когда-то домами: Бахрушин бывал в гостях у отца Игоря (крупного врача). Более того, была известна и чрезвычайно высокая оценка Ба-

¹ **Ольшанский Илья Михайлович** (1908, г. Козиново Козловского у. Казанской губ. — ?). В студенческие годы — член ВЛКСМ, затем ВКП(б). В 1936 г. по конкурсу поступил на исторический факультет МГУ. Специализировался по кафедре Новой истории. В начале войны вступил в ряды народного ополчения. Попал в плен и бежал. После войны — преподаватель Казанского университета.

хрушиным дипломной работы Игоря; он ее назвал настоящей кандидатской. Бахрушин сказал, что он слышал слух о предательстве Игоря (в рассказе Ольшанского отказ бежать выглядел предательством), но он этому не верит, не может поверить и не поверит, пока его в этом «не убедят документы, которых быть не может, так как Игорь не мог быть предателем». После выяснилось, что он не только не был предателем, но и был активным антифашистом, за что его расстреляли.

Еще до войны (кажется, это было в 1938 или 1939 году), в актовом зале на улице Герцена, в доме № 5, где размещались основные кафедры и деканат нашего факультета, делал доклад Георгий Сергеевич Кара-Мурза¹, известный китаевед (он читал у нас историю Китая). Тему доклада я сейчас точно не вспомню (видимо, о преподавании истории Китая или какой-то проблемы из истории Китая), но очень хорошо помню ту часть доклада, где он говорил о необходимости построить программу исторического факультета так, чтобы одновременно изучать и историю Запада, и историю Востока. А то у нас, по его словам, дисциплина называется «Новая история», а изучается только история Запада. А Восток проходят отдельно — как будто бы для всеобщей истории, как единого целого, история Востока имеет прикладное значение. На самом же деле, как он говорил, если сравнивать развитие Запада и Востока, то последнему должно быть отдано приоритетное значение, потому что тогда, когда на Востоке уже была своя культура, Запад находился на задворках цивилизации.

Это выражение Г.С. Кара-Мурзы «Культура Запада была на задворках восточной культуры» я запомнила на всю жизнь. Понимание особенности восточной культуры, то, как он объяснил это понимание, может быть, и обусловило то, что я из всей когорты наших блестящих преподавателей наиболее теплые чувства испытала к Георгию Сергеевичу Кара-Мурзе. Он показал себя как человек, которому очень близка восточная культура. Он настолько вник, вошел в чужую культуру, что она стала для него родной. Он всегда рассказывал о ней с большим энтузиазмом и теплотой. Я не буду говорить о всех его лекциях. Но не рассказать о завершающей лекции по нашему курсу — о последних годах жизни Сунь Ятсена — не могу.

¹ **Кара-Мурза Георгий Сергеевич** (23.5.1906, г. Москва — 22.8.1945, недалеко от Ваньмяо) — историк-китаевед, профессор (1935). Выпускник Московского института востоковедения. С 1932 г. — преподаватель, в 1935–1938 гг. — профессор МИВ; в 1939–1941 гг. — профессор МГУ, ст.н.с. ИИ АН СССР. С началом войны — инструктор политотдела 8-й Краснопресненской с.д. НО. Погиб на Забайкальском фронте. См. о нем: *Тодер Ф.А.* Фронтовые письма Георгия Сергеевича Кара-Мурзы // Мы шли навстречу ветру и судьбе... С. 559–562.

Георгий Сергеевич очень волновался, его волнение переросло в какой-то горловой спазм, глаза увлажнились. Закончил говорить он уже буквально со слезами, резко оборвал лекцию и убежал. Все мы были потрясены эмоциональным рассказом. Сидели не шелохнувшись и даже не успели похлопать, хотя мы знали, что это его последняя лекция у нас. Георгий Сергеевич выбежал через выход, который был ближе к кафедре, возможно, он все-таки услышал наши аплодисменты, когда поднимался на второй этаж. Я тогда была старостой курса, и мы решили, что лектора обязательно нужно поблагодарить от имени всего курса. Побежали на кафедру, а его уже и там нет. Зато была лаборантка, пожилая женщина, тоже очень интересный, образованный человек. Когда мы объяснили, в чем дело, она вздохнула:

— Раз последняя лекция, то все ясно. То-то он сюда влетел, схватил шляпу и убежал, не сказав ни слова. Так его лекции каждый раз заканчиваются — он очень переживает, когда рассказывает о смерти Сунь Ятсена и о его завещании: дружить со страной Советов, изучать Ленина...

Рассказы Кара-Мурзы накладывались на наше романтическое восприятие Китая. Что там тогда происходило! Революция! Романтика! Такие герои! Мы знали, что Сяо — поэт. Потом я узнала, это псевдоним, а его настоящее имя было другим, «сяо» же означает «маленький». О Лу Сине я также знала только понаслышке. Знала, что он был демократ. Но это все современность. Китайская древность была нам известна только по картинкам и всегда казалась очень загадочной. А с другой стороны, мы знали китайцев. Когда я была студенткой, мы ездили из общежития отдавать постельное белье в стирку в китайскую прачечную на Красной Пресне. Мы были знакомы с этими китайскими мужчинами — рабочими, которые стирали наше белье. Необычным казалось то, что все домашние работы, которые у нас принято считать женскими, там выполняют мужчины — стирку белья, в значительной степени уход за детьми — все это обязанности мужчин. Женщины не должны в этом участвовать — они рожают детей, и их участь в этом отношении считается такой трудной, что они освобождаются от тех работ, которые у нас расцениваются как обязательные.

Лекции по отечественной истории для первого потока читала Милица Васильевна Нечкина¹, тогда она, по-моему, уже была членом-

¹ **Нечкина Милица Васильевна** (24.2.1899, г. Нежин Черниговской губ. — 16.5.1985, г. Москва) — специалист по истории России XIX в. и движения декабристов, общественно-революционного движения, доктор исторических наук, профессор, академик АН и АПН СССР, лауреат Государственной премии СССР. Одна из первых профессоров (1935) исторического факультета МГУ, где проработала более 20 лет на кафедре истории СССР.

корреспондентом Академии наук. В общем, была на виду у всех студентов исторического факультета. В студенческие годы Нечкину я знала мало: только видела издали, рассказы студентов о ее лекциях слышала, но никогда не завидовала им, потому что у нас у самих был такой замечательный лектор, как Николай Михайлович Дружинин¹. Лекций Нечкиной я никогда не слышала (но потом много раз присутствовала при ее докладах). Я представляю себе ее лекции из личного наблюдения за тем, как она читала свои доклады, из рассказов однокурсников с первого потока, которые слушали ее лекции, и студентов других курсов — и понимаю что эти лекции были яркие, насыщенные интересными картинками, образами исторических деятелей. У меня создалось впечатление, что она красиво читает историю.

Нечкина в то время много занималась исследованием творчества Чернышевского. Она занималась им и позже, уже когда я сама начала работать и узнала ее поближе. Я хорошо помню, как она делала доклады о революционной демократии середины XIX века по материалам архива, полученного из Чехословакии (после войны некоторые русские архивы, в частности по революционной демократии, снова попали к нам). Она рассказывала об этих архивах, и мне особенно хорошо запомнилась одна записная книжка, которая оказалась в ее распоряжении. Эта записная книжка, кажется, принадлежала Огареву. В ней были перечислены фамилии членов нелегальной революционной организации, среди которых значилось имя Константина Крупского, офицера царской армии, и ясно было, что это отец Надежды Константиновны Крупской.

Вообще Нечкина много занималась этими проблемами. Я хорошо помню, что в ее спецсеминаре училась и защищала дипломную работу Лиза Шамшикова², об этом вспоминала и сама Нечкина. Лизу интересовала сама личность Чернышевского и вопрос: он ли написал листовку, обращенную к крестьянам — «К топорю зовите Русь».

¹ Дружинин Николай Михайлович (13.1.1886, г. Курск — 8.8.1986, г. Москва) — исследователь истории России XIX в., академик АН СССР (1953, член-корр. с 1946 г.), дважды лауреат Государственной премии СССР. Активный участник революционного движения. Закончив в 1911 г. юридический факультет, поступил на истор.-филолог. факультет Московского университета. В 1918 г. как лучший студент был оставлен в университете «для подготовки к профессорскому званию». В 1930-х гг. преподавал на историческом факультете МГУ, профессор кафедры истории СССР.

² Шамшикова Елизавета Александровна (1917, г. Белев Тульской губ. — 27.12.1941, д. Беседино, под г. Белевым Тульской обл.) — кандидат в члены ВКП(б). Специализировалась на истории СССР. Окончила пулеметную школу, работала инструктором пулеметного дела. В июле-августе 1941 г. училась на курсах медсестер, добровольно ушла в РККА. Погибла, охраняя тяжелораненых, которых нельзя было эвакуировать. Посмертно награждена орденом Красной Звезды.

Мне пришлось столкнуться с М.В. Нечкиной в ходе одной неприятной ситуации, уже после того, как я стала работать на историческом факультете. Связано это было с вопросом о кадрах на нашей кафедре. Тогда я узнала такую неприятную черту ее характера — самолюбие. Она настойчиво, вплоть до озлобления, пробивала своего студента, а потом аспиранта. Я тогда замещала заведующего кафедрой истории СССР (в то время она была единой), которым в начале 50-х годов был Аркадий Лаврович Сидоров¹. Поэтому многие вопросы, даже организационного характера, падали на мои плечи. А в данном случае речь шла о кадрах. Вопрос стоял очень остро (впрочем, как и всегда): кого из молодых оставить на кафедре. Аркадием Лавровичем было принято такое направление (и кафедра его в этом отношении поддерживала): принимать главным образом тех молодых сотрудников, кто прошел войну (тогда через аспирантуру, через студенческие спецсеминары было подготовлено много достойных молодых людей).

Я хорошо помню тот момент, когда встал вопрос о ее ученике (его фамилию я называть не буду, он жив, здоров, работает на факультете), моя точка зрения была такова: молодой человек окончил факультет, сразу после этого поступил и окончил аспирантуру, так же как и другие люди, которые, как и он, окончили факультет, закончили аспирантуру и защитили диссертацию. Но у них за плечами большой опыт, такая школа жизни, как война. Поэтому я считала, что в первую очередь надо принять этих людей. Такое у меня было убеждение, и я была готова всячески его отстаивать. Вообще, молодые люди, которые пришли в университет со школы, сразу после учебы оказались в аспирантуре, должны были несколько лет, три-четыре года, поработать,

¹ Сидоров Аркадий Лаврович (8.2.1900, г. Починки Лукояновского у. Нижегородской губ. — 11.3.1966, г. Москва). Исследователь отечественной истории XX в., доктор исторических наук, профессор. Из крестьянской семьи, член РКП(б) с 1920 г. Завершил образование в Институте красной профессуры (1924–1927) на отделении истории в семинаре М.Н. Покровского. С конца 30-х гг. вел большую административную и научно-организационную работу в Институте истории АН СССР: в 1937–1941 гг. — ученый секретарь, зав. сектором, в 1952 г. — зам. директора, в 1953–1959 гг. — директор. В 1948–1949 гг. — зав. кафедрой в МГИМО. Воевал в рядах народного ополчения, став бойцом коммунистического батальона (потом — 3-я Московская коммунистическая дивизия). В должности старшего политрука участвовал в боях под Москвой, на Калининском и Западном фронтах. Дважды тяжело ранен. С мая 1942 г. — в резерве Главного Политуправления РККА, направлен в Комиссию по истории Великой Отечественной войны при Президиуме АН СССР. В 1943–1945 гг., как сотрудник, а затем руководитель отдела (сектора), выезжал для сбора материалов в войска Западного, Степного, Юго-Западного фронтов, в Харьков, Германию и Чехословакию. С 30-х гг. — сотрудник исторического факультета МГУ: в 1949–1959 гг. — зав. кафедрой истории СССР, в 1948–1952 гг. — проректор по гуманитарным факультетам МГУ. Награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны II ст., Знаком Почета и др.

получить практический опыт. И к данному молодому человеку это подходило лучше всего: нужно было направить на работу, в школу или в какой-то другой вуз, но не оставлять сразу же на факультете. Может быть, я была не во всем права, но до сих пор считаю, что моя позиция была верной. И я очень была удивлена, когда Милица Васильевна чуть ли не прибежала на факультет и искала со мной встречи, чтобы крайне раздраженно высказать мне недовольство такой моей позицией. Я пыталась возражать ей, пыталась сказать, что это мое мнение, а не решение заведующего кафедрой или деканата, и они могут высказаться по-другому. Но она, видимо, была уверена, что главная в решении этого вопроса — я, и высказала мне свое недовольство.

Причем я от нее такой формы раздражения никак не ожидала. Лекции она всегда читала красиво, приятным, хорошо поставленным голосом. Некоторые читают увлекательные лекции и доклады делают неплохие, но так, что их очень трудно слушать по разным причинам. А ее было слушать легко, интересно. И этому очень способствовала правильная постановка голоса. Но вдруг я услышала от нее крайнее раздражение. Куда девалась эта хорошая постановка голоса? Она срывалась на крик, чем бесконечно меня удивила. Конечно, она настояла на том, чтобы тот товарищ остался на факультете, но это ее дело. Милица Васильевна говорила о нем, что он талантливый человек, чуть ли не гений. Впрочем, я этого за ним особенно не наблюдала.

Нет, конечно, он способный, очень трудолюбивый человек: пишет книги, выпускает их, умеет организовать издание сборника, все это у него есть. Но, к несчастью, есть у него карьеристская жилка. Заложена то ли семейным воспитанием, то ли Милицей Васильевной, которая могла ему ее привить своим поведением (отстаиванием своих учеников во что бы то ни стало)... Мне не нравилось в нем низкопоклонство перед вышестоящими: иногда он со мной расшаркивался, даже потом, после этого скандала, когда стал преподавать, в обе руки брал мою ладонь, нагибался, каблучками хлопал. Я ему потом как-то сказала: «Зачем вы так сгибаетесь? Я же обычный человек, здоровайтесь со мной, как с другими здороваетесь!» Зато потом, когда он стал в силе, он мне изрядно отплатил за мою непримиримую позицию в деле подбора кадров. Но это не суть важно, мы говорим о Милице Васильевне.

Она сочла возможным со мной (конечно, ведь в «табели о рангах» я стояла намного ниже ее по общественной лестнице) позволить себе такую выходку, такое раздраженное поведение. А однажды в Институте истории, на очередной конференции по историографии, я увидела ее в другом амплуа. Это было отношение к другому человеку, близко стоящему к Центральному комитету партии. Была дискуссия, и на ней

присутствовал недолго бывший у нас на кафедре Гапоненко¹. В поисках более престижной должности он ушел в Институт истории, но и там не пришелся ко двору — многие сотрудники прозвали его за строптивость, за его желание выдвинуться, сделать себе блестящую карьеру, Гапоном. В то время, когда проходила конференция, он заведовал кафедрой истории СССР в Академии общественных наук при ЦК. И держался весьма вальяжно, всем давал понять, что он высокий пост занимает, при самом ЦК партии. Он выступал на этой конференции менторским тоном, пытался делать обобщения, заключения...

А вела эту конференцию Милица Васильевна, потому что она заведовала сектором историографии в Институте истории. Мы сидели с одной женщиной, которая работала в Институте истории, и посмеивались над этим Гапоном, мы-то ему цену знали. Но удивительно было заключение Милицы Васильевны. Она сказала примерно так: «Я благодарю всех, здесь были высказаны очень хорошие пожелания, но особенно (и наклоняется так), особенно я благодарю, и мы все должны поблагодарить товарища Луку Степановича Гапоненко за его руководящие указания». Я даже подскочила на месте и говорю своей соседке: «Как это, что это такое? Это что она, шутя, что ли, говорит? Насмешливо?» А соседка в ответ: «Ничего подобного, она такая, эта Милица Васильевна». Я говорю: «Да не может быть: что же она, академик, перед этим Гапоном распинается!» — «А вот так, потому что он при ЦК». Она беспартийная была, хоть и академик. Вот такой она была — Милица Васильевна. Но, возможно я слишком строго ее сужу. Я выхватила из большой интересной биографии ученого, лектора и педагога именно эти черты характера. Но иначе мне бы совсем не стоило говорить, потому что произносить только похвальные слова в ее адрес было бы необъективно.

¹ Гапоненко Лука Степанович (1916–1996) — доктор исторических наук, заслуженный деятель науки РСФСР. Призван в действующую армию в октябре 1941 г. из Орловского обкома партии, где работал лектором отдела пропаганды. С ноября 1941 г. — инструктор пропаганды стрелкового 1090-го полка 323-й стрелковой дивизии 10-й армии, которая формировалась в Тамбове. Армия вступила в бой в первых числах декабря 1941 г. на левом фланге Западного фронта. После гибели комиссара в декабре 1941 г. назначен комиссаром полка. В январе 1942 г. в битве за Москву был тяжело ранен. После госпиталя назначен старшим инструктором политотдела тыла армии. С июля 1942 г. — батальонный комиссар, лектор политотдела 16-й армии (в 1943 г. — 11-й гвардейской армии). С 1943 г. — гвардии майор, там же в 1943 г. второй раз ранен и контужен. В 1944–1945 гг. — гвардии подполковник, инспектор политотдела. После демобилизации в 1946 г. поступил в аспирантуру Академии общественных наук. Оставлен на преподавательской работе; одновременно был заместителем директора Института истории СССР АН СССР; в 1971–1987 гг. в АОН — зав. кафедрой, Награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны I и II степени, Дружбы народов, медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За оборону Москвы», «За взятие Кенигсберга» и др.

На втором курсе по истории Средних веков нам читал лекции Сергей Данилович Сказкин. Он был тогда членкором, а позже был избран академиком. Гораздо лучше я его узнала уже после окончания университета. Кто-то еще, может быть, даже какие-то крупные ученые читали у нас лекции на втором и третьем курсе, но они не все запомнились. Возможно, тогда они и производили впечатление, но время все сгладило. А может быть, в памяти лучше сохранились те люди, с которыми я позже работала на факультете, с которыми мне приходилось сталкиваться, так или иначе сотрудничать, а с некоторыми даже дружить — конечно, я их помню лучше. Видимо, так же было и с Сергеем Даниловичем. Я помню, что он нравился всем студентам, все говорили, что он интересно читает лекции — очень спокойно, равномерно, хорошо поставленным голосом, без особенного пафоса. Речь его была умна, хорошо отработана, а может быть, у него от природы был дар лектора такого склада. Показательно также следующее (и это было характерно для него): все профессора рассказывали материал стоя, а Сергей Данилович сидел в кресле, т.е. как бы рассуждал с нами, разговаривал. Ближе мы познакомились с Сергеем Даниловичем уже после войны, когда я сама стала там работать. Когда я вернулась из Китая, то в университете оказалось много студентов-китайцев и главным образом аспирантов, с которыми мне приходилось заниматься — по своей общественной и партийной работе я курировала иностранцев. Вот и у Сергея Даниловича было два аспиранта, которых я курировала, поэтому я с ним часто сталкивалась. Мы разговаривали с ним, и я узнала прекрасный, чудесный характер этого человека, добрейшего, готового прощать любые оплошности своего подопечного, лишь бы он занимался хорошо.

Один аспирант нормально занимался, а другой был немного неспокойный. С точки зрения общего взгляда на китайцев, как людей трудолюбивых, очень спокойных, умеющих скрывать свое недовольство, обиды, — Чжан Си Кун выходил за рамки. Он ленился и производил впечатление человека, слишком интересующегося политическими делами: любил спорить по вопросам внешней политики, наших взаимоотношений с Китаем, очень упорно отстаивал идею дружбы, не хотел, чтобы она была чем-то запятнана, не допускал в ней никаких изъянов. Я помню, как Сергей Данилович мне жаловался, и не один раз, говорил: «Серафима Ивановна, с Чжан Си Куном очень сложно, он ведь ленился!», и говорил об этом таким жалостливым тоном, он не в обиде на него был, он жалел его, что он не такой, как другие китайцы, не такой трудолюбивый. Вот это я запомнила.

Может быть, у нас сложились такие теплые, доверительные отношения с Сергеем Даниловичем еще и потому, что его приемный сын

Коля Овчинников был моим однокурсником, своих у него детей не было. Сам Коля женился на моей однокурснице Белле Байтекианс¹, у них быстро пошли дети, один за другим, но что-то беспокойно у них было. Сергей Данилович Колю очень любил и болел за своих внуков, и это тоже в чисто житейском плане очень привлекало к нему. Еще помню, как он однажды встал на мою защиту на ученом совете. Это тоже меня с ним сближало. До самой его смерти я могла позволить себе прийти к нему на кафедру, когда там отмечался очередной юбилей, и просто обнять и поцеловать его: «Сергей Данилович, поздравляю вас от всей души!» И он всегда был очень доволен и благодарил, что я его поздравляю. В общем, такие у нас были отношения — он относился ко мне, как к младшему коллеге.

После его смерти, уже совсем недавно, несколько лет назад, мы в нашем музее сделали документальную выставку о жизни и деятельности Сергея Даниловича Сказкина, и я узнала еще очень много о нем того, чего даже не подозревала. Что он был большой ученый, что он был ученый-марксист, что он был готов методологию марксизма пропагандировать и защищать везде и всюду. И что он был очень хороший семьянин, об этом я еще больше узнала, посмотрев документы и фотографии. Все это меня привлекало, и я рада, что была знакома довольно близко с таким большим и интересным человеком. Я и раньше знала, что он был первым историком, получившим такую высокую оценку своей деятельности, как звание Героя Социалистического Труда, но за что ему дали это звание, я поняла только тогда, когда мы готовили эту выставку. Сергей Данилович проявил себя во многих областях: и как педагог, и как ученый. Он занимался и средней школой: писал учебники, основал журнал «Преподавание истории в школе». Все это говорит о нем как о разностороннем человеке; не просто как о незаурядной, а как о выдающейся личности. Мне приятно сознавать, что я знала такого человека. У нас была дружба, мне важно это подчеркнуть.

По истории Средних веков у нас вели занятия и другие преподаватели с этой кафедры. У меня в памяти остался рассказ однокурсников о М.М. Смирине². Лекции он, по-моему, не читал, но, возможно, читал

¹ Байтекианс Изабелла Христофоровна (1918, г. Армавир — кон. 1940-х — нач. 1950-х гг.). Из служащих, в 1937 г. поступила по конкурсу на исторический факультет МГУ. В студенческие годы — член ВЛКСМ.

² Смирин Моисей Менделевич (4.11.1895, г. Диена Виленской губ. — 20.5.1975, г. Москва) — исследователь истории средневековой Германии, лауреат Государственной премии СССР. В 1921–1929 гг. учился в Смоленском институте народного образования, затем на ФОНе МГУ и в аспирантуре ИИ РАНИОН. В 1930–1934 гг. — преподаватель всеобщей истории в пед. институте и университете в Нижнем Новгороде, в 1935–1940 гг. —

спецкурс для тех, кто специализировался на кафедре средних веков. Я знаю, что он вел большой семинар по истории Средних веков. Там занималось довольно много моих однокурсников. У нас в музее сохранилась небольшая общая фотография. На ней в центре стоит Смирин, а вокруг человек десять студентов (не меньше) — ученики его семинара. Они изображены, тесно прижавшись к нему. Я слышала от них самые хорошие отзывы о Смирине. А Вилли Майер, ставший специалистом по средневековой истории вообще и по истории Германии (средневековой и новой) в частности, занимался на семинаре Смирин, защищал у него дипломную работу, потом кандидатскую (по-моему, «Крестьяне в средневековой Германии») и докторскую диссертации. Когда я была на защите докторской диссертации Вилли, лично познакомилась со Смириним. Вилли устраивал небольшой банкет в ресторане (нас было человек десять), и мне довелось разговаривать со Смириним. Это оказался такой интересный ученый! Очень скромный, но глубоко знающий свой предмет. Разговаривать с ним было очень интересно.

Еще на Средних веках была профессор Стоклицкая¹, но она не оставила о себе никакого впечатления. Более того, мне казалось, что она раздраженно разговаривает со своими студентами. Я сдавала ей экзамен. С консультации перед ним я ушла совершенно неудовлетворенной. Хотя она и поставила мне на экзамене отличную оценку, но какое-то неудовлетворение все равно осталось, у меня не было свободного разговора на экзамене, не получилось. Я ее знала и после войны, и мне казалось, что она человек в отношении к студентам субъективный. Одну свою студентку, не очень хорошо проявившую себя на трудовом фронте и впоследствии осужденную комсомольской организацией, она взяла под свою защиту, раздраженно обвиняла всех, кто был против этой студентки, и защищала ее. Очень субъективный человек — такое впечатление она на меня произвела. Больше никого с кафедры Средних веков я не помню.

До войны и еще некоторое время после нее, до середины 50-х годов, на историческом факультете было отделение истории стран Востока.

зав. кафедрой истории западной Европы Москве в ГПИ им. Карла Либкнехта. С 1935 г. — ст.н.с. Московского отделения ГАИМК. С 1938 г. — ст.н.с. сектора истории Средних веков ИИ АН СССР (позже — ИВИ). Параллельно с 1938 г. — доцент (затем профессор) кафедры истории Средних веков исторического факультета МГУ.

¹ **Стоклицкая-Терешкович Вера Вениаминовна** (28.11(10.12).1885 — 17.5.1962) — советский историк-медиевист, профессор (с 1937), доктор исторических наук (с 1939). Училась в Германии, Швейцарии, на историко-филологическом факультете МГУ. В 1934–1951 гг. преподавала на кафедре истории Средних веков исторического факультета МГУ. В 1938–1940 — ст.н.с. Института истории АН СССР.

А.А. Губер¹ читал по всем дальневосточным странам. Потом это отделение вошло в организованный при университете Институт стран Азии и Африки, где преподают главным образом языки и историю.

На третьем курсе (а может быть, и со второго курса) началось наше знакомство с историей стран Востока. Мы близко знали некоторых преподавателей, и до сих пор они стоят у меня перед глазами. Я уже рассказывала о Георгии Сергеевиче Кара-Мурзе, китаеведе.

Больше всего мне запомнились те преподаватели, с которыми мы встречались после войны, как с коллегами. Среди них в первую очередь я должна назвать Игоря Михайловича Рейснера². Мы на него обратили внимание уже тогда, когда узнали, что он будет читать лекции по истории Средней Азии, Афганистана, Пакистана, Индии и так далее. Он был братом известной революционерки Ларисы Рейснер. Она послужила прототипом героини пьесы Всеволода Вишневского «Оптимистическая трагедия». Красавица, дочь богатых родителей, пошла в революцию. Тогда для нас было близко все, что происходило во время Гражданской войны, революции. И когда мы узнали, что у нас будет читать младший брат Ларисы Михайловны Рейснер, то перенесли свой интерес к ее личности на него. Ну а потом уже и сам Рейснер нас заинтересовал. Его лекции всегда были очень живыми, красочными, он читал как-то свободно и раскованно. Игорь Михайлович рассказывал массу интересных историй, иногда даже казалось, что он их придумывал — в такой художественной форме он их нам преподносил. А после войны я познакомилась с ним уже ближе, как с коллегой и коммунистом. Он был расположен ко мне, откровенен со мной. Может быть, этому поспособствовало то, что в первый год,

¹ Губер Александр Андреевич (19.3(1.4).1902, с. Каменка Чигиринского у. Киевской губ. — 16.6.1971, г. Москва) — советский историк, специалист по истории стран Юго-Восточной Азии, доктор исторических наук, академик АН СССР (1966). Работал научным сотрудником Коммунистического университета трудящихся Востока, в Институте истории АН СССР (1938–1945; 1957–1968), в Институте всеобщей истории АН СССР (с 1968), в Институте востоковедения АН СССР (1950–1956). Преподавал в МГУ (с 1937), в АОН при ЦК КПСС (с 1946).

² Рейснер Игорь Михайлович (8.1.1899, г. Томск — 7.2.1958, г. Москва) — востоковед-индолог, афганист, доктор исторических наук, профессор. В 1916 г. окончил гимназию в Петрограде. После Октябрьской революции 1917 г. работал в Народном комиссариате юстиции и Социалистической академии; в 1919–1926 гг. — в системе Народного комиссариата иностранных дел (в том числе в Афганистане в 1919–1921 гг.). В 1924 окончил восточный факультет Военной академии РККА. В 1925–1935 гг. работал в Международном аграрном институте, одновременно преподавал в Московском институте востоковедения. С 1935 г. — профессор МГУ, с 1938 г. — научный сотрудник АН СССР (с 1957 г. — зав. Сектором истории Индии в отделе Индии Института востоковедения АН СССР).

когда я начинала преподавать, у меня был семинар по отечественной истории на отделении Востока, и на этом семинаре был сын Игоря Михайловича. Возможно, с этого все и началось.

Потом мы с ним часто встречались на партийных собраниях. Особенно ярко мне запомнилась его дружба с Георгием Сергеевичем Кара-Мурзой. Вообще, к Кара-Мурзе все относились с большой любовью, это я узнала, когда слушала, а потом читала стенограмму заседания, посвященного гибели Кара-Мурзы на фронте в 1945 году. Там была яркая речь Игоря Михайловича Рейснера о Георгии Сергеевиче: он как-то очень тепло о нем сказал.

С.И. Антонова (крайняя слева) и сотрудники политотдела 49-й зенитно-артиллерийской дивизии Резерва Главного Командования

Война

Первые месяцы войны

22–23 июня

Начало войны, 22 июня 1941 года. Как известно, это было воскресенье — ясный, солнечный день.

Большая часть очередной зачетной сессии уже закончилась, но еще продолжались экзамены. Все студенты были заняты подготовкой, кто-то сидел в читальном зале, кто-то дома. Я лично готовилась в кабинете политпросвещения при МК ВКП(б), который находился на улице Чехова, в том же самом доме, где и театр Ленинского комсомола. Первую половину здания занимал Ленком, а вторую — партийные кабинеты. Там была большая библиотека с хорошими читальными залами, мы там часто занимались. Я говорю «мы», потому что со мной вместе обычно занималась Броня Левина-Коган, и иногда, в частности в тот день, вместе с нами занималась Лиза Шамшикова. Мы обложились книгами и углубились в составление конспектов, и вдруг, по-моему, было 11 часов, я услышала шорох, какие-то движения. Я подняла голову — слышу, что кто-то быстро-быстро собирает книги. Потом открывается дверь в наш читальный зал, и кто-то из библиотекарей говорит:

— Товарищи, всех приглашают в конференц-зал. Собирайте книги и идите.

Там был большой конференц-зал. Что такое случилось? Зал быстро-быстро заполнялся. Слышим, включен репродуктор, и по радио говорят, что сейчас будет выступление Вячеслава Михайловича Молотова, наркома иностранных дел.

Он сказал, что враг вероломно напал на нашу страну, что начинается Великая Отечественная война. Не то чтобы мы не ожидали этой

войны. Мы уже давно знали, думали, чувствовали, что война с фашизмом неизбежна. Такому пониманию способствовало все наше знание о международной обстановке в последние предвоенные годы, в частности война в Испании, в которой многие советские граждане участвовали добровольно. Мы обо всем этом знали. Кроме того, недавно была война с Финляндией, и всем было ясно, что Финляндия в какой-то мере была авангардом, который был брошен на нашу страну в качестве разведки перед генеральной битвой. Все это говорило о том, что фашизм набирал силу, что война неизбежна. К ней готовились, но заключение пакта с Германией давало надежду, что это произойдет не сейчас, через какое-то время, когда мы сумеем лучше подготовиться к войне. В этом смысле она оказалась неожиданной для нас. Но каждый понимал, что наступил тот решающий момент, когда все должны найти свое место в защите Родины. Такое было осознание, ощущение. Может быть, не совсем так сформулированное, но, во всяком случае, лично у меня было такое ощущение: «Вот оно, страшное, началось».

Мы сразу же собрали книги и побежали через Пушкинскую площадь и дальше переулками на улицу Герцена, дом 5, в актовЫй зал факультета, где обычно у нас проходили собрания. Когда мы прибежали, там уже собирались студенты из общежитий и с частных квартир. И все спрашивали: «Ну как, куда идти, где можно немедленно приложить свои силы?» Ребята говорили, что в военкомат пока еще не берут.

Примерно к половине первого актовЫй зал почти заполнился. Было очень много народу, а я подумала, что все мои братья уже прошли действительную службу. И старшему брату Василию уже, наверное, пришла повестка явиться — обычно мобилизация объявляется в тот же день, когда начинается война. Я решила сразу же поехать в Раменское, чтобы успеть попрощаться хотя бы со старшим братом. Младший брат Иосиф ушел в начале 1940 года добровольцем на финскую войну, служил в лыжном комсомольском батальоне и погиб. А средний брат, Евгений, 1912 года рождения, в это время работал в Подольске. Василий же работал в Раменском районе и жил вместе со старшей сестрой, поэтому я поспешила туда. Когда я приехала, сестра была дома, тоже очень взволнованная. Она сказала, что после объявления о войне Василий сказал: «Вера, помоги мне, пожалуйста, собраться. Наверное, я скоро получу повестку». Они собрали все самые необходимые вещи в рюкзак, и вскоре Василию принесли повестку. Сказала, что только сейчас пришла из фабричной школы (в Раменском была большая фабрика, и во дворе фабрики — школа), там приемный пункт, туда собирали всех новобранцев. Мобилизация. Мы быстро-быстро пошли во двор фабричной школы, и в огромной толпе нам удалось разыскать Василия. Все мы, конеч-

но же, были взволнованы, особенно он. Тогда он сказал замечательные слова, я их запомнила на всю жизнь. Он сказал:

— Ты, Сима, за меня не беспокойся. Я не испугаюсь, я буду до конца моих сил и возможностей драться с фашистами. Я этой немчуре отомщу и за отца, и за Иосифа. Я им отомщу. Не подведу, буду драться, как подобает. Как подобает!

Так мы распрощались с Василием. Потом я сразу же поехала опять в Москву, туда, где мой второй дом — университет, товарищи. Прямо с Казанского вокзала на Моховую. Где-то по пути я узнала, что в Коммунистической аудитории собирается митинг. Когда я вошла в корпус, то увидела стоящих на лестнице людей, которые сказали, что в аудиторию не пройдешь ни с той, ни с другой стороны (там два входа), все забито людьми. Я попыталась пройти через другой вход, но там тоже стояли на лестнице, и на хорах все было заполнено. Не знаю, каким образом, но мне удалось пробраться туда с левой стороны. Я увидела сцену, за столом президиума сидела Аракса Захарьян, рядом, на сцене, был еще народ. На трибуне выступает одна студентка, другая, потом горячие речи произносит студент с физического факультета.

Кто-то из соседей рассказал мне, что митинг уже в самом разгаре, и что открывал его Дмитрий Якименко¹.

Дима Якименко был студентом третьего курса нашего факультета. Он, наверное, 1914 или 1915 года рождения, т.е. старше своих однокурсников. Летом 1940 года после экзаменов мы повстречались с Димой Якименко на факультете (мы уже были знакомы по партийной организации, потому что он был членом партии, с довольно большим для своего возраста опытом комсомольской работы в Краснодарском крае). И мы втроем (я, Броня и Дима) решили отметить окончание сессии. Броня пригласила нас к своей старшей сестре Римме. Дима купил бутылку шампанского, и мы пошли туда. Риммы и Владимира не было дома, но у Брони были ключи. Соседка, когда узнала, что мы решили отпраздновать окончание сессии бутылкой шампанского, сказала, что нужно обязательно его в холод. Она взяла эту бутылку к себе в холодильник, в морозилку — холодильники тогда еще были редкостью. Мы отпраздновали и ближе познакомились с Димой: хороший простой парень, его, наконец, отпустили на учебу с комсо-

¹ Якименко Дмитрий Никитович (1914, г. Краснодар — пропал без вести в июле 1943). Из крестьян. До поступления на исторический факультет был на комсомольской и партийной работе. В студенческие годы — член партбюро факультета, сталинский стипендиат. С введением в мае 1941 г. должности комсорга ЦК ВЛКСМ занял ее. Открывал университетский митинг 22 июня 1941 г. Видимо, был мобилизован на спецзадание по линии комсомола, о дальнейшей судьбе ничего неизвестно.

мольской работы в Краснодарском крае. А в апреле или марте 1941 года на отчетно-выборной университетской конференции комсомола Дима был избран секретарем вузкома. Потом было постановление ЦК комсомола, что во всех крупных вузовских учреждениях вводилась должность секретаря ЦК комсомола. И Дима был назначен решением Центрального комитета комсомола комсоргом ЦК в университете. Поэтому он должен был открывать это собрание вечером 22 июня 1941 года. И вдруг я его не вижу в президиуме, а вижу, что собрание ведет Аракса.

Аракса — аспирантка нашего факультета — была избрана в вузком комсомола вторым секретарем, т.е. заместителем Якименко. И вот, когда я пролезла на митинг, мне сказали, что Якименко отозвали в ЦК на какое-то спецзадание, никто ничего точно не знал. Поэтому собрание вела его заместитель Аракса Захарьян. С ней я была довольно хорошо знакома. Мы познакомились, когда она еще была кандидатом в члены партии. Аракса очень общительный человек, и мы с ней быстро подружились, нашли общий язык. Может, и возраст повлиял, она была моложе меня всего на четыре года.

На трибуне я запомнила одну девуцу, студентку второго курса Ни-ну Разумовскую¹. С вьющимися рыжими волосами, немножко веснушчатая, очень способная девушка. Она горячо выступала, что мы, комсомольцы, должны быть мобилизованы, выполнять любое задание партии и правительства и т.д. Стояла абсолютнейшая тишина, слышно только дыхание близстоящих людей, и голос, звонкий голос этой девушки. Я, возможно, и не запомнила бы именно ее, но так сложились обстоятельства. Когда я должна была организовывать поездку девушек на уборку лугов, Нина Разумовская оказалась в моей группе, она была избрана комсоргом, и я вместе с ней спала в шалаше. Конечно, я ее хорошо узнала за то время, что мы жили вместе. Позже я узнала ее трагическую судьбу, в которой была виновата прежде всего она сама.

После каждого выступления звучали не просто аплодисменты, а аплодисменты поддержки. Тогда была принята резолюция, очень короткая. Она гласила, что комсомольская организация университета считает себя полностью мобилизованной на все время войны на выполнение любого задания партии и правительства. Разошлись поздно, собрание продолжалось до 11 или до 12 часов, я точно не помню, но расходились уже ночью.

¹ Разумовская Нина Исааковна (1921, г. Киев — 1950, г. Иваново). Поступила на исторический факультет МГУ в 1939 г. как отличница. После войны работала в Иваново. Покончила с собой во время борьбы с космополитизмом.

Было темно, освещение улиц прекратилось, я с трудом добралась от Дорогомиловской заставы до общежития на Второй Извозной улице. Со мной в комнате жила Аня Оськина, мы почему-то в то время жили с ней вдвоем в комнате для трех человек. Мы были вместе с ней в одной группе вместе на рабфаке, потом она пошла в медицинский институт, который тогда еще был при университете. То есть он уже не входил в состав, был официально выделен, но здания медицинского института находились на старой территории университета. У них было свое общежитие, но мы остались жить там, куда поселились во время рабфака. Даже когда стали учиться в разных институтах, нас не попросили выехать из общежития. Было написано соответствующее заявление от моего факультета в администрацию общежития и от ее института тоже, чтобы нас оставили. Так мы и жили вместе в одной и той же комнате, наверное, лет семь, во время учебы и на рабфаке, и в университете.

Она меня встретила взволнованно:

— Как ты?

— Я буду искать, где жить, куда пойти и так далее.

— Я определилась, я буду мобилизована, я же медик.

— А я завтра буду определяться, куда пойду.

У нас с ней завязался разговор о том, что эта война всерьез и надолго. Не то что, скажем, война с Финляндией, где было ясно, что она кратковременная. Это — серьезная война, не эпизод. Война с фашизмом. По предшествующей истории фашизма, войн в Европе и в Африке было ясно, что война МИРОВАЯ, и главной целью фашизма было именно разгромить Советский Союз. И СССР будет упорнейшим образом противостоять натиску фашизма. Это было ясно некоторому количеству людей, тем, кто знали историю. В народе это понимали, конечно, не все.

На следующий день я была на факультете и узнала, что девушки университета обратились к администрации, в комсомол и партийный комитет с просьбой разрешить создание курсов медсестер. Дело объяснялось тем, что многие девушки закончили нашу пулеметную школу, общественную организацию, заканчивали кружки ворошиловских стрелков, аэроклуб, где имели звание летчика, и т.д. Многие из них, в частности, Лиза Шамшикова, которая была инструктором пулеметной школы и сама выпустила перед войной больше 200 девушек-пулеметчиц, очень рвались на фронт. Но им сказали, что женщины не будут призваны в армию, только медики, врачи или медсестры. Особенно нужны будут медсестры. В результате уже на следующий день они призвали организовать школу медсестер. На второй день начали вести набор.

И я, и Броня, конечно, пошли в эту школу. Я хорошо помню, что на второй день мы вместе с Араксой оказались в какой-то аудитории,

где заседала врачебная комиссия, которая проводила отбор в эту школу медсестер. Уже было известно, что лекции согласился читать Бурденко, главный хирург Красной армии, и что еще там будут лекторы медицинского института, а практические занятия будут вестись в клиниках мединститута.

И вот мы сидели, ждали своей очереди, в это время комиссию проходила Лиза Шамшикова. И мы за нее волновались больше, чем за себя, потому что для нее особенно важно было, чтоб ее приняли, — она была больна, плохо излечимая экзема (на руках у нее был как будто панцирь, болячки). А медику, медсестре нужно делать перевязки, уколы, и прочее-прочее. Вдруг мы видим, дверь открывается, выходит Лиза, у нее сияющее лицо. Война началась, а у нее сияющее лицо. До этого было напряженное такое, очень-очень суровое. Она заявила:

— Все, приняли! — и добавила (только нам с Араксой приглушенным тоном) — Правда, они предупредили меня, что хирургической сестрой я не буду, а палатной вполне могу быть. Ну, это еще посмотрим. Мне главное пройти эти курсы!

Потом пошла я, Броня, нас тоже приняли на курсы медсестер.

Луга

Внезапно меня вызывали в партком университета. Не факультетское партбюро, а общеуниверситетский партком. И говорят мне:

— Есть задание. Мы назначаем тебя ответственной за мобилизацию и вывоз из Москвы девушек на уборку лугов в совхозы Рязанской области, расположенные вдоль по реке Оке. Это идет по линии ЦК комсомола, но партия не может стоять в стороне, нас попросили помочь, нужно возглавить эту организацию — и мы поручаем это дело тебе. В помощь возьми свою подругу Брониславу Левину-Коган и члена партии, студента первого курса Ивана Воронкова¹. С Иваном Воронковым мы не были знакомы.

¹ **Воронков Иван Александрович** (11.1.1921, д. Ржавцы Шкловского р-на Могилевской обл. — 16.7.1983, г. Москва) — историк-славист, профессор. В 1940–1941 гг. учился на историческом факультете МГУ, в 1941–1943 гг. — в Уральском университете (г. Свердловск, ныне Екатеринбург), а в 1943–1945 гг. вернулся в МГУ, специализировался по истории южных и западных славян. В 1945–1949 — аспирант В.И. Пичеты, Н.Г. Бережкова. С 1949 г. — преподаватель, в 1961–1973 гг. — зав. кафедрой южных и западных славян. Одновременно с педагогической и научной работой И.А. Воронков был инспектором учебного отдела Ректората по работе с иностранными учащимися (1949–1954), затем начальником Иностранного отдела МГУ. В 1973 г. стал деканом подготовительного факультета для иностранных учащихся.

Я стала отказываться:

— Мы же записаны на курсы медсестер, мы хотим на фронт!

— Это потом. Война, не надейтесь, закончится не сегодня и не завтра. И до вас дело дойдет. А сейчас нужно организовать этот выезд.

— Как организовать?

— Ну, это уж сообрази сама, как организовать. Все нужно организовать.

— Как поехать?

— Это тоже нужно организовать тебе самой. Обратись на железную дорогу, еще куда-нибудь, одним словом, развернитесь и организуйте!

Мы должны были организовать поездку на нашем факультете, к тому же к нам присоединили химический и математический факультеты. Выезжать мы должны были все вместе, мобилизацию со своих факультетов они провели сами. В итоге из университета было нужно вывезти 500 человек, с нашего факультета соответственно, по-моему, 200—250 человек. Точного числа я не помню — только знаю, что я была в самом крупном совхозе, в Ижевском, и там нас было 130—140 девочек. На химическом факультете ответственной за мобилизацию была Мария Леонтьевна Левина. Потом я с ней встречалась на Ломоносовском проспекте, когда жила в здании преподавателей, в доме № 14. Она тоже жила в этом доме, но в другом подъезде. Мы вспоминали эти годы. Хотя мы были в разных совхозах, но выезжали все одновременно. На математическом факультете ответственной за мобилизацию была Коган. Левина была уже аспиранткой или студенткой последнего курса, Коган тоже была студенткой четвертого или пятого курса.

Я начала организовывать поездку. Прежде всего нужно было записать девушек. Это была комсомольская мобилизация, но добровольная. Каждый должен был дать согласие, приказывать было никому не нужно и нельзя. Это добровольный призыв, на который должны откликнуться все, кто хочет. Тогда мы собрали комсоргов курсов, комсоргов комсомольских групп и начали приглашать комсомольские группы в комитет комсомола факультета, и с каждой комсомолкой вели отдельный разговор. Я не встретила ни одного отказа на историческом факультете. Все единогласно соглашались, мы по порядку вели даже не запись, по-моему, списки были уже готовы, а мы отмечали, едет или не едет.

И я помню, была одна студентка третьего курса с кафедры Средних веков, духовная такая, которая пришла не одна, а вместе с мамой. Они обе очень просили записать в наши списки и маму. Мы всячески этому препятствовали: говорили, что не нужно родителей, что это комсомольская работа, будет трудно, придется жить на лугах, а не в помещении, что там нужно много работать. Мне, откровенно говоря, не хотелось,

чтобы туда ехали родители, это, что ли, несколько расслабляет. Как это так — кто-то с мамой живет, а все остальные — без мам, без пап... К тому же я очень сомневалась, что эта мама сможет работать, она была какая-то рыхлая. Мне показалось, что она непригодна к физической работе, хотя она меня уверяла, что она, конечно, не может сушить и сгребать сено, быстро ходить, но может помогать на кухне. Я же считала, что нам нужна работа по уборке лугов, а на кухне мы как-нибудь управимся. Но они все-таки нас упросили, и мы их записали.

Параллельно с этой работой (ее вели мы с Брониславой, и кто-то из комитета комсомола нам помогал) я стала хлопотать по поводу того, как вывезти девушек из университета. Я обратилась в управление Казанской железной дороги с просьбой выделить нам два или три вагона. Мне сказали: нет, никак, ищите другие возможности, какие хотите! Конечно, я объяснила им, что это мобилизация по линии ЦК, что это комсомольцы-добровольцы едут помогать на луга. Что там большие животноводческие совхозы, они должны продолжать работать и во время войны, ведь нужно кормить и армию, и тыл, а все мужчины призывного возраста уже мобилизованы. Я все им это объясняла, но они сказали:

— Нет, ни в коем случае, вся железная дорога занята вагонами под вооружение и солдатами. Вся железная дорога, все вагоны заняты армией! И никаких других мобилизаций мы не признаем и не можем признать сейчас — разве не понятно?

Все понятно, но куда дальше обращаться? Мобилизовать какие-нибудь машины — тоже невозможно, и потом, тогда не было такого количества машин, чтобы хватило для нужд армии и еще нам осталось. Кто-то подсказал — обратитесь в пароходство. Я начала переговоры с пароходством и в конце концов договорилась с их руководством, что нам выделяют большую баржу, на которой обычно перевозят зерно по Москве-реке, Оке и Волге; что ее, конечно, вымоют, продезинфицируют, и потащит эту баржу пароходик-тягач. Тогда же, по-моему, меня познакомили с капитаном, который должен был управлять нашим транспортным средством.

Вся эта работа была проведена до 3 июля. 23 или 24 июня мы начали, а 3 июля уже выехали из Москвы.

Утром 3 июля я пошла в партком, который помещался на верхнем этаже в правом крыле старого здания, того, где памятник Огареву и Герцену. Лифта там не было, и я поднялась по железной лестнице в партком, чтобы получить последние инструкции. Мне сказали:

— Очень хорошо, что ты пришла! Спустись в бухгалтерию (она, кажется, была на втором этаже), получи там некоторую сумму денег на дорогу. На месте вас должны будут обеспечить питанием совхозы. Мы же

даем вам деньги только на то время, когда вы будете плыть. А плыть будете, наверное, суток пять.

Секретарь парткома написал мне записку. Я не помню даже, кто тогда был секретарем парткома, кажется, Сергеев¹. К этому времени уже весь партком ушел на фронт: многие отправились в воинские части, некоторые были офицерами.

Я взяла деньги и спустилась вниз, а по дороге встретила Иду Исааковну Окуневу². Она мне на шею:

— Давай простимся, давай забудем все неприятности. Началась война, мало ли, что с нами может случиться...

— Не знаю, что вы имеете в виду, лично я еду на задание, а потом я на курсы медсестер записалась — медсестрой на фронт пойду.

— Ну, там видно будет, война...

Только у меня закончился разговор с Окуневой, я встречаю еще одного историка, бывшего студента нашего факультета (прием 1935 года), он уже начал учиться в аспирантуре, Михаила Хейфеца³. Мы с Мишей

¹ **Сергеев Евгений Михайлович** (23.3.1914, г. Москва — 23.3.1997, г. Москва) — советский инженер-геолог и грунтовед, крупнейший ученый в области инженерной геологии, талантливый педагог и организатор геологической науки, профессор кафедры инженерной геологии и охраны геологической среды геологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (1953), академик РАН (1979, член-корр. с 1966), лауреат Ленинской (1982) и Государственных премий СССР (1977, 1988), Ломоносовской премии МГУ, зав. кафедрой грунтоведения и инженерной геологии (1954, с 1986 — кафедрой инженерной геологии и охраны геологической среды) геологического факультета МГУ, участник ВОВ, ветеран труда. В апреле 1941 г. был избран секретарем парткома МГУ.

² **Окунева Ида Исааковна** (18.3.1900, г. Велиж — 26.5.1967, г. Москва) — кандидат экономических наук, доцент. В 1919 г. возглавляла Велижский уком РКП(б). Затем заведовала Витебским губернским женотделом. В 1932–1934 гг. была слушателем Института красной профессуры, после возглавляла экономический отдел газеты «Известия». В 1939 г. начала работать на историческом факультете МГУ в качестве доцента кафедры политэкономики. В том же году защитила диссертацию на соискание степени кандидата экономических наук и была избрана зам. секретаря партбюро факультета (секретарем был М.И. Стишов); в 1940 г. ее избрали секретарем партбюро факультета. В 1941–1943 гг. была деканом историко-филологического факультета КазГУ им. В.И. Ульянова-Ленина. Одновременно она включилась в работу комиссии Академии наук по мобилизации ресурсов на нужды фронта под руководством академика Комарова. Вернувшись из Казани в Москву в 1943 г., И.И. Окунева работала в Совете по изучению производительных сил Академии наук (СОПС АН СССР).

³ **Хейфец Михаил Исаевич** (1915, г. Витебск — ?). После школы получил специальность электромонтера. В 1935 г. поступил по конкурсу на исторический факультет МГУ на военный поток, затем перевелся на гражданский и окончил в 1939 г. В студенческие годы — член ВЛКСМ. В годы войны воевал на Ленинградском, 2-м Прибалтийском фронтах в стрелковой дивизии, был командиром взвода, политруком роты, инструктором политотдела дивизии. Войну окончил в звании старшего лейтенанта. Был ранен. Награжден орденом Красной Звезды, медалями «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией». С 1953 г. — сотрудник исторического факультета МГУ, кандидат исто-

Хейфецем хоть и были на разных курсах, но поддерживали дружеские отношения, он активный комсомолец был. Он сказал:

— Как хорошо, что я тебя встретил! Мне сказали, что ты в партком пошла. Мне нужно прочесть отъезжающим приказ — обращение Сталина к народу.

Мы с ним поехали на пристань, собрали всех наших перед баржей. И он громким, сильным голосом прочитал нам обращение Сталина. Потом мы начали устраиваться на огромной-огромной барже...

Я была названа начальником штаба, Ваня Воронков — моим заместителем, Броня — моей помощницей. У нас было небольшое отделение там, где мы расположились, и если у кого-то возникали какие-то вопросы, они должны были приходиться к нам, решать вопросы в этом отделении. «Ну, вот и все. Когда подойдут остальные?» — мне докладывают. Мы отъехали не сразу, две или три девочки со второго курса опоздали. Оказалось, что не пришла Майя Окунева¹, девочки сказали, что она сломала ногу.

Именно тогда я познакомилась с Ваней Воронковым. Он к тому времени только закончил первый курс. Он не подлежал мобилизации в армию, был «белобилетником» по болезни. Его бы не приняли, даже если бы он добровольно пошел, потому что после тяжелой болезни, которую он перенес в детстве, у него плохо ходили ноги, он был инвалидом.

Ваня приехал из Белоруссии, из района, прилегающего к российским. Он был из крестьянской семьи, отец его долгое время был председателем колхоза. Сам Ваня — очень хороший человек, прекрасный това-

рических наук, доцент кафедры истории СССР советского периода. Был женат на сокурснице — В.Э. Куниной.

¹ **Окунева Майя Александровна** (17.12.1922, г. Ростов-на-Дону — 11.4.2005, г. Москва) — доктор исторических наук, видный историк, специалист по истории Латинской Америки. Дочь И.И. Окуневой. В 1940 г. окончила школу с золотой медалью и поступила на исторический факультет МГУ. В 1941–1943 гг., находясь в эвакуации, продолжила учебу в Казанском университете. Во время войны, будучи студенткой, работала на трудфронте: в период эвакуации в Казани (1941–май 1943 гг.) участвовала в транспортировке раненых в госпитали; вела шефскую работу в госпитале, за что была отмечена его командованием; также работала на расчистке трамвайных путей. По возвращении в Москву в мае 1943 г., возобновив учебу на истфаке, работала на газогенераторном заводе в Москве (была комсоргом бригады истфака), в совхозе МГУ «Красновидово» (1944). Летом 1943 г. была освобожденным комсоргом истфака на трудфронте. В 1943–1944 гг. была зам. секретаря комсомольского бюро истфака (секретарь — З.М. Грибова-Коренькова). В 1945 г. с отличием окончила исторический факультет МГУ. В 1946–1949 гг. училась в аспирантуре, специализировалась по истории США на кафедре новой и новейшей истории, так как специализации по истории Латинской Америки тогда еще не было. В 1950–1966 гг. работала в Главной редакции БСЭ, в 1966–1993 гг. — в Институте международного рабочего движения АН СССР (ныне — Институт сравнительной политологии РАН).

рищ, позже мы с ним подружились. В 1945 году он жил в том же здании, где помещался исторический факультет, там была небольшая комната для трех или четырех студентов, которые заканчивали факультет или только-только закончили. Потом он женился на Соне Кукушкиной¹, это была студентка МИФЛИ, тоже участница войны. Я часто бывала у них, они жили на территории старого университета, в доме профессоров рядом с зоомузеем, у них была комната в большой квартире на ли ректора, то ли проректора. Ваня остался в аспирантуре, потом стал преподавать на кафедре славяноведения, он был специалистом по Польше. Затем долгое время работал деканом подготовительного факультета университета для иностранцев. Этому предшествовала его работа инспектором по делам иностранцев при ректорате. Затем он долгое время, до самой своей смерти, работал заведующим кафедрой истории западных и южных славян. У меня осталась о нем очень светлая память.

В 2001 году на кафедре славяноведения отмечали семьдесят лет со дня его рождения, была большая научная конференция. Меня туда приглашали, я должна была выступить на второй части этого собрания. На кафедре устроили большое чаепитие с воспоминаниями об Иване Александровиче. Я очень хотела там быть и рассказать о нем, возможно, я тогда вспомнила бы больше, чем сейчас. Но, к сожалению, я заболела и не смогла присутствовать. Софья Васильевна, его жена, позже подарила мне книжку о нем и рассказала, что было много выступлений, очень теплых, дружеских, его вспоминали хорошими словами. И я считаю, Ваня это заслуживает.

Когда мы ехали на барже, была ужасная жара. Девчонки-москвички полезли на крышу загорать. Ко мне пришел капитан и сказал:

— Начальник, призови к порядку своих девочек. Обгорят ведь все, я их тогда не доведу до Зарецкой волости.

Действительно, некоторые обгорели сразу — спины стали красные, потом с пузырями. Пришлось применять строгие меры, вплоть до того, что приходилось вызывать на нашу «тройку» (я, Ваня Воронков и Броня) и прорабатывать. Убеждали их, что нельзя так поступать, что они уже принадлежат не себе, а государству, более того, армии. Вот такие вещи мы им говорили... В конце концов все утихомирились.

¹ **Кукушкина (Воронкова) Софья Васильевна** (р. 1920) — кандидат исторических наук, доцент. Служила в истребительном батальоне Красной Пресни. Затем — на Западном, Юго-Западном, Воронежском, 2-м и 3-м Украинском фронтах в полевом подвижном госпитале. Участвовала в Острогжской и Россошанской операциях, в освобождении Смоленщины, Западной Украины, Польши, Румынии, Венгрии, Словакии, Моравии, Чехии. Окончание войны встретила в звании лейтенанта. Награждена двумя медалями «За боевые заслуги». После войны работала на кафедре истории КПСС для гуманитарных факультетов МГУ.

Мы ехали примерно пять суток. Когда уже подъехали к пойме, к Оке, — а это огромные заливные луга, — нас стали высаживать. Там был ряд совхозов. Я высаживала группы в четыре совхоза: группа историков первого-второго курсов под моим руководством, группа в «Красных партизанах» — где была Броня с третьим-четвертым курсами, группа математиков и химики.

Самая большая группа была моя, она высадилась в совхозе «Ижевский» Шиловского района Рязанской области¹. На берегу нас встречал полевод этого совхоза, мужчина лет пятидесяти. От Оки до места, где мы должны были расположиться, мы шли лугами больше сорока минут.

Тропа нас привела к уютному заливному озеру. Оно образовалось из глубокой лощины, которая, видимо, углублялась из года в год, во время разлива заполняясь водой. И вода на все лето оставалась в этой лощине, образовалось довольно большое озеро. Вокруг этого озера можно было пройти, не так уж много времени это занимало. С одной стороны от него узкой полосой вдоль Оки тянулся лес, где-то в километр шириной. Лес тоже заливало во время разлива, но там росли могучие вековые дубы, а между ними березы, клен и что-то из хвойных. Я ехала этим лесом из центра и видела, как прямо на дороге растут грибы, но, когда мы там работали, нам было не до походов в лес за грибами.

На другом берегу озера, еще до нас, были сделаны каркасы для шалашей, а сеном мы их закрыли уже сами. Эти шалашы мы прозвали «студенческий городок». Я сейчас не помню, сколько всего было шалашей, но, наверное, очень много, потому что нас было где-то сто девочек, а в шалашах жили по два, по три человека. В этом студенческом городке на берегу озера нам предстояло провести месяц или полтора. Вместе с полеводом мы все рассчитали и разделились на четыре бригады.

Первую бригаду возглавил Ваня Воронков. Туда он взял себе парней, их в нашем отряде были единицы, человек шесть-семь. Также в эту бригаду вошли самые крепкие и сильные девушки. Мы посчитали, что раз это первая бригада, значит, она должна быть ведущей, самой сильной и образцовой.

Вторую бригаду возглавила Гайда Вицуп². Эта студентка только окончила второй курс. Интересная девушка: высокая, стройная, краси-

¹ Ныне — поселок Ижевское Спасского района Рязанской области. По другой версии — группа С.И. Антоновой работала в совхозе Ялдино.

² **Авдусина (в дев. Вицуп) Гайда Андреевна** (8.5.1921, г. Москва — 1984, г. Москва). В 1939 г. поступила на исторический факультет МГУ, в 1944 г. окончила обучение на кафедре археологии. В студенческие годы — член ВЛКСМ. С 1944 г. — лаборант кафедры археологии МГУ, с 1953 г. в Институте археологии АН СССР (ИИМК). В 1940 г. участвовала в раскопках курганов в Подмосковье под руководством А.В. Арциховского. С 1947 г.

вая, такая статная и крепкая. По-моему, она была то ли латышка, то ли литовка. Это можно узнать на кафедре археологии. Она закончила факультет во время войны, была с университетом в эвакуации, если я не ошибаюсь. После войны, когда я вернулась на факультет, я ее в первый раз увидела в канцелярии, она работала лаборантом на кафедре археологии. Я знала, что она ездила на раскопки, потом стала довольно известным археологом, красавица стала большая. Еще в студенческие годы у них началась любовь с Даниилом Авдусиным¹. Авдусин стал известным археологом, долго работал на кафедре археологии, автор учебника по археологии, вел длительное время раскопки в Подмосковье. Сам он родом из городка Сычевка Смоленской области.

После его смерти мы делали посвященную ему выставку, и меня сердечно тронула фотография из его семейного архива — фотография дома в Сычевке, типичного для уездного городка. Это был одноэтажный деревянный дом с мансардой, с резными наличниками на окнах и с палисадом около дома, там росли кудрявые березки. И около этого палисада стоял Авдусин — уже маститый профессор, в специально надетой русской рубахе — расшитой косоворотке.

К большому сожалению, Гайда умерла довольно рано, около шестидесяти лет она прожила. У них осталось двое детей, сын и дочь. Еще я помню, что к ней с большой симпатией, как к работнику, относился Артемий Владимирович Арциховский², заведовавший тогда кафедрой

до конца 60-х годов работала в Новгородской археологической экспедиции. Жена Д.А. Авдусина.

¹ **Авдусин Даниил Антонович** (19.8.1918, г. Сычевка Смоленской губ. — 3.6.1994, г. Москва) — археолог, доктор исторических наук, профессор (с 1970 г.). После окончания школы в г. Вязьма в 1935–1937 гг. учился в Институте связи в Москве. Окончил обучение на кафедре археологии в эвакуации, в 1942 г. в Ашхабаде. В студенческие годы — член ВЛКСМ. Осенью 1942 г. призван в ряды Красной армии. В октябре 1942 г. — апреле 1943 г. прошел обучение в Черкасском пехотном училище, в школе пулеметчиков. Участвовал в боевых действиях на Центральном и 2-м Белорусском фронтах. Командир отделения станковых пулеметов в боях на Курской дуге. Был ранен. Позже служил наводчиком, командиром орудия. После тяжелой контузии и лечения в госпиталях демобилизован в октябре 1945 г. в звании гвардии старшего сержанта. В 1945–1948 гг. — аспирант кафедры археологии исторического факультета МГУ. С 1949 г. по 1994 г. работал на историческом факультете. Был председателем Совета ветеранов войны МГУ. Награжден орденом Отечественной войны I ст. и 11 медалями, в числе которых: «За отвагу», «За победу над Германией», Золотая медаль Карлова Университета (Прага, Чехия); знаком «Ветеран войны» и знаком Всесоюзного комитета ветеранов войны. Муж Г.А. Авдусиной.

² **Арциховский Артемий Владимирович** (26(13).12.1902, г. С.-Петербург — 17.2.1978, г. Москва) — археолог, историк, специалист в области славяно-русской археологии, доктор исторических наук, профессор, член-корр. АН СССР, лауреат Государственной премии СССР. Основатель и зав. кафедрой археологии исторического факультета МГУ

археологии. Археологи всегда с уважением к ней относились, я слышала это неоднократно в их разговорах и видела по настроению людей.

Так вот, на лугах Гайда стала главой второй бригады, и у нее был хороший состав девочек, дружный, они замечательно работали. Гайда шла на работу впереди, такая стройная, высокая. За ней все остальные. Представляете, идет такая бригада с граблями на плечах...

Начальником в третьей бригаде стала Зоя Грибова. Зоя была молодой девочкой, только окончила первый курс (это все не рабфаковцы, они из школы пришли). Она и выглядела очень молодой девочкой, очень симпатичной и милой, но по-другому, не так, как Гайда. Ее нельзя было назвать настоящей красавицей (а Гайда ей была — блондинка, типично из прибалтийской области).

Зоя Грибова после окончания работы на лугах ушла работать на завод, следуя комсомольскому постановлению от 22 июня. Какой-то завод почти на окраине Москвы, который выпускал мины. Позже она мне рассказывала, что они выносили снаряды еще горяченькими и сами погружали их, аккуратно укладывали в грузовые машины. А в это время совсем рядом слышались разрывы снарядов. Потом Зоя ушла по комсомольской мобилизации, она очень рвалась на фронт. И попала на секретную работу, аналогичную той, которую исполняла я после 16 октября 1941 года, только я шла по партийной линии, а она от комсомольской организации. После войны Зоя окончила наш факультет, жила на Метростроевской улице¹, тогда как я — почти на Арбате (т.е., мы жили недалеко друг от друга), и мы с ней часто виделись. После окончания аспирантуры она долгое время работала в пединституте имени Ленина, преподавала то ли историю партии, то ли историю марксизма-ленинизма. Одновременно шесть лет она была секретарем парткома этого огромного пединститута. Когда мы делали выставку, посвященную участию истфаковцев в Отечественной войне, мы сделали лист о ней. Она написала воспоминания о секретной работе, довольно интересные материалы. Умерла она несколько лет назад, я была на ее похоронах, и мне было очень жаль эту милую, умную, скромную женщину, большого патриота.

На лугах она всегда была вместе с Тамарой Ионкиной² из ее бригады. Может быть, их роднило то, что Тамарочка тоже была очень милая

(1939–1978), в 1952–1957 гг. — декан исторического факультета. Много лет руководил раскопками в Новгороде. В начале войны записался в народное ополчение, но был отозван вместе с другими специалистами.

¹ Ныне — Остоженка.

² **Ионкина Тамара Дмитриевна** (р. 1921). На исторический факультет поступила в 1939 г. После войны — кандидат исторических наук, сотрудник ИИ (затем ИРИ) АН СССР, специалист по истории советского периода.

девушка, просто очаровательная. Евгений Николаевич, уже потом, когда познакомился с ней после войны, говорил, что это девушка, которую нужно носить на руках! Такая она была нежная. Хотя судьба ее сложилась не очень хорошо... Тамара с Зоей уже тогда были подругами, а после стали лучшими друзьями. Обе они ходили в ситцевых платочках, завязанных узелком: все как-то старались голову укрыть, потому что было страшно жарко — июль. Вот они и ходили с платочками, им очень шло. Тоже была хорошая бригада, девочки трудились самоотверженно. Чтоб кто-нибудь застонал, заохал, — такого не было.

Никак не могу вспомнить, кто был главным в четвертой бригаде. Помню, что очень милая, симпатичная, но еще совсем малоопытная девочка. Она изо всех сил старалась угнаться за другими бригадами. В ее отряде была девушка, а может, это была она сама, которая очень сильно разболелась, у нее обострился ревматизм. По-моему, потом мы ее отослали домой.

Теперь относительно жизни на лугах. Население совхозное мы видели очень мало, жили обособленной жизнью. Мужчин молодого и среднего возраста мы почти не видели. Знали, что многие были мобилизованы, остались единицы. Мы были знакомы с одним стариком: высокий, статный рязанский крестьянин с проседью, длинной бородой, очень красивый внешне. Был во главе женской бригады, которая делала стога. Работа наших девушек состояла в том, чтобы скошенную косилкой траву ворошить граблями, а затем, когда она подсыхала, собирать сено в копны. Мы делали большие копны и шли дальше. А за нами шла другая бригада — прежде всего тот самый старик, который делал из этих копен большие стога.

Очень скоро, буквально через день или два, выяснилось, что Ваня Воронков умеет делать стога. Он научил свою бригаду, и они тоже начали делать стога. Это, видимо, произвело впечатление на совхозную администрацию и на население, Ваня приобрел большой авторитет. Женщины в Рязанской области, в частности, в Шиловском районе, как правило, никогда не косили и не делали стога. Они только ворошили сено и собирали его в копны, это считалось их уделом. Всю остальную работу обычно делали мужчины, это была их привилегия. Такая сложилась традиция. Так что большинство женщин Рязанской области до начала войны (не знаю, как потом — наверное, всему научились) занимались или в огородном совхозном хозяйстве, или ходили вместе с мужчинами, помогали им делать стога. Вслед за Ваней Гайда тоже заявила, что будет делать стога. Я ей говорю: «Смотри, Гайда, не обманись!» А они: раз сказали «сделаем», — значит, сделали. У Зои Грибовой для этого сил не хватало, потому что она была очень хрупкая

девочка, и другие девушки из ее бригады были помельче, более хрупкие. Но они прекрасно делали копны.

Через 10 дней после приезда меня вызвали в Ижевское, в райком партии (центром района был Спасск-Рязанский, но свой райком находился и в Ижевском — видимо, там была отдельная совхозная партийная организация). Ижевское, огромное село, было расположено в 10 километрах от нас. Наш полевод учел, сколько мы сделали гектаров, оказалось, что это не очень много, хотя совхозной нормы еще не было. Я попыталась объяснить, что большинство девочек — москвички, они ни разу не убирали сено, а деревенских девочек, которые умели это делать, среди нас — единицы. Так что всем просто нужно привыкнуть. Секретаря райкома не было, заседание вел второй секретарь или заместитель, и он вдруг начал стучать кулаком по столу и кричать:

— Как это потом? Это когда война кончится? Зачем нам нужны такие работники? Что ты там делаешь? — и ко мне на «ты»: — Что ты там делаешь? Ты парторг! Ты ответственна! Мы с тебя спросим!

— Я не только перед вами отвечаю, — сказала я, — я перед своей организацией, которая меня послала, отвечаю. И сама я знаю, что нужно делать больше, и мы будем стараться!

На лугах у нас были разные случаи. С Аней Гофман целая история была. Она училась на втором курсе и записалась в нашу группу. Но проработала там всего одну или две недели, а потом вдруг исчезла. Стали расспрашивать девушек, которые жили вместе с ней в шалаше — говорят: ушла куда-то ночью. Мы учинили розыск, была поставлена в известность дирекция совхоза, подняли районную. А потом открылась ее подруга, рассказала, что Аня уехала в Москву. Она, оказывается, была влюблена в моего однокурсника Витю Стрельникова (я о нем рассказывала), а так как для Москвы наступили тревожные дни, она решила, что Витя куда-то уедет, и удрала с лугов. Она знала, что у нас заправляла комсомольская организация, которая действовала строже меня, и ей бы не разрешили уехать, сочли бы дезертирством. Ее, конечно, осудили, но потом простили, когда узнали всю историю. Молодые же все были, любили и влюблялись.

Была еще одна подобная история. Я называла фамилию Вани Чеснокова, который ушел в ополчение и погиб. До начала войны он женился на нашей однокурснице Татьяне Ивановой, приемной дочери Всеволода Иванова, писателя. Когда Ваня ушел в ополчение, она тоже была на лугах, но только в другой группе — в той, которую возглавляла Бронислава. И вот Татьяна тоже бежала с лугов. А Бронислава была беспощадна — очень принципиальная, очень строгая, поэтому

Татьяна убежала тайно и тоже разыскивалась. Убежала под предлогом, что она якобы хотела повидаться со своим мужем-ополченцем, но некоторые девушки говорили, что она просто сбежала от работы. Я думаю, что в этой версии какая-то доля правды есть, потому что Таня Иванова была очень заносчивая девица. Довольно красивая, за ней многие наши однокурсники ухаживали, но, избалованная дома (конечно, единственная дочь), Татьяна свысока относилась к товарищам. Она, конечно, была комсомолкой, но в комсомоле себя никак не проявила, просто числилась. Уже в Москве, в райкоме комсомола ее осудили за этот поступок. Вот такие были две истории, связанные с любовью. Вроде бы похожие, но в одном случае виден один характер, в другом — другой.

Мы пытались потом Татьяну Иванову приглашать к себе на встречи однокурсников. Она пришла только один раз, на первую встречу, посвященную 20-й годовщине Победы, а потом не захотела бывать. Более того, я лично просила ее, звонила по телефону, просила дать нам похоронку, присланную в семью, о гибели ее мужа Ивана, но она сказала, что потеряла ее. Это тоже не очень хорошо ее характеризует — обычно в семьях такие вещи стараются сохранить.

Мы вернулись с лугов в двадцатых числах августа. Не все возвращались вместе: часть отплыла пароходом, часть вернулась поездом. Я возвращалась поездом, со мной ехали наиболее активные работники, главным образом девушки второй бригады Гайды Вицуп. Всего ехало человек тридцать. Здесь же была и Зоя Грибова. Я очень хорошо помню один разговор — мы общались почти всю ночь. Говорили о том, как мы будем дальше себя вести, готовы ли мы на любое задание. Все подтвердили, что готовы, а кто-то даже сказал: «Особенно если вместе с тобой». Говорили, что хорошо бы нам всей бригадой пойти на выполнение какого-нибудь задания.

Но обстоятельства сложились так, что, когда мы вернулись в Москву, у всех оказались разные обстоятельства. Некоторые пошли на курсы медсестер (в частности, я записалась на вечерние). Тогда университетские курсы медсестер уже закончили свою работу, но были созданы новые, по линии Красного Креста. Была договоренность с профессорами-медиками, чтобы курсы были созданы при госпитале. Я стала ходить туда по вечерам. Кто-то пошел на другие занятия. Я уже говорила, что Зоя Грибова и с нею еще несколько девушек со второго курса (в частности, Нина Разумовская) пошли работать на завод. Многие девушки пошли работать в госпитали и одновременно продолжали учиться.

Госпиталь. Ремесленное училище. 16 октября на работе

До 16 октября я вечерами ходила на практику на курсы медсестер, на дежурства в госпитали. Уже были раненые. Однажды (это был конец сентября — начало октября) через оборону Москвы прорвался немецкий самолет, и бомба разорвалась на каком-то предприятии. Возник пожар, к нам поступило много ожоговых больных. Я помню, как мы ухаживали за этим мирным населением.

Кроме того, мне нужно было где-то работать, потому что занятия уже закончились, а стипендию нам платили до августа включительно. Нужно было на что-то жить. Днем я работала в ремесленном училище на Красной Пресне, была заместителем начальника училища по политчасти: проводила с подростками беседы, занятия. Там учились не столько москвичи, сколько иногородние, особенно много было учеников из центральных областей. Ребята-ремесленники слушали меня очень внимательно. Некоторые сидели, наклонив голову к парте, и на меня не смотрели. У них был очень угрюмый вид. Сидит-молчит такой мальчик, потом вдруг поднимает голову и прерывает меня: «А вы скажите, до каких пор Красная армия будет отступать?» А другой: «Почему нас не пускают домой? Мы хотим домой, там наши отцы, наши братья, там к нашим домам враг подходит. Мы хотим там быть, воевать хотим, все равно убежим!» Речь шла о Саратовской, Воронежской, Смоленской областях, о центральном Черноземье. Про Смоленск уже не говорили, там уже была оккупация.

Однажды мне пришлось дежурить ночью. В общежитии стояла специальная кровать для преподавателя, он должен был там ночевать на случай бомбежки, чтобы паники не было. Я расположилась там, но спать не могла, потому что слышала, как ребята разговаривали между собой: «Мы все равно убежим, они нас не пускают, но мы убежим». А моя задача как раз состояла в том, чтобы они не убежали. Куда они побегут?

Закончилось все вот чем. Я была в общежитии на Второй Извозной улице, где жила еще, когда училась на рабфаке (в том же корпусе и почти в той же комнате). Утром 16 октября, как и во все другие дни, поехала на Красную Пресню. Накануне была, видимо, очень усталая, поздно приехала из госпиталя и не слушала радио. Добралась от Второй Извозной до Красной Пресни (это не очень удобный путь, нужно было ехать с пересадкой, через Кудринскую площадь). Меня удивила какая-то необычная, можно сказать, суровая тишина, и какой-то гул голосов внутри. Все это насторожило.

И вот, когда мне давали пропуск (такой был порядок на заводской территории), мне сказали:

— Вас просят зайти к директору. Завод закрыт.

Я захожу туда, директор мне говорит:

— Вы разве не знаете, что все рабочие сейчас направляются в каску, получают заработную плату, и завод эвакуируется. ПТУ здесь работать больше не будет. Наша задача — организованно отправить ребят в эвакуацию. И на вас возложена очень большая надежда, вы должны их сопровождать. Причем никакого транспорта нет, нужно идти пешком по направлению к Горькому.

Я отказалась наотрез. Ответила, что учусь на курсах медсестер и готовлюсь на фронт. Пошла против прямого приказа директора и нашего управления — сказала, что в эвакуацию не пойду, нарушу приказ. Он подумал, говорит: ну раз так, тогда хоть помогите ребят собрать, подготовить к эвакуации. Так я и сделала.

В течение целого дня, часов до четырех или до пяти вечера, я занималась сборами: открыли кладовую, где было новое обмундирование (учившиеся в ремесленном училище ребята были полностью на казенном иждивении: и питание, и обмундирование), собрали рюкзаки и так далее. Каждого из ребят вызывали, давали рюкзак с полным обмундированием и пайком питания. Ребята спрашивали: «Вы с нами пойдете?» Я отвечала, что нет. Но почему не пойду, я должна была говорить уклончиво. «А вы куда? — спрашивали они. — А вы на фронт? А мы почему не можем?» Приходилось им объяснять, что пока им туда не нужно, может быть, придет такая надобность, но сейчас наша задача их проводить. Вот такой была моя работа в течение всего дня 16 октября 1941 года. Ребята были организованы в подразделения и переданы новому руководителю. Директор сам принимал в этом участие, а я была освобождена и могла уходить.

Секретное задание

16–17 октября. Факультет. Приглашение на спецзадание

Я вышла на улицу, но не могла сесть на трамвай (по Красной Пресне тогда ходил трамвай, который всегда довозил меня до университета, до улицы Герцена, он останавливался как раз напротив нашего факультета, около клуба). Один за другим шли составы, битком набитые людьми, люди висели на поручнях. Это была не эвакуация (она осуществлялась на предприятиях) — это были люди, которые бежали кто

домой, кто куда. Люди были растеряны. Я не смогла прицепиться к этим трамваям и решила пойти пешком с Красной Пресни до университета (тогда эти расстояния были для нас не очень большими, мы привыкли много ходить пешком). Я шла и видела панику, а была именно паника, особенно на Кудринской площади и на улице Герцена.

На углу улицы Герцена и Бульварного кольца, там, где сейчас ТАСС, были маленькие одноэтажные дома, в которых находились продуктовые магазины, там был очень большой ажиотаж. Я шла по противоположной стороне (там, где кинотеатр) и видела, как из этих магазинов выбегали растрепанные женщины и кричали: «Мне не досталось муки!», «Я не смогла, что же я теперь буду делать!» У меня сжалось сердце. Я остановилась, думаю: «Боже мой, что же это они себя так ведут, почему они в такой панике, разве можно сейчас так себя вести?» И мне хотелось (я не преувеличиваю, это было ощущение того времени, того дня, того часа и той минуты) стать гигантским человеком, раскинуть руки и сказать: «Дорогие сограждане! Что же вы так себя ведете, особенно женщины? Нельзя в такое тяжелое для страны время так поддаваться панике! Если вы не можете остаться в Москве, организовано и дисциплинированно работать, то идите, опять же организовано, в эвакуацию. Враг у стен Москвы, ему только и нужна эта паника, которую вы здесь создаете». Но я не могла стать и крикнуть, потому что в этой толпе я терялась. Но несколько человек прошли мимо меня, тоже возмущаясь, сжав кулаки и губы.

Когда я стала спускаться ниже к Моховой, к нашему университету, то народа стало меньше, и паника была не такая. Когда я вошла на истфак, вниз по лестнице на второй этаж, где располагался факультет, бежали девчонки-студентки. Там же стояла Аракса Захарьян и уговаривала этих девчонок:

— Зачем вы поддаетесь панике?

И одна девчонка ей сказала:

— Что вы нас все время уговариваете? Немцы уже у стен Москвы! Они займут Москву!

— Речь идет о том, что если вы, и такие, как вы, не можете или не хотите защищать Москву, то и отправляйтесь в эвакуацию организованно! — ответила Аракса.

Потом Аракса мне рассказала, что эти девчонки бежали с собрания. В актовом зале был митинг, его проводила секретарь партийной организации факультета Эстер Герштейн. Задача этого несчастного человека состояла в том, чтобы уговорить студентов пойти в эвакуацию. Был приказ, что университет должен эвакуироваться, и партийная органи-

зация была должна организовать эвакуацию. Самой Эстер идти в эвакуацию не хотелось, но она говорила, что готова идти вместе со всеми. Аракса тоже должна была помогать в организации эвакуации. Уговаривали всех, но некоторые возмущались: «Как же? У нас родственники здесь остались. Как они должны выходить?» Какая-то часть студентов была организована. На собрании им объявили, когда должна быть встреча, где будет сборный пункт, что надо взять с собой, и т.д.

Когда все разошлись, мы вышли на улицу с Араксой, и она спросила:

— Ну а ты как?

— Я пойду сейчас на курсы медсестер, — ответила я. — Мы должны закончить. И надо на фронт собираться.

— А если не на фронт?

— А что другое? Тогда я остаюсь в Москве, и, конечно, ни в какую эвакуацию не пойду.

— Что же ты будешь делать?

— Защищать Москву.

— Это правильно. Я тоже готова защищать Москву. Но как? Оружия-то у тебя нет, — сказала Аракса. Ее в это время уже избрали секретарем Краснопресненского райкома комсомола. Я даже не помню, как это происходило. Все было очень быстро.

— У тебя ведь тоже нет, а остаешься! Я буду работать, исполнять свои комсомольские обязанности! Коммунисты останутся, комсомольцы останутся, останусь и я. И я буду вместе с Красной армией защищать Москву. И я уверена, что Москву мы не сдадим!

— А если?

— Никакого «если»! Москву мы не сдадим!

Она подумала и сказала:

— Я могу предложить тебе задание по мобилизации Московского комитета партии. С санкции, конечно, Центрального комитета. Коммунисты сугубо добровольно, но по специальному отбору, мобилизуются на секретную работу в Москве. Это будет нелегальная работа.

Я сначала не поняла. Как это? Я должна сидеть где-то здесь, спрятавшись в какой-то подвал?! Нет, лучше бороться: пойду в партизаны, если уж на то пошло. Аракса объяснила, что эта работа как раз и будет помощь партизанскому движению. Если нужно, в партизанские отряды пошлют. Тогда я согласилась.

Это было вечером у университета, разговор шел где-то около здания нашего факультета, мы шли по улице. Было поздно, начинало темнеть. Я не помню, но, наверное, было довольно холодно. Я попросила разрешения зайти попрощаться к родственникам, которые жили

на улице Воровского, и сказать, что ухожу на фронт, конечно, ни в каком случае не говоря, куда именно, — чтобы они могли передать моей сестре. Я зашла туда буквально на несколько минут, двоюродный брат проводил меня до райкома. Райком помещался тогда на Тверском бульваре, где-то недалеко от того места, где сейчас находится музей Востока. Может быть, там, где после войны выстроили театр МХАТ.

Мы простились с братом, и я поднялась в райком, где уже была Аракса. Вместе с ней мы оказались в кабинете секретаря райкома, Нины Васильевны Поповой¹. Это была очень красивая женщина, с приятным, милым лицом. Примерно моего возраста, может быть, на год или два старше, очень деловая, серьезная. Аракса ее уже предупредила. Она начала со мной разговор: действительно ли я готова добровольно пойти на такую работу, что, может быть, мы окажемся в тылу врага. Я сказала:

- Да, я все равно готовилась на фронт.
- Это немножко не тот фронт, это сложнее.
- Тем более.

Потом немножко поговорили обо мне, она задала какие-то вопросы — и все, я была зачислена в этот отряд, как потом говорили, пользующийся особым доверием партии. Это было для меня очень важно, потому что у меня была репрессирована мама. Мне было очень важно, что мне оказали такое доверие.

На следующий день мы должны были прийти на специальную консультацию (куда — уже не помню, кажется, в МГК партии). До этого мы должны были составить себе легенду для нелегальной подпольной работы: я перестала быть Серафимой Ивановной Антоновой, придумала себе другие фамилию, имя и биографию.

Мы пришли на консультацию и сидели около какого-то кабинета, куда по очереди вызывали. Все было очень долго, наверное, часа два

¹ **Попова Нина Васильевна** (1908–1995) — советский партийный и общественный деятель. С 1925 г. на комсомольской работе. Член КПСС с 1932 г. С 1934 г. на советской и партийной работе в Москве. В 1945–1957 гг. секретарь ВЦСПС, одновременно в 1945–1968 гг. председатель Комитета советских женщин и вице-председатель Международной демократической федерации женщин. С 1957 г. председатель правления Всесоюзного общества культурных связей с границей (ВОКС), с 1958 г. председатель Президиума Союза советского общества дружбы и культурной связи с зарубежными странами. Член Всемирного совета мира, президиума Советского комитета защиты мира, Советского комитета солидарности стран Азии и Африки, президиума Комитета советских женщин, Советского комитета за европейскую безопасность и сотрудничество. На XX съезде КПСС избиралась кандидатом в члены ЦК, на XXII–XXIV съездах членом ЦК КПСС. Депутат Верховного Совета СССР 3–9-го созывов. Международная Ленинская премия «За укрепление мира между народами» (1953). Награждена 2 орденами Ленина, орденом Октябрьской революции, 4 другими орденами, а также медалями.

или три, и очень напряженно. Нас было несколько человек из Краснопресненского района, мы сидели вместе с Араксой, потому что она тоже вошла в этот отряд. Рядом с нами сидел еще один человек, я не помню точно его фамилии, кажется, Тюленин. Он был немножко постарше нас, заведовал в Краснопресненском райкоме военным отделом. И чем ближе продвигалась очередь, тем больше он нервничал. Волновался, вставал, садился, а потом вдруг, когда уже очередь подошла совсем близко, он полупшепотом обратился к нам двоим:

— Вы меня, товарищи, извините, пожалуйста, но я не могу пойти! У меня семья, я не могу подвергать ее такому риску.

Мы немножко растерялись, как это так можно — человек пошел на это и вдруг струсил — никак иначе мы это оценить не могли, потому что у других ведь тоже были какие-то близкие люди. Мы пожали плечами и ничего против не возразили, но лично я и, наверное, каждый подумал, что так нельзя, что это неправильно, лучше бы ты совсем не шел. Сразу же возникало противоречие: почему другие шли на фронт, были мобилизованы и от семей, и от детей уходили. Конечно, это стало проявлением трусости — поступком, безусловно, недостойным коммуниста. После, когда я, весной 1944 года, приехала в Москву с фронта, я узнала, что он уже работает в Московском комитете партии, заведует отделом. Я уже многое к тому времени видела, многое узнала, понимала, как и кто себя ведет, ну и я, конечно, решила, что он устроил себе легкую карьеру, и потом не воспринимала его как настоящего коммуниста.

Вернемся к собеседованию. Сначала его прошла Аракса, потом в кабинет зашла я. Там сидел человек лет 35–40, очень красивой внешности: подтянутый, интеллигентный. Прежде всего он заслушал мою легенду. Я сказала, что беру себе имя-отчество Белова Анна Ивановна — он спросил, почему. Я объяснила, что у меня есть двоюродная сестра Белова Анна, а отчество я оставила свое, потому что оно мне ближе, я лучше запомню — он сказал, что я совершенно правильно все сделала. Потом одобрил, что я оставила свой возраст без изменений. Затем я рассказала о том, где я родилась: я выбрала какое-то село, сейчас даже не помню, какое именно, недалеко от своих мест. Он стал инструктировать меня, как себя вести в подполье в нелегальных условиях, говорил какие-то напутственные слова, деталей я уже не помню. Этой беседой закончилось мое оформление в группу.

Был еще один эпизод, тоже связанный с этими днями, 16–17 октября. Вечером 16 октября, еще до того, как пойти в райком, до разговора с Араксой, я позвонила с факультета в квартиру своей однокурсницы

Татьяны Варламовой¹, разговор у меня был с ее тетей. С Татьяной мы дружили, и я часто у них бывала. Она жила с мамой Клавдией Михеевной в доме Народного комиссариата путей сообщения около Кировских ворот, у них была большая комната в трехкомнатной квартире. Мама Татьяны была фармацевтом, работала главным провизором большой аптеки на углу Трубной площади. При домах НКПС была больница, где работала тетя Татьяны, Анна Михеевна Козлова, с которой я тоже была хорошо знакома. Она там заведовала терапевтическим отделением, была врачом с большим стажем (работала еще с дореволюционного времени, пережила в Москве Гражданскую войну). Анна Михеевна не была замужем и все свое внимание отдавала племяннице, поэтому часто бывала в их квартире.

Так вот, я позвонила Татьяне, а на звонок мой ответила Анна Михеевна. Когда она услышала мой голос, сказала:

— Сима, как хорошо, что вы позвонили! Я в таком состоянии! Очень огорчена, что делается в Москве! Что же это такая паника, и главным образом женщины паникуют! Что же молчат наши руководители, нужно, чтобы кто-то выступил! Нужно, чтобы призвали к порядку в первую очередь именно женщин! Была бы сейчас такая сильная женщина, как Коллонтай, или хоть кто-нибудь, кто бы обратился к женщинам с призывом, что нужно подняться, быть организованными, сжать зубы и готовиться к отпору, чтоб вся Москва готовилась к отпору! Ну нельзя же в такую панику впадать, это только на руку врагу!

Вот такую тираду она произнесла. И вскоре после этого разговора, через час или два, Щербаков, секретарь Московского комитета партии, обратился к населению с прекрасной речью! На другой день, когда я уже оформилась в спецгруппу, я опять позвонила — уже специально Анне Михеевне, чтобы сказать, что Щербаков-то выступил, все-таки обратился! Она, как только услышала мой голос, сразу сказала:

— Сима! Мы с вами разговаривали о том, чтобы кто-то выступил, вот товарищ Щербаков очень хорошо обратился к народу, теперь мне есть на что опереться в разговоре с моими больными. Я вам потом расскажу, какие события у нас произошли в нашей больнице.

Позже, уже после войны, она мне рассказала. Главный врач ее больницы к вечеру 16 октября собрался в эвакуацию, нагрузил больничную машину продуктами и пригласил ее для беседы: «Анна Михеевна, вы, надеюсь, не поедете в эвакуацию?» Она говорит: «Как я могу уехать в эвакуацию? Вы уезжаете, другие врачи поедут, а больных, которых

¹ Варламова Татьяна Александровна (1918, г. Сталиногорск — ?). В 1937 г. поступила на исторический факультет по конкурсу.

нельзя эвакуировать, кто будет лечить, кто будет защищать?» К тому времени по больнице уже распространился слух об эвакуации, больные ее спрашивали — и она пообещала им остаться и быть с ними все время во что бы то ни стало. Она была с ними всю войну, и после войны работала там же. Позже ей было присвоено звание Героя Социалистического Труда. Вот такой человек встретился на моем пути.

Спецзадание. Первые месяцы

Руководителем нашей районной партийной группы стала Нина Васильевна Попова. Других фамилий мы не знали, знали только связную нашей группы. Я забыла ее имя-отчество, хотя знала ее очень хорошо, мы с ней были связаны с 17 октября 1941 года до 20-х чисел февраля 1943 года. До войны она была секретарем партийной организации одного небольшого предприятия на Красной Пресне, то ли сахарного завода, то ли лакокрасочного.

Мы вместе с Араксой стали работницами. Меня определили на небольшую швейную фабрику на Красной Пресне, которая занималась тем, что шила нижнее белье для солдат Красной армии. Я умела шить на машинке, но нужно было привыкать к швейным машинам-автоматам. Аракса тоже на какой-то фабрике стала работать, но жить мы стали вместе, нам дали комнату в трехкомнатной квартире на Песчаной улице. Мы поселились там на правах погорельцев. В два или три дома на Краснопресненском Валу, недалеко от улицы 1905 года, попала бомба — мы якобы были погорельцы из этих домов.

Я хорошо запомнила свою фабрику, потому что наша задача в первые месяцы состояла в том, чтобы (пока мы осваиваем методы подпольной работы и учимся устраивать встречи со связником) собирать информацию о настроениях населения и передавать их через связника. Мне очень хорошо помнятся эти самые настроения. Были тревожные дни, сразу после 16 октября, когда Москва как бы затаилась. Был строгий порядок, все чинно, строго, дисциплинированно. Улицы подметены, везде расставлены ежи и мешки с песком. Во время военной тревоги люди в строгом порядке спускаются в бомбоубежище и на заводах, и на фабрике. Коренные москвички, простые работницы Красной Пресни тогда так рассуждали: «Как хорошо стало в Москве! Как хорошо, что покинули Москву эти паникеры! Нам без них лучше, мы без них лучше сумеем защитить Москву».

На той фабрике проработала я очень недолго, может быть, месяца полтора, не больше.

Трехгорка и нелегальная квартира

Через полтора месяца меня на полуполюгальных условиях вызвали в райком. Тогда райком уже переехал на Никитский бульвар в то самое здание, где сейчас находится Дом журналистов. В этом здании и после войны был долгое время райком партии. Меня пригласила туда Нина Васильевна и сказала:

— Аня (так они меня звали), мы хотим перевести вас на другую работу. Это та же самая организация, но вы будете работать на фабрике Трехгорной мануфактуры, будете ткачихой.

— Я не умею!

— Научитесь, будете ученицей. Не это главное. Это станет ваша официальная работа, а неофициальная, нелегальная работа другая — вы будете хозяйкой подпольной квартиры.

Недалеко от фабрики «Трехгорная мануфактура», в закутке около улицы Заморонова, было несколько красных кирпичных домов — двухэтажных бараков с полуподвалами. Когда-то там жили служащие Прохоровской мануфактуры, приехавшие с периферии (у Прохорова было много татар). В полуподвале одного из таких ужасных бараков меня и поселили. Там была небольшая квартирка с тремя маленькими комнатками. Из подъезда в мою квартиру вход был слева, а справа жили двое молодых людей, брат с сестрой. Брат — еще подросток, девушка, по-моему, была работницей, может быть, даже на той самой «Трехгорной мануфактуре», сейчас уже не помню. Я должна была так себя поставить, чтобы они не входили ко мне в квартиру: я могла к ним заходить, а они нет. Наверху тоже были жильцы, и мне рекомендовали с ними познакомиться, зарекомендовать себя, рассказать, что я умею хорошо вышивать (я действительно умела). Туда я опять поселилась как погорелец, подробностями никто не интересовался.

Комната, в которой я поселилась, была площадью не больше пяти квадратных метров. Там стояли кровать, маленькая тумбочка, стул и малюсенький столик. И окошко, в которое видны были только ноги идущих людей. Помещение очень сырое. Правда, в эту комнату выходила голландская печь, можно было топить ее, отапливать квартиру.

Рядом с моей комнатой была дверь в следующее отделение, где была маленькая прихожая, тоже метра три-четыре, и вход еще в одну комнату, примерно такого же размера, как и та, в которой жила я. В ней тоже стояла только одна кровать, и там должна была находиться мой непосредственный руководитель по подпольной группе. Ею была Ли-

дия Ивановна Петрова — гречанка по национальности, из советских греков, тех, которые всегда жили на Украине. Она в 20-х годах по решению Коминтерна была послана на нелегальную работу в Грецию, какое-то время работала там. Но к 1941 году она стала членом нашей Коммунистической партии и уже довольно долго заведовала отделом пропаганды и агитации Краснопресненского райкома.

Еще одна комната была совершенно темная. Там никто не жил, мы туда складывали дрова — в прихожей была большая плита, ее нужно было топить дровами, потому что никакого электричества не было. Между моей комнатой и комнатой Лидии Ивановны была печка-голландка, на ней тоже можно было что-нибудь приготовить, но немного. Когда нужно было приготовить себе обед на неделю, я готовила на большой плите.

Что же это была за подпольная квартира, и какова была моя роль хозяйки? Что я должна была охранять там под видом работницы «Трехгорной мануфактуры»? В комнате Лидии Ивановны был большой платяной шкаф, где висела старенькая шубка беличьего меха и какое-то платьишко. Из этого шкафа был устроен лаз в подвал, который был еще глубже, чем наш полуподвал. Прежде чем поселить меня в квартиру, в ней были проведены большие секретные работы — был установлен печатный станок. Туда приходила девушка из нашей группы, с которой я не могла вступать в длительный разговор, и ей это тоже было запрещено. Я не сразу об этом узнала, но она приходила, чтобы печатать листовки для распространения в Подмоскovie, среди партизан. Там была маленькая типография. Был всего один станок, но листовки печатали в достаточно большом количестве.

Это был очень трудный период, но мне тогда казалось, что это ни в какое сравнение не идет с теми трудностями, которые испытывают другие люди непосредственно на фронте.

Трудно было работать на фабрике, было сложно отстоять всю смену за станками. Я не сразу к этому привыкла. Мы ткали бязь, суровье, а потом даже материалы для бинтов. У меня было минимальное количество станков — четыре, другие работали на шести, а ударницы даже на восьми. Мне это было не под силу, я и с четырьмя станками плохо справлялась. У меня все время рвань шла, брак. Поэтому я там зарплаты получала мало. Я, конечно, получала зарплату из партийной кассы, но и под прикрытием я все-таки должна была тоже что-то получать. Правда, потом, когда меня отпускали с фабрики под предлогом того, что я ухожу на фронт, начальник цеха, в котором я работала, по-моему, его звали Григорий Кондратьев, сознался, что это он был виноват:

— Аня (он знал меня как ученицу Аню Белову), я должен был тебя поставить на другие станки, это самые плохие станки — они плохо поддавались налаживанию. Если б я знал, что ты на фронт собираешься!

Главная трудность состояла в том, что нужно было отстоять за станками 12 часов. Все так работали, дневная смена начиналась с 7 утра и заканчивалась в 7 часов вечера, ночная смена начиналась в 7 вечера и продолжалась до 7 утра. Для меня самой трудной была ночная смена. Невозможно было привыкнуть к тому, чтобы в ночную смену выстоять как-то так... трезво. Я хорошо помню, что всегда то ли к 4, то ли к 5 часам ужасно клонило ко сну. Казалось, сейчас упадешь на станок, и на тебя налетит челнок, в голове мелькало — и пусть он меня убьет, все безразлично. Но потом берешь себя в руки и продолжаешь следить за станками, заправлять челноки. Это очень сложно. Кроме того, когда заканчивалась ночная смена, я могла бы, кажется, лежать и спать до 7 вечера (мы неделю работали в дневную, неделю — в ночную смену). Но мне нельзя было лежать и спать весь день, нужно было выполнять партийную работу, выходить на связь — спала я какое-то очень небольшое количество часов.

Я еще не рассказала о работницах фабрики. Это были истощенные женщины. На фабрике давали обеды, но главным образом только первое — я даже не помню, было второе или нет. Первое — это щи: там немного капусты, но больше жижи и маленький, с наперсток (сколько-то там грамм по норме), ковшичек масла. На столе сосуд с маслом, его вливали в тарелку каждому и давали кусочек хлеба. Питались, конечно, очень плохо, но настроение было боевое. Не было паники, я никогда не слышала ни от одного человека никакого нытья. Я была простой работницей, была вместе с ними. Более того, я была не очень способной ученицей, а они были настоящие ткачихи, в большинстве своем стойкие и маститые.

Правда, все говорили — скорее бы прогнать этого проклятого немца! Хорошо помню одну картину, которую я, если бы была художником, хотела бы нарисовать. Обеденный перерыв, цех остановился. В этот обеденный перерыв пришел кто-то из парткома фабрики. Неважно кто, женщина или мужчина, представитель парткома пришел кратко сообщить последние известия с фронта. Но главное — рассказать о том, что в такой-то области такой-то крестьянин свои сбережения полностью отдал на постройку танка. И призывает своих односельчан и всех граждан вносить свои сбережения на поддержку армии. Женщины стоят полукругом, слушают, и вот немножко вперед выдалась одна высокая работница. Я не знаю, сколько ей было лет,

может быть, за 40, может быть, за 50. Она была истощена, грудь ее впала, живот говорил о том, что она уже не один раз рожала. И вот она, как большинство женщин, ткачиха в фартуке, руки вот так сложены, внимательно слушает. Когда представитель парткома закончил свою речь, он обращается: «Ну, может быть, кто-то хочет сказать что-то?» Тогда она говорит: «Да что там говорить? Что мы, разве не понимаем? Да мы готовы последнюю рубашку отдать, лишь бы наша армия хорошо себя чувствовала! Лишь бы одержать победу над этим проклятым фашизмом!» И все присоединились: «Да, конечно! Мы готовы, мы будем отчисления делать!» Вот такие настроения. Эту картину я очень хорошо запомнила. Они редко так выражались, мало говорили, но каждый день своим трудом, своей дисциплиной они выражали свое стремление сделать все, что только можно, для приближения нашей победы.

В мои партийные обязанности по-прежнему входило писать о настроениях. Наверное, я и об этом собрании написала. Одновременно я указывала на недостатки со стороны администрации, и была беспощадна. Если, скажем, тот самый Кондратьев допускал какую-то халатность, беспорядок, я писала. Он, может быть, об этом догадывался. Как-то он мне сказал:

— Тебе бы в партию вступить, наверное, нужно.

— Ну куда мне, я такая плохая работница! — ответила я.

Где-то он меня поймал, на каком-то высказывании, я уж потом взяла это себе на заметку, что нельзя вести себя, как обычно, а то все узнают, что я партийный активист.

Лидия Ивановна Петрова иногда приходила на квартиру, но ночевала далеко не каждый день, раз в две недели, а иногда даже реже. У нее была другая работа, много работы в райкоме партии. Она устраивала встречу с девушкой, которая приходила к нам печатать. Я хорошо помню, как однажды она приехала в то время, когда мне привезли дрова. Наверное, по заданию Нины Васильевны приехала какая-то специальная машина, водитель которой безо всякого разговора свалил дрова и укатил. Целая машина огромных чурбаков, которые нужно было расколоть и перетаскать в нашу третью комнату. И я помню, что Лидия Ивановна пыталась мне помочь, но у нее никак не получалось. Она слишком хрупкая была, а я вот, оказалось (хотя я тоже была худая, как спичка), была физически более закаленная.

Другой раз она застала нашу квартиру в ужасном положении. Я ее старалась содержать в чистоте. Но однажды что-то случилось с канализацией, и из туалета (прихожая была ниже, чем туалет) все вылилось сюда. Нужно было собирать. Я, конечно, начала убирать. При-

шла Лидия Ивановна и тоже пыталась мне помочь, но у нее не слишком хорошо получалось. Потом она мне сказала:

— Аня, я смотрю на вас и поражаюсь, вы такая приспособленная ко всяким житейским трудностям, я вот так не могу.

— А как же, Лидия Ивановна, вы пошли на нелегальную работу в Грецию, там же тоже нужно со всякими трудностями было, наверное, встречаться? — спросила я.

— Да ладно, там совсем по-другому!

— А я так представляю себе, что любая нелегальная работа может создать такие условия, когда нужно проявить стойкость и силу и какое-то физическое мужество.

— Нет, там были совсем другие условия.

В нашем полуподвале зимой было очень холодно и сыро, а на фабрике очень душно. Я сильно простудилась, зимой сорок второго года у меня начался острый бронхит. Тогда часто бывал бронхит. Он продолжался и летом, я помню, что кашляла до такой степени, что спать не могла. Ночью садилась на постель, клала подушку и в нее кашляла. И вот однажды она пришла ночевать и услышала этот самый кашель, и всю ночь тоже не могла спать. Тогда меня вызвали через связника и направили в поликлинику МГК. Там мне сказали, что обязательно нужно прервать всякую работу, дали бюллетень на фабрику, выписали очень сильную микстуру. Я не работала около двух недель. В этот период как-то ко мне зашла Лидия Ивановна и сказала:

— Аня, идемте со мной!

— Куда?

— Сейчас поедем с вами в Измайловский парк.

Оказывается, она приехала на легковой машине, которую оставила в каком-то переулке. Это было указание Нины Васильевны — вывезти меня на воздух. И вот на целый день мы уехали в Измайловский парк, там гуляли и ели бутерброды. Так я немножко пришла в себя.

Потом через какое-то время, это уже было, наверное, в конце лета 1942 года, ко мне пришел начальник ПВО района. Я запомнила его фамилию — Немировский. Он был в военном обмундировании, кажется, майор. Он пришел ко мне по заданию Нины Васильевны Поповой, начал со мной разговаривать о трудностях. Я говорю: «Когда же все это кончится! Дело не в трудностях, дело в том, что мне кажется не очень эффективным это мое сидение здесь!» Он начал мне доказывать, что подпольная типография очень нужна и что скоро это кончится.

Такая типография была, наверное, не одна, но я о других не знаю.

Одна листовка, подобная той, что выпускала наша типография, есть в Комнате боевой славы истфака МГУ. В начале 90-х к нам

на партийный учет пришел вставить генерал Константин Федорович Калашников. Он учился на курсе первого приема 1934 года, потом был секретарем парткома университета, затем одним из секретарей Московского комитета партии, а позже возглавлял политические управления Волховского, Карельского и 1-го Дальневосточного фронтов.

Он был моложе меня на три года, родился в 1912 году. Мы с Костей встречались в партийной организации, когда учились, тогда как-то все были хорошо знакомы, а потом мы не встречались до начала 90-х. И вот, когда он пришел на факультет, я его пригласила в Комнату и стала его просить, чтобы он нам дал свои материалы. Он стал мне приносить материалы и принес одну листовку (ее копия лежит в папке с документами Калашникова). Листовка, написанная им, по каким-то неизвестным мне причинам не была отпечатана тогда. Но это была листовка, обращенная к жителям Подмосковья, оказавшимся в оккупации. Оказалось, что Калашников участвовал в организации нашей группы. Ну вот, подобные листовки печатались в нашей типографии, в той квартире, где я была хозяйкой.

Я рассказываю об этом подробно, потому что об этой нашей работе долгое время широкая общественность не знала — это была секретная работа, и после войны она была долго засекречена.

Вообще, с этой работой было сложно. Когда я оформляла пенсию в конце 60-х годов, мне понадобилось как-то заполнить вакуум, образованный в те годы, между университетом и фронтом, а никаких документов у меня не было. Хорошо, что тогда еще была жива Нина Васильевна, работавшая председателем Союза советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами, который помещался недалеко от Военторга. Она сделала запрос, и мне дали справку из партийного архива, что в такое-то время я была на специальной работе по мобилизации Московского комитета. В райсобесе недоумевали, что это за работа такая, но так как справка была официальная, из архива, — мне зачли.

Нина Васильевна потом собирала нас, людей, работавших в этой подпольной организации во время войны, и мы обсуждали вопрос, нужна или не нужна была эта организация. Она же первая рассекретила эту работу. В 1975 году, к 30-й годовщине Победы, вышел в свет сборник материалов «Битва за Москву», там были документы, но главным образом воспоминания. У меня был этот сборник, но я его оставила в нашем Музее Боевой и Трудовой Славы, а в конце 80-х годов нас обворовали, и в числе прочего утащили этот сборник. Тогда же с нашей открытой выставки исчез лист с документами Героя Советского Союза

Полины Гельман¹. Потом мне говорили, что видели этот лист, но не сказали, где он находится. Ладно, это так, между прочим.

В том сборнике есть воспоминания Жукова и еще кого-то из генералов. Есть и воспоминания Нины Васильевны Поповой. Она рассказывает о том, как проводилась мобилизация в народное ополчение, а потом в эту нашу группу. Впервые она там назвала партийную группу, которую они отобрали. Проверенных коммунистов, но добровольцев, вошедших в группу по личному желанию. Назвала настоящие имена людей, в том числе упомянула студентку Серафиму Антонову и секретаря райкома комсомола Араксу Захарьян. Это было сделано впервые. Впервые было сказано об этой работе. Конечно, не так подробно и не так открыто, как я сейчас говорю.

В 1995 году был опубликован большой сборник документов «Битва за Москву» под редакцией И.Д. Ковальченко. Организаторами и фактическими составителями сборника были работники архива. Там была опубликована статья, по-моему, Кузнецова, который по линии Московского комитета имел какое-то отношение к организации нашей группы. Нины Васильевны уже не было на свете. И он там указал, что первым более-менее подробно рассказал об этой организации, что она впервые была рассекречена. Однако там допущена неточность, вот почему я так подробно рассказываю о своей работе в качестве хозяйки этой квартиры, потому что там хозяйкой была названа только Лидия Ивановна Петрова, моя фамилия не была упомянута, хотя фактической хозяйкой квартиры являлась я.

По-моему, я просидела в подпольной квартире с конца ноября 1941 года до 20 или 21 февраля 1943 года, до момента, когда стало ясно, что ликвидирована не только опасность под Москвой, но и разгромлен фашизм под Сталинградом.

Сегодня, когда я об этом говорю, 13 октября 2001 года. Через несколько дней будет знаменательная и черная дата — 16 октября. Сегодня я возвращаюсь к этой дате совершенно сознательно, потому что шестьдесят лет тому назад я почти на два года стала Анной Ивановной Беловой, ушла в московское подполье. Сейчас я к этому возвращаюсь потому, что ездила в московский городской архив, куда примерно месяц то-

¹ Гельман Полина Владимировна (24.10.1919, г. Будичев Житомирской обл., Украина — 29.11.2005, г. Москва). Студентка исторического факультета МГУ 1938 года поступления. Во время войны — начальник связи авиационной эскадрильи 46-го гвардейского ночного бомбардировочного авиационного полка 325-й ночной бомбардировочной авиационной дивизии 4-й воздушной армии 2-го Белорусского фронта, гвардии старший лейтенант. Совершила 860 боевых вылетов. Герой Советского Союза. После войны — к.э.н., доц. каф. политэкономии Ин-та общественных наук ЦК КПСС.

му назад была подана моя заявка с просьбой предоставить мне справку о моей работе с 16 октября 1941 года по 20 февраля 1943 года. Эту справку мне выдали вчера, и я очень рада, потому что наконец точно названа та организация, в которой я принимала участие: «По документам штаба партизанского движения Московской области установлено, что Антонова Серафима Ивановна (Белова) 1909 года рождения, студентка МГУ имени Ломоносова, в 1941—1943 годах принимала участие в работе подпольной организации Краснопресненского района города Москвы».

Тогда, в феврале 1943 года, я помню, пришла со смены, конечно, устала. Легла спать, и вдруг в мое полуподвальное окошко постучали.

— Кто? — спросила я и услышала голос Нины Васильевны:

— Аня, Аня, откройте, откройте, это мы!

Она приехала ко мне вместе с Лидией Ивановной Петровой. Радостные и веселые, они сообщили:

— Ну, Аня, мы должны вас обрадовать. Вы знаете, что битва под Сталинградом закончилась победой нашей армии, враг отброшен далеко от столицы, и надобность в нашей организации теперь окончательно отпала! Мы несколько раз обращались, когда же нас пустят на фронт? И все время нам говорили, что мы нужны здесь — а теперь надобность отпала. Где бы вы теперь хотели быть? Мы всех спрашиваем, кто участвовал в этой системе, где бы они хотели работать дальше.

— Я, конечно, на фронт хочу, — сказала я. — И вы это прекрасно знаете, потому что я не раз говорила об этом с Лидией Ивановной и просила, чтобы меня отправили на фронт!

— Ну, ваше пребывание здесь было тогда для нас значительно важнее, чем если бы вы стали рядовым на фронте. На фронт мы вас пошлем. Отпустим, когда понадобится, когда будет соответствующий запрос к нам — какая-то мобилизация.

— Я готова рядовым солдатом идти!

— Нет, рядовым солдатом мы вас не отправим, нужно более целесообразно вас использовать. А сейчас мы хотели бы вас попросить хотя бы на два-три месяца пойти работать в партком авиационного завода на Красной Пресне. Нам очень нужна ваша помощь, нужно разобраться в одном партийном деле.

Я стала протестовать.

— Мы просим именно вас, — сказали они, — потому что там сложное дело: секретарь парткома (а в военное время секретари парткомов крупных предприятий и учреждений были одновременно секретарями ЦК на предприятиях), его фамилия Григорьев, как нам кажется, ведет себя недостойно для секретаря военного авиационного завода. Он же секретарь ЦК! Нам нужно разобраться, вы сумеете это сделать.

- В качестве кого я туда пойду, как я могу это сделать? — спросила я.
- Там сейчас нет заведующего партийным кабинетом, вы пойдете на этот пост. И, если вы посчитаете это нужным для партийной организации, вас выберут культпропом парткома.
- Но это — надолго — а я прошу меня от этого уволить! Я согласна пойти туда заведующим парткабинетом с условием, что это будет не больше двух-трех месяцев, а на большее — нет.

Авиационный завод

Мне дали комнату в другом районе, недалеко от Красной Пресни. Я стала работать на 27-м военном авиационном заводе, который находился, по-моему, на Большой Грузинской улице.

Когда я туда пришла принимать партийный кабинет, я увидела этого Григорьева, который оказался моим старым знакомым — я помнила его по работе в комсомоле. Он меня тоже узнал и очень смутился.

Тогда, в комсомольское время, он сменил на посту секретаря Бригницкого уездного комитета комсомола Сережу Филатова, о котором я рассказывала. Григорьев нам сразу не понравился: такой немножко расплывчатый бюрократик из комсомольцев, что было совершенно чуждо нашему комсомольскому духу. Скрепя сердце, мы его приняли на пленуме уездного комитета комсомола, но потом пожалели об этом. Он был очень ленив и бесконечно бюрократичен. Ребята начали критиковать его в открытую. И на одном пленуме (прошло всего четыре или пять месяцев после того, как он начал работать) его разгромили так, что потребовали убрать этого Григорьева от нас. И его убрали. Как он потом снова оказался на партийной работе, как он стал секретарем ЦК и секретарем парткома на военном заводе, я не знаю.

Нина Васильевна мне очень доверительно говорила, что «мы с ним сладить не можем, но чувствуем, что на заводе что-то не так». На этом заводе трудились многие ленинградские рабочие, которым удалось эвакуироваться с крупнейших заводов Ленинграда еще до блокады и которые сохраняли ленинградскую пролетарскую закалку. Они все были близки, как-то объединены. И вот эта ленинградская когорта выражала открытое недовольство, но слишком открыто они не могли выступить, потому что это был военный завод с военной дисциплиной.

Директором завода был Казаков, коммунист из профильного научно-исследовательского института. Крупный инженер, здесь ему было присвоено воинское звание генерала. Он мирился с этим Григорьевым, который вошел к нему в доверие, поддакивал ему во всем вместо того, чтобы занимать принципиальную позицию.

Я начала политическую работу, пригласила хороших лекторов. Здесь мне очень помогала Лидия Ивановна Петрова, она присылала прекрасных лекторов, причем часто перед рабочими выступали люди из партийной группы ЦК, люди, побывавшие на фронте. Приезжали прекрасные международники. Ко мне стали часто приходиться рабочие, очень быстро мы подружились с парткабинетом. Постепенно я вошла к ним в доверие, они мне начали рассказывать все об этом Григорьеве.

Самое главное, что коммунисты, ленинградские рабочие, говорили, что у них здесь не проводится партийная работа, и, несмотря на военное время и на военную дисциплину, вместо боевого духа чувствуется затхлость. В частности, вопрос шел о снабжении рабочих. Рабочим этого завода давали немного больший паек, но все это куда-то пропадало — то есть они получали то же самое, что на других предприятиях — скудные, скудные обеды. Они знали, что куда-то все утекает. Тогда вскрылось, что жена Григорьева установила связь с заведующим отделом особого снабжения (а при крупных предприятиях всегда был такой отдел), приезжала туда, нагружала корзину всякими продуктами и отвозила их домой. Поэтому семья Григорьева была очень хорошо обеспечена продуктами, ему нечего было заботиться о рабочих. Кроме того, начальству на заводе полагалось обедать в особом кабинете, вместе с директором, поэтому к нему снисходительно относился и сам директор, генерал Казаков.

Помню, как-то был пленум райкома, на который пригласили партийных активистов, в том числе и меня. Когда закончился пленум, люди уже стали расходиться, в раздевалке райкома оказались мы с Казаковым. Он сказал:

— Я подвезу вас.

— Нет, я не поеду, — ответила я.

— Это почему? Принципиально?

— Ну хотя бы и принципиально. Я не хочу пользоваться казенной машиной.

— Я вас прошу! В конце концов, вы мне очень нужны, я хочу с вами поговорить, а где же мы иначе с вами поговорим! И вам некогда, а мне тем более некогда — у меня каждая минута в рабочем дне занята, там непосредственно со своими заводскими делами надо дело иметь.

Я была вынуждена согласиться, и вот мы с ним поехали. Он начал разговор:

— Вы думаете, что я не понимаю, зачем вас прислали к нам на завод?

— Ну и что вы понимаете?

— Вам обязательно нужно составить характеристику Григорьеву.

— А что мне ее составлять, я ее уже знаю — такое совпадение, что мы с ним знакомы с комсомола.

— Ну, сколько времени, сколько воды утекло, человек мог измениться.

— Он не только не изменился, он стал еще хуже.

— Вы думаете, я этого не знаю?

— А если вы знаете, почему вы держитесь за него?

Он помолчал и сказал мне:

— А вы не думаете, что мне выгоднее иметь такого секретаря парткома, как Григорьев, который бы не мешал мне работать? Я что, плохо работаю?

— Нет, ну кто может сказать, что вы плохо работаете? — Он действительно был хорошим директором и организатором, диктатором в смысле дисциплины и организации, хорошо относился к рабочим. — Этого никто не может сказать, но в то же время почему вы его поддерживаете?

— Мне легче работать с таким человеком, который не вмешивается в дела дирекции.

— А то, что он ведет себя не партийно, недостойно коммуниста? Это и в мирное время недостойно, а теперь-то военное время. Мы должны считаться с мнением рабочих!

— Ну, я, конечно, всего не знаю, я не вникаю в его дела, мне некогда, у меня производство.

Он действительно был образцовый директор, его ставили в пример.

Я закончу о Казакове. Это было уже после войны, в начале 50-х годов. Я была в Сочи в новой санатории министерства высшего образования, построенной на самом берегу моря. Мы там были с Серафимой Павловной Зиновьевой, моей коллегой по кафедре. И вот однажды я сидела на балкончике, вниз спускалась небольшая лестница. Мимо проходил гражданин в штатском. Шел, смотрел на меня. Потом вдруг остановился:

— Антонова?

— Да, Антонова.

— А вы меня не узнаете?

— Нет, не узнаю.

— А Казакова, директора авиационного завода, помните?

— Помню, конечно, это ж генерал.

— Был тогда генералом, присвоили мне такое звание. Я Казаков.

— А кто же вы теперь?

— Старший научный сотрудник научно-исследовательского института, где я работал и до войны.

Мы с ним дружески поговорили, вспомнили и о Григорьеве, он сказал:

— Попова Нина Васильевна мне прямо не говорила, я догадывался сам, знал, что Григорьевым недоволены, и понимал, для чего вы были посланы. Кроме того, вскоре вы ушли на фронт, я тем более мог догадаться, что вы изначально были посланы к нам как временный работник.

На заводе я договорилась с ленинградскими рабочими и написала официально все то, что они мне рассказали, чтобы это не было просто словами, разговором. Составили письмо в райком партии. С этим письмом Нина Васильевна пошла в Московский комитет партии, к Щербакову. Закончилось дело уже без меня: Григорьев был отозван с работы, хотя кто-то в высоких инстанциях его поддерживал. Вот так закончилась моя работа на военном заводе, я проработала там три месяца, потом упростила, чтобы меня все-таки отправили на фронт.

Год в дивизии

На фронт

Я просила меня отпустить на фронт, но Нина Васильевна никак не хотела отправлять меня на передовую работу в качестве солдата, санитарки или медсестры (у меня была справка о том, что я посещала курсы медсестер). Она обязательно хотела, чтобы я была послана на какую-то ответственную работу, например, инструктором политотдела армии по работе среди женщин. Но такой вакансии пока не находилось, а я очень настаивала и заявляла, что для меня совершенно не имеет значения, в качестве кого я буду, мне главное, чтобы я была на фронте. И вот однажды горвоенкомат Москвы предложил мне поехать во вновь созданную зенитную артиллерийскую дивизию — в политотдел в качестве секретаря, или, как официально называлась эта должность, «дело-производителя». Я, конечно, сразу же согласилась. Вынуждена была согласиться и Нина Васильевна (мне нужно было получить разрешение райкома, чтобы оставить работу заведующей партбюро на 27-м заводе, найти какого-то заместителя и поехать на фронт). Это было в июне 1943 года.

Тогда же в Москве состоялась моя встреча с заместителем начальника политотдела дивизии майором Ивановым. Я пришла к нему на квартиру, познакомилась с его женой. Мы договорились, что я должна выехать вместе с ним, а перед этим позаботиться о том, чтобы найти печатную машинку, потому что в политотделе таковой не было.

Я уже сказала, что дивизия была сформирована недавно, в феврале или марте. Она называлась 49-я зенитная артиллерийская дивизия ре-

зерва Главного командования¹. И была хорошо оснащена техникой (для того времени). Поскольку это был резерв главного командования, нашу дивизию могли перебрасывать. Мы были приписаны к Западному фронту, а в пределах Западного фронта — к той армии, которая в данный момент шла в наступление. Если где-то командованием намечался прорыв, захват какого-то важного пункта, какой-то высоты и нужно было сразу бросить в бой маневренную боевую единицу — эту задачу выполняли дивизии резерва Главного командования. В частности, наша. Когда начинался прорыв, наши полки были в окопах вместе с пехотой, они были оснащены пулеметами и каким-то другим оружием, но в то же время — зенитной защитой против вражеской авиации. Вот в такую дивизию я должна была поехать.

Помню, райком помог мне где-то приобрести пишущую машинку — старинную, но ничего лучше не нашлось. Это была очень громоздкая машинка, но для меня оказалась довольно удобной, потому что машинисткой я была аховой, хотя и не признавалась в этом, сказала, что могу печатать. Печатать я выучилась самоучкой задолго до того времени, еще работая секретарем волостного комитета комсомола. Надеялась на свою память и на то, что быстро смогу освоить машинку. В общем-то, так оно и получилось.

Поездка на фронт была сопряжена с недоразумениями. Мы встретились с майором Ивановым на Белорусском вокзале вечером перед отходом поезда. Он помог мне устроиться в общем вагоне. И ушел, сказав, что потом придет сюда, а пока должен встретиться с кем-то в других вагонах. Машинку, кажется, взял с собой. А потом то ли не нашел меня, то ли не запомнил, то ли не думал, что так произойдет... В общем, наверное, были какие-то причины — он не вернулся. А на рассвете, когда поезд уже подходил к Гжатску, по поезду пошел военный патруль. И вот они меня спрашивают, кто я и что. Я рассказываю, а все документы у майора Иванова, у меня нет ни удостоверения, ни направления. Тогда мне говорят:

— Мы, конечно, верим, потому что кто ж поедет на линию фронта (она как раз была не очень далеко от Смоленска или, может быть, в самом Смоленске, сейчас точно не помню), но все-таки мы вас высадим в Гжатске, сдадим в комендатуру, пусть комендатура разбирается.

— Да как же мне быть, я же без майора не смогу попасть в часть! — говорю я.

— Там комендант все выяснит. Как вас отправить в часть, пусть они решают. Наша задача — раз нет документов, высадить вас.

¹ 49-я зенитная артиллерийская дивизия была сформирована 3.5.1943 г.

Таким образом, рано утром, еще солнышко только-только взошло, меня высадили в Гжатске.

Городок этот был практически разрушен, но каким-то чудом сохранился небольшой вокзальчик. Я предстала в комендатуре, рассказала все. Мне, конечно, сразу поверили, очень посочувствовали и сказали:

— Но следующий поезд будет только завтра в то же время...

А часть наша, как мне сказали, стояла под Вязьмой у переправы. Так называлось это место — переправа через Днепр — хотя Днепр там очень неширокий, но все равно мостик и переправа. Я говорю:

— Ну как же, я не могу до завтрашнего дня ждать! Мне нужно скорее!

— А если скорее, то мы вас с каким-нибудь попутным товарняком отправим.

Там ходили какие-то поезда днем, хотя и очень мало из-за того, что фронт не так далеко и могли летать вражеские самолеты. В этом районе в 1943 году соблюдался режим маскировки. Но через два-три часа в Вязьму шел какой-то небольшой паровозик и две открытые платформы. Мне предложили ехать, и я поехала.

Хорошо помню, что был ясный солнечный день, я ехала на открытой платформе и смотрела по сторонам — шли пустые места. Какие-то перелески, леса, деревень не видно. Я знала, конечно, что подмосковные деревни, особенно в этом районе — на подступах к Вязьме, были практически все уничтожены войной. Но я это знала по газетам, это было на слуху, а когда я столкнулась с действительностью, увидела воочию — я никак не могла понять: что такое? почему никого нет? На одной платформе со мной ехал кто-то из местных жителей, и я спросила:

— А что здесь так безлюдно?

На меня удивленно посмотрели:

— Вы что, не понимаете, вы откуда?

Я говорю:

— Из Москвы, все время была в Москве, весь сорок первый, сорок второй и половину сорок третьего года.

— Значит, слышать-то вы слышали, что здесь нет населенных пунктов. Все ведь уничтожены... Посмотрите внимательнее, вон там торчит труба печная — она не сгорела, а дома были уничтожены.

Таковыми стали первые мои впечатления, первая личная встреча с войной.

Приехали в Вязьму. Вокзала я не помню: по-моему, он был уничтожен. Весь город был в руинах. Куда идти? Я обратилась к коменданту вокзала, мне сказали, что на окраине Вязьмы сохранилась пара деревянных домов, в одном из них — военная комендатура, обращайтесь туда. И я пошла пешком. С обеих сторон дороги, по которой я шла,

мне встречались только развалины. Когда я пришла в военную комендатуру Вязьмы, мне сказали, что такая дивизия действительно стоит на переправе недалеко от Вязьмы, однако помочь мне туда попасть они сейчас не могут. Но потом кто-то вспомнил, что в одной сохранившейся деревушке, недалеко от Вязьмы, живет девушка, которая тоже должна попасть в эту часть. Она медсестра, была в командировке, ждет, когда на переправу будет машина. И меня направили туда, я познакомилась с этой девушкой. Я не запомнила ни ее имени, ни фамилии, помню только, что она медсестра и бывалый человек, она уже была на фронте. Эта девушка сказала, что через день или два будет машина в 49-ю дивизию, и мы на ней поедem, а пока поживем в деревенском доме. Нужно было чем-то питаться, а у меня не было ни денег, ни продовольственной карточки. Где-то недалеко находилось какое-то воинское хозяйственное подразделение, а у моей новой знакомой была продовольственная карточка, и по ее карточке мы получили хлеб и какие-то консервы, несколько дней жили на ее паек.

То ли она, то ли местные жители мне тогда рассказали, что Вязьма, прекрасный старинный город, была уничтожена буквально за один день, когда немцы отступали с боями и систематически уничтожали город, подкладывая взрывные снаряды практически в каждый дом. Позже, когда я второй раз проезжала мимо Вязьмы, я опять видела этот полный разрухи город и его развалины — мне казалось тогда, что его, конечно, будут восстанавливать, но для этого потребуется 30 или даже 50 лет. Но потом произошло чудо, как и с другими городами: Вязьма довольно быстро была восстановлена целиком. С Вязьмой и Вяземским районом я познакомилась уже по литературе, когда занималась земской статистикой и, в частности, земской статистикой Смоленской губернии и непосредственно Вяземского уезда. Но это уже другая история, хотя все-таки как перекликаются события: 1943 год — моя первая встреча с этим районом, и 70-е годы, когда я знакомилась с историей земской статистики в той же самой Вязьме и Вяземском уезде.

Наконец через какое-то время сказали, что на переправу идет грузовая открытая машина, и мы поехали. Ехали мы в кузове, был конец июня, очень теплая погода. А вокруг буквально была пустыня.

Приехали на переправу. На берегу (не помню, на правом или на левом) расположились палатки, землянки. В одной из довольно больших землянок находился политотдел дивизии. Иванов оказался там, и когда увидел меня, спросил:

— Где вы пропадали?

— А где вы пропадали, что ж вы меня оставили, у меня ж никаких документов с собой не было! — ответила я.

— Ну вот... я не предполагал, что патруль пойдет так рано...

В общем, что-то говорил в свое оправдание. А я рассказала, как мне-то пришлось скитаться. Другие работники политотдела, которые при этом присутствовали, с удивлением слушали о том, как я добиралась. Говорят: «Мы были уверены, когда Иванов обо всем рассказал, что вас обратно в Москву отправили!» А мне все-таки в комендатуре Гжатска поверили, помогли добраться.

Началось мое знакомство с политотделом. Тогда, в первые дни, мы оставались на переправе. Это были последние дни стоянки нашей дивизии в этом месте. Мы там находились четыре или пять дней, не больше. Начальника политотдела в то время не было, он куда-то уезжал. Я его вообще видела один или два раза, вскоре его перевели начальником политотдела в какую-то другую часть. Майор Иванов был заместителем начальника политотдела по строевой части. От того времени у меня осталась память еще о нескольких людях. Майор Василий Черников — инструктор. Николай Козлов, старший лейтенант или лейтенант, очень молодой человек — ему было лет 18 или 19, но уже член партии, был инструктором по партийным документам, т.е. непосредственно заведовал всей партийной документацией. Заместитель начальника политотдела по комсомолу, фамилии не помню, но очень симпатичный человек, активный, все время ходил в полки, в разные подразделения нашей дивизии, работал с комсомольцами. Немножко позже я познакомилась и с другими работниками политотдела.

На запад

Вскоре после моего прибытия в часть был приказ: сняться с этого места и через Смоленск двинуться дальше на запад. Это я хорошо помню. Наше политотдельское имущество было не очень большое: у нас была машина (открытая трехтонка), какой-то брезент для того, чтобы закрывать папки, собственно, сама документация (небольшое количество) и железный несгораемый сундучок с партбилетами.

Как только мы миновали разрушенный Смоленск, мы оказались в совершенно пустынных местах. Зона, которая когда-то переходила из рук в руки — там уже ничего не сеяли года два или три, тянулись пустынные поля. Где-то мы расположились, сейчас точно не помню где, это было на очень короткое время. Потом нас отправили еще дальше на запад, и мы оказались в прифронтовой зоне. Помню грохот орудий, помню зарева пожарищ, разрывы снарядов где-то совсем неподалеку. Первые дни пребывания почему-то остались в моей памяти не очень ясно. Может быть, было слишком много впечатлений,

и внимание не сосредотачивалось на отдельных событиях, отдельных местах. Когда мы вступили в зону, где только-только были бои (непосредственно наш политотдел был в тылу, но если мы пришли днем, то бои были на этом месте буквально утром).

Я запомнила, у меня до сих пор перед глазами эта картина: мы остановились в каком-то небольшом лесочке, где деревья были спилены, или просто снесены снарядами. И между этими деревьями лежали трупы. И немцев, и наших бойцов, только-только вчера или утром погибших. Но было очень жарко, все это начало разлагаться. Я запомнила эти раздувшиеся, распухшие от жары трупы, уже начинавшие издавать зловоние. Проходили специальные команды, которые убивали и хоронили мертвецов. Это было мое первое столкновение непосредственно с войной.

Мне страшно хотелось спать, даже несмотря на то, что недалеко от нас лежали трупы. В машине мы возили с собой большую доску и самодельные ножки — раскладной стол. Когда мы приезжали на место, то устанавливали стол, на котором можно было разложить дела или наскоро пообедать — за ним помещались один-два человека. Вот эту доску я положила на землю и легла спать. Надо сказать, что дни были жаркие, а ночи уже холодные. И сильные росы под утро. Я проснулась рано — мне очень холодно. Посмотрела — у меня вся кофта мокрая от росы, и кругом роса.

Стоит сказать, что хотя прошло уже какое-то время моего пребывания в дивизии: месяц или полтора месяца, я все еще ходила в своем гражданском одеянии. А мое гражданское обмундирование было такое: трикотажное шелковое черное платье, которое в те времена носили каждый день, какая-то вязаная серая кофтенка (помню, покупала ее себе на Красной Пресне), туфли полурастрепанные — вот и вся одежда. Был еще чемоданчик с бельем. Когда я уезжала, мне сказали одежду не брать, обещали, там сразу дадут военное обмундирование. А обмундирования мне не выделили. Часть, которая заведовала продовольственным снабжением и обмундированием, отстала. Потом, когда мы уже приехали на место, где происходили бои, буквально в первый или второй день мне сказали идти к начальнику тыла, заведовавшему снабжением, он должен был обмундировать. Помню, я пошла к этому начальнику тыла, предстала перед ним в гражданском виде. Он начал вести не очень мне понравившийся разговор, а я могу быть человеком довольно резким, когда мне что-то не нравится. Я очень резко что-то ему ответила на его слова и ушла без всего. В этой тыловой части были очень хорошие ребята, настоящие коммунисты, я потом с ними дружила, с некоторыми из них приходилось проводить беседы в этой час-

ти, но это позже было, а тогда было вот так. Он оправдывался потом, что у него не оказалось шинели нужного размера, сапог такого размера не оказалось, что-то такое говорил — в общем, снабженец он был не очень хороший. Потом он поплатился за это. Не из-за меня, конечно, там другие дела были. Я это рассказываю к тому, что у меня не было шинели, не было настоящего военного обмундирования, поэтому я сильно простудилась.

У меня поднялась температура, наши ребята сделали шалаш: большое углубление для землянки накрыли березовыми ветками, разыскали какую-то кровать, даже с пружинным матрасом. Как раз тогда к нам прислали нового начальника, с которым я не была знакома. И вот, когда я лежала с высокой температурой в этом шалаше, начальник политотдела пришел знакомиться с секретарем, у которого должны быть все дела, вся документация, кроме партийной (у политотдела дивизии все-таки более широкий профиль). Когда он увидел, что я в таком состоянии, то сказал, чтобы дивизионный врач пришел ко мне. Дивизионный врач померил температуру и ахнул:

— Так у вас воспаление почек!

— Не может быть! — ответила я.

— Мы вас в дивизионный госпиталь отправим.

— Не отправляйте, я ведь, по сути дела, еще даже работать по-настоящему не начала! Но все-таки я уже знаю, что такое политотдел дивизии, а меня пошлют в госпиталь, а после госпиталя куда-то в другую часть отправят?! Я не хочу, я здесь уже с людьми немножко познакомилась!

Тогда меня направили в санитарную роту нашей же части, при нашей дивизии. Там были девушки, которые расположились шагов за двести-триста от нашей машины политотдела в большом немецком блиндаже. Немцы стояли здесь долгое время, очень основательно обжились, устроили себе благоустроенные, фундаментальные блиндажи. Там было тепло и сухо. Меня там поселили, давали лекарства, какие-то стрептоциды, приходил врач и человек 5–6 медсестер-дружинниц. Девушки мне тогда рассказали: «Имей в виду — здесь полно вшей. Немцы все для своей жизни, кажется, устроили хорошо, но в то же время развели вшей. Вот после немцев здесь осталось полным-полно вшей». Я тогда обратила внимание. Думала раньше, что же все тело так чешется? А оказывается, это вши.

Сейчас я об этом вспоминаю, когда прихожу в Комнату боевой славы и вижу на одном из стендов перевод с немецкого стихов и песен, которые распевали немцы. Перевод называется «Охота на вшей». Перевод с немецкого на русский сделала наша историк, которая была

на фронте переводчицей в одной из армий — Елена Чистякова, она же членкор Академии наук Елена Иоасафовна Дружинина, жена Николая Михайловича Дружинина. Так вот, когда у меня уже спала температура и врач разрешил мне вернуться в политотдел, то первое, чем я должна была заняться — это каким-либо путем уничтожить этих насекомых, не принести их с собой в политотдел.

Политотдел

Вернувшись, я наконец-то смогла получше познакомиться с начальником политотдела, которого к нам прислали. Он служил в нашей дивизии до самого конца войны. Потом, уже после войны, я встречала его в Москве. Это был очень хороший партийный работник, член партии то ли с 1917, то ли с 1918 года. В 20-х годах закончил Институт красной профессуры, образованный человек. Имел орден Ленина за работу, по-моему, в политотделе какой-то сельской местности. Такой вот опытный товарищ, Николай Георгиевич Бородин¹.

Он очень хорошо ко мне отнесся, и мы с ним работали дружно. Он многое мне доверял. Хотя я была в должности простого секретаря, мне практически приходилось писать политдонесения, собирать донесения из полков, которые приносили парторги или заместители командиров полка по политчасти. Я их обобщала и писала донесения от имени политотдела дивизии. Конечно, все это было согласовано и с начальником политотдела, и с командиром дивизии. Кроме того, через меня проходила вся политотдельская документация, кроме партийных документов. В этом состояла моя официальная работа.

К тому времени у нас сформировался более или менее постоянный состав политотдела. Это была заслуга начальника политотдела. Иванова уже не было, он был переведен в другую армию. Заместителем начальника стал майор Василий Черников, забыла его отчество. Очень интересный человек. Ему было, наверное, лет 40, немногим старше меня (мне было тогда 34 года). Я запомнила его со всем хорошим, что в нем было. Это был очень исполнительный человек, добросовестно выполнявший свои обязанности, и начальник политотдела очень хорошо к нему относился именно за такую крепкую надежность. Насколько мне известно, он проработал в дивизии все время, до самого конца войны.

Здесь, может быть, будет такая, не хочется говорить сатирическая, но не очень серьезная и строгая нотка в моем рассказе. Он вел себя,

¹ Слышно нечетко, возможно, Боровин или Бурвин.

как свойственно, наверное, всем людям, которые с юношеских лет отдали себя армии и привыкли все делать по военному уставу. Это ведь не всегда звучит хорошо, особенно для человека сугубо штатского. Черников иногда меня смешил своим уж очень строго выполняемым уставным порядком. Например, когда кто-то приходил и спрашивал начальника политотдела, то, если здесь присутствовал майор Черников, он говорил: «Начальник принимает пищу», вместо того, чтобы сказать «Начальник обедает». Вот так по уставу. Наш ординарец политотдела Вася Тазин, солдат, мордвин по национальности, очень наивный, простой деревенский парень 17–18 лет, чтобы не запутаться стал просто отвечать: «Начальник политотдела отсутствует сейчас».

В политотделе было еще несколько товарищей. Молодой человек, бывший раньше заместителем начальника политотдела по комсомольской работе, был переведен в другую часть, а к нам прислали Федю Ткаченко. Он был, по-моему, в чине лейтенанта, только что окончил училище по подготовке комсомольских работников, было ему 18 лет.

Еще был киномеханик, забыла его имя-фамилию, очень хороший простой молодой человек. Он получал какие-то ленты и ездил с ними по полкам. Все время был со своим аппаратом, с катушками. Когда собирались, он старался хорошо их уложить, чтобы все сохранилось. Я не помню названия ни одной кинокартины, видимо, не смотрела. Политотделу ничего не показывали, у нас были свои дела. Но хорошо помню, что он очень всегда переживал, когда не удавалось привезти новых картин или не удавалось куда-то поехать с киноустановкой. Он считал, что делает большую, важную работу.

Учет, выдача партийных документов (часто много заявлений присылали солдаты, мол, вот идем в бой, просим принять в партию) — все это было сосредоточено в нашем политотдельском ведомстве, но вел такую документацию Николай Козлов: молодой человек, ему еще двадцати, по-моему, не было. Но он уже был коммунист, очень хороший молодой человек.

Работу по написанию политдонесений, которой занималась я, должен был вести специальный инструктор по информации, у нас это был Козлов-старший, не помню имени-отчества (в политотделе было два Козлова, один молодой, а другой постарше). В армии его по имени, по-моему, никто не называл, просто «капитан Козлов», а за глаза его часто называли «рыжий капитан», потому что у него были ярко-рыжие волосы. Вообще, это был очень симпатичный человек. Он не любил заниматься политдонесениями, считал это канцелярщиной. Когда узнал, что я сама могу их и напечатать, и написать, то он фактически переложил все это на мои плечи — а я была рада, что у меня

было такое интересное дело, как сбор информации и написание политдонесений. У него и без того было большое дело: он любил ходить в полки к солдатам, в окопы, проводил там политическую работу.

Инструктором по партработе был майор Степин. Очень хороший, добрый, чудесный человек. Я бы даже сказала, обаятельный. Невысокого роста, худощавый, внешне он производил впечатление интеллигентного мужичка-добряка, а на самом деле был принципиальный коммунист и очень хороший товарищ — принципиальный, но в то же время добрый человек. В дивизии он служил довольно долгое время, но не до конца — потом его взяли в политотдел армии, а к нам прислали майора Худаева.

Худаева хорошо характеризует то, что он не захотел, даже сидя в политотделе, быть далеко от фронта и попросил, чтобы его послали ближе к боевым действиям. Хотел попасть в дивизию, которая редко бывала в обороне (я уже говорила, что нас придавали той армии, которая идет в наступление). Он пришел в нашу дивизию и сразу же пошел в полки к солдатам, в окопы. Еще мне запомнилась отрицательная его черта — необдуманная или обдуманная, я не знаю, чрезмерная характеристика поступков людей в экстремальных условиях. И фамилия у него была такая странная — Худаев, и человек он был недобрый, желчный и худой. Не его вина, конечно, что он был худой. Он был болен язвой желудка. Видимо, именно поэтому он был очень раздражительный, недоброжелательный к людям или, может, это так только казалось. Возможно, он просто был тяжело болен.

Когда он к нам приехал и узнал, что я из Московского университета, с исторического факультета, он сразу стал очень агрессивно наступать.

— Ах, этот университет! Какие кадры там готовят! Знаем мы этих университетских!

— А что вы можете сказать против университета? Против меня? Какие факты?

— Ах, уж этот исторический факультет!

— А что?

— А я знаю этого вашего Стишова¹!

— Я Михаила Ивановича Стишова тоже знаю очень хорошо.

¹ **Стишов Михаил Иванович** (26.12.1902, г. Тальцы (ныне Иркутской обл.) — 20.5.1993, г. Москва) — специалист в области отечественной истории XX в., доктор исторических наук, профессор. Из семьи рабочих. Окончил Коммунистический университет им. Я.М. Свердлова. С 1938 г. — аспирант и преподаватель исторического факультета МГУ. Участник Великой Отечественной войны. В 1945 г. защитил кандидатскую диссертацию под научным руководством А.В. Арциховского. В 1953–1958 гг. — зав. кафедрой истории СССР советского периода.

Он был в аспирантуре, когда я училась на четвертом курсе, и был старше меня на семь лет. Ничего плохого я о нем сказать не могу. Он был секретарем партийного бюро университета, потом был избран в партком университета. Я хорошо знаю, что в первые же дни войны он ушел в ополчение. Позже я узнала, что в ополчении он был парторгом нашего университетского полка. Физик Зубов был командиром полка, а Михаил Иванович Стишов — парторгом.

— А! Этот ваш Стишов! У нас в политотделе армии персональное дело на него было! Он зарыл свой партийный документ, когда выходил из окружения!

Наш университетский полк, вся Краснопресненская дивизия была под Вязьмой и попала в окружение, там шли ожесточенные бои. Многие погибли, остальные, как могли, выходили из окружения. И вот Худаев ругает Стишова, а я ему говорю:

— Чего вы так на него наседаете? Я не знаю, как я бы сама поступила!

— А-а-а! Вы интеллигенция университетская!

— А что, лучше, если бы они попали в плен с партийным документом, и этот партийный документ попал бы в руки немцу?

— А он не должен был попадать в плен! Или борись до конца, до самой смерти и вместе с партийным документом погибни, или ты предатель — раз партийный документ зарыл!

После войны Алексей Кара-Мурза¹, брат Георгия Сергеевича, тоже кричал, что Стишов перестал быть коммунистом, когда зарыл свой партийный документ. Ничего подобного. Когда я все узнала и взвесила, приобрела опыт, поняла, как бывает на фронте — какие бывают коллизии, переплеты, я нисколько не осудила Стишова. Я должна признать, что поступили они правильно. Если у них не было надежды, точной и определенной, то кто мог поручиться, что им удастся выйти. Никто бы не смог за это поручиться. Вон сколько солдат попали в плен, еще летом 1941 года. Кому-то удалось сбежать из плена, а кому-то приходилось тянуть лямку немецкого военнопленного.

¹ **Кара-Мурза Алексей Сергеевич** (1914–1988). В 1937 г. был арестован «за потерю политической бдительности, за то, что продолжал дружбу с троцкистом Цвиллингом» (сыном героя Гражданской войны, затем погибшим в Великую Отечественную войну). Освобожден в 1939 г. во время «бериевской оттепели», восстановлен на втором курсе. С июля 1941 г. — комсорг 975 а.п. 8-й Краснопресненской с.д. НО. Был фронтовым корреспондентом. После войны — преподаватель, секретарь парткома исторического факультета. С 1956 г. — главный редактор журнала «Преподавание истории в школе». Перед войной женился на Лии Канторович (1921–1941), студентке литературного факультета МИФЛИ, геройски погибшей в бою.

Дивизия

Командир дивизии — Николай Игнатьевич Каминский, полковник, ему было около сорока лет. Тогда говорили, что сорок лет — довольно молодой возраст. А по теперешним моим меркам совсем молодой. Хороший боевой товарищ. Уже после войны получил звание генерала.

Поначалу командир дивизии очень сердился на меня за то, что у меня не было военной шапки, поэтому я не могла отдавать честь. Сначала, как я говорила, у меня вообще не было обмундирования, потом мне выдали гимнастерку, ремень и шинель. У меня были погоны старшего сержанта — звание низшего, солдатского состава. А военной юбки и шапки не выдали, поэтому прикладывать руку было не к чему, а командира дивизии это очень раздражало, он приказал, чтобы обязательно был головной убор. Потом у нас сложились хорошие отношения, месяцев через пять-шесть моего пребывания на фронте мы с ним поближе познакомились: радиоприемник полагался только в политотделе, поэтому командир дивизии и штабные работники приходили к нам слушать радио. Перед тем, как начинались «Последние известия», было минут 10–15 ожидания, и мы всегда пикировались с командиром. Он старался меня поддеть, подцепить, а я в долгу не оставалась.

В дивизии было три или четыре полка. Почему-то о трех командирах полка я знаю, они у меня на слуху, а кто командовал четвертым — никак не вспомню...

Очень хороший полк был 1272-й. Особенно славился командир полка — Амбасурмян.

С ним я почти не была знакома, хотя видела его — он часто приходил в штаб дивизии, и фамилия его всегда была на слуху, много говорили об успехах этого полка. Кроме того, полк жил очень дружно. Амбасурмян, как следует понимать из фамилии, армянин по национальности, но даже намек на какие-либо различия, люди разных национальностей были дружны и едины.

Из этого полка я хорошо знала заместителя по политчасти, Наумова. Он приходил в политотдел и всегда так восторженно рассказывал о своем командире и о том, какой у них дружный полк. Я слышала, что в этом полку даже свадьба была.

Позже, уже в 80-х годах я совершенно случайно познакомилась с пулеметчицей из этого полка. Судьба иногда распоряжается по-своему и устраивает совершенно неожиданные встречи. Во время войны, когда мы были в одной дивизии, я даже не знала об ее существовании. Она

тоже не знала обо мне, потому что в полк я ходила только во время передышки, когда собирали коммунистов, и читала им лекции. А она была непосредственно в роте этого полка, имела дело с пулеметом — воздушные пулеметчики действовали против самолетов.

А летом 1982 или 1983 года я со своим внучатым племянником поехала в Ивановскую область к однокурснице Ирине Пташниковой¹. У нее был дом в деревне Мальгино, на берегу знаменитой реки Нерли. Я ей много рассказывала про войну, она интересовалась. Как-то раз мы выходили из леса и встретили женщину, которая волокла небольшое сухое дерево. Ирина издала с ней здоровается, а потом говорит мне:

— Знаешь, она ведь тоже участница войны. Хочешь, я тебя познакомлю с ней?

— Хорошо, познакомь.

Оказалось, это местная жительница, которая добровольно пошла на фронт, познакомилась с оружием, научилась управлять пулеметом. После войны вернулась домой, какое-то время учительствовала в начальной школе, а сейчас уже жила на пенсии в своем собственном доме. Мы к ней зашли — такой аккуратненький, чистенький домик. Слово за слово, выяснилось, что она служила в той же дивизии, что и я! Оказывается, у нас много общих знакомых.

Она рассказала свою историю. Оказывается, это ее свадьба была. В очень коротенькую передышку она и ее возлюбленный парень, тоже пулеметчик, с которым они вместе в одном окопе воевали, решили пожениться. Они попросили... благословения, что ли, у командира полка, Амбасурмяна. Он сказал: нужно, чтобы еще командир дивизии дал на это согласие. Каминский, командир дивизии, дал свое согласие, одобрил их женитьбу. Там ее и отпраздновали, солдаты были рады тому, что оформился такой брак. Уже после войны, лет двадцать или двадцать пять спустя, они встретились с Каминским на учениях ПВО в Западной Украине, куда приглашали ветеранов войны, видимо, было какое-то юбилейное торжество. Он уже был в чине генерала (генерал-майора или генерал-полковника), чуть ли не командовал этими учениями ПВО. И он представлял их с мужем: «Это мои крестники». Вот такая встреча была, но я не запомнила ни фамилии, ни имени-отчества этой женщины.

Номера других двух полков я не помню. Но знаю, что одним полком командовал очень молодой человек, выросший, по-моему, из лей-

¹ Пташникова Ирина Васильевна (1919–2002) — историк-археолог. Студентка исторического факультета МГУ 1937 года поступления. Подруга Н.П. Майорова; много сделала для увековечивания его памяти.

тенанта до майора, Голубев. Ему было присвоено звание как раз в конце 1943 года, если не ошибаюсь, это было звание майора. В общем, он очень быстро сделал карьеру и совершенно заслуженно. Ему было всего 21 или 22 года, а может быть, даже меньше. Но говорили о нем по всей дивизии, так как он грамотно командовал, очень по-боевому вел себя, совершил подвиги; я помню, что Каминский о нем говорил почти с восторгом: «Вот молодой боевой командир, вот талантливый командир!»

Третий командир полка — Ворганистов, тоже молодой человек. Ему было не больше 25–26 лет, майор. Очень красивый человек — порусски благородной красотой. С ним я лично была знакома, но об этом расскажу позже.

Вот такие у нас были командиры полков.

В СМЕРШе был Николай, кажется, Шерстобитов, точно не помню, но фамилия на «Ш» начиналась, очень хороший товарищ. Я долго помнила его фамилию. Потом уже в Москве, лет 10 или 15 спустя, я звонила ему — у меня был его номер, и мы разговаривали. Тогда ему было 30–35 лет, тоже молодой человек. Его взяли из Военно-ветеринарной академии, она располагалась в Кузьминках. Я знала некоторых слушателей этой академии, когда училась на рабфаке и в университете: в общежитии на Второй Извозной улице жило 5–6 моих знакомых из студентов Военно-ветеринарной академии, мы дружили. Поэтому, когда я встретила человека из их академии, мы разговорились, и нам казалось, что мы как будто давно знакомы, хотя до войны я его не знала. Очень хороший товарищ, по-доброму, по-хорошему увлекающий своими обязанностями.

Он все время шутил: «Нас три Николая». Кто же эти три Николая? Прежде всего командир дивизии Николай Игнатьевич, второй — Николай Георгиевич Бородин, начальник политотдела, а третий Николай — он сам, начальник СМЕРШа. Они все хорошо, дружно работали, помогали друг другу. Самым старшим из них был начальник политотдела дивизии — Николаю Георгиевичу Бородину было тогда уже 50 лет с лишним. Командиру дивизии Каминскому было лет 40. А самым молодым был Николай, начальник СМЕРШа. Я очень хорошо помню, что он старался вникать в нашу работу, они с начальником политотдела беседовали — но это их дело. Он часто приходил к нам в политотдел.

У начальника СМЕРШа был ординарец, тоже Коля звали, хороший парнишка, очень поэтическая натура, стихи любил читать, хорошие песни пел.

*Лето-осень 1943-го. В лесу на границе Смоленской
и Могилевской областей*

Я помню, как-то наша часть передислоцировалась с одного места на другое, где мы должны были занять боевые позиции. Должны были начаться бои, нашу дивизию перебросили на боевой участок. Мы расположились в лесу, где-то на границе Смоленской и Могилевской областей. Прекрасный лес. Мы приехали туда под вечер, расположили свой политотдел. Рядом был штаб, с другой стороны СМЕРШ, а еще дальше — наша тыловая снабженческая часть, там работал дядя Вася — повар, который обслуживал штаб дивизии, политотдел и СМЕРШ. Дядя Вася располагался со своей кухней в большой повозке — крытой телеге, в которой возили продукты, котел, где готовилась пища, еще было три или четыре лошади. Я неслучайно говорю о лошадях. Они были распряжены и привязаны к этой повозке.

Поскольку начальника политотдела не было, майор Черников распорядился делать блиндаж политотдела. И молодые ребята — Вася Тазин, киномеханик, водитель нашей машины и Федя Ткаченко выкопали котлован для землянки, напилили и стали настилать деревья. В один настил сделали крышу, а потом забросали землей. А земля в этом месте песчаная, и она стала просыпаться вниз. Я на все это посмотрела и говорю:

— Что это за укрытие?!

Дело в том, что до этого мы даже землянки не делали, потому что очень быстро переходили с места на место и ночевали где придется. Я скептически отнеслась к такой землянке. Черников возмутился:

— Как так, Серафима Ивановна? Вы обязаны подчиниться.

— Я не военный человек. Я понимаю, что одно прямое попадание снаряда, и ничего не останется от этой землянки. И разве можно в один настил спастись от снаряда или от бомбы?

— И как же вы будете?

— Попрошу ребят, пусть они мне сделают шалаш!

И они впритык к машине устроили небольшое углубление, может быть, на полметра, и из молодых березок сделали шалаш. У меня была с собой небольшая подстилка, матрасик, подушка-думка, одеяло, и я устроилась там. Принесли сено, и я сделала себе постель, причем моя голова была впритык к передней части машины, отделена только молодыми березками. Это было просто укрытие от комаров или от дождя.

Потом, очень хорошо помню, когда уже смеркалось, часов в 11 вечера, ребята принесли грибов, которых вокруг было очень много.

— Серафима Ивановна, вот грибы.

— На что нам? Дяде Васе отдайте в столовую! На кухню, чтоб он в кухне как-нибудь это использовал.

Ребята собрались около меня, я была старше их всех. Они попросили меня рассказать, как в 20-х годах мы создавали комсомол, как я там работала. Мы мирно беседовали, пока из землянки не появился майор Черников:

— По домам! Спать!

Утром мы должны были передислоцироваться.

Я пошла к себе в шалаш и только начала засыпать, как вдруг команда: «Встать! Начинается обстрел!» Нас засекли немцы. Начался артобстрел: снаряды летели над нашими головами и разрывались где-то недалеко. Я вышла из шалаша. Ребята по приказу майора Черникова вокруг землянки и машины на небольшом расстоянии, в пяти-десяти шагах, сделали щели для укрытия от осколков снаряда. От прямого попадания снаряда такое укрытие не спасет, но может спасти, если попадут только осколки. Черников выскакивает из землянки, бежит и кричит мне:

— Серафима Ивановна, в щель!

Я рукой махнула и стою возле своего шалаша. Он:

— Я вам приказываю лечь!

— А что, она меня спасет? Щель?

Трагикомическая сложилась обстановка. Этому трудно сейчас поверить, но мной вдруг овладело удивительное спокойствие. Конечно, я боялась — но такая уж обстановка. Черников бежит к щели, ложится вниз головой, а нужно сказать, он был довольно упитанный, и зад у него торчит. Я невольно рассмеялась. Вообще это трагедия — снаряд попадет, и все — никого не останется, а мне смешно.

Немцы начали стрелять в четыре часа утра. Отстрелялись — потом отбой. Мы все опять пошли по своим местам. Но минут через двадцать все началось заново. И опять то же самое повторяется. Черников на меня кричит:

— Я приказываю, Серафима Ивановна!

Я ему:

— Хорошо, я ваш приказ выполню, но потом мы по этому поводу поговорим!

Приказ я, конечно, не выполнила, но он не видел, он опять лежал. И так повторялось, по-моему, три раза. Потом рассвело, артобстрел прекратился.

Вдруг приказ немедленно собираться, потому что мы должны передислоцироваться, здесь оставаться невозможно. У нас приказ —

а Вася куда-то исчез. Через несколько минут он идет и в обеих руках несет куски лошадиного мяса. Оказывается, прямое попадание было в то самое место, где стояли лошади, и их убило. А он же мусульманин, мордва¹. И он с такой радостью несет эти куски:

— Серафима Ивановна, можно поесть мяса! Вы так плохо едите!

А я перестала есть кулеш из американской тушенки с пшенкой, который делал дядя Вася, так он за меня переживал. Но я ему сказала, что лучше мне не нести такого мяса.

Нужно было выходить, и Черников говорит:

— Серафима Ивановна, давайте собирайтесь! Укладывайте все наше имущество! Ребята пусть вам помогут.

Мы стали собираться, а водитель стал заводить машину — не заводится. Что случилось? Он посмотрел и обнаружил — небольшая трещина или дырка какая-то в карбюраторе: попал осколок. Он говорит:

— Серафима Ивановна, посмотрите, может быть, у вас в шалаше!

Я полезла в шалаш — мне все равно нужно было взять свою постель. И вот думочка, я хорошо помню, наволочка на ней из голубого сатина, я ее когда-то вышивала крестиком. И на самой середине этой думочки лежит осколок. Ну, что тогда началось! С тех пор прошло много времени, но майор Черников мне спуску не давал: «Я вам говорил!» А я в ответ: «А я видела, как вы лежали!»

Когда приехал начальник политотдела, он сказал:

— Хорошо, что начали копать, но так безобразно к делу относиться нельзя. Блиндаж нужно делать по-настоящему! А то начались разрывы снаряда, посыпался песок, и всем пришлось выскакивать и прятаться.

Вскоре начальник политотдела распорядился, чтобы нам сделали кабину на нашей трехтонке, вроде фанерного домика, поставили там печку-временку. Получился домик над машиной. Там было сделано два лежачка, которые открывались и закрывались — там можно было и спать, и убирать туда на время марша всю документацию и печатную машинку. Этот самый дом стал моим обиталищем, еще там иногда ночевал Коля Козлов, если не уходил в полки. В домике собирались работники политотдела, хотя там не могло поместиться много человек разом. Потом мне удалось устроить там полочки для книг, сделать небольшую библиотеку. Ко мне за книгами приходили из полков политические работники: парторги полков, заместители командиров полков по политчасти и просто коммунисты из штаба дивизии, когда были остановки, когда не было боев. Когда я ездила в Москву (была у меня такая командировка), мне в библиотеке нашего Краснопрес-

¹ Мордва ислам не исповедует.

ненского райкома выдали целый мешок хорошей литературы. Потом мне дали какую-то литературу в парткабинете МГК. Это стало основой нашей библиотеки. Я хорошо помню, что из райкомовской библиотеки мне выделили четыре тома «Войны и мира», и когда наши политработники и командиры полков узнали, что у нас есть Толстой, то записались в очередь и читали. Этот роман был нарасхват, он тогда стал злободневным.

Сентябрь 1943-го. Станция Красная

Однажды в начале сентября была очередная передислокация. И после боев под станцией Красная Смоленской области¹ (там были ожесточенные бои, об этом сообщалось в сводках) мы попали в переделку, в том числе наш политотдел. Мы с Колей Козловым сидели в машине, когда над нами летали самолеты, скидывали бомбы вокруг, и машина ходила ходуном. Мы вышли из машины, думали, что, может быть, спасемся от прямого попадания. Утром пришел взволнованный начальник политотдела, он жил в землянке рядом с командиром дивизии:

— Вы живы?

— Живы!

— Мы беспокоились о вас, а выйти не могли, потому что кругом землянки было беспокойно очень.

На второй или на третий день они с командиром дивизии ездили по полкам, и он опять пришел взволнованный:

— Мы с трудом выбрались, попали под обстрел, а вы здесь как?

— Живем, хотя тоже не очень спокойно у нас.

Вскоре после этого мы выбрались в освобожденный от немцев район. По-моему, он назывался Краснопольский район², где-то недалеко от станции Красная. Начальник тогда сказал: «Мы должны здесь несколько дней постоять». Нужно было распаковать какие-то материалы, все занималась нашими делами. Я хорошо помню, что даже пол вымыла в нашей кабинке. Пришел Николай из СМЕРШа:

— Серафима Ивановна, не хотите со мной прогуляться?

— Куда?

¹ Возможно, один из трех поселков Красный Смоленской области, однако ни один из них не находится на ж/д. Или поселок с ж/д станцией Краснополье Сумской области, но Западный фронт воевал в Смоленской области и вышел в Белоруссию.

² Краснопольский район Сумской области находится на Украине, граничит с Курской и Белгородской областями. Возможно, 49-я зенитная артиллерийская армия на время входила в Воронежский фронт и участвовала в Сумско-Прилуцкой наступательной операции. По сводкам Информбюро Краснополье было освобождено 3 сентября 1943 г.

— Посмотреть, как люди пережили немецкую оккупацию.

Я закружилась с делами, и мы с ним пошли. Идем, кругом голое поле, никаких деревень не видно, никаких деревьев, огромное картофельное поле. Я спрашиваю:

— Куда мы идем?

— В этом направлении должно быть селение, люди.

— Да не видно ничего!

— В том-то и дело, но я знаю, что должно быть. Мы должны с вами посмотреть.

Мы идем, разговариваем. Он какую-то информацию о районе знал, я тоже. Мы с ним обмениваемся, но я больше слушаю. И потом вдруг: «Стойте, стойте, что это такое там?» Видим мы: вдали какая-то движущаяся масса, вначале было трудно рассмотреть, что это отдельные люди — они клином шли. Потом мы поняли, что это женщины, потому что в белых платочках.

Впереди шла высокая, костлявая женщина с седыми, развевающимися на ветру волосами. Она сняла платок с головы, машет им и кричит:

— Красненькие вы наши! Дорогие вы наши! Как мы долго вас ждали!

Я и сейчас не могу вспоминать об этом без волнения. К нам подошла эта толпа женщин, человек 10–15, и впереди была эта высокая, худая, как мне показалось, старуха.

Они нам сказали, что там (а мы ничего не видим), за стогами (было там два или три стога соломы) — вот за теми стогами они живут. Как только немцы стали приближаться, все взрослое население, те мужчины, которые оставались в деревне, да и многие женщины, — ушли в партизаны. К местному партийному работнику, тоже ушедшему в партизаны, полицай привел немцев в дом, требовал выдачи. Ну, они, конечно, отказались — тогда на глазах у детей (трое детей было) убили мать, а потом и самих детей расстреляли. Позже весь этот район был немцами уничтожен, сожжен. Мстили за партизан, уничтожали, всю деревню стерли с лица земли. Несколько семей остались живы, потому что немцам нужно было питаться — они заставляли их выращивать на огородах картошку, пахать, растить овощи. Жили они — мы потом туда пришли — в глубоких канавах. Поверху положили слеги, прикрыли сеном и лазили туда, в эти канавы.

А я все глаза не могла отвести от одного лица. Женщина, волосы седые, а глаза синие, молодые-молодые — ну никак не могу понять, сколько же ей лет. Вроде бы молодая она, но в то же время лицо изможденное, старое. И я просто неосознанно не могла от нее оторвать взгляда, она тоже стала меня пристально рассматривать. А потом все стали смотреть на нас. Она, наконец, говорит:

— Вот вы смотрите на меня и, наверное, думаете, что я очень старая. Я смутилась, говорю:

— Ну я не знаю, седая вы...

Тогда высокая старуха говорит:

— А вы знаете, что ей всего 18 лет?

Про эту женщину старуха рассказала, что у нее отец и братья ушли в партизаны, а она была связной, хотя тоже хотела к партизанам. Девчонка, 16 лет ей тогда было, но все решили, что она должна быть связной. И она держала связь с партизанами, когда началась оккупация этого района. Ее выследили, началась ловля — за связь с партизанами вешали. Ее ловили, она пряталась по канавам. Так и жила наполовину в канаве, в воде.

Потом мы прошли дальше по тем канавам, где они жили. Спросили:

— Что вам нужно?

— Если можете, дайте нам хоть щепотку соли. Вот картошка созрела, можно выкопать, питаться, а соли-то нет.

Николай послал соль, еще какие-то продукты.

Во время этого похода с начальником СМЕРШа по району, обезлюдившему в результате карательных экспедиций фашистов, я узнала, что где-то на окраине района сохранилась одна деревня (от этих женщин мы узнали, что ее специально не трогали). Мы с Николаем пошли туда: среди пустыря — благополучная деревня. Хорошие, нетронутые дома, дворы со скотом, там оставили русских военнопленных, передали местным жителям в качестве работников. Весь район оккупирован, а эту деревню не тронули. Специально, чтобы показать, что если люди будут покорны, то все сохранят. Такая политика была. Там был расквартирован какой-то наш полк, и я помню, что солдаты смотрели с ненавистью на мирное население, а те заискивающие:

— Ну, мы-то не виноваты!

— А если вы не виноваты, то почему вас не тронули, а весь район сожгли?

Они говорили, что их заставили... Такие тогда настроения были среди людей.

Зима 1944-го. Под Витебском

По инициативе Николая Георгиевича Бородина у нас проводились семинары для работников политотдела, туда приходили и из некоторых полков. Он ставил теоретические вопросы, и мы их обсуждали. В характеристике, которую мне потом прислали из политотдела, было отмечено, что я была активным участником этого пропагандистского семинара.

Будучи под Витебском, наш политотдел устроил партийную конференцию. Она продолжалась дня три-четыре, а готовились мы к ней недели две — довольно быстро приготовились. Помню диаграммы, карты движения, — все это было сделано. Я в этой подготовке тоже принимала участие. Мы тогда оказались в каком-то помещении, я сейчас точно не помню, где. У нас были художники, которые, видимо, работали в штабе армии, они рисовали диаграммы, в которых была показана история дивизии (хотя она была кратковременная, около года). Потом мы их свернули в рулоны и хранили в листах. Хорошо помню, что делала на этой конференции доклад, и после него меня стали приглашать делать доклады в полки. Неплохой доклад, видимо, получился. Начальнику политотдела и товарищам из полков понравилось. А Харитонову, агитатору-историку, не очень.

В это же время начальник политотдела мне сказал:

— Серафима Ивановна, имейте в виду, что я пришлю к вам Ворганистова. Вы с ним проведите работу.

— Какую же я должна с ним провести работу? — спросила я.

— А вот вы слышали, что он учинил у себя в полку?

— Что такое?

Он был очень хороший командир полка, о нем шли самые хорошие отзывы.

А учинил он вот что: у него в полку служила то ли медсестрой, то ли связистом при штабе одна очень интересная молоденькая девушка, ей было лет 19—20, студентка Московской консерватории. Она добровольно пошла на фронт. И они полюбили друг друга. У Ворганистова была жена, но, как он мне потом объяснял, с женой у него отношения не сложились, вроде бы потому, что не было детей. Когда у него началась любовь с этой студенткой консерватории и началась личная, интимная связь, девушка забеременела. Он ее отправил в Москву, к родителям, и все время переписывался с ней и с ее родителями. И вот, как раз в это время, он получил известие, что родился сын. В порыве радости оттого, что у него появился сын, он отдал приказ салютовать (был момент кратковременного затишья, но все-таки это линия фронта). Он салютовал и нарушил все воинские уставы, это широко обсуждалось в кулуарах дивизии. Командир дивизии Каминский, который очень благожелательно относился к Ворганистову и считал его одним из самых талантливых командиров полков, решил не разжаловать его и не освободить от должности, исходя из того, что у него есть большие заслуги, а ограничиться каким-нибудь взысканием. Решили, что политотдел должен провести воспитательную работу с Ворганистовым, как с коммунистом. Тогда все хотели быть в партии, все были коммунисты.

Я начальнику политотдела говорю:

— Как же я буду с ним разговаривать? Что они полюбили друг друга — так я не против этого! Раз любовь, да тем более сын родился — это радость! Он же не отказался, как некоторые другие делают — шуры-муры завели, а потом непричастен. Здесь такого не было, он, наоборот, публичный восторг выразил, и его товарищи тоже с радостью приветствовали, что у командира полка сын появился!

— Ну все-таки вы поговорите с ним.

Он пришел. Я ему сказала примерно так же:

— Что я буду с вами разговаривать? То, что вы нарушили военные уставы — вы сами понимаете. Все-таки нужно было все обдумать.

Не помню, что я ему еще говорила — про любовь, про сына... Он слушал меня, внимательно смотрел, лицо у него было спокойное, но красивыми голубыми глазами чуть-чуть улыбался. А потом он мне говорит:

— Вы знаете, вы мне напоминаете мою маму. Мама моя — врач (он из интеллигентной семьи, отец у него тоже то ли врач, то ли преподаватель был). И мама так со мной разговаривала, как вы разговариваете.

— Так мама знает?

— А как же! Мама знает, она немножко меня пожурила, но все-таки с радостью приняла известие, что у меня, наконец, есть сын, и готова познакомиться с этой девушкой.

Март 1944-го. Под Витебском

Наверное, в марте 1944 года нашу дивизию резерва главного командования бросили в место, где должен был быть осуществлен прорыв немецкой армии. Можно сказать, мы вклинились в немецкие войска. В 30 километрах от нас, если смотреть по прямой — Витебск, а справа и слева в 20 или 30 километрах — немецкие войска.

Наши полки в этом «языке» выкопали окопы, а мы — командование полка, политотдел и другие службы оказались в центре, на высотке. Во время войны мне несколько раз пришлось встретиться с названием деревни Горки. Это была очередная деревня Горки на очень отлогой со всех сторон высотке. Только с той стороны, где был политотдел, спуск вниз был немножко более крутой. И где-то на пути по этому спуску была небольшая лощинка — там была поставлена наша политотдельская машина. Внизу шла обычная грунтовая дорога, по которой двигались наши войска. Дорога шла к фронту, который в это время располагался непосредственно у очень крупного железнодорожного узла, станции Крынки. Она тоже недалеко от Витебска, о ней, я помню,

сообщали по радио, что там ожесточенные бои. Я выходила из машины и наблюдала со своей вышки за идущими солдатами.

Наверное, нужно сказать, что где-то на этой вышке (я не знаю точно — не была), наверное, на расстоянии пятисот шагов от того места, где стояла наша политотдельская машина, была не просто землянка, а блиндаж. Там поселились командир дивизии и начальник политотдела. Между их блиндажом и машиной, в которой располагалась я вместе с Колей Козловым, был довольно глубокий кирпичный подвал. Дом был снесен. Вообще всей деревни уже не существовало — осталось одно название и вот этот кирпичный подвал. И там расположились наши работники политотдела. Над нашими головами все время летали немцы и бомбили эту территорию. Мы, конечно, все время подвергались опасности, поэтому майор Черников (начальник политотдела мне ничего не говорил) опять упрекал меня за то, что я не иду в подвал. А я ему в ответ, мол, уже есть опыт под прямым попаданием, и т.д. К этому времени у меня уже выработалась, видимо... слово «адаптация», наверное, нельзя сказать... но какое-то похожее состояние: «Все равно, смерть может наступить и там, и там, и вот здесь». Симонов правильно написал: «До смерти четыре шага». Четыре шага, это в любой момент!

Я сейчас много вспоминаю о тех днях, чтобы подробнее рассказать о них. Недавно по телевидению начали повторять фильм «Войну и мир», и когда я смотрела на Пьера Безухова, я невольно... нет, я никак не хочу сравнивать себя с героями этой великой эпопеи, которая описана Львом Толстым, я просто сравниваю их переживания, настроения, состояние духа... Так вот, я невольно сравниваю себя с Пьером Безуховым. Я же непосредственно в военных действиях не принимала участие, я участвовала опосредованно, если можно так сказать... Сама я не стреляла, никого не убила и даже не выстрелила ни разу на фронте. После войны, когда понадобилось получить удостоверение участника войны, мне выдали в Центральном архиве Министерства обороны специальный документ, в котором было написано, что я участвовала в боевом военном подразделении в течение... там все было просчитано по дням, на несколько дней или недель больше года. Если бы было меньше года, я бы не получила тогда билет, удостоверение участника Великой Отечественной войны. На основании этого беспристрастного документа (запрос делал военкомат, и я через военкомат его получила) я участница войны.

Но я сравниваю себя с Безуховым, определяю это состояние... не постороннего наблюдателя... слово «посторонний» здесь не подходит, потому что я все время сопереживала... я не могу найти точного

слова — я была наблюдателем, созерцателем того, что происходило... «свидетелем» — немного казенно... Я была «сопереживателем» того, что гибнут люди. Если я знала, что я тоже могу погибнуть, я к этому так и относилась — так же, как и все: они гибнут, и я тоже могу погибнуть. Но это было у меня где-то в подсознании.

Так к чему я это рассказывала? Там, под Витебском, я выходила из своей машины, делала еще несколько шагов вниз, но не доходила до самого подножия этой высотки под названием Горки. Мимо шли наши войска по направлению к фронту, к Крынкам. Шеренга солдат шла почти непрерывно. Март месяц, снег уже таял, солдаты мешали его с грязью сапогами, вся дорога была перемешена, а они все шли, лента не заканчивалась.

Вдруг непосредственно напротив меня остановился отрезок шеренги. Затем, после короткой, полуминутной остановки шеренга продолжает идти, а здесь осталась группа солдат, они что-то делают... Потом я понимаю, что это попал снаряд — очередная жертва. И они хоронят погибшего. Как, где искать его останки после войны? Как много вдоль фронтовых дорог жертв войны, погибших солдат, еще не начавших участвовать в этом бою, который идет там за эту станцию Крынки. То там, то здесь, то рядом со мной происходит прерывание движения этой ленты солдат, этой колонны, идущей к фронту. Я наблюдаю, я смотрю, я сопереживаю... Мне, конечно, очень тяжело, но в то же время я понимаю, что это война... Вот так я понимала войну. Вот так она шла для меня.

Поздно вечером, когда уже темно, кругом, по всему периметру «языка», в середине которого мы оказались, — огни, зарева. Там идет стрельба, слышны разрывы, выстрелы орудий, грохот и зарево, зарево, все время зарево. Таким было наше стояние под Витебском. Здесь у меня было больше возможностей наблюдать, видеть, сопереживать вместе с солдатами военные действия.

Март 1944-го. В Москву

Сколько дней это продолжалось, я сейчас не помню, может быть, несколько дней, может быть, неделю. Прервалось для меня это таким образом. Начальник политотдела как-то пришел в наш пункт и сказал:

— Серафима Ивановна, завтра командир дивизии уезжает в Москву.

У него были какие-то военные и личные дела. Там была подготовлена его встреча с семьей (семья его была из Ленинграда, он ленинградец), ему дали возможность сделать передышку, провести небольшой отпуск. В этом тоже чувствовалось, что идет подготовка к чему-то очень важному.

— И я хотел бы, чтобы вы тоже поехали в Москву. Не говоря уже о том, что вы там можете повидаться со своими родственниками, есть специальное задание. Вы через свой Краснопресненский райком (он узнал, где я и как работала) найдите нам шефа. Что это за дивизия, у всех дивизий есть шефы, а у нашей нет.

Вот такое задание. Кроме того, нужно было привезти литературу, какие-нибудь книги. Мы поехали на легковой машине командира дивизии, с нами водитель, который сопровождал его во всех боях, он же его шеф-повар... Был такой разговор, что он как будто очень хорошо готовил, но я ни разу не кушала.

Мы ехали из-под Витебска, попали на большую дорогу Смоленск—Москва, проезжали мимо разрушенных городов, сел, которых уже, по сути дела, не было... Приехав в Москву, я распростилась с Каминским. Он поехал по своим делам, а я пошла в райком. Прощаясь, он сказал: «Серафима Ивановна, я не знаю, насколько я здесь задержусь, поэтому вы отправляйтесь обратно с нашей машиной из тыла дивизии» — и дал их координаты. При тыле дивизии была та часть, которая занималась продовольственным снабжением и обмундированием, там же была механическая мастерская, небольшое подразделение для ремонта поврежденных машин, поскольку у нас вся дивизия была на машинах.

Я пришла к Нине Васильевне Поповой. Она связалась с военным отделом Московского комитета партии. В течение одного дня все было сделано и договорено. Был разговор с подмосковным городом Химки, с городским комитетом партии и горисполкомом, и они с большим удовольствием согласились быть нашими шефами, пригласили нас к себе. Я говорю «нас», потому что в это время в Москве оказался парторг одного полка нашей дивизии, не помню, какого. Я его знала до этой поездки в Москву, потому что он часто приходил к нам в политотдел, приносил донесения и партбилеты погибших, брал новые для того, чтобы выдать их солдатам в окопах. От командира дивизии я знала, что он тоже находится в Москве и будет возвращаться с той же машиной, что и я.

Я с ним связалась, и мы поехали в Химки, и еще кто-то с нами. Нам устроили хороший прием, очень радушно принимали. Договорились, что они будут шефствовать над нами. Познакомились с нашими координатами, как полагается в таком случае. Сказали нам, что они все, что мы пожелаем, для нас сделают. Главным образом, речь шла о культурном обслуживании. И я хорошо помню, что, когда мы уже прощались, то я сказала:

— Вы уж, пожалуйста, нас не забывайте!

А они мне в ответ:

— А вы, пожалуйста, не пропадайте! А то мы будем вас разыскивать, а вас нет. Вы, пожалуйста, не пропадайте!

Оказывается, у них был случай, и, кажется, не один, а два или три случая, когда они брали шефство над частью, а эта часть пропадала. Или куда-то в другое место передислоцировали их, или она была расформирована, потому что стала малочисленной. Я помню, это было сказано со значительным очень контекстом: «Пожалуйста, не пропадайте!»

Потом мы еще день или два ждали с этим товарищем, когда нас вывезут из Москвы. По-моему, его фамилия была Шерстняк или Шерстнев. Молодой товарищ, не больше 25–26 лет, москвич. Не помню, парторг какого полка он был, то ли Ворганистова, то ли Голубева. Его семья (молодая жена, совсем маленький ребенок и кто-то еще, мама, кажется, его или ее) жила в одном из переулков Арбата, где-то совсем рядом с театром Вахтангова. За это время мы несколько раз собирались у него на квартире. После войны я, случалось, проходила мимо этого дома, но, кажется, их не было... А в прошлом году, уже на склоне лет, я снова там проходила и подумала: может, зайти, узнать, живы ли Шерстнев и его жена (она как-то приезжала на фронт к нам), но оказалось, что я уже забыла дом, или не нашла его, или там что-то перестроилось...

Когда мы вернулись, наша дивизия уже была в другом месте — на пути в тыл, на отдых. Шла весна 1944 года. Первый раз наша дивизия получила приказ вернуться обратно, в тыл, на месячный отдых¹. Мы снова проезжали мимо Смоленска, мимо Рославля. Вся дивизия должна была передислоцироваться в район города Кричева, на границе Белоруссии с Россией. Шла подготовка знаменитой операции «Багратион».

1 мая 1944-го. Курение

В каком-то селении по пути к городу Кричеву мы встретили 1 Мая. В большой чисто вымытой хате хозяйка усадила за стол весь политотдел в полном составе: начальник политотдела, его заместитель Черников,

¹ 24 апреля 1944 г. на основании директивы Ставки ВГК от 12 апреля 1944 г. Западный фронт был расформирован. Войска левого крыла фронта преобразованы во 2-й Белорусский фронт. Управление, соединения правого крыла и центра преобразованы в 3-й Белорусский фронт. 49-я зенитная артиллерийская дивизия была расформирована 28 апреля и вновь сформирована 2 мая 1944 г. Далее 49-я Смоленская зенитная артиллерийская дивизия сражалась в рядах 2-го Белорусского фронта.

заместитель по комсомолу Федя Ткаченко, вновь прибывший агитатор Харитонов (не помню его имени-отчества, он был учителем истории в одной из московских школ где-то на Ленинградском проспекте, после войны мы поддерживали хорошие отношения, бывали друг у друга дома), недавно появившийся заместитель по партийной работе Худаев и кто-то еще из работников. Вот такая компания. Съели первое, мужчины выпили. Я категорически отказалась от ста граммов водки, которые были положены. Вдруг начальник политотдела заявляет:

— Я должен поставить на всеобщее обсуждение такой вопрос: Се-рафима Ивановна неважно себя чувствует. Как она сама понимает, связано это с тем, что она курит.

Я действительно курила. Началось все в школе, в интернате, когда мы в Виноградове жили. Было очень голодно, это был 1921 или 1922 год. Я раз в месяц ходила за 20 верст домой, приносила какие-то пироги. Девочки из соседних деревень каждую неделю ходили, а я чаще не могла. Питание в интернате было скудным, все время хотелось есть. А у нас там было очень много приютских ребят и девочек, из детдома, — хорошие очень ребятки, после Гражданской войны ведь было много таких детей. Среди них был Кузя Юдин. Он все время приходил к девочкам, говорил:

— Девочки, а я вас научу!

А мы:

— Кузька, есть хочется!

— А я вас научу, чтобы есть не хотелось!

— Как научишь?

— Нужно завернуть махорку, закурить, и не захочется есть.

Мы попробовали раз — состояние опьянения какое-то. Попробовали один раз, другой. Понравилось, ну и начали баловаться. Конечно, систематического курения не было, а непостоянно, так, время от времени. Более систематическое курение началось, когда я стала работать в комсомоле. Привычка уже была заложена, я курила, наверное, с 1927 года. Когда работала в комсомоле, когда работала по ликвидации неграмотности, когда училась на рабфаке и в начале учебы в университете. Именно тогда мне было очень тяжело, у меня начался ревматизм. Я была сильно простужена — я рассказывала, как я ходила. У меня пропал аппетит, да и, вообще, питание было ненормальное. Вот почему я теперь всем говорю: регулярно питайтесь, сейчас есть условия для этого! А мы как-то не придавали питанию особого значения. В университете я стала плохо себя чувствовать и, когда мы поехали в Сочи, дала себе слово бросить курить. Я не курила с 1938 до лета 1941 года. Но когда жила с Ниной Разумовской в одном шалаше

на лугах на берегу озера, то сначала очень ругала ее за то, что она немножко курением баловалась — она была намного моложе меня. А потом оказалось, что этим можно спастись от комаров, и постепенно я снова начала курить.

И вот, первого мая начальник политотдела говорит:

— Она хочет бросить курить, берет на себя такое обязательство.

— Я сама брошу.

— А мы все-таки хотим вам помочь, — здесь он выступил, как психолог. — Я хочу спросить каждого из вас: кто верит в то, что Серафима Ивановна выполнит взятое на себя обязательство бросить курить?

Харитонов:

— Я, конечно, очень уважаю Серафиму Ивановну, она человек дела, решила сама на фронт пойти, — и много таких слов говорил. — Я не знаю, я человек некурящий. Говорят, бросить курить очень трудно. Видимо, она очень хочет этого, поэтому мне остается только пожелать ей силы воли.

— Нет, ты скажи, веришь ли в это или нет? — спросил начальник.

— Ну, допустим, что верю!

Майор Черников тоже ничего определенного не сказал:

— Я не знаю. Мужчинам трудно бросить курить. И женщинам тоже. Зато майор Худаев вскочил и сказал:

— А я не верю!

Все от такого категорического решения пришли в недоумение, а я просто вскипела, но ничего не сказала. Начальник говорит:

— Молчите-молчите! Давайте послушаем. Почему?!

— Чтобы женщина выполнила такое свое обязательство — я этому никогда не смогу поверить! Я мужчина! Я больной человек! Мне нужно обязательно бросить курить — у меня язва желудка, и то не могу! На фронте! Как это?! Как это бросить курить! Не верю!

Он совершенно искренне говорил, с таким ожесточением, с таким озлоблением. Зачем вообще женщине на фронте быть — они слабый пол, нечего им здесь делать! — такое у него было на этот счет мнение.

Тогда начальник обратился к Феде Ткаченко. К тому времени он пробыл у нас уже месяца три-четыре, все время вместе — люди быстро узнают друг друга, и он ко мне относился восторженно. Он говорит:

— А я верю! Серафима Ивановна обязательно бросит, раз она дала слово! А ее слову я верю!

Начальник политотдела развел руками и сказал:

— Ну, вот видите как! С каким доверием молодое поколение относится к старшему товарищу. Вам теперь уже никуда деться нельзя, раз на вас такая надежда молодого человека! Как вы можете не выполнить?!

*Июнь 1944-го. Отдых под Кричевом.
Лекции в полках. Госпиталь*

Мы передислоцировались на отдых под городом Кричевом. Город Кричев не производил такого угнетающего впечатления, как Вязьма. Там сохранились какие-то селения, осталась церковь, колокольня. Небольшой городок, он не показался мне значительным городом. Самым главным было то, что он находился рядом. Мы стояли на другой стороне реки Сож. Вот река произвела на меня большое впечатление: бурная, многоводная, из города в лесную часть был перекинут крепкий мост. Весна еще, даже половодье не закончилось, течение очень сильное. Однажды мы на плоту сплавились, и нас чуть не унесло куда-то в преисподнюю.

Вот там мы расположились, вся наша дивизия: четыре полка, политотдел и штаб дивизии. Была прекрасная весна. Сосновый лес выходил почти к самой воде. Между рекой и лесом лежал чистый песок, там были пляжи особой чистоты.

Мы были на отдыхе. Вода после таяния снега оказалась мягкая, правда, желтая от прелого листа, но мягкая, с хорошим запахом, и теплая, солнце ее успело прогреть. Я много стирала в канавах, и для себя, и для ребят, все перестираала. Все перемылись. У нас были баньки в сосновом лесу, по всем правилам баньки. Как-то раз мы, несколько женщин, в свою очередь пошли мыться (там все по очереди были записаны, кто когда). Просто удивительно! Пахнет сосной. Вода каким-то таким лесным запахом настояна. Волосы сразу становятся легкие, пышные.

В то время я очень много ходила по полкам, меня приглашали парторги. Мы там жили целый месяц, и я ходила по полкам — проводила беседы, делала доклады на разные темы по истории, истории СССР, беседовала на текущие темы. Эта работа доставляла мне большое моральное удовлетворение. Между прочим, однажды Худаев узнал, куда я хожу, и спросил:

— Какое вы имеете право? Кто вас посылает?

— Меня приглашают! — ответила я. — Меня пригласил парторг 1272-го полка. Капитан Дмитриев пригласил. Я член партии и пошла.

— А вы разрешения спрашивали?

— Черников знал, что я...

— Что значит, Черников знал? Начальник политотдела...

— Так начальник политотдела в Москве.

Начальника неделю или две, наверное, не было, у него была командировка в Москву, а когда он приехал, то привез с собой багаж от наших

шефов — города Химки. В этом багаже были принадлежности для спортивных игр на случай отдыха. И футбольный мяч, и сетка для волейбола, сетки для баскетбола, шахматы, шашки, книги...

— Я запрещаю!

— А я позволю себе не согласиться. Майор Черников старше вас по должности!

— Как?!

Так ничего и не решили. Черников ему потом говорит:

— Ну, что ты! Серафима Ивановна хорошо делает, что проводит лекции.

Просит Худаева разрешить, а он: «Не положено!» Черников даже не возмущался — он служака, но добрый человек.

В политотделе тоже была какая-то работа, в нашем домике. Туда часто приходил командир одного полка: штаб рядом, и его землянка была недалеко от нашей политотдельской машины. А у этого командира полка был свой ординарец, и до него дошел слух, что я бросаю курить. Так он приходил, раскрывал большую красивую коробку папирос (достал где-то) и говорил:

— Серафима Ивановна, угощайтесь!

— Не соблазняйте!

Я должна была выдержать натиск, а он уговаривал, то эту коробку папирос приносил, то ему, видите ли, принесли табак душистый — можно набить самой и закурить. Так он меня брал на измор, когда угощал. Приходили и другие из штаба, там тоже многие были с ехидцей, подшутить любили. Не злобные — хорошие, но большие любители пошутить. Хорошо получилось так, что мне нужно было обследоваться.

После моего прошлогоднего заболевания мне было не очень хорошо. А потом наступила зима. Было много снега, и не то чтобы очень холодно, но промозгло. Мы же все время в лесах, поэтому я спала в сделанной из фанеры кабинке. Мы с Колей Козловым оклеили ее — где-то достали обои. Зимой там стояла печурка, но дверь у нас не закрывалась никогда. Ночью рядом стояла машина со СМЕРШем, и около машины постоянно дежурили — то наш Вася Тазин, то ординарец начальника СМЕРШа Коля. Они были обязаны дежурить по очереди на две машины. Так же они должны были подкладывать дровишки в нашу печку, но кабинка все равно промерзала. А я там спала — у меня начался плеврит. Сначала было подозрение, что воспаление легких, но обошлось. Хотя плеврит — это тоже очень опасно, к тому же у меня в молодости был плеврит. Поэтому на отдыхе дивизионный врач настоял на том, чтобы я пошла в госпиталь.

Госпиталь стоял недалеко от Кричева, в городе Мстиславле. Меня туда отвезли на какой-то попутной машине, а обратно я уже шла пешком. Там для предстоящих боев развертывался тыловой госпиталь — сразу после боев в него должны были свозить раненых. В этом месте не полностью, но хотя бы отчасти сохранились деревни. И госпиталь развернули в деревенских домах. Населения было мало, многие эвакуированы. Госпиталь занимал два или три дома, а может, даже больше, — в этих домах все равно никто не жил. Они были тщательно вымыты, покрашены белой меловой краской, известковой. Не масляной краской, не водоэмульсионной, а побелкой. Все было продезинфицировано, пахло хлоркой. Я жила в большой полевой палатке — нельзя сказать «в палате». Она была огромная, длиной с наш корпус. Там были устроены нары: набитые сеном матрасы, подушки. Все было чистое, хорошо постиранное и хлорированное. Воздух был прекрасный. Я даже радовалась, что меня в госпиталь отправили, наслаждалась. Еще была рада тем, что там не было никого, кто бы меня соблазнял курением — это очень помогало. Народу почти не было, всего несколько человек находились на обследовании. Я пробыла там где-то с неделю, меня тщательно обследовали, ничего опасного не нашли и сказали, что я могу возвращаться обратно. Я была рада тому, что не согласилась ехать куда-нибудь в далекий тыл.

Обратно в Кричев я шла, наверное, три или четыре часа пешком, потихонечку, мимо каких-то лесов, полей, деревень. Погода стояла изумительная. Я шла медленно. Спешить пока было некуда.

Потом началась суета, все стали быстро собираться в поход. Было ясно, что начинается наступление.

Лето 1944-го. Беседа о мирных немцах на подходе к Германии

Вскоре начальник политотдела дал мне задание пойти в какую-то солдатскую роту и провести беседу по поводу приказа Главного политического управления Красной армии. Это, конечно, был секретный приказ. Мы скоро должны были приблизиться к границе с фашистской Германией. Так вот о приказе. Суть его состояла в том, что мы скоро приблизимся к границе с фашистской Германией, и как в связи с этим должны вести себя наши солдаты, наша армия. Задача политработника состояла в том, чтобы разъяснить солдатам, что когда мы перейдем границу с немцами, у нас не должно преобладать чувство ненависти, мстительности, во всяком случае, по отношению к мирному населе-

нию. И вот я об этом рассказываю в землянке, и где-то в уголке вдруг голос:

— Позвольте мне вопрос задать! Позвольте мне свое слово сказать!

Какой-то солдат, который тогда мне показался пожилым человеком, ему было где-то за сорок, под пятьдесят, тогда я точно не могла установить, даже не ставила перед собой такой задачи, но чисто зрительно запомнила, что для меня он уже был достаточно пожилым человеком.

— Вот вы нам говорите про чувство мести... А как бы вы на моем месте поступили? Я из Воронежской области. У меня в деревне на глазах у моей семьи, моих детей, немец изнасиловал мою жену, а когда дети начали кричать, то застрелил мать и штыками убил детей, моих малолетних детей. Как я должен относиться к мирному населению, как вы говорите, фашистской Германии? — Я молчу, не могу найти каких-то других слов, кроме тех, что я уже сказала о приказе. — А я чувствую, что как только увижу немецкий город и какого-то немчонка, то я не пожалею, я тоже штыком его. А как вы думаете? Я жду того момента, когда мы перейдем границу, чтобы я смог отомстить. Немцы — они все немцы, они все наши враги.

Вот так он сказал. Все стояли, молчали. Ну что я могла ему ответить? Помню, что сказала что-то вроде: «Да, конечно, понимаю ваши чувства, разделяю ваши чувства, соболезнаю». Говорила какие-то слова, которые тогда были у меня на языке. В то же время напонила, что нужно найти в себе мужество, нужно попытаться переступить через это чувство мести к мирному населению, тем более к детям. Дети-то уж точно ни в чем не виноваты.

Фронт. На Минск

Быстро-быстро вся дивизия поднялась от Кричева мимо Смоленска к фронту. И здесь я скажу про свои ощущения... Всю войну нас не оставляло это чувство тревоги. Оно немножко ослабело, скажем, после победы под Москвой. Потом напряжение опять росло, росло, росло, когда была битва под Сталинградом. И опять было какое-то отступление этой тревоги, когда под Сталинградом мы одержали победу. Затем Курская битва — опять растущее и растущее напряжение, потом ослабление, это когда я уже была на фронте. После стоянка под Кричевом, где была прекрасная погода, хорошее место, красивая природа, и вдруг быстро — объявлен сбор, начинается марш, быстрый марш. От этого тревога усиливается и снова прочно поселяется в сердце, и эта усиливающаяся тревога не кончается.

В одном месте мы остановились на короткую передышку. Туда как раз приехали жены, им разрешили: жена парторга полка, с которым я была в Москве, жена нашего политотдельца Харитонов и еще кто-то. Я уступила им свою машину, а сама поселилась в большой палатке. Там жило много человек — палатка была огромная. Стояла хорошая погода, это было начало июня.

Уже было сухо, росла трава. И в этой палатке тоже была трава, где-то даже нашлось сено, и я устроила себе в уголке ложе из сухой травы.

Потом вот что случилось. Мне кто-то сказал, что внизу протекает ручей или небольшая речушка, и мне туда можно пойти постирать белье. Для этого нужно было перейти какой-то пустынный луг. Вот я и пошла, но вдруг слышу вдогонку:

— Стой! Стой, не двигайся! — Я оглядываюсь, ко мне очень осторожно идет солдат. — Туда! — и рукой машет в сторону.

— Куда туда?

— Здесь минное поле еще не разминировано, куда пошла?! — Я, конечно, стою как вкопанная. — Я выведу тебя, пойдем.

Вот так он меня вывел оттуда. Потом на меня все тот же Черников напал:

— Что, Серафима Ивановна, опять вы без спроса, вот подорвалась бы!

Там уже, оказывается, подорвался один солдат, а я не знала об этом. Так же, как я, пошел и подорвался.

Ранним утром 3 июля 1944 года мы были где-то в лесах между Могилевом и Минском, недалеко от центральной магистрали, идущей на Минск. Мы тряслись на лесной, почти не наезженной дороге. Наши полки были рассредоточены, но мы знали, что начальник штаба находится где-то недалеко от нас. Нас было 5 или 6 человек в машине: начальник политотдела, водитель с автоматом, ординарец с автоматом и кто-то еще из работников политотдела, наверное, Харитонов. Начальник политотдела рассказывал нам о Гражданской войне, в которой он, еще юношей, принимал участие. Мы все, конечно, его внимательно слушали. Когда он рассказывал какой-то эпизод из его участия в той войне, водитель внезапно остановил машину. Мы не понимаем: в чем дело? Он говорит:

— Слушайте! — Все примолкли.

Где-то совершенно недалеко от нас велась стрельба.

— Во-первых, стрельба. Во-вторых, мы сбились с пути. Что у нас впереди, где наши — мы не знаем.

Как так получилось? Он, наверное, тоже заслушался.

Мы остановились, вышли из машины. Кто-то отправился на разведку. Я очень хорошо помню ту картину, что я увидела. Я о ней часто рассказывала, она и сейчас стоит у меня перед глазами. Небольшая поляна, кругом великолепные сосны, сбоку подсвеченные ранними лучами солнца. Высокая трава, роса, уже начавшая таять. И вот эти блестящие, как искры, капли росы в окружении этих сосен, утреннее боковое освещение, а посреди этой поляны, распластав руки, обращенный лицом к небу, лежит молодой солдат. Я все время говорю, нашелся бы такой художник, который смог бы нарисовать эту картину... Мы подошли к нему ближе, ему было не больше 18 лет. Юное красивое лицо уже начало бледнеть, но все-таки еще были заметны краски молодости. Я до сих пор помню это обращенное к солнцу лицо юноши.

После войны я видела картину знаменитого художника Пластова «Фашист пролетел». Пастушонок попал под бомбежку, лежит лицом вниз, распластав руки, убит. И вся обстановка там тревожная: какие-то тучи, облака, улетающие «мессершмитты»... Тоже гибель молодой жизни, но то, что увидела я, было другим — такой же одинокий юноша, но лицом к солнцу, и кругом цветущая природа, ни облачка на небе, и свет проходит сквозь сосны, и роса... Нам было слышно стрельбу из пулеметов, автоматные очереди — но в картине это бы никак не отразилось.

Оказывается, на этом месте совсем недавно шел бой. Мы попали в сражение с тридцатитысячной группировкой немецких частей, которая была окружена нашими войсками.

Мы были вынуждены вернуться (по приказу), хотя из леса так и не вышли. Мы остановились часа на два, подошла машина начальника штаба, санитарный отряд, отряд связисток и еще какие-то управленческие части — образовалось несколько машин. Девушки, человека 4–5, пошли в лес по нужде. И вдруг бегут оттуда.

— Что такое?

— Мы натолкнулись сейчас на диверсантов!

— На каких диверсантов?

— Вот там в канаве...

Там оказалась не канава, а нечто вроде укрытия от осколков, но очень большое, квадратное. Там было человек пять немцев. Они закрылись кое-как прошлогодними опавшими листьями. А когда девушки стали подходить, кто-то из них шевельнулся — они не успели сделать свои дела и побежали к нам. Сейчас смешно, а тогда они прибежали бледные-бледные. Мы с начальником политотдела и с кем-то еще пошли туда. Увидели немцев, и начальник дал приказ солдатам, чтобы немцев вывели оттуда. Их привели, испуганных, дрожащих... В то же время

их глаза не вызвали у нас доверия. У них были награды. Кто они? Может быть, это те, кто решил сдаться в плен, убежать от боя, воспользовавшись обстановкой — там чудесные, огромные сосновые леса (у меня всегда сердце кровью обливалось, когда мы вынуждены были пилить эти деревья для того, чтобы устраивать блиндажи или что-то подобное). И они, вероятно, решили воспользоваться ситуацией... а может быть, это были специальные диверсанты. Ведь не поймешь. Трудно было. Более того, царило такое настроение: «Немцы разрушали наши города, наши села; мы должны выгнать их из нашей страны».

Стали решать, что с ними делать. Моего немецкого языка не хватило для устного перевода, я могла говорить только отдельные фразы и слова, но это не в счет. Допрос был неквалифицированный, а наше настроение было такое: мы идем в наступление для того, чтобы выгнать врага из страны. Постановили: «расстрелять». И расстреляли. То ли людей, то ли врагов. Я опять испытывала какое-то смешанное чувство — с одной стороны, ненависть, а с другой — это же люди! Были и такие мысли: «Вдруг они действительно дезертиры? Хотели выйти из своей армии и сдаться нам!»

Это чувство у меня прошло, когда я столкнулась с немецкими военнопленными в госпитале — такая озлобленность была по отношению к ним! А там, я помню, это чувство еще шевельнулось, но я победила его, вспомнив солдата с лесной залитой солнцем поляны. Это продолжалось не больше часа, может быть, полутора часов. Затем группировка была ликвидирована, сдались 17 пленных. И мы получили возможность выйти на дорогу Смоленск—Минск.

4 июля 1944-го. Минск. Травма и госпиталь

Итак, 4 июля мы вышли из леса на дорогу Смоленск — Минск. Нужно понимать, что она из себя представляла, эта дорога. Был полдень. По обе стороны шоссе на обочинах — груды немецкой военной техники, штабные машины со всей документацией, трупы солдат, лошади. И все это разлагалось под палящим солнцем — стоял ужасный запах. Шел быстрый марш, мы в него вклинились. Я успела заметить, что по обе стороны от шоссе лес отступил, и с той и с другой стороны не меньше, чем на полкилометра. Кто-то более осведомленный рассказал нам, что, опасаясь белорусских партизан, немцы вырубили лес, очищали дорогу. Но спастись им не удалось, потому что за пять дней до наступления наша авиация начала бомбить отступающие немецкие части. Немцы уже, конечно, знали, что готовится грандиозная операция — «Багратион», и начали спешное отступление. В сторону они ид-

ти не могли, потому что опасались блокады наших партизан. Отступали быстрым темпом, а сверху на них падали бомбы нашей авиации.

Вскоре мы поехали левой стороной, почти вплотную к грудам обломков, трупов лошадей и солдат, а с правой стороны шла колонна пленных немцев, окруженных нашими с обеих сторон. К вечеру мы оказались у въезда в Минск. По обе стороны дороги стояли неразрушенные дома, такие же, как и раньше по всей стране — деревянные, с наличниками. При самом въезде в город что-то с нашей машиной случилось. Водитель пошел ее чинить, все остальные тоже вышли на обочину, на левую сторону, а я вышла на правую.

Вдруг видим: в направлении Минска по узкому проходу между нашей колонной и немцами летит огромная машина — «Студебеккер» (американская машина, которыми нас, конечно, не бесплатно снабдили). Не знаю, кто был в машине, может быть, наши солдаты, — я только видела, что она надвигается на меня. В голове мелькнуло: все, сейчас меня задавят... я инстинктивно прижалась к нашей машине. Тут меня сбивает — я без сознания.

Не знаю, сколько я пролежала, но очнулась я оттого, что задыхаюсь, воздух не проходит в легкие. Я изо всех сил стараюсь закричать, потому что где-то в мозгу у меня одна мысль: если сумею закричать, тогда вздохну. И я закричала: «Спасите!» — куда-то наверх. Очнулась — у меня сгусток крови изо рта, со всех сторон бегут люди, с револьвером несетя командир дивизии, требует, чтобы машину остановили, кричит:

— Убью сейчас! По своим! Фашистов-то спасаешь, а своих... Под суд!

Меня подняли, я стала дышать, но было страшно больно. Мы сели в машину и поехали в госпиталь, до него уже было недалеко — наши врачи успели развернуть полевой госпиталь. Это надо отметить особо — медицинская часть всегда работала очень хорошо. И вот везут меня, а мне так больно! Невыносимо больно! Я сжала зубы, старалась не стонать, но стон все равно вырывался, потом я все-таки не выдерживала и говорю:

— Ради Бога, ну поймите, высадите меня!

— Потерпите еще немного.

— Я не могу терпеть, вынесите из машины, я не могу сидеть.

Недалеко от полевого госпиталя меня высадили из машины — прямо на обочине дороги расстелили плащ-палатку и уложили меня на нее. Вскоре прибежали санитары с носилками и меня понесли в госпиталь.

Огромная палатка, в ней сооружены двойные нары с полуметровой перегородочкой, и все уже было заполнено ранеными. Меня осмотрела

врач, сделали обезболивающие уколы, как я узнала позже, делали переливание крови.

И вот я уже лежу в полусознательном состоянии и слышу, как будто где-то далеко начальник политотдела спрашивает:

— Ну, как она?

И врач тоже как будто где-то далеко говорит:

— Сейчас мы не можем ничего сказать. Вот если она останется жива и придет в себя, тогда мы ее сможем осмотреть внимательно. Сейчас нельзя трогать.

Я оказалась в отдельном уголке, огороженном простынями, рядом со мной посадили медсестру — очень милая девушка, с которой я потом познакомилась, симпатичная и добрая. Она дежурила по ночам.

Очнулась я уже утром и, очень хорошо помню, пропищала — говорить громко я не могла:

— Пить, пить...

— Ну вот, наконец, очнулась.

Она подносит к моим губам поильник, а я говорю:

— Нет.

— Ты же пить хочешь!

— Я сама, — и пытаюсь поднять правую руку.

А она у меня не поднимается. Я говорю:

— Как так? Я привыкла сама все делать! Как это кто-то будет меня поить? Я же бывшая комсомолка!

— У тебя ключица сломана.

Я застонала:

— Как же так? Как я буду без правой руки жить? Я же привыкла все сама делать. А левая рука у меня не так хорошо работает.

— Очень хорошо, что правая. Если бы левая ключица была сломана, тебя бы вообще не было. Хорошо, что эта машина прошла по правой стороне.

Тогда я пытаюсь ногами пошевелить — ноги не шевелятся.

— Что ж такое?! Я и ходить не смогу? Зачем же мне тогда жить?

— Подожди, я тебе все расскажу.

Она немножко попоила меня, а потом стала уговаривать, чтобы я послушала, как надо себя вести:

— Наверное, у тебя тазовые кости сломаны. Хорошо, если позвоночник не сломан — тогда ты можешь подняться на ноги. Но для этого тебе нужно не менее шести месяцев пролежать на спине, на доске, чтоб кости срослись. Сегодня тебя обследуют и решат, что нужно делать. Но в панику впадать не надо, я знаю не один случай, когда были переломы, травмы, но все срасталось.

Потом за мной пришли санитары на носилках, понесли к врачу. Там меня внимательно обследовали и установили, где переломы, а также, что у меня общая контузия — был удар по голове, на затылке осталась огромная ссадина с запекшейся кровью. У меня с одной стороны было приплюснуто лицо, нос, сломаны правая ключица, четыре ребра с правой стороны, задето правое легкое, поэтому шла кровь, и многократные переломы тазовых костей. По крайней мере, так написано в официальном документе, который я позже получила из Ленинградского архива. Там сказано, что лобковая кость сломана, внутрисуставной перелом левой бедренной кости, и еще какой-то перелом с травмой седалищного нерва, который всю жизнь дает о себе знать.

Врач отозвался оптимистически, сказал, что хорошо, что мне не задело позвоночник:

— Теперь нужен покой, лежание только на спине, — а старшей сестре добавил: — Главное сейчас — не простудиться, чтобы не было двустороннего воспаления легких, тогда — смерть от пневмонии.

Это был огромный госпиталь, не знаю, как описать, брезентовая палатка, наверное, в половину нашего корпуса. Рядом со мной лежала девушка и все время стонала. На второй или третий день я не выдержала. Я все время выплевываю сгустки гноя с кровью, у меня начинается воспаление легких — а она стонет. Я говорю дежурной сестре:

— Ну что ж она все время стонет, — а я сама еле слова выговариваю.

— Девушка без сознания. Она из мирного населения Минска. Когда немцы отступали, они беспощадно бомбили Минск. Дней пять еще возвращались. Уже наши войска продвинулись к границе, а немецкая авиация возвращалась и бомбила. И за эти пять дней Минск был разрушен больше, чем за все время войны. И постройки разрушены, и главное, очень много мирного населения ранено и убито.

Я чуть-чуть дремлю — боялась засыпать, боялась, что задохнусь во время сна. И эта девушка, сестра ночная, которая в первую ночь со мной была, всегда подходила:

— Вот ты не спишь, а тебе надо выздоравливать, давай снотворное примешь.

— Ни в коем случае. Вы без меня, без моего согласия не делайте мне уколов, я же тогда задохнусь.

Видимо, я чуть-чуть задремала, и вдруг я не слышу стонов:

— Что такое, — говорю, — она заснула?

— Заснула. Навсегда.

Еще до этого, на второй день, я попросила вынести меня на улицу — стояла жаркая погода, больные кричали. Требуют открыть палатку — сестры не выдерживают стонов, палатку открывают, и получается сквоз-

няк, но воздуху все равно мало. Здесь же гангрена, воздух был тяжелый — меня было нужно вынести. Ну старшая сестра и распорядилась. Меня вынесли на носилках, козлы какие-то поставили, и прямо на них положили.

Было хорошо — я наконец-то могла дышать. Ко мне приезжал кто-то из дивизии, подходил к постели, спрашивал, как я. Говорю, что ничего, что я сейчас чувствую себя лучше, у меня уже все не так сильно болит, только ноги больные, не шевелятся, а сильных болей уже нет. Потом приносили обед — я хотела есть.

Уже вечер начал спускаться, солнце село, а я все там, мне хорошо. Начинает роса падать, и я чувствую, на лице какая-то влага, а мне все равно хорошо. Вдруг прибегают: «Ах, мы забыли!» Конечно, забыли. Там же все время, непрерывно поступали люди с тяжелыми ранениями, безногие, безрукие, были еще хуже ранения. И военные, и гражданские.

На следующее утро у меня в присутствии старшей сестры выскочил сгусток крови из легких, и она перепугалась — видимо, вспомнила наказ врача, который говорил, что для меня сейчас простуда смерти подобна. К этому времени стоящая недалеко от железнодорожной станции школа, в которой у немцев помещался госпиталь, была вымыта, продезинфицирована, туда начали переводить раненых из полевого госпиталя. Началась суета. Я попала туда в первую очередь, меня отравили, наверное, на четвертый или на третий этаж — высоко.

Школьный класс, а ближе к окнам расположены двухэтажные нары, отгороженные невысокими перегородками. Я оказалась внизу, а рядом со мной лежала какая-то пленная женщина. Потом ее сменила гражданская, минская. Ближе к выходу лежали еще две женщины. У одной была нога ампутирована по самую поясницу, у другой половина руки, по локоть, и по колено нога.

Вдруг ночью началась очередная минская бомбежка. Свет погашен, темно. Да там свет практически и не включали. Слышу стон сверху. Обе девушки слезли, хотя одна без ноги, другая наполовину без ноги.

Ползут к двери и стонут:

— Почему нас не эвакуируют в бомбоубежище? Нас же разбомбят!

Медсестра говорит:

— Ну что же они не понимают, что бомбоубежище переполнено. И не до бомбоубежища сейчас, все время везут раненых из мирного населения.

Комната ходит ходуном. Я лежу около окна и думаю: «Ну что же они так переживают, ну ударит бомба, ну конец наступит, так он все

равно рано или поздно наступит». А потом ко мне приходит такая мысль: «Ну это я, я так рассуждаю, потому что мне очень тяжело, потому что мне больше всего хочется, чтобы убили меня. Я уже перестала жить, но они-то жить хотят.. такой стыд — это невыносимо. Но ведь я лежу около окна. Пусть бомба разорвется на улице, когда там никого не будет, когда все в бомбоубежище, а осколок отлетит в окно и ко мне. Пусть убьет только меня, меня одну». А потом начинаю думать про другое: «Ну, как же так, я умру здесь, в Минске, далеко от Москвы, от моих родственников, от мамы, от сестер. Где меня хоронить будут? Я умру, похоронят меня, и никто не узнает, где моя могила».

Потом кончилась бомбежка, ко мне подошла старшая сестра. Видимо, главврач всю ночь непрерывно делал операции. Приходят за мной, переносят на носилки и везут в операционную. И, я хорошо помню, привозят меня в большую палату. Операционный стол посередине, меня перекалывают на него с носилок. Сестра подходит к главврачу, который стоит в 20 шагах от меня, около раковины и моет руки. Она шепотом ему что-то говорит. Услышала я только его раздраженный ответ:

— Этого еще нам не хватало! Ну что я буду слушать ее. Мне и отсюда слышно, что у нее двусторонняя пневмония. Это еще не хватало! У нас умирают от гангрены, от перитонита, от всяких ран.

Так сердито говорит, а она как побитая собачка за ним бежит. В отличие от дежурных сестер, эта старшая сестра только играла роль старшей, не следила за состоянием больных, потому и не выполнила приказа врача «только не простудиться». Она от этого отмахнулась и допустила, чтобы меня держали на улице так долго, а потом, когда у меня начали выскакивать сгустки и я говорила, что задыхаюсь, отмахивалась:

— Все задыхаются, — и давала мне таблетки от кашля.

Потом врач подошел на расстояние двух-трех шагов и распорядился сделать внутривенное вливание стрептоцида. Меня привезли в палату, и буквально через пять минут, очень быстро, ко мне пришла очень милая сестра с капельницей и сказала:

— Сейчас мы будем тебе делать переливание, и я предупреждаю, что тебя будет бить сильный озноб.

Я пропищала:

— Как при малярии?

— Ну что ты! Малярия — это чепуха. Поэтому тебе сейчас принесут несколько одеял, накроют тебя, и ты должна заснуть.

— Не нужно мне вливание делать! Я тогда не проснусь.

— Проснешься. Другим человеком.

Она сделала мне большую капельницу. Это, конечно, нужно было делать раньше. Старшая сестра потом осознала свою вину: не извинилась, но старалась внимание проявить.

Я действительно быстро заснула, на меня положили два или три одеяла. Проснулась я, наверное, минут через сорок, не больше, во всем липком — это был не пот, а как будто мазь какая-то. Думаю: «А я, кажется, жива».

Через некоторое время пришла сестра сменить белье — все сменить, все вытереть нужно. Сказала:

— Сейчас к тебе придут.

Тогда пришли начальник политотдела и кто-то из инструкторов (я точно не помню) приехал, привезли подарки. Они уже вступили на территорию Германии и привезли для меня из немецких складов печенья, бутылку вина и, главное, сахар. Хотя сахар был наш, не немецкий. Собрали у всех офицеров из пайков килограмма два или полтора сахара, потому что знали, что я все время очень хотела сладкого. Мне во время войны сахара не хватало, как не хватает воды.

В августе, когда наши войска шли на запад, и наша дивизия участвовала в боях за Кенигсберг, я была в госпитале. Ко мне приезжали из политотдела, когда наша часть за 300 километров отошла от Минска на запад и была буквально на границе с Германией. Позже, когда я лежала в госпитале в Москве, майор Черников прислал мне письмо откуда-то из-под Кенигсберга. Я не сохранила его. Мне не хотелось писать, я лежала тяжелобольная, и им, наверное, тоже некогда было. Хотя однажды они прислали в Раменское для меня посылку, довольно большую, хорошую посылку, поскольку знали, что у меня тогда почти ничего не было.

Помню, что все подарки я попробовала, но сказала, что не могу есть. Мне никак не хотелось. Сестра палатная говорит:

— Ешь, это же все тебе привезли!

— Возьмите все это себе, съешьте. И вино, его надо немножечко допить. Я не хочу абсолютно. Только сахара.

Я уже говорила, что сахар я просила всегда. И тогда сказала:

— Вот хорошо бы еще, разве что, варенье сейчас. Ну чтоб немножечко хотя бы ягодами пахло! — один сахар есть не хотелось, а чай казался каким-то невкусным.

В это время как раз к гражданской женщине, которая рядом лежала, пришла родственница, она слышала этот разговор и говорит:

— Варенье можно сварить, но у нас сахара нет. А ягоды-то продаются.

— Вы возьмите этот сахар, сварите варенье из каких-нибудь ягод, и половину себе, половину мне.

На следующий день она принесла неполную пол-литровую баночку варенья. Кажется, клубничное. Таким вкусным оно мне показалось. Я поставила его с правой стороны, взяла ложку и начала есть. Почти всю эту баночку и съела. А остальные смотрели на меня и удивлялись:

— Как это вы всю баночку съели, а потом пишете: «Ну вот теперь я жить буду».

И с этого времени я начала есть.

Мне пытались наложить гипс, но сначала у меня была высокая температура — я отказывалась. А когда спала температура, я уже не застела гипс. Как срastутся, так срastутся.

Я пролежала в этом госпитале в общей сложности 20 дней. А потом, дня через три-четыре после того, как я стала приходить в себя, спать, понемножку есть, пронесся слух, что нас будут эвакуировать. Хотя наши уже границу перешли, и Минск считался прифронтовой зоной.

Госпитали

Август 1944-го. Санитарный поезд Минск—Смоленск

Пришли за мной два солдата, вынесли меня на носилках на улицу, неподалеку стоял санитарный поезд. Этот санитарный поезд — обычный товарный, в котором было только несколько пассажирских вагонов. Остальные вагоны товарные, там были устроены нары.

Я на улице. Лежу на носилках и вижу, что к моим носилкам подходит какая-то сестричка, что-то говорит, а потом приносит большие мужские бутсы.

Незадолго до этого, во время нашей передышки под Кричевом, я получила новые сапоги. Меня начальник политотдела заставил пойти к нашему дивизионному сапожнику, чтобы он сшил мне сапоги, потому что мои кирзовые порвались, и я ходила в худых. А командир дивизии и начальник политотдела мне всегда делали выговор за это: «Почему вы не заставите, Серафима Ивановна, новые сапоги сделать? Это безобразие, это позор для нашей армии! Что, советская армия плохо снабжается, что ли? Почему вы ходите в худых сапогах?»

Сделали мне приличные сапоги. И вот вместо моих сапог мне приносят эти поношенные мужские бутсы, наверное, какой-нибудь 45–46-й размер. И я спрашиваю:

— А где же мои сапоги-то? Зачем мне эти бутсы нужны? Верните мне мои сапоги!

Она ко мне нагибается и говорит:

— Сестричка, тебя же в тыл эвакуируют. Когда тебя вылечат там, в госпитале, тебе при выписке новое обмундирование дадут, с иголочки. Полное обмундирование! Сапожки тебе дадут хорошие, и гимнастерку дадут хорошую, и шинель. А у наших девочек сапоги изнашиваются. Оставь ты свои сапоги девочкам!

— Ну, если так, то конечно, пусть кто-то носит мои сапоги, — так я с этими ботсами и осталась.

Потом другой вопрос возник. Прошел слух, что там, в этом санитарном поезде, есть специальный женский вагон. И я, когда ко мне подошли солдаты, чтобы отнести меня на носилках к поезду, запищала:

— Вы меня, пожалуйста, только в женский вагон!

Тогда один солдат — молодые ребята, лет по 18 им было — говорит другому:

— Эй, Вася, чего это он пищит там? Ты чего пищишь-то, солдат?

— Я прошу меня в женский вагон.

— Он просится в женский вагон, ты слышишь? Большой-большой, а губа — не дура!

— Да я женщина!

— Может, правда, женщина? Да что-то вроде ничего женского-то не видно.

А я еще в госпитале острижена была наголо, под машинку, потому что у меня там спеклась кровь на затылке. В мужском нижнем белье, исхудалая, как палка.

— Чего он там болтает? Ничего женского-то в нем нет. А ты что, правда, женщина?

— Да женщина я! Только вот очень больная была, и похудела...

— А что, может быть, и вправду..

Понесли меня. Подносят к женскому вагону, а там не берут меня, никто не хочет — переполнен вагон.

— Больше мы никого не возьмем, — это уже там сами женщины командовали, — у нас не только лечь, у нас сесть уже негде, все переполнено. Пусть куда-нибудь в другой вагон.

Солдаты говорят:

— Ну, мы не знаем, пусть начальство разбирается, как хочет.

И ушли. А я лежу. Проходит час, полтора часа, — эвакуация все идет, в вагоны размещают больных. Огромный поезд, несколько вагонов. И потом, главное, — днем-то мы уехать не можем, нужно ночи дожждаться. Но вот уже смеркается, а я лежу. Начинаю стонать, волноваться... На мое счастье, мимо проходил заместитель начальника госпиталя по политчасти. Он меня знал, приходил, когда я больная была,

интересовался моим партийным билетом. Я сказала, что партийный билет в политотделе дивизии, что туда нужно послать письмо, запрос для того, чтобы мой партийный билет переслали в Краснопресненский райком партии. И потом он еще два раза ко мне приходил, интересовался здоровьем — мы с ним разговаривали, поэтому кто я и что — он знал. И когда он увидел меня на земле, остановился, спросил, в чем дело. Я сказала, что меня не хотят в женский вагон помещать, а я женщина. Он улыбнулся, говорит:

— Я знаю, что вы — женщина. Ну что же, пойду на разведку, узнаю, в чем дело.

Пошел, долго пропадал, я уже решила, что он обо мне забыл. Но все-таки вернулся и говорит:

— Знаете, в женском вагоне действительно все переполнено. Вы тяжелобольная, Вам там нехорошо будет, неудобно. Все лежащие места уже заняты другими тяжелобольными. А сидеть вы не можете, никуда вас нельзя поместить. Но я договорился. Вон там есть товарный вагон для офицеров и легко раненных солдат. И в нем есть одно местечко, куда вас можно положить. Там очень хороший санитар, правда — мужчина. Но ведь женщины ухаживают за больными мужчинами, а вот за вами мужчина поухаживает. Хорошо все будет.

Меня понесли туда, положили у самого входа, ногами к двери. Рядом со мной — тоже на носилках — лежал один молодой солдатик. Ему было не больше 17–18 лет, ранение пулей в грудь навывлет. Он был в очень плохом состоянии — пуля прошла где-то недалеко от сердца, поднялась высокая температура. Меня положили рядом с ним.

От Минска до Смоленска мы ехали пять дней. Пять дней, когда сейчас там дороги всего на несколько часов. Были частые остановки, и особенно хорошо мне запомнилась одна остановка, с утра и до вечера мы стояли. Причиной было, во-первых, то, что могли прорваться немецкие самолеты, а во-вторых, наша «летучка» почему-то пропускала целый ряд других поездов, которые тоже шли на восток. Это поезда главным образом с населением освобожденных советских деревень, которые были угнаны в немецкое рабство. Их освобождали наши войска, и они возвращались на родину. Эту стоянку я запомнила потому, что лежала лицом к двери и видела, что происходит на другом пути, в других поездах. Я видела этих возвращающихся людей, исхудавших, изможденных женщин, они выглядывали в окна, если это были пассажирские поезда; в двери — если грузовые... Они рассматривали нас очень внимательно, а мы с большим сочувствием смотрели на них. Тягостное было стояние. Но мы радовались, что наши войска уже далеко продвинулись на запад; радовались, что наши возвращаются.

Второй поток был обратный, в другую сторону: на запад шла боевая техника, шли солдаты, ехало много гражданского населения и мирной техники, ехали люди, которые были эвакуированы до наступления немцев из западных районов в глубь России. Начался процесс восстановления народного хозяйства. Нужно было спешно обрабатывать землю, делать посевы и восстанавливать заводы.

Были еще какие-то остановки, но их я не помню, потому что плохо себя чувствовала — не могла ничего есть. Санитар, пожилой солдат, который ухаживал за нами, очень меня упрасивал, чтобы я хоть что-нибудь ела. Я брала в рот что-то из сухого пайка, но практически ничего не ела.

Смоленск

Когда нас привезли в Смоленск, в госпиталь, развернутый в школе, я немного отдохнула и смогла немного есть и пить. Сперва нас положили в каком-то большом помещении, мы ждали рассортировку по болезням. Меня понесли на носилках на третий или четвертый этаж по крутой лестнице пленные немцы или австрийцы. Это были здоровые мужики, разговаривали они по-немецки и вели себя как-то уж очень весело. Такие жизнерадостные, здоровые. Когда они несли меня по этой лестнице, они чуть ли не перпендикулярно ставили носилки, а меня так поворачивать было нельзя, у меня было все сломано. Я что-то пищала, шептала, что меня так нести нельзя. А они не понимали, что я хочу, и в ответ только смеялись. Тогда у меня проснулось чувство злобы и возмущения.

Я лежала в смоленском госпитале около недели. Здесь тоже не обошлось без происшествий — куда-то затеряли мою историю болезни. И хотели лечить меня по чужой истории болезни, совершенно от другого. У меня были многократные переломы, как я уже говорила, но позвоночник сломан не был. В той же истории болезни позвоночник сломан был. А это почти безнадежно. И угрожало тем, что меня отошлют куда-нибудь в далекий тыл. Я же хотела, чтобы меня только до Москвы довезли.

Сама история вполне понятна — там была масса раненых, тяжелейших лежачих больных, таких же, как и я. При такой обстановке вполне могли что-то перепутать. Но потом ко мне пришел заместитель начальника госпиталя, и я упросила его меня внимательно выслушать. Потому что лечащий врач слушал меня невнимательно и думал, что я из-за своего тяжелого состояния просто забыла о некоторых моментах. И вот пришел ко мне этот заместитель, выслушал, сказал, что разберется. Потом, часов через 4–5 вернулся лечащий врач и сказал:

— Вы нас извините, произошла ошибка, мы нашли вашу историю болезни.

Это меня успокоило. Я рассказываю это, чтобы подчеркнуть обстановку, показать напряжение, которое там было.

Через неделю сказали, что нас будут эвакуировать в оборудованной «летучке» ночью, в такой-то день. Вечером назначенного дня пришли санитары, погрузили нас в большой автобус и повезли на станцию к поезду на Москву. Там мы должны были провести какое-то время в эвакуационном отделении, помещении, просто разделенном простынями. Два солдата взяли меня на руки и понесли в это отделение. И опять, когда один другого спросил: «Куда его?», я пропищала:

— Вы меня, пожалуйста, в женское отделение.

И опять тот же разговор:

— Солдат, ты что, бредишь?

— Да я женщина!

— Да какая она женщина, ничего женского здесь нет, исхудал ты, солдат, очень — это да...

Потом нас погрузили в этот поезд-«летучку», причем я попала в вагон для лежачих тяжелобольных. Меня подняли наверх на подвесные нары. Ночью поезд тронулся. Обслуживала поезд молодая девочка с ангельским голоском. Она подходила к больному и говорила:

— Ну да, больно тебе, больно. Но давай я тебе ножки помою, все-таки будет легче!

— Да нет, сестричка, мне не будет легче.

— А я все-таки тебе помою.

Она приносила таз с водой, мыла раненому ноги, и он замолкал.

Подходит ко мне:

— Ты что же не спишь, нужно спать!

— Я не могу спать, у меня пролежни, мне больно там.

Она пригласила врача, женщина-врач подошла и стала меня уговаривать, чтобы я поспала. Принесли мне специальное приспособление, чтобы удобнее было. Резиновый такой крут.

Я этой женщине-врачу призналась, что не засну, пока не узнаю, куда нас везут.

— Куда — в тыл!

— Но в какой тыл? Мне нужно обязательно в Москву попасть. Там у меня все родственники, знакомые.

— Еще неизвестно, куда эта летучка будет направлена. Не волнуйтесь.

Потом через какое-то время она пришла и говорит:

— Я должна вас обрадовать, мы подъезжаем к Москве. Такое распоряжение дали нам — всех женщин оставить в Москве, в госпитале.

Вот так я попала в Москву.

Москва

Госпиталь был расположен в школе, находящейся недалеко от Москвы-реки. Я уже не помню саму школу, но помню, что попала в хорошие руки. Две женщины: одна — заведующая в хирургическом отделении, самом большом. Звали ее Екатерина. Ей было около 50 лет. Нам говорили, что она — женщина решительная, если, скажем, гангрена начнется, — отпилит ногу. И еще был лечащий врач, женщина, немного моложе Екатерины. Тоже хирург, очень милая, смелая, внимательная, ласковая женщина. Она меня вела, часто посещала нашу палату. Меня к ней привозили, и сама она приходила, каждый день был обход.

Палата — большой класс, там лежало человек по 12–15, раненые женщины. Некоторые были тяжело ранены, некоторые — контужены и ранены легче, но тоже нуждающиеся во врачебной помощи и лечении. В такую я попала палату. Сначала меня положили около дверей. Меня нужно было обследовать, вести процедуры, чтобы я стала способна есть и пить. В первый же день моего пребывания я дала через медсестру телефон Краснопресненского райкома. Буквально на следующий день из райкома пришла одна женщина по поручению Нины Васильевны, передавала привет. Я попросила связаться с моими родственниками в Раменском. Через день или два приехала старшая сестра и мама. Сестра меня сразу узнала, а мама нет: «Какая ты стала маленькая», — и слезы.

Потом меня обследовали, сделали рентген, вынесли решение, как меня лечить. Главное лечение было такое: июль, август, сентябрь, октябрь я должна была лежать на доске. Они решили, раз мне долго лежать (других быстрее выписывали), то они меня положат в самый дальний угол, к окошку. Нужно, чтобы было больше света и воздуха. И в этом самом уголке я пролежала до декабря месяца.

Интересны были соседки по палате — каждая по-своему. Недалеко от дверей лежала женщина-переводчица, где-то неподалеку — медицинская сестра. Напротив меня (мы лежали ногами друг к другу) лежала девушка-связистка, ругалась, особенно когда ей не давали снотворное. У них приказ был — не приучать к снотворному, потому что к нему привыкали, это становилось болезнью. И ко мне она сначала тоже очень недружелюбно отнеслась, может быть, потому, что ко мне стал народ приходиться. Потом, правда, она смирилась и стала относиться

уважительно. Рядом с ней лежала девушка, которую я запомнила очень хорошо.

Звали ее Тоня. Она была из Рязанской области. На фронт пошла добровольно, была санитаркой. Тяжело ранена. Когда я приехала, у нее были ампутированы часть руки и часть ноги, по колено. К ней, пока я лежала, приезжали из протезного института, делали протез. Тоня была общительная, рассказывала о своей работе, о боях, в которых участвовала. Больше всего рассказывала о своей семье: отец у нее погиб, а у мамы было несколько детей. Три или четыре брата Тони погибли, но она сохранила оптимистический настрой духа. Я помню, когда ей привезли протезы, очень удобные, она надела протез, опробовала и пошла в пляс — начала русскую плясать. Потом, конечно, заморщилась, сказала, что больно. Ее успокаивали, говорили, что привыкнет. И она действительно привыкла, потом еще цыганочку плясала и сама напевала — был у нас один свободный уголок в комнате. Люди радовались, конечно, тому, что она такая веселая. Она ко мне очень привязалась, подарила свои фотографии (они остались где-то в моем архиве). Все старалась себя как-нибудь украсить, кто-то ей бусы отдал. Позже, лет 10-15 спустя, я ее случайно встретила в Москве. Она меня узнала и рассказала, что работает машинисткой. Я говорю:

— Одной рукой, Тоня?

— Нет, я и второй.

Вот как она приспособилась?! Наверное, добавляла левой рукой. Во время войны существовало специальное бюро, и всех пострадавших устраивали, чтобы они потом могли работать.

Нонна Пивовар

Вот что мне ярче всего запомнилось в этой компании. Через две-три недели в нашу палату привезли молоденькую девушку, тоже на каталке. Девушка была закована, как в панцирь, в гипс: шея, плечи, торс — все в гипсе. Что это молоденькая девушка, можно было понять по удивительному голосу — он красивый такой был. Это была Нонночка Пивовар, о которой я должна особенно рассказать. Знакомство с ней — особая страница моей биографии, моей истории о людях военного времени.

Нонночка — партизанка. Об этом вся палата сразу узнала. Все мы с большим сочувствием к ней относились, потому что она была закована в этот панцирь. Она могла сидеть, и когда она садилась, было видно ее личико: правая сторона у нее была здоровая, а левая — обезображена: глаз выбит. Когда я смотрела на нее со своей стороны, то могла

видеть только правую сторону — это нежное, изумительное личико. Потом, когда она освободилась от панциря и более-менее вылечилась, она мне стала напоминать Наталью Гончарову. Высокая, с меня, может быть, даже немножко повыше, ростом, изумительно стройная, гибкая девичья фигура, ей тогда было 17 или 18 лет, красивая, лебединая шейка и личико, как у Натальи Гончаровой. На глазу она упорно несколько лет носила черную повязку, но потом нам — мне и ее маме — удалось Нонночку уговорить, чтобы она сняла повязку и согласилась на то, чтобы ей вставили стеклянный, искусственный глаз. Потом ей врачи приказали носить очки, потому что была угроза гибели второго глаза.

Было так. Она ленинградка (потом я ездила в Ленинград и часто у нее останавливалась), жила с матерью и с отцом на пересечении Невского и Литейного проспектов в большой комнате — это была коммуналка. Отец ее был какой-то ответственный работник-хозяйственник, его сестра с детских лет хорошо знала немецкий язык и работала преподавателем немецкого языка. И конечно, она Нонну учила немецкому языку. Мама ее, Александра Ермолаевна (мы с ней потом подружились), была из Могилева. В Могилеве у ее мамы жили две незамужние сестры, и Нонна с детских лет привыкла уезжать туда на летние каникулы — там был свой домик, сад. В 1941 году, окончив семь или восемь классов, она, как всегда, уехала на каникулы к теткам. Немцы быстро продвигались в глубь страны, началась эвакуация, и они тоже должны были эвакуироваться. Но одна Нонночкина тетя тяжело заболела, и тогда, конечно, вторая сестра отказалась ехать. Нонночку отвезти в Ленинград не успели, Ленинград к тому времени уже отрезали блокадой, и Нонночка осталась в оккупации. У нее с детства сложилась в Могилеве своя компания — когда приезжала на лето, она всегда гуляла с девочками-мальчиками, с кем-то дружила, ходила в походы. Шла война, стало известно о действии партизанских отрядов, и компания Нонны тоже захотела принять в этом участие.

Сперва их не пускали, но в конце концов стали использовать в качестве связных, они стали выполнять отдельные задания — сложилась нелегальная группа подростков, которая помогала партизанам. В какой-то момент стало известно, что на них собираются донести, и им пришлось уйти в партизанский отряд. В партизанском отряде быстро узнали, что Нонна хорошо владеет немецким языком, и ее взяли переводчицей в могилевский подпольный обком партии. Какое-то время она у них работала. Затем, при большом партизанском соединении, которое действовало в лесах вокруг Могилева, оказалось много бе-

жавших из фашистской армии антифашистов. В их числе был и один австрийский коммунист Фридрих, который договорился с подпольным обкомом партии, и антифашисты из других стран организовали внутри партизанского соединения отдельный партизанский отряд. В нем были французы, немцы, австрийцы.

В Германии было много антифашистов, были коммунисты, которых насильно погнали в армию, и они, конечно, искали случая перейти на сторону Красной армии. Сын одного из австрийских коммунистов и сам коммунист — этот Фридрих возглавил антифашистский партизанский отряд. В качестве переводчика туда послали Нонну. Она была еще молоденькой девочкой, а Фридриху было 28–29 лет. Фридрих к ней относился заботливо, по-отечески, и она в него влюбилась. Потом всю эту историю любовную мне и он, и она рассказывали, я все это хорошо помню. Но там было, конечно, не до любовных сцен.

Потом в 1944 году началась операция «Багратион». А перед этим немцы стали активно охотиться за партизанами, преследовать их, окружать. И вот уже весной, непосредственно перед нашим наступлением, отряд Фридриха попал в окружение. Выбирались, как рассказывала Нонна, под обстрелом через болото. Две пули попали в Нонну. Одна задела шейный позвонок и каким-то образом вылетела через левый глаз. Девушка оказалась тяжело раненной. Товарищи вынесли ее с боя и отправили на одном из прилетевших санитарных самолетов.

В Москву из освобожденного Ленинграда приехала ее мама (отца уже не было в живых). В Москве у Нонниной мамы в наркомате внутренних дел работал брат. Вся семья, двоюродные сестры Нонночкины, все они приходили в госпиталь. Но самым главным для Нонны стало то, что Фридрих тоже был в Москве. Очень симпатичный, милый человек, очень серьезный — мы потом хорошо с ним познакомились. Ее все навещали, то один, то другой, то третий, а она все время ждала Фридриха. Он приходил каждый день, здоровался, застенчиво улыбался, садился на краешек кровати, и у них начинался длинный разговор по-немецки. Они говорили по часу, иногда им и дольше разрешали побыть вместе, потом он уходил. Нонна какое-то время оставалась под впечатлением от этого свидания, а потом снова грустила. Начинала стонать, когда кто-то из соседок пытался с ней разговаривать, жаловалась, что все ее товарищи по школе уже закончили десятилетку, в институты поступили, а она отстала и еще даже среднюю школу не закончила.

Я это все слышала, но помочь ей не могла, потому что она была далеко от меня, через несколько коек лежала. Однажды я предложила ей попросить врача, чтобы ее рядом со мной положили. Это моментально сделали, и я начала с ней заниматься историей. Вначале мы очень тихо

с ней разговаривали, чтобы никому не мешать. Потом та самая девушка, которая напротив меня лежала и все время ругалась, вдруг стала замолкать, прислушивалась к нашему разговору. А потом сказала:

— Почему вы так тихо говорите, давайте погромче, для всех.

Ну и я стала говорить громче. В общем, мы с Нонной какое-то количество часов проводили за учебой.

Ее мама была благодарна мне, Ноннины двоюродные сестры тоже. И особенно Фридрих. Мы часто с ним говорили, он рассказал мне свою историю, а потом потихонечку, когда все другие были заняты чем-то своим, а Нонночку увезли на процедуры, он рассказывал о своем сложном положении: что Нонночка ему в дочери годится, а она в него влюблена и он не знает, что делать.

Какое-то время она лежала вместе со мной. Но до того, как меня выписали, ее перевели в другой госпиталь. Может быть, это было как-то связано с лечением глаз. Уже в начале января следующего года, когда меня выписали, я поехала в тот госпиталь, куда ее перевели. Он тоже был в какой-то школе — я помню широкую лестницу, ведущую на следующий этаж. Я попросила вызвать мне Нонну Пивовар. Вдруг наверху появляется изящный мальчик в спортивном коричневом костюме. Подходит ближе, понимаю — это девочка, стриженная под мальчика, с очень милой головкой. Мы с ней обнялись, и она мне сказала, что уже здорова.

Затем она вместе с мамой поехала домой. В первое же мое посещение Ленинграда после войны в 1948 году (мне было нужно поработать в архиве по своей диссертации) я их нашла, пришла, но Нонны не было, была только Александра Ермолаевна. Она мне рассказала, что Нонна быстро окончила десятилетку, поступила в университет на факультет иностранных языков и изучает английский. Говорит, одна беда — за ней ребята сначала гурьбой ходят, ухаживают, но как только увидят, что у нее с глазом — исчезают. А Нонне нужен жених, ей замуж выходить пора. Но она ни о ком и думать не хочет, в ее мыслях только Фридрих.

Фридрих какое-то время провел в Москве — проходил проверку, как все иностранные участники войны. Потом уехал в Австрию. Они регулярно переписывались хорошими дружескими письмами, но он все время давал понять, что у него семья, что он не свободен, и жениться на ней не может. А она не верила, говорила, что это он все нарочно придумал, чтобы отделаться, что он не женат.

Потом, когда я начала работать и стала часто ездить в Ленинград по командировкам, я у них бывала, иногда даже ночевала. Я знаю, что после окончания университета она стала работать в Военно-морской академии, преподавать английский язык офицерам. И там за ней тоже

ухаживали многие; и один офицер основательно ухаживал, несмотря на ее проблемы со зрением. Он сделал ей предложение, да и Александра Ермолаевна его встречала как жениха Нонны. Но затем он поехал к себе на родину, к своей маме, и та ему отсоветовала жениться на девушке, которая может вскоре совсем ослепнуть. В общем, проявил он себя не очень мужественным человеком, этот офицер. Нонна, конечно, была очень обижена и оскорблена. Но такое состояние продолжалось недолго.

Другой офицер тоже усиленно за ней ухаживал, сделал предложение и заверил, что никогда ее не оставит. И она в конце концов вышла замуж за этого офицера. Это было уже спустя много лет после окончания войны. Потом они переехали в новую квартиру, у них родился ребенок, сын, и больше в Ленинграде мы с ней не виделись. Но когда она приезжала в Москву, то бывала у меня на квартире. От нее я узнала, что Фридрих два раза приезжал в Москву по вызову Всесоюзного комитета ветеранов войны, на эти встречи вызывали и Нонну, там они встречались. Потом Фридрих ездил в Ленинград, Нонна в это время уже была замужем. Когда Фридрих приезжал во второй раз, он уже приехал вместе со своей женой, и у них тоже были встречи в Москве и в Ленинграде.

Я хорошо помню, как я в 1950 году в качестве преподавателя исторического факультета повезла группу студентов третьего курса в Ленинград на производственную практику, мы ходили на завод на экскурсию. В этой группе старостой или парторгом был Костя Тарновский¹, студент-фронтовик, учившийся на историческом факультете после окончания войны. Я устроила эту группу на ночь в каком-то общежитии, но так получилось, что мне самой было негде ночевать. Идти к Нонне я почему-то не хотела, хотя они знали, что я приехала, и приглашали меня к себе. Но я не хотела стеснять их. Главным образом потому, что это была, все-таки, коммунальная квартира.

¹ **Тарновский Константин Николаевич** (7.10.1921, с. Лучеса Ельнинского у. Смоленской губ. — 8.10.1987, г. Москва) — доктор исторических наук, профессор, исследователь истории России конца XIX — начала XX в. Из семьи учителей, член ВКП(б) с 1947 г. В 1939 г. поступил на отделение литературы МИФЛИ, но в 1940 г. был призван в армию. Служил артиллеристом. В июле 1941 г. участвовал в обороне Киева, летом 1942 г. окончил курсы младших лейтенантов. Воевал на 1-м Прибалтийском фронте, был начальником разведдивизиона. Закончил войну в звании капитана. Награжден двумя орденами Красной Звезды и медалями. В 1947 г. поступил на исторический факультет МГУ, в студенческие годы — староста курса, секретарь комсомольского бюро курса, член партбюро факультета. Окончил кафедру истории СССР. В середине 50-х годов — доцент кафедры истории России периода капитализма, был зам. декана по научной работе. С 1959 г. — ст.н.с., зав. сектором истории СССР периода капитализма Института истории (затем Института российской истории) АН СССР. Профессор МГИАИ.

И тогда этот Костя Тарновский, впоследствии крупный ученый и интересный человек, предложил мне, предварительно устроив все с ленинградским корреспондентом «Учительской газеты» (ответственным редактором которой был его отец), пойти в Дом учителя, где было общежитие. Дом учителя находился на Мойке во дворце Юсуповых. И мы пошли искать этот дом. Ни я, ни Тарновский не знали, в каком конце Мойки он расположен. Мойка — длинная улица, вдоль всего канала. Мы пошли от Невского в том направлении, где дом-квартира Пушкина. Дошли до его квартиры, до конца Мойки, и узнали, что дворец Юсуповых в противоположной стороне. Мы пошли обратно. Это было довольно длительное путешествие, и я успела рассказать Косте о Нонночке, я хотела его с ней познакомить. Он меня очень внимательно слушал и согласился, что было бы интересно с ней познакомиться. Когда я уезжала, он пошел провожать меня на вокзал, и по дороге мы зашли к Нонне. Уже после я говорю:

— Ну как Нонна?

— Очень хороша, конечно, но вы о ней лучше рассказывали!

Вот такая была история с этой интересной девушкой.

Самодетельность и помощь жителей

Раньше, когда делали фильмы, посвященные войне, в картинах о военно-полевых или стационарных госпиталях показывали, как туда приезжали артисты, выступали с самодеятельностью. Так и было. Приезжали они и в тот московский госпиталь, в котором я лежала с августа по декабрь 1944 года. Я очень хорошо запомнила, как однажды к нам приехали артисты Малого театра. Играли отрывок из какого-то спектакля Островского. Хорошо помню, что главную роль там исполняла Рыжова, народная артистка, которую мы все прекрасно знали и любили. Я в Малом театре часто бывала и до войны, и даже до университета. Потом приезжали какие-то эстрадные артисты, я не запомнила их фамилии, зато запомнила одну молодую певицу, которая с энтузиазмом исполняла песню «Москва майская». Были выступления самодеятельности. Не знаю, выступал ли это кто-то из легкораненых, или к нам приходили из молодежных организаций. В общем, они тоже разыгрывали какие-то сценки, пели песни, устраивали танцы, я помню, мы даже вовлекли в эти танцы ту самую Тоню, которая лежала недалеко от меня, и она плясала цыганочку под гармошку.

Следует подчеркнуть отношение мирного населения к больным в том госпитале, где я лежала. Приходило очень много женщин, все они добровольно чем-то помогали. Мне лично, после того, как сняли

валик под коленями и пояс, стягивающий таз, нужно было вставать, а мышцы уже атрофировались. И в течение, наверное, целого месяца приходила немолодая уже женщина из мирного населения, которая специально, чтобы помогать больным, прошла курсы массажа, она делала мне массаж ног. Я помню, какие у нас с ней были душевные разговоры, с каким вниманием, с какой теплотой и добротой она относились к раненым.

Через какое-то время меня поставили на полминуты на ноги, боль была страшная. На следующий день я уже стояла немного дольше. Потом еще и еще, а затем мне дали костыли и заставили ходить. Я чувствовала себя выздоравливающей, начала ходить в зал, где выступали артисты и самодеятельность, давали кино. Потом я постепенно научилась ходить без костылей.

Конец госпиталя.

Комиссия, снятие с военного учета

Из госпиталя меня выписали без костылей, с палочкой. Я пошла в военкомат и там прошла ВТЭК. Меня комиссовали, признав полностью негодной к военной службе, сняли с учета и дали вторую группу инвалидности.

Мне выдали новенькие кирзовые сапоги, шинель, гимнастерку, юбку защитного цвета, пилотку — все, что полагалось. Я вышла из госпиталя изможденная после лежания, худющая, коротко стриженная, хотя волосы уже все-таки немного отросли. С палочкой и в новом одеянии я пошла на факультет.

Послевоенная судьба товарищей по дивизии

Одна женщина, она работала в штабе нашей дивизии делопроизводителем и часто приходила ко мне в политотдел (вольнонаемная москвичка), разыскала меня в Москве, когда я уже работала на факультете, мы были еще в старом здании. Она жила в центре с мамой. Ее звали Тоня Антипова. Потом она работала в совете ветеранов дивизии вместе с одним товарищем из полка, Мусихин его фамилия, тоже москвич. Мусихина по дивизии не помню, но при встрече он мне сказал:

- Я вас знаю.
- Откуда?
- Ну, во-первых, я знаю от вашего коллеги о вас.
- От кого же?

— Костя, Константин Николаевич Тарновский.

Они, оказывается, до войны учились в одной школе, но воевали в разных местах. Когда встретились после войны, разговор почему-то зашел обо мне, и Мусихин узнал, что я работаю на историческом факультете. Но это было уже много лет спустя после войны.

Так вот, Тоня меня всегда старалась привести на встречи ветеранов дивизии, постоянно приглашала. Я была там, по-моему, два раза. Причем на банкеты не ходила, мне не хотелось, я стала плохо себя чувствовать... Но с ней встречалась.

Она мне звонила и сообщала о судьбе товарищей.

Начальник политотдела Бородин прожил после войны лет двадцать, до старости. Он тогда казался мне пожилым человеком, ему было то ли пятьдесят с лишним лет или даже все шестьдесят. Коля Козлов, который был все время вместе со мной в нашем политотделе, ответственный за партийные документы, погиб. Козлов-второй, старший или рыжий, тоже, кажется, погиб. Худаев остался жив, но был очень болен. Остался жив Харитонов, агитатор нашей дивизии. Он ко мне приходил после войны, когда я еще жила на Арбате, советовался по поводу своего сына, который окончил школу и должен был поступать в вуз, его интересовала история. Мы с ним разговаривали по этому поводу и потом долго вспоминали военное время и наш политотдел. Черников после войны остался военным, так как он и до войны был кадровым военным. Он воссоединился со своей семьей, жил где-то на востоке, в Сибири или на Урале. Когда он умер, я не знаю.

Долгое время у меня была письменная связь с Федей Ткаченко, заместителем начальника политотдела по комсомолу. Первый раз мы с ним встретились, когда в Москве была встреча ветеранов 49-й армии, в которую влилась после войны наша дивизия¹, тоже 49-я зенитная артиллерийская. В армию еще ряд дивизий входил, не знаю, сколько. И вот на встречу приехал из Одессы Федя Ткаченко. Я на ней не была, но помню, что договорилась с Тоней Антиповой, которая с ним все время переписывалась, пойти провожать его к поезду. Я подхожу к вокзалу, Тоня стоит вместе с этим Федей. И слышу, как он говорит громко-громко:

— А вот и Серафима Ивановна идет!

А ведь прошло, наверное, лет сорок... Мы с ним встретились, обнялись, поцеловались. После этой встречи мы с ним много лет переписывались. Он после войны остался в армии, стал кадровым военным, а как демобилизовался, уехал в Одессу к маме, женился и жил

¹ Возможно, речь идет о мае 1944 г.

там со своей семьей. Из Одессы он писал мне очень хорошие письма о своих настроениях, о своей жизни. Я ему отвечала, потом мне стало трудно писать. Я ему стала присылать коротенькие письма, писала, чтобы он меня извинил за это, потому что я слепну. Он до середины 90-х годов рассказывал мне о своей жизни, о переменах. Потом он, наверное, умер — перестал писать. Я не стала посылать ему письмо, не хотела их беспокоить.

Судьбы остальных работников политотдела я не знаю.

Когда я вспоминаю войну, вспоминаются не только жертвы войны, не только трагические картинки из фронтовой жизни. В первую очередь в памяти возникают кажущиеся теперь смешными странички истории (хотя тогда они тоже воспринимались как трагедия).

Наверное, еще следует сказать о том, что наша дивизия получила почетное наименование «Смоленская» за участие в боях в 1943 году под Смоленском¹ и «Могилевская» за участие в окружении и ликвидации тридцатитысячной группировки немцев между Могилевом и Минском. У меня есть свидетельство об этом — такой маленький красивый значок, вроде медали, присланный мне, по-моему, к сороковой годовщине Победы из 49-й армии. Там указано, что такой знак выдавался нашей армии за освобождение Могилева.

¹ 49-я зенитная артиллерийская дивизия полковника Каминского, как особо отличившаяся под Смоленском, приказом верховного главнокомандующего от 25 сентября 1943 г. была названа «49-я Смоленская зенитная артиллерийская дивизия».

Послевоенное десятилетие

Поступление в аспирантуру

Экзамены я должна была сдавать М.Н. Тихомирову¹, И.М. Разгону² и Н.Л. Рубинштейну. Ко всем трем у меня было совершенно разное отношение.

¹ **Тихомиров Михаил Николаевич** (19(31).5.1893, г. Москва — 2.9.1965, г. Москва) — специалист в области средневековой истории России и других славянских стран, источниковедения и историографии, специальных и вспомогательных исторических дисциплин, музееведения, исторического краеведения, доктор исторических наук, профессор, действительный член АН СССР, лауреат Ломоносовской премии. В 1912—1917 — студент исторического отделения историко-филологического факультета Московского университета. После окончания в течение нескольких лет работал в библиотеках и музеях Подмосковья и Саратовской губернии. С 1923 г. — преподавал в Москве на Едином художественном рабфаке при Высших художественно-технических мастерских (1923—1925), в средней школе и Химическом техникуме (1925—1931), Книжном политехникуме (1931—1934), одновременно являлся внештатным сотрудником Отдела рукописей ГИМа (1923—1930). В 1934 М.Н. Тихомиров пришел работать на восстановленный исторический факультет МГУ и до конца жизни оставался в его штате (с 1934 — доцент, с 1939 — профессор). В 1945—1948 М.Н. Тихомиров был деканом ист. факультета. В марте 1953 г. по его инициативе на факультете была создана кафедра источниковедения истории СССР, которой он руководил до 1962 г. В 1936—1957 гг. он совмещал преподавание в МГУ и ряде других вузов Москвы с работой в Институте истории АН СССР. С 1953 г. — действительный член АН СССР; в 1953—1957 гг. являлся академиком-секретарем Отделения исторических наук АН СССР, в последующие годы — член Бюро Отделения. За выдающиеся заслуги в развитии науки М.Н. Тихомиров был награжден орденом Ленина (1963), двумя орденами Трудового Красного Знамени (1945, 1953), медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» (1946).

² **Разгон Израиль Менделевич** (1(14).4.1905, г. Горки Могилевской губ. — 16.2.1987, г. Томск) — советский историк, профессор (1940), доктор исторических наук (1940). Лауреат Сталинской премии первой степени (1943), Лауреат Государственной премии СССР (1973). В 1927—1931 гг. студент общественно-экономического отделения педагогического факультета 2-го Московского государственного университета (Московский педагогичес-

К И.М. Разгону я чувствовала некоторое предубеждение. На каком-то экзамене я сказала, что мне понравилась статья об истории Гражданской войны — и нужно же было такому случиться: мой экзаменатор (а это был Разгон) обрадовался и воскликнул: «Эту статью я написал!» И я как-то сразу охладела к нему, где-то в подсознании мне было неприятно, что он так восхваляет себя. Но это быстро прошло. Я вспомнила об этом моменте только тогда, когда пришла на экзамен в аспирантуру.

С Рубинштейном было другое: Николай Леонидович со мной беседовал еще до экзамена. Один, другой, третий раз — всячески пытался уговорить меня не поступать в аспирантуру. Якобы в аспирантуру по истории СССР всего одно место, и на него, кроме меня, претендовала еще одна способная и талантливая женщина, тоже участница войны. Причем я-то была старшим сержантом, а она — офицером, работала в политотделе какой-то армии агитатором или инструктором по политработе, всю войну провела и была награждена медалью. Все это — ее достоинства, ее заслуги. Она сама была очень способной, к тому же очень красивой женщиной — Людмила Зак¹. Стала потом крупным специалистом по истории советского общества. Тогда Н.Л. Рубинштейн поставил вопрос так: либо я, либо она. Почему или я, или она, мне до сих пор не ясно, потому что в конечном счете мы обе оказались в аспирантуре. Но он всячески препятствовал тому, чтобы я сдавала экзамены, сомневался в моих знаниях.

Такое отношение к нам, фронтовикам, которые никаких особенных чинов не имели, выразила одна студентка последнего курса — не буду называть ее фамилию. Она как-то сказала: «Здесь все в шинелях, словом, одна серость». Это как будто каламбур, но такое высокомерие на самом деле было у некоторой, очень небольшой, части интеллигенции.

Председателем на экзамене был М.Н. Тихомиров. Он задал не какой-нибудь вопрос по истории нашей страны, а конкретный вопрос, над ка-

кий государственный институт). Работал в МИФЛИ и МГУ имени М.В. Ломоносова на кафедре истории СССР. В марте 1949 г., после начала антисемитской кампании в СССР, уезжает из Москвы и работает в Томске. В 1958–1986 гг. зав. кафедрой истории СССР Томского университета. В 1956–1958 гг. сотрудник Института истории АН СССР (Москва). Награжден орденами Отечественной войны II степени, Трудового Красного Знамени, «Знак Почета», медалью «За оборону Кавказа» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

¹ **Зак Людмила Марковна** (1917, г. Харьков — 2000, г. Москва) — доктор исторических наук, профессор, историк советской культуры. В 1936–1941 гг. — студентка исторического факультета МИФЛИ. Профессор кафедры истории МГПИ (1971–1974). Профессор-консультант НИИ культурологии (1974–1989). О ней и ее боевом пути см.: *Красовицкая Т.Ю.* Историк советской культуры — гвардии капитан Людмила Зак // Археографический ежегодник за 2005. М., 2007. С. 124–137.

кой темой я хочу работать и чего я хочу добиться своей работой. Я начала рассказывать. Сидела комиссия, в их числе инспектор по аспирантуре Нина Николаевна Абрютинна, женщина уже пожилая, очень культурная, образованная, такого же ранга примерно, как Надежда Матвеевна Мымрикова по своей образованности и широте знаний. Она все это внимательно слушала. Я долго, наверное, рассказывала, но я не обращалась ни к каким конспектам, просто рассказывала, что я хочу исследовать, и как я хочу, и какие источники у меня есть, и какие еще мне нужно узнать. Тут Михаил Николаевич говорит:

— Хватит.

— Да, конечно, все ясно, — говорит Разгон.

— Ну и все, — Михаил Николаевич говорит, — мне кажется, на этом можно прекратить экзамен. Ясно, что она — вполне зрелый и подготовленный человек.

А Николай Леонидович все порывался сказать:

— Нет, позвольте!

Михаил Николаевич говорит:

— Ну, Николай Леонидович, что же вы еще хотите?

— А я вот хочу знать, как она знает литературу по другим периодам истории, ну, скажем, по периоду Киевской Руси, — говорит Рубинштейн.

— Будет учиться, станет сдавать кандидатский минимум — и все будет ясно. Теперь-то что спрашивать? — парировал Тихомиров. — Сколько времени прошло, когда она сдавала историю Киевской Руси?

— Ну а все-таки я хотел бы знать... Вот Грекова читала ли она?

Тогда только вышла книжка Грекова «Киевская Русь». Я говорю:

— Читала, конечно!

Михаил Николаевич посмотрел на меня. У него, видимо, возникло сомнение, успела ли я прочитать эту книжку. А я успела — не прочитать от начала до конца, но во всяком случае посмотреть, чему она посвящена, предисловие и извлечения... Но я так уверенно сказала, что читала, и я была сама уверена в том, что я смогу ответить, о чем она, что Николаю Леонидовичу ничего не оставалось, как сказать:

— Ну, что ж, кончено...

И Михаил Николаевич как-то очень решительно сказал:

— Мне кажется, все ясно: вы вполне подготовленный человек. Но все-таки для соблюдения формы пусть она выйдет, а мы здесь поговорим.

Я вышла, но была уверена в том, что сдала экзамен. И потом, меня очень укрепило в этом сознании позиция Михаила Николаевича Тихомирова. Я подумала, почему он меня так категорично защищает? Он понял, конечно, что Николай Леонидович не хотел бы, чтобы я

вышла с отличной оценкой. Когда я вышла, комиссии нужно было решить вопрос относительно научного руководителя. Я-то была уверена, что раз меня рекомендовала Панкратова, то она и будет. Но выходит Нина Николаевна и говорит иронично:

— Ну, я тебя поздравляю! Поздравляю тебя: твоим научным руководителем будет Разгон.

Я говорю:

— Как Разгон, почему Разгон?

Экзамен был весной, а летом я поинтересовалась, кто он и что он. Я знала, что он очень способный и даже талантливый человек, но не очень хорошо себя ведет: много пьет. А я пьяниц, особенно в то время, когда только закончилась война, терпеть не могла. Я говорю:

— Что такое? Я категорически против!

А она:

— Ну, Михаил Николаевич возражал, говорил, что Анна Михайловна Панкратова должна быть руководителем, а тогда Рубинштейн и Разгон стали настаивать на том, чтобы Разгон был руководителем.

Я сказала, что с этим не соглашусь. Но что делать? Протестовать? И говорю:

— Я буду протестовать.

На этом закончились мои экзамены в аспирантуру. Я была, конечно, принята, и в протокол, несмотря на мой протест, моим научным руководителем был записан Разгон. Михаилу Николаевичу я заявила, что не буду заниматься с Разгоном. «А почему? А что?» — спросил он немного с ехидством. Я ему говорю, что у меня есть основания, и я не хочу. Дело в том, что — как я это мотивировала — у меня Анна Михайловна руководитель, я у нее эту тему взяла, ведь она занимается историей пролетариата! Он говорит:

— Ну, это мы как-нибудь поправим.

Мое дело тянулось два или три года, и Рубинштейн согласился поговорить с Анной Михайловной только тогда, когда я категорически заявила, что могу быть аспиранткой только под руководством Анны Михайловны, иначе уйду из аспирантуры и с факультета (о чем прямо заявила на партсобрании) и пойду в педагогический институт к Анне Михайловне в аспирантуру. Я с ней, конечно, встречалась до этого, и она мне сказала, что согласна, но пока не может мной руководить, нужно, чтобы ее статус был как-нибудь официально определен.

Поездка к морю

Через какое-то время я получила путевку в Сочи. Я поехала туда 10 ноября. Я говорю об этом, потому что для меня был сильным переход от довольно сухой, холодной к очень теплой осени.

7 ноября был праздничный день — демонстрация, я была на ней. День начался хорошо, была сухая погода, но к вечеру посыпался снег. К 10 ноября снег не только засыпал все улицы довольно плотным и толстым слоем, но даже начались морозы. Меня провожала Броня, и я была в валяных сапогах, в зимнем пальто. И только на вокзале, когда я уже села в вагон, сняла валяные сапоги и переобулась в туфли, а сапоги Броня отвезла домой. Зимнее пальто, конечно, осталось на мне, потому что другое только появилось, я его еще не обновляла. Так я поехала в Сочи, в битком набитом общем вагоне. Много бывших военных, раненых ехало туда.

Палочку я к тому времени уже оставила. Волосы отросли, и я сделала шестимесячную завивку локонов. Сначала поезд шел довольно медленно, какое-то время мы ехали по заснеженным полям, а потом, ближе к югу снег исчез, и стало тепло. Я помню, где-то на подступах к Кавказу я уже выходила на улицу (были большие остановки) в одной вязаной кофточке, без пальто. Привезли нас в Сочи поздно, а в это время года там уже были темные-темные ночи. Было часов десять вечера, может, девять, но точно было очень темно и очень тепло. И мы с одной женщиной, с которой я сразу в поезде, по-моему, познакомилась, поехали в один и тот же санаторий в Хосту, что рядом с Сочи, туда, за Мацестой. Мы ехали в зимних пальто, но они были, конечно, расстегнуты, и шапки (у меня была вязаная шапка) с головы сняты... Нас привезли в эту Хосту автобусом. И поселили в одну комнату.

Санаторий ВЦСПС — первым открылся в новом помещении, отремонтированном после госпиталя. Вообще, госпиталей оставалось еще очень много, и этот стал первым госпиталем, который был превращен в санаторий. Комната выходила на парк, а парк спускался вниз к морю. Тепло! Мы пошли в душ мыться (он был не в самом корпусе, где мы поселились, а рядом) в одних халатиках. Затем, на второй день, была, кажется, солнечная погода, и я надела легкое платье (после завтрака или после обеда, не помню), босоножки (тогда кожаных еще не было, были тряпичные, но очень удобные), соломенную шляпу, и побежала вниз по аллее из туи к морю. Зачерпнула двумя ладонями воду и целовала ее: «Моречко мое родное, я опять с тобой». Встретилась. Через несколько дней я себя почувствовала совершенно здоровой, вновь родившейся.

Почему я так подробно рассказываю? Весь период, предшествовавший этому, т.е. от госпиталя до этого времени, я поправлялась, незаметно для себя входила в норму. А здесь я в полной мере ощутила, что я второй раз родилась на свет после этой травмы, после того, что перенесла в госпитале, когда я буквально отдавала концы... Когда мы пошли гулять по аллее, нам попался какой-то мальчик лет 15–16 на велосипеде. Как-то так получилось, что он сошел с велосипеда, и я подошла к нему и попросила у него велосипед. Мне говорят:

— Как, сумеешь?

Я говорю:

— Сумею.

Села на велосипед и поехала. Это было ощущение повторного рождения! После таких травм!

А по возвращении началась работа над кандидатским минимумом, над диссертацией.

Послевоенное восстановление страны

Если попытаться охарактеризовать одним предложением то, что чувствовалось по всей стране, у всех граждан во время войны — это будет: желание жить, выжить в тяжелых условиях. Дожить до Победы обязательно!

Естественно, что при этом обращались к такой литературе, где в трудных, экстремальных условиях человек борется за жизнь. Когда я работала на явочной квартире, через связника я обнаружила, что появился интерес к рассказу Джека Лондона «Белое безмолвие». Там речь идет о том, как человек и волк ждут, кто первый сдастся. И я помню, пришла ко мне тогда Лидия Ивановна Петрова. И принесла эту книжечку. Я ее читала с большим удовольствием, и она мне сказала, что интерес к ней проявляют многие люди. Любопытно, что там с интересом читали рассказ Джека Лондона, все старались его достать. А на фронте, когда я привезла из Москвы, из райкомовской библиотеки Л.Н. Толстого, «Войну и мир», офицеры в очередь вставали, чтобы взять почитать эту книгу во время передышек. Читали и другие книги, я сейчас уже не помню какие, но если кто придет и увидит, что есть «Война и мир», все остальные откладывались (да и времени особо не было). Но «Войну и мир» каждый хотел, если не прочитать (целиком, конечно, никто не мог сразу осилить), то хотя бы пощупать, полистать.

Когда вспоминаешь время после госпиталя, 1945 год, вспоминаются какие-то заботы, сдача экзаменов, защита дипломной работы, подго-

товка к экзаменам в аспирантуру — но все эти повседневные заботы не так важны; самым главным для меня, как и для всех, конечно, была победа. Мы ждали победу, очень ждали, и, наконец, наступил этот день. Это великое торжество всего народа, и нас, может быть, оно касалось еще больше, поскольку мы были непосредственно причастны к войне. Я уж молчу про тех, кто дошел до Берлина и там поднимал знамя над рейхстагом — конечно, я о них не говорю, это было великое ликование.

Как все проходило в Москве, в университете? То, чему я лично была свидетелем, в Подмоскowie, в Раменском, в частности. Я очень хорошо помню, что утром этого дня... Мы уже ждали, что вот-вот объявят, знали, что победа уже фактически состоялась, что вот-вот всем скажут об этой победе. Наконец, мы узнали о том, что акт о капитуляции подписан. Помню, мы с Броней встретились около старого здания университета, около аудиторного корпуса. На улицах уже начали собираться группы, народ. И нам почему-то захотелось пойти к Вале Гандуриной¹. Валя училась на историческом факультете (прием 1935 года), она в это время была нам близка, возможно, потому, что тоже прошла медсестрой на фронте все испытания войны. Жила она на углу улицы Горького и Пушкинской площади, где гастроном. Мы туда пошли, и, конечно, она была очень рада, что мы именно к ней пришли. Потом мы втроем вышли на улицу и опять очутились около старого здания университета — уже самого старого — того самого здания, у которого стоят памятники Огареву и Герцену (далее идет геологоразведочный, и затем большое, сравнительно новое по сравнению с этими историческими памятниками здание, где помещалось в тот момент американское посольство). К этому времени (было уже 11–12 часов дня) в центре, на Манежной площади, около и на Красной площади, с другой стороны, на улице Горького — уже все заполнилось народом. Никакого транспорта не было, все занято, все текло, будто половодье разливалось во время весеннего паводка — бурно и быстро. Все шумели, собирались группами, кричали «Ура!», если попадался военный — его сразу же начинали качать. Я помню, почему-то сильно приветствовали американских военных и американских дипломатов в какой-то своей форме — тоже качали. Казалось, что пройти негде — так много народа, и все обнимаются, все целуются, где-то группы, появляются гармошки, еще какие-то музыкальные инструменты, начинаются танцы, пляски... Все кипело. Весь центр Москвы — буквально кипел толпой людей, ликующим народом. Это

¹ Гандуринa Валентина Константиновна (1910 — ?). Из служащих. На исторический факультет поступила в 1935 г., была членом ВКП(б).

трудно передать, мне не хватает слов, чтобы показать такое великое ликование.

Мне тоже захотелось... Какой-то порыв был — всегда ведь хочется к близким, к родным, хочется именно с родными разделить радость. И я поехала в Раменское, хотя бы на час — надолго я не собиралась там задерживаться. Мне казалось, что к вечеру я обязательно должна вернуться, потому что вечером обязательно произойдет еще что-то особенное, в чем я просто должна принять участие. Но в Раменское поехала. Там были сестра, мама, зять, по-моему, тоже (муж старшей сестры), еще другая сестра, средняя. В общем, собралось несколько близких мне человек; мы делили радость о победе и печаль о двух моих погибших братьях: Иосифе и Васе.

Затем я вернулась в Москву, и мне нужно было добраться до своей квартиры, которая находилась почти на Арбатской площади (в начале Никитского бульвара. И я от Казанского вокзала должна была доехать на метро до «Кропоткинской» и потом уже пройти домой к себе по Гоголевскому бульвару на Арбат. И вот я хорошо помню, что всю Комсомольскую площадь занял народ. В поезда пробиться было трудно, но все-таки я каким-то образом влезла, доехала до «Кропоткинской», как-то умудрилась выйти (или меня просто напросто вытолкнули из вагона) и попала в такую густую толпу, что был момент, когда стало страшно, что меня раздавят. Было так много ликующего народа, так тесно было! Все, конечно, стремились выйти на улицу и продолжить ликование там. Вот такое ощущение, воспоминание у меня об этом дне.

Казалось, ведь уже спала тяжесть с плеч, все мы жили ожиданием победы — победы под Москвой, победы в Сталинградской битве... Все время состояние такого напряжения, большой тяжести, которая легла на плечи, на весь организм, мы все время жили в этом напряжении — поэтому хотелось сделать что-то такое, чтобы это напряжение скорее спало. И вот, наконец, казалось, что оно спало, что мы скинули эту тяжесть с плеч, что должно уйти ощущение военного времени. Но, оказывается, еще был не самый конец, не полное освобождение: это стало ясно, когда в августе 1945 года пришло известие о победе нашей армии на Дальнем Востоке в борьбе против японского милитаризма, вот тогда уже окончательно ушла эта тяжесть военных лет. Я помню свое личное ощущение: мне, кажется, было легче, потому что мой брат Евгений (моложе меня на три года) воевал, был с Западного фронта переброшен на Дальневосточный. И он писал нам письма, в них не было никаких тревожных сообщений, т.е. мы знали, что он жив. В этом плане было какое-то облегчение.

С племянником Валентином (1951)

С другой стороны, я хорошо помню, что появилась какая-то тревога: тревога о том, что будет дальше. Ведь, кажется, только в это время я полностью осознала, что победа состоялась, что мы победили, но сколько же всего разрушено, сколько всего не то что безвозвратно потеряно, но будет восстанавливаться еще очень долго. Сколько нам потребуется времени? Сколько лет? Десяток, два десятка лет... Не знаю. Я видела города — Вязьму, совершенно уничтоженную, буквально стертую, от нее остались одни руины. Видела Смоленск, разрушенный почти полностью. Видела, что там были нетронуты какие-то исторические места, в частности — Смоленский кремль был практически разрушен, но какой-то остров от него остался. Я видела села, полностью стертые с лица земли. Я знала, конечно, что часть заводов уже возвращена из эвакуации — в целом промышленность была еще не вся перебазирована с востока в Москву, в Подмосковье или на запад, на Украину. Нужно было восстанавливать ДнепрогЭС и многое-многое другое... Все это вызывало тревогу — будем ли мы достаточно мужественны, энергичны, так же, как были во время войны (в основной массе), или мы расслабимся и будем все

это медленно делать. Поскольку я была связана с секретной работой, в какой-то степени с контрразведкой, я знала, что в тылу оставались мужчины-карьеристы, которые просто спасались от войны... Многие оставшиеся действительно добросовестно работали. Но я знала, что было много тыловых крыс. И боялась, что они сейчас оживут. Возникла тревога, что начнется идейная борьба уже внутри страны.

В этот период я все еще была больна, поскольку общая контузия вызвала у меня и весной, и летом 1945 года несколько раз нервные припадки, мне даже пришлось по настоянию друзей и врачей посещать психиатра. Но все быстро приходило в норму, и, в частности, лично мое состояние тоже стабилизировалось. Как я уже говорила, особенно мне помогла поездка в Сочи, когда я попала в чудесную осеннюю природу, увидела осенний Кавказ, Черное море: все это помогло моему выздоровлению. Также мы видели, что все очень быстро восстанавливается. Это было неожиданно: уже через год-два мы знали, что в основном все восстановлено. Что, конечно, прибавляло всем хорошего настроения, я бы сказала, приводило нас в состояние какого-то восторга от того, что эту разруху мы осилили, причем так быстро.

А потом ликование только нарастало. Я помню, что довольно скоро была отменена карточная система, люди радовались тому, что можно было купить муку, белую муку взять и купить в магазине, а потом испечь пироги. Тогда на квартире, в которой я жила, на Арбате, там у нас было пять комнат и в каждой — отдельная семья, человек девять, наверное, или десять тогда там было. В то время в продаже появились двусоставные железные формы для пирогов: пироги запекали в этой форме в газовой плите, с таким восторгом, и делились с соседями этими пирогами. Пекли не только для себя, а для всей компании жильцов. Конечно, мы не всегда были так близки. Случались между нами и какие-то неприятности, но в данном случае все на время стали единой семьей.

Вспоминается первое послевоенное празднование Октябрьской революции. Я хорошо помню, что начинался этот день ясным осенним утром, дождя не было, — шла огромная демонстрация. Никто никого не принуждал (говорят, что принуждали выходить на демонстрацию!). Организованность этих демонстраций появилась уже потом, через три-четыре десятилетия после войны, а тогда, в 1945 году, все выходили сами, всем хотелось выразить радость победы. Так было в 1945–1947 годах. Я хорошо помню в 1947 году празднование Первого мая (тоже была огромная демонстрация) и позже, осенью, празднование Октябрьской революции. А до дня Октябрьской революции — огромное празднование 800-летия Москвы. Как же отличался праздник 850-летия Москвы от того, что было в 1947 году!

За месяц или за два месяца до праздника 850-летия Москвы я зашла в собес, и там кто-то составлял списки, у кого есть медаль 800-летия Москвы. Я сказала, что у меня есть, и меня записали. А потом уже подумала: зачем я об этом сказала? Мне стало известно, что изготовлена еще одна медаль — к 850-летию, — которую я бы не хотела получать потому, что она будет вручаться правительством, которое я не принимаю. Я не хочу принимать эту медаль из рук этого нового, антинародного правительства. И вот у меня в течение нескольких месяцев было какое-то конфликтное состояние с райсобесом, тем отделом (я даже не помню), где была эта моя новая медаль — ко мне приходили женщины, звонили мне и просили принять эту медаль, а я категорически отказывалась. Я сказала, что у меня есть медаль 800-летия Москвы, но я не говорила, что хочу получить эту медаль. Я только тогда согласилась принять эту медаль, когда сотрудница ко мне чуть ли не со слезами обратилась и сказала:

— Вы подумайте, в какое вы меня ставите положение, я-то должна вручить вам эту медаль, я-то не виновата, что так все произошло. Возьмите, пожалуйста, медаль!

И я пожалела ее и взяла медаль.

В 1947 году были массовые гулянья, все готовились к этим торжествам. Москва быстро обновлялась — ведь после войны многие здания в центре Москвы, где я жила на Арбате, обветшали... Ремонты совершали быстро — красили здания, был покрашен и наш университет, и дом на улице Герцена, 5, где помещался факультет. Особенно, конечно, был важен внешний ремонт и соответствующая покраска Кремля. Все заблестело, кресты на соборах были покрашены золотом. Я хорошо помню, как ко мне в то время приехала мама. От Арбата нужно было пройти улицу Фрунзе и спуститься к Каменному мосту. Мы с ней шли вечером, было, наверное, 8 или 10 часов (уже наступила осень), поднялись на Каменный мост, подошли к ограде моста и смотрели, любовались Кремлем. Он был замечательно подсвечен, так красиво, торжественно, вызывал глубокие чувства...

На Красной площади и вечером продолжались гулянья, а у меня в это время была мама, и я должна была оставаться с ней, а она сама с очень большим чувством относилась к этому празднику и тоже была очень взволнована, когда мы смотрели на Кремль, подсвеченные золотые кресты на храмах, купола... Мне запомнилась эта великолепная картина. А напротив, на набережной — там, где английское посольство, — все тоже было подсвечено, тоже все покрашено.

Когда я жила в Москве во время войны, я, конечно, пользовалась метро. Да и после войны, когда вернулась с фронта, я сначала жила в общежитии на Стромынке (там была большая комната на 8 или 10 че-

С племянниками: слева - Евгений, сын сестры Полины, справа - Валентин, сын сестры Веры

ловек, все жили очень хорошо, дружно)... Но все-таки мне иногда хотелось уехать в Раменское, к сестре, к маме. Я ездила со Стромьнки до Казанского вокзала на метро, а затем с Казанского вокзала в Раменское. И обратно тоже на метро. А потом, когда уже получила комнату на Арбате, я ездила и в Раменское, и в другие места. Никаких особых перебоев с метро я не помню. Уже во время войны началось строительство новых линий. Я была бесконечно рада постройке линии, которая ведет от Измайлова на Арбат и до Смоленской. Огромная станция «Арбатская» находилась почти у моего дома, и ко мне приезжали знакомые и родственники. Мне хорошо запомнилась станция метро «Измайловский парк», та, что посвящена партизанскому движению.

9 мая 1945 года во время празднования на станциях было очень много народу. Не помню, брали ли плату за проход в тот день, но в любом случае она была небольшой. По-моему, я и в Раменское ехала на поезде безо всяких входных билетов. Кто-то стремился попасть в Москву на праздник, кто-то, напротив, хотел уехать за город к своим родственникам и знакомым, чтобы разделить радость победы. Были большие встречные потоки, было настоящее людское море, которое бушевало...

Еще я хотела бы к тому, что уже сказала о быстром восстановлении разрушенного немцами, войной, добавить один интересный эпизод. Я уже была в аспирантуре, дело было не то в 1946, не то 1948 году. Сотрудники факультета добились, что нам дали автобус для поездки в Ясную Поляну. Хорошо помню, там и Н.М. Мымрикова была, и Е.Н. Абрютин, и еще кто-то из старых сотрудников. Было известно, что Ясная Поляна разграблена, разрушена — там стояли конные отряды. Но как только ее освободили, там началось быстрое восстановление. Уже к концу 1946 года она опять стала действовать как музей-заповедник. Мой старший племянник Женечка был тогда уже подростком, и я его с собой взяла. Меня тогда поразило (ехали до Тулы, а оттуда в Ясную Поляну) то, что деревни, села уже были практически полностью восстановлены. Дома были маленькие, собранные из разного материала (видно было), но они уже стояли на месте снесенных во время войны. Как же быстро люди начали обживать свои земли! Когда я ехала в 1945 году в Сочи по дороге до Кавказа, на полях было видно технику,

В Раменском. Нижний ряд: Александра (подруга сестры Веры), Вера, племянник Валентин, Серафима Иванова; верхний ряд: Василий Филиппович, муж Веры, и Владимир, муж Александры (снимок 1959 г.)

оставшуюся после войны. Видны были какие-то остовы орудий, а рядом — уже распаханное поле. Уже распаханное и засеянное: озимые, рожь взошла, новые посевы дали о себе знать.

Во время пребывания в аспирантуре помимо моих академических дел мне и другим участникам войны приходилось вести большую массовую политическую работу. Народ в то время жаждал рассказов о войне, свежей информации, с какой-то жадностью все к этому относились. Возник огромный интерес к истории нашей партии — партии-победительницы. «Коммунисты, вперед!» — ведь был такой лозунг, вот коммунисты его и осуществляли, шли вперед. Ведь из ополчения, чтобы сохранить, отзывали всех беспартийных профессоров, а коммунисты (хотя некоторые тоже были крупными учеными), остались на фронте, многие из них погибли. Потому что коммунисты должны идти вперед — так они и шли вперед. Видимо, поэтому вдруг возник интерес к истории партии не только у молодого поколения, но и пожилых людей, опытных, уже имеющих за плечами довольно большой опыт работы при советской власти.

Поэтому нам всем и мне, в частности, приходилось часто выступать с докладами о войне. В связи с какими-то кампаниями политическими, Победой или Октябрьской революцией. В Международный женский день, помню, я выступала на Никитском бульваре в доме, где собрались женщины (почти одни женщины), обслуживающий персонал управлений, учреждений, и делала доклад «Женщины и Отечественная война». Я рассказывала там о студентах Московского университета, пошедших на войну, Героях Советского Союза. Особенно помню, с каким вниманием, трепетным вниманием, слушали мой рассказ о Лизе Шамшиковой — я много говорила о ней.

Примером тяги к знаниям по истории партии можно назвать то, что стало действовать много отделений университета марксизма-ленинизма. И люди туда шли. Мы тоже принимали участие в работе университетов марксизма-ленинизма. Я, например, в 1946–1947 годы вела семинар в филиале университета марксизма-ленинизма в студии документального фильма. Там у меня были и простые работники, и режиссеры — Коптев (был такой документалист, я его потом встречала на телевидении несколько позже). Всего было 15 человек. С каким вниманием они занимались в этом университете! Готовились исключительно тщательно, приходили на консультации. Это была платная работа: хотя платили немного — но хоть какое-то пособие к моей пенсии и аспирантской стипендии. Эти дополнительные 200 рублей мне очень пригодились, потому что я жила одна и на моем иждивении были сестра с племянником. Я фактически их содержала, потому что сестра разве-

лась со своим мужем и была инвалидом. Но дело не в этом, а в том, что я не жалела времени на консультации, и они очень внимательно к этому относились. Когда окончились наши занятия, наступила пора экзаменов или зачетов (уже не помню точно), мы и на них тоже внимательно беседовали. Они приготовили мне трогательный подарок. Они знали, конечно, что я аспирантка, что пишу диссертацию, видели, что я небогатый человек... Поэтому принесли мне в подарок большую, модную в то время кожаную сумку и, самое главное, лист благодарности. Я его храню даже больше, чем многие другие благодарности (а их целая пачка), которые я потом получала просто так, в связи с каким-то праздником. А тогда это было от души. Листок этот был написан одним из художников документального фильма — таким было его хобби.

Затем я вела два семинара в министерстве совхозов. Это было с 1947 — до весны-лета 1949 года. Там тоже была интересная публика: большинство из них имели высшее образование, агрономы. У меня сложилось две группы: одна — средний состав сотрудников министерства совхозов, с которыми я вела семинар по истории партии. Я помню, с каким они интересом к этому относились, какие любопытные велись беседы, было много вопросов, разъяснений отдельных положений и много интересных высказываний. И еще один семинар — по истории СССР. Помню, что в этом семинаре с наибольшим прилежанием занимался один врач, заведующий медчастью (фактически это была поликлиника) министерства совхозов. Невысокого роста, плотного телосложения мужчина, ему было не меньше 60 лет. Тогда он казался мне почти стариком, дедушкой, хотя я тоже была не очень молода (в 1949 году мне исполнилось уже 40 лет). В прошлом он был земский врач, фамилия его Кирсанов. Однажды я заболела и предупредила, что не могу прийти на занятие. А министерство совхозов тогда было не очень далеко от Никольской улицы, они занимали большое здание в каком-то переулке. То есть с Арбата я пешком ходила на занятия. Так вот, я предупредила, что не могу прийти на занятие, потому что заболела — простудилась я, что ли, или просто какая-то слабость была. Я лежала в постели, и вдруг — неожиданный звонок. Ко мне на Арбат пришел этот Кирсанов и стал внимательно меня слушать. Сказал, что его товарищи прислали, чтобы он пошел ко мне, посмотрел, что такое, и вылечил. Послушал, потом с лукавой улыбкой говорит:

— Серафима Ивановна, вы знаете, я ведь ваше сердце слышу, как в средневековье.

То есть слабо, у меня были перебои в сердцебиении. Этим он хотел показать, и что историю знает и что заботится о моем сердце.

Потом я его очень хорошо запомнила на экзамене. Экзамены я принимала не одна: вместе со мной был П.С. Ткаченко¹ с кафедры истории СССР и кто-то из местных товарищей, которые курировали систему университета марксизма-ленинизма в этом министерстве. Там был Кретов, товарищ, который работал в парткоме, и Горбунов, старый коммунист, тоже хорошо вел работу. И кто-то из этих товарищей — то ли Кретов, то ли Горбунов — были в другой комнате. Начал отвечать Кирсанов: очень интересно говорил, но видно было, что он волнуется, как мальчишка — краснел, бледнел. Я всячески пыталась его успокоить. Мы ему единогласно поставили «отлично», он очень быстро встал и почти выбежал из аудитории. И потом то ли Кретов, то ли Горбунов мне говорят: знаете, как он выскочил из этой комнаты, так сразу на одной ноге перевернулся и с восторгом заявил: «Отлично! Отлично сдал!»

Кроме меня в этом министерстве совхозов преподавали еще два или три человека (кто историю СССР, кто историю партии). И одна была очень опытная историк — не помню сейчас ее фамилии, но не из университета, а из какого-то другого учреждения. Она давно уже читала лекции, а я все-таки была еще аспиранткой, хотя лекции тоже читала, но все-таки не кандидат наук. А та была кандидатом и читала лекции для заместителей министров, вела у них занятия. Вот подошло время экзамена (а их там — заместителей министров — было человек 8 или 10, довольно большая группа), и вдруг они ко мне обращаются с просьбой, чтобы я у них провела консультацию. Я говорю:

— Не буду, почему я должна у вас?..

— Мы хотим, чтобы вы. Нам рассказывали, что вы очень доходчиво объясняете, а мы многого не понимаем.

Они стеснялись или боялись своего лектора. Я провела для них несколько консультаций и видела, как они иногда смущались, старались понять отдельные факты, положения по истории СССР, чтобы не ударить на экзамене в грязь лицом.

¹ **Ткаченко Петр Семенович** (17.10.1913, с. Рудня Волгоградской обл. — сентябрь 1997, г. Москва) — доктор исторических наук, профессор, специалист по общественной мысли и освободительному движению в России XIX в. В Красной армии с 1940 г. Воевал на Западном, Донском, Центральном, 1-м Белорусском фронтах. Был замполитрука фотобатареи пушечного полка, старшим звукометристом, писарем, начальником библиотеки. Участник боев под Мозырем, Гомелем, Речицей, Сталинградом, Варшавой, Берлином. Войну окончил в звании старшины. Награжден орденами Отечественной войны II ст., Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За оборону Сталинграда», «За взятие Берлина», «За победу над Германией». Имел легкое ранение. После демобилизации поступил в аспирантуру исторического факультета МГУ. С 1949 г. — преподаватель кафедры истории СССР.

Вся эта кампания в министерстве совхозов закончилась в мае-июне 1949 года. У меня была такая ваза, очень интересная, у нее стекло разное — синее и белое. Это память о тех занятиях. Они мне подарили целый букет роз и дали вместе с вазой. Я думала, что мне только розы, но меня посадили в машину (проводил меня с этой вазой Горбунов), до дома довели. Я говорю:

— Цветы беру, а вазу..

— Нет, это все вам.

Это был изящный подарок. А другой, конечно, более значительный для меня подарок — это приказ министра совхозов о награждении меня медалью и знаком «Отличника социалистического соревнования» (по-моему, у меня где-то копия этого приказа есть), на значке такие символические рисунки изображены: сноп пшеничных колосьев, небольшая картинка с комбайнами, совхозом... На ближнем плане гусеничный трактор, сзади тоже какие-то сельхозоборочные машины, колосья по бокам, а сверху — красный... лозунг, что ли: «Отличник социалистического соревнования. Минсовхозов СССР» за номером «184». Это считалось наградой за работу при министерстве совхозов.

Были и другие выступления, доклады. Я часто говорила на фабриках, заводах.

Кандидатские минимумы

В 1948 году развернулась дискуссия о генезисе капитализма. Я говорила, что в студенческие годы мы присутствовали при дискуссии о генезисе феодального общества в связи с книгами Б.Д. Грекова «Киевская Русь» и, немного позже, «Крестьяне на Руси»¹. Теперь уже началась дискуссия о генезисе капитализма в России. В ней принимал участие С.В. Бахрушин, но главными докладчиками были Анна Михайловна Панкратова (из ее архива в Академии наук я потом узнала, как она работала над этим докладом), а ее оппонентом, вторым докладчиком был Н.Л. Рубинштейн. Готовилась я к кандидатскому минимуму в 1946 году, но дискуссия уже началась.

Мой первый кандидатский минимум касался феодальной истории: хозяйство боярина Бориса Ивановича Морозова. К этому времени только вышли из печати три тома документов по этой теме. Они содержали переписку боярина Морозова со своими управляющими и

¹ Книга Б.Д. Грекова «Киевская Русь» вышла в 1944 г., а «Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века» — в 1952–1954 гг.

другие документы хозяйственного назначения. Очень хорошо помню переписку с управляющим его тремя вотчинами, расположенными на берегу Волги между Казанью и Нижним Новгородом, напротив Маркарьевского монастыря. Это три большие вотчины, самая большая из них, пожалуй, — Мурашкино. Замечательным в этой переписке было то, что там были письма к управляющему по поводу одного крестьянина села Лысково по фамилии то ли Андропов, то ли Антипов. Боярин Морозов приказывал своему управляющему попросить крестьянина Андропова, чтоб тот дал взаймы этому боярину одну тысячу рублей «на покрытие». Это было замечательно для того времени, потому что крестьянин из села Лысково, крепостной Морозова, был, видимо, очень богатым, имел свои баржи, на которых сплавлял соль на юг или с юга на север, а также продавал рожь. То есть он имел доход, имел деньги. Значит, появилось денежное хозяйство, а у боярина — потребность в деньгах. Нет ли здесь зародыша капитализма? Такой подтекст у этого всего был. Но это сомнительно, потому что боярин не был обязан возвращать эти деньги. Он их занимал, но не факт, что он их отдавал!

Помимо этого источника я привлекла еще ряд материалов, в том числе, по-моему, и по имениям еще одного боярина. Тогда я поняла, что тема эта очень широкая, а источник еще шире темы... Потом материалы по хозяйству боярина Морозова были опубликованы, кроме того, в литературе были разобраны и другие крупные боярские хозяйства. Для меня это имело значение, скорее, историографическое. Но я хотела подчеркнуть: С.В. Бахрушин предложил мне именно эту тему, и я ему за это благодарна, так как она связана с конкретным материалом, с конкретным источником. Благодаря этому я могла более наглядно, детально представить себе эпоху. Я тогда даже для себя самой нарисовала какую-то историческую карту всех вотчин боярина Морозова. Их было очень много: типичные феодальные вотчины, в некоторых из них зарождалась какая-то промышленность, некоторые были связаны с торговлей (поволжские вотчины, тверская вотчина, и еще ряд). Территория вотчин оказалась больше Франции того времени! Это целое государство в государстве было! Все хозяйство боярина Морозова состояло из вотчин и из поместий: государственных и наследственных. Наследственные вотчины — это главным образом хозяйства, о которых я уже сказала. Вотчинные хозяйства пришли в качестве приданого за его женой — Шереметевой¹. Видимо, волжские вотчины, в частности Юрино, были как раз из шереметевского приданого.

¹ С.И. Антонова ошиблась. Женой Б.И. Морозова была А.И. Милославская.

В 1949 году, после того как я защитила диссертацию и закончила работу в университете марксизма-ленинизма, я оказалась свободной до первого августа (я была зачислена на работу в МГУ с 1 августа). Получила деньги в университете марксизма-ленинизма и позволила себе такую роскошь: взяла билет на пароход от Москвы до Казани. И поехала к своей однокурснице Суфии Фатыховне Юльметовой¹ (она башкирка по национальности), которая жила в то время в Казани и уже начала работать в Казанском университете. Потом она перешла на работу в Башкирский университет в Уфе, но тогда еще жила в Казани. Мы с ней были в очень хороших отношениях. Она часто приезжала ко мне в Москву, останавливалась у меня. Впрочем, я почти со всеми сокурсниками была в хороших отношениях. В тот раз я хотела поехать к ней, а от нее в Йошкар-Олу, где работала в это время Броня. Но незадолго до отплытия на пароходе я получила телеграмму от Брони, чтоб я не приезжала в Йошкар-Олу, потому что она получила путевку в дом отдыха. Этот дом отдыха был расположен на берегу Волги в деревне! Тогда я решила поехать только до Казани, а от Казани вернуться обратно каким-нибудь местным пароходиком и заехать к Брониславе. Так я и сделала. Два или три дня я прожила у Суфии Юльметовой. А перед этим, когда я еще плыла до Казани на том самом пароходе, я встретила со своим преподавателем по истории Египта — К.К. Зельиным. На пароходе он опять повторил, что мне нужно пересдать ему истории Древнего Востока. Я даже разозлилась: я уже буду преподавать, а он снова о том же! Пошутили немножко.

Я немного погостила у Суфии, а потом на местном пароходике вернулась назад к Горькому. Остановилась в Юрине, недалеко от берега, а там пешком можно было пройти до дома отдыха. Дом отдыха помещался в бывшем имении Шереметевых, дом был построен в стиле средневекового европейского замка. Я думаю, что это, наверное, была вотчина, которая была когда-то дана Морозову в приданое от Шереметевых. Там я пробыла дня три. Мы с Броней ходили на берег Волги, на прекрасный большой пляж, с белым-белым чистым песком. Пляж был почти безлюдный.

Вернулась я в Горький накануне 1 августа, т.е. на следующий день мне было нужно выходить на работу. На поезд достать билет у меня не получилось, хотя я утром приехала в Горький и сразу же отправилась на вокзал. А там огромная очередь на Москву! Начинался учебный год, и все билеты были распроданы. Я стояла и думала, как же мне добиться того, чтобы получить билет на этот поезд. Завтра же первый день ра-

¹ Юльметова Софья Фатыховна (1919 — ?). Из служащих. На исторический факультет поступила в 1937 г. После войны — доктор филологических наук, литературовед.

боты! Мне подсказали люди: столько же, сколько стоит билет в плацкарте, столько же с вас возьмут за поездку на машине с Горьковского завода. Он был уже восстановлен, начал выпускать машины и устраивал пробные проезды от Горького до Москвы. Рабочие-специалисты проводили эти пробные рейсы. Они брали человека по три в поездку и брали столько же денег, сколько стоил билет в плацкартном вагоне. Оказалось, что есть одна женщина с ребенком лет пяти-шести, и мы с ней (вчетвером вместе с водителем) поехали на «Победе» по этой великолепной, недавно отремонтированной шоссейной дороге от Горького до Москвы! Чудесная была дорога! Еще мало загруженная. Мы ехали с ветерком, очень вальяжно себя чувствовали.

Машина шла мягко, ехали мимо прекрасных лесных массивов. В одном месте мы остановились, и водитель сказал:

— Ну, минут на 10–15 устроим остановку.

Мы вышли, и по правую сторону, сделав буквально два-три шага, я наткнулась на грибы. Вернулась в машину, взяла авоську и стала ее заполнять. Немножко углубилась и оказалась на крутом берегу, буквально поросшем грибами: здесь и лисички, и подберезовики, и подошиновики. В общем, я набрала полную авоську. Этой тары мне не хватило; я была в какой-то большой панаме, так еще в панаму набрала. И все это в течение каких-то 10–15 минут.

Приехали мы уже вечером, часов в 8–9. В Москве у меня была мама. Когда я приехала, то высыпала весь грибной урожай на круглый дубовый стол, который стоял посреди комнаты! И мама сказала:

— Какая благодать! Ах, какая прелесть!

Мы их разобрали, пожарили. А на другой день я пошла в университет.

Я вышла к личным воспоминаниям через эту вотчину боярина Морозова — Юрино: вот наглядный пример связи старины.

Еще я писала реферат по этой одной обширной теме. Составила там даже какие-то схемы, не пользуясь при этом никакими другими историческими картами, а просто по источникам — свои силы пробовала. Сдавала комиссии в присутствии Сергея Владимировича Бахрушина. Он молчал, но другим членам комиссии, специалистам по феодалному периоду, реферат понравился.

Но вот начался второй экзамен. Ко второму экзамену я, конечно, должна была готовиться под руководством А.М. Панкратовой, поскольку здесь уже XIX век. И мы с Анной Михайловной вместе сделали выбор, остановились на теме «Формирование промышленных кадров в конце XVIII — первой половине XIX века». Это был период еще до промышленного переворота 60-х годов, когда только зарождались кадры промышленных рабочих. Можно сказать, предпролета-

риат. Данная проблема всегда интересовала Анну Михайловну, и меня она тоже заинтересовала. Здесь мне также пришлось столкнуться с многими интересными источниками, из которых я, пожалуй, выделила бы один: это ведомости заводов, издававшиеся в начале XIX века. Это официальный источник, но чрезвычайно интересный. Там дана классификация промышленных заведений по владельцам: вотчинные мануфактуры, купеческие и т.д. Я тогда написала большой реферат по этой теме: 50 страниц с чем-то получилось. Я помню, одна аспирантка наша, когда прочитала этот реферат, говорит:

— Сима, у тебя диссертация-то написана уже!

Я говорю:

— Это только преддверие и далеко от моей темы! У меня тема — по началу XX века, а здесь начало XIX века.

— Ну, это все равно, ты можешь уже защищать, — сказала аспирантка.

— Нет, — ответила я. — Это я просто для защиты на экзаменах по кандидатскому минимуму.

Но когда наступил экзамен, у меня произошел большой конфликт. Конфликт, возникший на почве нашего принципиального спора, с заместителем заведующего кафедрой И.И. Минца¹ по учебной работе

¹ **Минц Исаак Израилевич** (3.2.1896, с. Кринички Екатеринославской губ. — 5.4.1991, г. Москва) — специалист в области отечественной истории XX в., доктор исторических наук, профессор, академик АН СССР, дважды лауреат Государственной премии СССР, лауреат Ленинской премии. Из семьи служащих. В апреле 1917 г. И.И. Минц вступил в РСДРП(б), участвовал в событиях Великой Октябрьской социалистической революции, Гражданскую войну провел на фронтах: рядовым красноармейцем, потом комиссаром 2-й Украинской повстанческой, а затем 46-й стрелковой дивизии, комиссаром Конного корпуса Червоного казачества. После Гражданской войны до 1926 г. И.И. Минц являлся комиссаром Академии Военно-воздушного флота РККА; с 1923 г. он по совместительству был слушателем исторического отделения Института красной профессуры, которое окончил в 1926 г. В 1931 г. возглавил секретариат главной редакции многотомной «Истории гражданской войны в СССР». Как соавтор и соредaktor, он участвовал в выпуске 1 и 2 томов (1935 и 1942), за что был удостоен Государственной премии СССР. В 1936 г. он становится доктором исторических наук, в 1939 членом-корр. АН СССР, а в 1946 г. — действительным членом АН. С 1941 г. возглавлял Комиссию при АН СССР по созданию «Летописи Отечественной войны». Одновременно являлся членом авторского коллектива 2 и 3 томов «Истории дипломатии» (1945), за что вторично был удостоен Государственной премии. В 1949 и 1953 он подвергся преследованиям во время кампании «по борьбе с космополитизмом». В 1957 г. И.И. Минц стал инициатором создания Научного совета по истории Великой Октябрьской социалистической революции, который возглавлял до 1989 г. В 1967–1973 г. вышел его главный труд — «История Великого Октября» в 3 т., удостоенный Ленинской премии. С 1920-х гг. — преподаватель, профессор, зав. кафедрой ряда вузов (Международные ленинские курсы, МИФЛИ, МГПИ им. В.И. Ленина, ВПШ и АОН при ЦК КПСС). В 1941–1949 гг. зав. кафедрой истории СССР исторического факультета МГУ.

Григорием Николаевичем Анпиловым¹ (заместителем по научной работе был Рубинштейн). Он тоже специалист по истории феодально-го общества. Почему-то именно он вошел в комиссию. Я думаю, ну и тогда тоже думала, что, наверное, случайно. Он сам хотел войти в эту комиссию, хотя председателем был назначен А.Л. Сидоров. Также входили С.С. Дмитриев² (специалист по XIX веку) и И.М. Разгон. Анпилов был как бы от руководства кафедры.

В дальнейшем с Анпиловым мы спорили не только по научной проблеме, но и по кафедральным делам. Дело в том, что я была секретарем партийной организации, где у нас насчитывалось около 50 человек членов партии, кандидатов, и было бюро. В бюро кроме меня входили Анпилов и Тамара Дмитриевна Ионкина. Она была моложе меня не только по возрасту и поступала позже, чем я, в 1939 году.

¹ **Анпилов Григорий Николаевич** (5.2.1902, д. Вязовое Щигровского р-на Курской губ. — 31.10.1987, г. Москва) — исследователь истории России XVI–XVII вв., кандидат исторических наук, доцент. Из крестьянской семьи. В 1912 окончил приходскую сельскую школу; один из первых комсомольцев, агитатор, рядовой отряда ЧОНа, представитель губкома комсомола в Курском отделении профсоюза «Всеработземлес», организатор батрачества и молодежи. В 1924–1926 гг. учился на рабфаке им. Артема (Москва). В 1926–1930 гг. — студент судебного отделения факультета советского права I МГУ. В 1927–1931 гг. он преподавал на вечерних рабочих курсах Замоскворечья и Красной Пресни, в 1928–1930 гг. — на курсах комвуза им. М.В. Ломоносова. Работал в органах ОГПУ–НКВД Москвы и Московской области, одновременно в 1933–1935 гг. преподавал на Высших педагогических курсах при Совете национальностей ЦИК СССР, в 1932–1936 гг. — в Школе высшего начсостава НКВД–РКМ. С конца 1935 г. перешел на работу в систему партийного образования и работал с партийным активом Московской области. В 1936–1938 гг. — в аспирантуре МИФЛИ по специальности «история». В 1938–1941 гг. он — доцент кафедры истории СССР и декан исторического факультета МИФЛИ. После объединения МИФЛИ с историческим факультетом МГУ — доцент, зам. зав. кафедрой истории СССР (1942–1949). В 1940–1949 гг. преподавал также на Ленинских курсах ЦК ВКП(б), в ВПШ, Академии общественных наук при ЦК КПСС. В 1942–1946 гг. Г.Н. Анпилов являлся ст.н.с. сектора истории ВОВ Института истории АН СССР, собирал материалы о формировании дивизий народного ополчения Москвы и их боевом пути, записывал воспоминания ополченцев и Героев Советского Союза. Эти источники хранятся ныне в Архиве ВОВ ИРИ РАН. В 1950–1952 гг. работал в Венгрии, профессором зав. кафедрой Будапештского университета, а также преподавал историю России в Сегедском и Дебреценском университетах, Высшей партийной школе Венгрии. По возвращении продолжил работу на кафедре истории СССР периода феодализма. Награжден орденом Знамени II ст. (ВНР) за заслуги в воспитании венгерских специалистов-историков, медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» и др.

² **Дмитриев Сергей Сергеевич** (2.9.1906 — 9.11.1991) — исследователь общественной мысли и русской культуры XIX — начала XX в., кандидат исторических наук, профессор. В 1934 г. стал одним из первых аспирантов восстановленного исторического факультета МГУ. Работал на исторических факультетах МИФЛИ и МГУ. В 1946–1953 гг. зав. кафедрой истории СССР в ВПШ.

Но в то время она уже была в аспирантуре. У меня-то был перерыв, а она училась, по-моему, в Свердловске, куда был эвакуирован университет. С Анпилоговым мы спорили по поводу поведения И.И. Минца. Он вел себя как-то очень высокомерно, отчужденно в отношении нас, аспирантов. И еще хотел все заседания перенести к себе в сектор истории Гражданской войны, т.е. на улицу Воздвиженка, напротив Военторга. А с другой стороны — Рубинштейн, который хотел, чтобы все заседания устраивались у него в Историческом музее.

Я была против этого и говорила Анпилогову:

— Что вы-то молчите?

И он мне вдруг однажды говорит:

— А что я? Я — холуй. Что мне начальство приказывает, то я и делаю.

Я тогда так возмущилась! Говорю:

— А зачем вы этому следуете? Что вы так себя держите? Вы же коммунист!

Причем он — старый коммунист, он раньше меня в партию вступил. Ну, он начал что-то объяснять, оправдываться... Может быть, и нехорошо сейчас это вспоминать, потому что его уже нет — Григория Николаевича. В общем, он был неплохой человек, и все прекрасно понимал, но немножко такой какой-то... сумбурный, что ли.

Был у нас с ним еще один памятный спор, связанный с системой преподавания в университете вообще и на факультете в частности. Что должно быть приоритетом? Тогда у меня в результате студенческого опыта работы в семинарах, просеминарах, спецсеминарах и дипломной работы сложилось подсознательное убеждение в том, что приоритетом в организации учебного процесса должны быть такие формы, которые помогают студентам самостоятельно исследовать проблему. То есть приобрести навыки самостоятельного научного исследования. А все остальное — так сказать, имеет подсобное значение. В данном случае результатом кандидатского минимума должен быть реферат: обозначается центральная проблема, и реферат по этой проблеме получается как результат самостоятельного исследования какого-то круга источников. А Анпилогов настаивал на том, что приоритетом должен быть список по общему курсу по всем периодам.

Я категорически возражала против этого, и Анна Михайловна меня в этом поддерживала. И поэтому все внимание я сосредоточила на реферате. Анна Михайловна это одобрила. Так же она одобрила мой реферат, и я с ним пришла на сдачу кандидатского минимума. Что касается этого огромного списка литературы, который у меня был, я его, конечно, посмотрела: кое-что из этой литературы я уже знала, но многое не читала. И вот, когда я пришла, у нас сразу же начался спор.

Я представила свой реферат, показываю его, а это больше пятидесяти страниц. Сидоров, который возглавлял комиссию, относительно этого спора, как я понимаю, был заранее подготовлен Анпиловым и сказал:

— Почему же вы совсем не хотите отвечать по списку литературы?

А я, значит, представляю реферат, его как бы между прочим просмотрел Сидоров, а Сергей Сергеевич Дмитриев — очень хитрый человек — с такой ехидной улыбочкой смотрит на меня, на Анпилова, на Сидорова и помалкивает... Он-то знает, в чем дело. А Анпилов сразу:

— А как список литературы?

И вот у нас с ним прямо на экзамене начался спор. Я говорю, что главное внимание уделила реферату. Но некоторую литературу я, конечно, посмотрела и называю ему из литературы такую полунаучную, полухудожественную книгу под названием «Хозяин трех гор» о Прохорове, хозяине Трехгорной мануфактуры. Я и говорю, что вот эту книжку, например, хорошо знаю, могу про нее рассказать. И как-то в связи с этим упомянула, что в отношении промышленных рабочих кадров как раз на прохоровской мануфактуре был опыт целенаправленной подготовки. Уже в начале XIX века Прохоров создал фабрично-ремесленную школу, где готовили лекальщики, граверов. Это была своего рода рабочая элита. А Анпилов:

— Как! Какая школа? — он оказывается, не мог допустить такого, что капиталист Прохоров обучал рабочих.

Мол, это было в интересах капиталиста. Такое у него сложилось впечатление о фабрикантах, де, все они «кровопийцы». Это, безусловно, так, но во имя более эффективной эксплуатации им были нужны квалифицированные кадры. Однако большую часть им было выгодно держать «в темноте»: для Прохорова как раз было характерно приглашать на массовые операции фабричного производства крестьян из Казанской губернии, с которых он сдирал три шкуры, держал их в бараках, в которых жило по сто с лишним человек. А разгорожены эти бараки были даже не фанерой, а ситцевыми перегородками.

Анпилову это было непонятно, он удивился, и тогда Сергей Сергеевич на него так посмотрел и сказал:

— Григорий Николаич, ну как это так? — мол, почему он не знает.

Тот немножко смутился, но все-таки настаивал на своем и снова вернулся к списку литературы. Я же начала сердиться и говорю:

— Ну не читала я, и не считаю нужным. Потому что сейчас это можно сделать только поверхностно, это верхоглядство!

Сидоров слушал, смотрел на Анпилова. Тут я сама пошла в наступление и категорически заявила, что я против такой системы, что

сама лично и не читала, и не собираюсь ставить чтение списка литературы на первое место: обязательное знание всего списка литературы означает игнорирование самой научной проблемы. Я сказала, что считаю себя полностью подготовленной к экзамену, потому что написала реферат, а их дело оценивать. Анпилогов опять:

— Да нет же! Я считаю, что это — неправильно.

Тогда Сидоров заявляет:

— Ну что ж, давайте отложим экзамен.

— Как отложим? — говорю я. — Это выходит, я не сдала экзамен?

— Ну не то, чтобы не сдала, просто мы перенесем экзамен на... месяц примерно. Хватит вам для того, чтобы получше познакомиться со списком литературы?

Я попыталась протестовать, а потом быстро сообразила, что дальше продолжать этот конфликт не стоит, потому что дело идет об экзамене, а мне здесь предстоит еще третий экзамен по специальности, и я сказала:

— Ну хорошо.

А сама, конечно, ужасно расстроилась, ушла, и когда рассказала Анне Михайловне (а она была в момент экзамена где-то в командировке), она ужасно рассердилась на меня. Она никогда не позволяла себе повышать голос, а здесь повысила голос:

— Да как вы могли? Я же говорила вам, что без меня ни в коем случае экзамен чтобы не был.

Еще до экзамена я пыталась сказать, что хотела бы, чтобы Анна Михайловна присутствовала на экзамене, но Анпилогов мне сказал:

— Что, вы не можете одна быть?

Я так и сказала Анне Михайловне, что вопрос был поставлен, самостоятельный ли я человек, и мне стало неудобно. И Анна Михайловна говорит:

— Дело-то здесь не в каком-то самолюбии, дело в принципе уже более серьезном: вот видите, как вы разошлись во взглядах на то, какой должна быть практика кандидатского минимума? А ведь это можно было предположить.

— Да я и предполагала, — говорю я, — что он так поставит вопрос, мы с ним долго спорили.

— Не думала я, что до такого конфликта дойдет! Но знаете, я на вас обижена, что вы пошли без меня на экзамен.

Я сказала, что, надеюсь, второй заход будет более удачным.

Я заперлась в своей комнате на Арбатской площади, набрала себе грудку книг по этому списку, притащила их из нашего кабинета и засела. Потом подумала: очень хорошо, что так обостренно был поставлен

вопрос о знакомстве с этим списком. В течение целого месяца я, конечно, выходила за продуктами, готовила себе, но больше никаких дел у меня не было. Я сразу же убедилась, что прочитать все эти большие монографии от корки до корки я не могу, и приобрела опыт быстрого знакомства с большим количеством литературы.

У меня нет опыта быстрого чтения, который, скажем, был у Ленина, он мог очень быстро читать. Это, видимо, зависит от характера. Мне же нужно было сидеть, вчитываться и по мере продвижения вперед обдумывать то, что я прочитала. Процесс чтения и обдумывания у меня шел одновременно, поэтому все проходило довольно медленно.

С литературой я стала знакомиться таким образом: во-первых, очень тщательно читала выходные данные книги (когда вышла, какой проблеме посвящена), о самом авторе (его взгляды обычно подаются в предисловии), смотрела оглавление и заключение. При этом какие-то главы я частично прочитывала (там, где решается принципиальный вопрос о проблеме), и потом изучала заключение.

Когда повторный экзамен состоялся, Анна Михайловна сама пригласила на него Н.М. Дружинина, тем более что эта проблема к нему имела отношение. Сидоров не пришел на экзамен, хотя я его лично приглашала. Он сослался на то, что ему нужно куда-то уезжать. Анпилогов, конечно, пришел, но сидел, никак не выступая и ничего не спрашивая. Я показала свой реферат, которым многие заинтересовались (у меня там и таблицы были составлены, и какие-то резюме к ним, и итоговые выводы). Потом еще два-три вопроса были заданы по реферату. Помню, например, Епифанов¹ ради интереса спрашивал, как я могу это объяснить и вот это (он все по таблицам спрашивал). Дружинин молчал, потом сказал:

— Ну хватит, достаточно, все ясно. По-моему, тема очень подробно и хорошо рассмотрена, отлично, я считаю.

И тогда вот только Анпилогов спросил:

— А как же литература?

— Я знакомилась с литературой.

— А вот Чичерина вы читали?

¹ **Епифанов Петр Павлович** (23.3.1909, п. Урда Западно-Казахстанской (Уральской) обл. — 6.3.1992, г. Москва) — исследователь русской истории XVII–XVIII вв., доктор исторических наук, профессор, лауреат Государственной премии СССР. В 1938 окончил Московский областной пед. институт, в 1940 поступил в аспирантуру исторического факультета МИФЛИ. С началом Великой Отечественной войны вступил в народное ополчение. После — вернулся в аспирантуру исторического факультета МГУ. Окончив ее в 1944, начал преподавать на кафедре истории СССР.

— Читала, — ответила я.

А Анна Михайловна мне потом высказывала: я, говорит, даже немножко со страхом за вами следила, а вдруг вы не прочитали его.

— Читала, — и что-то начала рассказывать.

Тогда Анна Михайловна говорит:

— Все ясно. Думаю, что не стоит продолжать экзамен, мы и так достаточно поговорили.

На этом экзамен закончился. Сдала я его на «отлично».

Теперь о третьем экзамене. К первым я примерно по году готовилась, а к третьему — только два или три месяца. Мне его особенно и готовить-то не нужно было — он относился к XX веку. Литературу я знала достаточно хорошо, список был ограниченный, — главным образом произведения Ленина, которые я неплохо представляла. А то, что не знала, с большим интересом прочитала, так как была убеждена, что мне это нужно. И вообще я очень любила читать Ленина. И сама главная проблема, которой посвящено произведение, и то, как Ленин решает ее, как он использует источники — все это очень меня интересовало и все это мне нравилось. Поэтому я совершенно спокойно пришла на экзамен.

На этот раз председателем комиссии был сам Анпилогов. И были еще два человека. Он задал мне вопрос о столыпинской реформе (я сразу сообразила, что он сознательно это сделал, чтобы я показала свои хорошие знания): оценка Ленина и прочее.

Я начала рассказывать, мне не нужно было даже обдумывать, просто начала отвечать ему, конечно, с полным знанием дела, в полной уверенности, что я здесь знаю все, что необходимо для экзамена. И он сказал:

— Ну, это очень хорошо. Я считаю, что мы дальше не будем продолжать экзамен, — в общем, мне кажется, он всячески старался себя как-то реабилитировать за то, что он устроил мне на втором минимуме.

Так закончился мой период сдачи минимумов, и началась работа над диссертацией. По работе над диссертацией мне пришлось поехать в командировку в Ленинград, чему я была очень рада.

Получилось так, что я первый раз туда поехала только после войны, это было в 1948 году. Там уже почти завершалось восстановление. Я впервые увидела Неву в ясный хороший день: «Невы державное течение» — меня это очень поразило и восхитило.

В архиве я работала с некоторыми своими однокашниками, аспирантами нашего факультета. В то же время там работал Ткаченко (у него был научным руководителем С.С. Дмитриев), потом Галя Ионова (у нее была М.В. Нечкина)... Ионова в то время временно работала

в историко-архивном институте и занималась историей революционно-демократического движения. У нее была тема, связанная с демократическими организациями 60-х годов XIX века. И были еще два человека из наших. Мы работали, а потом ходили смотреть на достопримечательности Ленинграда.

Особенно меня потряс недавно созданный музей обороны Ленинграда. Потом его закрыли. Связано это было, видимо, с конфликтами между Ленинградом и Москвой, руководством ленинградской партийной организации и Центральным комитетом. А тогда прошел всего год или два с его открытия. Это было большое длинное одноэтажное или двухэтажное здание, где-то неподалеку от Летнего сада, по другую сторону деревянного двухэтажного дворца Петра Первого. Помню обилие потрясающих экспонатов о блокадном Ленинграде. Я ходила там целый день, и только вечером в 19.00 вернулась в общежитие. А жили мы тогда в общежитии Ленинградского университета на пятой или шестой линии Васильевского острова, в общем, мы как раз проезжали на трамвае мимо дворца Меншикова. Так вот я туда с трудом добралась и сразу же свалилась на постель, настолько я была потрясена. У меня было какое-то нервное расстройство. Второй день и третий день я провела в постели, лежала, даже не могла работать.

Еще очень запомнилось, что в это время в архиве занимался Н.М. Дружинин. Мы обратили внимание на то, что Николай Михайлович приходил из «Астории» в архив на час-полтора и, как правило, во второй половине дня. У него было какое-то место, которое уже никто другой не занимал, знали, что здесь работает академик Дружинин. Приходил, ел, быстро что-то смотрел, брал большой лист, перегибал его, чтобы получался тетрадный листик. Мы обратили внимание, что он затем в этот лист вкладывал другие записи. На нем он заранее указывал фонд, номер дела и т.д. Иногда в такой маленькой папочке был лишь один листик, иногда была большая стопка. Потом все это он складывал в папку (по-моему, он с папкой ходил) и уходил, оставляя заказ на следующий день. А заведующий читальным залом (фамилия Воронеж или что-то в этом роде), опытный архивный работник, казалось, с полуслова понимал Николая Михайловича, а тот, в свою очередь, аккуратным почерком оставлял заказы. Потом этот архивный работник нам сказал:

— Как вы все сумбурно работаете! Заказы какие-то неопределенные... Вы сидите в архиве целыми днями, а результат — несколько выписок. Посмотрите на Николая Михайловича. Только на час-полтора приходит, а сколько он сделал за это время! — он тогда как раз готовил второй том своей монографии, посвященной реформам Киселева.

Мы наблюдали за Дружининым, слушали эти разговоры заведующего читальным залом, восхищенного работой Николая Михайловича, и однажды решили попросить Николая Михайловича с нами побеседовать и рассказать, как это делается. Мы обратились к нему с такой просьбой, он как-то выбрал свободное время и в соседней комнате, за большим круглым столом, провел с нами беседу, как работать в архиве, как делать записи и заказы и прочее. Говорил очень интересно, полезные вещи. Мы ему еще какие-то вопросы задавали, а после этого серьезного разговора стали задавать вопросы относительно самого Ленинграда. Он был членом-корреспондентом Академии наук по ленинградскому отделению. Мы к нему и обратились: мол, мы знаем, что вы очень хорошо представляете Ленинград, может быть, вы нас познакомите с ним, а то мы ходим сами, но так, не очень системно. Он охотно согласился, даже очень охотно — я бы подчеркнула это — согласился провести с нами день в Ленинграде. Выбирал самые интересные места, и те, конечно, которые были связаны с его революционной работой. Он нам рассказывал о Смольном (и провел нас к нему), я запомнила Шпалерную улицу..

Именно в этот период работы в архиве я познакомилась с земской статистикой, что затем очень пригодилось мне во время моей работы на кафедре источниковедения. Я получила представление о принципах публикации земской статистики, ее значении для научного исследования социально-экономических проблем конца XIX — начала XX века.

Сама защита прошла успешно, причем главным оппонентом по моей диссертации выступал Аркадий Лаврович Сидоров, тот самый, с которым был неприятный эпизод на втором кандидатском минимуме. Отозвался о ней очень хорошо. Даже инспектор по аспирантуре Нина Николаевна Абрютина говорила, что он «и так, и так, и с той стороны, и с другой хвалил мою диссертацию». Сказал, что у него есть одно даже не замечание, а пожелание: не ограничиваться периодом 1906–1912 годов, продолжить эту тему и дальше, ну и потом поработать над проблемой положения пролетариата в этот период. После него выступил Е.Д. Черменский¹. Тоже сказал что-то такое похвальное. И замечаний никаких

¹ Черменский Евгений Дмитриевич (6.2.1905, г. Спасск Тамбовской губ. — 16.4.1995, г. Москва). Из семьи священника и сельской учительницы. В 1929 г. окончил ИКП, в 1933 г. — Ленинградский историко-лингвистический институт. В предвоенные годы работал доцентом Ленинградского университета. В войну воевал на Калининском, Донском фронтах, был политбойцом Коммунистического батальона, командиром роты, участвовал в битве за Ржев, в Сталинградской битве. Награжден орденами Отечественной войны I и II ст., медалями «За оборону Сталинграда», «За победу над Германией». Был дважды ранен. С 1949 г. — профессор кафедры истории СССР периода капитализма.

особенных он не высказал, в общем, все прошло нормально. Я только запомнила, что рядом сидели А.М. Панкратова и Э.Б. Генкина, и я как-то так мельком услышала их разговор. А говорили они обо мне. Мол, родилась в Подмоскowie, Бронницком уезде Московской губернии, и диссертацию выбрала по материалам Московской губернии, все это она сделала сознательно, «родные места окинула» и т.д. Ну и все, пожалуй, о защите.

После этого стал решаться вопрос о том, где я буду работать. Одним из вариантов был Ужгород на Закарпатской Украине (кстати, там работала моя сокурсница Ирина Пташникова). Он после войны стал советским городом, и была «нужна помощь». Меня эта закарпатская экзотика, конечно, привлекала. Но больше всего привлекала мысль, что нужна помощь, что я, может, тоже внесу свою маленькую лепту в помощь нашего Советского Союза Закарпатской Украине. Я стала переписываться и лично разговаривать с Ириной. Она, археолог по специальности, несколько раз приезжала в Москву со своими детьми и останавливалась у меня. Приезжала она и в 1945 году и позже часто бывала, и я помню ее девочек — я нянчила их буквально грудными. Ирина меня немножко охладила. Я об этом сейчас могу сказать свободно: там набирали силу националистические настроения. Она сказала: не стремись, не думай, что они тебя будут встречать с распростертыми объятиями. И мне это очень не понравилось, я даже рассердилась на нее. Говорю:

— Что ты такое говоришь? Мы же братья, мы же славяне!

А она:

— Ну, смотри. Они все-таки больше смотрят на Польшу.

Ирина с мужем там прижилась — они жили на улице, которая называлась «Русской», у них была там большая квартира (у них и семья большая). Муж был корреспондентом газеты «Советский спорт», которая пользовалась вниманием и почетом, а Ирина занималась со школьниками: устраивала походы в Карпаты, ночевки в палатках, какие-то изыскания археологические организовала... Но оказалось, это все было эпизодом для местных жителей. На постоянное место жительства они к себе не очень-то принимали.

В это время министерство высшего образования (фамилию этого чиновника я забыла, хотя мне с ним приходилось очень много и долго спорить) рекомендовало меня в могилевский пединститут преподавать историю СССР. Здесь мне вспомнились и рассказы Нонны Пивовар, и то, что я сама была как-то около Могилева, да и дивизия, в которой я служила, называлась Могилевской. Более того, мне вдруг вспомнилось, что когда я училась на рабфаке, то со мной рядом жила в общежитии на Второй Извозной улице одна девушка из Могилев-

ской области. И однажды она привезла нам оттуда большой чемодан антоновских яблок. Это были такие крупные, янтарные, ароматные яблоки! У меня до сих пор остался в подсознании вкус антоновских яблок из Могилевской области! И я подумала: может быть, мне туда поехать? Но потом вопрос встал категорично: я должна остаться в университете. Эта фраза была прямо произнесена на одном собрании Аркадием Лавровичем. Он сказал, что кафедру нужно расширять (а он стал заведовать кафедрой истории СССР), что ему нужны новые кадры. Мол, у нас защитили диссертацию товарищи, и нужно обновлять кадры. И тогда была названа, в частности, моя фамилия. И он сказал, что будет ставить вопрос об этом перед университетом.

Недолго поколебавшись, я, конечно, решила остаться в Московском университете. Если меня оставляют здесь, так почему же мне не остаться? А вот этот инспектор из министерства высшего образования начал меня буквально преследовать, чтобы я немедленно ехала в Могилев. Я говорю:

— Ну почему я должна немедленно ехать в Могилев, когда есть и другое решение? Нашего университета, ректората — и оно должно вот-вот получить утверждение министерства. Я должна остаться в Московском университете.

Он ко мне приставал с этим Могилевом даже тогда, когда я уже начала работать. А он в это время тоже был в аспирантуре, по-моему, на филологическом факультете университета, а потом, когда защитил диссертацию, я думала, что он там, на периферии, помогает. Ан нет, снова увидела его в университете. Спрашиваю:

— А вы что здесь делаете?

— Работаю. Я зачислен на филологический факультет.

— Ну поздравляю. А что же вы в Могилев не поехали?

Вот такой был эпизод.

Начало работы на факультете

С 1 августа 1949 года я стала работать преподавателем на историческом факультете и несколько лет проработала вместе с Аркадием Львовичем Сидоровым: сначала как преподаватель, а затем и как его заместитель (он очень просил меня быть его заместителем) — вначале по научной работе, а за год до отъезда в Китай — уже по учебной части. Это было очень интересно.

Мы развернули большую работу со студенчеством. В частности, то, чему я всегда придавала значение в педагогической деятельности:

наглядность в преподавании, сопровождение устного слова наглядными пособиями, художественными материалами и т.д. Сюда же следует добавить и посещение музеев, экскурсии по местам исторических событий. Ездили мы много. Тогда нам предоставлялась возможность совершенно бесплатно пользоваться университетским транспортом (автобусами), и мы ездили на экскурсии по разным городам и селам.

В то время, когда я начала преподавать, для меня открылась новая жизнь — та страница в моей биографии, к которой я шла все предыдущие годы. То есть преподавать, стать преподавателем. Это не просто мое хобби. Это, вообще, не хобби, а мое существо, моя натура. Я всегда любила преподавать, и где-то в тайнике моей души у меня всегда было убеждение, что главного я еще не достигла — главное будет состоять в том, что я буду постоянно преподавать. До этого я тоже преподавала, но это было эпизодически, а здесь — постоянная работа. Преподавание, неизбежно связанное с научной работой. Хотя в начале, конечно, приоритетом было само преподавание, а научная работа шла как подсобная, необходимая для того, чтобы преподавать в высшей школе. А потом... может быть, немного сдвинулись приоритеты, в общем, я поняла, какое огромное значение для преподавания в вузе имеет научно-исследовательская работа. Не обязательно, чтобы она была связана со всеми темами, которых приходится касаться, — это просто невозможно. Но самостоятельное исследование исторических источников и какое-то собственное самостоятельное заключение по некоторым проблемам истории — важно даже для чтения общего курса, не говоря уже о спецкурсах и спецсеминарах. Но это некоторое отступление и вступление. Поскольку в жизни своей я, кажется, достигла того, чего я хотела, к чему стремилась, я получила эту возможность — преподавать в университете. Это было очень важно для меня, я считаю, это самое важное событие в моей жизни в смысле коренной привязанности к определенной работе.

Конкретно это выразилось в том, что я тогда получила семинар, просеминар по истории СССР. Было ясно, что я буду заниматься концом XIX и главным образом началом XX века, так же, как моя диссертация строилась. И свой первый просеминар я посвятила теме революции 1905–1907 годов. Это было тесно связано с теми материалами, которыми я занималась по своей проблеме (они касались периода столыпинской аграрной реформы, формирования пролетариата). Второй работой в этом же учебном году, но только уже на заочном отделении, был спецсеминар. Спецсеминар я посвятила самой столыпинской аграрной реформе. Вот несколько слов по поводу этих семинаров, которые стали вступлением в мою последующую педагогическую работу.

В мой первый просеминар вошли студенты восточного отделения нашего факультета. Несмотря на то, что это восточное отделение, я была очень довольна, и сейчас вспоминая этот просеминар, я довольна отношением студентов к этой теме, они с большим интересом занимались. Был у меня один студент, который запомнился особо. Может быть, потому, что он был сыном И.М. Рейснера, а сам Рейснер потом мне рассказывал о том, как студенты отнеслись к моей работе. Этот студент, Лев Игоревич Рейснер, очень серьезно отнесся к докладу, приходил ко мне за советами и т.д. Доклад его был о крестьянском союзе в революции 1905–1907 годов. До сих пор помню название этого доклада, мы в группе серьезно разбирали его доклад, и потом автор написал отличную курсовую работу. И.М. Рейснер мне после говорил, что мои студенты были очень довольны темой и работой просеминара.

Что касается спецсеминара на заочном отделении, так это особая статья. Он мне особенно памятен тем, что в него вошли студенты, которые пережили Отечественную войну. Они либо сами воевали, либо были в тылу по малолетству — не будучи непосредственно участниками военных действий, работали где-то на заводах, на фабриках. Серьезные люди, были там одни мужчины. Из них я, конечно, очень хорошо не только запомнила, но и потом хорошо узнала одного выдающегося ученого, Анфимова Андрея Матвеевича, которому в то время было уже больше 30 лет. Темой его доклада, а потом курсовой работы, был Крестьянский банк в период столыпинской аграрной реформы. Он разработал эту тему блестяще. Я сейчас, спустя много-много лет, могу без всякого стеснения и ложного стыда сказать, что он ее разработал значительно лучше, чем я ее знала на тот момент. У меня в то время было довольно общее, может быть, даже поверхностное представление о ней. Я не занималась специально документами и материалами Крестьянского поземельного банка, а он очень глубоко проник именно в документацию этого учреждения, привлек широкий круг источников, касающихся этой проблемы, сохранившихся в архивах. В общем, написал блестящую курсовую работу, которую можно было защищать как кандидатскую диссертацию.

Позже я ему помогла своей рекомендацией в аспирантуру. Обстоятельства сложились так, что и он обратился ко мне с просьбой, сказал прямо:

— Только вы, Серафима Ивановна, можете мне помочь.

Дело все в том, что он смущался того факта в своей биографии, что в 1937 году его отец был репрессирован как кулак. На мой взгляд, он напрасно этим смущался, потому что обвинение было снято. Было признано, что его отец просто зажиточный крестьянин и никогда

не эксплуатировал чужую рабочую силу. Но в анкете Анфимова было записано о репрессии отца, и он очень боялся, что при зачислении его в аспирантуру это будет иметь значение. К счастью, у нас на факультете в то время было очень трезвое и правильное отношение к людям с такими фактами в биографии. И Артемий Владимирович Арциховский, который был деканом исторического факультета в 1952–1957 годах, сразу после моего представления, под характеристикой Анфимова и рекомендацией в аспирантуру поставил свою подпись. Я сразу же сказала, что очень прошу утвердить научным руководителем Анфимова — Сидорова. Я помню, Артемий Владимирович было запротестовал: мол, почему Сидоров, почему не вы? А я считала (это был уже второй или третий год моей работы на факультете), что я еще недостаточно опыта приобрела. С дипломниками у меня уже был опыт, а с диссертантами нет. Артемий Владимирович очень скептически пожал плечами, и сказал:

— Ну, смотрите-смотрите. Я бы на вашем месте взял себе Анфимова.

Но я не жалею и очень рада, что он попал к Аркадию Лавровичу (это его проблема — изучение периода Первой мировой войны, и Анфимов продолжал исследования социального положения крестьянства после столыпинской аграрной реформы в период Первой мировой войны). Позже Анфимов стал работать в Институте истории АН СССР, когда Аркадий Лаврович стал его директором. Он взял его к себе на работу, и спустя долгое время Анфимов блестяще защитил докторскую диссертацию. Потом он написал много работ по аграрной истории, был одним из главных действующих лиц в дискуссии с Ковальченко, длившейся лет 10 или 15, в связи с проблемой социально-экономических предпосылок Октябрьской революции. Темой их дискуссии был вопрос о том, что преобладало в сельском хозяйстве России: капиталистический уклад или феодальные отношения.

Я хорошо помню: мы с ним разговаривали по поводу того, что после контрреволюционного переворота, свершившегося в нашей стране в 1991 году, стало много любителей рассуждать о судьбах крестьянства и обращаться к истории, вспоминать Столыпина и превозносить столыпинскую аграрную реформу, считать Столыпина выдающимся государственным деятелем, реформатором. И даже некоторые известные государственные деятели, даже некоторые коммунисты (конечно, в прошлом) считали, что нам не надо ничего придумывать в отношении крестьянства. Мол, для того, чтобы поднять сельское хозяйство, достаточно обратиться к опыту Столыпина, и т.д., и т.п. Я разговаривала об этом с Анфимовым, просила его высказаться в печати, поскольку ему легче всего было это сделать, а я в то время уже плохо

видела (я пыталась сама написать, но как-то очень медленно двигалась эта работа), ему это было легче сделать.

Он написал специальную статью, посвященную этому вопросу, и опубликовал ее в журнале «Вопросы истории», рассказал, что такое столыпинская аграрная реформа. Он подчеркнул (и я считаю это правильным, я все время говорила об этом), насильственный характер столыпинской аграрной реформы, о чем современные «знатоки» столыпинщины всегда замалчивают или говорят вскользь, как о политической стороне этой проблемы. Сейчас говорят, что большевики все напирали на так называемые «столыпинские галстуки», но говорят, что сама социально-экономическая проблема решалась Столыпинным образцово, что это пример того, как нужно работать правительству. А на самом деле крестьянство не принимало эту реформу, противостояло ей. Это все я вспомнила в связи с Анфимовым, своим учеником, который довольно быстро перерос учителя. Светлая ему память.

Еще один слушатель этого спецсеминара, я забыла его фамилию, был из Рязанской области, тоже участник войны, но молодой участник войны — в конце участвовал. Помню хорошо, что звали его Василием. Он написал прекрасную работу о столыпинской аграрной реформе в Рязанской губернии. Широко использовал документы. Потом мне говорили, что позже, много лет спустя он как будто бы защищал диссертацию в Рязанском пединституте. Но у меня с ним связь потерялась. По-моему, он работал даже во время учебы (и вроде бы действительно в рязанском педагогическом институте), а когда закончил учебу на факультете, уже полностью погрузился в работу. Я с ним встречалась всего один или два раза после того, как он учился на моем спецсеминаре.

Остальные слушатели, а их было что-то около восьми человек, тоже занимались историей этого периода, главным образом столыпинской аграрной реформой. При этом один или два товарища изъявили желание заниматься историей рабочего класса (я не ограничивала работу этого спецсеминара одной столыпинщиной). Поскольку речь шла о подготовке не только докладов и курсовых, но и дипломных работ, они писали потом дипломные работы под моим руководством. Это был первый год или первые годы моей работы. А летом я провела производственный практикум студентов третьего курса в Ленинграде.

Дело Кара-Мурзы и Найденова

Кроме того, у нас на кафедре произошли большие события. Когда сейчас говорят, что в советское время все диктовалось сверху, и коммунисты, низовые организации, были как будто бы совершенно несамостоятельны и делали все только по подсказке, это чепуха, это совершенно неверно. Примером такого активного выступления партийной организации против волонтаризма, против левых перегибов в жизни нашей партии служит факт, о котором я хочу сейчас рассказать.

В конце декабря 1949 — начале января 1950 года были два больших партийных собрания. Первое — собрание партийной организации нашей кафедры. Тогда она была единой кафедрой истории СССР, а разделение произошло года через три после этих событий. На единой кафедре истории была парторганизация, которая насчитывала более 50 человек (53 или 54). Наше кафедральное собрание длилось три дня, проходило оно во время студенческих каникул. Мы начинали собрание в 10 или в 11 часов дня и заканчивали вечером. Второе собрание было в начале января 1950 года — уже общефакультетское. Оно тоже длилось два дня. Официально это было отчетно-выборное собрание. Если в первом случае отчитывался секретарь партийной организации кафедры (тогда им был Михаил Иванович Стишов), то на втором собрании с отчетным докладом о работе партбюро факультета уже выступал Михаил Тимофеевич Белявский¹ (он защитил кандидатскую диссертацию почти одновременно со мной). По содержанию же эти собрания стали обсуждением коммунистического поведения, партийной этики и т.д.

Конкретно речь шла вот о чем. Выступали два коммуниста. Первый — Алексей Сергеевич Кара-Мурза (брат профессора Г.С. Кара-Мурзы, погибшего в 1945 году), тогда он только закончил исторический факультет (хотя должен был закончить еще в 1940 году, но помешали арест и война) и был уже в аспирантуре (его пребывание в аспирантуре длилось долго, и ее он так и не закончил). Второй — тоже аспирант, Михаил Емельянович Найденов². Алексей Кара-Мурза добровольно

¹ **Белявский Михаил Тимофеевич** (1913, г. Москва — 1989, г. Москва) — историк, краевед, доктор исторических наук (1963), профессор МГУ. Окончил Московский педагогический институт, работал учителем географии, директором школы в Краснопресненском районе Москвы. Участник ВОВ. С 1948 — преподаватель истфака МГУ. См. о нем: Михаил Тимофеевич Белявский: к 100-летию со дня рождения / В.И. Моряков, А.Г. Иванов, И.Е. Тришкан. М.: Исторический факультет МГУ, 2013. 72 с.

² **Найденов Михаил Емельянович** (8.11.1918, с. Афоньевка Волоконовского р-на Воронежской губ. — 21.8.2007, г. Москва). Из крестьян. В сентябре 1939 г. был призван в Красную армию, затем направлен в Военно-полит. училище Орловского ВО. С июня 1941 г.

ушел в ополчение в 1941 году, был комсоргом университетского полка 8-й Краснопресненской дивизии (Н.М. Адлер¹ вспоминает, что он спас ей жизнь в ополчении). Как-то Кара-Мурзе пришлось выходить из окружения. Он честно провоевал. Был женат на одной очень красивой и очень отважной девушке, Лии Канторович, студентке МИФЛИ. Во время войны она героически погибла. Мне об этом рассказывал Ю.П. Шарапов, давний сотрудник Института истории.

После войны А.С. Кара-Мурза стал секретарем партийной организации факультета. Его очень хорошо приняли, потому что все его знали. Знали, что он воевал, был в ополчении, был комсоргом ополчения, у него была отличная боевая характеристика, и, кроме этого, осталось много тех, кто слушал до войны лекции его брата, Георгия Кара-Мурзы. А его любили очень сильно. И эта любовь была перенесена на Алексея. Поэтому его и избрали секретарем партбюро. Он проработал секретарем год (тогда больше года никто и не должен был работать, это потом стали работать дольше, а тогда была, на мой взгляд, очень правильная традиция), но, пользуясь тем, что он был секретарем парторганизации, занимаясь в аспирантуре, он взял себе руководство студенческим просеминаром. Тогда деканом был Георгий Андреевич Новицкий. Очень хороший человек, прекрасный историк, много-много всего знал, человек огромной эрудиции, но ужаснейший либерал. И, по-моему, он излишне либерально отнесся к вопросу подбора кадров. Что касается Кара-Мурзы, то он счел себя в полном праве быть в кадрах преподавателей и фактически аспирантскими делами не занимался, т.е. не сдавал кандидатские минимумы, не готовился, но семинар вел. Когда, сменив Минца, заведовать кафедрой стал Аркадий Лаврович Сидоров, он поставил вопрос так, что все, кто еще не имеет степени, не защитил диссертацию, пусть вначале защищают диссертацию, а потом уже будет рассматриваться вопрос, оставить их преподавать или нет. В целом перед Сидоровым стояла проблема расширить кафедру вообще, чтобы

в звании мл. политрука воевал на Брянском фронте, исполнял обязанности зам. командира полка по политчасти, затем комиссара батальона. В августе 1941 г. был тяжело ранен разрывом мины на Орловщине, потерял зрение. Награжден орденом Ленина, медалью «За победу над Германией». В 1943 г. поступил в Среднеазиатский ГУ на исторический факультет, вскоре перевелся в МГУ в связи с необходимостью продолжить лечение в Москве. Преподаватель кафедры истории СССР с 1951 г. (с 1965 г. — профессор), после разделения единой кафедры на кафедры истории СССР советского периода.

¹ **Левина (в дев. Адлер) Наталья Максимовна** (20.5.1923). Студентка исторического факультета МГУ 1940 года поступления. С началом войны — медсестра 8-й Краснопресненской див. Народного Ополчения. Первой из истфаковцев была награждена медалью «За отвагу» (в боях 14–15 ноября вынесла с поля боя 16 раненых). В 1951 г. окончила Первый Московский медицинский институт. Всю жизнь работала врачом.

она не была замкнутой очень узким кругом преподавателей, нужно было сделать ее более широкой, проблемной. И в связи с этим он поставил вопрос о том, чтобы всех, кто не имеет степени, отчислить с кафедры, пусть они сначала защищают диссертации. В первую очередь это касалось Кара-Мурзы. Алексей Кара-Мурза счел такой подход оскорбительным (он был очень самолюбив, болезненно, даже я бы сказала, самолюбив, и считал себя непогрешимым).

Найденов Михаил Емельянович в это время то ли закончил, то ли заканчивал аспирантуру, был инвалидом войны, совершенно слепым. В начале войны он, выполняя какое-то тяжелое задание, был тяжело ранен. Мы с ним находились в очень хороших отношениях. Да и с Алексеем Кара-Мурзой я была в прекрасных отношениях, я тоже отчасти переносила на него хорошее отношение к Георгию Сергеевичу. В общем, до этого собрания у меня было очень теплое отношение к Алексею Кара-Мурзе. М.Е. Найденовым же мы все восхищались, он для нас был герой: слепой, а прекрасно учился. Женился, семьей обзавелся, дочка у него родилась. Жил он на истфаке, на улице Герцена, дом 5 (там на 2-м этаже было несколько маленьких комнаток, которые во время и после войны занимали некоторые аспиранты). Он защитил прекрасный диплом у Николая Михайловича Дружинина. Потом защитил замечательную кандидатскую диссертацию. После того как он защитил кандидатскую, я поздравила его, а когда стала секретарем парторганизации, при случае поблагодарила Н.М. Дружинина за то, что он помог Михаилу Емельяновичу стать кандидатом наук.

Но Михаил Емельянович, может быть, потому, что не видел, никогда не учился общаться с людьми, чувствовать человека. При всем его чутье очень важно было и видеть человека, с которым дело имеешь, а он, конечно, был лишен этой возможности. Это моя точка зрения. Может быть, я и ошибаюсь, но у меня появилась эта точка зрения, когда я обдумывала постфактум эти события и старалась объяснить, почему они с Алексеем оказались вместе. Ведь они оба были генетически разными людьми. Но сошлись быстро: до войны Найденова не было на факультете, он появился только во время войны. Следовательно, с Найденовым он сошелся только после войны, когда стал секретарем парторганизации, а Найденов пользовался, к тому времени, большим авторитетом. И, видимо, это привлекло к нему Кара-Мурзу. Найденов нужен был ему как сильная личность, за спиной которого он мог творить что-то в своих интересах.

Когда от работы был отстранен Кара-Мурза (а отстранен он был тоже очень сильным человеком Аркадием Лавровичем Сидоровым), то начался конфликт. Кара-Мурза вместе с Найденовым стали писать за-

явления на Сидорова в Московский комитет, в Центральный комитет, я уже не говорю про райком партии. К чести сказать, все эти заявления не были анонимными: они всегда подписывали их. Дескать, коммунисты такие-то, заслуженные, протестуют против такого произвола. Мол, Сидоров был когда-то троцкистом и «пригрел» (было такое выражение), пригрел троцкистку Эсфирь Борисовну Генкину. Все это выглядело так, будто Сидоров сам достоин того, чтобы его выгнали из университета, что он давно перестал быть коммунистом, и что билет — это прикрытие того, что он не коммунист и прочее.

Позже, когда началось отчетно-выборное собрание, вместе с Сидоровым задели и Стишова. Они вспомнили, что Стишов перестал быть коммунистом в ополчении, когда закопал свой партбилет. Найденов и Кара-Мурза говорили, что Сидоров его тоже пригрел; мол, когда-то они работали вместе, семейственность и прочее.

Началось собрание партийной организации кафедры. Отчитывался Стишов, секретарь партбюро кафедры. После этого выступал то один, то другой, то третий человек. Где-то шесть человек выступили. Фактически создавалась ситуация вокруг Сидорова, выходило, что его стоит не просто выгнать с работы, но и арестовать, в общем, все к этому велось. Тогда встал Аркадий Лаврович и начал говорить дрожащим голосом, что выглядело очень трагично, потому что сам он — высокий, широкоплечий человек, физически сильный, с сильным характером. Но вдруг у него дрожит голос, спазм, и он говорит:

— Товарищи члены партийной организации кафедры, я прошу вас, помогите мне, я не могу работать! — а он в это время был и заведующим кафедрой, и проректором университета по гуманитарным факультетам. — У меня много работы, а я должен каждый день писать опровержения, то в МГК, то в ЦКК, то в райком партии, или ехать туда, куда меня вызывают для объяснений. У меня нет возможности работать.

Мы об этом и сами знали. За несколько дней до собрания я разговаривала и с Кара-Мурзой, и с Найденовым, говорила им, что они неправильно поступают, что так нельзя, что такие вопросы надо обсуждать на партийном собрании. Если есть какие-то претензии к Сидорову, то ему надо помочь тем, что высказать свои критические замечания на партийном собрании. Я говорила с ними в таком духе, потому что была с ними в хороших отношениях, и они ко мне хорошо относились. Они мне что-то такое возражали, мы спорили. И вдруг вот на собрании прозвучало заявление Сидорова. Тогда, естественно, все обсуждение отчетного доклада свелось к этому вопросу. Речь зашла об этике коммуниста: как он должен вести себя. Я очень хорошо помню, что высказались по этому вопросу почти все.

Все выступали, сколько хотели, никакого регламента не было (я выступала, наверное, 40 минут). Говорила о том, что у Аркадия Лавровича есть недостатки (я указала, какие), но все можно исправить, и Аркадий Лаврович безусловно, исправит. Но таким путем их решать нельзя.

— Вы не только не помогаете, — обратилась я к Кара-Мурзе и Найденову, — а, наоборот, мешаете работать.

Правильно, что А.Л. Сидоров взял курс на расширение кафедры, привлечение новых свежих сил и молодых преподавателей. Основная линия его работы, я считаю, совершенно верна. И дальше, самое главное, что я сказала, это то, что поведение наших товарищей совершенно не партийное. Внутрпартийная борьба не должна быть подменена кляузными. Все это должно решаться внутри партийной организации. Принципиальные вопросы должны решаться путем их обсуждения, а поведение Кара-Мурзы и Найденова — это не партийное поведение.

После меня выступала Зиновьева Серафима Павловна. Она была старше меня (наверное, 1903 или 1904 года рождения), в партии была с того же времени, что и я, или чуть раньше. Но еще до МГУ она преподавала историю СССР (именно советскую) в ИФЛИ. Она бескомпромиссно выступила против таких выступлений, против поведения Кара-Мурзы и Найденова.

— Я, — сказала она, — совершенно согласна с тем, что здесь говорила Серафима Ивановна, но я не согласна с ней только в одном.

Я, конечно, насторожилась. Думаю: что такое? Но при этом знаю, что она солидарна со мной. Она сказала, что определяет подобное поведение не только как непартийное, а как НЕСОВЕТСКОЕ. В советском обществе не должно быть необоснованных обвинений, а разве это обоснованно — обвинять Сидорова в троцкизме? Он ведь никогда троцкистом не был. То же и в отношении Генкиной: был там какой-то малозначительный эпизод, который потом разъяснился, но троцкисткой она точно никогда не была.

Что-то такое со своей стороны сказал Кара-Мурза, но очень кратко. Найденов немножко более подробно. Но они скоро поняли, что собрание их не поддерживает. Ни единый человек. За исключением, может быть, Логуновой Татьяны Афанасьевны¹, которая просто промолчала, ни слова не сказала. Все остальные высказались против.

¹ Логунова Татьяна Афанасьевна (1916–1987). Участник партизанского движения в Смоленской и Калининской обл., Белоруссии. Войну окончила в звании майора. Имела два ранения и контузию, инвалид войны. Награждена орденом Отечественной войны I ст., медалями «За отвагу» и восемью другими. Кандидат исторических наук, ст.н.с. кафедры истории СССР советского периода, специалист по истории партизанского движения в годы Великой Отечественной войны.

Три дня мы обсуждали, все высказывались. Все выступали не за то, чтобы Кара-Мурзу и Найденова исключить из партии или даже вынести им какие-то строгие выговоры. Все видели задачу в том, чтобы показать и доказать им, что нельзя так вести себя, нельзя человека необоснованно подводить к такому не очень хорошему концу. И было принято решение осудить поведение Найденова и Кара-Мурзы как непартийное, недостойное поведение; без всякого взыскания.

Наверное, через неделю-две было общефакультетское собрание, решение кафедральной партийной организации было принято единогласно, за исключением двух: Кара-Мурза и Найденов, конечно, были против, а один человек воздержался, это Логунова. Остальные проголосовали за такое решение.

На общем факультетском собрании отчитывался Михаил Тимофеевич Белявский. Его там заклевали, приписали ему много недостатков как секретарю партийной организации факультета. Многие из критиковавших Белявского косвенно выступали и в защиту Кара-Мурзы и Найденова. Главным образом это были студенты-фронтовики второго или третьего курса, которые так выступали только потому, что не разобрались, в чем дело. Они не знали конкретных людей. А Кара-Мурза, видимо, с этой группой студентов — членов партии поработал. Конечно, они не знали Сидорова как следует. Они, с одной стороны, не разобрались в чем дело, с другой — только что вернулись из армии, прошли фронт совсем молодыми. В них был еще юношеский максимализм. Вот они и начали всех крушить. А Найденов для них был авторитет, и Кара-Мурза заслуженный человек... Таким образом, возникла большая дискуссия, и собрание длилось два дня.

Мы пригласили секретаря парткома университета Михаила Алексеича Прокофьева. Он окончил химический факультет нашего университета, уже был доцентом. Очень симпатичная личность, умница большая, позже я отдельно скажу его характеристику. В 1955 году он уже не работал в университете, а был начальником отдела университетов в Министерстве высшего образования. Когда я уезжала в Пекин, я должна была к нему явиться на прием перед отъездом. А в начале 50-х годов он был секретарем парткома университета, и я его пригласила. Он пришел на это наше общефакультетское собрание. Сидел два дня, не выступал, а когда я его спросила: «Михаил Алексеевич, вы будете выступать?», он ответил, что слушает, и выступать не считал нужным. Фактически на обсуждение был поставлен вопрос об осуждении подобного поведения (имелась в виду ситуация с Кара-Мурзой и Найденовым) коммуниста. Я тогда тоже выступала на этом факультетском собрании и произнесла, может быть, неосторожно: нам нужно отделять

Кара-Мурзу и Найденова, это не одно и то же. Я инстинктивно чувствовала, что Найденов при всем его огромном самолюбии, тоже огромных амбициях, не был самостоятельным. Он фактически служил орудием Кара-Мурзы. Но надо было это, конечно, более деликатно сформулировать, показав, что главная вина за происшедшее ложится на Кара-Мурзу. Тем более что поводом для этого послужила его личная карьера, личные амбиции, связанные со стремлением работать в университете, не защитив еще диссертации. А я сказала, что надо их разделить, потому что Найденов не все видит. Я имела в виду, конечно, не его зрение, а вообще. Но мне потом говорили, Найденов очень на меня разозлился, обиделся. Потом он, конечно, меня простил.

В защиту нашего решения на собрании выступил парторг третьего курса Костя Тарновский. С тех пор я прониклась к нему уважением и любовью, как к младшему товарищу. Прониклась за его очень яркое, четкое и ясное выступление. Тогда он сказал определенно, что поддерживает резолюцию кафедры истории СССР полностью и считает, что товарищи действительно вели себя не партийно, что коммунистическая партия не может такими методами бороться с недостатками. Ковальченко промолчал, хотя он был весьма авторитетен на третьем курсе. Там вообще было много талантливых студентов!

Собрание раскололось. Хотя абсолютное большинство, ну, скажем, две трети, проголосовали за нашу резолюцию, но одна треть, главным образом студенты, проголосовали против — т.е. выступали за то решение, которое предлагали Кара-Мурза и Найденов. Впрочем, я не помню их формулировки совершенно. В целом, они считали, что Сидоров и Стишов — не коммунисты, а просто присвоили себе звание коммунистов.

На этом же собрании выбрали партийное бюро факультета. В него вошла я.

Студенческие каникулы еще продолжались, оставалось какое-то количество дней, и Анна Михайловна Панкратова, которая принимала близкое участие в моей судьбе, сказала, что мне нужно поехать в санаторий. Она помогла мне приобрести путевку в подмосковный академический санаторий. И я поехала туда на 20 дней. Но через какое-то время за мной приехали: специально был послан человек, чтобы привезти меня на организационное заседание вновь избранного партийного комитета факультета. Туда был избран Тарновский, еще несколько человек с этого курса (в частности, Владимир Иванович Тропин, Прокопенко), Волобуев (он был тогда, по-моему, аспирантом или студентом пятого курса, но уже вполне зрелым ученым) и Юрьев Михаил Филиппович (к тому времени он уже начал преподавать, занимался

историей Китая). Там стоял вопрос о секретаре. Меня несколько раз настойчиво выдвигали, шли споры-дискуссии, но я категорически отказывалась. Выбрали (я и сама его рекомендовала, голосовала за него) Павла Васильевича Волобуева. Я же сказала, что я буду его заместителем, буду помогать, но сама секретарем не стану.

Найденев остался преподавателем. Это и до собрания было ясно: он уже защитил диссертацию, стал кандидатом наук; все законно, справедливо во всех отношениях. А у Кара-Мурзы вскоре после нашего факультетского собрания возникло персональное дело. Об этом знают все, и я сейчас не могу умолчать о нем. Не в моих правилах влезать в сугубо личные дела, но здесь это дело приобрело политическое звучание. Оно касалось поведения коммуниста. Суть в том, что он соблазнил студентку из своего просеминара. Она в то время уже была замужем за сыном нашей преподавательницы английского языка. После измены студентка эта ушла от мужа, но Кара-Мурза жениться на ней не захотел. Тогда она пошла к нему на квартиру (он жил в это время в квартире отца, профессора, очень крупного ученого) и попыталась повеситься. Ее вытащили из петли. В связи с этим в парткоме университета возникло персональное дело Кара-Мурзы. Партком постановил, что его нужно отчислить из университета. Из партии его не исключили, но вынесли ему строгий выговор.

Много лет спустя я разговаривала с этой девушкой (наверное, в начале 80-х годов мы были вместе с ней на одной конференции и вместе ехали в поезде), и она мне все рассказала. Она была еще совсем молодой девчонкой и была в очень большой обиде. Впрочем, судьба ее сложилась удачно. Потом она снова вышла замуж, стала доктором наук и сейчас работает в институте истории... Вот такая история была с Кара-Мурзой.

Мне запомнилась такая картина. Вскоре после этого факультетского собрания я как-то пришла на истфак, поднялась на второй этаж и увидела, что на площадке перед входом в актовЫй зал туда-сюда ходит И.М. Рейснер. Когда он меня увидел, то остановился и говорит:

— Серафима Ивановна, я под впечатлением от нашего собрания, — он был тоже членом партии. — У меня из головы не выходит эта история Кара-Мурзы. — Г.С. Кара-Мурза был его ближайшим другом, они вместе работали, и на траурном собрании, посвященном смерти Георгия Сергеевича в августе 1945 года он выступал и очень тепло говорил о нем. — Вот я ходил здесь и думал: два родных брата, а какая разница. Даже внешне. Один светлый, — это Георгий Сергеевич, он действительно был, светлый, ясный, с прекрасными голубыми глазами. — А другой черный, и волосы черные, и глаза черные, и сам он смуглый.

И душа у одного светлая, ясная, добрая, а у другого какая-то темная. Как поигралась природа над двумя родными братьями!

Вот такой разговор у меня был с Рейснером после этого факультетского собрания.

В нашей партийной организации часто случались дискуссии, связанные с нашими партийными делами. Несмотря на то, что мы восстали против тех методов, что применяли Кара-Мурза и Найденов, вышедшие организации признали наши решения правильными. И главный зачинщик этого конфликта поплатился совершенно справедливо. Мне эта история кажется поучительной. Я думаю, что и в других партийных организациях тоже возникали подобные истории. Потому что кругом живые люди и разные люди. Вот один черный, другой белый. Душа у одного черная, у другого светлая, а ведь родные братья!

Китай¹

Начало работы

За неделю до поездки в Пекин ко мне пришла одна девушка из института иностранных языков. Она окончила аспирантуру, защитила кандидатскую диссертацию и была отправлена работать в институт иностранных языков в Пекине. Преподавать она должна была фонетику французского языка. Мы взяли билеты в одно купе, с нами ехали еще две женщины — жены специалистов, которые уже работали в Пекине.

Ехали мы в общей сложности семь дней и границу пересекали через Отпор, недавно построенную пограничную станцию. Там мы стояли пару часов, проходили пограничный контроль. Сразу за границей — станция Маньчжура. Первый дом, который мы увидели, был в полурусском-полукитайском стиле. Двухэтажный деревянный особняк, довольно красивый, с традиционной для Китая крышей, а основание — русское, и старенькие наличники.

По приезде в Пекин нас, советских специалистов, торжественно встречали. Мы вышли с вокзала на площадь, и меня сразу поразило, буквально ударило по сердцу невероятное количество рикш. Рикши, правда, в большинстве своем в Пекине в то время уже были на велосипедах. Но все равно — рикши. А были ведь рикши, которые сами бежали. Это так резануло по сердцу, стало так больно!

Но я заставила себя смотреть по сторонам, разглядывала всю эту экзотику, китайскую архитектуру — это, конечно, поражало, хотя я и была как-то подготовлена. Потом нас повезли в гостиницу, в которой

¹ К сожалению, в имеющихся кассетных записях ничего не говорится об обстоятельствах командировки С.И. Антоновой в 1955 г. в Китай. Сама она к ней относилась как к важной политической миссии, хотя некоторые коллеги (в частности, А.Л. Сидоров) отговаривали ее от этой длительной командировки.

Серафиму Ивановну встречают в Китае (1956 или 1957 г.)

мы должны были жить. Она еще строилась, но уже было пять корпусов. Сперва я немного поболела, потому что дорогой простудилась, у меня начался бронхит. Я пролежала десять дней в больнице — меня подлечили, а когда я вернулась к себе в гостиницу, ко мне приехал декан исторического факультета пекинского университета Цзянь Бозань с переводчиком.

Вскоре после моего приезда меня пригласили к ректору университета. Ректор Пекинского университета Ма Инчу, знаменательная личность, имел широкое европейское образование, окончил университет в Англии, учился где-то еще, и вообще был увлечен европейским образом жизни, любил европейскую кухню. В его кабинете висели европейские картины эпохи Возрождения — он был богатым человеком. Но самое главное то, что он был председателем Демократической лиги Китая. Вот такая личность. Одновременно он был избран и депутатом Всекитайского собрания народных представителей. Специалист по статистике. Когда мы были у него на приеме в административном корпусе, нас угощали чаем с какими-то сладостями. Еще на приеме был заведующий кафедрой всеобщей истории Ян Женбень, муж Чжан Чжунь Чу, он повел меня на факультет.

Факультетская территория, довольно обширная, была ограждена красивой каменной изгородью. Мы прошли значительную часть этой изгороди и пришли на ту часть территории университета, где были построены новые корпуса. Когда мы зашли за угол, я увидела толпу, которая вдруг закричала и замахала руками. У меня задрожали ноги. Я спрашиваю:

— Что это такое?

А мне переводчик Ван Чжу Дин говорит:

— Так это вас встречают!

Мне нужно было собраться, прежде чем мы дойдем до этой толпы, внушить себе, что это не меня встречают, какую-то там Серафиму Ивановну Антонову, а представителя Советского Союза, и я должна держаться как представитель Советского Союза. С двух сторон стояли шеренги студентов с цветами, мы подошли к подъезду, там я увидела транспарант: «Приветствие товарищу Антоновой!» Мы остановились на крыльце, начался произвольный митинг. Я обратилась к ним, поблагодарила, потом что-то еще такое говорила.

Могу сразу сказать: у меня было такое хорошее настроение и такой подъем душевных сил, что мне было легко! В этом, конечно, главная заслуга не моя, а именно китайских товарищей: студентов, аспирантов и моих китайских коллег — всех, кто меня так встречал. Стоит сказать, что они умеют к себе расположить. А чем дольше продолжалось наше знакомство, тем наши отношения становились теплее и ближе.

Этому также способствовало то, что они очень чуткий народ. Они понимали, что я к ним отношусь искренне, непредвзято, в отличие от многих наших специалистов, которые там работали. Один мне даже говорил: «Вы смотрите, это же Восток! Это хитрость, это лукавство! С Востоком нужно быть осторожнее!» А я ему в ответ говорила: «Как же вы приехали сюда работать? Значит, вы уже заранее настроились, что этим людям, с которыми будете работать, нельзя доверять? Я искренне к ним отношусь, а они платят мне той же искренностью». Видимо, это способствовало тому, что у нас сразу сложились хорошие отношения, а это мне очень помогало в работе.

С другой стороны, в Институте иностранных языков была Вера Васильевна Трунина из Ленинградского университета. Очень хороший человек и великолепный специалист. Она ко мне с большим пониманием относилась, говорила: «Прекрасно, что вам удалось так с ними хорошо сойтись». У меня со многими китайцами сохранились дружеские отношения и после того, как я уехала оттуда. Думаю, дело в том, что я была с ними искренна и откровенна.

Поначалу же помогало то, что 1955 год был насыщен юбилеями. В Иванове на научной конференции, посвященной пятидесятилетию революции 1905 года, я выступала с докладом по документам, которые тогда только выходили в многотомном издании революции 1905—1907 годов. Второй юбилей — это двухсотлетие университета. По этой теме мне тоже приходилось выступать — и аспиранты, и студенты у меня были по этой теме. Все это в Китае мне пригодило. Десятилетие Победы отмечалось скромно, широко праздновалось уже двадцатилетие. Мы, конечно, между собой отмечали, собирались, но не было массовых мероприятий — слишком тяжела была память об утратах людей, даже не сознавая этого, они хотели отойти, отдохнуть — очень тяжело было вспоминать родных и близких. В Китае я про войну рассказывала.

Потом, когда я вернулась, говорила, что в Китае я прожила вторую комсомольскую молодость. У меня был подъем, я могла импровизировать, и даже по предмету, в котором я совсем не была специалистом, скажем, искусство. Я всегда очень любила живопись, с детских лет. Здесь, в Китае, я понемножку рисовала какие-то картинки — море, на море одинокий парус, писала стихи.

Цзянь Бо-цзань

Вся эта дружеская обстановка, помогавшая мне чувствовать себя непринужденно, была создана, в значительной степени, благодаря декану исторического факультета Цзянь Бо-цзаню. В день 7 ноября 1955 года по приглашению Цзянь Бо-цзяня я впервые попала в китайскую квартиру. У него собралось несколько человек, сотрудники нашего исторического факультета. Главным образом с кафедры всеобщей истории и еще два или три заведующих с других кафедр по истории Китая.

Было обильное угощение, специально, видимо, приготовленное, все очень вкусное, по-китайски сделанное. Передо мной лежали и палочки, как у всех других, и вилка с ложкой. Я не буду описывать сам обед, потому что он был довольно однообразный, традиционный: много закусок, вначале холодные, потом горячие. После того как пообедали, был разговор на какие-то общие темы, мы перешли из столовой в гостиную. Столовая — маленькая комната, огромный круглый стол занимал почти все место. Из этой комнаты мы перешли в гостиную, там был маленький столик, диван, ковер. Мне показали церемонию чаепития: довольно красивая картина, ее можно описать. Кто-то сидел в кресле, кто-то на диване перед небольшим низким столиком,

а один профессор, Дам Же Дам, с которым мы потом очень дружили, полулежал на ковре. Чай налили в обычные стаканчики, но сверху плавали лепестки жасмина, мы сидели и разговаривали.

Потом Цзянь Бо-цзянь пригласил меня в свой кабинет:

— Пойдемте! Я покажу, почему я пригласил вас к себе в гости в день Октябрьской социалистической революции.

Оказывается, мотив был такой: он хотел меня познакомить с книжкой, переведенной им самим с китайского на английский язык (русского он не знал, а английским владел великолепно) — речи Сталина о коллективизации, в частности статья «Головокружение от успехов». Книжка эта была переведена еще до 1949 года на юге Китая, где сотрудничали с советскими специалистами. Она нелегально распространялась по Китаю еще при правительстве Чан Кайши. Вот такой эпизод, который меня сразу познакомил с важной стороной биографии Цзянь Бо-цзяня.

В конце того учебного года (1955—1956) я была приглашена к нему еще раз. Беседа была уже более оживленная, хотя она и первый раз была непринужденная — Цзянь Бо-цзянь умел вести разговор, он остроумный, очень веселый человек. Во второе посещение его квартиры, пожалуй, была та же самая компания, что и первый раз, но все активно принимали участие в беседе.

И был один немножечко комичный эпизод. Цзянь Бо-цзянь сказал:

— Вот, Андунова-тунчжи¹ очень хорошо работала. Мы ей благодарны. Она показала нам пример самоотверженного отношения к труду. И все наши преподаватели тоже немного подтянулись — раз советский специалист так самоотверженно работает, значит, нам нужно тоже подтянуться. Это очень хорошо. Мы ей за это благодарны. Но я все-таки выскажу свое критическое замечание Андунова-тунчжи.

И такая в мою сторону лукавая улыбка.

— В чем же дело?

— Вот Лох — немецкий специалист из ГДР и его жена Хельга Лох в зимние каникулы на самолете облетели почти весь Китай. Побывали в разных городах, а Андунова-тунчжи сидела все каникулы в Пекине, в гостинице, в своем номере. Это очень жаль. Нужно Андунова-тунчжи познакомиться с Китаем.

Я встала и ответила ему:

— Очень хорошую тему вы затронули, Цзянь Бо-цзянь, я вам должна признаться: для меня огорчительно то, что я не смогла на каникулах побывать в каких-то других городах Китая. Но в эти каникулы я болела гриппом, а когда я немного пришла в себя, уже было поздно ехать

¹ Товарищ Антонова — так С.И. Антонову называли в Китае.

куда-то далеко, отправляться в путешествие по стране. Но у меня была устроена автобусная экскурсия в Тяньцзинь, который расположен недалеко от Пекина. Я теперь представляю себе, что это за город такой: полукитайский, полеевропейский, полуюпонский, там есть различные кварталы, город очень перенаселен. Интересно, конечно, было. Но в целом критику Цзянь Бо-цзяня я принимаю на свой счет, оправдания у меня только то, что я была больна. А кроме того, Цзянь Бо-цзяню я отвечу так: Лох летал на самолете, смотрел сверху на Китай, на жизнь страны, а я, когда немножечко выздоровела, много путешествовала по Пекину. Смотрела снизу, знакомясь с достопримечательностями Китая, с китайским народом.

Это действительно было так. С одним из моих коллег — Ван Юан Та¹, из Народного университета, он там заведовал кафедрой русской истории и литературы, очень симпатичный хань. Ван Юан Та приходил ко мне каждую неделю на консультации, мы с ним находились в хороших отношениях, и он мне предложил свои услуги — быть гидом по Китаю. В частности, мы с ним почти прошли длиннейшую улицу — Люличан.

Эта улица очень узкая. И с той, и с другой стороны улицы первый этаж домов (а дома там почти все двухэтажные) занимают антикварные лавочки: двери раздвигаются в стороны, и ты сразу же видишь набор всяких антикварных товаров. Керамика, резьба по дереву, резьба по камню — чего там только нет, экзотические фонари для освещения, зонтики из разных времен, веера, и проч., и проч.

И я, конечно, должна была что-нибудь купить там. Меня заинтересовала перегородчатая эмаль XII—XIII веков. Я купила две небольших вазочки, немного помятые от старости, оттого, что много веков они где-то были. Наверное, в одном магазине, в другом магазине, перекупались. Большие я не могла взять, нужно было что-то такое, чтобы удобно было транспортировать. Хороший зеленый тон, не очень яркий, какой-то такой глубокий зеленоватый изяшный тон и цветочный орнамент. Я хотела купить одну, а продавец говорит:

— Как же так — две нужно обязательно!

Тогда Ван Юан Та смущенно мне объясняет:

— Серафима Ивановна, такой обычай! Обязательно две нужно покупать.

Такая традиция: должно быть что-то парное, тарелка ли, настенное украшение — не важно. Я купила две тарелки, они у меня долгое время стояли в Раменском у сестры, теперь у родственников.

¹ Либо Ван Дуан Та.

Мы получали большую зарплату в Китае: наше правительство нам платило, и китайцы платили довольно много. После первого года моей работы там, мы — коммунисты (наша коммунистическая организация была создана там по производственному принципу), работники народного образования и культуры, сами предложили наполовину сократить нашу заработную плату, чтобы мы получали не восемьсот юаней (а восемьсот юаней — это в два раза больше, чем Мао Цзедун получал). И нам сократили, сделали четыреста пятьдесят юаней, вполне достаточно для того, чтобы прожить.

Еще на улице Люличан был большой дом, тоже двухэтажный. Внутри большое помещение, которое служило музеем. Но музеем не только для хранения каких-то произведений искусства, живописи, но и для хранения и, главное, использования станков, на которых делались копии ручным способом. Я не могу точно описать, как были устроены эти станки, но знаю, что они фигурные, заполнялись в свое время краской, потом туда накладывалось что-то и отпечатывалось. Таким способом были написаны длинные картины XVII века, у меня есть две такие. В этом музее было еще очень много картин Ци Байши — это современный для того времени художник, считался в Китае ведущим. Он написал много картин на производственные, сельскохозяйственные темы. У него была особая манера: он проливал большую каплю краски или туши, а потом от этой кляксы делал роспись.

Также с Ван Юан Та связано мое знакомство с законодательством по сокращению рождаемости в Китае. Законодательству по этому поводу положила начало буржуазно-демократическая революция. Были приняты меры, чтобы перевязывать женщинам трубы, нужно было сократить рождаемость. Потом принимались еще какие-то меры, чтобы не было больше одного-двух детей.

После того, как Хань, жена Ван Юан Та, родилась первым сыном, он пришел ко мне с восторгом: «Серафима Ивановна, у нас родился сын, и мы хотим, чтобы вы были его бабушкой!» Я, конечно, согласилась. На другой год он ко мне пришел очень печальным, я это заметила и стала его допрашивать:

— Ван Юан Та, что случилось?

— Нет, нет, ничего, Серафима Ивановна, все хорошо... все нормально.

— Нет, вы от меня что-то скрываете! Скажите, что у вас случилось.

Он отказался, мы с ним начали консультироваться по вопросам истории нашей страны. Потом я вижу, он сидит, наполовину слушает — наполовину нет. Я говорю:

— Ван Юан Та, вам не до консультаций, я вижу. Все-таки, что случилось? Вы мне расскажите, нам будет легче с вами разговаривать.

— Ну ладно, Серафима Ивановна, большая у нас неприятность.

— Какая?

— У нас еще один ребенок родился.

— Боже мой! Ван Юан Та, какая же это неприятность? Это радость! Я бы на вашем месте радовалась — еще один ребенок родился, и тоже мальчик, прекрасно!

— Серафима Ивановна, знаете, как неудобно, как неприятно. Мы с женой, конечно, радуемся, потому что это ведь наш ребенок, но коллеги-то все осуждают, потому что это нарушение законов! А если еще будет — уже совсем плохо.

Вернемся к ответу на замечания Цзянь Бо-цзяня. Второй момент, который я отметила: я эту критику (что я мало ездила по Китаю) приняла еще и потому, что, когда я уезжала из Москвы, мой декан исторического факультета академик Арциховский сказал: «Серафима Ивановна, вы ведь до сих пор не удосужились побывать в Новгороде Великом, посмотреть наши археологические раскопки», — а тогда уже появились берестяные грамоты, открытие прогремело на весь мир, и продолжил: «Но если вы не попутешествуете и по Китаю, не посмотрите места, лучше не возвращайтесь на исторический факультет». Поэтому я сказала Цзянь Бо-цзяню: «Я прислушаюсь к вашей критике и обязана отчитаться перед своим деканом, но, вероятно, в этом году я уже не успею (потому что это был уже конец учебного года, и я должна была улететь в Москву на каникулы), если удастся, то на будущий год я постараюсь побывать». Я это сказала просто так, не имея в виду, оставят или не оставят они меня в Китае, не думала об этом.

Прогулка по Пекинскому университету

Перед тем, как случилась вторая встреча на квартире у Цзянь Бо-цзяня, в течение целого дня мои слушатели водили меня по территории университета, знакомили с разными местами. Это было очень интересно, потому что, проработав с сентября до конца мая, я не имела возможности познакомиться с территорией университета, настолько я сама себе дала много работы. А территория оказалась очень интересной. Вся она была обнесена довольно высокой каменной стеной, посреди территории был вырыт довольно большой пруд, посреди пруда — небольшой островок, на островке находился построенный в китайском стиле с такими красивыми зелеными крышами «Домик приемов», так

он у них назывался. Прежде всего мои слушатели повели меня в этот Домик приемов, мы прошли по экзотическому мостику, и там нас встретило незатейливое угощение: сладости и чай. Но главное было — беседа, мы подводили итоги учебного года.

Мои слушатели — аспиранты и преподаватели истории нашей страны, прикомандированные ко мне из разных вузов Китая, их было 17 человек. Еще приходил кто-то из города, приходили преподаватели из пединститута, которые также слушали мои лекции. Они хотели, чтобы был подведен итог, чтобы я сказала, как они занимались, дала оценку их работам. И я сказала, что занимались все очень хорошо, что я удовлетворена их работой. Более того, я сказала, что их отношение к учебе вселяло в меня очень хорошее настроение, бодрость, вдохновляло меня. Может быть, я не всегда могла удовлетворить их любопытство, но я старалась это сделать.

Они тоже должны были мне сказать: как и что, высказать какие-то пожелания, если нам придется дальше продолжать работу. Они сказали:

— Вы нам очень много дали (и проч., и проч.), но мы хотим узнать, как нам летом работать, что нам читать, чем заниматься?

На это я ответила совершенно решительным «нет»:

— Заниматься ничем я вам не советую, вы так много трудились — отдохните! Единственное, что я могу вам пожелать — почитайте русскую литературу, чтобы закрепить свои знания по истории и литературе, и главное, чтобы расширить свое знание русского языка. Для этой цели я принесла вам книги.

Я заранее заготовила: привезла несколько пачек книг из Москвы, а большую часть купила в Пекине, там был магазин иностранной, главным образом русской литературы. Я купила разные рассказы — Чехова, Горького, что-то из советской литературы, в общем, очень много привезла.

— Но я не делала заранее надписи каждому из вас, все зависит от того, что вы выберете, вот выбирайте сами! Я всех вас одинаково люблю, но вкусы у вас разные, вот сами и выбирайте.

Они тщательно выбирали книги, потом приносили ко мне, чтобы я сделала надпись, какие-то пожелания высказала. Помню, пишу одной студентке на титульном листе, а она с большим вниманием смотрит и мне все время говорит:

— Побольше напишите! Побольше!

Потом мы пошли гулять по территории. Территория тоже очень интересная, пересечена довольно узкими каналами, через эти каналы перекинуты какие-то небольшие экзотические мостики. Возле центральных ворот стоят «Ши Дзе» — каменные львы-охранители. Где-то

На приеме: Серафима Ивановна с китайскими коллегами во время командировки (1955–1957)

был устроен тропический уголок: камни, камни, а среди камня — растет пальма или несколько пальм. В общем, довольно экзотический парк. Среди парка старые университетские здания, построенные в старинном стиле, хотя сам университет построили в конце 90-х годов XIX века, причем, кажется, строили англичане, но они старались придать старинный китайский колорит. За пять лет, с 1949 года, были пристроены несколько новых типовых корпусов для разных факультетов, однако их крыши также были выполнены в старинном восточном стиле.

В конце прогулки мы сфотографировались всей группой, а потом они попросили меня сфотографироваться отдельно с Ци Нархой. Ци Нархой была моей аспиранткой. Я ей как-то сказала, что она очень похожа на Улю Грому из «Молодой гвардии», она очень этому обрадовалась. Оказывается, они все уже прочитали «Молодую гвардию» и знали каждого персонажа. Потом она мне как-то сказала: «Серафима Ивановна, разрешите, я вас буду мамой называть». Я говорю: «Очень хорошо, а я вас тогда буду дочкой называть». Вероятно, поэтому группа и предложила: «Вот вы с дочкой сфотографируйтесь отдельно».

После этого был прием у Цзянь Бо-цзяня, и через несколько дней я уехала на каникулы.

Занятия

Чтобы закончить рассказ о первом учебном году, нужно, наверное, сказать о том, как шли занятия. Когда я приехала в Пекин, я должна была пойти в наше посольство в отдел, который занимался культурой и образованием. Я спросила начальника этого отдела, как мне читать курс, но он оставил все на мое усмотрение. Прежде всего я должна была определить сама объем и содержание курса, а так как мне нужно было читать с древнейших времен до наших дней, приходилось распределять материал таким образом, чтобы успеть за два года дать весь курс. Дополнительное время отнимал перевод. Советские специалисты, как правило, делали так: лекцию писали заранее, приходили, говорили несколько фраз о том, чему посвящена лекция, а потом читал переводчик. Однако я с самого начала спросила студентов, хотят ли они так слушать, или стоит попробовать синхронный перевод. Смотрю, они заулыбались все, говорят: «Ой, как хорошо! Нам это интересно! Мы будем слушать — это нам нужно и для усвоения русского языка и вообще интересно».

Действительно, было интересно. Старшим переводчиком считался Ван Дзюндзин, но он не был историком по образованию, просто окончил курсы русского языка и довольно хорошо переводил бытовой разговор. Однако перевод исторического текста требовал специальных навыков, потому мне переводил Чжан Гуандан, очень талантливый человек, мой аспирант, прекрасно знавший и русский, и английский, и французский язык, и еще при мне он начал изучать немецкий. Говорят, что он стал очень крупным историком, но уехал из Китая и живет где-то в Соединенных Штатах. В 1998 году мне передали записку от профессора Джан Чжеляна, в которой он сообщал о том, что собирается приехать в Москву и, между прочим, упомянул, что Чжан Гуандан навсегда уехал из Китая.

Ван Дзюндзин, старший переводчик, все рвался перевести и однажды уговорил меня. Я предварительно с ним поработала, весь текст ему рассказала и написала. Попалась лекция о Куликовской битве. Я принесла на лекцию две репродукции картин Бубнова «Утро на Куликовом поле» и Авилова «Поединок Пересвета с Челубеем на Куликовом поле». Я им рассказываю:

— Вот посмотрите, как одно и то же событие отражено разными художниками. Художник Бубнов показал это событие статично: они стоят, напряженно, но недвижимо. У Авилова — другое. У него они тоже напряжены, чувствуется какое-то движение, и оно помогает осо-

знать и понять, почувствовать движение природы — ветер колышет траву, облака напряженно бегут...

И вдруг Ван Дзюндзин запнулся. И никак не может ничего перевести, потом что-то сказал, и они засмеялись. Я говорю:

— В чем дело?

Тогда моя подруга Чжан Чжунь Чу, преподаватель русского и истории на филологическом факультете, куратор моей группы переводчиков, с улыбкой сказала:

— Серафима Ивановна, Ван Дзюндзин не смог перевести того, что вы рассказывали, и сказал: «Здесь Серафима Ивановна что-то очень красивое говорит, а я не могу перевести», вот ребята и засмеялись.

Вот такой был случай.

Позже он как-то помогал мне переводить на консультации. Я отвечала на вопрос о первой Думе, и вдруг слышу: «быльшевики, мыньшевики». Я говорю:

— Подождите, что такое? Почему вы эти слова употребляете?

— Ну как же, будьшевики и мыньшевики борьбу вели...

— Причем же здесь выборы в первую Думу-то? Большевики не участвовали в выборах в Думу, в этом-то вся и суть вопроса! Вот вам доказательство, что для того, чтобы переводить лекции, нужно обязательно вникать в суть вопроса и знать историю.

Лекции длились по три часа и даже больше. Я приходила к семи часам утра, и только в 11 часов заканчивались лекции, начинался двухчасовой перерыв на обед.

Во время каникул я, конечно, могла остаться в Китае и, как некоторые другие советские специалисты, поехать на курорт в Циндао, на побережье океана. Но я решила, что поеду в Москву проконсультироваться, поговорю с историками в связи с XX съездом партии, состоявшимся в начале 1956 года. Ведь многое изменилось в связи с осуждением культа личности Сталина, и в связи с этим шла переоценка и исторической роли Сталина.

Китайцы в Москве

Цзянь Бо-цзянь жаловался: «Советские специалисты очень охотно к себе приглашали в гости китайцев, а к китайцам мало, неохотно идут. Наверное, боятся, как бы что там лишнего не сказать, лишнего не выдать и не попасть впросак». И хитренько улыбаясь, смеялся. Я тоже засмеялась и пошла к нему, а заодно пригласила в Москву.

Перед отъездом мы договорились с китайскими товарищами, что когда они полетят в Париж на симпозиум китаеведов, то по дороге останутся в Москве не меньше, чем на неделю, и там я познакомлю их с нашими историками-отечественниками. Дело в том, что китайские историки хорошо знали наши работы по всеобщей истории, в частности, знали фамилию Сказкина, археолога Киселева, а ученых, изучающих отечественную историю, они знали мало. Когда я приехала в Москву, я прежде всего связалась с Михаилом Николаевичем Тихомировым, который в это время у нас на историческом факультете создал кафедру источниковедения и одновременно продолжал заведовать отделением истории АН. Схожие должности, кстати, занимал и Цзянь Бо-цзань, который в Китае был деканом факультета и одновременно заведовал отделением истории Академии наук.

Я просила Михаила Николаевича организовать прием в отделении истории. Самой сильной у нас тогда была секция отечественной истории. Михаил Николаевич в то время был не очень здоров, только вышел из больницы, однако сказал: «Хорошо, Серафима Ивановна!» и поручил организацию этой встречи моему бывшему однокурснику Сергею Прасолову. Помимо этого, я готовилась дома — прежде всего я должна была устроить русский обед.

Встреча состоялась в Институте истории. В большом конференц-зале собрались человек 20 историков: были там Аркадий Лаврович Сидоров, Дружинин, Нечкина, Кислов и другие. Открыл встречу Михаил Николаевич Тихомиров, который вообще не любил и не очень умел произносить приветственные речи. Слабым, больным голосом он сказал:

— Ну вот, товарищи дорогие, мы вас приветствуем, мы рады вас встретить здесь, и давайте мы с вами по-дружески будем беседовать, свободно, раскованно, как друзья.

Михаил Николаевич произнес эти слова очень напряженно, и они только еще больше всех сковали, я сидела и думала: «Боже мой, что же получится за беседа-то? Как неудобно!» В ответ на такое приветствие Тихомирова Цзянь Бо-цзань с хитренькой улыбочкой (а может быть, мне только казалось, и такая хитринка просто свойственна уйгурскому типу лица) говорит:

— Да, дорогие вы наши учителя, мы у вас учимся...

Тогда Сидоров Аркадий Лаврович, весь высокий, мощный, немножко сжался и говорит:

— Ну нет, ну какие учителя, да что вы, нет.

А Цзянь Бо-цзань сразу подхватил:

Встреча в Москве по возвращении из Китая: слева — сестра Вера, справа — Полина и коллега Серафимы Ивановны

— Нет, вы, пожалуйста, не отказывайтесь. Нам очень нужно, очень важно, чтобы вы были нашими учителями, нам действительно есть, чему у вас учиться.

И он это как-то так обыграл, что все сразу оживились, и появилась какая-то свобода, началась интересная беседа.

Потом они поехали ко мне, там был приготовлен стол. Главное, что там было — пирожки! Прекрасно испеченные маленькие пирожки с мясом. Испекла их большая мастерица, мама моей приятельницы Марлены Сергеевны Симоновой¹. Кроме того, там были еще всякие закуски, салаты, — полон стол. Комната у меня тогда была небольшая, но народу набилось много: моя мама, племянник Валентин (ему тогда было восемь лет, я их заочно свела с дочерью профессора Джан Чжеляна Джаной Тун, и они переписывались), Тамара Дмитриевна Ионкина (моя подруга), переводчики и четыре человека со стороны китайцев.

¹ Симонова Марлена Сергеевна, ученица С.И. Антоновой. Кандидат исторических наук, работала в ИРИ РАН.

На другой день ко мне пришел Джан Чжелян, специалист по истории Великой Французской революции и Парижской коммуны, а не китаевед, но он хорошо знал французский язык, слушал лекции в Сорбонне, поэтому был непременным членом всех делегаций во Францию. Он пришел попросить, чтобы я его проводила в библиотеку Академии наук, которая тогда была на улице Фрунзе, и помогла договориться с заведовавшим ею членкором Академии наук Виктором Ивановичем Шумковым о передаче части книг-дублетов в Пекинский университет. Мы обо всем договорились, но, главное, Виктор Иванович предложил купить очень дешево целую библиотеку одного умершего профессора-историка, состоящую из 12 тысяч книг. Кроме этого, в нашей университетской библиотеке мы договорились о том, что в Пекин будет послано полное собрание законов Российской империи и собрание распоряжений Российской империи. Потом об этом писали в статье, которую опубликовал Джан Чжелян в газете «Дружба» и в газете «Жэньминь жибао» осенью 1956 года.

В Раменском после поездки в Китай. Слева направо: сестра Полина, племянник Валентин, сестра Вера, аспирантка из Китая, Василий Филиппович (муж Веры), мать Ксения Петровна, Серафима Ивановна

Еще перед встречей в Институте истории мы зашли на факультет. Там нас встретил Арциховский, бывший в то время деканом, и сразу же, только поздоровавшись, начал спрашивать Цзянь Бо-цзяня: «А чем же у вас в конце концов закончилась дискуссия относительно периодизации рабовладельческого строя?» Впоследствии Джан Чжеляна в своей статье «Воспоминания о Москве» писал, как его поразило этот истинный ученый, безо всяких проволочек сразу начавший ученый спор. Потом мы пошли на кафедру новой и новейшей истории, где находилась интересовавшая Джан Чжеляна литература по Парижской коммуне, там же он познакомился с профессорами, занимавшимися Францией, в частности, профессором Желубовской, ему подали издание протоколов Парижской коммуны.

Второй год в Китае. Командировка

Второй учебный год тоже был насыщен, но мне пришлось несколько сократить его, потому что я серьезно заболела: у меня обострился радикулит, вышла из строя правая нога, но меня подлечили.

В мае 1957 года по инициативе Цзянь Бо-цзяня Министерством высшего образования для меня была устроена командировка. Продолжалась она 20 дней. Я побывала в таких городах, как Нанкин, Ханчжоу, Сучжоу и Шанхай. Немного позже я еще опишу каждый из них, но сначала расскажу о самой организации. Со мной поехали два переводчика. Одна из них — Чжан Чжэн Чжин была, кроме того, консультантом. Она была из Сучжоу, работала в педагогическом институте в то время и прекрасно знала условия, в которых предстояло работать. Второго переводчика звали Чжан Гуандан.

Нанкин

Сначала мы приехали в Нанкин. Рано утром, часов в семь утра, нас встречали два товарища: декан исторического факультета Нанкинского университета и господин, фамилию которого я не помню, но он был профессором этого же университета. Мне сразу бросилось в глаза, что он шикарно одет. Потом я вспомнила, что видела его годом ранее, весной, в пекинском университете на большом собрании историков Китая. Тогда ему пришлось выступать с ответом на очень жесткую критику его деятельности со стороны коллег, историков Китая. Суть их критики была в концепции истории Китая. Дело в том, что тогда касательно этой темы шла борьба между марксистской и буржуазной

концепцией исторического развития. Причем в последней выделялись два течения. Первое, компрадорское, следовало западному образцу в написании истории Китая и, кроме того, утверждало, что страна может развиваться только при поддержке западного капитала. Второе отстаивало тезис о том, что Китай может развиваться на своей собственной, национальной основе.

Так вот этот профессор был якобы представителем первой, компрадорской линии буржуазной концепции. Он появился на трибуне в традиционной для того времени одежде: в темно-синей поношенной робе, таких же темно-синих брюках, тоже темно-синей и тоже поношенной куртке, но все равно обращал на себя внимание. Мы с переводчиком сидели в первом ряду, и я его хорошо разглядела. Из-под старой робы выглядывала белоснежная сорочка, шикарный галстук и золотая, на вид очень дорогая заколка для галстука. Это было за год до нашей встречи в Нанкине.

А уже в конце 1956 — начале 1957 года правительство Китая объявило курс на развитие всех наук: «пусть расцветают все цветы, пусть соперничают все науки». Впоследствии эту формулировку несколько ограничили: «Пусть расцветают сто цветов, соперничают сто наук». Поэтому этот же самый профессор, астроном, получил кафедру и демонстративно пришел встречать меня в своем шикарном костюме. Я его тогда даже не узнала сразу, а он мне помог, подсказал с улыбкой: «Вы меня, по-видимому, не узнаете. А помните, я тогда выступал... А теперь я получил право вернуться к преподаванию, читать лекции, и вот все, как раньше». Я ему что-то ответила в шутку.

Декан произвел на меня положительное впечатление: серьезный, деловой человек, хороший организатор. С дороги он сразу пригласил нас в гостиницу. Там мы должны были позавтракать и отдохнуть, но сначала сели за стол, чтобы обсудить план моего пребывания в Нанкине. Два дня, которые я собиралась там провести, были рассчитаны буквально по часам, все прекрасно организовали. К слову, в моем путешествии по другим городам и их университетам все было также удачно организовано.

После завтрака в гостинице я немного отдохнула. Гостиница была хорошая, довольно большая, у меня был отдельный дом, у моих переводчиков тоже были отдельные помещения. Днем мы пообедали в гостинице, после чего нас повезли в горы. По дороге мне особенно запомнился большой мост через реку Янцзы. Нас везли к мемориальному комплексу Сунь Ятсена, который находился в горах. Фигура Сунь Ятсена очень важна для Китая. Это широко известная личность, государственный, общественный деятель, демократ, идейный вдохновитель

китайской буржуазно-демократической революции 1911–1912 г. Монархическая власть была свергнута, в результате революции в Китае была создана буржуазная республика. Потом, конечно, была известная реставрация. Тогда Чан Кайши, хотя и шел к власти под демократическими лозунгами, фактически стал диктатором. Об этом много написано, я на этом не буду останавливаться.

Сунь Ятсен умер в 1925 году, и ему возвели мавзолей в Нанкине. Могила находилась на большом возвышении, нужно было подняться по мраморным ступеням, — а их около трехсот¹.

Когда мы все-таки поднялись и предстали пред могилой этого великого деятеля, мне вспомнилась лекция Георгия Сергеевича Карамурзы о последних годах жизни Сунь Ятсена (о которой я рассказывала выше). На вершине была построена гробница в виде мраморной ротонды. Обычно к ней приезжает много людей, но в этот раз посетителей было мало. Наш подъем на эту гору был знаменателен еще и тем, что оттуда было очень хорошо видно окрестности: невысокие, но красивые зеленые горы, все в лесах. Что-то вроде сопок, как в Прибайкалье — я как-то там была.

Мы вернулись домой вечером, на следующий день я должна была выступать перед студентами. Во всех четырех городах тему — в рамках истории нашей страны — я выбирала сама. В одном случае я читала лекцию по историографии русской революции 1905–1907 годов, причем стержнем этой лекции была идейная борьба в историографии. В то время это было очень актуально, свежо — совсем недавно был отпразднован юбилей Первой революции. В другом случае я посвятила свой рассказ историографии истории пролетариата. И в первом, и во втором случаях главное внимание было уделено борьбе между марксистской и буржуазной историографией. Если точнее, противоречиям между оценками большевиков и меньшевиков, большевиков и кадетов, а также аргументам антисоветской историографии.

Итак, на второй день моего пребывания в Нанкине я отправилась читать лекцию. Мне предстояло выступать в одной из огромных аудиторий Нанкинского университета. При этом аудитория была забита студентами до отказа, кроме историков были и студенты с других факультетов. Окна были распахнуты настежь, а за ними, на улице, стояли не вместившиеся. Лекция проходила с синхронным переводом, переводчик, конечно, был заранее подготовлен. Думаю, что мое выступление всем понравилось, потому что после него мне долго аплодировали,

¹ Мавзолей располагается на горе Цзыцзиньшань. Мраморная лестница, ведущая к нему, на самом деле насчитывает 392 ступени.

хотели познакомиться поближе, окружили меня и стали задавать вопросы.

Во второй половине дня, после обеда, мы поехали знакомиться с городом. Когда-то Нанкин был столицей Китая. В городе было много старинных, интересных, красивых зданий, дворцов, богатых усадеб богачей и ханов. Еще мы побывали в довольно любопытном краеведческом музее.

На следующий день с утра я выступала перед преподавателями. Их собралось человек 30. Лекция была на заранее оговоренную тему: китайцев интересовало состояние исторической науки в нашей стране после XX съезда. С XX съезда к тому моменту прошел как раз год.

Ханчжоу

После обеда мы отправились в Ханчжоу. Этот город достоин отдельного упоминания. Он расположен на берегу большого, но неглубокого озера, которое называется Сиху. Сиху как будто обрамлено лесистыми горами. Сквозь пышные деревья то и дело проглядывает то какой-нибудь красивый дворец с черепичной крышей (типичной для китайской архитектуры), то высокая пагода, то фабрика, где ткали знаменитые шелковые картины и делали красивые ширмы. Китайцы говорят про этот город: «На небе — рай, а на земле — Ханчжоу и Сиху».

Город очень древний, в нем сохранилось много памятников архитектуры. В краеведческом музее я не знала, чем больше любоваться: изделиями ли народного творчества и произведениями известных художников, или дежурившими там девушками и экскурсоводами-китайками — до того они были красивы! Я вообще обратила внимание на то, как много красивых девушек в центре Китая, южнее Пекина. Это центр ханьской нации.

На следующий день после этой экскурсии я читала лекцию для студентов пединститута Ханчжоу. Аудитория была такая же большая. Я вела речь об историографии истории пролетариата. На лекции присутствовал декан исторического факультета. Когда я закончила (лекция тоже прошла удачно), он подошел ко мне с задумчивым видом и сказал: «Вот я думаю, как ведь все-таки интересно получается. Оказывается, идейная борьба — это историография!» Для него это было целым открытием, а для нас это, безусловно, аксиома. Мы вели идейную, классовую борьбу. А его удивило, что это было стержнем моей лекции.

После обеда декан и его супруга пригласили меня покататься на лодке по озеру Сиху. В большой лодке поместились декан, его очарователь-

ная жена, я и двое моих переводчиков. Лодка была очень красивая, с навесом, посередине стоял стол, вокруг него — скамейки. На столе стоял большой особенный чайник, чашки и чай. Специально для меня подали сахар — сами китайцы чай пьют без сахара. Специальный человек, что-то вроде кормчего, но с шестом, управлял лодкой. И вот мы тихо плыли вдоль этого озера, пили чай и разговаривали. Приплыли к беседке, которая находилась прямо посреди озера, — с берега к ней шел очень красивый извилистый мостик. И мостик, и беседка показались мне весьма экзотическими. С беседки мы любовались озером и окрестностями.

На следующий день я прочитала лекцию для преподавателей, а потом мы поехали в Сучжоу.

Сучжоу

Ехать в Сучжоу пришлось в общем вагоне, потому что в купе мест не было. В вагоне были сидячие места в огороженных купе на четырех человек. В центре был столик с кружками. Когда поезд тронулся, проводник стал разносить чай. Даже спрашивал у нас, какой мы предпочитаем, черный или зеленый. Мы, конечно, выбрали зеленый — я к тому моменту уже знала, насколько он вкусен и полезен, до сих пор его покупаю. С кипящим чайником проводник проходил два раза, вот уж не знаю, что они делают, чтобы так долго сохранялся крутой кипятком.

Самой замечательной частью поездки стал прекрасный вид из окна на канал — с одной стороны, и на террасы — с другой. Во время пути была остановка, и мы вышли рассмотреть канал с поверхностью, как зеркало, и террасу, где работали люди, убирали рис. Они использовали специальный насос, который приводился в действие с помощью колеса, в котором бегал китаец. У него были подвернутые выше колена штаны, ноги в грязи, белая хлопчатобумажная рубашка, вся пропотевшая, соломенная шляпа, — и очень суровый вид. Мне хорошо запомнилась эта картина.

В дороге я была, видимо, слишком задумчива, и мои спутники стали меня расспрашивать, почему.

— Вот вы — китайская интеллигенция. Насколько вы далеки от народа, настоящего китайского народа! Я сейчас увидела этого работающего человека, прониклась огромным сочувствием к его труду и поняла, какой гигантский труд совершался многими поколениями китайских крестьян, чтобы создать виденные нами террасы рисовых полей.

С этим они согласились, но не с тем, что их интеллигенция далека от народа. Чжан Чжэн Чжин сказала:

— Мы же народная интеллигенция, вот я лично принадлежу к народной интеллигенции, в моей семье несколько поколений было народными учителями. А учителя — это не праздная интеллигенция, мы — народно-демократическая интеллигенция.

Потом я много думала об этом, многое узнавала и поняла, что Чжан была права: учителя — это особый, демократический слой интеллигенции. К ней же принадлежал и Цзянь Бо-цзань, хотя он был профессор, академик.

Так, за разговорами, мы приехали в Сучжоу. На вокзале нас встречал брат Чжан Чжэн Чжин, преподаватель, со своими двумя-тремя товарищами. Они сразу повели нас в старинный китайский ресторан. Он сохранился как достопримечательность, еще с XII или с XIII века, и все туристы из Европы, знающие историю Китая, стремились попасть в этот ресторан, ведь здесь готовят самую настоящую китайскую кухню. Это двухэтажное здание, деревянное и, кажется, с деревянной же крышей. Внутри мы прошли галереей, и под нами скрипели ступеньки из старого дерева. Шли мы довольно долго, минут пять-десять, через многочисленные комнаты. В одной из них для нас уже был накрыт стол с китайской кухней. Что там было — я сейчас уже точно не могу передать, что-то очень экзотическое. Я, конечно, все попробовала, но все мое внимание было направлено на то, чтобы понять моих собеседников. Чжан Чжэн Чжин познакомила меня со своим братом, и мы много говорили, причем Чжан Бао-да и сам участвовал в переводе.

Сучжоу — старинный город, в VI веке до н.э. он был столицей китайского государства. Здесь уже не такая природа, как в Ханчжоу, нет таких высоких гор, хотя расположены они не очень далеко друг от друга. С трех сторон город омывает Великий Китайский канал.

Собственно говоря, с городом я познакомилась во второй день моего пребывания там. Во второй половине того дня мне предложили вместе с местным археологом подняться на близлежащую гору. Китайцы ее называли «курганом», по-видимому, это и был какой-то искусственно насыпанный древний курган, потому что вокруг была долина. На вершине кургана была небольшая площадка, с которой весь город был как на ладони: он был квадратных очертаний с немного срезанными углами, с трех сторон окруженный каналом. С четвертой стороны была степь, а прилегающая к ней часть города была заселена японцами и называлась «японским кварталом». Это было нетипично для китайского города.

Сучжоу весь пересечен каналами, но уже в мою бытность там я не застала их в таком большом количестве, — многие к тому времени были

засыпаны. На некоторых нешироких улочках еще сохранилось сообщение на лодках. С кургана Сучжоу показался мне картинкой. Спустившись вниз, мы походили по его улочкам, посетили бывший дворец какого-то знатного вельможи, теперь там была фабрика художественных изделий. Впрочем, фабрикой это место называлось только из-за скопления людей. Если сравнивать с нашими реалиями, это было больше похоже на мануфактуру, где каждый человек занимался своим делом. Но в этом случае понятие мануфактуры не совсем применимо, потому что на мануфактуре производят какой-нибудь один товар, а на фабрике Сучжоу каждый мастерит свой, на специально отведенном станке, или с другим специальным оборудованием. Скажем, вышивальщица сидела со своими пяльцами (к слову, там делали знаменитые китайские вышивки, у меня есть одна такая вышивка, правда, из другой провинции, с птичкой), еще на фабрике были мужчины, которые работали на ручном стане. Станок управлялся ногами при помощи педалей, и из-под него выходило изящное узенькое полотно. Одним словом, под одной крышей были собраны самые разнообразные кустарные производства.

Когда мы ходили по Сучжоу, меня повели в один из их знаменитых садов, когда-то принадлежавший крупному вельможе XI–XIII века. До 1949 года этих садов было очень много, они принадлежали каким-то богатым людям. К моменту моего пребывания в Китае таких садов осталось порядка тридцати. К саду мы шли какой-то очень узкой улицей. Вдруг в одной из двух глухих стен показалась дверка — как будто только ручка в стене. Открывается эта ручка, а за ней изумительный сад! Как райский уголок, описанный в Библии. На небольшой территории есть и экзотический мостик через ручеек, и островок, и беседка на острове. В одном углу бамбуковая роща, в другом — экзотические животные. Дальше видим небольшое озерко, сплошь закрытое высоко накинутаой сеткой. Под этой сеткой по берегам кусты: розы, олеандры, и все цветет. Прыгают какие-то птички, крошечные попугайчики; все щебечет. И снова рощица. В ней я встретила женщин, простых китайок, довольно пожилых, с детьми на руках. Я захотела с ними поговорить, и через переводчика узнала, что они работают на местной фабрике и пришли погулять в свободное время. Когда-то они не могли сюда попасть, а теперь всегда гуляют здесь. Они были очень рады узнать, что я — советский человек. Вот такое у меня осталось впечатление от этой встречи.

Потом мы зашли в какое-то одноэтажное помещение, длинное, как барак, но крыша была черепичная — в китайском стиле. Внутри все разгорожено на несколько отдельных зал или комнат. Оказывается, здесь с XI века проходили собрания «годичников». Каждый год

собирались поэты со всего Китая и проводили между собой соревнования. Произведения лучшего стихотворца (а это звание присваивала когорта поэтов) могли быть напечатаны. С тех пор стены внутри были исписаны стихами. Их писали в течение нескольких веков.

Это было, как я уже сказала, во второй день. А в первый, с утра, мне предстояла лекция в пединституте. Там училось 12 тысяч человек, и это было самое крупное высшее учебное заведение в городе. Институт представлял собой огромное здание по типу сарая, внутри горкой были наставлены скамьи, над ними высилась довольно большая сцена для выступающего. В первые годы после революции так организовывали народные дома в деревнях. Молодежь сама устраивала сцену, ставила скамьи. Так вот, весь этот «сарай» был заполнен слушателями. Не успевшие занять место студенты стояли в проходах, стояли и близко к сцене. На передних рядах сидели девушки, тоже хань, очень красивые. И до того они были прекрасны с черными волосами, уложенными в косы, по две косы у каждой; глаза у них были, как спелые сливы, красивые, темно-карие, — что вместо обычного приветствия я обратилась к ним и сказала, что уже заранее очень сильно всех их люблю. Мой переводчик переводил это с улыбкой до ушей. Разразился такой гром аплодисментов, поднялась такая буря восторгов, что еще долго студенты не могли успокоиться.

Лекцию я снова посвятила историографии революции 1905 года. Все шло очень гладко, я чувствовала, что переводчик мой тоже на подъеме и прекрасно переводит, понимает меня буквально с полуслова. Когда начался полуторачасовой перерыв, все студенты остались и стали подходить ближе к сцене, тянуть руки, я попыталась спуститься к ним. Но директор института их от меня отстранил. Переводчица ему что-то сказала, чтобы он пропустил, а впоследствии, кстати, очень нелестно о нем отозвалась. Наконец я спустилась вниз, меня сразу обступила огромная толпа, и я чувствовала из-за спины, как чья-то рука тянется, чтобы дотронуться до моего плеча, до советского человека! Оказывается, советских специалистов до моего приезда в этом городе не было, разве что проездом, а жители так хотели пообщаться и даже прикоснуться, пощупать, что ли. Что-то в этом было удивительно трогательное и очень волнительное. Меня обступили очень близко, взяли в тесное кольцо, задавали вопросы. Директор очень волновался, что меня задавят, но все прошло хорошо. Вторую половину лекции студенты были более раскованы, но никто не разговаривал, слушали очень внимательно, боялись пропустить даже одно слово.

После этой лекции мы ездили на курган с археологом, а на следующий день у меня была лекция для преподавателей о развитии историче-

ской науки после XX съезда. Они задавали мне очень много вопросов и о развитии науки, и о самом съезде, о его влиянии. Я рассказала им и о выступлении Анны Михайловны Панкратовой на этом съезде по поводу издания произведений Ленина. После этой лекции я должна была уехать, но вышла из здания и застыла в растерянности: на лужайке стояла огромная толпа студентов. Оказалось, они пришли, чтобы со мной сфотографироваться. Вот мы и фотографировались: все вместе, и в группах, и по отдельности. Они не хотели меня отпустить. Когда я, наконец, стала садиться в машину, ко мне подошли две или три девушки и подарили художественные открытки со своими автографами. «Не забывайте нас, — говорят, — наши черные косы и наши глаза-ягодки». Я ответила, что не забуду никогда. Так мы и попрощались с ними в Сучжоу.

Шанхай

После Сучжоу мы поехали в Шанхай. Гостиница у нас была в центре города. Шанхай — это, конечно, своеобразный город, смешение китайского с европейским; отдельно расположен японский сектор, есть и русский, но небольшой (русских много на севере). Шанхай пересекает большая река, буквально заполненная пароходами, джонками и катерами.

Лекция в Шанхае была на ту же тему, что и предыдущие, но публика здесь уже была другая. Были студенты и очень много преподавателей-историков из разных вузов. В Шанхай к тому моменту уже приезжали советские специалисты. До меня там работал профессор нашего университета, философского факультета, Косичев¹. Это муж Марии Ивановны Орловой² — профессора кафедры новой и новей-

¹ **Косичев Анатолий Данилович** (1.7.1914, г. Москва — 8.3.2014) — доктор философских наук, профессор, специалист по истории социалистических учений, философии Л.Н. Толстого и др. В 1940 г. окончил исторический факультет 2-го МГУ, переименованного затем в МГПИ. Служил в армии (1940–1946), участник Великой Отечественной войны. С 1946 г. сотрудник философского факультета МГУ (старший преподаватель, доцент, профессор), в 1978–1986 гг. — декан философского факультета МГУ, зав. кафедрой истории марксистско-ленинской философии (1971–1989). В 1955–1957 гг. был профессором философии и советником ректора Шанхайского университета (Китай).

² **Орлова Мария Ивановна** (13.4.1921, пос. Вятский Мошковского р-на Новосибирской обл. — 21.8.2007, г. Москва) — д.и.н., специалист по истории Германии Нового и новейшего времени. В 1941 г. окончила Рязанское военное училище, командовала пулеметным взводом 9, затем ротой в Первой женской добровольческой бригаде. Войну закончила в звании ст. лейтенанта. После войны — сотрудник истфака МГУ, в последние годы — профессор каф. Новой и новейшей истории стран Европы и Америки.

шей истории. Он читал аспирантам и преподавателям Шанхая лекции по философии.

Мое выступление было адресовано в первую очередь именно преподавателям. Вопросов было много, после моей лекции даже началась дискуссия. Все прошло хорошо. Особенно мне запомнилось обсуждение по какому-то общему методологическому вопросу истории, который имел отношение к актуальной тогда для Китая дискуссии по истории страны. Вспомнили Цзянь Бо-цзяня, и кто-то то ли высказался в защиту его концепции, то ли просто о ней рассказал, но там было что-то дискуссионное. Видимо, речь шла о периодизации рабовладельческого строя в Китае. Арциховский спрашивал об этом Цзянь Бо-цзяня, когда китайцы приезжали к нам в Москву в 1956 году.

Кроме этой дискуссии запомнился еще сам город, его облик. Я вспоминала, что в 1926 году в Шанхае было большое рабочее восстание — так называемое Шанхайское восстание, о котором Сталин говорил на Первой всесоюзной конференции комсомола, где я присутствовала.

Хорошо помню и прощальный ужин. На самом деле, прощальные ужины были во всех городах, и каждый раз меня хотели угостить чем-нибудь особенным, отличным. В Нанкине, скажем, меня поразило, каким огромным было угощение: масса закусок, а в центре стола большое, овальной формы блюдо, и на этом блюде выложен дракон серо-зеленого цвета, с коричнево-лиловыми глазами и с усами. Оказалось, что это фаршированная рыба. На том ужине присутствовали три-четыре человека из руководства факультета, в том числе декан. В Ханчжоу тоже было что-то из рыбы, и в Сучжоу. В Шанхае рыба была приготовлена в одном случае в кисло-сладком соусе, а в другом — в каком-то бело-молочном, очень вкусном. Шанхайцы, конечно, ждали похвалы, и я сказала, что все очень вкусно. Тогда они задали провокационный вопрос: «А вот вы были в разных городах, и вас везде угощали, где лучше кухня?» Я не растерялась и ответила: «Везде очень вкусно, и со своей особенностью, со своей изюминкой в каждом случае». Они, конечно, посмеялись и сказали, что это ответ дипломата, причем в восточном стиле. На этом кончилось наше пребывание в Шанхае.

Мы приехали в Пекин поздно вечером, уже было темно. За нами на машине приехал Ян Джан-бей, заведующий кафедрой всеобщей истории, и он же — муж Зан-дун-Чжон. Он встречал нас (и заодно свою жену) от имени деканата. По пути в гостиницу нам сказали, что они уже знают, что в других городах все прошло хорошо и на высоком уровне. Вот таким было мое путешествие по Китаю. Я там кое-что

фотографировала, но, к сожалению, когда мы ехали, кажется, из Сучжоу в Шанхай, я разворачивала фото пленку у открытого окна, и ветер вырвал ее из моих рук. Очень много кадров пропало, было ужасно жаль. Кое-какие фотографии все равно остались, но не так много. Сувениров практически не осталось: некогда было, да и желания не возникало, такой насыщенной была программа. Правда, я купила себе босоножки. Ходить приходилось много, а мои были очень неудобными. Продавец, наверное, в первый раз видел советского человека, и нам пришлось долго объясняться по поводу размеров: у китайцев-то ножки маленькие.

Работа после Китая

Неприятности на факультете

Приехала я из Китая в июне 1957 года.

С одной стороны, этот год был для меня радостным. Я вернулась домой: почувствовала себя на родной земле, можно сказать, наконец-то очутилась в привычной обстановке, оказалась среди родной мне природы, по которой я скучала в Китае. В целом, мое пребывание в Китае оставило о себе только самые лучшие впечатления, но тем не менее я стремилась домой. Мне хотелось поехать в наш подмосковный лес, на станцию Мичуринец по Киевской дороге — походить по нашей высокой траве, полежать в ней, посидеть среди огромных ромашек...

С другой стороны, мое возвращение было связано с грустными известиями. В мае умерла Анна Михайловна Панкратова. Я глубоко переживала ее смерть; не только и не столько потому, что она была моим руководителем, и мы довольно близко сошлись после того, как я начала работать на факультете, а потому, что я видела в этой преждевременной смерти (а умерла Анна Михайловна в 60 лет, к ней можно полностью отнести фразы, которые часто говорят в подобных случаях: «ушла в расцвете сил, творческого таланта»): результат, во-первых, необыкновенного перенапряжения — все свои силы она отдавала работе, а во-вторых, ее бесконечной ответственности, с которой она подходила ко всей жизни в целом, к судьбе всего нашего государства. Также это было связано с той огромной общественной нагрузкой, которую она выполняла как член президиума Академии наук...

Были люди, по поводу которых она неосторожно замечала что-то критическое. Первоначально в людях заложено и хорошее и плохое, но со временем у многих развиваются именно отрицательные черты

Серафима Ивановна (примерно 1961 г.)

характера. Вокруг А.М. Панкратовой таких людей оказалось немало. Я не имею в виду врагов Анны Михайловны. Я говорю об обычных людях, с которыми ей приходилось общаться. Многие из них так или иначе завидовали ее успехам, талантам, поэтому позволяли себе в своих критических выступлениях переходить рамки этики обычных человеческих отношений, позволяли себе оскорбительные выступления против Анны Михайловны. В частности, это было после XX съезда, когда ей как члену Центрального комитета приходилось много выступать. Она мне говорила об этом в 1956 году, когда я приезжала на каникулы из Китая. Она сказала, что во время многих и многих выступлений ей приходилось выслушивать оскорбительные вопросы, выпады.

И вот она умерла. По-видимому, у нее был спазм сосудов. Она отдыхала после больницы в санатории (по-моему, в Узком). Там она умерла, как будто бы случайно: ей вовремя не дали, когда она просила, горячего чая (видимо, начинался спазм), и не дали ей валидола, самого простого, который нужно положить под язык. Возможно, это были чисто внешние впечатления; может, она уже была на пределе здоровья.

Когда я приехала в Москву, когда со мной пытались разговаривать о смерти Анны Михайловны, я говорила, что ее убили. Это было мое категорическое заключение, так я говорила многим. Хорошо помню, как около нашего факультета, на улице Герцена, 5, я встретила в первый раз после приезда из Китая Сергея Сергеевича Дмитриева, человека, я бы сказала, недоброго, хотя сейчас это чаще называют «пронзительный» в отношении характеристик людей. Так вот, когда мы с ним встретились, он меня спросил, как я отношусь к смерти Анны Михайловны, и я ему сразу сказала, что ее убили. Я точно не могу передать его реакцию. Он был, видимо, в чем-то согласен со мной, но в то же время удивлен такой категоричностью моего ответа. И многим эта категоричность не нравилась. Я не буду называть всех людей, которые враждебно встретили это мое заявление. Хотя их реакция проявлялась по-разному.

Мне известно, что после XX съезда было какое-то собрание на факультете по поводу задач изучения истории нашей страны и по поводу культа личности. Оно было, видимо, довольно многочисленное и, как мне говорили, Михаил Иванович Стишов выступил с речью, что есть испытатели, а есть приобретатели, и что вот Анна Михайловна относится к разряду вторых. То есть она приобретает только для себя то, что ей нужно. Не столько наукой занимается, сколько занимается обеспечением своих личных карьеристских задач, поставленных ею в жизни. Якобы она только приобретатель. Когда мне это сказали (шел 1956 год, Анна Михайловна еще была здорова, полна сил, собиралась ехать в Англию, в составе нашей делегации как член Президиума Верховного

Совета СССР), я только улыбнулась. Это никак не относилось к Анне Михайловне: от этого высказывания она могла отмахнуться, как от укуса комара. Но позже я узнала, что такое высказывание ее очень ранило. Потом были и другие выступления подобного рода. Я заговорила о Стишове потому, что он мне прямо признался:

— Ты вот думаешь, говоришь, что Анну Михайловну Панкратову убили. И, наверное, думаешь, что я тоже в этом виноват, но я же ей просто так сказал это.

Я говорю:

— Что значит просто? Ты же понимаешь смысл этих слов!

— Ты мне не простишь это.

— Не прощу, — говорю я. — Никогда не прощу.

Вот такие были настроения. Стишов хотя бы прямо признался, что «сболтнул» и сожалел об этом. Но были люди, которые, сделав что-то подобное, вины за собой не ощущали или не признавали себя виновными.

Я остро чувствовала эти напряженные отношения в коллективе, когда вернулась. Тем более что перед отъездом из Китая я перенесла болезнь: у меня начала отниматься нога — состояние моей нервной системы было не очень хорошее. Поэтому, когда я вернулась в Москву, все мне стало напоминать о смерти Анны Михайловны и о несправедливости по отношению к ней многих людей. Конечно, не так мне хотелось чувствовать себя по возвращении в коллектив — все-таки я вернулась домой.

Я часто писала из Китая, что мы должны быть очень спаяны, дружны, должны быть на высоте нравственных отношений, поскольку китайцы, наши зарубежные коллеги, смотрят на нас как на образец. Они стараются нам подражать, следовать нашему примеру, в частности, углубленно-му отношению к изучению истории. Вместо всего этого я почувствовала какое-то отчуждение. К тому же к осени, в августе-сентябре у меня начался рецидив радикулита, стали болеть поясница, ноги, я с трудом выдерживала физические нагрузки, а надо было держаться: работать и со студентами, и в коллективе. У меня была путевка, но из санатория я вернулась с обострившимся радикулитом.

По поводу моего позднего возвращения у меня был нехороший разговор с Костей Тарновским, который в это время работал заместителем декана по учебной части. Он выразил мне претензию по поводу того, что я опоздала на одно занятие, хотя я объясняла почему.

Не в этом дело. Дело в том, что я занималась, вела семинар (никакой спецкурс я не могла вести после Китая), однако всю зиму провела в очень тяжелом состоянии: все время приходилось себя пересиливать. Результатом стало то, что товарищи по кафедре, видимо, непра-

вильно поняли мое состояние, и весной 1958 года произошло чудовищное для меня событие.

Это случилось в конце учебного года, когда мне сказали, что я должна пройти конкурс на должность доцента, которую я занимала и до Китая, и когда вернулась. Я тогда не знала сама, и никто мне не подсказал, что я имела право в течение двух лет (поскольку два года работала за рубежом по командировке университета) не проходить конкурс. Мне сказали, что нужно написать заявление, сделать отчет. Моим отчетом была работа в Китае — там была очень большая и весьма положительная характеристика, и, кроме того, нагрузка, которую я выполняла в течение 1957/58 учебного года. Я подала отчет и это заявление в полной уверенности, что никаких особых претензий ко мне быть не может. Хорошо помню, как меня пригласили на партбюро кафедры: секретарем партбюро тогда был Иван Дмитриевич Ковальченко, а замещал заведующего кафедрой уже Иван Антоновича Федосов¹, так как Сидоров сложил с себя эти обязанности. Два человека сидели передо мной и говорили о том, что у них нет ко мне никаких претензий и что они хотят видеть меня на кафедре. Меня немного задевал тон. Я думала: «Почему они хотят видеть на кафедре, ведь я уже на кафедре, почему обо мне разговаривают так, как будто от их желания или нежелания зависит, буду ли я на кафедре или нет?» Но я старалась не придавать этому значения. Все дело, конечно, было не в настроении этих двух людей, а в том, как был настроен ко мне Федосов, который после моего приезда из Китая был и деканом исторического факультета, и заведующим кафедрой периода капитализма, и одновременно проректором университета по гуманитарным факультетам.

После меня пригласили на заседание кафедры. Перед заседанием я узнала, что вакантных доцентских мест только два, а претендуют на эти места, кроме меня, еще Нина Степановна Киняпина², которая

¹ И.А. Федосов в 1956 г. являлся исполняющим обязанности декана исторического факультета, а с сентября 1957 по февраль 1971 г. — деканом. В 1957 г. он защитил докторскую диссертацию «Революционное движение в России во второй четверти XIX в.», с февраля 1958 г. — профессор кафедры истории СССР периода капитализма. В 1959 г. избирается заведующим этой кафедрой и затем переизбирается неоднократно на протяжении многих лет (1959—1995). В 1974—1985 гг. — проректор по учебной работе гуманитарных факультетов МГУ.

² **Киняпина Нина Степановна** (10.12.1920, с. Кадом Рязанской обл. — 11.10.2003, г. Москва) — доктор исторических наук, профессор, Заслуженный профессор Московского университета, специалист по внешней и внутренней политике России XIX в. В 1938 г. поступила на исторический факультет МИФЛИ (вместе с И.А. Федосовым); после его слияния с МГУ окончила истфак МГУ в 1942 г. Всю жизнь проработала преподавателем, доцентом. Профессор кафедры истории СССР периода капитализма (истории России конца XIX — начала XX в.) исторического факультета МГУ.

тоже была доцентом, и Петр Семенович Ткаченко, который защищал диссертацию немного позже меня. У него не было звания и, следовательно, должности доцента, поэтому он стал одним из претендентов. Мотив был такой: он должен был получить должность доцента и потом работать, чтобы получить звание доцента. На кафедре стали обсуждать характеристики. При этом зачитали мою, блестящую, я бы сказала, характеристику. Я была немножко растеряна и удивлялась чему-то. Может быть, потому, что я чувствовала в отношении себя напряженное настроение товарищей. И я спросила:

— Вот вы утверждаете три положительные характеристики на нас троих. А я слышала, что вакантных мест только два.

Мне задали контрвопрос:

— А почему вы об этом спрашиваете?

Я ответила:

— Потому что мне, может быть, не стоило подавать заявление, чтобы не быть конкурентом для двух других товарищей, тем более для Ткаченко, которому нужно утверждение на должность доцента, чтобы получить потом звание доцента. Я считаю, что он заслуживает этого.

— Ну, это разговоры, — сказали мне, — будет три вакантных места и нам дадут третью ставку.

В общем, утвердили характеристики. Причем Федосов в то время отсутствовал, и это кажется мне не случайным. Через некоторое время он пришел и сразу же начал с извинений: «Извините, мне нужно было сделать кое-что в ректорате». У меня не было оснований беспокоиться о том, как пройдет голосование, тем более задумываться о том, нужно подавать заявление или не нужно. Я была довольно спокойна.

Через несколько дней было заседание ученого совета. Я там не присутствовала. Меня потом спрашивали — почему ты сама не пришла и не объяснила, как и что. Я отвечала, что считала некорректным идти на заседание, где меня утверждают. Зачем я должна это делать? В этот день я пошла на факультет для того, чтобы встретиться там с китайскими аспирантами, прибывшими до меня на наш факультет, однако с которыми я уже встречалась в Пекине (они там приходили ко мне, консультировались, я им рассказывала про университет и факультет). Когда я приехала, мне предложили курить у них подготовку к кандидатскому минимуму по истории. У меня была назначена очередная встреча с китайскими аспирантами к 16.00, а в 19.00 я должна была пойти в театр Станиславского на оперетту. Я оделась соответствующим для театра образом. Когда я подходила к факультету, я увидела, как со стороны двора (там был вход) быстро открылась дверь, и навстречу мне стремительно вышел весь покрасневшийся, взволнованный Илья

Саввич Галкин¹... Он был членом ученого совета, во время войны — ректором университета, а в то время проректором. Он меня знал. Заметив меня, он сразу остановился:

— Вот, наконец, и вы идете! — сказал он.

— Почему, Илья Саввич, «наконец»? — спрашиваю я.

— Вам нужно было быть там, на ученом совете.

— Но я не считаю это нужным и корректным — там присутствовать.

— Идите, — сказал Илья Саввич, — идите и сами теперь со всем разбирайтесь. Я им сказал все, что думал, насчет голосования.

После я читала стенограмму заседания и узнала: он сказал, что на первом месте в списке на голосовании на занятие двух доцентских ставок должна быть Серафима Ивановна Антонова. «По всем научным и политическим данным». Тогда я еще не поняла, в чем дело, но какая-то тревога во мне закралась. Сразу поняла, что неслучайны были эти разговоры относительно двух, а не трех ставок. Но почему они так сделали?

Я поднялась наверх, в актовом зале сидели болевшие за меня Аракса Захарьян и Миша Хейфец.

— Ты, наконец, пришла, ты знаешь, что они с тобой сделали? Иди на ученый совет, скажи!

— Не пойду, сначала скажите, что там сделали! — говорю я.

— Большинство голосов проголосовали так, чтобы ты не прошла. Там не голосуют против, голосуют за, и большинство проголосовали за Киняпину и Ткаченко.

Я была страшно потрясена и сказала, что ни с кем объясняться я не буду.

Рядом с аудиторией меня уже ждали китайские аспиранты. Когда я пришла к ним на занятие, на консультацию, они, видимо, по моему состоянию поняли, что в моей жизни происходит что-то не очень

¹ **Галкин Илья Саввич** (1.8.1898, д. Панасюки Гродненской губ. — 7.4.1990, г. Москва) — специалист в области новой и новейшей истории, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР, лауреат Ломоносовской премии. В 1932 г. окончил этнологический факультет Московского университета и стал преподавать. В 1930-х гг. — профессор, декан исторического факультета, проректор Института истории, философии и литературы (МИФЛИ). С конца 1941 г., после возвращения МИФЛИ в структуру МГУ — проректор МГУ. В 1943–1948 — ректор МГУ, в 1950–1959 — проректор МГУ по гуманитарным факультетам, в 1953–1980 — зав. кафедрой новой и новейшей истории исторического факультета. Одновременно с 1950–1956 — зав. кафедрой всеобщей истории АОН при ЦК КПСС. Заслуги И.С. Галкина отмечены многочисленными правительственными наградами: двумя орденами Ленина, орденом Октябрьской революции, орденом Трудового Красного Знамени, медалями.

хорошее. Во всяком случае, в тот день и во все последующие дни, когда мы с ними встречались, я чувствовала ко мне особое сочувствие. Сама я никак не могла осознать того, как такое могло получиться на ученом совете. Одной женщине, Валентине Ивановне Бессоновой, я предложила пойти в театр. Валентина Ивановна тоже мне сочувствовала, отложила какие-то свои дела и пошла со мной в театр на оперетту «Прекрасная Елена». Примерно половину первого действия я просидела, но потом у меня внезапно начала кружиться голова и я почувствовала, что больше не могу находиться там.

— Валентина Ивановна, я не могу больше, я должна уйти, — сказала я.

— Я с вами уйду, — сказала она.

Потом она мне сказала, что пошла со мной не потому, что ей очень хотелось пойти в театр, а потому, что не хотелось отпускать меня одну.

Тогда я жила на Арбате. Пришла домой. Было очень тяжело. В голове крутились события последних месяцев и последних дней. Я села и написала заявление в ученый совет. Когда я закончила писать это заявление, уже светало. Я даже переписывать его не стала: оно было сразу написано хорошо. Оно, наверно, где-нибудь в архивах хранится... пусть там так и останется. Писала я, что все происшедшее на ученом совете я оцениваю, как вопиющую несправедливость, сведение личных счетов. За время работы на факультете Московского университета ко мне никаких претензий не было, более того, я неоднократно получала благодарности за работу, моя работа в Пекинском университете Китайской Народной Республики была оценена китайскими товарищами в превосходной степени, именно поэтому я считаю, что ученый совет поступил в моем отношении несправедливо. Ни на какое понижение в должности я не согласна (из этого следовало, что звания доцента никто не касался), не согласна по принципиальным соображениям, поэтому пусть деканат, если считает это необходимым, освобождает меня от работы на историческом факультете. С должности доцента я должна была перейти на должность старшего преподавателя; это такая же ставка, такая же стоимость, но только должность ниже рангом. После того как я это написала, ко мне вернулось хорошее настроение, появилась трезвая оценка моего состояния и всего произошедшего.

Утром я пошла на факультет, чтобы передать это заявление секретарю ученого совета, не собираясь разговаривать с деканом, который по занимаемой должности был и председателем ученого совета. Вошла в деканат и стала говорить с ученым секретарем: я принесла заявление, передайте его, пожалуйста, в ученый совет, чтобы оно не лежало у де-

кана в папке, а было оглашено на ученом совете. Моей единственной просьбой было то, чтобы это заявление огласили. В то время как раз вошел декан, поздоровался со мной и начал:

— Серафима Ивановна, я прошу вас остаться, нам нужно поговорить. Я сказала:

— Нам не о чем с вами говорить после того коварства, которое лично вы совершили.

— В чем же оно состоит?

— В том, что вы прекрасно знали, что ставок только две. Тем не менее предлагали троим писать заявление, и главным образом для того, чтобы меня не провести на эту должность. Тем более, что я имела право без конкурса работать еще два года, потому что у меня была командировка по линии Московского университета в Пекин. Я же не по личному желанию уехала, а по командировке.

— Нет, давайте с вами поговорим...

— О чем вы будете со мной говорить? Какие ко мне претензии?

— Вот там, значит, к вам в коллективе...

— Ко мне в коллективе плохо относятся? Почему эти товарищи, которые плохо ко мне относятся, имеют ко мне какие-то личные претензии (а ведь нельзя сводить личные счеты в таком деле), почему они на кафедре, когда голосовали за характеристики, проголосовали единогласно? При этом лично вы почему-то опоздали на заседание. Я, к слову, даже не ожидала столь блестящей характеристики, которую мне дали на том заседании.

— А почему не ожидали?

— Потому что чувствовала, что что-то подспудно происходит против меня.

— Значит, вы чувствовали, что не все товарищи к вам хорошо относятся?

— Я не только чувствовала, я даже знаю, кто именно и как ко мне относится. Может быть, эти подробности не нужно говорить, а, может быть, как раз о них стоит сказать, поскольку в нашей ученой коллегии не перевелась еще мелочность, личные неприязненные отношения, связанные с совершенно посторонними, не касающимися дела вопросам. Думаю, что против меня выступал Петр Андреевич Зайончковский¹.

¹ **Зайончковский Петр Андреевич** (18.9.1904, г. Уральск — 30.9.1983, г. Москва) — исследователь истории России XIX в., библиограф и публикатор архивных источников по отечественной истории. Из семьи военного врача, дворянские корни. С 1914 г. воспитывался в 1-м Московском кадетском корпусе. В 1920—1930-е гг. — пожарный, служащий на железной дороге, рабочий на машиностроительном заводе в Москве (до 1935 г.). В 1937 г. окончил экстерном исторический факультет МИФЛИ. С началом войны

— А почему он против вас должен выступать? Да, он выступал против.

— Что он имеет против меня? Только то, что мы с ним разошлись в оценке культа личности Сталина.

— Только в этом? А что такое?

— Когда я приехала в прошлом году на каникулы, летом 1956 года (уже после XX съезда), он пришел ко мне: мол, рад выразить свое удовольствие по поводу вашего приезда. Спросил, как в Китае относятся к решению XX съезда относительно оценки культа личности. Как я к этому отношусь, и так далее. Я говорю, что положительно относятся: вы же сами читали (к тому времени вышла большая статья в «Жэньминь жибао» под названием «О диктатуре пролетариата»). Статья очень правильная, в ней дана по-настоящему марксистская оценка решений съезда по поводу культа личности. Я сказала: считаю, что культ личности в коммунистической партии не совместим с принципами, идеалами коммунистической партии. Зайончковский сказал: «А как вы к Сталину относитесь?» Я говорю, что не могу сразу на этот вопрос ответить. Сказать, что осуждаю Сталина, что вычеркиваю его из своей жизни, я не могу. Зайончковский сказал, что считает правильным, что «с него сняли голову». Я сказала: «Мы с вами, Петр Андреевич, стоим на разных позициях. Вот вы так сразу отказались от Сталина, а я этого не могу сказать, я не могу быть флюгером, который и туда, и сюда, не могу так быстро перестроиться... Ведь мы же все с вами в своих работах, иногда к месту, иногда не к месту упоминали имя Сталина. Впрочем, я особо не злоупотребляла, но иногда, может быть, там, где это и не обязательно было, упоминала Сталина». А он отвечает: «Я никогда со Сталиным дело не имел. Я занимаюсь XIX веком, для меня достаточно имени Ленина». Тогда мы расстались с Зайончковским в неприязненном состоянии. Он на меня, конечно, очень обиделся, оскорбился тем, что я косвенно назвала его флюгером. Я же увидела в нем чело-

пошел добровольно в действующую армию. Был инструктором по работе среди войск противника, занимался работой по разложению войск противника под Сталинградом, на Курской дуге, на Правобережной Украине. Войну закончил в звании майора. Контужен. Награжден орденами Отечественной войны II ст., Красной Звезды, медалями «За оборону Сталинграда», «За победу над Германией». В 1944–1952 гг. — зав. Отделом рукописей Гос. библиотеки СССР им. В.И. Ленина (ныне РГБ), а с 1948 г. — преподаватель исторического ф-та МГУ. С 1951 г. — профессор кафедры истории СССР периода капитализма. В 1952–1954 гг. — директор НБ МГУ. Очень информативные воспоминания о П.А. Зайончковском как учителе см.: *Петров Ф.А.* Мой учитель — Петр Андреевич Зайончковский // Династия московской интеллигенции в XX в. Петровы и Саваренские. Биографии. Письма. Дневники и воспоминания. Труды ГИМ. М., 2007. С. 464–486. Из последних публикаций о нем см.: Петр Андреевич Зайончковский. Сборник статей и воспоминаний к столетию историка. М., 2008.

века, который своевременно не высказывает то, что у него на душе, а говорит это потом.

Федосов мне на это сказал:

— Я этого не знал.

— Что же вы имели в виду, когда сказали, что Зайончковский против меня?

— Он говорил, что вы не по-товарищески поступаете. Мол, где-то когда-то вы сказали ему, что он в грязном костюме пришел читать лекции.

— Боже мой! Неужели он пал до такой степени, что вам это рассказывал на ученом совете?

— Нет, на ученом совете он этого не говорил. Он рассказывал мне об этом лично.

— Зачем же он вам это рассказывал-то? — спросила я.

На самом деле было так. Еще до поездки в Китай, когда я работала заместителем заведующего кафедрой А.Л. Сидорова, мы вели большую методическую работу и организовали посещение лекций друг друга. А потом проводился обмен мнений, один на один или в каких-то комиссиях. Все преподаватели очень хотели иметь критические замечания друг друга. Тем более учебников еще мало было. И вот я однажды была на лекции у Петра Андреевича Зайончковского. Лекция эта была в большой, по моему, Зоологической аудитории, в общем, в такой аудитории, где столы расположены полукругом. Я обратила внимание на то, что на первых скамьях сидят иностранцы. Тогда у нас было много иностранных студентов, в частности, немцев. И перед Зайончковским сидело 8–10 немецких девушек. Им было видно, во что он одет. Одет он был в костюм, грубо выражаясь, заляпанный какими-то пятнами. Было видно, что он обедал в костюме без салфетки, и что эти пятна остались от еды.

После лекции он меня спрашивает:

— Ну как, Серафима Ивановна?

Я говорю:

— Ну, что же, Петр Андреевич, что касается содержания лекции, все, по моему, хорошо. Но, Петр Андреевич, это не для протокола, это мы лично с вами разговариваем, — он насторожился, и я так, специально к нему дипломатически стараюсь подойти, чтобы его нечаянно не обидеть, — У вас, Петр Андреевич, есть очень красивый коричневый костюм. Вы в нем такой интересный мужчина, почему бы вам на лекции в нем не ходить?

— А что такое?

— Ну вот, запачкан костюм-то у вас, — говорю я. — Пришли девушки-иностранки, смотрели внимательно.

Он покраснел ужасно. Я говорю:

— Петр Андреевич, не обижайтесь, это только между нами разговор, я же только хорошего вам желаю.

А Зайончковский был очень самолюбивый.

И тогда я Федосову сказала:

— Неужели только это? Ну уж если кто и мог ко мне какие-то претензии предъявить, так это Евгений Дмитриевич Черменский, я оскорбила его по одному принципиальному вопросу.

Это был вопрос о совместительстве — тогда у нас появилось много совместителей. Сейчас совмещают что угодно, работают в университете и где угодно еще. А тогда встал вопрос о том, чтобы поднять качество работы, и что человек, работающий в одном месте, не должен разбрасываться и работать в других местах. Тем более что к тому времени появились новые кадры. Многие после войны защитили диссертации, претендентов хватало. Я выступала по этому поводу, и Евгений Дмитриевич очень на меня тогда обиделся, я это знала. И сейчас подумала, что он вполне мог высказаться против меня. Федосов ответил:

— Я ничего не знаю, Серафима Ивановна, все может быть, но Черменский как раз выступал за вас.

Я воскликнула:

— Вот какой благородный человек!

И потом Черменский еще выступал в мою защиту, а ведь я его очень сильно критиковала.

Федосов назвал какие-то мелкие факты.

— Это мелочи, — сказала я. — Здесь же дело не в этих мелочах, а в том, почему вы заняли такую позицию? Да, выдвигался очень убедительный довод в отношении Петра Семеновича, что его обязательно надо провести. Я согласна с этим. Но почему на карту была поставлена я, а не Нина Степановна? Потому что Нина Степановна работала вашим заместителем? — она замещала заведующего кафедрой, а я была просто рядовым членом кафедры. — Есть еще какие-нибудь реальные причины?

Он начал опять юлить. В общем, я ему сказала:

— Знаете что, Иван Антонович, у нас с вами не может состояться положительного разговора. Я написала заявление, а вы решайте как хотите. Но только вы учтите, я требую, чтобы мое заявление было зачитано на ученом совете. Не только доложено, что Серафима Ивановна написала такое заявление, но и зачитано.

И ушла. Видимо, все то, что произошло в течение этих дней, так отразилось на состоянии моего здоровья, что у меня случился спазм сосудов, состояние, которое сейчас называют предынсультным состоянием,

микроинсулт. Я просто слегла и целый месяц лежала в постели, ко мне ходили из поликлиники врачи, делали вливания, уколы. Приходили ко мне товарищи. В частности, приходила и подарила книжку Софья Васильевна Воронкова, жена Вани. Он очень разделял мое негодование, сочувствовал мне. Через месяц я все-таки пришла на факультет узнать, как будут решаться мои дела, тем более мне сказали, что мое заявление было зачитано на ученом совете и что было высказано мнение Эсфири Борисовны Генкиной: мол, почему бы нам не пригласить на ученый совет Серафиму Ивановну, чтобы она нам рассказала, что и как было, кто в чем виноват и что, по ее мнению, было бы справедливым решением.

Решение по поводу меня на предыдущем ученом совете было вопиющей несправедливостью. Когда я пришла, секретарь ученого совета, Александр Васильевич (скользящая такая личность — и нашим, и вашим), встретил меня в коридоре и тихонько сказал:

— Серафима Ивановна, зайдите, пожалуйста, ко мне, я вам покажу стенограмму.

— Что мне стенограмму читать? — спросила я. — Я и так знаю и понимаю, что произошло!

— Я вам все-таки очень советую, зайдите и посмотрите, стенограмма готова, — уже месяц прошел, даже больше после ученого совета, — там много любопытного прочтаете.

И вот я читаю стенограмму. Петр Андреевич начинает в покровительственном тоне: «Я ничего не могу сказать по поводу семинаров Серафимы Ивановны, она ведет их неплохо, отдает все силы, хотя звезд с неба не хватает, но дело в том, что она плохо относится к кафедре». Задают вопрос: «А в чем это проявляется?» — «Она не приходит на заседания кафедры». Тогда опять вопрос, говорят, что заседания кафедры часто совпадают с занятиями. «Ну и что ж такого, — отвечает Петр Андреевич, — ведь у меня тоже совпадали занятия с заседаниями кафедры, но я хожу на заседания». Ответа на это не последовало. Я думаю: как же он мог ходить на заседания кафедры, когда у него занятия; ведь получается, что он занятия пропускал! Такого характера выступление было. Потом поступило предложение — пусть другие скажут что-нибудь. Стал мямлить Бушуев¹: «Я ничего не могу сказать по поводу того, как

¹ Бушуев Семен Кузьмич (29.1.1906, дер. Березовка Московской губ. — 28.8.1958, г. Рига) — специалист в области кавказоведения и внешней политики России XIX в., доктор исторических наук, профессор. Из крестьянской семьи. Трудовую деятельность начал в 1919 рабочим-строителем; в том же году вступил в комсомол. В 1924 г. по комсомольской путевке направлен на рабфак в Москву. После окончания рабфака в 1927–1931 гг. обучался в Ленинградском политехническом институте им. М.И. Калинина на отделении общественных наук. В 1931 вступил в ВКП(б). В 1931–1936 гг. соче-

она ведет семинары, я у нее на занятиях не был, но она не очень хорошо относится к товарищам». Он имел в виду себя и мою резкую критику еще в студенческие годы по поводу его семинара, в котором я училась. Следующим говорил Евгений Дмитриевич: «Я ничего плохого не могу сказать, я только скажу, что она большое внимание уделяет работе со студентами, что она очень много работает».

Я почитала стенограмму, она вся примерно такого тона, и потом почитала, как преподнес это дело сам Федосов. Оказывается, по его версии, высказанной на совете, заседание кафедры открывалось с его выступления (а его там и не было). И на совете он держался такой позиции: перед нами сейчас сложный вопрос, мы должны решить. У нас только две ставки на доцентские должности, а мы должны разобрать три заявления. Что касается Нины Степановны, здесь никаких разговоров не может быть, потому что Нина Степановна очень хороший преподаватель, она в течение двух-трех лет была заместителем заведующего кафедрой, когда Аркадий Лаврович фактически не работал заведующим. Он работал в институте истории, а она выполняла всю нагрузку, заведя кафедрой. Петр Семенович Ткаченко — мы должны войти в его положение, он у нас уже давно работает, но он не доцент, и звания у него нет доцентского, потому что он работает на ставке старшего научно-сотрудника. Его нужно утвердить на этой ставке с тем, чтобы потом поставить вопрос о присвоении звания доцента. Дальше встает вопрос: как быть с Серафимой Ивановной — это очень сложный вопрос. Никаких претензий по работе к ней нет, но у нее сложные отношения на кафедре. Вот таким путем было все представлено.

Я как-то встретила С.Д. Сказкина, он остановил меня и спросил:
— Что произошло на вашей кафедре?

тал работу на руководящих постах с педагогической деятельностью: был членом Президиума Госплана Башкирской АССР и преподавателем истории партии Уфимского пед. института, зав. отд. Госплана СССР и преподавателем Московского авиационного института. К изучению отечественной истории Бушуев обратился в 1934. Защитил в 1936 кандидатскую диссертацию и перешел на работу в Институт истории АН СССР, в то же время являясь доцентом, а затем профессором исторического факультета Московского университета; с 1940 он одновременно был лектором Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). Во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Бушуев неоднократно выезжал на фронт в качестве лектора. В 1942 он защитил докторскую диссертацию на тему: «Борьба горцев Северо-Западного Кавказа за независимость (1828–1864 гг.)». В 1943–1947 гг. Бушуев, оставаясь профессором Московского университета, работал в системе Наркомата (с 1946 — Министерства) иностранных дел СССР в качестве директора Высшей дипломатической школы и эксперта-консультанта МИДа. С 1947 г. он полностью сосредоточился на научно-педагогической деятельности на историческом факультете на кафедре истории СССР (а после ее разделения в 1953 г. — кафедре истории СССР периода капитализма).

— Ничего не произошло, я не знаю, что вы имеете в виду, Сергей Данилович. Только если какие-то личные недомолвки, какие-то личные отношения. Это может быть с любимыми людьми. Но кто-то перенес личные отношения на решение вопроса о кадрах. Характеристика-то была отличная.

— Я тоже так думаю, поэтому я вас и спрашиваю, что у вас произошло. Кто виноват?

— Вот, может быть, как вы относитесь? — и я рассказала ему про Петра Андреевича.

— Так ведь это ужасно! — сказал Сергей Данилович.

Я не помню, тогда я ему сказала или потом, что дело не только в Петре Андреевиче Зайончковском, это мелочь, и ученый совет, если бы этот аргумент был бы выдвинут, не принял бы его. Все дело в Федосове, он главная фигура: я это просто расцениваю, как месть мне с его стороны за мою критику в его адрес. Счеты он со мной сводил — вот почему.

Федосов был человеком очень самолюбивым, не просто самовлюбленным, а болезненно переживающим всякую критику, не способным на ее принятие. Даже когда критика совершенно справедлива, он принимал это как враждебное отношение к нему. И соответственно относился враждебно к тому, кто критикует.

Дело было так. Федосов, когда я вернулась в 1945 году с фронта (а может быть, чуть позже, когда я уже в аспирантуре училась), защищал кандидатскую диссертацию. Он ушел в ополчение из ИФЛИ и в одном из первых боев был ранен, после чего у него ампутировали правую руку. Я это принимаю и оцениваю соответствующим образом, как его положительный поступок, — то, что он поступил в ополчение, сражался, был ранен. Сразу же после госпиталя он окончил факультет, потом аспирантуру, и в 1946–1947 году весьма успешно защитил кандидатскую диссертацию. Я хорошо помню, что и Анна Михайловна Панкратова, и Аркадий Лаврович Сидоров все время старались как-то его повысить, тем более что другие фронтовики еще не успели защитить диссертации. Они всюду говорили о том, что он прекрасный талантливый молодой ученый. Тогда была, видимо, вакантной должность руководителя Политиздата. Это большое предприятие, организация, где во главе нужно было поставить ученого. А он в то время вступил в партию, был кандидатом наук — поэтому Панкратова и Сидоров его рекомендовали. Он в этом учреждении проработал четыре года, потом произошел какой-то скандал, связанный с его именем. Я до сих пор не знаю, что именно там произошло, какие возникли личные события, но коллектив восстал и потребовал его удалить.

В это время у него в университете сложилась дружба с Наумом Васильевичем Савинченком¹, который заведовал здесь кафедрой истории партии, был человеком известным и способным. Савинченко был, я сказала бы, очень жесткий человек, считавший, что он один способен отстаивать идеалы революции, часто использовал по отношению ко всем менторский тон. Эту силу авторитета Савинченко Федосов, конечно, понимал, и вошел к нему в доверие.

Он вернулся на факультет, когда деканом был, кажется, Георгий Андреевич Новицкий, Тихомиров уже ушел с этой должности. Я не помню, когда это было, наверное, в начале 50-х годов. Как раз предстояли выборы в партийное бюро факультета. И вот, там называют ряд фамилий — одна из первых фамилия Федосова. Перед самым голосованием я выступила и сказала, что буду голосовать против Федосова, и должна объяснить почему. Сказала я примерно так: я считаю, что мы не знаем Федосова как партийного работника, как коммуниста. Когда он уходил, он был еще кандидатом и не успел проявить своего лица. Кто он и что он и чем может быть полезен партии — мы не знаем. Сколько-то лет он проработал в Госкомиздате, но нам его работа тоже неизвестна, он не отчитывался. Я считаю, что он мог бы быть членом партбюро, но у меня складывается впечатление, что некоторые люди стремятся его выдвинуть в партбюро с тем, чтобы он стал секретарем партбюро. А эту роль может выполнять человек, который хорошо знает факультет и которого хорошо знает факультет, а мы Федосова как партийного руководителя не знаем и доверять ему руководство сложной партийной организацией, я считаю, не можем. Поэтому я говорю, что буду голосовать против него. Если мы его выбираем только в парт-

¹ **Савинченко Наум Васильевич** (13.12.1900, сл. Новая Мельница Острогжского у. Воронежской губ. — 5.2.1982, г. Москва) — специалист в области истории политических партий России, профессор. Из семьи сибирского крестьянина-бедняка. В 19 лет добровольцем вступил в ряды Красной армии, участвовал в Гражданской войне. В 1922 г. был демобилизован, окончил двухгодичную Иркутскую межокружную совпартшколу; в 1923–1924 гг. — председатель Браженского Общества потребителей Канского р-на Красноярского края; в 1924–1925 гг. — зам. председателя Канского райисполкома; с 1927 г. на педагогической работе: был зав. Канской совпартшколой, где преподавал историю ВКП(б). В 1929–1932 гг. учился в Академии ком. воспитания; еще будучи студентом, читал лекции по истории партии. С 1938 г. вел курс истории ВКП(б) в Московском университете. В 1947 г. Н.В. Савинченко защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Разработка новой программы большевистской партии в период Октябрьской социалистической революции». В 1958–1982 гг. возглавлял кафедру истории КПСС на историческом факультете Московского университета. С 1961 г. — профессор. Избирался в состав парткома университета, был секретарем партбюро исторического факультета. Награжден орденом Красного Знамени за боевые заслуги в годы Гражданской войны, орденами Ленина, Октябрьской революции, Красной Звезды и шестью медалями.

бюро, тогда пусть товарищи, которые его выдвигают, в частности, Наум Васильевич Савинченко, скажут, что он будет только член партбюро, приобщится там, а потом видно будет: достоин ли он быть секретарем партийного бюро. Вот что я сказала. Но получилось так, что его все-таки избрали.

Савинченко меня спросил:

— Ну что ты сделала? Он инвалид войны.

— Не он один, это во-первых. Во-вторых, разве это основание, чтобы избрать его в качестве секретаря партбюро? Почему его?

— У него семья, он живет в плохих условиях.

— При чем здесь это?

— Если его изберут секретарем партбюро, ему сразу выделяют квартиру в университете.

— Наум Васильевич, ну как вам не стыдно так рассуждать! — сказала я. — Квартиру он и так должен получить, за это я обеими руками проголосую! Если нужно, ногами проголосую, чтобы ему квартиру дали даже в первую очередь, хотя есть другие, слепые и безрукие инвалиды войны, которые вернулись работать в университет. Но при чем здесь такая ответственная должность?

— В первую очередь дают секретарям партийного бюро.

Федосов все это знал, конечно. Знал, что я на собрании выступила против в его присутствии. Он потом сам проговорился, что сводил счеты. Когда мы говорили после того, как я принесла заявление в ученый совет, я ему сказала:

— Вы понимаете, ведь этот вопрос равносителен вопросу жизни и смерти! Когда говорят о том, что лишают работы, должности, на которой положительно себя проявишь, лишают из-за сведения личных счетов...

— А вы думаете, это приятно, когда о человеке говорят, что его нельзя выбирать в партбюро?

— Разве ж можно это равнять! Здесь речь идет о кадрах, о профессии, здесь по делам судят!

— Это разве не равноценно?

— Совершенно неравноценно! Здесь профессиональная, а там общественная, партийная работа. Здесь другие мерки совершенно, профессиональные. Здесь судить меня надо не как человека, не как члена партии, а насколько я профессионально подготовлена к этой должности. А там — насколько вы в партийном отношении подготовлены решать вопрос.

Закончилась эта ужасная для меня история тем, что через месяц Федосов пригласил меня к себе:

— Серафима Ивановна, у меня к вам разговор. Я весь этот месяц после ученого совета не находил себе места, все думал, как вам помочь.

Значит, он мне теперь собрался помогать! Я сказала:

— Если вы меня не оставляете на этой должности, не пересматриваете решения ученого совета, увольняйте меня. Я сама говорю — увольняйте. А там видно будет, что из этого получится.

— Нет, что вы, об этом речи не идет. Мы вас не можем уволить, мы вас должны сохранить на факультете, — вот какие вещи он начал мне говорить.

— Не нужно мне ваших заверений в хороших отношениях, — ответила я. — Я вам ни капельки не верю! До ученого совета я могла вам верить, а теперь ни капельки не верю!

— Ну, Серафима Ивановна, вы очень строги... — и прочие слова заговорил. — В общем, у нас есть предложение для вас. Михаил Николаевич Тихомиров, который к вам очень хорошо относится, предложил нам такой выход из положения. У него на кафедре освобождается ставка старшего научного сотрудника, а она равноценна доцентской ставке по значению, только там на 200 рублей меньше зарплата. Но она равноценна по принципиальному соображению, и тем более вас к себе приглашает Михаил Николаевич Тихомиров. Когда у него освободилась ставка, мы ему предложили ряд кандидатов, но он сказал, что ждет вас, если вы, конечно, согласитесь.

Это очень лестно было. Я согласилась, потому что меня пригласил не кто-нибудь, а Михаил Николаевич Тихомиров, которого я очень ценю.

Вот такое произошло событие. Мне пришлось работать на кафедре источниковедения, о чем я нисколько не сожалею. Я с удовольствием пошла работать к Михаилу Николаевичу и была довольна, что мне с тех пор пришлось разбираться с проблемами источниковедения и заниматься источниками.

Года через два или три я раскритиковала ученый совет, для чего мне пришлось выступить на партийном собрании факультета. Дело в том, что было еще два или три таких случая, когда на ученом совете совершенно неоправданно отвергали кандидатуры некоторых товарищей. В частности, речь шла о работе Анны Федоровны Чмыги. Она работала на кафедре советского общества, занималась проблемами советской аграрной истории, в частности, коллективизацией на Украине. Опубликовала одну или две статьи, ее кандидатская диссертация была весьма обширная. Она ездила на Украину и собрала там живой непосредственный материал о людях: показала этих людей, их жизненный путь и что дала коллективизация, предоставила их фотографии, их рассказы. Все это очень подробно. Были отзывы об ее публикациях на эту

тему из местных органов и учебных заведений. И вот на совете она была отвергнута, тоже не прошла. Хотя о ней были хорошие отзывы, говорили много приятного, однако когда стали голосовать, то большинство шаров оказались черными.

Я выступила по этому поводу на партийном собрании. Главный тезис был таков: партийная организация должна серьезно отнестись к поведению наших коммунистов (а большинство ученого совета — это члены партии или кандидаты в партию) на ученом совете. Мы привыкли относиться к ученому совету как к наиболее авторитетной организации нашего коллектива. Мы делегируем в ученый совет факультета лучших наших коллег решать судьбу науки, преподавания, товарищей. И для принятия таких решений нужно оставаться объективными, не использовать свою власть в совете, как возможность для сведения личных счетов. Должно судить по делам, а не исходя из личных отношений, — это было главным в моем выступлении.

В качестве примера я взяла Анну Федоровну. Можно по-разному относиться к человеку, и я знала, что кому-то нравится Анна Федоровна, кому-то не нравится — это другой вопрос. Но судить нужно по ее работе. У нас в последнее время защищено много кандидатских и даже докторских диссертаций, все они защищены хорошо, единогласно проходят, но потом лежат на полках невостребованными, мертвым капиталом. А здесь материал, который собрала Анна Федоровна, тема, которую она разработала, — работает, поднимает людей, об этом говорят отзывы самих колхозников, учебных заведений, которые пользуются ее работами. Статьи Анны Федоровны помогают в организации колхозной жизни. То есть этот материал работает уже сейчас на прогресс нашей науки, на прогресс конкретной нашей действительности. Что касается ученого совета, то поведение его кажется мне во многом недостойным, не оправдывает тех задач, решение которых возложено на эту организацию. Партийной организации нужно серьезно подумать над тем, кого мы делегируем сюда. Я помню, когда я закончила выступление, то мне довольно громко аплодировали. Если не все члены партийной организации, которые присутствовали, то, во всяком случае, большое количество, потому что аплодисменты были громкими.

После, в перерыве, ко мне подошла одна член нашей партии. Она всегда считала, что поступает правильно. И она мне заявила:

— Ну ты молодец!

— А что такое? Я сказала то, что думала. Со мной можно согласиться или не согласиться, но я говорила то, что лично считаю. Чего ты так восхищаешься моим выступлением?

— Ты так подала Анну, что если уж не великий человек... — начала она.

— Да нет, совсем нет. Она обычный рядовой человек, рядовой преподаватель, но работа ее нужна сейчас, она работает не только на будущее о прошлом, но на сегодняшний день. Поэтому я ее как пример взяла. А другие примеры вы сами знаете — у нас их не один, когда очень тенденциозно подходят к решению вопроса. Может быть разное мнение, разные подходы к проблеме, к ее решению — это другое дело. Однако в данном случае ярко прослеживается тенденциозность, кому-то она не угодила.

Анна Федоровна слишком прямолинейна была, прямо в глаза говорила. Она прошла всю войну от начала до конца и, конечно, такая военная категоричность наложила свой отпечаток и на ее характер, она всегда очень категорично говорила. Может быть, была в чем-то даже догматична. Но это уже личное суждение о ней самой, а ее работа звучала очень современно, актуально, нужно.

Кафедра источниковедения

Михаил Николаевич Тихомиров возглавлял кафедру источниковедения с 1953 года (сразу после ее создания) и до 1962 года. Причем возглавлял ее не только номинально, числясь организатором и заведующим кафедрой, но и фактически. Ко мне он очень хорошо относился.

Кадров у нас было мало — была небольшая по численности кафедра. Но мы привлекали людей, которые с удовольствием шли работать на нашу кафедру на полставки или на почасовую оплату. У нас работал Рыдзюнский¹, очень интересовался источниками, был интересным преподавателем и исследователем. Кроме того, мы привлекали круп-

¹ **Рыдзюнский Павел Григорьевич** (16.10.1909, г. Москва — 17.5.1993, г. Москва) — специалист в области социально-экономической истории и истории общественного движения России XVIII–XIX вв., музейевед, доктор исторических наук. Из семьи прижизненного поверенного. В 1927–1930 гг. учился на этнологическом факультете Московского университета по специальности «музейная работа», работал в Ростовском (Ростов Великий) краеведческом музее в должности ст.н.с., затем — зам. директора по научной работе. В 1932 г. перешел на работу в ГИМ, в котором проработал до 1950 г. и куда вернулся в последние годы жизни (1990–1993). В августе 1941 г. ушел на фронт в составе Ленинской дивизии народного ополчения. В августе 1943 г. был демобилизован и продолжил работу в ГИМе. С 1947 г. основным местом работы П.Г. Рыдзюнского становится Институт истории АН СССР. Одновременно — с 1940 по 1961 г. (по совместительству) преподавал на историческом факультете Московского университета на кафедре музееведения и краеведения, затем — источниковедения. В 1944 ему было присвоено ученое звание доцента.

ного историка по средневековой России, особенно по XVI веку, Льва Владимировича Черепнина¹, он был в хороших отношениях с Михаилом Николаевичем Тихомировым.

К нам с удовольствием приходил Аркадий Лаврович Сидоров. Какое-то время он еще продолжал числиться на кафедре капитализма, но практически полностью отдавался работе директора Института истории, на должности проректора по гуманитарным факультетам его сменил Федосов². Мы его приглашали на заседания кафедры источниковедения. Он часто приходил к нам и в конце концов заинтересовался источниковедением, в частности, исследованиями источников такого характера, как воспоминания. Его интересовал Витте, потому что это был крупнейший государственный деятель, находившийся в оппозиции Столыпину. Существовала публикация воспоминаний графа Витте, то ли дореволюционная, то ли первых лет советской власти, она была переиздана с обширным, просто великолепным источниковедческим и историографическим предисловием А.Л. Сидорова³. Все находили, что в плане источниковедческого оформления книга была сделана очень хорошо. Публикация воспоминаний, касающихся проведения столыпинской аграрной реформы, методов ее осуществления, была очень интересна для понимания сути оппозиции: были ли по своей внутренней сущности две концепции аграрного вопроса в России, Витте и Столыпина?

Мы задумали создать учебник по источниковедению. Учебное пособие и научное исследование проблемы, что такое источниковедение, от-

¹ Черепнин Лев Владимирович (12.4.1905, г. Рязань — 12.6.1977, г. Москва) — исследователь истории России XIV—XVII вв., специалист в области источниковедения, историографии, вспомогательных исторических дисциплин; доктор исторических наук, профессор, член АН СССР, лауреат Государственной премии СССР и Ломоносовской премии. С 1922 г. — вольнослушатель ФОНа МГУ, в 1925 г. досрочно сдал экзамены за университетский курс в Институте истории РАНИИОН. В ноябре 1930 г. был осужден по «академическому делу» вместе со своими учителями — С.В. Бахрушиным и А.И. Яковлевым, и выслан на три года на камнеразработки в Северный край. По возвращении из ссылки в 1933 г. фактически нелегально жил в Москве, занимаясь литературной работой по договору в ряде издательств. С 1936 по 1941 г. — научный сотрудник Института истории АН СССР. После неудавшейся попытки уйти добровольцем на фронт до 1942 г. — школьный учитель в Московской области. В 1942 г. защитил кандидатскую диссертацию и стал работать в МГИАИ, в 1944—1960 гг. — совместитель на кафедре истории СССР исторического факультета МГУ. Преподавал также в МГИАИ (до 1949), МГИМО (1946—1952), АОН при ЦК КПСС. С 1946 — сотрудник ИИ АН СССР.

² А.Л. Сидоров был проректором МГУ в 1948—1952 гг., директором института истории АН СССР в 1953—1959 гг., зав. каф. истории СССР 1949—1959 гг. И.А. Федосов был проректором МГУ в 1974—1986 гг.

³ *Bumte C.Ю.* Воспоминания. М.: Соцэкгиз, 1960.

носящееся к периоду феодализма истории России, — было еще до войны опубликовано Михаилом Николаевичем Тихомировым¹. Также была опубликована книжка по источниковедению истории XIX века². Я сдавала источниковедение истории СССР автору этого учебника Никитину³, был такой крупный историк. Правда, я сдавала уже после войны, когда возвратилась на факультет. Никитин был славистом, и в то же время работал по истории нашего Отечества XIX века. Но он довел тогда свое исследование только до 90-х годов XIX века. Когда я была еще студенткой, меня заинтересовал его подход к земской статистике как к источнику (земская статистика была источником по теме, над которой я работала). Период 90-х годов — начала XX века, советское источниковедение — все это было неразработанной темой в источниковедческом плане. Правда, был один источниковед, он потом заведовал кафедрой источниковедения в историко-архивном институте, Черноморский. Он написал книгу⁴ по источниковедению общего характера. Она охватывала, конечно, только основные группы источников, и не удовлетворяла нас по характеру подхода к источникам.

Мы поставили вопрос о создании нового учебника по источниковедению, который бы охватывал все периоды и доводил рассмотрение этой темы до современного периода, включая историю советского общества до 60-х годов XX века. Мы думали над тем, чтобы создать редакционную комиссию, авторский коллектив для разработки написания учебника. Михаил Николаевич просил меня возглавить организационную работу по созданию этого авторского коллектива и подго-

¹ Источниковедение истории СССР. Уч. пособие. Вып. 1: С древнейших времен до конца XVIII в. / Под ред. М.Н. Тихомирова. М., 1940 (2-е изд. — 1962).

² Источниковедение истории СССР. Т. 2. / Под ред. С.А. Никитина. М., 1940.

³ **Никитин Сергей Александрович** (12(25).6.1901, г. Москва — 5.12.1979, г. Москва) — историк-славист, педагог и общ. деятель, доктор исторических наук, профессор. В 1918 г. поступил на историко-филологический факультет Московского университета. В 1922 г. окончил факультет общественных наук. В 1924—1928 гг. обучался в аспирантуре Института истории РАНИОН. В 1937—1941 гг. преподавал в Историко-архивном институте, Институте истории, философии и литературы (МИФЛИ), на кафедре истории СССР исторического факультета Московского университета. В 1942 г. перешел на кафедру истории южных и западных славян. Профессор (с 1947), зав. кафедрой в 1947—1961 гг. В 1947—1979 гг. работал и в Институте славяноведения АН СССР. В 1965 г. избран вице-президентом Славянской комиссии при Международном комитете ист. наук, а в 1970 г. — ее президентом. В 1972 г. С.А. Никитину было присвоено звание заслуженный деятель науки РСФСР. За заслуги в укреплении советско-болгарского научного сотрудничества был награжден болгарским орденом Кирилла и Мефодия I ст.

⁴ *Черноморский М.Н.* Периодическая печать. М., 1956; *он же.* Статистические источники. М., 1957; *он же.* Мемуары как исторический источник. М., 1959; *он же.* Источниковедение истории СССР (советский период). М., 1966.

товке проспекта по источниковедению. На заседаниях кафедры мы разрабатывали этот проспект. Я очень хорошо помню, что Рыдзюнский взялся написать какую-то часть, вновь подготовить, кроме того, Михаил Николаевич Тихомиров и Черепнин что-то обещали написать. По истории XX века привлекли Аркадия Лавровича Сидорова. У нас не хватало источниковеда по XIX веку. Но всем казалось, и мы об этом не раз говорили, что эту тему мог бы взять на себя Никитин. Почему-то нам казалось, мне и Михаилу Николаевичу, что Никитин не будет отказываться. Но, видимо, в то же время Михаила Николаевича настораживал тот факт, что на все наши приглашения приходить на заседания, где мы обсуждали проспект нового учебника, Никитин отказывался. Было такое впечатление, что он не хочет работать с нашей комиссией, тем более что существовала кафедра периода капитализма с 1861 по 1917 год. Может быть, он не хотел, потому что работал в то время на кафедре истории южных и западных славян. А может быть, не хотел вступать в какой-то степени конфликтные отношения с коллегами, поскольку в то время написание источниковедения XIX века претендовала кафедра Федосова. В общем, он упорно не приходил к нам, но я, наверное, была слишком наивна — меня не покидала уверенность, что он не откажется.

Проспект обсудили, и я по поручению Михаила Николаевича должна была пойти к Федосову, как к декану, чтобы согласовать с ним этот проспект. Без согласования с деканом мы не могли официально приступить к работе над учебником, нужно было, чтобы наша работа над учебником вошла в научный план исторического факультета.

Я пришла к Федосову один раз, но по какой-то причине разговор не состоялся. У меня сложилось такое впечатление, что он не хочет этим заниматься. Он поставил вопрос:

— А кто будет писать по второй половине XIX века — началу XX?

— Я знаю, что XIX век напишет Никитин, — сказала я. — Что касается конца XIX — начала XX, — Аркадий Лаврович, потому что он пришел к нам, ну и я тоже буду работать над этой темой, мы там поделим.

— А почему вы думаете, что Никитин согласится работать?

— Как он может не согласиться? Он же работал, у него наработки есть. Почему бы ему не пересмотреть то, что уже написано, дополнить, что-то изменить для новой публикации источниковедения истории XIX века?

В общем, разговор не состоялся.

Потом я второй раз пришла к нему с этим же вопросом. Помню, он очень раздраженно встретил меня, наш проспект. Разговор был в каби-

У дверей старого здания истфака МГУ (ул. Герцена, д. 5), 1965 г.

нете декана. Он сидел за большим столом в замечательном кабинете на улице Герцена, 5. Я сидела напротив него на стуле, и я ему в чем-то возражала. Я сейчас не могу передать содержание разговора, да и в этом, наверное, нет особой необходимости. Помню только реакцию Федосова — он очень раздраженно разговаривал. Это меня тоже взвинчивало, и я довольно резко ему отвечала. Он начал повышать голос — я, наверное, тоже говорила довольно громко. Потом, чувствую, он уже срывается на крик. Но потом остановился, видимо, вовремя понял, что сейчас выйдет за рамки нормального общения. В то время как раз раздался звонок по телефону. Он сразу вскочил, телефон стоял на конце большого стола. Я чувствовала, что он нарочито чрезвычайно детально обсуждает какой-то вопрос. Может, он хотел успокоиться, тянул время. Тогда я думаю: «Ясно, что он не хочет со мной разговаривать на тему о проспекте учебника по источниковедению». Я встала и пошла к двери. Он сразу повернулся ко мне и сказал:

— Подождите, Серафима Ивановна. Сядьте. Мы еще не закончили разговор.

Я вернулась и сказала негромко, но не только для себя:

— Непонятное поведение человека. То со мной разговаривать не хотят, а то приглашают вернуться и подождать. Какое-то несерьезное отношение.

Вскоре он перестал разговаривать по телефону, сел и более или менее спокойно спросил:

— Что вы от меня хотите, Серафима Ивановна?

Я недоуменно посмотрела на него. Кажется, ясно, зачем я пришла: чтобы согласовать состав авторского коллектива по написанию учебника и проспект самого учебного пособия. Я не стала на его прямой вопрос отвечать, сказала:

— В данном случае, Иван Антонович, я хочу только того, чтобы вы были предельно корректны в разговоре со мной. Нравлюсь я вам или не нравлюсь, это вопрос наших личных отношений. Но вы возглавляете данное учебное заведение, а я член коллектива этого учебного заведения. И мне кажется, я имею право требовать, чтобы вы были ко мне предельно корректны, как и к другим членам коллектива, который вы возглавляете. Вы просто обязаны.

— Что? Что такого вы от меня хотите? — сорвался, застучал кулаком.

Я ответила:

— Так вот, только этого я и хочу от вас. В данный момент ничего больше. Хотите вы со мной разговаривать по поводу учебника или не хотите, это другой вопрос. Мы можем отложить этот разговор. Видимо, сегодня мы с вами ни о чем не договоримся.

Он как-то сразу присмирел, и я уже не чувствовала себя взволнованной, напротив, была очень спокойна, говорила исключительно спокойным тоном, то есть все держала в себе, все свое возмущение таким его отношением спрятала внутрь. И пошла к двери. А когда вышла на улицу, сразу же рассмеялась: наконец я его поставила на место, так с ним и нужно всегда разговаривать. Я совершила над собой усилие и сказала то, что я думаю о нем: что он переходит всякие границы, положенные в официальном общении со своими подчиненными.

Позже выяснилось, что все дело, оказывается (кроме определенной неприязни ко мне по причине моего выступления против его кандидатуры в партийное бюро факультета и письма в ответ на решение ученого совета), было в том, что его кафедра, кафедра капитализма, сама хотела написать учебник по источниковедению XIX века. Окончательно это выяснилось уже через два или три года, когда меня пригласили на эту кафедру принять участие в написании учебника по источниковедению XIX — начала XX века, т.е. по периоду капитализма. Они вынуждены были это сделать, потому что у меня уже были разработаны (причем в более широких рамках, чем нужно для учебника) такие темы, как статистические источники и периодическая печать (правда, не полностью, только монархическая и буржуазная пресса всего этого периода). И они уже были опубликованы в качестве учеб-

У памятника Ломоносову перед зданием факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова (1975)

ного пособия. Кроме того, были подготовлены к печати законодательные акты как исторический источник. Конечно, об этом знали, поэтому меня пригласили участвовать в написании этого учебника. Предложили, когда у них уже сложился авторский коллектив, кто-то что-то уже написал. Я примерно знала, кто какую тему писал.

Меня пригласили обсудить главу о периодической печати с доработкой демократической печати. Обсуждение было очень тенденциозное. Причем Федосов опять не присутствовал, он дипломатически ушел. Пришел, как раз когда закончилось обсуждение моей главы. Там были некоторые суждения, совершенно исключавшие мою главу. В частности, Федоров¹ выступал — было видно, что он или не читал совершенно, или читал, но не хотел видеть того, что там было. Еще было одно или два подобных выступления. Смешным оказалось то, что, несмотря на суждения, уничтожающие мою главу, в конечном итоге глава полностью, без изменений и поправок, вошла в учебник² по источниковедению XIX века — так, как я и предлагала.

Уже позже, без Михаила Николаевича Тихомирова, наша кафедра все-таки создала учебник по источниковедению.

К сожалению, Михаил Николаевич вскоре ушел с заведования кафедры по собственному желанию. Я тогда была партгором кафедры, а Анатолий Васильевич Муравьев³ исполняющим обязанности заведующего,

¹ **Федоров Владимир Александрович** (28.7.1926, с. Городище Гаврилово-Посадского р-на Ивановской обл. — 20.7.2006, г. Москва) — исследователь истории России XIX в., доктор исторических наук, профессор, лауреат Государственной и Ломоносовской премий и премии памяти митрополита Макария. Из крестьян. В 1945–1950 гг. учился на историческом факультете МГУ, в 1953 защитил кандидатскую диссертацию под руководством академика М.В. Нечкиной. Все последующие годы работал на кафедре истории СССР периода капитализма (с 1992 — истории России XIX — нач. XX в.). В 1995–2006 — зав. кафедрой.

² Источниковедение истории СССР XIX — начала XX в. / Под ред. И.А. Федосова. М., 1970.

³ **Муравьев Анатолий Васильевич** (21.1.1924, г. Рязжск Рязанской обл. — 5.3.1993, г. Москва) — специалист в области отечественной средневековой культуры, истории русских городов начала XVIII в., специальных и вспомогательных исторических дисциплин, профессор. Из семьи служащего. Участник Великой Отечественной войны. С июля 1942 до сентября 1943 г. находился в действующей армии на Калининском, Воронежском, Центральном фронтах. После тяжелого ранения в сентябре 1943 г. и длительного лечения в госпиталях был демобилизован как инвалид Великой Отечественной войны в звании ст. сержанта. В 1944–1949 гг. учился на историческом факультете МГУ, в 1956 г. защитил кандидатскую диссертацию под руководством М.Н. Тихомирова. Преподавал в университете марксизма-ленинизма (1949–1951), в Центральной комсомольской школе при ЦК ВЛКСМ (1951–1953). С 1953 г. — сотрудник (в 1962–1966 гг. — и.о. зав.) кафедры источниковедения исторического факультета МГУ. Награжден орденом Красной Звезды (1944) и 9 медалями.

и мы поставили перед партийной организацией кафедры вопрос, что он должен вернуться на заведование. Но Михаил Николаевич отказался:

— Серафима Ивановна, я не вернусь на кафедру источниковедения. Ведь вы не понимаете, почему вам нужно, чтобы я вернулся. Я-то это знаю очень хорошо. Я вам нужен для того, чтобы решить вопрос о кадрах.

На кафедре тогда было три с половиной ставки всего, а остальные — приглашенные.

— Вам нужны ставки. Но вы и мое положение учтите. Решать вопрос о ставках, минуя деканат, нельзя. В ректорате за этим следят, скажут: а что деканат? Это значит, что я должен пойти, сесть перед этим Ванькой Федосовым за большой стол в деканате.

В старом здании университета деканат был в бывшей столовой князя Мещерского, роскошной комнате с огромным столом, красивым глубоким креслом и двумя креслами перед ним.

— Я должен сесть на кресло поменьше, а Ванька Федосов будет сидеть в большом кресле. Я должен его уговаривать, что нужны ставки на кафедре источниковедения, а он будет кочевряжиться. Что же вы думаете, мне — профессору, академику, приятно уговаривать его? Неприятно.

Я именно тогда впервые услышала от Михаила Николаевича такое обращение: «Ванька Федосов». Я засмеялась и сказала:

— Ведь не всегда Федосов будет деканом факультета!

— Э, Серафима Ивановна, здесь вы ошибаетесь!

— Почему?

— Ну что такое Ванька Федосов? Он блестяще защитил кандидатскую диссертацию. Хорошо защитил докторскую диссертацию. Но выше докторской он не пойдет, на большее у него таланта не хватит. Поэтому он будет держаться за административную должность, поверьте моему слову!

Смена декана

Наступил 1971 год. Должны были состояться очередные выборы декана, и в коллективе обсуждался вопрос, будет новый декан или им останется Федосов, который работал деканом факультета уже четырнадцатый год. Его уже два или три раза переизбирали. Но в коллективе чувствовалось нарастающее недовольство им, причем, вероятно, весьма сильное недовольство, потому что партийное бюро факультета внезапно решило устроить опрос коммунистов (а на факультете большинство преподавателей были коммунистами): стоит ли Федосова рекомендовать на должность декана или выбрать другого декана. Мне

У Вечного огня перед зданием 1-го гуманитарного корпуса МГУ имени М.В. Ломоносова на Ленинских горах, где с осени 1970 по 2008 г. находился исторический факультет (1981)

позвонил Даниил Антонович Авдусин с кафедры археологии, он был членом партийного бюро в это время:

- Серафима Ивановна, мне нужно с вами поговорить лично.
- О чем?
- Ну, разговор будет касаться Федосова.

Я тогда засмеялась и говорю:

— Наконец-то партийное бюро спохватилось. Давно назрел, по моему, этот вопрос!

— Серафима Ивановна, а вы что думали, что только вы одна недовольны?

— Я этого не утверждаю, но почему-то уже тринадцать лет Иван Антонович бессменно работает деканом. По-моему, уже сам этот факт, тринадцатилетнее руководство факультетом, может испортить человека. Когда долго не меняют руководителя, он превращается в бюрократа, администратора. Я говорю не о заведующих кафедрой, которые вместе с административной работой занимаются научной деятельностью коллектива или учебной работой. Здесь же превалирует именно административная работа, тем более работа с кадрами. Я думаю, что нужно сменить Ивана Антоновича. Но тогда встает вопрос: кого избрать новым деканом? Нужно остерегаться выбирать таких людей, на характер которых и деятельность которых наложил отпечаток бюрократический стиль работы Федосова.

Потом речь пошла о конкретном человеке, которого я не буду сейчас называть. Скажу только, что несколько лет спустя этот человек выразился по поводу меня таким образом, что для Серафимы Ивановны все плохие. Видимо, до него дошел наш разговор с Авдусиным, и он посчитал, что я ко всем плохо отношусь, в том числе и к нему. Однако я могу с уверенностью сказать, что у меня было очень много друзей на факультете, было много людей, к которым я хорошо, с большим уважением относилась, об этом я уже говорила. Тем не менее у меня и теперь случаются некоторые расхождения со многими товарищами, с которыми мне приходится работать, но это не мешает мне хорошо относиться к ним.

Например, у меня были прекрасные отношения с Михаилом Герасимовичем Седовым¹, с Михаилом Тимофеевичем Белявским. Они дружили между собой, но это не делало их одинаковыми людьми, не озна-

¹ Седов Михаил Герасимович (21.11.1912, с. Спасское Орловской губ. — 5.11.1991, г. Москва) — исследователь общественного движения пореформенной России, доктор исторических наук, профессор. Из крестьянской семьи. В 1929—1933 гг. учился на экономическом отделении Воронежского государственного пед. института; в 1933—1936 гг. — в аспирантуре Московского института истории, философии и литературы под рук. С.А. Пионтковского. В 1936—1941 гг. преподавал в МИФЛИ; одновременно (с 1938) находился на комсомольской работе: был секретарем Московского горкома ВЛКСМ, зав. отделом пропаганды ЦК ВЛКСМ. С начала Великой Отечественной войны находился на фронте; в феврале 1942 г. вернулся к преподавательской работе в МГУ. В августе 1943 г. был арестован и осужден; в 1955 г. — реабилитирован: восстановлен в КПСС и возвращен на исторический факультет МГУ, проработал до конца жизни на кафедре истории СССР периода капитализма.

С внучатым племянником Георгием, внуком сестры Полины (примерно 1986–1987 гг.)

чало, что они были схожи по характеру, по своему отношению к жизни. Но в чем-то самом главном, в основном они сходились и были очень дружны. Со многими людьми я дружила, в частности, с Ваней Воронковым. Поэтому обобщать так, как обобщил тот товарищ мое отношение к людям, — совершенно неправильно, и это было очень неприятно услышать. Я понимала, что это неправда, что это не так на самом деле, что дело все в том, что я открыто высказывала свое отношение к людям, которые, с моей точки зрения, вели неправильно себя.

Вернемся к выборам декана факультета. Партийная организация тогда высказалась против продолжения работы Федосова на этой должности деканом. Говорят, что когда ему предложили не переизбираться на следующий срок, он до такой степени обозлился, почернел, перестал ходить на какие-либо собрания (даже будучи членом партии), в общем, был зол на всех. Но позднее стал работать проректором университета по гуманитарным факультетам. И даже был избран в состав парткома университета, и там заседал как член парткома, и судил как член парткома. Помню, пригласили меня в партком для того, чтобы вручить знак «50 лет пребывания в КПСС». К тому времени уже было не 50 лет пребывания моего в партии, а 60 с лишним. И он так покровительственно вел себя в отношении людей, кто получал эти знаки. Ко мне очень с большим сомнением: «Как? Серафима Ивановна?

Сколько же лет она в партии?» Как будто не знал, что я в партии с 1928 года — опять такое покровительственное отношение выразил. Это чепуха, но я не могу простить ему того, что он был членом парткома университета и поучал других. Самое главное — было у меня какое-то внутренне чувство к нему, как к человеку не до конца искреннему, во всяком случае, не как к настоящему коммунисту, с которым можно с полуслова друг друга понять, если мы единомышленники, а как к человеку, который случайно в партии. Вот такое у меня было к нему отношение.

К нам, в Комнату боевой славы, он приходил всего несколько раз. Посмотрел (наверное, хотел убедиться, что его там нет) и ушел очень недовольный. Я это чувствовала, но у меня рука не поднималась подать его кандидатуру. Может быть, я не права, все-таки он был участником войны. Но я не могла кривить душой и только это принять во внимание для того, чтобы показать его как героя, участника войны. Может быть, это тоже личное. Но иногда я шла против своего личного недовольства кем-то, когда это не было сопряжено с оценкой такого человека, что на первое место всегда ставил частное, свою карьеру, свое «я».

Это все, что я должна рассказать по поводу этого неприятного эпизода из моей жизни в факультетской среде. Безусловно, мне не хотелось это вспоминать, хотелось как-нибудь обойти — но нельзя, потому что жизнь очень противоречива.

В партии было много противоречий между людьми. Но главное, что цементировало нашу партию, это верность, вера в идеалы и служба идеалам коммунистической партии. Вот что мне кажется очень важным. Именно этой верности идеалам я не увидела у Федосова, который после того, как партия попала в тяжелое положение, оказался слабаком, не выдержал. Когда началась пресловутая перестройка и когда партийные организации при учреждениях были распущены, в частности, при нашем факультете, многие сохранили партийные билеты, но не восстановились в партии, а многие не только сохранили, но и продолжали работать в коммунистической партии. Сохранил ли Федосов свой партийный билет, я не знаю. Но то, что он не восстановился в партии, не стал работать в других партийных организациях, это совершенно точно. Он ушел из жизни, нарушив клятву, которую каждый из нас, когда поступал в партию, произносил. Говорят, что он был недоволен режимом Ельцина, но где он об этом сказал, где он показал свое истинное отношение к этому? Нигде не показал. Спрятался за своими болезнями. Как будто мы все здоровые. Он же моложе меня на 12 лет! В общем, так он и остался в моей памяти Ванькой Федосовым, который превыше всего на свете ставил свое личное.

Работа с иностранцами

Когда я перешла на кафедру источниковедения, я нашла там для себя интересный объект для исследований и работы. В исследованиях по истории пролетариата меня всегда тянуло (даже когда я работала на кафедре капитализма) к истокам, к источниковедению. Кроме того, у меня была большая, захватывающая партийная работа.

На следующий год после моего приезда из Китая я получила предложение партийного бюро факультета работать с иностранными студентами и аспирантами. Я с удовольствием согласилась нести эту работу.

Моя партийная обязанность, конечно, не оплачивалась, это была именно партийная нагрузка, которой я занималась в течение шести лет. Я ее выполняла с большим удовольствием и с интересом, с ответственностью. Может быть, потому, что это заложено у меня в характере — ответственно относиться к той работе, которая мне поручена, тем более к общественной работе. Почему-то мне кажется, что я наиболее ответственно относилась именно к общественной работе.

В это время у нас было много иностранцев. Набралась большая группа — одно время было 25 китайцев. Потом, немножко позже, такая же большая группа вьетнамцев, 25–26 человек. Студенты и аспиранты. Среди китайцев, с которыми мне пришлось работать, было много аспирантов, но и студентов хватало. Аспирантов было, наверное, восемь человек. Тех, кто специализировался по отечественной истории, я даже в учебном плане консультировала, когда они занимались русским языком, повышали свою квалификацию в области языка на подготовительном факультете нашего университета, где и учились иностранцы. Я их консультировала по кандидатским.

Я хорошо помню довольно большую группу немецких студентов, несколько девушек. Была еще группа из Албании, особенно хорошо я запомнила одну девочку, Марику. Она потом писала мне окольным путем, после того как наши отношения с Албанией испортились. Прислала открыточку с каким-то большим волнением и огромным сожалением, что испортились отношения между нашими странами, а ведь они так полюбили советских людей. Еще был один стажер из Японии, специалист по истории нашей страны. Он был два или три года на нашем факультете, работа с ним тоже находилась в моей компетенции. Учебной работы я с ним не проводила, но он часто ко мне обращался по разным вопросам. У нас на факультете было довольно много человек, до 10, из ряда африканских стран. Помню одного студента из Анголы, с большими претензиями. Как потом оказалось, его

родители имели крупные кофейные плантации в Анголе. В общем, была разная публика. Были представители подлинно народной демократии, были и представители буржуазии. Со всеми нужно было проводить соответствующую работу.

Главным образом повседневная работа шла в общежитии. Несколько лет, два-три года, в комсомольской и партийной организациях ответственным за работу в общежитии был студент старших курсов, после он учился в аспирантуре. А потом так и остался работать в ректорате с иностранными студентами. Чибиров, очень ответственный молодой человек, по-моему, из Северной Осетии, прекрасно работал в общежитии. Там была хорошая организация: и по досугу, и по соблюдению санитарного порядка. Помню, были доски — красная и черная, какие-то комнаты были на красной доске, какие-то на черной. Один раз на черную доску попала комната того ангольца, о котором я сказала выше. И он пытался подать все так, что это результат дискриминационной политики, проводимой в отношении него Чибировым и студенческим советом, мол, раз он сам черный, значит, его на черную доску. Как мы ему ни растолковывали, что цвет кожи здесь ни при чем, что главное это порядок в комнате, он все равно шумел по этому поводу, кажется, нарочно. Чувствовалось, что он прекрасно все понимает, но ему нужно создать прецедент. Потом, когда мы заинтересовались его биографией и поговорили с ним на этот счет, он сам сказал: «Я не бедный. У моего отца кофейные плантации». Было такое дело — поэтому я этого ангольца так хорошо и запомнила. Все это, может быть, относится к мелочам быта, но в целом работа касалась и таких взаимоотношений.

Иногда мне приходилось организовывать экскурсии — была такая просветительская работа с иностранцами, касающаяся ознакомления с нашей страной. Мне запомнились автобусные экскурсии в Ясную Поляну. Мы ездили в основном с китайцами, но там были и другие иностранцы. Помню, один раз мы устроили такую экскурсию для вьетнамцев. Так получилось, что среда в Ясной Поляне была выходным днем, а нам дали машину именно на среду. Мы поехали туда в надежде на то, что для нас сделают исключение — и действительно сделали. Нас приняли, причем очень любезно, показали дом, провели экскурсию по кабинету Льва Николаевича Толстого и по кабинету его жены, вплоть до всяких дворовых построек. Мы ходили по территории и на могилу.

Автобус был весь заполнен вьетнамцами. Была осень, начало октября, когда клены и липы были желтыми. День стоял великолепный. И я помню, как по этой тихой погоде кленовые и липовые листочки

обрывались где-то наверху и, тихо кружась, падали вниз. Одна вьетнамская студентка, у нее очень хорошее имя, Фи Луань (Фи — это, по моему, цветок), была восхищена этим видом и тем, как тихо падают листочки на землю. Чувствовалась поэтическая натура этой девочки, которая потом проявила себя как героиня во вьетнамской войне с американской армией. Экскурсия была длинной, мы провели там целый день. При въезде в Ясную Поляну находился комплекс, в котором можно было пообедать. В общем, с вьетнамцами вышла очень хорошая экскурсия.

Потом, с вьетнамцами же, я ездила в Ногинск. В частности, в пригород Ногинска, село Богородское (бывшая Морозовская мануфактура), на прядильную фабрику. Там нас тоже прекрасно приняли. Во-первых, пришел сам директор текстильного комбината, пригласил нас к себе в кабинет, рассказал нам об истории комбината, о том, как работают, о рабочих. Потом нас пригласили в столовую, накормили обычным обедом рабочих. Прекрасный домашний обед, вкусный очень, где были мясные щи из квашеной капусты. Вьетнамцы ели с огромным аппетитом. Еще какое-то второе было, простое, но тоже вкусное. Затем мы еще куда-то ходили, немного пообщались с рабочими, а вечером нас пригласили в Ногинск. Богородское рядом с Ногинском, а теперь даже входит в состав города. Ногинский горком комсомола экспромтом устроил в большом клубе для рабочих встречу молодежи с вьетнамскими студентами. Была составлена программа вечера, кто-то должен был выступить от ногинской молодежи, но их, конечно, прежде всего интересовало выступление вьетнамских студентов.

И вот там эта девочка, Фи Луань, всех очаровала. Она сама невысокого роста, миниатюрная. У нее прекрасный несильный, но нежный голосок. Она пела, весь зал молчал, а потом разразились аплодисменты. Она вышла, сделала великолепный книксен, чем вызвала еще одну бурю аплодисментов.

Потом была смешная, но не очень приятная выходка одного из вьетнамских ребят. Этот парень был в своем роде талантливым человеком, он сочинял песни, музыку, хорошо играл на гитаре. Жил как-то особняком в старом общежитии на Стромынке. И вот, когда все собирались ехать на экскурсию, на встречу молодежи, наши ребята ему подсказали (во всяком случае, он так оправдывался) песенку «Цыпленок жареный, цыпленок пареный, цыпленок тоже хочет жить». Вьетнамские ребята показали мне, кто с чем будет выступать, а про него сказали, что песня про цыпленка, мол, разучил какую-то, какую именно — не знаем. Я совершенно не подумала. Вдруг он выходит на сцену и начинает... Что там началось в зале: хлопают, топают, а он как ни в чем не бывало поет.

Он-то не понимает, что это блатная песенка. И с такой простоватой улыбкой продолжает петь и вызывает бурю восторга, хохота. Я в ужасе, конечно, что они так меня подвели. А рядом со мной сидит какая-то очень строгая местная деятельница и говорит:

— Что это такое? Как вы могли позволить?

Отвечаю:

— Не тащить же его сейчас со сцены. Как так получилось, не знаю. Это, конечно, не очень хорошо, но я поговорю с ребятами.

Потом были еще какие-то номера, вечер закончился, в общем-то, неплохо, но какой-то неприятный осадок у меня остался от этой встречи. Я после спросила: «Как же это так получилось?» А он мне говорит: «Меня научили, а я не понимал, что это такое». Он не понимал, почему это плохо... Я что-то объяснила, а ребята потом мне сказали: «Он живет не с нами. Он живет с русскими». И рассказали мне, что он хочет осесть здесь, не хочет возвращаться на родину, боится войны. Все остальные ребята были очень скромные, патриотично настроенные, и они немного конфликтовали с этим парнем.

Ехать от Ногинска до Москвы довольно долго, часа два продолжалась дорога. Ребята много пели. Я им сказала: «Вы побольше пойте свои песни». И они с удовольствием, с подъемом исполняли народные и военно-патриотические песни, которые у них в то время были.

Как-то раз мы ездили на не очень удачную экскурсию. Горком или райком помог нам устроить встречу в Орехово-Зуеве с рабочей молодежью текстильного города, где тоже, как в Богородском, находились старинные Морозовские мануфактуры. Я поехала туда с девушками-немками, и как-то не получилось общение. Я говорю:

— Ну что же так?

— Они должны быть гостеприимны, а они холодно к нам относятся.

Наши девушки не захотели разговаривать, очень формально, официально вели себя. Может, сказалось общее отношение СССР. Хотя война уже давно миновала, тем не менее могло сказаться какое-то натянутое отношение. Я старалась немного разрядить обстановку, хотела, чтобы они подружились — но не вышло. И вроде девочки эти, немки, были неплохие, но эта экскурсия все равно не особо удалась.

Иностранцы часто приходили ко мне на квартиру, я встречала их с удовольствием. Это делали и китайцы, и вьетнамцы. У них была примерно одна и та же программа. Приходили китайцы-аспиранты, у меня с ними были более близкие отношения, там уже была в основном взрослая публика. Но и с вьетнамцами отношения были тоже очень хорошие. Они иногда запросто приходили ко мне целой компанией, а я говорила:

— Чем же мне вас угостить?

А они уже знали, что у меня водились большие банки вишневого варенья.

— Давайте чай пить с вишневым вареньем!

Но так как их все-таки нужно было подкормить, то я посылала кого-нибудь в булочную (на Арбате была очень хорошая булочная, там продавали великолепные булки). Они покупали там эти самые булки, батоны, я резала — и с вареньем. Все ели с огромным удовольствием, им это нравилось, и китайцам, и вьетнамцам.

Однажды ко мне пришла компания вьетнамцев, по-моему, на мой день рождения. Я их уже угощала не просто чаем с вишневым вареньем, а какую-то закуску приготовила. В то время приехал из Магнитогорска мой однокурсник Вячеслав Эйсымонт¹. По-моему, он в это время работал в Магнитогорском пединституте, читал лекции. Очень интересный лектор и ученый. И он застал у меня такую компанию. Я почему запомнила — он как-то особенно раскрылся именно в общении с молодыми ребятами. Я слышала, что он хорошо читает лекции, что студенты к нему замечательно относятся. Но не представляла себе этого, потому что сам он был человеком немного замкнутым, иронически настроенным. А здесь его, видимо, вдохновила эта молодежная компания, и он так просто держал себя с этими вьетнамскими студентами. Мне тогда показалось, что он действительно очень хороший педагог.

Двоюродный брат моего друга Сергея Николаевича, Евгений Сергеевич, жил в Уфе, и его сын слушал лекции у Вячеслава. Этот Евгений мне говорил: «Вот это настоящий ученый! Молодежь, мой сын и его товарищи, захлеб говорят: какие же он лекции читает! Вот таким лектором нужно быть». Когда я увидела его в компании моих гостей-вьетнамцев, я поняла, что он действительно хорошо чувствует себя именно в молодежной компании и очень ярко раскрывается.

¹ **Эйсымонт Вячеслав Станиславович** (15.1.1912, г. Енакиево Донецкой обл. — 23.11.1978, г. Уфа). Родился в семье служащего. С 1931 по 1937 г. работал на инженерно-технических должностях на металлургических заводах. В августе 1937 г. поступил на исторический факультет Московского университета. В 1938–1940 гг. учебу в университете совмещал с преподаванием истории в вечерней средней школе. В августе 1941 г. окончил с отличием университет. В сентябре — декабре 1941 г. был учителем истории в Татарской АССР и работал на строительстве оборонительных сооружений. С января 1942 г. — на военной службе, в качестве артиллериста-вычислителя участвовал в боях на Северо-Западном, Прибалтийских и Белорусских фронтах, был награжден орденом «Красная Звезда». В 1945–1948 гг. — аспирант МГУ. В 1949–1952 гг. — доцент, зав. кафедрой всеобщей истории Магнитогорского пединститута. С 1952 г. — преподаватель Омского педагогического института. В 1968–1978 гг. — доцент кафедры всеобщей истории Башкирского государственного университета им. 40-летия Октября.

Серафима Ивановна с профессором Г.А. Новицким и иностранными студентами МГУ

Вот такая работа была у меня с иностранцами. Здесь нужно добавить, что я не одна работала в этой области. Я возглавляла небольшую группу, которая в порядке партийной работы занималась таким делом. Первым моим помощником был профессор Георгий Андреевич Новицкий, его очень интересовала такая работа. Тем более что он был очень близок к нашей кафедре источниковедения (на которой я уже в то время работала), так как в состав нашей кафедры входило и музейное дело. Отдельной кафедры музееведения у нас не было, была кафедра источниковедения и вспомогательных дисциплин, и вот одной из вспомогательных дисциплин было это самое музееведение¹. А вьетнамцы, да и среди китайцев тоже было такое стремление, хотели заниматься или музееведением, или этнографией, и кто-то археологией. Но особенно их интересовала этнография. У них не было такой специализации, и им было задание, чтоб они обязательно шли

¹ В 1939 г. в числе вновь организованных на историческом факультете кафедр была создана кафедра музееведения и краеведения (зав. — Г.А. Новицкий). Эта кафедра стала практически единственным центром в вузах страны, дававшим широкую музееведческую специализацию. В 1955 г. кафедра вошла в состав кафедры источниковедения истории СССР.

специализироваться на кафедре музееведения с тем, чтобы готовить кадры этнографов в своей стране. Я знаю, что главный ответственный за землячество этнографов на нашем факультете потом стал главным организатором музейного дела на правительственном уровне. А департамент музееведения, по-моему, возглавлял один товарищ, который часто ко мне приходил. Они специализировались у Георгия Андреевича Новицкого. Он, вообще, большой специалист по музееведению. Работал в Историческом музее, очень хорошо знал свое дело. С ним было интересно работать. Еще два-три человека были от студентов — в разное время разные люди, от преподавателей тоже менялись люди. Но главным образом именно Георгий Андреевич Новицкий стал моим ближайшим помощником и сотрудником в этой группе, мы с ним дружно работали.

Можно сказать, мы на общественных началах выполняли работу иностранного отдела. Теперь на факультете уже давно существует специальный иностранный отдел, там есть специальный заведующий этим отделом (когда я заходила, был Барсенков) и два-три человека платных сотрудников. Я сразу вспомнила, что мы-то работали не

Серафима Ивановна с семьей своего ученика из Китая (2005)

платно, на общественных началах. Я об этом нисколько не жалею, наоборот, мне эта работа многое дала. Было много интересных знакомств, и вообще она обогащала меня. Так что я это просто как факт констатирую. Тогда иностранный отдел был при ректорате. Вначале там был совсем небольшой штат, потом он увеличился. Одно время работу с иностранцами в университете возглавлял Кузьма Иванович Иванов¹, а потом Ваня Воронков.

Одним словом, на ежегодных отчетах секретарь партийного бюро факультета (им был Сапрыкин с кафедры истории Средних веков, отношения с которым у меня были вполне доброжелательные) всегда говорил: «Что касается работы с иностранцами, здесь у нас все благополучно». Никак не раскрывая, без претензий. Я понимала, что он не хочет распространяться о положительных вещах, а отрицательного ему сказать нечего, потому что мы работали за целый отдел в общественном порядке.

¹ **Иванов Кузьма Иванович** (31.10.1916, Новоторжокский р-н Калининской обл. — 30.11.1972, г. Москва). Экономик-географ. Окончил с отличием географический факультет МГУ (1939). Участник Великой Отечественной войны. Профессор кафедры экономической географии СССР (1965–1972), зам. декана по учебной работе географического факультета (1948). Помощник проректора МГУ по учебной работе (1949), проректор Московского университета по вопросам обучения иностранных студентов (1953–1965).

Комната боевой славы

Теперь, когда мне предстоят дни воспоминаний, я очень волнуюсь, потому что как-то очень обидно становится, что на нашем факультете, а может, и на других факультетах, все очень тихо, рутинно. Мы пытаемся небольшими силами показать, что же было в то время и как было, как участвовали сотрудники, преподаватели и студенты исторического факультета в тех трагических для страны событиях. Но наши стремления мало осуществляются, есть только какое-то слабое движение в нужном направлении, все упирается в небольшие силы. Над этим делом работает несколько человек, но все время встречаются какие-то препятствия на их пути. Казалось бы, пустяки, мелкие помехи, но эти помехи мешают, как мне кажется, большому делу: наглядной демонстрации современной молодежи того документального материала, который у нас есть, причем в довольно большом количестве, материала о тех трагических и героических днях битвы за Москву.

Сейчас приходится об этом говорить потому, что многие молодые и не очень молодые преподаватели исторического факультета, к сожалению, этой тематикой (связанной с героической борьбой советского народа в период Великой Отечественной войны) или совершенно не занимаются, или занимаются постольку-поскольку, очень слабо. Даже на кафедре истории XX века, где, казалось бы, большая часть работы должна быть посвящена именно этому периоду, занимаются разными другими проблемами. Иногда такие мелкие темы берут! Я не отрицаю того, что второстепенные вопросы в освещении истории тоже играют какую-то роль, но все-таки в центре внимания должны быть глобальные темы исторического процесса, в частности, темы, связанные с Великой Отечественной войной. Ветераны болеют за эту проблематику, но они мало что могут сделать, силы-то ведь тают.

Списки погибших

Во время подготовки празднования двадцатой годовщины Победы, в 1965 году, партком нашего факультета организовал составление списков погибших во время Великой Отечественной войны студентов и преподавателей нашего факультета. Они составлялись по памяти однокурсников и на кафедрах. Все делалось силами партийной организации, которая привлекла к этому и комсомол того периода, и, что является основой для составления этих списков, показания бывших студентов, главным образом участников войны. Сбор поручался кому-то одному, бывшим старостам, секретарям партийных организаций или какой-то инициативной группе — они собирали оставшихся в живых однокурсников и беседовали. Делали, конечно, какие-то наметки, чтобы составить список ополченцев с курса.

Потом такого рода списки, составленные по разным курсам, обобщались на факультете. В результате получилась целая папка, которую мне передал секретарь парткома в начале 80-х годов (по-моему, тогда им уже был Алексей Алексеевич Никишенков¹ с кафедры этнографии). Собралась папка, не очень толстая, но, во всяком случае, там были списки курсов, списки погибших, списки ополченцев (список ополченцев получился неполным). Видимо, сначала передали какие-то основные списки, а потом приходили однокурсники и говорили, что еще выяснили и каких выявили людей, делались дополнительные списки. Все это хранится в нашей Комнате боевой славы, папка всегда должна храниться в том виде, в каком она сейчас находится, потому что сам факт того, что эта папка сохранилась — очень важен для оценки в дальнейшем поисковой работы, она будет служить для изучения истории этой поисковой работы. Папка с найденными материалами — начальный документ, происхождение которого я рассказала.

Список всех курсов того периода есть в особой папке, перепечатанный и размноженный, потому что я несколько раз раздавала эти списки людям, которые интересовались, нашим же историкам.

По нашему курсу сбор сведений происходил так. Я тогда жила на Ломоносовском проспекте (недалеко от нового здания университета) в до-

¹ **Никишенков Алексей Алексеевич** (12.3.1949, г. Спасск-Дальний Приморского края — 23.9.2013, г. Москва) — этнолог, специалист в области социальной и культурной антропологии, этнографии народов Австралии и Океании, истории первобытного общества, лауреат Ломоносовской премии. В 1970 г. после службы в армии поступил на исторический факультет МГУ, с 1974 г. работал на кафедре этнографии (с 1992 г. — этнологии), с 2006 г. — зав. кафедрой.

ме преподавателей, у меня собрались однокурсники, человек 10–12, мы несколько раз собирались для таких бесед.

Хорошо помню, что активное участие в беседах принимал Слава Лавров, он представлял первый поток и был очень активным, хорошо знал свой курс. Причем когда мы учились, я этого не подозревала. А у него, оказывается, оставалась связь со всеми и после войны, и во время войны. Он участник военных действий, прошел всю войну. После войны работал в Институте марксизма-ленинизма, заведовал там, по-моему, отделом публикаций партийных документов. Много лет там работал, почти до самой смерти.

Потом очень активное участие принимал Сергей Иванович Прасолов, я о нем рассказывала. Кто же еще тогда приходил часто? Хорошо помню только, что не меньше 10–12 человек. Несколько раз мы собирались, составляли списки погибших, потом много проверяли, волновались, связывались с другими однокурсниками, с кем только возможно было, чтобы уточнить списки.

Кроме нашего курса такой работой занималась Любовь Николаевна Ростопчина¹ по своему курсу 1936–1941 гг. Она больше сделала. Они тоже, видимо, собирались, обсуждали. Я не совсем в курсе, как это у других делалось в 1965 году. Тогда меня интересовал именно наш курс, и я не думала, что буду заниматься поиском материала по всему факультету, думала только о нашем курсе.

Любовь Николаевна оказалась центром, в котором были сосредоточены все изыскания, которые делали оставшиеся в живых студенты приема 1936 года. У них тоже были первоначальные списки курса. Потом инициативная группа, в которую входил, кажется, Леонид Никифоров², в прошлом староста курса, причем он им был, по-моему,

¹ **Ростопчина Любовь Николаевна** (1917–2006). Из служащих. Поступила на исторический факультет МГУ в 1936 г., в студенческие годы была членом ВЛКСМ. Работала в системе АН СССР, в последние годы — в Археографической Комиссии РАН.

² **Никифоров Леонид Алексеевич** (1911–1986). Поступил на исторический факультет в 1936 г., был «бессменным старостой» курса. В своей автобиографии написал: «С началом Отечественной войны ушел в народное ополчение, откуда был переведен в истребительный батальон Краснопресненского района. Вслед за тем в составе 659 с.п., будучи политруком стрелковой роты, отправлен на фронт. В марте 1942 г. тяжело ранен на Калининском фронте». В 1943 г. он получил направление на учебу в Высшую дипломатическую школу НКВД СССР, которую окончил с отличием в 1945 г. В 1945–1948 гг. работал в отделе США НКВД. После войны — доктор исторических наук, профессор. С 1948 работал в МГИМО (до 1954 г. — декан историко-международного факультета, затем — зав. кафедрой всеобщей истории) МГИМО. В 1962–1968 — ректор МГИАИ. С 1968 г. — в ИИ АН СССР. Лауреат Государственной премии. О нем см.: Никифоров Л.А. — декан историко-международного факультета МГИМО // Вестник МГИМО—Университета. 2013. №1(28) С. 268–270.

все пять лет. Он был немного постарше основного состава этого курса, года на три-четыре. Хотя там было несколько человек старше его. Но Леонид, или Леша Никифоров, как мы его звали, был уважаем не только на своем курсе, но и на других — о нем слышали многие. Он у нас показан на стенде в Комнате, в основной экспозиции, на первом щите «Факультет в начале войны» в отделе истребителей¹. Леша сразу же записался в истребители, а потом его судьбу военную я как-то не проследила, хотя она, конечно, интересна.

После того как закончилось оформление первоначальных данных о курсе к двадцатой годовщине Победы, все материалы передали Л.Н. Растопчиной, она уже составляла материалы. В КБС хранится папка под названием «Прием 1936 г.», там лежат написанные от руки Любовью Николаевной подробные сведения о каждом погибшем. Где сведений нет совсем или есть, но очень мало, она тоже фиксировала, что не удалось собрать.

На курсе приема 1938 года люди, которые работали над выявлением и составлением списков, группировались вокруг Валерии Михайловны Селунской². Им еще труднее было, чем, скажем, моим однокурсникам, потому что все заканчивали вуз в разное время, многие уже после войны.

Для приема 1936 года эти сведения собрать было легко, потому что все они окончили университет перед войной и даже успели сфотографироваться, как-то зафиксировать свое окончание. Труднее было по нашему курсу, потому что мы к началу войны еще учились, и выпускной фотографии у нас уже не было. Хотя большинство моих однокурсников все-таки окончили еще в 1941 году. Я рассказывала, что в летнюю сессию нас выпустили с удостоверениями о том, что мы прослушали четыре курса с правом защиты дипломной работы после окончания войны. Но ребята — участники строительства оборонительных рубежей (а их было большинство), вернувшись оттуда

¹ Речь идет о старом выставочном стенде Комнаты боевой и трудовой славы, который после смены экспозиции можно увидеть только на фотографии.

² **Селунская Валерия Михайловна** (7.11.1920, г. Нижний Новгород — 2005) — специалист в области отечественной истории XX в., доктор исторических наук, профессор, лауреат Ломоносовской премии. В 1938 г. после окончания школы с золотой медалью поступила на исторический факультет Московского университета. В 1941 г., после начала войны, вернулась в Горький, где до 1944 г. преподавала в школе, с 1944 по 1947 г. работала в школе г. Балаклея под Харьковом. В 1949–1951 гг. училась в аспирантуре под руководством академика А.А. Благонравова. С 1952 г. работала на кафедре истории КПСС исторического факультета МГУ, с 1967 г. — профессор. В течение 10 лет (1967–1977) возглавляла кафедру истории СССР советского периода (с 2003 — отечественной истории XX–XXI вв.). Награждена орденом «Знак почета» (1989).

осенью, имели перерыв в одну-две недели. Они приходили и сдавали экзамены. У них принимали госэкзамены и выдавали аттестаты без защиты дипломных работ. Работала государственная комиссия, я об этом рассказывала, Владимир Иванович Лебедев был ее председателем, а его ближайшим соратником и заместителем был Сергей Владимирович Бахрушин. Они оба все время присутствовали на факультете и принимали экзамены. Поэтому все-таки основной костяк курса сохранился, и потом разнობой в сдаче экзаменов не очень большой был — остальные сдали в 1944—1946 годах.

А вот с курсом приема 1938 года было гораздо сложнее, конечно. Во-первых, все они должны были уехать в эвакуацию, и большинство уехали. Кто не уезжал, остался здесь: девушки участвовали в трудовом фронте, а ребята пошли на фронт. У них разнობой в окончании факультета получился более значительный, растянулся чуть ли не на десять лет, во всяком случае, больше, чем на пять. Я знаю, что Селунская собирала материалы, и, конечно, ее главная заслуга в том, что она все-таки сумела выявить основной костяк участников, организовав своих однокурсников на поиск материала и составление списка ополченцев и погибших во время войны.

Я не помню, как все это делалось на более младших курсах. Что касается старших курсов, то здесь главная работа была проведена значительно позже. Сведений о том, как это делалось по старшим курсам к двадцатой годовщине победы, у меня пока нет — их еще надо восстановить. Видимо, я к этому тогда не стремилась. Позже, когда стали готовиться материалы для нашей Комнаты, т.е. с 30-й годовщины победы и далее, особенно в начале 80-х, я была очень тесно связана с бывшими студентами курса приема 1935 года, т.е. второго приема. Здесь мне большую помощь оказали Борис Григорьевич Тартаковский¹ и Миша Хейфец, оба бывшие студенты этого курса.

Борис Григорьевич Тартаковский был активным студентом. Еще в студенческие годы вступил в партию, участвовал в партийной организации. Учиться в аспирантуре начал до войны, но окончил ее, уже придя с фронта. Затем, по-моему, он какое-то время работал

¹ **Тартаковский Борис Григорьевич** (1911, с. Мешерское Подольского р-на Московской обл. — 2002, г. Москва). В 1935—1941 гг. — студент, аспирант исторического факультета МГУ. Воевал в Истребительном батальоне Красной Пресни. Затем на Закавказском, Северо-Кавказском, I-м Украинском, IV-м Украинском фронтах в десантных войсках, был начальником штаба, замкомандира роты, политруком (инструктором политотдела, старшим инструктором. Войну окончил в звании капитана. Награды: орден Отечественной войны I степени, Орден Отечественной войны II степени, орден Красной Звезды. Участвовал в боях за Грозный, Орджоникидзе, Моздок, Железноводск, Прагу.

на кафедре новой и новейшей истории, специализировался на Германии. После был взят в институт марксизма-ленинизма, ИМЛ, и многие годы работал там в отделе Маркса. Они, то есть он и еще один бывший студент (его фамилию я сейчас не вспомню) первого выпуска нашего факультета, были главными работниками по изданию собрания сочинений Маркса. Переводили, готовили к выходу в печать.

Когда я начала собирать материал для Комнаты боевой славы о наших погибших товарищах, Тарковский стал одним из моих ближайших друзей и людей, что на протяжении всех этих лет помогают мне, стремятся расширить уже собранные материалы. Последнее время он часто подчеркивал, что «мы с тобой вдвоем остались самые старые» — он моложе меня всего на три года, 1912 года рождения.

Борис Тартаковский очень помог мне в поиске материалов, самых кратких сведений о тех, кто с их курса погиб, а кто остался в живых. В нашем архиве хранятся списки, которые он давал. Такую же работу проделал по этому курсу и Миша. Он тоже многое восстановил в памяти. Потом они с Тартаковским, видимо, разговаривали на эту тему — таким образом сложились сведения о погибших на том курсе.

Борис Григорьевич дал нам большой материал о своем личном участии в Великой Отечественной войне, причем там были интересные документы общеисторического характера: военные карты и некоторые другие материалы. Он долгое время работал переводчиком в политотделе армии (он же был специалистом по Германии и хорошо знал немецкий язык). Хотя он там был не только переводчиком, он и политическую работу вел. Борис передал в дневниковой записи допросы военнопленных — такого характера остались материалы; они, безусловно, представляют большой интерес для исследователей.

Кроме того, он дал важные и любопытные сведения о наших истфаковцах, с которыми ему приходилось встречаться на фронте. Интересно, что Борис Григорьевич Тартаковский одно время служил в политотделе армии. В том же политотделе вместе с ним работали наши истфаковцы с других курсов, в частности очень важным было для нас узнать хоть какие-то сведения о Георгии Овчинникове¹ (это первый выпуск исторического факультета). Он был одним из организаторов

¹ **Овчинников Георгий Георгиевич** (1915, г. Елань, Воронежской губ. — 1944, Румыния). Из крестьян. В 1934 г. поступил на исторический факультет МГУ, был членом ВЛКСМ, специализировался на истории древнего мира. Один из создателей пулеметной школы в Московском университете. Во время войны был инспектором политотдела 7-й гвардейской маневренной воздушно-десантной бригады. Участвовал в форсировании Днепра, освобождении Румынии. Погиб от случайного выстрела.

университетской пулеметной школы и дружил с Лизой Шамшиковой. Он погиб. Как погиб? Довольно нелепый случай, о нем рассказал Тартаковский, и я это повторять не буду, все можно найти в воспоминаниях Тартаковского¹. Важно, что они работали вместе с Тартаковским, в одном политотделе.

Вместе с Тартаковским — очень хорошо, что он рассказал мне об этом, — работал наш студент, моложе нас, приема то ли 1938, то ли 1939 года, я не помню. Я немного знала его до войны, но очень поверхностно, однако прекрасно узнала этого человека после войны. Звали его Иван Шонин², отчества я не знаю, всегда называла его Ваня Шонин и до сих пор так его называю. Он был помощником начальника политотдела по комсомолу, это большая ответственная должность. Хотя он и был очень молод тогда, но уже, по-моему, был членом партии, очень активный комсомолец и коммунист.

Я не помню сейчас, сколько ему было лет, наверное, 20, может, на год-два больше. Одно время после войны я часто встречалась с Ваней, мы вели долгие дружеские разговоры. Когда я закончила аспирантуру и начала работать, я часто ездила в командировки в Ленинград, работала в Главном государственном историческом архиве, что находится в помещении бывшего Сената на берегу Невы. Первое время я останавливалась в гостинице «Астория». И вот в сквере на Сенатской площади мы с Ваней встречались, вели всякие разговоры. Я помню, что он мне тогда рассказывал что-то о войне, но я не записывала за ним, просто слушала внимательно, расспрашивала — поэтому никаких документов об этих разговорах, записи его воспоминаний о людях нашего факультета, к сожалению, не осталось.

Позже, где-то в начале 80-х годов, под Новый год я ездила в Ленинград. Это был, по-моему, предпоследний или даже последний раз, память начинает мне изменять... Я провела время, не столько работая в архиве (в моем распоряжении было мало времени, и сделать серьезную работу в архиве я бы все равно не успела). Наверное, меня просто тянуло туда, хотелось восстановить в памяти былые годы работы в архиве (в моей научной деятельности все сходило на нет). Мне просто хотелось вспомнить интересную работу предыдущих лет и встречи с моими друзьями в Ленинградском архиве.

¹ Тартаковский Б.Г. Из дневников военных лет. М., 2005. С. 75.

² Шонин Иван Александрович (р. 1919). Из рабочих. В 1938 г. поступил на исторический факультет МГУ, был членом ВЛКСМ. На фронте служил в политотделе в качестве помощника начальника по работе среди комсомольцев, принимал участие в освобождении Украины, Румынии. После войны работал в Высшем военном училище Ленинграда.

Может быть, поэтому я этой части моего пребывания уделила немало времени, большую часть поездки я провела, встречаясь со старыми знакомыми. Были две знаменательные встречи: одна — с семьей (дочерью и сыном) моей хорошей ленинградской приятельницы Безруковой, которой уже не было в живых. Это была очень нужная и интересная для меня встреча, но это личное, это выходит за рамки моей жизни на факультете.

Во время второй моей важной встречи в Ленинграде я посетила брата Лизы Шамшиковой, Александра Александровича Шамшикова, который после войны жил в Ленинграде вместе со своей женой, моей однокурсницей Шурой, Александрой Черновой¹ в девичестве. Они поженились в 1945 году, сразу после войны, а дружба их завязалась еще в довоенное время, когда Саша, брат Лизы, моложе ее на два года, служил в армии где-то неподалеку и часто приезжал в Москву. Вообще, они в Щекине жили, всей семьей, это недалеко от Москвы. С Шурой он познакомился в общежитии на Стромынке, она жила вместе с Лизой Шамшиковой в одной комнате.

Вот у них я и побывала в гостях. Предварительно мы, конечно, созвонились, они пригласили к себе. Это было за день до Нового года. Приехала я с утра, обедала у них, потом мы пили чай, потом ужинали: одним словом, целый день разговаривали. О факультете, о людях факультета... Хотя Саша и не учился в университете, он очень многих знал по общежитию. Конечно, главной заводилой в нашем разговоре об истфаке была его жена Шура Чернова. Оказалось, у нее такое обширное знание нашего факультета, студентов разных курсов и особенно нашего курса, что я даже поразились! Она многое помнила, вплоть до того, что легко, без всякой паузы восстановила гимн нашего факультета. Даже не гимн, а стихотворение «Баллада о студенте, не сдавшем латынь». Она написала его, я потом привезла сюда, и мои однокурсники подтвердили, что именно так и звучала эта баллада, так она и была показана в клубе университета на Моховой на одном из студенческих вечеров. Эта баллада теперь хранится в нашем архиве. Кроме того, мне удалось узнать много телефонов наших бывших студентов, живущих теперь в Ленинграде.

Почему я отвлеклась и заговорила об этом? Потому что Шура знала телефон Вани Шонина. Я потеряла все сведения о нем к этому времени, к началу 80-х годов. У меня раньше были с ним разговоры, он в Москву приезжал и ко мне, по-моему, приходил. Да и я ездила

¹ Чернова Александра Хиновна (р. 1920). Из служащих. В 1937 г. поступила на исторический факультет МГУ, была членом ВЛКСМ.

к его родителям на дачу куда-то под Москву, потому что мне нужно было купить отрез на пальто, а отец Вани был директором магазина. Ваня мне предложил тогда (это было в 60-х годах): «Где ты будешь искать? Вот поезжай к отцу, он тебе поможет выбрать». Где-то под Москвой в небольшом дачном поселке находился магазин, где не нужно было стоять в очереди и можно было рассчитывать на квалифицированную помощь. Но к 80-м годам у меня его телефона не сохранилось. Саша Чернова дала мне его номер, и я от них позвонила Ване, мы по телефону с ним долго-долго разговаривали, и я его просила:

— Ваня, дай сведения о своей работе в политотделе с Тартаковским и о последующей своей работе, когда вы уже оказались в разных военных частях...

— Да, да, да...

Начал мне говорить много всего интересного, обещал прислать материалы, а потом так ничего и не прислал.

Я там не только с Ваней разговаривала, но и с некоторыми девочками нашими с курсов медсестер, адресов шесть-семь у меня сохранилось тогда. Все мне дали клятвенные обещания прислать материалы, а в конце концов так никто ничего и не прислал. Я возобновляла разговоры, но все это было очень сложно и трудно, а потом началась пресловутая перестройка, и стало совсем невозможно связаться с ними по телефону, это слишком дорого стоило. Как-то все оборвалось.

Я рассказала о том, с кем меня свел Борис Григорьевич Тартаковский, рассказывая и о своем курсе, и о людях нашего факультета, с которыми ему пришлось встретиться на фронте.

Что касается Миши Хейфеца, то кроме восстановленного им списка однокурсников, участников войны и особенно погибших, который сохранился в архиве, он мне привел один очень интересный факт. Оказывается, он служил на фронте вместе со своим однокурсником, тоже очень интересным человеком — Сергеем Васильевичем Шестаковым¹. Он мне об этом сначала рассказал, а позже я получила материал от жены, уже специально для листов на наш стенд, под заглавием: «Служили два

¹ **Шестаков Сергей Васильевич** (17.10.1915, д. Цирибушево Спиоровского у. Тверской губ. — 1991, г. Москва). Из крестьян. Войну начал в звании младшего лейтенанта, воевал на II Прибалтийском фронте в артиллерийских войсках, в пехоте. Был заведующим делопроизводством лазарета, командиром минометного взвода, замкомандира минометной роты, старшим ад. минометного батальона, старшим ад. стрелкового батальона, помощником начальника штаба дивизии. Окончил войну в звании майора. Доктор исторических наук, профессор ИПК при МГУ.

товарища в одном и том полке». Его жена Валерия, его однокурсница, тоже очень активный человек и на курсе, и в университете, и накануне войны в целом. По-моему, в последние предвоенные выборы в вузком комсомола, как раз были избраны Якименко, Захарьян и она, Валерия Иммануиловна Кунина¹. Довольно известный историк.

Что касается Сергея Васильевича Шестакова, с этим человеком я перед войной была почти незнакома: так, знала его издали, очень симпатичный юноша был. Я и после войны с ним не сразу познакомилась, но потом хорошо узнала его. и мы с ним даже подружились (думаю, я могу такое сказать о наших отношениях). Это случилось, когда он после работы в ЦК партии (какое-то время он там работал в одном из отделов) пришел к нам в университет. Не на наш факультет, а в институт повышения квалификации по отечественной истории, но на нашем факультете тоже часто бывал. Оказалось, что он — ученик С.В. Бахрушина (может быть, поэтому мы с ним особенно сблизились). Он много рассказывал о том, как они учились в семинаре у С.В. Бахрушина. Потом он переписывался к Сергеем Владимировичем, и эта переписка частично сохранилась — он передал в КБС открытку С.В. Бахрушина в ответ на письмо или открытку Шестакова 1945 года. Видимо, когда закончилась война с Германией, он был проездом на несколько дней в Москве по пути на Дальний Восток и хотел увидеть Сергея Владимировича, но не застал его и оставил ему открытку и адрес части, в которой он должен был продолжить службу. В этой открытке, посланной Шестакову Сергеем Владимировичем Бахрушиным, он как раз и говорит о том, что жаль, что вы меня не застали и я с вами не увиделся, но я очень об этом сожалею и желаю вам всего хорошего, а если бы мы встретились, то вспомнили бы прошлые наши знакомства и людей, которые, к сожалению, уже ушли.

Я, пожалуй, знала о Сереже Шестакове еще за несколько лет до того, как лично с ним познакомилась, в связи с тем, что мы собрали материал об их погибшем однокурснике Андрее Айзенштадте². Один студент

¹ Кунина Валерия Эммануиловна (Ильинична) (1912–1998). Из служащих. В 1935 г. поступила на исторический факультет МГУ. Специалист по истории Англии и Ирландии.

² Айзенштадт Андрей Давыдович (1914, г. Москва — 1941, под г. Ельня). В 1935 г. поступил на исторический факультет МГУ, учился на военном потоке, специализировался по истории СССР у С.В. Бахрушина. В 1940 г. перевелся на заочное отделение. Несколько месяцев работал в Историческом музее. В 1939 г. участвовал в присоединении Западной Украины и Западной Белоруссии. Был мобилизован как младший лейтенант запаса в первые дни войны.

у меня занимался этим поиском. Сестры Андрея работали у нас в университете на каком-то из факультетов, но приходили к нам, и мы устраивали беседу воспоминаний, они рассказывали о брате. Это была очень интересная личность, его всегда тянуло к путешествиям, и они иногда путешествовали вместе с Шестаковым. В оставшемся архиве Андрея сохранились записи, в которых очень мелким убористым шрифтом написано множество различных российских рек. Список составлен в результате его исследований и частично личных посещений. Сережа Шестаков, Сергей Васильевич, с которым я потом лично познакомилась, — был его другом и товарищем, об этом мне рассказали сестры.

Когда Сергей Васильевич Шестаков работал в институте повышения квалификации, мы с ним часто встречались. Обычно наши разговоры велись в Горьковской библиотеке, в очень уютном профессорском зале, где я одно время буквально дневала и чуть ли не ночевала. Жила я на Арбате, мне туда было близко ходить, а там очень уютно, все можно получить сразу, и книги можно хранить неделями и месяцами. Для каждого из нас был в шкафу определенный уголок. Сергей Васильевич тоже там занимался, и мы с ним много разговаривали, вспоминали о бывших днях довоенного истфака.

Умер он в 1991 году. Я связалась с его женой, и она принесла мне большой архив Шестакова. Он хранится у нас в папке, в нашем фонде в Комнате боевой славы, потому что это тоже очень важно.

Это о курсе приема 1935 года, т.е. второго выпуска нашего факультета.

Теперь что касается 1934 года, первого приема и первого выпуска нашего факультета. Я иду, поднимаясь вверх.

Еще не была открыта Комната боевой славы, а я уже, по-моему, готовила материал, одновременно с работой с Хейфецем и Тартаковским над следующим курсом, т.е. приема 1935 года. В университете долго работала выпускница исторического факультета, первого выпуска, я запамтовала, как ее зовут, очень интересная и симпатичная женщина. Она жила в том же доме преподавателей на Ломоносовском проспекте, где я жила с 1964 до 1980 года (в 1980 году я переехала на Болотниковскую улицу).

Каким-то путем (сейчас не смогу вспомнить) я узнала, что она была одной из тех активисток исторического факультета, которые осенью 1941 года, в самые тревожные дни, когда по приказу и ректора и свыше университет должен был эвакуироваться и эвакуировался, остались в Москве. Остался какой-то обслуживающий персонал, например, на нашем факультете: Надежда Матвеевна Мырмикова, Анна

Ивановна Шабалина, Нина Николаевна Абрютинна, Елизавета Михайловна Ушанова (по-моему, потом она работала на кафедре славяноведения, а тогда была секретарем факультета) и несколько выпускников. В числе этих единиц была та самая женщина из первого выпуска, она была оставлена на кафедре средних веков в аспирантуре. Они были активными участниками спасения от пожара, от зажигательных снарядов в нашем университете, в частности, на нашем факультете. Лазили на крышу, сбрасывали эти «зажигалки».

Я к ней обратилась, и она дала мне телефон своей однокурсницы, у которой были сосредоточены основные данные обо всем курсе, то есть об их выпуске, который состоялся в 1939 году. Конечно, эти люди работали в разных местах. Там был очень талантливый курс, некоторых из них взяли и на дипломатическую работу, и даже на политическую, и т.д. Я познакомилась с Эмилией Ивановной Алурдос¹, муж которой, Брагинский², был первым секретарем комсомольской организации исторического факультета. Когда был восстановлен исторический факультет, была создана комсомольская организация, и ее первым секретарем стал Брагинский.

Я сговорилась и поехала к ним. Оказывается, у них на каждого выпускника были заведены небольшие карточки: сведения — когда учился, год рождения, кем стал после окончания; и данные — где он сейчас живет. Не обо всех, конечно, но о большинстве. Кроме того, были фотографии: во-первых, общие фотографии выпуска. Было два потока, я об этом уже говорила, военный и гражданский, и для каждого отдельная фотография. Во-вторых, фотографии их послевоенных встреч. Они встречались — не все, конечно, потому что кто-то не вернулся с фронта, хотя таких там было не так много: большая часть из них работала в ТАСС, на дипломатической работе, было много таких, которых не смогла достать пуля. Они передали мне эту картотеку, фотографии их встреч, причем у меня сохранилось в памяти, что на фотографиях послевоенных встреч два или три раза присутствовал Дружинин. Он дружил с этим курсом, с выпускниками, они его приглашали, и его присутствие, конечно, оказалось отмечено на фотографиях. Все это хранится в Комнате боевой славы.

¹ Алурдос Эмилия Ивановна (р. 1917). Из рабочих. В 1934 г. поступила на исторический факультет МГУ, была членом ВЛКСМ.

² Брагинский Моисей Исаакович (1911–1986) — востоковед, доктор исторических наук. В 1934 г. поступил на исторический факультет МГУ, учился на военном потоке. Был комсоргом первого курса. После окончания университета — старший преподаватель в пед. вузах в Вологде и Тамбове. В 1943–1946 гг. — в рядах РККА. С 1946–1948 гг. — аспирант МГПИ. В 1960 г. — сотрудник Института Африки АН СССР.

Таким путем собирались эти сведения. Я довольно подробно рассказала по всем курсам о том, как мы искали сведения о погибших, участниках войны и сведения другого характера о выпускниках исторического факультета. Рассказала, как результаты самых различных поисков отложились в нашем архиве Комнаты боевой славы.

Конечно, не я одна занималась этой деятельностью. Еще раз подчеркну: очень большую помощь нам оказала комсомольская организация. Были группы поиска, которые провели большую, серьезную работу. Особенно активно эта работа развернулась после 1975 года, т.е. тридцатой годовщины Победы, затем был всплеск сбора сведений перед открытием нашей комнаты, т.е. в 1985 году. Продолжалась наша работа и после. Очень многое в поиске сведений о погибших студентах МИФЛИ сделали эти группы. Оказалось, что это трудно, легче было собрать сведения о тех историках, которые до войны учились на историческом факультете — потому что у меня было много знакомых, и другие товарищи кого-то знали, а вот с МИФЛИ было сложнее, но комсомольцы проделали очень большую работу.

Когда мы готовились к сороковой годовщине Победы, нужно было сменить мемориальную доску погибших, потому что та доска, которая была в то время, не удовлетворяла и внешне, и главным образом по содержанию — там был слишком короткий список. И вот мы с Муравьевым, бывшим председателем Совета ветеранов, поработали над сведениями буквально о каждом человеке, о каждом погибшем, два-три года систематически занимались этим. К 1985 году уточненный список был обновлен, была заказана новая доска. Непосредственно заказом занимался Муравьев и особенно тогдашний заместитель декана нашего факультета по хозяйству генерал-майор в отставке В.Г. Левченко.

Работа в Комнате боевой славы

Еще я бы хотела рассказать об ополчении. Я постараюсь специально выделить из обилия материалов, которые хранятся у меня в памяти, нашу работу над восстановлением точного (или более-менее точного) списка ополченцев исторического факультета. Над ним мы работали с Любовью Николаевной Растопчиной и много сделали для того, чтобы уточнить данные о наших студентах-историках, участвовавших в ополчении.

Ведь в преддверии знаменательной даты — победы советского народа против фашизма под Москвой — пишется очень много всякой литературы, выходят статьи и книги (насколько я могу ориентироваться

в этих событиях). Я не читала книг, но общалась с людьми, слушала радио и телевидение. Вновь поднимается, можно сказать, какая-то мутная волна: начало войны, настроения народа в то время, ополчение — что оно собой представляло и какую роль сыграло?..

Здесь много всякой фальсификации, вплоть до того, что недавно мне пришлось разговаривать с моей однокурсницей (я не буду называть ее фамилию), женой погибшего в ополчении очень хорошего человека, как говорят о нем, и насколько лично я могу судить по документам, имеющимся в Комнате боевой славы. Сама я с ним не была знакома, просто знала как студента нашего факультета, способного, талантливого человека. Он погиб в 1941 году, а жена его (она потом вышла замуж за другого) продолжает ездить на места боевой славы, интересоваться материалами, связанными с гибелью ее мужа.

Все это совершенно естественно и очень хорошо. Но она взялась за статью об ополчении, написать которую ее попросила какая-то организация. Она взялась написать статью не по документам об ополчении, а по различным воспоминаниям, высказываниям, в том числе по устным рассказам. Суть ее вопроса состояла в том, какую роль сыграло ополчение, действительно ли оно было необходимо (так я ее поняла, может быть, я ошибаюсь), и как оно было организовано, как оно управлялось.

Под всеми ее вопросами и рассуждениями на этот счет был такой подтекст: коммунистическая партия виновата в том, что она создала ополчение, которое сыграло незначительную роль в войне, и результатом которого была гибель многих молодых талантливых людей. Когда я ее спрашиваю, какие источники она использовала, она говорит, что читала воспоминания Жукова и других маршалов, и оттуда выбирала негативную сторону этой проблемы. А та классическая оценка роли ополчения в битве за Москву, которую дал Жуков (я считаю, что именно она классическая), для нее осталась в стороне. То есть она о ней знала, но из воспоминаний Жукова брала — грубо выражаясь, выдергивала — отдельные моменты, только недостатки. Они, безусловно, были, об этом даже и спорить не стоит. Но дело в том, что все это нужно было показать в контексте событий, той исторической обстановки, в которой все это складывалось, и уже на основе этого давать свои суждения, интерпретацию.

Доказательством того, что это не очень добротное с точки зрения подлинного исторического знания исследование (я сужу об этом как источниковед), служит следующий факт. Она привела пример: ей рассказывал один студент нашего факультета, который остался жив, что его якобы не брали в ополчение, потому что его политическая харак-

теристика была недостаточно хорошей. Я знала этого человека и никогда не слышала, чтобы у него было что-то такое в политической характеристике. И после войны я общалась с ним, правда, мы не были достаточно близкими друзьями, чтобы откровенно разговаривать — обычное знакомство бывших студентов не одного курса, но одного факультета. У нас с ним были разговоры, и ничего подобного я не слышала. А тут он якобы ей жаловался, что его не брали в ополчение. Вроде бы он рвался, хотел проявить свои патриотические чувства на защите Родины, но вместо того, чтобы записать его в ополчение, его послали на строительство оборонительных рубежей.

Здесь я указала на ее ошибку, неосведомленность в том, как все было на самом деле. На строительство оборонительных рубежей отряд комсомольцев университета, примерно в 450 человек был мобилизован по линии ЦК комсомола. Формированием этого отряда по поручению вузовского комитета комсомола занимался студент нашего факультета того же курса, на котором учился тот студент, Михаил Яковлевич Гефтер, хорошо известный человек, который умер в 1995 году. По моей личной просьбе, когда мы оформляли стенд об участниках строительства оборонительных рубежей, он написал мне довольно подробную справку о том, как все происходило. Чего-то в этой справке недоставало, я еще раз обратилась к нему с просьбой и сказала: «Миша, это официальный документ. Пожалуйста, напиши так, чтобы это все звучало именно как официальный документ. На него мы будем ссылаться, и потом будут ссылаться». Тогда он второй раз написал то же самое, что-то уточнив, со своей подписью как человека, ответственного за эту мобилизацию. Этот документ у меня хранится. В этом документе значится, что отряд студентов, в том числе и историков, был сформирован еще до 30 июня, 30 июня они уже были в поезде на пути к тем местам, где они должны были строить эти оборонительные рубежи, от Рославля по направлению к Брянску по реке Лопать. То есть 30 июня они уже были в пути. А ополчение в массовом порядке начало формироваться 3 июля после знаменитой речи Сталина, обращения к народу. Значит, он никак не мог просить записать его в ополчение, так как он уже поехал на строительство оборонительных рубежей.

Почему он допускает такую неточность — непонятно, и почему эта женщина допускает такую неточность — тоже не ясно! Для меня, как историка и источниковеда, это значит, что все ее построения основываются на недостаточном количестве источников. Я ей говорю:

— Ты приезжай в Комнату боевой славы, я тебе покажу этот документ Миши Гефтера.

- Зачем мне смотреть, я смотрела то-то и то-то.
- Но у тебя фактическое расхождение!
- Ну он, может быть, ошибся...
- А зачем ты слушаешь людей, которые не аргументируют свои высказывания и свои показания?

Так или иначе, тот человек, о котором она говорит, не мог требовать, чтобы его записали в ополчение, потому что никого еще не записывали.

Я уже писала про своего однокурсника Арчила Джапаридзе, которому могли (точнее, пытались) отказать, — я рассказала этот случай этой женщине. Она не знала даже того, что было две волны ополчения. Она не знает самой истории, а я поняла по нашим материалам, относящимся к восьмой дивизии, что была первая волна ополчения — сразу после 3 июля до 7 июля, в течение нескольких дней был сформирован основной костяк 8-й Краснопресненской дивизии. Потом формирование продолжалось летом, были дополнительные списки — вроде того, в который попал Арчил. Была и вторая волна — это осень (конец сентября и начало октября) 1941 года, когда наши ребята вернулись со строительства оборонительных рубежей, были сформированы дополнительные отряды ополченцев. Они часто назывались даже не ополченцами, а рабочими или коммунистическими батальонами, некоторые наши студенты были в этих батальонах. Никакого разговора о том, что в это время кому-то из тех, кто, тем более, прошел уже проверку на строительстве оборонительных рубежей, и вообще студентам нашего факультета, отказывали, не могло быть! Никто не мог ему отказать!

Это очень близкий мне пример, поэтому я на него ссылаюсь в данном случае. Но есть и другие высказывания, о которых, может быть, у меня недостаточно точные представления. Во всяком случае, мне очень тревожно сейчас. Теперь готовится какое-то издание, в которое будут включаться кем-то заказанные статьи подобного рода. Она, конечно, историк, но не отечественный (она специалист по Южной Америке), некомпетентный — она не занималась историей Великой Отечественной войны специально, в полном объеме. Ее лишь заинтересовал психологический угол зрения касательно этой проблемы, причем только с одной стороны. Скорее всего ей руководила обида, что погибло много наших ребят, но такова была историческая обстановка.

Я хочу и должна рассказать о многих прекрасных людях. Я уже немало говорила о них, но о многих и о многом умолчала — в том числе, о тех заданиях, которые выполняли мои сверстники, студенты. В частности, о том, что делали студенты Московского университета после

нашего знаменитого собрания 22 июня 1941 года. Я рассказала главным образом только об одном задании, о первом трудовом фронте на лугах и о том, что было со мной потом. Я еще о многом не рассказала, в частности я просто обязана ответить тем клеветникам, в том числе и из историков, которые неправильно освещают историю первых дней и месяцев войны.

Бывший студент МИФЛИ историк Беляев написал брошюру своих воспоминаний о войне. Не помню точно, как она называется. Я даже не смогла ее полностью дочитать, потому что уже начала плохо видеть, читала с лупой — но в целом поняла, в каком направлении это написано.

Он в первом же своем предложении заявил, что хочет объективно рассказать о войне и, в частности, о начале войны, участником которой он сам был. Его правда заключается в том, что, оказывается, энтузиазм, с которым народ добровольно шел на фронт, преувеличен. Оказывается, все были мобилизованы. Это клевета! Конечно, были и мобилизованные люди. Например, мой старший брат и другие люди, отслужившие в Красной армии, состоявшие в резерве. Они, конечно, были мобилизованы в первую очередь. Среди студентов и преподавателей тоже были те, кто уже имел военные звания, подготовку — они тоже были мобилизованы. Но Беляев сюда же присовокупляет и мобилизации, проходившие по линии комсомола и партии. Это тоже называли «мобилизацией», но при этом такая мобилизация была добровольной.

Например, наркомат совхозов просил комсомольцев оказать помощь. ЦК комсомола объявлял мобилизацию, но это все равно была мобилизация добровольцев. Мы каждого человека опрашивали, действительно ли он хочет поехать. Некоторых мы буквально уговаривали не ездить, если видели, что они не годятся по состоянию здоровья. То же самое — мобилизация на строительство оборонительных рубежей и, конечно, в народное ополчение, которое создавалось из народа. Разве это отрицает то, что было много, очень много добровольцев?! Особенно на первом этапе. Да и потом, в последующий период: подрастало новое поколение, поколение тех, кто также добровольно вступал в армию, рвался на фронт. Это были подростки, молодежь!

Лично я в мобилизации на строительство оборонительных рубежей участвовать не могла, потому что мы готовили поездку на первый трудовой фронт. Слышала, конечно, что идет мобилизация на строительство оборонительных рубежей, но как, что, куда — я не могла этим интересоваться, потому что была полностью поглощена организацией поездки на уборку лугов. Однако позже, когда я уже вернулась с трудо-

вого фронта, с уборки лугов, мне встретились мои однокурсники, которые рассказали, как это было. Встреча эта произошла в начале сентября 1941 года, когда я зашла на факультет. У входа я встретилась с группой своих однокурсников, их было человек пять. Хорошо помню, что разговор со мной начал Андрей Вовчик. Об этом эпизоде я рассказывала, когда говорила о Зевине, сейчас хочу лишь подчеркнуть общее настроение: тогда уже было понятно, что наступил очень важный момент, война, и было ясно — она нескоро окончится. Поэтому именно сейчас коммунисты и комсомольцы должны себя держать по-коммунистически, думать не о себе, не о своем благе, а о благе других людей и всего Отечества. Я этот факт рассказываю к тому, что ребята, которые прошли трудные месяцы — июль, август, начало сентября — на строительстве оборонительных рубежей, где (особенно под конец) над ними летали фашистские самолеты, шли бомбежки; где началась ранняя осень, дожди, и они часто были по колено в грязи, рыли эти оборонительные рубежи, — они уже тогда поняли, что война будет длительной, что к этому нужно готовиться физически, и прежде всего нужно психологически себя подготовить. Я хотела это подчеркнуть, потому что в литературе слишком уж утрируются настроения у народа в первые дни войны, что, мол, одна часть в панику вдалась, а другая — «мы пойдем на фронт и шапками забросаем фашистов, победим немедленно!» Была, конечно, какая-то такая часть молодежи, которым казалось, что достаточно им пойти на фронт и победа будет одержана, но чаще было более серьезное отношение к этому.

О нашей авиации. Она была слабая в начале войны, это верно, но не в такой степени, как говорят те, кто готов предать своих современников. Когда начинают рассказывать о том, что над Москвой летали вражеские самолеты и бомбили город, а наши самолеты моментально сшибали, едва они только поднимались в воздух — это абсолютная ложь! В первые дни войны вражеская авиация, конечно, превосходила нашу. Но, например, московская противовоздушная оборона была очень хорошо организована.

У нас на факультете на кафедре истории партии долгое время работала Лидия Васильевна Завадская¹. Во время войны ей было присвое-

¹ **Завадская Лидия Васильевна** (28.2.1907 — 2003, г. Москва). Во время войны служила лектором в политуправлении ПВО Московского и Центрального фронтов (города Вязьма, Смоленск, Архангельск, где зенитные войска обороняли важные объекты). Великую Отечественную войну окончила в звании полковника. Боевые награды: орден Отечественной войны II степени, 2 ордена Красной Звезды, медали «За боевые заслуги», «За оборону Москвы», «За победу над Германией». Сотрудник факультета с 1962 г., кандидат исторических наук, доцент кафедры истории КПСС.

но звание подполковника, она служила в авиации, в ПВО. Однажды, в начале или в середине 80-х годов, на встрече ветеранов войны со студентами она рассказывала, как обороняли Москву. Все было документально, причем были и свидетели, тоже участники тех событий, в частности, Вера Ивановна Владимирская¹, которая осенью 1941 года находилась на политработе в войсках ПВО, принимала участие в обороне. Я к Лидии Васильевне, признаться, особенно не обращалась, в то время, когда мы с ней сталкивались на факультете, когда мы работали, до перестроечных лет, начала 90-х годов, я не слишком ей симпатизировала. Мне казалось, что она как-то излишне много говорит о себе, о своих заслугах. Может быть, даже не столько говорит, сколько своим поведением подчеркивает, что она подполковник. А Вера Ивановна Владимирская была майор — они дружили и как-то очень этим кичились, мне это не нравилось. Наверное, я была неправа. Уже после, когда я увидела, как люди изменяют своему прошлому, я поняла, что ошибалась: они гордились своим прошлым и правильно делали. Они не изменили прошлому, и в этом они безусловно были правы и достойны уважения.

Служащие Московского университета, в частности нашего факультета, которые никуда не эвакуировались, наши женщины — Мыррикова, Нина Васильевна Бренти, Анна Ивановна Дикорова, по-моему, Елена Латынина, и еще несколько — все они участвовали в обороне Москвы. Они стояли на крыше старого здания университета — гасили сбрасываемые зажигательные снаряды, в общем, активно участвовали в обороне Москвы. Они рассказывали о том, как наша ПВО не давала прорваться к Москве, и как уничтожали, сбивали немецкие самолеты.

В 1991 или 1992 году группа моих однокурсников обратилась к нам, ветеранам факультета, в КБС, с просьбой поднять вопрос о награждении их медалью «За оборону Москвы». Дело в том, что эта медаль, учрежденная в 1944 году, главным образом выдавалась в 1944–1946 годах. Многие ребята, имевшие право на получение этой медали, этим правом не могли воспользоваться потому, что еще не были демобилизованы,

¹ **Владимирская (Солдатченко) Вера Ивановна** (10(23).11.1912, г. Петербург — ?). Из рабочих. В 1938 г. поступала на исторический факультет МГУ. В 1941 г. добровольно ушла в армию, была медсестрой Головного военного госпиталя, агитатор Московской Особой армии ПВО на Московском, Центральном фронтах, участник битвы под Москвой. Великую Отечественную войну окончила в звании майора. Боевые награды: орден Отечественной войны II степени, Красной Звезды, медали «За оборону Москвы», «За победу над Германией». Окончила кафедру южных и западных славян исторического факультета МГУ в 1948 г., сотрудник факультета с 1952 г., доцент кафедры истории южных и западных славян. Была председателем совета ветеранов МГУ.

выполняли какие-то задания. Некоторые просто не придали этому особого значения, потому что медалей и орденов было много. Главное — Победа, это занимало все мысли, вызывало восторг. А вот в 1991 году в связи с 50-летним юбилеем обороны были объявлены льготы, начались определенные трудности в нашей стране в связи с перестройкой, и ребята захотели, чтобы мы — Совет ветеранов — помогли им в получении этих медалей. В частности, этого требовали участники строительства оборонительных рубежей на дальних подступах к Москве — это же прямое участие в защите Москвы.

Тогда мы пришли к такому выводу: будем собирать материал. Мы стали составлять списки и написали от нашего Совета ветеранов, от деканата официальное направление в мэрию, потому что медаль «За оборону Москвы» выдавалась в свое время Моссоветом. Мы обратились лично к Лужкову — оттуда было написано распоряжение наградному отделу заняться этим делом — лично какому-то человеку. Началась длительная бюрократическая процедура собирания материалов, постоянно что-то требовалось: то не хватает такой-то характеристики, то такого-то документа, не хватает того-то и того-то... На каждого человека мы собрали целую пачку документов, кроме того, что была общая документация, что это за мобилизация. У меня в нашем музее сохранилась целая папка с этой документацией. Бюрократическая волокита продолжалась два года. По нашей просьбе, по просьбе Совета ветеранов и всех товарищей, которые подавали документы, мой однокурсник и тезка Серафим Михайлович Суслин (его сейчас нет в живых, к сожалению, умер в середине 90-х) занялся этим всерьез, вел дело квалифицированно, умело и дипломатично¹. Он сам дипломат по своей деятельности, участник войны и строительства оборонительных рубежей, и был там в числе пятерки передовых строителей (самый передовой был Миша Булатов из Казани, дальше был Сима Суслин, тоже мой однокурсник — Миша Рутц² и еще несколько

¹ **Суслин Серафим Михайлович** (1918–1990-е). Вступил в народное ополчение, затем учился в арт.-минометном училище и на арт. курсах. Воевал на Волховском (оружейным техником), Ленинградском, 3-м Прибалтийском фронтах. Участвовал во взятии Нарвы, Тарту, Риги. Войну окончил в звании лейтенанта. Работал в МИДе. В 1953–1954 г. возглавлял Архив внешней политики России. См. о нем: *Суслин С.М.* // «Мы шли навстречу ветру и судьбе...»: воспоминания, стихи и письма историков МГУ — участников Великой Отечественной войны. М., 2009. С. 225–239.

² **Рутц Михаил Генрихович** (р. 1919). Из служащих. Поступил на исторический факультет в 1937 г., был беспартийным. Известно, что в начале войны стремился попасть в истребительный батальон, но не был принят из-за национальности. После войны работал в школе, в Заочном институте строителей в г. Семипалатинске, затем — на общетехническом факультете Алмаатинского политехнического института.

человек). Потом он прошел всю войну, а после войны окончил курсы при МИДе и работал по линии МИДа за рубежом.

Он ходил в наградной отдел, все время держал связь с работающей там женщиной, и в конце концов она заявила: «Ну, кажется, теперь достаточно документов, нужно подавать». Мы думали — все! Она доложит в мэрию и будет все утверждено, будет выдана медаль за оборону. А оказывается, мэрия не взяла на себя эту ответственность — нужно было передать документы в наградной отдел при президенте. Может быть, так должно быть, а может быть, не должно — тогда, во время войны, Моссовет выдавал эти медали. Наградной отдел при президенте, куда были переданы все материалы, категорически нам отказал. Какой был мотив? Да никакого! Была дана рекомендация: никаких коллективных обращений, пусть каждый в отдельности передает свои документы, а в этом «деле» документы каждого по отдельности они рассматривать не хотели. Некоторые начали сдавать — тоже отказ, откладывали, мол, потом рассмотрим... Продолжалось это года четыре или пять, а потом совсем заглохло. Сима Суслин умер. Дело взялся вести другой мой однокурсник, участник этого мероприятия, на него тоже были документы в этом деле — Хачатуров¹ его фамилия. Но ему так ничего и не удалось продвинуть: ему отказывали, и он сказал, что ничего не может сделать.

Когда об этом узнали на других факультетах, сказали: «А у нас то же самое, столько-то студентов...» Вопрос приобрел общеуниверситетский характер, стали искать документы в университете — на этот счет никаких документов не оказалось. Тогда мы запросили ЦК комсомола по поводу этой мобилизации: ничего персонально они сказать не могли, только дали нам официальный документ, что из университета в сооружении оборонительных рубежей участвовали более 400 студентов. Но сказали, что сделать ничего конкретно для тех, кто не получил медаль «За оборону Москвы», они не могут. Из других учебных заведений, фабрик и заводов Москвы тоже уходили на строительство оборонительных рубежей, но там, по этим предприятиям и организациям, оказывается, были составлены книги, списки: кто уходил, когда и на сколько. Поэтому им выдавали медали и после. А так как у нас в университете эта документация не сохранилась, не было ее, нам категорически отказали. Ну не то чтобы категорически, просто затеяли такую вот процедуру и требовали, чтобы каждый сам по отдельности подавал.

¹ Хачатуров Александр Аванесович (р. 1918). Из рабочих. В 1937 г. поступил на исторический факультет МГУ, был членом ВЛКСМ.

Вот такая история — современное отношение к участникам войны. Сейчас многих товарищей из этого списка, который мы составляли, уже нет в живых: два года назад я, по-моему, насчитала 20 человек, а, скажем, если бы мы сейчас подняли этот вопрос вновь, то оказалось бы, что в живых остались 3–5 %. Многие из нас тяжело болеют и умирают, так отзывались это строительство оборонительных рубежей и военные годы.

В 1994–1995 годах я с Советом ветеранов 8-й Краснопресненской дивизии ездила по местам наших боев и под Вязьму. Вместе со мной поехал сын нашего бывшего декана Ивана Дмитриевича Женя Удальцов. Он ушел в ополчение прямо с первого курса, даже не начал учиться. Поступил на первый курс и ушел в ополчение, ему было 17 лет. Когда мы ездили по местам боев 8-й Краснопресненской дивизии, он мне всю ночь рассказывал, как он с товарищем выходил из этого окружения, какое страшное было время. Это был очень красочный рассказ, но не очень помню подробности. У меня осталось в памяти чисто эмоциональное впечатление, как они выбирались оттуда. Как это передать сейчас? Это очень сложно. Помню только, что они шли мимо деревень, в лесу. Все время подвергались опасности быть обнаруженными, кругом немцы. Потом этот товарищ как-то отбил от всех, и ему пришлось одному выходить из окружения. У меня в памяти остались такие его слова: «Вам, Серафима Ивановна, я первой рассказываю эти подробности. Я нигде об этом не писал и не буду писать!» Хотя я к нему сразу обратилась с такой просьбой — напишите нам свои воспоминания. А он: «Ни в коем случае! Я вам лучше расскажу!» Со мной не было диктофона, была ночь, мы сидели с ним в купе, люди спали на двух полках, а мы сидели внизу, и он мне рассказывал. Он стал мне рассказывать, потому что перед этим я ему сказала, что очень хорошо знала его отца. Сначала — как студентка, после мы с ним сталкивались как коллеги, потом у нас были какие-то общие дела. Кроме того, я знала его брата, Ивана Ивановича, который учился у нас — второй выпуск факультета. Он сказал: «Я только вам это рассказываю, потому что вы о нашей семье многое знаете. А так никому больше не рассказывал и не буду рассказывать, потому что это очень тяжело».

Сейчас говорят: история факультета, срочно нужно написать! Нет, нельзя срочно. Нужна систематическая работа. И эта работа ведется. Сказать, что все это должна сделать Комната боевой славы — просто, но мы не можем этим заниматься, у нас некому это делать. «Вот вы?» — а я что, я не могу работать в научном плане, я никогда не бралась за тему истории Великой Отечественной войны. Это слишком

грандиозная тема. Здесь очень много проблем: и военных, и политических, и, главное, судьбы людей. Это должны делать и делают компетентные люди, целые коллективы работают.

Работает Анна Петровна Серцова со своим супругом¹. Анна Петровна работает на философском факультете, она доктор филологических наук, уже более 50 лет преподает философию на историческом факультете. Участница Великой Отечественной войны с первых же дней, воевала сначала в ополчении, а потом в регулярной армии вместе с мужем, они тогда были студентами МИФЛИ.

Теперь они ведут большую общественно-патриотическую работу. Иногда удивляешься, как у них хватает сил, ведь им уже за 80, и тому, и другому. Они пишут об ополчении, пишут о битве за Москву, как это все проходило в 1941 году, ездят по местам боев. Они участники Сталинградской битвы — поэтому они и в Сталинград ездили, и подо Ржев ездили, так как их часть была потом подо Ржевом. Они выпустили книгу «Ветераны — молодым», связь поколений, сейчас готовят переиздание этой книги в расширенном виде, работают в Московском комитете ветеранов войны, Московском совете ветеранов нашего университета, участвуют в выставках, посвященных войне, и многое-многое другое. Она мне сказала, что сил становится все меньше и меньше, но пока они живы, они будут продолжать военно-патриотическую работу. Пока сердце бьется, эта работа дает стимул жить и трудиться.

Сегодня мне позвонил один ветеран, бывший студент исторического факультета приема 1935 года, второй выпуск исторического факультета — Ефим Аронович Бродский². У него был ко мне вопрос. Мы давно долго с ним не разговаривали. Он плохо себя чувствует, уже не всегда может даже и по телефону поговорить.

¹ **Серцова Анна (Анисья) Петровна** (1920–2009) — доктор философских наук, заслуженный профессор Московского университета. До войны училась на философском факультете МИФЛИ. После войны — преподаватель, доцент, профессор философского факультета и факультета гос. управления МГУ им. М.В. Ломоносова; в течение нескольких лет была заместителем на кафедре истории южных и западных славян исторического факультета. Вместе с мужем, Ю.Д. Карповым, вела активную воспитательно-патриотическую работу.

² **Бродский Ефим Аронович** (1913–2002). Из служащих. В 1935 г. поступил на исторический факультет МГУ. В действующей армии с ноября 1941 г. на Ленинградском, I-м Прибалтийском, II Белорусском фронтах, был начальником отделения политотдела армии. В первые месяцы оккупации Германии был начальником отдела информации Центральной советской военной комендатуры Берлина. Войну окончил в звании полковника. Доктор исторических наук, профессор. Много сделал для изучения положения советских военнопленных, антифашистского движения во вражеском тылу и истории движения Сопrotивления узников фашистских концлагерей.

Мы вспоминали те годы, когда началась Великая Отечественная война. Он в это время был уже кадровым военным, работал в Политуправлении в нашей армии, в первые же дни ушел на фронт и работал в Политуправлении фронта, его работа состояла в том, что он руководил и сам принимал непосредственное участие в вещании для противника. Это наша пропаганда. Он прошел всю войну, дошел до Берлина, после Победы был оставлен в наших оккупационных войсках в Берлине, где работал два или три года, собрал очень большой материал. Кроме выполнения официальных обязанностей на него возложили сбор материала о Сопrotивлении в годы войны, участниках Сопrotивления, наших военнопленных. Материалы эти были столь обильны, что он выпустил несколько книг, посвященных этой проблеме. КБС освещала его деятельность в этом отношении, мы показали, какие это книги, каким проблемам они посвящены. Сейчас он продолжает работать. Очень плохо себя чувствует, но продолжает работу в этом направлении, не складывает оружие. Хотя он всего на четыре года моложе меня.

В Комнате боевой славы есть лист с документами под заголовком «Как это было». Там рассказано, как это было в МГУ на историческом факультете 22 июня 1941 года. К нему мы сейчас добавим еще один лист под заглавием «60 лет спустя». На этом листе мы опубликуем небольшую статью, короткое эссе, посвященное этим двум датам, вернее одной дате 22 июня в разное время. Это эссе написано доктором исторических наук, специалистом по Германии, выпускником 1941 года Яковом Драбкиным¹. Он был участником собрания 22 июня 1941 года, выступал на этом собрании — и приходил на собрание, вернее, прием, который устраивал ректор В.А. Садовничий 22 июня 2001 года.

Так вот, он написал коротенькое, но очень емкое, содержательное эссе. Мне оно понравилось, очень тронуло меня. Он подчеркнул, что сам был добровольцем: на финскую ходил добровольцем и в 1941 году добровольно пошел на фронт, что студенты ушли в ополчение и в другие подразделения именно добровольно. Многие из них погибли, но память о наших студентах жива, они и сейчас в строю благодаря тому, что мы устраиваем показ документов о них, их воспоминания, их письма мы показываем нынешним студентам, и это работает.

¹ Драбкин Яков Самойлович (р. 1918). В 1936 г. поступил на исторический факультет МГУ. В действующей армии с 1941 г. Участвовал в боях на Северо-Западном и 2-м Белорусском фронтах, был старшим инструктором политотдела. После войны — доктор исторических наук, руководитель Центра германских исторических исследований ИВИ РАН. См. о нем: Германия и Россия в судьбе историка: Сборник статей, посвященный 90-летию Я.С. Драбкина / Сост. М.Б.Корчагина, В.Л. Телицын. М., 2008.

По моему мнению, сейчас эта работа идет все медленнее и медленнее, хотелось бы, чтобы она была более живой, как несколько лет тому назад. Сейчас нужно, чтобы молодежь принимала в этом участие, потому что силы ветеранов иссякают. Это то, что я хотела сказать. Может быть, я воспринимаю эти дни слишком эмоционально, слишком нервно, но такое сейчас состояние и настроение.

Антонова Серафима Ивановна. Автобиография¹

Родилась я 11 августа 1909 г. в многодетной крестьянской семье старинного села Давыдова Ульяновской волости Бронницкого уезда Московской губернии. Детство свое до пяти лет помню отрывочно, а последующие годы — хорошо. Пятилетие стало рубежом в моей памяти, вероятно, потому, что в конце августа 1914 г. в нашем доме собралось много родственников — провожали на войну моего отца. До этого события мы видели его редко, т.к. он уходил в Москву на заработки (был рабочим в булочной купца Филиппова). Вскоре стало известно, что отец погиб на фронте. Маме в это время было 32 года, а нас, детей, у нее 6 человек, три сына и три дочери, причем старшему — 9 лет, а младшему — 5 месяцев. Пришлось нам с детских лет познать тяжелый крестьянский труд.

Вспоминая теперь то время, я бесконечно благодарна маме, сумевшей сохранить семью, и привившей нам трудолюбие — главное достоинство человека.

Начальную 4-классную школу я окончила в 1920 году и тогда же начала учиться в средней школе. Однако, по семейным обстоятельствам, учебу пришлось прекратить. Систематическое среднее образование получила значительно позже, в 1934–1937 гг. на рабфаке в Москве. А до этого была работа общественная и «по найму», самообразование и образование на различных курсах, в семинарах комсомольских работников, партийных пропагандистов и т.п.

Хорошо запомнились 3-месячные, прекрасно организованные курсы при ЦК КСМ в 1928 г. по подготовке организаторов и ведущих

¹ Впервые опубликована: К 95-летию Серафимы Ивановны Антоновой // Традиции русской исторической мысли. Материалы научного семинара. М., 2005. С. 202–217. В данной книге публикация снабжена новыми комментариями.

преподавателей базовых школ для неграмотных и малограмотных. В программе курсов большое место было отведено лекциям и практическим занятиям по методике преподавания. Полученные здесь знания пригодились мне не только в работе по ликвидации неграмотности и малограмотности, но и, затем, в преподавании обществоведения в семилетней школе и в системе партийного просвещения, где я была занята с 1928 по 1934 г. В комсомоле состояла с 1925 г., в коммунистической партии состою с марта 1928 г.

Хронология моей «штатной» работы до 1934 г. такова: 1928 г. — секретарь волостного комитета КСМ (Ульянинская волость Бронницкого уезда Московской губернии). 1928—1930 гг. — волостной организатор, затем — инспектор РОНО (районный отдел народного образования) по ликвидации неграмотности и малограмотности (Виноградовский р-н Московской области); 1930—1932 гг. — преподаватель обществоведения в семилетней школе (в том же районе); 1933—1934 гг. — штатный пропагандист и инспектор по партпросвещению Виноградовского районного комитета РКП(б).

Наверное, следует сказать, что единых учебников ни по обществоведению, ни по истории партии тогда не было. Но эти трудности имели для меня и свое положительное значение: заставляли самостоятельно ориентироваться в различных по содержанию изданиях.

Рабфак им. В.И. Ленина, где я училась в 1934—1937 гг., считался лучшим в Москве средним учебным заведением для рабоче-крестьянской молодежи. Здесь ставился методический опыт преподавания в средней школе подобного типа. Многие учителя рабфака были подлинными мастерами своего дела. При их помощи я довольно успешно, завершила среднее образование за 3 года. На рабфаке мне пришлось вести большую общественную работу: более 2 лет была председателем профкома студенческого коллектива, насчитывавшего около 1000 человек. В те времена профсоюзы играли большую роль, и работа в их местных органах занимала много времени и требовала большой ответственности. Особенно при распределении значительных денежных средств (материальная помощь) и путевок в санатории и дома отдыха.

Осенью 1937 года начала учиться на историческом факультете МГУ. Здесь мне посчастливилось прослушать курсы лекций выдающихся историков — профессоров В.С. Сергеева (история древней Греции и Рима), Н.М. Дружинина (история России XIX в.), С.Д. Сказкина (о средневековой Европе). Их лекции отличались не только глубоким содержанием, но и блестящим стилем прочтения.

Интересно было слушать лекции А.В. Арциховского, с увлечением рассказывавшего нам о новых открытиях археологов. Запомнились

также лекции востоковедов — Г.С. Кара-Мурзы (история Китая), И.М. Рейснера и А.М. Осипова (по истории Индии). Они привлекали искренним уважением ученых к истории народов этих древнейших стран.

Осталось в памяти и темпераментное чтение А.Ф. Коном лекций по политэкономии империализма.

Занятия в семинарах по истории во все время учебы на факультете были мне особенно интересны. Здесь формировались навыки научного исследования источников, критически осваивался значительный объем исторической литературы. А началось все с семинара С.В. Бахрушина на 1-м курсе по истории Киевской Руси. Под его руководством я написала свою первую курсовую работу. Источником для ее написания послужила «Русская правда». Затем был спецсеминар К.К. Зельина и курсовая работа, также основанная на изучении источников, но уже другого типа — нескольких философских и литературно-художественных произведений Древней Греции.

Конечно, полезны были и другие семинары по отечественной истории и новой истории Западной Европы. Но особую роль в моей судьбе как историка сыграл специальный семинар на IV курсе А.М. Панкратовой по истории российского рабочего класса. Именно в этом семинаре окончательно определился мой основной интерес — история пролетариата России конца XIX — начала XX в., процесс его формирования в класс гегемон социалистической революции. Влияние столыпинской реформы на этот процесс и стало темой моей курсовой работы за IV курс. Но началась Великая Отечественная война, исследование проблемы (и продолжение учебы вообще) оказалось возможным только через 4 года.

В начале Великой Отечественной войны (июль—август 1941 г.) по заданию парткома МГУ организовала выезд из Москвы студенток МГУ и их работу на уборке сена в совхозах Рязанской области. Затем, чтобы попасть на фронт, начала учиться на вечерних курсах медсестер, однако 16 октября, по мобилизации Московского комитета Партии, ушла на специальную работу, связанную с обороной Москвы¹.

В конце июня 1943 г. ушла на фронт, добровольно вступив в Красную армию. В звании старшего сержанта служила в 49 ЗАД РГК

¹ В архивной справке об этом сказано так: «По документам Штаба партизанского движения Московской области установлено, что Антонова Серафима Ивановна (в спецгруппе Белова А.И.), 1909 г. рождения, студентка МГУ им. Ломоносова в 1941—1943 гг. принимала участие в работе подпольной организации Краснопресненского района г. Москвы» [ЦАОДМ, № 6660. От 28.9.2001 г].

(Зенитная артиллерийская дивизия резерва Главного командования) секретарем политотдела до 4 июля 1944 г. В этот день при вступлении нашей части в только что освобожденный от фашистов г. Минск была тяжело контужена, получила многократные переломы костей и оказалась в госпитале. Лечение продолжалось около 6 месяцев. В конце декабря 1944 г. из армии была демобилизована. Инвалид Великой Отечественной войны 2-й группы.

В январе 1945 года восстановилась на историческом факультете для написания дипломной работы и сдачи государственных экзаменов. По итогам защиты и сдачи экзаменов была рекомендована в аспирантуру. Закончила ее в 1948 г. и весной 1949 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему: «Влияние столыпинской аграрной реформы на изменения в составе рабочего класса».

В том же году, т.е. с 1 августа 1949 г. зачислена в штат преподавателей исторического факультета МГУ.

Мне исполнилось 40 лет. Возраст для начала преподавательской деятельности в университете довольно солидный. Но я тогда, несмотря на тяжелые испытания военного времени, чувствовала себя как бы «вновь родившейся». В работу включилась с большой энергией. Не смущало и разнообразие форм учебного процесса. Наоборот, оно усиливало интерес и стремление совершенствоваться в специализации. Пишу об этом потому, что уже в первом учебном году мне пришлось вести занятия просеминара и специального семинара, читать (во втором полугодии) спецкурс, готовить к защите дипломных сочинений 2 студентов, занимавшихся до меня в семинарах других преподавателей.

В последующие годы, до командировки в КНР (в 1955 году), довелось читать и общий курс по отечественной истории (период империализма) на других факультетах МГУ (философском, филологическом, юридическом).

Специальные семинары были в те времена, как мне кажется, более многолюдными, чем теперь. Во всяком случае, большая часть студентов, защитивших дипломные работы под моим руководством (около 70 человек), занимались в моих семинарах.

Тогда я работала на общей кафедре истории СССР, а после ее разделения по эпохам, на кафедре периода капитализма.

Темами моих спецсеминаров были: «История революции 1905–1907 гг.», «Столыпинская аграрная реформа», «Рабочий класс в конце XIX — начале XX вв.», «Рабочее движение в период революционного подъема 1910–1914 гг.». В каждом занималось не менее 6 студентов, а в семинаре о рабочем классе конца XIX — начала XX в. 10–12 человек. И хотя в руководстве им я принимала участие в каче-

стве ассистента академика А.М. Панкратовой, мне пришлось и здесь вести несколько дипломников.

С удовлетворением могу отметить, что некоторые участники моих спецсеминаров того времени и после окончания Университета продолжали исследовательскую работу по тематике дипломных сочинений, защитили кандидатские и докторские диссертации. (А.М. Анфимов — известный специалист по аграрной истории России, Ю.И. Кирьянов — по истории пролетариата и некоторые др.)

В 1955 г. я была командирована в КНР согласно с договором Московского и Пекинского университетов на два года для помощи последнему в постановке специализации и подготовке кадров по истории нашей страны.

Постоянными слушателями лекций по курсу истории СССР с древнейших времен были 6 аспирантов Пекинского университета и 12–15 (число колебалось) преподавателей других ВУЗов страны, прикомандированных для повышения специализации по истории СССР. Иногда аудитория увеличивалась до 25–30 чел. — приходили преподаватели Народного университета и Пекинского педагогического института. С большими трудностями объективного характера удалось провести и специальный семинар с докладами и письменными работами аспирантов.

В конце второго учебного года (1957) по командировке министерства просвещения КНР я прочитала несколько лекций перед большими аудиториями студентов университетов городов Нанкин и Шанхай, пединституты Ханьчжоу и Сунчжоу. По просьбе преподавателей в каждом из названных вузов делала доклад о состоянии исторической науки в нашей стране после XX съезда КПСС.

Моя работа в Китае была отмечена в газете «Дружба народов», публиковавшейся на китайском и русском языках (статья профессора Джан Чжеляна, осень 1956 г. и статья декана исторического факультета академика Цзян Бо-цзана в газете «Женьминь жибао»). От правительства КНР я получила в награду медаль «Китайско-советская дружба». Получила благодарности и от ректората нашего университета.

Работа в КНР явилась неким рубежом в моей педагогической деятельности и в жизни вообще, которую я затем делила на «до» и «после».

Революционные преобразования, происходившие в 50-х годах в Китае, возвращали тогда мою память в комсомольскую юность. Молодые китайцы, с которыми пришлось тогда работать, также были полны энтузиазма. И хотя они были воспитаны на традициях иной

культуры, к тому же еще слабо знали русский язык, взаимопонимание между нами установилось довольно быстро. Это очень помогало мне преодолевать трудности преподавания.

Накопленный в Китае опыт помог в дальнейшем вести учебную и общественную работу с иностранцами, обучавшимися на историческом факультете Московского университета.

После возвращения в 1957 г. из Китая на прежнюю работу доцента кафедры капитализма я через год, т.е. в 1958 году, перешла по приглашению академика М.Н. Тихомирова на должность старшего научного сотрудника кафедры источниковедения отечественной истории.

Эта кафедра, основанная М.Н. Тихомировым в 1953 году, была тогда еще очень малочисленна, а работа предстояла большая. В частности, создание учебников. Мне было поручено организовать коллектив авторов и подготовить программу учебника по источниковедению истории России периода капитализма. Участвовать в его написании изъявили тогда желание А.Л. Сидоров — крупный специалист по истории России начала XX века, П.Г. Рындзюнский — известный историк России XIX века, профессор С.А. Никитин — автор учебника по источниковедению истории XIX века (до 80-х годов), изданного в начале 1930-х годов.

Я готовила к публикации в предполагаемом учебнике 2 главы по русской периодической печати начала XX в. и о статистических источниках по истории России периода капитализма (60-е годы XIX в. — 1917 г.). Однако осуществить наши планы тогда не удалось. Некоторое время спустя учебник по источниковедению истории XIX в. был подготовлен кафедрой истории СССР периода капитализма. Мои материалы были включены в это издание. К этому времени по их темам мной были уже опубликованы методические пособия. В дальнейшем я участвовала в написании нового учебника по источниковедению, изданного под редакцией И.Д. Ковальченко.

По заданию Министерства высшего образования наша кафедра разрабатывала типовые программы по общему курсу источниковедения для ВУЗов, в которых специальных кафедр не было. Мне пришлось составлять программу по периоду капитализма и одновременно писать методические указания. Такая работа велась нами не один год.

Значительное место в моей работе на кафедре источниковедения занимало преподавание. Я вела по нашему предмету просеминары и специальные семинары, читала общий курс (период капитализма) и спецкурсы. Под моим руководством защитили кандидатские диссертации на источниковедческие темы 4 аспиранта (всего я подготовила

6 кандидатов наук), несколько студентов защитили дипломные работы.

Наверное, следует упомянуть, что просеминары по источниковедению вошли в практику нашей кафедры по моей инициативе. Я, а затем и А.М. Панфилова (советский период) вначале вели их как бы факультативно, т.е. вне расписания, готовя студентов к экзамену по курсу. Затем семинарские занятия стали включаться в общее расписание.

В настоящее время эта форма обучения уже настолько привычна, что о трудностях ее применения в первоначальный период и не вспоминают. Да и, кроме меня, уже некому. Ушли из жизни А.М. Панфилова, вообще много сделавшая для разработки источниковедения истории советского общества, скончался А.В. Муравьев, несколько лет исполнявший после ухода из университета М.Н. Тихомирова обязанности заведующего кафедрой.

Прочитанные мною спецкурсы по источниковедению посвящены в основном земской статистике и периодической печати, как историческим источникам. К этим темам я возвращалась неоднократно, сосредотачивая все большее внимание на проблемах методологии и методики их использования. Так, в частности, сложился спецкурс на тему: «Периодическая печать в трудах В.И. Ленина периода революции 1905–1907 гг. Приемы и методы ее использования».

В.И. Ленин писал историю первой российской революции непосредственно по следам событий (часто прогнозируя их развитие). В условиях эмиграции периодическая печать была для него одним из главных источников. За три года революции им были привлечены, для написания работ, газеты и журналы 177 названий (в том числе 54 издания на иностранных языках). При этом многие газеты он использовал неоднократно.

Задача спецкурса состояла в том, чтобы на примере работ, написанных В.И. Лениным в 1905–1907 гг. (по ПСС — 13 томов), показать слушателям многообразие приемов и методов использования данного источника, место и значение их в источниковедении вообще.

Что касается такого сложного источника, как земская статистика, то часть материалов моих спецкурсов по этой теме была выделена для особого рассмотрения и публикации специальной статьи: «К вопросу о марксистском влиянии на методологию земской статистики» (сб. «Вопросы методологии и истории исторической науки». Вып. 2., МГУ, 1978 г. С. 28?60).

Интерес к этой проблеме был вызван полной ее не разработанностью. В обширной литературе по истории земской статистики, по моим

сведениям лишь 4 автора отметили влияние марксизма на группировку крестьянских хозяйств относительно конца XIX — начала XX в. Но какими путями осуществлялось это влияние, насколько широко и глубоко оно проникло в многочисленные публикации, да и в программы самих обследований и т.д. и т.п. — на все эти вопросы в историографии ответа не было. А они имеют принципиальное значение для изучения «залелей» статистических данных, содержащихся в многочисленных публикациях основной и текущей земской статистики.

Пришлось обратиться в архивы нескольких бывших «земских» губерний. По материалам их фондов — земств и особенно губернских жандармских управлений, — удалось выявить конкретные данные об участии довольно большого числа марксистов — политических ссыльных и политических поднадзорных из местной интеллигенции в земских статистических исследованиях. Многие из марксистов были крупными специалистами в области статистического учета (П.П. Румянцев, А.М. Стопани, С.П. Середа и др.). Вопреки всяческим ограничениям и запретам они в ряде случаев сумели существенно повлиять на обработку и публикацию данных подворных переписей и данных собранных добровольными корреспондентами.

Статья о марксистском влиянии на методологию земской статистики должна была составить часть введения к докторской диссертации — «Земская статистика как источник для изучения истории формирования и положения пролетариата». К сожалению, завершить работу не удалось, хотя материал для этого был собран значительный.

В практику педагогической работы я ввела «наглядное» ознакомление студентов с литературой и публикациями источников. Для этого 1–2 занятия проводила непосредственно в научной библиотеке, в сотрудничестве с работниками библиографического отдела.

По-видимому, именно такие занятия побудили меня прочитать спецкурс на тему: «История исторической библиографии», который по просьбе студентов я повторила еще раз. Затем курс исторической библиографии стал читаться на факультете самими сотрудниками библиографического отдела Горьковской библиотеки.

Заканчивая краткое описание отдельных «эпизодов» моей педагогической работы на кафедре источниковедения, полагаю, что оно даст некоторое представление и о научной деятельности.

Но обычно о ней судят по количеству публикаций. Их у меня немного — всего около 80 печатных листов: монография «Влияние столыпинской аграрной реформы на изменения в составе рабочего класса (по материалам Московской губернии)» (изд. МГУ, 1951 г.). Ряд статей, учебных пособий и глав учебников по источниковедению, программ

по общему курсу и методических указаний к ним и т.п. (В этот учет не входят публикации для учебных целей в переводе на китайский язык моих лекций, читавшихся в Пекинском университете).

Появление в 1951 г. моей монографии было положительно отмечено в рецензиях (Погребинский и М.Я. Гефтер — ж. «Вопросы истории»), в некоторых трудах по историографии (в частности, в книге К.Н. Тарновского «Историография периода империализма»), в дискуссиях на конференциях по истории пролетариата (материалы конференций публиковались в специальных сборниках). Отмечалась особенно новизна самой постановки проблемы и обоснованность выводов. Дальнейшее развитие темы было продолжено рядом ученых, занимавшихся историей рабочего класса. В частности, в монографическом исследовании украинского историка Лося.

Что касается статей, то часть из них, как и уже названная выше, посвящена вопросам источниковедения. Например, статья о материалах фабричной инспекции и их значении как источника по истории рабочего класса.

Вспоминая теперь свою научную работу, я вновь перечитала одну статью, написанную мной на всегда интересовавшую меня тему, о методах исследования исторических источников (статья опубликована в сб. «Вопросы методологии и истории исторической науки» (изд. МГУ, 1977. С. 80–95.)). Ее название: «Методы обработки и анализа источников в литературе об экономическом положении пролетариата России».

Изучив труды ряда историков и экономистов (в том числе Г.В. Плеханова, С.Н. Прокоповича, Е.М. Дементьева, К.А. Пажитнова, С.Г. Струмилина, М.С. Балабанова и др.), я убедилась, что исследование проблемы наиболее эффективно в тех случаях, когда применяются статистические методы.

Не желая абсолютизировать значение этих методов, отмечу лишь, что в правомерности такого вывода я неоднократно убеждалась и в практике собственной научной и педагогической работы. Приведу лишь один пример: Н. Георгиева¹ (теперь она уже давно доктор исторических наук) по моей рекомендации при написании дипломной работы и затем кандидатской диссертации о литературе конца XIX — начала XX века применила статистический метод. В весьма положительных отзывах о диссертации особо отмечалось, что успеху ее защиты в значительной степени способствовало именно применение автором

¹ Георгиева Наталья Георгиевна, ученица С.И. Антоновой. Доктор исторических наук, профессор РУДН.

статистического метода. Это оказалось тем более интересным потому, что статистический метод при изучении не статистических источников в то время (1960-е гг.) применялся еще очень редко.

Думается, что к научным работам я имею основание отнести и т.н. «учебные пособия». А именно: «Статистические источники по истории СССР периода капитализма»¹, «Материалы законодательства периода капитализма как исторический источник»², «Периодическая печать как источник по истории СССР (1895–1917 гг.)»³. В кратком автобиографическом очерке нет необходимости рассказывать о каждой из названных работ, а общее обоснование правомерности причисления их к научным трудам можно сформулировать так: темы всех 3 публикаций в источниковедческом плане тогда были почти не разработаны. Поэтому пришлось обращаться непосредственно к источникам. Потребовалось длительное изучение многочисленных и многообразных публикаций, чтобы дать научное определение самого понятия того или иного источника, описать его количественную и содержательную стороны, показать возможности и хотя бы некоторые приемы использования в исторических исследованиях.

Думаю, что именно поэтому все три публикации без изменения их содержания, а лишь в несколько сокращенном виде, были включены затем в учебники по источниковедению.

Завершая краткий обзор моей учебной и научной деятельности на Историческом факультете, не могу не сказать об участии в написании истории Московского университета, 2-томное издание которого вышло в 1955 г. Мне в нем принадлежит глава об учебной деятельности Университета в 1895–1917 гг. Тема для меня новая и, оказалось, необыкновенно интересная. Почти на два года пришлось «окунуться» в архивы (Ленинграда и Москвы), ознакомиться с многочисленными изданиями самого университета, хранящимися в Горьковской библиотеке. Был собран обширный материал, но полностью он не мог быть, естественно, использован при написании небольшого раздела коллективной монографии.

Однако предварительное изучение его в полном объеме позволило обратить особое внимание на чрезвычайно интересный для истории университета вопрос о практических занятиях.

¹ Антонова С.И. Статистические источники по истории СССР периода капитализма / Учеб. пособие. МГУ, 1968. 75 с.

² Антонова С.И. Материалы законодательства периода капитализма как исторический источник. МГУ, 1976.

³ Антонова С.И. Периодическая печать как источник по истории СССР (1895–1917 гг.) Для студентов-заочников ист. фак. гос. ун-тов. Вып. 1. МГУ, 1966.

Конкретно, речь шла о том, вводить ли в учебный процесс семинары и специальные семинары, т.е. такие формы обучения, где студенты могли бы получить навыки самостоятельной научной работы. Дискуссии по этому поводу в ученой коллегии университета велись и ранее, но в период нарастания революционного движения в начале XX в. они приобрели особенно острый характер и вышли за пределы университета.

В настоящее время не только семинары и специальные семинары, но и вообще специализация по кафедрам, отдельным проблемам с докладами, курсовыми работами, обязательной защитой дипломных сочинений настолько привычны, что, как мне кажется, лишь очень немногие знают историю того, как эти формы обучения заняли подобающее им место в учебном процессе университета. А также и о том, что окончательно они утвердились только после Октябрьской революции 1917 г.

Я же воспользовалась этой историей при прочтении доклада о значении специализации и применении в учебном процессе названных форм, сделанном мной на расширенном заседании ученого совета исторического факультета Пекинского университета во время командировки в КНР (1955).

Этому докладу предшествовали продолжавшиеся целую неделю консультации с руководством факультета, во главе с деканом — Цзянь Бо-цзаном. О большом интересе китайских товарищей к нашему опыту организации учебного процесса свидетельствует, между прочим, и то, что у них уже были образцы наших планов и расписаний. Китайской стороной были подготовлены заранее и вопросы, которые с большой тщательностью обсуждались во время консультации.

После упомянутого доклада декан факультета академик Цзянь Бо-цзан посчитал, что моя «миссия» его советника (так значилось в официальных документах) в основном завершена, и мне остается на практике показать, «как это делается».

Во все годы пребывания на историческом факультете МГУ я участвовала в общественной работе: выступала с докладами по различным темам текущего момента на предприятиях и в учреждениях Москвы, читала лекции по отечественной истории и истории КПСС в Университетах марксизма-ленинизма и т.п. В разное время вела занятия семинаров пропагандистов на заводах «Каучук» и «Имени Лихачева». В качестве общественного инспектора посещала семинары по марксизму-ленинизму учителей в школах Ленинского района.

Однажды (1960-е гг.) вместе с А.В. Муравьевым и А.М. Панфиловой, и также на общественных началах, читала курс лекций по историко-

ведению (период капитализма) в Педагогическом институте города Коломны.

На самом факультете избиралась секретарем парторганизаций кафедр истории СССР (конец 40-х годов) и источниковедения (начало 60-х годов), заместителем секретаря партийного бюро факультета. По поручению партийной организации в течение 6 лет (начало 60-х годов) была ответственной за работу с иностранными студентами, аспирантами и стажерами. Поскольку в то время на факультете специальной (штатной) службы по этому разделу деятельности не было, то мне и моему «помощнику» профессору Г.А. Новицкому, кроме организации различного рода культурно-просветительных мероприятий, приходилось иногда заниматься и так называемыми «бытовыми» вопросами и даже участвовать в разрешении конфликтов, возникавших в самих землячествах.

Относительно последнего можно привести такой пример: однажды в польском землячестве, состоявшем из 30–35 человек, возникли серьезные противоречия. Поводом послужили пьянство и непристойное поведение одного члена этого землячества. Понадобилось наше вмешательство. В созванном по нашей инициативе собрании, проходившем очень бурно, участвовали и сотрудники кафедры славяноведения, специалисты по истории Польши И.М. Белявская и И.А. Воронков. В выступлениях некоторых польских студентов звучали довольно резкие «претензии» к советской стороне, содержащие общеполитический характер. Впрочем, все закончилось вполне мирно, а когда, защитив дипломные работы и сдав экзамены, поляки уезжали на родину, то, как мне кажется, искренне благодарили факультет за предоставленную им возможность успешно его окончить.

По словам И.А. Воронкова, в последующие годы часто бывавшего в Польше, поляки-выпускники нашего факультета также с благодарностью вспоминали свою учебу у нас. Но это уже заслуга, конечно, всего коллектива преподавателей.

Кроме польского, многочисленным было в начале 60-х годов землячество китайских аспирантов и студентов — около 20 человек, затем — землячество вьетнамских студентов — около 30 человек. На учебу к нам приезжали из ГДР, Италии и некоторых других стран Европы, Азии и Африки. К каждой из названных групп требовался особый подход и внимание. Тем более что многие иностранные студенты вначале плохо владели русским языком, и на этой почве, между прочим, иногда возникали «недоразумения» и конфликты, особенно в общении. Но это уже детали.

Что же касается культурно-просветительной работы, то в этой области первостепенное внимание было уделено нами ознакомлению иностранцев с достопримечательностями Москвы и Подмосковья, а также организации встреч с рабочей молодежью и студентами других ВУЗов. Так, в разное время мы побывали в музеях-заповедниках «Ясная поляна» и в доме П.И. Чайковского в Клину, провели встречи на заводе «Шарикоподшипник» в Москве и на хлопчатобумажном комбинате в Богородске (г. Ногинск). В Ногинск ездили с большой группой студентов из Вьетнама. Там по этому случаю местная комсомольская организация устроила большой концерт с участием вьетнамских студентов.

По просьбе студентов из ГДР была устроена поездка в рабочий город Орехово-Зуево, где участвовали в молодежном вечере, организованном студентами местного педагогического института.

В 70-х годах, но уже не «по поручению», а по собственной инициативе (можно сказать — по велению сердца) начала собирать материалы о погибших на фронтах Великой Отечественной войны студентах, аспирантах и преподавателях нашего факультета. Со временем таких материалов накопилось так много, что хранить их дома было уже невозможно. Да и цель была — открыть на факультете Комнату боевой славы. Открытие состоялось в день 40-й годовщины Победы.

Считаю своим долгом отметить, что на том этапе, а затем и в последующие годы, до начала 1990-х годов мне большую помощь оказывала комсомольская организация факультета. Комсомольские группы «Поиск» много сделали для выявления и уточнения сведений о погибших. В результате Совет Ветеранов Великой Отечественной войны, возглавляемый тогда А.В. Муравьевым, смог внести существенные поправки в имевшийся список историков факультета, погибших на фронте. В обновленном виде он был «опубликован» на мемориальной доске.

С большой благодарностью вспоминаю об активном участии в открытии Комнаты заместителя декана по хозяйственно-административной работе генерал-майора в отставке В.Г. Левченко, а также сменившего его В.А. Жигульского.

Спасибо академику Ю.С. Кукушкину, работавшему тогда деканом факультета: при остром недостатке помещений для учебных занятий он выделил отдельную комнату под экспозицию документальных материалов об историках факультета — участниках Великой Отечественной войны.

В процессе подготовки к открытию Комнаты боевой славы большую роль сыграл секретарь парткома КПСС на историческом факультете, доцент кафедры этнографии А.А. Никишенков.

Теперь, наверное, можно с полным основанием сказать, что Комната боевой славы уже давно фактически стала одним из подразделений факультета и вполне заслуженно может считаться музеем его истории, хотя работа здесь ведется по-прежнему в основном на общественных началах.

Описание всей истории Комнаты боевой славы — предмет специального рассмотрения. Это, по-видимому, сделают новые, молодые работники во главе с В. Богдановым, который также ведет теперь начатое нами дело по собиранию и обнародованию документов об историках МГУ. Я же, в кратком автобиографическом очерке, могу выделить лишь некоторые моменты:

1. В результате длительного поиска в нашем музее сложился значительный по объему и очень интересный по содержанию архив документальных материалов. Например, фонд документов личного архива выпускника нашего факультета П.П. Лялякина (прием 1935 г.), бывшего узника фашистского концлагеря Маутхаузен. После войны П.П. Лялякин много лет возглавлял входившую в Советский комитет ветеранов войны секцию узников фашистских концлагерей. Затем он создал особую ассоциацию и возглавлял ее до самой смерти. Одновременно с работой на Родине, он был вице-президентом международной ассоциации узников Маутхаузена и членом международной ассоциации узников фашистских лагерей. В документах фонда отражена не только сложная судьба самого П.П. Лялякина и его соратников. Они могут быть использованы и при изучении истории Сопротивления вообще.

Интересен и фонд личных документов периода Великой Отечественной войны профессора нашего факультета М.Т. Белявского. В нем, в частности, кроме переписки с женой (И.М. Белявская также историк, преподаватель университета) и дочерьми имеется и такой редкий документ, как дневник военных лет¹.

Часть дневника, но уже другого характера, а именно — допросы военнопленных, имеется и в «деле» Б.Г. Тартаковского, бывшего студента, затем аспиранта нашего факультета. Б.Г. Тартаковский с первого дня Великой Отечественной войны был в первых рядах защитников Родины. Побывал и в так называемых ее «горячих точках». Подлинные документы из его «дела», как и из некоторых других, демонстрировались на выставках, посвященных Великой Отечественной войне, в актовом зале старого здания Университета.

¹ О составе фонда см.: Дневники и письма Ирины Михайловны и Михаила Тимофеевича Белявских (1941–1945) / Отв. ред. Е.О. Ягодкина. М., 2010.

Между прочим, не имея возможности должным образом разместить в нашей комнате некоторые материалы, мы передали их в музей университета. В частности, несколько папок личного архива А.Н. Киршевской, выпускницы факультета, участницы войны, прошедшей по ее дорогам от Москвы до Берлина. Был передан в музей МГУ и такой экспонат, как комплект личного обмундирования летчицы — воспитанницы нашего факультета Г.М. Комковой.

2. С первых дней открытия Комнаты боевой славы в ней проводится работа по военно-патриотическому воспитанию молодежи. До начала 1990-х гг. совместно с Советом ветеранов проводились занятия учебных групп по ознакомлению с экспонатами музея и встречи студентов с преподавателями — участниками войны. В последние 3—4 года такие встречи возобновились: теперь в памятные дни Великой Отечественной войны в них участвуют иногда даже больше студентов, чем ветеранов, так как число последних все более редет. В военно-патриотическом воспитании огромная роль принадлежит Совету ветеранов Великой Отечественной войны, в течение многих лет возглавляемому Ю.А. Мошковым. По инициативе, в частности, Ю.А. Мошкова создан военно-исторический клуб, базирующийся в Комнате боевой славы.

Уже давно для более широкого ознакомления коллектива факультета с материалами музея часть их «выносятся» за его стены. Причем для создания экспозиций на «внешних» стендах обычно привлекается и множество новых документов. Особенно о деятельности ветеранов труда. Были созданы выставки об академиках М.Н. Тихомирове, А.М. Панкратовой, С.Д. Сказкине, Н.М. Дружинине, о старейшем профессоре университета И.С. Галкине, о профессорах И.М. Белявской и И.А. Воронкове, профессоре Н.Б. Голиковой, академиках Б.А. Рыбакове, М.В. Нечкиной, И.Д. Ковальченко, Ю.С. Кукушкине, профессорах А.Л. Сидорове, Д.А. Авдусине, А.В. Муравьеве. Сбор материалов для таких экспозиций, их оформление происходит с участием сотрудников кафедр и студентов. В связи с этим следует особенно отметить большую помощь, оказанную нам в труднейшее для нашей работы время — начало и середины 1990-х гг. З.В. Гришиной — сотрудника кафедры источниковедения и Музея университета. Тогда же, в частности, в связи с подготовкой празднования 50-летия Победы, в создании Юбилейных стендов участвовали профессор С.В. Воронкова и доцент Т.А. Круглова.

В настоящее время (апрель-май 2004 г.) в связи с семидесятилетием исторического факультета по нашей инициативе кафедры создают выставку об истории своих подразделений. Отдельные циклы персо-

нальных выставок посвящены историкам факультета — участникам Великой Отечественной войны и участию историков в народном ополчении, в Сталинградской битве, в битве на Курской дуге, работе в тылу врага и др.

Надеемся, что эта работа не заглохнет и будет продолжена, музей пополнится новыми мемориальными материалами, раскрывающими историю исторического факультета.

С.И. Антонова

Список основных трудов С.И. Антоновой¹

Влияние столыпинской аграрной реформы на изменения в составе рабочего класса (по материалам Московской губернии 1906–1913 гг.). — М.: Изд-во Московского университета, 1951 (14 печ. л.).

Учебная деятельность Московского университета в 1895–1917 гг. // История Московского университета. Т. 1. — М.: Изд-во Московского университета, 1955. С. 363–395 (1 печ. л.).

Рабочее движение весной и летом 1905 гг. // Доклады и сообщения института истории Академии наук. Вып. 8., 1955 г. (1 печ. л.)

Статистика фабричной инспекции как источник по истории пролетариата // Материалы конференции по истории пролетариата. Ростов-на-Дону, 1963 (0,5 печ. л.).

Статистика фабричной инспекции как источник по истории пролетариата // Рабочий класс и рабочее движение России. М.: Наука, 1964 (2 печ. л.).

Введение, раздел II («Источники по истории СССР периода капитализма») // Источники по истории СССР с начала XIX в. до 1917 г. // Источниковедение истории СССР. М., 1965 (1 печ. л.).

Периодическая печать как источник по истории СССР (1895–1917). Для студентов-заочников ист. фак. гос. ун-тов. Вып. 1. М.: Изд-во Московского университета, 1966 (4 печ. л.).

Статистические источники по истории СССР периода капитализма. Учеб. пособие. М.: Изд-во Московского университета, 1968. 75 с.

Статистические источники // Источниковедение истории СССР XIX — начала XX в. М.: Изд-во Московского университета, 1970.

¹ Список неполон. Так, известно, что в 1956–1957 гг. во время работы С.И. Антоновой в Китае были опубликованы ее лекции по истории СССР, переведенные на китайский язык.

Периодическая печать периода империализма // Источниковедение истории СССР XIX — начала XX в. М.: Изд-во Московского университета, 1970.

Материалы законодательства периода капитализма как исторический источник. М.: Изд-во Московского университета, 1976.

Методы обработки и анализа источников в литературе об экономическом положении пролетариата России // Вопросы методологии и истории исторической науки. М., 1977.

К вопросу о марксистском влиянии на методологию земской статистики // Вопросы методологии и истории исторической науки. Вып. 2. М.: Изд-во Московского университета, 1978. С. 28–60.

Именной указатель

- Абрютина Н.Н. 279, 280, 289, 305, 398
Авдусин Д.А. 197, 375, 376, 427
Авдусина (в дев. Вицуп) Г.А. 196–199, 201
Адлер Н.М., см. Левина Н.М.
Айзенштадт А.Д. 396
Александр Николаевич 114
Алексей, о. 57
Александра (дочь Кузнецовой А.П.) 48
Алурдос Э.И. 398
Анпилогов Г.Н. 298–303
Антипова А. 274, 275
Антонов А.Н. 23, 38, 39
Антонов А.А. 26, 39, 40
Антонов А.П. 38
Антонов В.А. 26, 29–34
Антонов В.И. 27, 52, 53, 64–68, 71, 186, 187, 284
Антонов В.Л. 25, 37, 38, 71
Антонов В.П. 38
Антонов Г.А. 26
Антонов Г.П. 39, 56
Антонов Е.И. 51, 66, 186, 284
Антонов И.И. 36, 51, 54, 186, 187, 284
Антонов И.А. 26, 34–37
Антонов П.А. 26, 37, 38
Антонов С.Н. 24
Антонова (в дев. Горелова) Ав. 24
Антонова (в дев. Кузнецова) К.П. 24, 30, 34–37, 39, 40, 42, 44, 46, 49–63, 66, 267, 284, 287, 288, 296, 334, 335
Антонова (в дев. Романова) Ан. 38, 39
Антонова Ал. 29–34
Антонова А.Л., см. Полянина А.Л.
Антонова В.И. 42, 67, 186, 267, 284, 288, 334, 335
Антонова Е.А., см. Фомина Е.А.
Антонова Е. 31, 32
Антонова З.П. 39
Антонова М.Л. 25
Антонова П.И. 71, 91, 288, 334, 335, 377
Антонова Р.П. 39
Антонова Т.В. 32
Антоновы 25, 36, 37
Анфимов А.М. 309–311, 417
Анюта 54
Арнольд Е.М. 114, 116
Архипов И.В. 27
Арциховский А.В. 197, 310, 328, 336, 345, 414
Афонин Н. 75
Африканов Н.Н. 43
Африканова Е. 43
Африканова Н., см. Яркова Н.
Африкановы 43
Базилевич К.В. 171
Байтекянс И.Х. 180
Бакакин А.С. 55, 56
Балабанов М.С. 421
Балашова Е. 79
Барсенков А.С. 385
Бауман Г.Г. 159
Бауэр Г.Э. 146
Бахрушин С.В. 169–173, 293, 294, 296, 391, 396, 415
Белов Ал-й 99
Белов Ал-р 99
Белова А. 78
Белопельский (Лапинский-?) М. 128, 133
Белоцветов А. 46, 47
Белоцветова (в дев. Кузнецова) 46, 47
Белявская И.М. 424, 426, 427
Белявский М.Т. 312, 317, 376, 426
Беляев В.П. 403
Бессонова В.И. 354
Богданов В.П. 426
Бородин (Боровин, Бурвин) Н.Г. 228, 234, 237, 238, 240, 244, 246–249, 251, 253, 257, 261, 262, 275

- Бородина Е.Н. 87
 Бородина Т. 87
 Брагинский М.И. 398
 Бродский Е.А. 409
 Булатов М.Р. 144–145, 152, 406
 Бушуев С.К. 359
- Ван Джу Дин (Ван Дзюндзин)** 323, 331, 332
Ван Юан Та 326–328
Варламова Т.А. 208
Варя 108
Василий, о. 58
Виктор (сын Кузнецовой Кл.П.) 50
Вицуп Г.А., см. Авдусина Г.А.
Владимир (сын Кузнецовой А.П.) 48
Владимирская (в дев. Солдатченко) В.И. 405
Вовчик А.Ф. 152, 404
Волобуев П.В. 318, 319
Воронков И.А. 190, 194–196, 199, 359, 377, 386, 424, 427
Воронкова (в дев. Кукушкина) С.В. 195, 358
Воронкова Св.В. 427
- Галкин И.С.** 353, 427
Гандурина В.К. 283
Гапоненко Л.С. 178
Гельман П.В. 215
Генкина Э.Б. 61, 306, 315, 316, 359
Георгиева Н.Г. 421
Герштейн Э.Э. 153, 158, 204, 205
Гейфтер М.Я. 151, 401, 421
Глухова А. 87
Голованов Д. 87
Голубчик М.(Д.)Ф. 170
Горелова Ав., см. Антонова Ав.
Горшенин К.П. 55
Гофман А. 159, 200
Греков Б.Д. 167, 279, 293
Грибова З.М. 194, 198, 199, 201
Грибцов Г. 106
Григорьев 217–221
Гришина З.В. 136, 427
Губер А.А. 182
Гусев А.Я. 142, 170
- Давыдов А.Г.** 23
Давыдов В.А. 23
- Давыдова А.В., см. Пушкина А.В.**
Дам Же Дам 325
Дементьев Е.М. 421
Джан Чжелян 331, 334–336
Джана Тун 331
Джаларидзе А.Д. 145, 157–159, 402
Дикорова А.И. 405
Дмитриев С.С. 298, 300, 303, 349
Драбкин Я.С. 410
Дружинин Н.М. 228, 302, 304, 305, 314, 333, 414, 427
Дружинина (в дев. Чистякова) Е.И. 228
Дунаевская (в дев. Левина-Коган) Р.И. 140
Дунаевский В. 107, 140
- Елисеев Н.** 76
Епифанов П.П. 302
Ефремов В.А. 126, 127
- Жданов А.** 95
Желубовская Э.А. 336
Жигульский В.А. 425
- Завадская Л.В.** 404
Загудаев Д.С. 130, 131
Зайончковский П.А. 355, 356–359, 361
Зак Л.М. 278
Захарьян А.Б. 149, 187–190, 204–207, 209, 216, 353, 396
Зевин В.Я. 149–156
Зевин Я.Д. 150
Зельин К.К. 165–167, 295, 415
Зиновьева С.П. 220, 316
Зубов В.Г. 231
- Иванов В.** 85
Иванов К.И. 386
Иванова Т.В. 147, 200, 201
Ионкина Т.Д. 198, 199, 298, 303, 334
Иселевский А. 127
- Казakov** 218–220
Калашников К.Ф. 214, 215
Калиновский И.(К.)А. 135
Каманин Н.П. 129
Каминский Н.И. 232–234, 241, 244, 245, 256, 262
Каминский Ю.И. 147, 148
Канторович Л. 313
Кара-Мурза А.С. 231, 312–319

- Кара-Мурза Г.С. 173, 174, 182, 183, 231, 312, 313, 319, 320, 338, 415
Карпов Г.(Ю.)Д. 409
Кинкулькин А.Т. 157
Киняпина Н.С. 351, 353, 358, 360
Кириянов Ю.И. 417
Киселев С.В. 333
Кислов 333
Клавдия (дочь Кузнецовой А.П.) 48, 49
Клавдия 92
Клокман Ю.Р. 156
Клюев В.В. 76
Клюева (в дев. Сеничкина) А.Д. 76
Ковальченко И.Д. 216, 310, 318, 351, 418, 427
Козлов Н. 225, 229, 237, 238, 243, 250, 275
Колесникова Е. 86
Комаровская Я.И. 134, 135
Комкова Г.М. 427
Комлев И.И. 146
Кон А.Ф. 147, 148
Кон Л.Ф. 148
Кон Ф.Я. 148
Константин (сын А.П. Кузнецовой) 48
Косичев А.Д. 344
Крауклис 127–129
Круглова Т.А. 427
Крупская Н.К. 86
Кубарева 118, 119
Кузнецов И.П. 45
Кузнецов П.Ф. 45
Кузнецова (?) М.П. 44–47
Кузнецова А.П. 48
Кузнецова Е.П. 45
Кузнецова Кл.П. 50
Кузнецова К.П., см. Антонова К.П.
Кузнецовы 44
Кукушкин Ю.С. 425, 427
Кукушкина С.В., см. Воронкова С.В.
Куликова А. 87, 94, 95, 97
Кунина В.Э. 396
- Лавров Р.А. 147, 148, 389
Ламсдорф 74
Латынина Е. 405
Лебедев В.И. 162, 167–169, 391
Лебедев 133
Лебедева Л. 108
Левина (в дев. Адлер) Н.М. 313
Левина-Коган Б.И. 141
Левина-Коган Бр.И. 67, 107, 139–142, 185, 187, 189, 190, 192, 194–196, 200, 281, 283, 295
Левина-Коган Р.И., см. Дунаевская Р.И.
Левинсон Г.И. 148
Левины-Коган 139–142
Левченко В.Г. 399, 425
Ленин В.И. 86
Лихачев Д. 108
Логунова Т.А. 316, 317
Лурье 87, 88
Любовь (дочь Кузнецовой А.П.) 48
Лялякин П.П. 426
- Ма Инчу 321
Майер В.Е. 143–145
Майоров Н.П. 158
Макарченко А. 87
Мамонтов А.В. 155
Мария Алексеевна 57
Матвеев Е.С. 64
Минц И.И. 297, 299, 313
Михайлов 135
Можаяв А. 98, 100
Молотов В.М. 185
Морозов Е.В. 146
Мошков Ю.А. 427
Муравьев А.В. 373, 399, 419, 423, 425, 427
Муравьев 87
Мырикова Н.М. 166, 171, 279, 289, 397, 405
- Найденов М.Е. 312, 314–320
Нейман 161
Немировский А.(С.)И. 164
Несмеянов А.Н. 149
Нечкина М.В. 174–178, 303, 333, 427
Никитин С.А. 368, 369, 418
Никифоров Л.А. 389, 390
Никишенков А.А. 388, 425
Никольский В.К. 160
Никонова Е. 77–80
Новицкий Г.А. 156, 313, 362, 384, 385, 424
Новоселов 97
- Обухова 62
Ованес Степанович 75, 77–79
Овчинников Г.Г. 392

- Овчинников Н.Н. 59
 Одуев С.Ф. 145
 Озеров В. 86
 Озеров Н. 86
 Окунева И.И. 193
 Окунева М.А. 194
 Ольшанский И.М. 172
 Орлов В.Г., гр. 23
 Орлов Г.Г., гр. 23
 Орлова М.И. 344
 Орлов-Давыдов гр. 23, 80
 Осипов А.М. 415
 Оськина А. 189
- Павлова А.В. 122
 Павловы 74
 Пажитнов К.А. 421
 Пальцев Г.Н. 79
 Панкратова А.М. 168, 171, 280, 293, 296,
 297, 299, 301–303, 306, 318, 344, 347,
 349, 350, 361, 415, 427
 Панфилова А.М. 419, 423
 Петрова Л.И. 210, 211, 213, 214, 216, 217,
 219, 282
 Пивовар Н. 268–273, 306
 Плеханов Г.В. 421
 Погребинский 421
 Полина Алексеевна 71
 Полянин А. 25, 99
 Полянин 25
 Полянина (в дев. Антонова) А.Л. 25
 Попова Н.В. 206, 209, 210, 213–221,
 245, 267
 Прасковья Николаевна 73
 Прасолов С.И. 148, 333, 389
 Прокопович С.Н. 421
 Прокофьев М.А. 317
 Пташникова И.В. 233, 306
 Пушкин П.Г. 23
 Пушкин Ф.Ф. 23
 Пушкина (в дев. Давыдова) А.В. 23
- Равдина Т.В. 48
 Разгон И.М. 277–280, 293
 Разумовская Н.И. 188, 201, 247
 Разумовская О. 85
 Растопчина Л.Н. 389, 390, 399
 Рейснер И.М. 182, 309, 319, 320, 415
 Рейснер Л.М. 182, 309
 Рожков 122
- Романова Ан., см. Антонова Ан.
 Рохман 132–136
 Рубинштейн Н.Л. 140, 277–280, 293, 298,
 299
 Румянцев П.П. 420
 Рутц М.Г. 406
 Рыбаков Б.А. 427
 Рыков А.И. 96
 Рындзюнский П.Г. 366, 369, 418
- Савинченко Н.В. 362, 363
 Савков И.В. 155, 172, 173
 Садовничий В.А. 410
 Саликовы 25
 Салтыков В.А. 75, 114, 116, 117
 Севьян Д.А. 144
 Седов М.Г. 376
 Селунская В.М. 390
 Семашко 109
 Сеничкина А.Д., см. Клюева А.Д.
 Сергеев В.С. 161–164, 414
 Сергеев Е.М. 193
 Сергеев 136
 Серeda С.П. 420
 Серцова А.П. 409
 Сидоров А.Л. 176, 298, 300–302, 305,
 307, 310, 313–318, 333, 351, 357, 360,
 361, 367, 369, 418, 427
 Симонова М.С. 334
 Сказкин С.Д. 59, 179, 180, 333, 360, 361,
 414, 427
 Скиба М.В. 135
 Смирин М.М. 180, 181
 Смирнова Т.М. 157
 Солдатченко В.И., см. Владимирская В.И.
 Соловьева П. 72
 Софья Николаевна 71
 Соцков 125
 Спивак В.М. 149, 155
 Сталин И.В. 102, 122, 123
 Стишов М.И. 230, 231, 312, 315, 318,
 349, 350
 Стоклицкая-Терешкович В.В. 181
 Стопани А.М. 420
 Стрельников В.М. 159
 Стрельников Вит.М. 200
 Струмилиан С.Г. 421
 Сунь Ятсен 337, 338
 Суслин С.М. 406, 407

- Тарновский К.Н. 272, 273, 275, 318, 350
Тартаковский Б.Г. 391, 392, 395, 397, 426
Тимофеев 120–122
Тихомиров М.Н. 277–280, 333, 362, 364,
366–369, 373, 374, 418, 419, 427
Ткаченко П.С. 292, 303, 352, 353, 358,
360
Ткаченко Ф. 229, 235, 247, 248, 275, 276
Тропин В.И. 318
Трунина В.В. 323
Тюленков П.П. 89, 91, 97
Тюленькова А.П. 90
Тютюкин С.В. 105
- Удальцов А.Д. 105
Удальцов А.И. 105
Удальцов Е.И. 408
Удальцов И.Д. 104, 161, 169
Удальцов И.И. 105, 408
Удальцова М.И. 105
Усов Ф.Г. 71
Ушанова Е.М. 398
- Фадеева Л.А. 156
Федоров В.А. 373
Федосеев К.А. 59
Федосов И.А. 159, 351, 352, 355, 357,
358, 360–364, 367, 369–371, 373–378
Фи Луань 381
Филатов С. 100, 102, 103, 106, 218
Филиппов 35, 413
Фомин А.Я. 27
Фомин А. 131
Фомин С.Я. 27, 28, 42
Фомин Я.М. 26, 27
Фомина (в дев. Антонова) Е.А. 26, 27
Фомина З.Я. 42
Фомина К.Я. 27
Фомина Л.Я. 28, 42
Фомина М.Я. 27
Фомины 41
Фридлянд Г.С. 168
- Хайцман В.М. 149, 154
Харамандарян С.В. 144
Хачатуров А.А. 407
Хейфец М.И. 193, 194, 353, 391, 395,
397
Хохлов Е.С. 116, 120
Хохлов И.С. 116, 117, 120
- Хохлов П.С. 120
Хохлова Евд.С. 119
Хохлова Ек.С. 120
Хохлова Л.С. 120
Хохловы 116, 119
- Цзянь Бо-цзянь 61, 322, 324–326, 328,
330, 332–334, 336, 341, 345, 423
- Ч**
Чан Кайши 325, 338
Черепнин Л.В. 367, 369
Черменский Е.Д. 305, 358, 360
Черников В. 225, 228, 229, 235–237,
243, 246, 248–250, 253, 261, 275
Чернова А.Х. 394
Черноморский М.Н. 368
Чесноков И.Ф. 147, 148, 200
Чжан Гуандан 331, 336
Чжан Си Кун 179
Чжан Чжэн Чжин 336, 340, 341
Чибилов 380
Чистякова Е.И., см. Дружинина Е.И.
Чмыга (в дев. Шарапова) А.Ф. 50, 62,
364–366
Чуманников Л. 115
- Ш**
Шабалина А.И. 398
Шайман Л. 127
Шамшиков А.А. 394
Шамшикова Е.А. 175, 185, 189, 190,
290, 393
Шапино Л.Г. 157
Шарапова А.Ф., см. Чмыга А.Ф.
Шариков И.С. 137–139, 141, 145, 154
Шепунова Т.М. 163
Шестаков С.В. 395–397
Шонин И.А. 393, 395
Шумков В.И. 335
- Щ**
Щекин-Кротов 131
- Э**
Эйсымонт В.С. 383
- Ю**
Юльметова С.Ф. 295
Юрьев М.Ф. 318
Юшков С.В. 167
- Я**
Якименко Д.Н. 187, 188, 396
Ярков А.П. 43, 100
Яркова (в дев. Африканова) Н. 43

Содержание

Серафима Ивановна Антонова и ее воспоминания (<i>В.П. Богданов, Ю.А. Мошков, Е.О. Ягодкина</i>)	5
<i>Перечень кассет с указанием названий, данных при записи</i>	18
К читателю	21
Происхождение	23
Папа	34
Никитское и семья матери	42
Мама	49
Семья	63
Начало пути	69
Школьные годы и комсомол	71
Ликбез	107
Годы учебы	125
Рабфак	125
Преподаватели	125
Деятельность на рабфаке	128
Дело польского отделения	132
Московский университет	136
Курс	137
Преподаватели университета	160
Война	185
Первые месяцы войны	185
22–23 июня	185
Луга	190
Госпиталь. Ремесленное училище. 16 октября на работе ...	202
Секретное задание	203

16 октября. Факультет. Приглашение на спецзадание	203
Спецзадание. Первые месяцы	209
Трехгорка и нелегальная квартира	210
Авиационный завод	218
Год в дивизии	221
На фронт	221
На запад	225
Политотдел	228
Дивизия	232
Лето-осень 1943-го. В лесу на границе Смоленской и Могилевской областей	235
Сентябрь 1943-го. Станция Красная	238
Зима 1944-го. Под Витебском	240
Март 1944-го. Под Витебском	242
Март 1944-го. В Москву	244
1 мая 1944-го. Курение	246
Июнь 1944-го. Отдых под Кричевом. Лекции в полках. Госпиталь	249
Лето 1944-го. Беседа о мирных немцах на подходе к Германии	251
Фронт. На Минск	252
4 июля 1944-го. Минск. Травма и госпиталь	255
Госпитали	262
Август 1944-го. Санитарный поезд Минск—Смоленск	262
Смоленск	265
Москва	267
Нонна Пивовар	268
Самодетельность и помощь жителей	273
Конец госпиталя. Комиссия, снятие с военного учета	274
Послевоенная судьба товарищей по дивизии	274
Послевоенное десятилетие	277
Поступление в аспирантуру	277
Поездка к морю	281
Послевоенное восстановление страны	282
Кандидатские минимумы	293
Начало работы на факультете	307
Дело Кара-Мурзы и Найденова	312
Китай	321
Начало работы	321
Цзянь Бо-цзань	324
Прогулка по Пекинскому университету	328

Занятия	331
Китайцы в Москве	332
Второй год в Китае. Командировка	336
Нанкин	336
Ханчжоу	339
Сучжоу	340
Шанхай	344
Работа после Китая	347
Неприятности на факультете	347
Кафедра источниковедения	366
Смена декана	374
Работа с иностранцами	379
Комната боевой славы	387
Списки погибших	388
Работа в Комнате боевой славы	399
Антонова Серафима Ивановна. Автобиография	413
Список основных трудов С.И. Антоновой	429
Именной указатель	431

- Антонова С.И.**
А 72 Воспоминания советского человека / С.И. Антонова; предисл. В.П. Богданова, Ю.А. Мошкова, Е.О. Ягодкиной. — М.: Издательство «Весь Мир», 2014. — 440 с. + илл.

ISBN 978-5-7777-0572-3

Серафима Ивановна Антонова (11.8.1909 — 29.1.2007) — историк русского пролетариата, источниковед, много лет проработавшая на историческом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова, ветеран Великой Отечественной войны, создатель Комнаты боевой и трудовой славы исторического факультета. Прожив долгую жизнь, являясь участником ключевых событий отечественной истории XX в., она оставила подробные воспоминания, в которых отразились взгляды и судьбы целого поколения советских людей, сформировавшиеся вместе со становлением советского строя, со всеми его надеждами, крупными свершениями и глубокими противоречиями. Особое место в книге уделено поисковой работе С.И. Антоновой, связанной с увековечением памяти друзей и коллег — участников Великой Отечественной войны.

Книга издана в преддверии 80-летия исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Издание адресовано исследователям советского общества, Великой Отечественной войны, Московского университета, а также может быть интересно всем любителям отечественной истории конца XIX — начала XXI в.

**УДК (470)“19/...”
ББК 53.3(2)6**

*На первой странице переплета:
На Красной площади с подругами,
коллегами и племянником Валентином (примерно 1953–1954 гг.)
На четвертой странице переплета:
Шуваловский корпус — здание, в котором с 2008 г.
находится исторический факультет МГУ
Иллюстрации из семейного архива С.И. Антоновой*

Серафима Ивановна Антонова

Воспоминания советского человека

Редакторы: *А. Корепанова, А. Крутолапов, А. Рысляева*

Художник: *В.Ю. Яковлев*

Верстка: *Е.А. Поташевской*

Корректор: *Н.В. Филиппова*

Подписано в печать 08.04.2014

Формат 60 x 90 ¹/₁₆ Печ. л. 27,5. Тираж 400 экз.

Заказ №

ООО Издательство «Весь Мир»

Адрес: 125009, Москва,

ул. Моховая, д. 11, стр. 3в

Тел./факс: (495) 276-02-92

E-mail: info@vesmirbooks.ru

<http://www.vesmirbooks.ru>

Отпечатано в Филиале ОАО «ТАТМЕДИА» ПИК «Идел-Пресс»

в полном соответствии с качеством предоставленных материалов

420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2

ISBN 978-5-7777-0572-3

9 785777 705723

Серафима Ивановна Антонова (11.08.1909 – 29.01.2007) – историк русского пролетариата, источниковед, много лет проработавшая на историческом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова, ветеран Великой Отечественной войны, создатель Комнаты боевой и трудовой славы исторического факультета. Прожив долгую жизнь, являясь участником ключевых событий отечественной истории XX века, она оставила подробные воспоминания, в которых отразились взгляды и судьбы целого поколения советских людей, сформировавшиеся вместе со становлением советского строя, со всеми его надеждами, крупными свершениями и глубокими противоречиями. Особое место в книге уделено поисковой работе С.А. Антоновой, связанной с увековечением памяти друзей и коллег – участников Великой Отечественной войны.